

ДЕВУШКА У ОБРЫВА

ВЛАДИМ
ШЕФНЕР

ДЕВУШКА У ОБРЫВА

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМ
ШЕФНЕР

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМ
ШЕФНЕР

ДЕВУШКА У ОБРЫВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО Terra Fantastica
Москва Санкт-Петербург
2002

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Ш53

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник В.Н. Ненов

Подписано в печать 23.04.02 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 33,60. Тираж 7000 экз. Заказ № 878.

Шефнер В.С.

Ш53 Девушка у обрыва: Сб. фантаст. повестей / В.С. Шефнер. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. — 631, [9] с. — (Классика отечественной фантастики).

ISBN 5-17-012900-9 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7921-0533-2 (TF)

Вадим Сергеевич Шефнер (1915 — 2002) — поэт, прозаик, лауреат отечественных литературных премий, буквально — «ровесник века» российской литературы ушедшего столетия.

В жанре фантастики Шефнер дебютировал относительно поздно, в 1960-е годы, однако уже с самых первых своих произведений сформировал уникальный стиль, ставший впоследствии своеобразной «фирменной маркой» его творчества — фантастики по-доброму иронической и мягко-пародийной, веселой — и мудрой, реалистичной — и поэтической. Фантастики решительно ненаучной — и (возможно, поэтому?) до сих пор сохранившей свое обаяние...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© В. Шефнер, наследники, 2002
© А. Столяров, послесловие, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002
® TERRA FANTASTICA

**ЧЕЛОВЕК С ПЯТЬЮ «НЕ»,
или
ИСПОВЕДЬ ПРОСТОДУШНОГО**

1. Введение

Наберусь литературной смелости и расскажу вам, уважаемые читатели, правдивую историю своей жизни. Некоторым фактам моей биографии вы вправе не поверить, потому что даже в наш век космонавтики, электроники и психотерапии они граничат с чудесами. Но это уж ваше дело, верить или не верить мне, а мое дело — без прикрас и без утайки поведать вам, что происходило со мной.

Я буду описывать все, как было на самом деле, и только не стану упоминать фамилий действующих лиц, чтобы одни из них не возгордились, а другие — не обиделись. О своей настоящей фамилии я тоже умолчу. Дело в том, что сейчас я пользуюсь уважением начальства и товарищей по работе и боюсь, что недавно наладившаяся жизнь может пошатнуться, если окружающие узнают, что это именно я пережил такие приключения. А некоторым населенным пунктам, с коими связаны мои воспоминания, я буду давать условные названия, чтобы их жители не возымели ко мне претензий.

Имени же своего скрывать я не стану. Имя мое — Стефан, что в переводе с древнегреческого языка означает «Венок» (или «Увенчанный венком»). Но Стефан я только в паспорте, а в быту меня все зовут Степаном Петровичем.

2. Домашняя обстановка

А Стефаном (то есть Венком) меня называли для моего будущего утешения. Дело в том, что мой старший брат родился в мирном 1913 году и за свой здоровый внешний

вид, а также за громкий голос был по инициативе отца окрещен Виктором, что значит «Победитель». Родители считали, что Виктор далеко пойдет и станет известным ученым, в чем они нисколько не ошиблись. Я же родился в разгар первой мировой войны, да еще в високосном 1916 году, а все это ничего хорошего не предвещало. Родители мои сразу догадались, что толку от меня не будет. У отца для меня было припасено имя Леонид, что значит «Подобный льву», но никакого, ни морального, ни физического, сходства со львом у меня при рождении не обнаружилось. Я только все время хворал, пищал, и вообще было неизвестно, выживу я или нет. Поэтому отец постановил окрестить меня Стефаном. Так и было сделано, причем попу пришлось дать взятку за букву «ф», ибо Стефан — имя иностранное. Отец, проявляя заботу обо мне, рассуждал так: если младший сын умрет в младенчестве, то все-таки не простым человеком, а уже Увенчанным венком. Если же я выживу, то в дальнейшем это имя будет утешать меня в жизненных водоворотах и неудобствах. Пусть даже я стану бродягой и гопником и даже сопьюсь, но все-таки при всем этом я буду Увенчанным, и этого никто от меня не отнимет. И даже при моих похоронах не потребуются лишних расходов на венки, ибо я сам и есть Венок.

Вы можете поинтересоваться, почему это так получается: шла первая мировая, все мужчины были мобилизованы, а мой отец находился в тылу и занимался придумыванием имени для сына? Но дело в том, что хоть отец мой Петр Прохорович физически и умственно был всецело здоров, но от рождения на правой руке у него не хватало одного пальца, поэтому его и не взяли на военную службу.

Этот маленький недостаток не мешал отцу быстро щелкать на счетах и точно выдавать деньги. Он был счетоводом-кассиром и работал на разных мелких частных предприятиях — крупных в нашем городке и не было. Кстати, нашему городку я дам такое условное наименование: Рожденьевск-Прощалинск. В знак того, что в этом городке я родился и в нем же надеюсь проститься с жизнью.

После революции отец остался при своей специальности, только теперь он служил на государственных пред-

приятнях и имел дело не с царскими денежными знаками, а с советскими. На моей памяти он работал в бухгалтерии гардинной фабрики, потом на спиртозаводе, потом некоторое время был безработным, а затем устроился на мукомольный комбинат. Увы, он нигде не мог долго удержаться, хотя спиртного не пил, дело свое знал отлично и в работе был безукоризненно честен.

Его беда заключалась вот в чем: он любил рассказывать о том, чего не было и быть не могло, и очень сердился на тех, кто выражал ему недоверие. Рассказывал он главным образом охотничьи истории, в которых он якобы играл главную роль, а ведь все в Рожденьевске-Прощалинске знали, что он никогда и ружья в руках не держал, тем более что на правой руке его отсутствовал именно тот палец, которым спускают курок. Отец очень угнетал сослуживцев своими историями, а всех сомневающихся считал личными врагами, переставал разговаривать с ними, выискивал в их работе недостатки и даже жаловался на них начальству. Поэтому в тех бухгалтериях, куда он устраивался, вскоре возникала многосторонняя склока, эпицентром которой был он сам, и в конце концов от его услуг отказывались. Но на прощанье ему всегда давали отличную характеристику, так как, повторяю, работником он был хорошим.

Дома отец тоже любил рассказывать свои охотничьи вымыслы. Мать, всецело находясь под его влиянием, никогда не делала ему критических замечаний, а брат мой Виктор всегда тактично поддакивал отцу и с вежливым видом расспрашивал, что же случилось дальше. Поэтому отец, а глядя на него и мать души в Викторе не чаяли. Ко мне же отец откосился с холодком. Он был на меня в обиде за то, что я не подавал никаких надежд, и еще за то, что я очень любил правду.

Помню, когда я выучился читать, то однажды нашел на чердаке дореволюционную «Ниву» и притащил ее в комнату. Меня заинтересовал крупный, во всю страницу, рисунок, где была изображена снежная поляна и лежащий на ней убитый медведь. Возле зверя стояло несколько важных господ в роскошной охотничьей одежде, а один из охотников стоял спиной к зрителям и, как можно было

догадаться, рассматривал медвежью шкуру, проверяя ее качество. Под картинкой была подпись: «Его Высочество Великий князь Николай Николаевич со своей свитой на медвежьей охоте».

— Папа, почему это все дяденьки стоят лицом сюда, а один стоит задом? — спросил я отца.

Отец взгляделся в рисунок и тихо сказал:

— Мое счастье, что художник так изобразил охотника. Если б он нарисовал его лицо, то по лицу бы узнали, кто он, и арестовали бы за связь с царским домом. Знай: этот человек — я. Это я и убил этого медведя.

— Папа, ты сам убил медведя? — удивился я.

— Да, я сам. Помню, помню этот случай. Сам великий князь пригласил меня на эту охоту, и я убил зверя. Но медведя приписали князю, а меня вызвали в Зимний дворец, выбрали в президиум и премировали отрезом на пальто.

— Папа, а страшно охотиться на медведей? — спросил я.

— Нет, я нисколько не боялся. У меня свой метод был. Я ждал, когда выпадет глубокий снег, и затем на лыжах шел к берлогу. Я смело просовывал лыжную палку в берлогу и будил медведя. Тот, ничего спросонок не соображая, выходил — и тут на него кидалась моя собака, чтобы отвлечь зверя от меня. А я в это время стрелял. Один меткий выстрел — и зверь падает, сраженный пулей отважного охотника.

— Папа, а собака-то как шла по глубокому снегу? Ты — на лыжах, а собака?..

— Для собаки я тоже сделал лыжи. Она на них очень даже резво ходила.

— А сколько лыж надо для собаки: две или четыре?

— Две, — ответил отец. — Двух вполне достаточно.

Насчет приглашения к царскому двору и насчет медведя я не сомневался, но собака на лыжах меня насторожила, и то не сразу, а дня через два, когда я вплотную задумался над этой проблемой. Червь сомнения закрался в мое детское сознание, и, чтобы убить этого червя, я решил проделать опыт над нашим домашним псом Шариком: я попытался привязать к его лапам свои лыжи. Но Шарик,

который никогда ни на кого не лаял и был очень добрым, на этот раз обозлился и даже укусил меня. А когда я сообщил об этом отцу, тот рассердился на меня.

— Нытик и малонер! — воскликнул он. — Как ты смеешь не верить мне! Сегодня будешь без сладкого!

В другой раз отец рассказал, как он охотился на рысей — тоже своим способом. Рысь, как известно, всегда кидается на шею. Отец наматывал на шею полотенце, а поверх него — мелкую рыболовную сеть. Вместо ружья он брал наган. Он шел в лес и становился под деревом. Рысь, видя безоружного человека — легкую добычу, прыгала на него. Когти ее вязли в сети. Отец вынимал из кармана наган и приставлял его к виску разъяренного зверя. Выстрел — и рыси нет.

А для охоты на волков у него тоже был свой метод. Узнав, что где-то появилась волчья стая, отец отправлялся туда с ружьем и лестницей-стремянкой. Разыскав стаю, он выманивал ее из леса. Стая бежала за ним, надеясь растерзать его и съесть, а он выбегал в поле, моментально раздвигал стремянку и становился на верхнюю ступеньку. Волки толпились внизу и пытались добраться по лестнице до него, и он бил их поочередно, пока не гибла вся стая, скошенная губительным свинцом.

Каждую такую историю я сперва принимал на веру, а дня через два-три начинал сомневаться. А еще через несколько дней я догадывался, что это неправда. Тогда я объявлял об этом отцу, а он сердился. А мать сердилась на меня за то, что я сержу отца. Она всегда ставила мне в пример Виктора, который никогда не перечит родителям.

Вообще все надежды возлагались на Виктора, а обо мне отец однажды выразился, что я — ЧЕЛОВЕК С ПЯТЬЮ «НЕ». И далее он взял листок бумаги и письменно пояснил, что я

не { уклужий
сообразительный
выдающийся
везучий
красивый.

Самое печальное, что все эти пять «не» действительно относились ко мне, и я понимал, что больших успехов и достижений в жизни у меня не предвидится. Я не собирался в будущем стать ученым, как Виктор, и не строил больших планов. Я старался получше учиться, чтобы хоть в этом деле не огорчать своих родителей, и это мне, в общем, удавалось. Несмотря на все мои отрицательные данные, память у меня была хорошая.

Хорошая память — это, пожалуй, единственное, что роднило меня с Виктором, с его положительными качествами. Он тоже запоминал все быстро. Так, чтобы скорее приблизиться к карьере ученого, он брал в городской библиотеке научные книги и запоминал оттуда серьезные слова. Этими словами он нередко объяснялся в домашнем быту, что облегчало его жизнь и радовало родителей.

Например, когда мать говорила нам: «Ребята, наколите-ка дровец!», Виктор отвечал так: «Полигамный антропоморфизм и эпидемический геоцентризм на уровне сегодняшнего дня порождают во мне термодинамический демонизм и электростатический дуализм, что создает невозможность колки дров».

Отец и мать горделиво переглядывались, радуясь научной подкованности Виктора, и посылали колоть дрова одного меня. Я же хозяйственные работы выполнял старательно, чтобы хоть чем-нибудь искупить свои пять «не».

А между тем печальная весть о том, что я человек с пятью «не», давно распространилась по Рожденьевску-Прощалинску: несмотря на все свои достоинства, Виктор не умел держать язык за зубами. Соседи поглядывали на меня с сожалением, а в школе некоторые ребята прямо-таки раздражали меня этими пятью «не», и иногда я был вынужден вступать в драку. Девчонки тоже вели себя ехидно и подстраивали мне всякие каверзы. Так, например, соседка по парте Тося однажды позвала меня на первое свидание в городской сад под четвертую липу справа от входа. Но когда я пришел в точно назначенное время, Тоси на месте не оказалось. Зато прятавшийся на дереве ее младший брат, с которым у нее была договоренность, облил мне сверху голову смесью разведенного клея и чернил, исполь-

зовав для этого резиновую медицинскую клизму. Когда же я схватился за голову, из-за беседки выбежали чуть ли не все мальчишки и девчонки нашего класса и коллективно смеялись надо мной.

Дома мне тоже было иногда несладко, в особенности в те дни, когда я проявлял недоверие к рассказам отца. Но дома, как говорится, и стены помогают. У меня же были в полном смысле слова помогающие стены.

Дело в том, что обоев в те годы в продаже не имелось, и когда старые, дореволюционные обои у нас совсем выгорели и пообшарпались, отец достал где-то много рулонов реклам, оставшихся от царского режима. Ими мы и оклеили комнаты. На нашу с Виктором комнату ушло немало таких неразрезанных рулонов, на каждом из которых было по шестнадцать рекламных объявлений. На каждом таком объявлении была изображена очень красивая девушка с нежной улыбкой, обращенной к зрителям, то есть, значит, и ко мне лично. Одной рукой красавица поправляла распущенные по плечам белокурые волосы, а в другой руке держала флакон. Под картинкой было напечатано крупными золотыми буквами: «ЛЮБИ МЕНЯ!»

Ниже мелким шрифтом шел рекламный текст:

«Всем одеколонам дамы и барышни
предпочитают одеколон

“Люби меня!”

Нежный и стойкий аромат,
напоминающий запах цветущего луга,
изящная упаковка, доступная цена
делают наш одеколон незаменимым.

Требу́йте в е з д е только одеколон

“Люби меня!”

фирмы поставщика Двора Е. И. В.

“Б л а н ш а р и С - в ъ я”».

На текст я особого внимания не обращал, но часто любовался этой девушкой, и на сердце у меня становилось легче и веселей. Она глядела на меня со всех четырех стен комнаты. Каждый ее портрет был размером с те объявления,

которые нынче расклеивают в трамваях, и я подсчитал, что всего в комнате имелось 848 ее изображений. Глядя на «Люби меня!», я размышлял, есть ли в жизни такие красавицы и если есть, то за кого они выходят замуж. За такую я бы с радостью бросился в огонь или в воду — по ее личному выбору.

3. Дальнейшие события

В те годы в школах было девять классов. Виктор окончил восемь, а девятого решил не кончать, чтобы скорее погрузиться в науку. Родители целиком одобрили эту мысль и снарядили его в Ленинград, снабдив одеждой и отдав ему все наличные деньги. Вскоре от Виктора пришло письмо. Оно было такой формы и содержания:

ЗАЯВА

Гражданину Петру Прохоровичу
Гражданке Марии Владимировне

Настоящим заявляю и удостоверяю свое почтение почтенным родителям и имею намерение сообщить, что благополучно намерен поступить старшим лаборантом-энергетиком в Научный Институт Физиологии и Филологии, где намерен круто продвигаться по научной лестнице и где с моим участием будет крупно протекать и провертываться научная работа.

Во второй части своей заявки хочу заявить, что гибридизация и синхронизация в условиях урбанизации и полимеризации требуют аморализации и мелиорации, в связи с чем прошу срочно откликнуться переводом в 50 (пятьдесят) рублей на 86-е почт. отд. до востреб.

Ваш одаренный сын В и к т о р

Родители мои с трудом достали требующуюся сумму и послали Виктору. В целом же письмо их обрадовало. Мать охотно читала его соседям, и те хвалили моего брата за ученость, а на меня поглядывали с укором и сожалением.

Вскоре пришла еще одна заявка, а потом еще и еще. С деньгами дома стало совсем плохо. Чтобы избавиться от

меня как от лишнего едока, а также чтобы хоть немного пополнить семейную кассу, родители нашли мне временную работу.

Но хоть на работу меня устроили временно, однако в глубине души я чувствовал, что теперь не скоро вернусь в родной дом. Уходя из своей комнаты, последний взгляд бросил я на одно из изображений очаровательной незнакомки, которая красовалась на стенах в количестве 848 экземпляров... «Люби меня!» — с грустью прочел я под ее изображением и подумал: «Такую, как ты, полюбит всякий, но кто полюбит меня, человека с пятью «не»?»... С этими мысленными словами я поклонился ей и со слезами на глазах вышел из комнаты.

Должен сознаться, что, покидая родителей, я не испытывал тогда должной грусти. Очень уж огорчали меня попреки матери и частая ложь отца. Но, оставляя своего лгущего отца, знал ли я, что окунусь в такие события, правдиво повествуя о которых рискую прослыть еще большим лжецом!

4. Тетя Лампа

Рожденьевск-Прощалинск стоит на реке Уваге, а в восьми километрах ниже по течению этой реки находилась усадьба бывшего помещика Завадко-Боме. После революции помещик сбежал, и земля перешла к крестьянам, а большой барский дом, стоявший на живописном взгорье, поступил в ведение уездного ОНО. В дальнейшем там предполагалось устроить образцово-показательный музей-заповедник отошедшего в прошлое помещичьего быта. Но пока что у УОНО не было средств на экскурсоводов и на содержание музея, и это здание за скромную зарплату сторожила некая Олимпиада Бенедиктовна, женщина пожилых лет. В городке и окрестных деревнях она была известна под именем тети Лампы.

Эта тетя Лампа была женщина старорежимного склада и даже знала французский язык, но, несмотря на это, она не была какой-нибудь контрой. Наоборот, она до революции служила у Завадко-Боме семейной гувернанткой и

отчасти в чем-то пострадала от его помещичьего деспотизма, чем и объяснялись ее некоторые странности.

Мать привела меня к тете Лампе в летний день. Они договорились, что я буду помогать тете Лампе по хозяйству, взамен чего мне полагается питание и еще десять рублей в месяц, которые будет получать на руки моя мать без моего постороннего вмешательства. Заключив этот устный договор, мать ушла, пожелав мне на прощанье вести себя прилично и как можно меньше проявлять свои пять «не».

— Явления имеешь? — по-деловому спросила меня тетя Лампа, когда моя мать скрылась за воротами.

— Какие явления? — удивился я.

— Какие! Самые обыкновенные! — пояснила тетя Лампа. — Вот ты идешь, скажем, а тебе навстречу какой-нибудь там святой идет, или змий, или мало ли кто.

— Нет, явлений не имею, — честно признался я. — А это плохо?

— Плохо. Мне бы с явлениями надо помощника, чтобы вдвоем смотреть и делиться впечатлениями... Ну, может быть, еще научишься.

Но смотреть явления я так и не научился. Зато тетя Лампа видела их чуть ли не каждый день. С некоторыми явлениями она даже беседовала по-французски — для практики, чтоб не позабыть этот иностранный язык. Первое время мне было немножко не по себе, когда она начинала вдруг разговаривать неизвестно с кем, глядя через мою голову, но потом я привык к такому свойству ее характера.

Вообще же тетя Лампа была добрая. Она никогда меня не бранила, а по воскресеньям давала 20 коп. на кино (сверх тех денег, что вручала моей матери), и я на попутной подводе ехал в Рожденьевск-Прощалинск и там смотрел картины с Мери Пикфорд, Гарри Пилем и Монти Бэнксом. Сама тетя Лампа в кино не ходила, так как явления вполне заменяли ей любое кино.

Работой она меня не перегружала. В мои обязанности входило помогать ей кормить кур, разнимать петухов, следить, чтобы кошки не воровали цыплят, чтоб собаки не обижали кошек, и вообще поддерживать мирное равновесие между курами, кошками и собаками.

Дело в том, что тетя Лампа очень любила животных, а точнее — собак и кошек. Она собирала их со всей округи, обеспечивала трехразовым питанием и предоставляла им кров — благо жилплощади в бывшем барском доме хватало. Своих подопечных она звала не по кличкам, а давала им звучные имена и от меня требовала, чтобы я каждую кошку и собаку звал полным именем. Помню, были у нее собаки Мелодия, Прелюдия, Рhapsодия, Элегия, Мечта; был пес Алмаз и пес Топаз, пес Аккорд и пес Рекорд. Сейчас такие красивые наименования дают радиодамам и телевизорам, но в те годы никакой радиотехники не было, так что тетя Лампа спокойно присваивала их собакам.

У кошек тоже были художественные имена: Маргарита, Жозефина, Клеопатра, Магдалина, Демимонденка, Меланхолия. Не были обижены и коты. Был кот Валентин и кот Константин, кот Адвокат и кот Прокурор, кот Фармазон и кот Демисезон. Всех собачьих и кошачьих имен я не запомнил, так как собак у тети Лампы имелось девятнадцать персон (это ее выражение), а кошачье поголовье перевалило за сорок единиц.

Вы, наверно, уже заинтересовались: а как же тетя Лампа, эта бедная одинокая женщина, содержала столько животных? На какие такие шиши? Но я уже упоминал, что у нее было много кур. Под курятник она отвела бывший барский каретный сарай, а корм покупала у окрестных крестьян. Кур и яйца она продавала в Рожденьевске-Прощалинске и на получаемые деньги вполне могла содержать собак и кошек. Налога с ее куроводческой фермы не брали, так как тетя Лампа считалась инвалидом умственного труда, пострадавшим от помещичьего гнета.

Жизнь моя у тети Лампы текла спокойно, я потолстел и окреп. Конфликты, иногда возникавшие между собаками и кошками, я улаживал мирным путем, никогда не прибегая к побоям и даже не повышая голоса. Я вообще уважаю всяких животных, и они, как правило, относятся ко мне хорошо.

У всех собак и кошек были разные характеры и свои достоинства и недочеты. Среди собачьего персонала особенно выделялся маленький пес Абракадабр из породы

крысоловов. Это был добросовестный и творчески растущий пес. Все коты обленились от хорошего питания, а Абракадабр ежедневно обходил комнаты барского дома, вынюхивая, нет ли крыс. Этот обход он делал в порядке профилактики, не надеясь на реальную добычу, так как крысы давно ушли из-за обилия кошек. Кроме того, Абракадабр считал, что он должен добывать себе еду с риском, чтоб не утратить охотничьей инициативы. Поэтому иногда он воровал мясо у кошек, а иногда похищал пищу, готовящуюся для собак, с топящейся плиты, когда тетя Лампа выходила из кухни. Перед тем как взобраться на горячую плиту, он шел на берег реки, на глинистый откос, и там погружал лапы в мокрую глину, чтобы она облепила их. Потом он ложился на спину лапами вверх, чтобы глина подсохла. Таким образом у него получались огнеупорные сапожки. В них он забирался на плиту, быстро отодвигал крышку кастрюли, ловко вылавливал кусок мяса, а затем задвигал крышку на место, будто так и было. Я описываю этого небольшого пса Абракадабра так подробно потому, что он послужил как бы детонатором к взрыву дальнейших событий.

Мирное течение моей летней жизни нарушилось только одним происшествием.

Однажды, когда тети Лампы не было дома, во двор бывшей барской усадьбы пришла цыганка.

— Мальчик, как тебя зовут? — спросила она, и я назвал свое имя.

— Значит, тебя, Степочка, мне и надо, — обрадовалась цыганка. — Я сейчас встретила твою хозяйку, и она сказала мне: «Приди к мальчику Степочке и скажи, чтобы он дал тебе двух кур: одну черненькую, другую рябенькую. Это я тебе дарю за хорошее гаданье».

Цыганки этой я прежде и в глаза не видел, но сразу же поверил ей. Ведь тетя Лампа не просто подарила ей двух кур, а указала конкретно, каких именно: одну рябенькую, а другую черненькую. Поэтому я помог цыганке поймать кур, и она положила их в свой мешок.

Затем цыганка сказала:

— А теперь я тебе погадаю, и совершенно бесплатно. Предъяви мне левую руку.

Тут она предсказала мне вот что:

— Линии говорят о том, что ты очень доверчив, и уже не раз страдал от этого, и даже сегодня, быть может, пострадаешь. А в будущем тебя на этой почве ждут еще более крупные неприятности, вплоть до казенного дома. Но в конечном итоге эта самая доверчивость сослужит тебе добрую службу. В тот день, когда ты поверишь в то, во что ни один нормальный человек не поверит, и совершишь свой самый дурацкий поступок, — именно в этот день и окончатся твои неудачи и ты найдешь счастье с бубновой дамой.

Сделав это заявление, цыганка исчезла, будто ее и не было, и мне даже показалось, что это сон. Но, с другой стороны, это был не сон, потому что двух кур все-таки не хватало.

Когда вернулась тетя Лампа и я ей сообщил, что ее приказание об отдаче кур выполнено полностью, она рассердилась и сказала, что я поддался на обман, как слабоумный. В первый раз за все мое пребывание у нее она велела мне стать в угол, стоять там час и думать о том, что люди бывают хитры и коварны. Я же, стоя в углу, размышлял о том, что цыганка хоть и обманула меня с курами, но в основном она была права: я проявил доверчивость и влип на этом деле в неприятность, — ведь это самое она и предсказала. Еще я думал о том, что раз сбылась ее сводка на текущий день, то, возможно, сбудутся и долгосрочные ее прогнозы.

Из этих мыслей меня вывела тетя Лампа. Она увидела виденье и стала объясняться с ним по-французски. Затем она сказала мне:

— Какая жалость, что ты не способен иметь явленья! Сейчас мне явилась лошадь на шести ногах, на шее у нее висела связка бубликов, а в седле сидел ангел. Давно не смотрела я таких интересных явлений!

На радостях тетя Лампа досрочно выпустила меня из угла, я там и четверти часа не простоял.

Когда настала зима, родители не взяли меня домой, а велели продолжать работать у тети Лампы и перевели

меня из городской школы в сельскую. Возвращаясь из школы, я приступал к своим обязанностям — носил еду курам, помогал кормить собак и кошек, а в свободное время в сопровождении пса Абракадабра бродил по холодным комнатам огромного барского дома и рассматривал портреты, висевшие на стенах. Там было много красавиц, но ни одна не могла сравниться с «Люби меня!», которой были украшены стены моей комнаты в родном доме. А иногда я глядел в большие зеркала, стоявшие в простенках, и, видя в них свое невзрачное отражение, с печалью думал, что меня, человека с пятью «не», не полюбит ни одна девочка, а когда я подрасту, то меня не полюбит ни одна девушка, а когда я стану взрослым, то меня не полюбит ни одна женщина. И когда я помру, то, если есть ад и я буду в нем гореть, меня не полюбит ни одна чертовка, а если есть рай и меня туда вселят, меня не полюбит ни одна ангельша.

Но вот настала весна.

В одно воскресное утро я проснулся от шума, доносившегося с реки. Это начался ледоход. Наскоро поев, я спустился под изволок и стал смотреть на плывущие льдины.

Вдруг со стороны усадьбы послышался сердитый кошачий визг и собачий лай. Овернувшись, я увидел, что пес Абракадабр бежит к реке с куском мяса во рту, а за ним гонятся собаки Прелюдия, Элегия, Мелодия и пес Аккорд, а также коты Тореадор, Купидон и Прокурор, а сзади бегут еще две кошки — Жозефина и Меланхолия. Я понял, что дело плохо, если против Абракадабра объединились и кошки, и собаки.

Но я не успел ничего предпринять для примирения. Абракадабр в ужасе прыгнул с берега на плывущую льдину, с нее — на другую, с другой — на третью. Собаки же и кошки успокоились и побежали домой.

Видя, что пса уносит на льдине вниз по течению, я понял, что он погибнет, если я по-товарищески не приду на помощь. Тогда я поспешил к нему, прыгая со льдины на льдину. В одном месте я прыгнул неточно и выкупался в ледяной воде, но сумел вскарабкаться на следующую льдину и вскоре очутился рядом с Абракадабром, который все

еще держал в зубах кусок мяса. Только когда я взял пса на руки, он выронил мясо на лед и стал жалобно выть.

Оглядевшись, я увидел, что барская усадьба скрылась за поворотом реки. Кругом были одни льдины, и нас уносило неизвестно куда.

5. Дальнейшие события

Нас с Абракадабром сняли с льдины только вечером, когда мы проплывали мимо большого села, которое я условно назову Спасительско-Больничное. В пути я так продрог и простыл, что почти ничего не соображал. Спасшим меня людям я успел сообщить адрес тети Лампы и свой домашний, а затем впал в беспамятство, и меня положили в местную больницу. Когда недели через две я очнулся, сиделка мне рассказала, что, пока я лежал без сознания, пес Абракадабр все время находился возле меня. Приехавшая тетя Лампа увезла его силой.

Еще выяснилось, что за это же время меня навестил отец. Он рассказал больным несколько охотничьих историй, после чего у них повысилась температура, так что врачи попросили его сократить срок своего посещения. Уехал он в большой обиде.

Выслушав эти новости, я снова впал в бессознательное состояние, и продолжалось оно два месяца. А короче говоря, я проболел всю весну, лето и всю зиму и чудом остался в живых. Я думаю, что если бы я был болен какой-нибудь одной болезнью, то помер бы наверняка. Но у меня их было целых три: менингит, радикулит и двусторонний плеврит. Пока эти болезни спорили между собой, какая из них отправит меня на тот свет, я взял и незаметно выздоровел.

Когда настала весна, к главврачу приехал в отпуск его брат Андрей Андреевич. Он прибыл из Крыма, где заведовал смешанной детской колонией. Главврач же относился ко мне очень хорошо, и вот он посоветовал Андрею Андреевичу взять меня в Крым, чтобы там я мог окончательно прийти в себя и укрепить здоровье. Андрей Андреевич поговорил со мной, выслушал краткую историю моей жизни и предложил мне ехать с ним. Я с радостью согласился,

но честно предупредил его, что я человек с пятью «не». Однако он сказал, что там, в колонии, это не имеет значения, там есть ребята, у которых по пятьдесят «не», — и ничего, живут.

Вскоре вместе с Андреем Андреевичем я покинул Спасительско-Больничное и очутился в Крыму.

6. Вася-с-Марса

Детская колония помещалась в бывшем графском дворце на берегу моря, на окраине маленького городка, который я условно назову так: Васинск-Околоморск. Первое время я только загорал на пляже и купался, а когда настала осень, меня зачислили в школу при колонии. Временно меня поместили в класс для переростков, то есть для умственно отсталых. Но я туда попал только потому, что пропустил учебный год из-за болезни, и еще потому, что в классе был некомплект. Учились в нем самые разные ребята: были и моего возраста, а были и много старше — это те, которые долго беспризорничали. Жили мы дружно, меня никто не обижал и не корил моими пятью «не». Учился я старательно и даже стал первым учеником как по дисциплине, так и по успеваемости, за что меня ставили в пример другим.

Однажды в колонию привели парня моих лет. Он спустился откуда-то с окрестных гор в голодном состоянии и попал на базар. Там он подошел к торговке пирожками, взял с лотка пирожок и стал его есть бесплатно. Тогда все торговки хотели его бить, но в дело вмешался милиционер и отвел парня в детприемник, а оттуда его направили в колонию. Здесь его зачислили в наш класс как недоразвитого. Его посадили за парту рядом со мной и поручили мне взять над ним шефство и дополнительно проводить с ним занятия, так как он не знал русского языка, а говорил на языке, никому не понятном. Когда мы стали ударять сами себя в грудь и называть свои имена, он тоже ткнул себя в грудь и произнес что-то вроде Ваосаоууосо, и поэтому мы прозвали его Васей.

Вася оказался необыкновенно способным и уже через две недели свободно говорил по-русски. Так как обучал

его разговорной речи не только я, но и остальные ребята, а среди этих ребят было много недавних беспризорных и несколько бывших малолетних преступников, то попутно Вася освоил и блатной жаргон. Вместо слова «вокзал» он говорил «бан», вместо «дом» — «хавира», вместо «пиджак» — «клифт», и так далее. А еще недели через две он выучился читать и стал ежедневно прочитывать по несколько книг — все больше словари и энциклопедии. Замечу еще вот что: когда он выучился говорить и писать по-нашему, то сразу выяснилось, что математику, физику и химию он знает отлично. Вскоре он стал первым учеником, оставив меня на втором месте. Но я ничуть не завидовал ему, так как очень с ним сдружился. Вася оказался хорошим парнем, «своим в доску», как тогда говорилось.

Не знал Вася только географии, и все удивлялись, почему такой культурный ученик отстает в этом предмете. Однажды учитель географии принес на урок большой атлас и стал вызывать нас к кафедре. Каждый должен был показать место, где он родился. Я сразу же нашел свой Рожденьевск-Прощалинск, другие ребята тоже, хоть приблизительно и предположительно, но все-таки указали, откуда они родом. Но когда дошла очередь до моего друга Васи, он уставился в карту Советского Союза, помялся немного, а затем сказал, что он здесь не родился.

— Выходит, ты иностранец, — улыбнулся учитель и стал разворачивать перед ним страницы с Африкой, Австралией и Америкой. Но Вася все твердил, что он родился не здесь.

— Ты, видно, в такой далекой стране родился, что на нее карты не хватило, — снова пошутил учитель.

— Он с Луны свалился! — крикнул кто-то с парты.

— Он с Венеры слетел! — крикнул кто-то другой.

— Он с Марса скатился! — высказался кто-то третий.

Других предположений никто не высказывал, так как других небесных тел мы тогда и не знали. Это сейчас, благодаря научно-фантастической литературе, люди знают много всяких планет, созвездий и галактик.

Учитель, слыша эти голоса с мест, раскрыл страницу с картой звездного неба.

— Может, ты действительно где-нибудь на другой планете родился? — в шутку спросил он Васю.

Вася ткнул пальцем куда-то в звездное небо и сказал:

— Кажется, вот здесь.

Учитель одобрил остроумный ответ Васи, но все-таки поставил ему «неуд» и прикрепил к нему первого ученика по географии Колю Косого. Этот Коля долго был беспризорным и знал географию на практике, так как на крышах вагонов изъездил всю страну.

С этого дня моего друга стали звать Васей-с-Марса. Это было тем более уместно, что он стал в нашем классе четвертым Василием. Кроме него имелись: Вася-псих, Вася-фрайер и Вася-конь. Благодаря прозвищам ни одного Васю нельзя было спутать с другим. Мой друг нисколько не стеснялся своей клички и охотно отзывался на нее.

7. Дальнейшие события

Из колонии я несколько раз писал родителям, сообщал подробности своей новой жизни, но ответа все не было. Наконец пришло гневное письмо отца, в котором он негодовал, что я учусь в классе переростков, наряду с беспризорной шпаной, и что в то время, как мой талантливый брат Виктор подает надежды, я являюсь позором семьи. «Не смей возвращаться в родной дом, пока не изживешь свои “не”!» — так кончалось послание.

К своему письму отец приложил очередное письмо Виктора, чтобы я мог почувствовать, как низок мой моральный и умственный уровень по сравнению с братом.

ЗАЯВА

Многоуважаемые родители!

Настоящим заявляю вам и удостоверяю своей подписью, что мое будущее восхождение в научную сферу продолжается с глубоким успехом. Во вверенном мне Институте Терминологии и Эквилибристики будет в широких масштабах концентрироваться и консервироваться обширная научная мысль, в результате чего кривая моего авторитета будет непоколебимо двигаться вверх.

Также сообщаю вам иштимно и консультативно, что эрозия гранулированных интегралов и пастеризация консолидированных метаморфоз вызвали во мне высокомолекулярный атавизм и асинхронный сепаратизм, что может привести к адюльтерному анабиозу и даже к инвариантному эпителиальному амфибрахию, во избежание чего прошу вас срочно прислать мне 15 (пятнадцать) рублей на 24-е почт. отд. до востреб.

Ваш многообещающий сын В и к т о р

Строгость отца очень огорчила меня, и я ходил как в воду опущенный. Когда Вася-с-Марса спросил, что это со мной творится, я показал ему оба письма. К моему удивлению, мой друг никак не реагировал на отцовское послание, а о Викторе даже сказал одно неприличное слово. Я из-за этого чуть было не полез в драку, не потом догадался, что Вася просто оговорился, потому что он еще плохо знает земной язык.

Так как я очень затосковал, то мой друг сказал мне, что он покажет мне мой родной дом. С этой целью он повел меня в колониистскую баню, которая в тот день не топилась.

Мы вошли в пустую парилку, Вася-с-Марса взял таз и наполнил его холодной водой из-под крана. Затем он вынул из кармана куртки маленькую бутылочку, а из той бутылочки выкатил на ладонь голубую пилюльку с горошину величиной. Эту пилюльку он бросил в таз с холодной водой. Вода помутнела, потом стала похожей на ступень, а затем стала гладкой и блестящей, как металл.

— Думай о том, что хочешь увидеть, — приказал Вася.

И вдруг в тазу возникла моя комната, и в ней отец и мать. Отец стоял на стремянке, а мать подавала ему кусок обоев, намазанный клейстером. Мои родители заново оклеивали комнату, и 90 процентов из 848 изображений «Люби меня!» были уже погребены под дешевыми зелеными обоями. Остался только один узкий просвет, откуда на меня глядели еще не заклеенные портреты красавицы. Казалось, «Люби меня!» смотрела персонально на меня и просила не забывать ее. Но вот отец поднес к стене последний кусок обоев, провел по нему тряпкой, чтобы сгладить складки, — и все было кончено.

— Комната — как новенькая, — удовлетворенно сказал он матери, спускаясь со стремянки. — Теперь мы можем сдать ее жильцам, а деньги будем посылать нашему Виктору, нашей гордости. Пусть он смело двигается по научному пути!

Факт заклеивания обоями красавицы «Люби меня!» настолько огорчил меня, что Вася стал опасаться за мое здоровье.

— Кореш мой земной! — обратился он ко мне однажды. — Не могу ли я чем утешить тебя? Может, тебе надоело жить в колонии?

— Увы, — ответил я, — горе мое не поддается исправлению. А в колонии жить мне не так уж плохо, и ребята здесь хорошие. Единственно, что меня огорчает, так это то, что некоторые из них любят врать. Ведь ты и сам знаешь, что стоит вечером воспитателю уйти из спальни, как они начинают рассказывать такие приключения из своей жизни, что я краснею за них всем телом. Я с детства не выношу лжи.

— Попробую помочь тебе, — сказал Вася-с-Марса.

Как раз в то самое время у нас проводилась силами колонистов побелка потолков. Когда дошла очередь до нашей спальни и в ведре была разведена белая литопонная краска, Вася вынул из кармана маленькую плоскую коробочку, а из коробочки — конвертик с каким-то порошком. Он объяснил, что у них такой порошок примешивают к бумажной массе, но для чего — я так и не понял. Вася же этот порошок высыпал в ведро с краской.

Едва мы побелили потолок, как выяснилась интересная подробность: теперь, когда кто-нибудь, рассказывая о своих приключениях, начинал лгать, белый потолок нашей спальни моментально краснел. И чем сильнее была ложь, тем сильнее он краснел, вплоть до густо-пунцового цвета. Затем, когда рассказчик переходил к правде, потолок опять становился белым. Благодаря этому мероприятию ребята стали гораздо правдивее.

Что касается меня, то я ни разу не заставил краснеть потолок.

8. Отлет Васи

Однажды я заметил, что Вася-с-Марса, койка которого находилась рядом с моей, спрятал под матрас пайку сухарей, которую ему полагалось съесть за завтраком. На мой вопрос, зачем ему сухари, он ответил, что скоро собирается домой и поэтому делает заначку на дорогу. Ведь в пути ему понадобится пища.

Тогда и я стал откладывать для него утренние пайки, и вскоре у моего друга получился довольно солидный запас.

И вот как-то рано утром Вася тихонько разбудил меня и сообщил, что пора ему в отлет. Тогда я снял с подушки наволочку, в нее мы уложили сухари и бесшумно вылезли через окно в парк. Вскоре мы поднялись в горы, затем спустились в безлюдную долину, а потом опять взошли на гору, поросшую кустарником. Здесь Вася отыскал пещеру, совсем незаметную снаружи, и мы вошли в нее, раздвигая кусты.

В глубине пещеры я увидел большой металлический предмет. По форме он напоминал бидон для молока, только очень большой по размеру.

— Помоги мне выкатить это средство сообщения, — сказал Вася. — В нем-то я и отлечу.

Я нажал плечом на эту штуку, но она и не пошевелилась, она весила много тонн.

— Ах, мать честная, чуть не забыл, — спохватился Вася и громко произнес какое-то слово на непонятном языке. Баллон сразу стал легким, и мы без труда выкатили его из пещеры.

Здесь Вася-с-Марса сказал другое слово, и в борту баллона открылась дверца. Вася вошел внутрь, вытряхнул сухари в какой-то ящик и честно вернул мне казенную наволочку. Внутри баллона были сплошь кнопки и кнопки, и еще я заметил там кресло, вроде зубоврачебного. Затем мы встали с моим другом на площадке, у самого обрыва, и Вася сказал:

— Когда я войду внутрь средства сообщения и закрою за собой люк, ты кати меня в этой штуке к обрыву и

смело сбрасывай вниз. Это необходимо для взлета. Не бойся, со мной ничего не случится. А чтоб не подумали, что я погиб, я приготовил документ, ты его отдай в колонии. — И он подал мне бумажку, на которой было написано:

СПРАВКА

В отлете моем прошу никого не винить. Отбываю в полном здравии умственном и физическом. Сердечно благодарю за гостеприимство.

Ваш в доску В а с я с / М.

— Вася! — воскликнул я с волнением. — Теперь, когда мы расстаемся, скажи мне точно, откуда ты явился и куда возвращаешься?

— Не скажу тебе об этом для твоей же пользы, — ответил мой друг. — Ибо если ты мне поверишь, то ты можешь сойти с ума.

— Вася, но ты, надеюсь, не ангел? — спросил я. — Ведь если ты ангел, то я могу впасть в религиозный дурман.

— Гад я буду, если я ангел! — воскликнул мой друг на беспризорничьем жаргоне. — Можешь быть спокойным: ангелов нет и не предвидится. А если ты со временем захочешь докопаться, откуда я, то советую тебе подчитать научно-фантастическую литературу.

В заключение нашей беседы Вася спросил, нет ли у меня каких-либо заявлений и пожеланий. В ответ я высказал такое желание:

— Пусть мой талантливый брат Виктор твердо станет на путь науки! Пусть он радуется своими достижениями родителей и меня лично. Пусть ни родители, ни я никогда не разочаруются в талантливом Викторе!

Друг мой Вася почему-то поморщился, услышав эту просьбу, но затем сказал:

— Э, не он первый, не он последний, как у вас на Земле говорится... Ладно, обещаю тебе, что твой братец сделает научную карьеру. Еще имеются пожелания?

Тогда я обратился к Васе с комплексным пожеланием:

— Пусть мои родители не хворают и живут долго! Пусть дом наш стоит долго, пусть он не сгорит от молнии,

войны или неисправности печей, дабы портрет красавицы «Люби меня!», находящийся под обоями в количестве 848 экземпляров, не пострадал до конца моей жизни и даже дольше!

— Принимаю к исполнению, — ответил Вася. — Выкладывай следующую просьбу.

— Последняя моя просьба такая, — сказал я. — Если где-нибудь когда-нибудь кто-нибудь ко мне обратится с просьбой и если я обращусь к тебе с просьбой выполнить эту просьбу, то пусть эта просьба будет выполнена.

— Заметано, — ответил Вася. — Я знаю, какая это будет просьба, и охотно ее выполню.

— Как же ты можешь знать, когда я и сам еще не знаю, что это будет за просьба?! — удивился я. — Ведь это я про запас, на всякий пожарный случай.

— А я вот знаю, — повторил Вася-с-Марса. — И охотно выполню.

— А как с тобой связаться? — спросил я.

— Очень просто, — ответил мой друг. — Ты подойдешь к телефону, снимешь трубку...

— А что я скажу телефонной барышне? — перебил я его.

— Телефонных барышень уже не будет. Будут АТС. Ты наберешь на диске одиннадцать единиц и пять пятерок — у меня очень простой номер, его легко запомнить... Ну, а теперь нам пора расставаться.

Мы пожали друг другу руки, Вася влез в свой баллон, и дверца за ним захлопнулась.

Я покатил баллон к обрыву и сбросил его вниз, туда, где шумело Черное море. Баллон вначале падал как камень, но, не долетев до воды, вдруг замедлил падение, потом на миг застыл в воздухе и вдруг рванулся вверх. Он исчез в небе так быстро, что я даже не успел рукой помахать ему вслед.

Со дня нашей разлуки я, по совету моего друга, начал подчитывать научно-фантастическую литературу и по сей день только ее и читаю, расширяя свой научный и умственный кругозор. Поэтому в настоящее время мне вполне ясно,

кто такой Вася-с-Марса. Вы и сами, уважаемые читатели, уже, конечно, догадались, что никаким марсианином он не был. Он был пришельцем из дальней Загалактической Туманности Х-51719, антропоподобным обитателем геоподобной планеты Иоланта-дельта в созвездии М-497.

9. Дальнейшие события

Когда я вернулся в колонию и показал Васину записку, мне не поверили, что Вася отлетел. Все решили, что справку он написал в шутку, а сам, с моего ведома, убежал из колонии, чтобы вплотную заняться бродяжничеством. Однако я потребовал, чтобы все сомневающиеся пошли со мной в спальню и выслушали меня там. Когда я снова изложил все по порядку и потолок ничуть не покраснел, большинство мне поверило. Но некоторые поверили не целиком, а только до того места, где я столкнул Васину посудину в море. Они решили, что Вася рехнулся и я не должен был сталкивать его, ибо он, конечно, утонул. Напрасно я втолковывал, что он не утонул, а отлетел — в это маловеры не могли поверить. И вот они стали меня считать отъявленным лгуном и чуть ли не убийцей.

Отношение этих ребят ко мне резко изменилось. Мне начали подстраивать всякие мелкие неприятности. То, ложась спать, я обнаруживал под подушкойдохлуюмышь; то, обуваясь утром, находил в своих ботинках козьи катышки. Жизнь моя стала невыносимой. Меня огорчали не столько все эти каверзы, сколько тот факт, что меня, ненавидящего ложь, считают лжецом.

Кончилось тем, что я пошел к Андрею Андреевичу и, не называя имен своих обидчиков, заявил, что больше жить в колонии не могу.

Выслушав меня, этот добрый человек сказал, что мне чертовски не везет. Но в утешение он поведал мне историю древнего грека Поликрата, которому с молодых лет чертовски везло, зато под старость так не пофартило, что с него живьем содрали кожу, — и от души пожелал мне, чтобы у меня было все наоборот.

Затем Андрей Андреевич спросил меня, кем бы я хотел быть. Я ответил, что в смысле профессии я хотел бы пойти по стопам отца, то есть стать счетоводом. Тогда мой наставник сказал, что колония имеет право посылать своих питомцев в техникумы, где им несколько облегчаются условия приема и предоставляется общежитие. Но прежде я должен окончить семь классов школы в колонии и временно примириться со своими моральными трудностями, на что я ответил согласием.

И вот наконец настал день, когда я, снабженный документами и деньгами на дорогу, отбыл в Ленинград. В кармане моем имелась путевка в Ленинградский четырехгодичный счетно-финансовый техникум.

Не буду описывать вам свои впечатления от этого прекрасного города, в котором я очутился впервые. Об этом полнее и лучше сказано у классиков, а также у некоторых современных писателей. Что касается меня, то я безболезненно был принят на первый курс. Экзамен оказался нетрудным по случаю недобора. Устроилось дело и с общежитием, где я получил койку.

Приступив к учебе, я написал отцу о перемене в своей жизни. Вскоре он прислал мне ответное письмо, в котором одобрил мой выбор. Он советовал мне учиться старательно, чтобы хорошей успеваемостью хоть немного заглушевать свои пять «не». Далее он намекнул, что хоть я теперь и имею счастье жить с Виктором в одном городе, но мне не следует посещать брата, дабы не уронить его во мнении окружающих. К своему посланию отец приложил очередную заявку Виктора, чтобы я мог порадоваться его достижениям.

Многоуважаемые родители!

Настоящим заявляю, что мои творческие поиски привели меня к подлинным успехам. Прошу вас примкнуть к моему торжеству и спеть со мною песнь торжествующей любви! Не так давно я имел факт вступления в фактический брак с неизбежно полюбившей меня Перспективой Степановпой, дочерью общеизвестного профессора антропофагии, ведущего кафедру анималистической лингвистики и хореографии в Институте Меланхолии и Вкусотерапии, какой фактический морганатический брак был, для большей

прочности, оформлен мной и Перспективой в райзагсе и в церквах православной и католической, а также в мечети, синагоге и буддийском храме.

Нокаутировавший торжествующими фактами, профессор предоставил мне жилищную площадку для творческого взлета и обязался оказать помощь в продвижении в науку, дабы муж его дочери был достоин ее отца.

Р. С. Ввиду того, что пиротехнические геосинклинали и идиосинкразические трипапозомы имеют тенденцию к миокардической инфляции, а также принимая во внимание, что конвергенционные инкупабулы и психомоторные константы требуют трехфазной варикозной турбулентности, присылаю вам 50 (пятьдесят) рублей для ваших личных трат и увеселений.

Ваш талантливый В и к т о р

Должен сознаться, что я не все понял в письме своего талантливого брата, но главное для меня стало ясно: он твердо вступил на путь науки, и теперь я могу быть за него спокоен, Вася-с-Марса честно сдержал свое слово!

10. Дальнейшие дальнейшие события

За три учебных года я не пропустил ни одной лекции и, тщательно переходя с курса на курс, заслужил репутацию старательного студента. Жизнь моя текла спокойно, и никаких странных происшествий со мной больше не случилось. В свободное время я читал научно-фантастическую литературу, а иногда посещал кино, куда ходил совместно с одной студенткой по имени Сима, которая обратила на меня внимание. Иногда она приглашала меня к себе домой, и мы танцевали под патефон. Родители ее сочувствовали нашим отношениям и смотрели на меня как на жениха.

Однажды пришло ко мне письмо от отца, который сообщил мне радостную весть, что мой брат разрешает мне навестить его. Отец тактично дал мне в письме дружеский инструктаж, как я должен вести себя в гостях у Виктора: не задерживаться более часа; не задавать научных вопросов, так как в науке я все равно ничего не смыслю; не сморкаться громко; не налегать на еду и вино; воздержаться от посещения уборной; и еще ряд указаний, которые я принял к сведению.

Предварительно созвонившись с братом по телефону, я явился к нему в точно назначенное время. Дверь мне открыла представительная домработница и повела в кабинет, обставленный солидной мебелью. На стенах висели портреты Стефенсона, Пастера, Ломоносова и многих других крупных ученых и изобретателей; среди них находился и большой поясной портрет моего талантливого брата. Сам же Виктор сидел за большим письменным столом, а перед ним лежали толстые научные книги, и он из них что-то выписывал на красивую гляцевитую бумагу авто-ручкой с золотым пером.

Увлеченный процессом научного творчества, Виктор заметил меня не сразу. Но, заметив, ответственно улыбнулся, задал мне несколько наводящих вопросов о моей жизни и выразил свое одобрение моим скромным успехам.

Потом домработница провела меня на чистую кухню, где уже стояла бутылка ликера «бенедиктин» и тарелка с закуской. Я выпил стопку ликера и закусил ее отличными маринованными грибами, после чего домработница отвела меня в гостиную. Сюда же пришел и брат и снова деликатно задал мне несколько вопросов, не касающихся науки. Жена его, Перспектива Степановна, тоже находилась в гостиной. Одета в красивую голубую пижаму, она полулежала на кушетке в изящной заграничной позе. В разговор она не вступала, так как была от рождения глухонемой, но смеяться она умела и изредка оживляла нашу беседу мелким приятным смехом. Затем она встала, подошла к роялю и взяла несколько звучных аккордов.

Вскоре время мое истекло. На прощанье брат пожелал мне дальнейших скромных успехов и сказал, что теперь я могу посещать его ежеквартально. Я ушел, очарованный отдельной квартирой и научной атмосферой, и с нетерпением стал ждать следующего своего посещения.

Но, увы, скоро благоприятная полоса моей жизни превратилась неожиданными событиями.

11. Почетный шерстеноситель

Так как я считался старательным и беспрогульным студентом четырехгодичного счетно-финансового техникума, то

после окончания третьего курса мне дали бесплатную путевку в санаторий общего типа, который находился в ста двадцати верстах от Ленинграда. При санатории имелся пункт велопроката, и скоро я выучился ездить на велосипеде. Пользуясь хорошей погодой, я часто совершал индивидуальные велосипедные вылазки.

Во время одной из таких приятных поездок я свернул с шоссе и довольно долго ехал по незнакомой лесной дороге, а затем свернул на тропинку. Вскоре я очутился на поляне, посреди которой стояла изба, окруженная огородами. Так как день был весьма жаркий и меня уже давно томила жажда, я подошел к избе и постучал в дверь.

— Хозяина дома нет, — слышался из-за двери мужской голос.

— Это не имеет значения, — ответил я. — Дайте, пожалуйста, попить.

Послышались шаги, и вскоре дверь приоткрылась. Оттуда высунулась рука с кружкой воды. Но какая рука! Это была рука человеческая, но вся покрытая густой и длинной зеленоватой шерстью. Мне стало не по себе, но, чтобы не обижать дающего, воду я выпил. Однако, возвращая кружку, я сделал неловкое движение и распахнул дверь.

Передо мной стояло существо с немолодым человеческим лицом, но в остальном целиком и полностью поросшее густой шерстью. Одежды на нем не было — да, учитывая густоту шерстяного покрова, существо это в одежде и не нуждалось. Мне вспомнились легенды о леших, и я отпрянул и едва не свалился с крыльца.

— Не бойтесь меня, — сказала существо. — Я такой же человек, как и вы. Пройдемте со мной в комнату, и я конфиденциально изложу вам всю правду о себе.

С некоторой опаской прошел я за ним через сени в комнату. Мне казалось, что все это происходит во сне. Но существо нормально село на стул и заявило, что его зовут Валентином Валентиновичем.

Далее Валентин Валентинович поведал мне свою персональную историю.

С молодых лет он работал в аптеке провизором, и его всегда огорчало, что он ничем не может помочь лысым

людям, обращавшимся к нему за лекарством для восстановления волос. Те патентованные лекарства, которые порой рекламировались в журналах, были сплошным шарлатанством и никуда не годились. Настоящего же средства для восстановления волос не было. Обладая роскошной шевелюрой, но будучи человеком отзывчивым, Валентин Валентинович от души сочувствовал всем лысым и был в обиде на медицину, которая не захотела пошевелить мозгами для решения этой проблемы. И вот после долгих размышлений Валентин Валентинович решил своим умом изобрести средство для борьбы с безволосьем. Этой научной проблемой он стал заниматься по ночам и в полной тайне от всех, чтобы не быть осмеянным в случае неудачи. Прошло много лет, и сам он от усиленных умственных трудов облысел, но вот настал великий день, когда им была найдена верная и точная формула лекарственного средства для ращения волос. На основе этой формулы он составил порошок для приема внутрь, которому дал наименование «Прогресс-волосатин».

Но хоть правильность формулы была несомненна, «Прогресс-волосатин» нуждался в проверке опытом. Естественно, что в первую очередь Валентин Валентинович решил испытать препарат на самом себе. Поэтому, когда настал его очередной отпуск, он попросил еще месяц за свой счет и прибыл сюда, в укромный домик лесника. Отсюда он надеялся вернуться в свою аптеку и в широкий мир уже с густой шевелюрой и объявить людям о крупной медицинской победе. Он заранее предвкушал радость всех лысых людей, которым он своим открытием вернет их бывшую красоту.

Приняв порошок «Прогресс-волосатина», Валентин Валентинович стал ждать результатов. Эти результаты начались на третий день: у подопытного выпали последние остатки волос. Но сразу же после этого начали расти новые волосы. Однако росли они не только на голове, но равномерно на всем теле, и притом они были почему-то зеленоватого цвета. Строго говоря, это были даже не волосы, а шерсть, причем по фактуре — мягкая и шелковистая. Еще через несколько дней растительность стала такой густой и длинной, что Валентину Валентиновичу оказалась

не нужна его одежда. Он стал ходить так, причем благодаря уединенности места и отсутствию прохожих и посетителей никому не причинял испуга, исключая хозяина-лесника. Лесник был пьющим и, увидев аптекаря в новом обличье, решил, что это просто алкогольный мираж, и самокритически отправился в районную больницу для излечения от белой горячки, где его и госпитализировали.

Вначале странное действие «Прогресс-волосатина» повергло Валентина Валентиновича в отчаянье. Он считал, что рухнула мечта его жизни. Однако он утешил себя тем, что действие порошка рассчитано на два месяца, а после этого шерсть опадет. Так что хоть он и не одарит человечество новым препаратом, но его неудача останется тайной и он вернется в город, сыграв вничью. Поэтому отчаяние его сменилось лирической грустью. Так, в состоянии легкой печали, в спокойном ожидании срока, когда опадет его зеленоватая шерсть, провел он несколько дней, бродя по окрестным лесам и собирая грибы и ягоды.

Вскоре он заметил, что шерсть удобнее одежды, так как не стесняет движений и хорошо предохраняет тело от жары. В то же время он констатировал факт, что шерсть хорошо предохраняет и от холода. А однажды, попав под ливень, Валентин Валентинович нисколько не промок, ибо струи стекали по шерсти, не доходя до тела. Когда же ливень кончился, Валентин Валентинович встряхнулся — и стал совсем сухим.

И вот однажды его, как удар грома, озарила мысль: то, что он счел неудачей, на самом деле — великое открытие. И он мысленно сравнил себя с золотоискателем, который в поисках крупинки золота открыл мощные залежи платины.

Он понял, что началась новая эра цивилизации. Благодаря ему, Валентину Валентиновичу, людям теперь не нужна будет одежда. Достаточно любому человеку через каждые два месяца принимать «Прогресс-волосатин», и он будет ходить в своей шерсти, не нуждаясь ни в нижнем белье, ни в верхнем платье. Гигиеничная личная легкая ворсистая шерсть будет беречь людей от зноя и холода. Колоссально сократятся расходы человечества. Деньги, которые

раньше люди тратили на одежду, они смогут теперь расходовать на культурные нужды. В сельском хозяйстве произойдет переворот: не нужно будет сеять ни хлопок, ни лен; поля, где прежде росли эти технические культуры, будут засеиваться пшеницей и прочими злаками, и человечество будет всегда обеспечено зерном. Не нужны станут ткацкие, швейные и трикотажные фабрики, и освободившиеся производственные площади можно будет использовать более целесообразно, что вызовет расцвет промышленности. Охотники-промысловики избавятся от своей трудной работы и перестанут убивать зверей. Ибо кому, спрашивается, нужны будут лисьи или бобровые шкуры, если каждый сам себе станет и бобром, и чернобуркой?

Я внимательно слушал Валентина Валентиновича, и предо мною мелькали светлые картины будущего, когда человечество оденется в свою персональную шерсть. Но меня смущала мысль, что, в то время как одежда дает возможность каждому проявлять свой личный вкус, люди, носящие шерсть, будут все похожи друг на друга. Этим сомнением я поделился с моим собеседником.

В ответ Валентин Валентинович сообщил мне, что он тоже думал об этом. В дальнейшем он разработает рецептуру гормональных добавок к «Прогресс-волосатину», и каждый человек сможет растить на себе шерсть любого цвета. Девушкам пойдет шерсть оранжевая, розовая и небесно-голубая, дамам на выбор будет предоставлена богатая гамма цветов — от желтого и нежно-лилового до электрик и маренго. Мужчин вполне удовлетворят скромный серый, темно-синий и коричневый цвета. Любой шерстеноситель через каждые два месяца сможет менять цвет своего покрова, следуя моде или личному вкусу. Более того, со временем Валентину Валентиновичу, быть может, удастся дать возможность каждому шерстеноносителю носить пятнистый покров, комбинируя по своему вкусу расположение различных цветowych пятен. Кроме всего этого, следует учесть, что шерсть легко поддается завивке, и поэтому перед женщинами открывается широкий простор для творческого соревнования и проявления индивидуальных вкусов. Правда, количество парикмахеров и парикмахерских

придется удешевить, так как, в связи с увеличением площади завивки, длительность обработки клиента возрастет во много раз.

Валентин Валентинович ненадолго умолк, а потом привел новые доводы в пользу шерстеношения. Он сказал, что надо помнить и о морально-этической стороне дела. Когда все женщины станут носить шерсть, они перестанут завидовать друг другу в отношении одежды, ибо таковой не будет. В первую очередь это благоприятно скажется на женах. Ведь сейчас иные из них готовы разорить своих мужей в погоне за модными тряпками. Жена-шерстеносительница будет идеальной женой.

— Да, теперь я понимаю, что вы сделали великое открытие, — сказал я своему новому знакомому. — Даже не верится в такое чудо!

— Но это чудо существует, — с достоинством возразил Валентин Валентинович. — Чтобы убедиться в этом, вы можете погладить меня по спине. Не бойтесь, погладьте. Вы убедитесь в полноценности моей шерсти.

Я с некоторой опаской провел рукой по его спине. Действительно, шерсть была мягкая, пушистая, качественная.

— Прекрасная шерсть! — воскликнул я. — Вы сделали ценный подарок человечеству!

— Увы, этот подарок еще не сделан, — с грустью в голосе ответил Валентин Валентинович. — Опыт я провел только на самом себе, и мне могут не поверить, могут счесть за шарлатана. Мне нужны люди, которые согласились бы повторить на себе мой эксперимент и подтвердить мое открытие. Тогда весь мир поверит в «Прогресс-волосатин», и начнется новая эпоха.

Затем мой собеседник пристально посмотрел мне в глаза и заявил, что он с первого взгляда различил во мне добросовестного, смелого и прогрессивного человека и что такие-то ему и нужны. И он предложил мне принять дозу «Прогресс-волосатина» и проверить его действие на себе. Услышав это предложение, я слегка растерялся, так как предвидел некоторые трудности.

— Может быть, вы беспокоитесь за свою внешность? — тактично спросил меня мой собеседник. — Но могу вам

честно сказать, что сейчас вы не очень красивы, в шерсти же вы будете оригинальны. Вам пойдет это зеленоватое одеяние, как бы дарованное самой матерью-природой. Подумайте только: прежде у дворян была голубая кровь, а у вас, простого студента, будет своя зеленая шерсть! И ведь это ради науки!

Мне стало стыдно своей нерешительности. Я подумал о том, что мой талантливый брат целиком отдал себя науке, а я, человек с пятью «не», еще ничего для нее не сделал.

— Согласен! — сказал я Валентину Валентиновичу. И он тотчас дал мне порошок, который я принял, запив его водой. Затем я поспешил в санаторий, но перед уходом договорился со своим собеседником, что буду регулярно посещать его в его уединении, дабы он мог наблюдать происходящие во мне (вернее, на мне) перемены. На прощанье он дружески пожал мне руку и сказал, что население земного шара будет мне благодарно и присвоит мне звание почетного шерстеноносителя.

Я вернулся в санаторий, и жизнь потекла прежним порядком. На следующий день мне даже показалось, что моя встреча с Валентином Валентиновичем — это лишь прекрасный сон, ибо где уж мне, человеку с пятью «не», стать участником великих событий.

Но еще через день волосы с моей головы начали интенсивно опадать. Товарищи по палате выражали мне сочувствие, не понимая, что тут надо только радоваться. А еще через пару дней на мне пробились первые шерстинки. Короче говоря, через неделю все мое тело было покрыто длинной высококачественной зеленой шерстью. Она была настолько густа и пышна, что одежда теперь не налезала на меня, да я и не нуждался в одежде. Шерстяной покров не только оберегал меня от холода и зноя, но и отлично укрывал то, что должно быть укрыто. Однако для сбережения приличий я ходил в трусиках. В таком виде я посетил Валентина Валентиновича; он был очень рад, что опыт удался.

К сожалению, в санатории мое преобразование не встретило должного отклика. Новое всегда трудно внедряется в быт, и к преимуществам шерстеношения никто не отнесся

серьезно. Врачи считали, что я заболел какой-то странной болезнью, и пичкали меня лекарствами, а некоторые отдыхающие отказались обедать со мной за одним столом. Наименее сознательные даже дергали меня за шерсть, проверяя ее реальность, так как не могли поверить в это достижение научной мысли. Но самое обидное, что почти у всех мой вид вызывал приступы неуместного смеха и за мной ходили толпы зрителей, вследствие чего резко упал авторитет штатного санаторного затейника. Этот-то затейник и внушил директору санатория мысль, что от меня надо избавиться. И вот директор вызвал меня в свой кабинет и, сославшись на то, что мой внешний вид несовместим с правилами внутреннего распорядка, предложил мне досрочно покинуть вверенный ему санаторий.

Забрав свои манатки, я направился к Валентину Валентиновичу, которого застал на чемоданах. Он готовился к возвращению в город и ждал подвода, которая должна была доставить его на станцию. Был он в одежде и без шерсти — шерсть опала, так как уже прошло два месяца со дня приема им «Прогресс-волосатина».

Я поведал Валентину Валентиновичу свои невзгоды, и он стал утешать меня, напоминая о том, что я служу науке, а наука требует жертв. Далее он намекнул, что когда ему воздвигнут памятник, то, возможно, рядом поставят и мою небольшую статую. Я буду изображен в шерсти и с факелом познания в руке.

Когда прибыла подвода, лошадь почему-то очень испугалась меня и даже пыталась стать на дыбы. Возница с трудом уговорил ее постоять спокойно, чтобы дать возможность Валентину Валентиновичу сесть в телегу и погрузить свои вещи. Возница разрешил и мне положить на подводу мой чемодан, но меня лично попросил идти пешком позади телеги, чтобы не смущать неразумную лошадь.

Когда мы прибыли на станцию и вошли в вагон, среди пассажиров возникло острое недовольство. Хотя на мне были сандалии, трусики и кепка, ясно указывающие на то, что я человек, одна гражданка, ребенок которой испугался и заплакал, потребовала моего ухода. Тогда Валентин Валентинович взял мой билет и побежал в кассу.

Вернувшись, он вручил мне квитанцию и возвратил часть денег.

— Вот видите: уже начинаются выгоды вашего положения, — сказал он. — Я оформил вас по багажной квитанции как домашнее животное, так что проезд вам обойдется вдвое дешевле, чем мне.

Ехать в багажном вагоне было плохо, так как там кроме различной клади и лично меня находились две собаки. Они отнеслись ко мне недоверчиво, все время лаяли и норовили вцепиться в мою шерсть. Мне пришлось забаррикадироваться сундуками и чемоданами.

Когда я прибыл в Ленинград, то началась целая серия неприятностей, всех их и описывать не буду. Сима, студентка, которой я отчасти нравился, обозвала меня гориллой и сказала, что ошиблась во мне. Когда я явился на лекцию, преподавателя никто не слушал, а все смотрели на меня. Чтобы не срывать занятия, я был вынужден временно отказать от посещения техникума и ждать, когда опадет моя шерсть.

Ожидая психологической помощи, я пошел к Виктору, но, увидя мою шерсть, брат встретил меня сурово. Он сказал, что это выявилась моя внутренняя звериная сущность, и просил впредь не являться к нему в таком антиобщественном виде. Далее он выразил пожелание, чтобы я в частных разговорах и анкетах не упоминал о своем родстве с ним, дабы не бросить на него несмываемую моральную тень. Я ушел от своего талантливой брата глубоко огорченный тем, что доставил ему неприятность своим посещением.

В конце концов я решился на беспринципный поступок и пошел на дом к Валентину Валентиновичу с просьбой дать мне какое-либо снадобье, которое досрочно освободило бы меня от шерстеношения. Но, увы, изобретатель «Прогресс-волосатина» признался мне, что такого средства нет.

Во время этого посещения я заметил, что Валентин Валентинович снова в шерсти, однако вид у него был грустный. Я его спросил, почему он невесел, — ведь теперь, когда на практике доказано безошибочное действие «Прогресс-волосатина», ему надо только радоваться за себя лично и за все человечество в целом. Но в ответ он скорбно

улыбнулся и нервным шепотом поведал мне о кознях своей жены.

Оказывается, жена изобретателя, узнав о замечательных свойствах «Прогресс-волосатина», решила извлечь из этого препарата личную выгоду. Она заставила Валентина Валентиновича уйти с работы, чтобы он сидел дома и непрерывно отращивал на себе шерсть, которую она систематически снимала с него при помощи ножниц для стрижки овец. Из этой шерсти она научилась вязать свитера, джемпера и кофточки, которые сбывала на толкучке и через комиссионные магазины. Так было опошлено и скомпрометировано замечательное научное открытие, и с тех пор я ничего больше не слышал ни о Валентине Валентиновиче, ни о его «Прогресс-волосатине».

Что касается лично меня, то и мне «Прогресс-волосатин» не принес радости. Когда через положенные два месяца шерсть с меня опала, восстановился нормальный волосяной покров и я снова начал посещать техникум, выяснилось, что я очень отстал и продолжать учебу уже нет смысла. Я был отчислен из техникума со справкой об окончании трех курсов и поступил работать кассиром в одну из бань на Петроградской стороне. Зарплата была невелика, но выгода заключалась в том, что при бане мне предоставили отдельную комнатку в семь квадратных метров. Комнатка была теплая, и для полного уюта в ней не хватало портрета «Люби меня!» — хотя бы одного из тех 848, что покоились в моем родном доме под слоем обоев.

Вскоре началась война, на которую я ушел рядовым. Я имел два легких ранения, но никаких странных происшествий, подобных тем, которые я описал, на войне со мной не было. Поэтому не буду описывать этот период жизни, а сразу перейду к послевоенным годам.

12. Большая бутылка

После демобилизации я вернулся в Ленинград и снова поступил работать кассиром в баню. Комнатка, в которой я прежде жил, была уже занята, но мне предоставили жилплощадь в другом доме, тоже на Петроградской сторо-

не. Квартира, куда я въехал, состояла из двух комнат — из моей шестиметровой и из двадцатидвухметровой, где жила одна симпатичная супружеская пара. Муж, которого звали Георгием Васильевичем, был контролером ОТК на каком-то предприятии; ему было уже за сорок. Жена его, Марина Викентьевна, работала в библиотеке; ей было за тридцать. Жили мои соседи очень дружно, а ко мне относились приветливо, так что в их присутствии я забывал о том факте, что я — человек с пятью «не». В дни крупных календарных дат они даже приглашали меня за праздничный стол.

Мне нравилось их взаимное уважение друг к другу. Они никогда не ссорились, и ни разу я не видел их не только пьяными, но и «под мухой». По праздникам на столе у них стояла бутылка кагора — это был единственный спиртной напиток, который они признавали, ибо кагор полезен для желудка. Но выпивали они за весь вечер не больше рюмки на брата, и все потчевали меня. Но я, как и они, будучи человеком непьющим, тоже больше одной рюмки не выпивал. И так мы жили в дружбе и добром согласии четыре года.

Но, увы, настал день, когда я, помимо своей воли, внес в дружную семью раздор и смятение, в результате чего был вынужден со скандалом и даже с легким увечьем покинуть эту квартиру.

Расскажу все по порядку.

В той бане, где я работал кассиром, честно трудилась одна пожилая банщица предпенсионного возраста. Звали ее Антонина Антоновна. Работала она в первом женском классе с паром, и обязанности ее состояли в том, что она следила за порядком в предбаннике, принимала билеты и указывала посетительницам шкафчики для белья. Она считалась очень добросовестным работником и всегда выполняла план по вежливости.

Однажды Антонина Антоновна не явилась на работу, а затем известила начальство, что она серьезно простудилась и находится на бюллетене. А так как знали, что живет она одиноко, то решено было проявить к ней чуткость товарищей по работе, то есть написать ей коллективное письмо с

пожеланием скорого выздоровления и навестить ее с каким-либо пищевым подарком. Отнести письмо и подарок поручили мне. Такие общественные задания по линии заботы о людях давались мне и прежде, так как всем было известно, что человек я холостой и времени свободного у меня больше, нежели у других.

В ближайший выходной я с утра пошел в гастроном, где приобрел небольшой торт, коробку конфет «Красный мак», а также несколько апельсинов. Затем я направился по адресу, который был указан на конверте письма.

Дверь мне открыла Антонина Антоновна. Когда я пояснил ей причину своего посещения, она была тронута заботой о человеке и пригласила меня выпить в ее обществе стаканчик чаю. Как оказалось, жила она в отдельной квартире, состоявшей из комнаты, прихожей и кухни. Это была часть бывшей большой старинной квартиры, разделенной на две или даже на три и перестроенной.

За чаем я рассказал Антонине Антоновне последние банальные новости и передал ей кроме письма устные приветы от всех общих знакомых. Разговаривая, я невольно разглядывал комнату. Потолок был лепной, и на нем виднелись летающие херувимы и лебеди, а что касается обстановки, то она не соответствовала скромному заработку хозяйки, ибо имелось несколько кресел, обтянутых натуральной кожей, и много шкафов с книгами в богатых переплетках. Вдобавок ко всему в правом углу стояло пианино.

За чаем Антонина Антоновна поинтересовалась моей жизнью, и я изложил ей свою краткую биографию, которая, по-видимому, произвела на нее положительное впечатление, хоть я и не утаил, что являюсь человеком с пятью «не».

— Ваше простое лицо и искренняя речь внушают мне доверие, — сказала вдруг Антонина Антоновна. — А так как жизнь моя уже на излете, то я хочу поведать вам одну секретную тайну, которая не должна скончаться вместе со мной. Но прежде задам вам один интимный вопрос: вы не пьете?

Я откровенно ответил, что я непьющий. В уме же я подумал, что, вероятно, сделал упущение, не принеся с собой, в числе прочих продуктов, пол-литра портвейна или вермута. Поэтому я добавил, что если Антонина Антонов-

на хочет выпить, то я могу немедленно слетать за угол и купить за свой счет бутылку какого-либо вина.

Но моя собеседница ответила, что она никогда спиртного не пьет и что ее вопрос, пью ли я, сделан ею из желания предложить мне выпить, так как у нее есть неплохой ассортимент вин.

Тогда я ответил, что из уважения к ней я всегда готов выпить рюмочку за ее здоровье.

— Подойдите к этой стене, снимите с нее картину, откройте потайной шкаф и выберите себе бутылку вина по своему вкусу, — сказала Антонина Антоновна, указав на левую стену комнаты.

Я подошел к картине, изображавшей красивого молодого человека с восточными усиками и в белой чалме, снял эту картину со стены и увидел в стене медную ручку, находившуюся на уровне моей головы.

— Нажмите на ручку четыре раза, — распорядилась Антонина Антоновна.

Я сделал так, как она велела, и вдруг обои с треском лопнули, по стене побежала вертикальная трещина, и открылась тяжелая металлическая дверь. Моему взору предстал потайной шкаф. В этом шкафу на полках из красного дерева стояли ряды бутылок. На каждой из них имелась аккуратная бумажка с наименованием вина, и каких только названий там не было!.. Но, увы, все бутылки были пусты, о чем я доложил Антонине Антоновне.

— Это ничего не значит, — ответила она. — Выберите себе бутылку с подходящим ярлыком и далее действуйте по моим личным указаниям.

Тогда я выбрал бутылку с надписью «Кагор», ибо знал, что это вино способствует пищеварению.

— Теперь сходите на кухню и наполните эту бутылку водой из-под крана, — распорядилась моя собеседница.

Я удивился такому указанию, но, чтобы не огорчать пожилого человека, направился на кухню. Там, отерев пыль, я обнаружил, что бутылка эта сделана из обыкновенного стекла. Внутри можно было заметить какой-то красноватый налет, который не исчез и после того, как я, сполоснув бутылку, наполнил ее водой.

— Что теперь с ней делать? — спросил я Антонину Антоновну, входя в комнату.

— Поставьте бутылку на подоконник, и пусть она там стоит семнадцать минут ноль-ноль секунд, — ответила моя собеседница, взглянув на часы. — А вы тем временем выслушайте краткую историю моей жизни и моего уникального научного открытия.

И вот что она мне поведала. Родилась она в Петербурге в зажиточной аристократической семье и училась в гимназии закрытого типа, где обнаружила большие данные ко всем наукам, а в особенности к химии. После окончания гимназии девушка, проявившая необыкновенные способности, была послана родителями за границу, где она блестяще окончила два университета. Вернувшись в Петербург, Антонина Антоновна всецело погрузилась в научные исследования. В то время как ее высокопоставленные подруги проводили время на балах и у модных портних, она дни и ночи продуктивно трудилась в химической лаборатории, которую оборудовала в особняке своих родителей. Будучи очень красивой, она тем не менее категорически отвергала ухаживанья и предложения рук и сердец, которые исходили от различных блестящих офицеров, помещиков и крупных фабрикантов. Некоторые из них кончали с собой, не в силах выдержать такого удара судьбы.

Еще в глубоком детстве, проходя на уроке закона Божия Евангелие, юная Антонина обратила внимание на то, что известный Иисус Христос во время свадьбы в Кане Галилейской сумел превратить обыкновенную воду в вино и напоить им всех присутствующих. Этот легендарный факт прочно запал в ее детскую душу, и теперь, став взрослой, она решила при помощи науки осуществить древнюю легенду. Она хотела, чтобы все люди получили возможность пить полезные и вкусные вина взамен водки, которая, как известно, до добра не доводит.

В течение нескольких лет Антонина Антоновна день за днем искала формулу, при помощи которой она смогла бы осуществить свою мечту. И вот однажды глубокой ночью моей собеседнице удалось синтезировать универсальный состав, который преобразовывал обыкновенную H_2O в

вино. Добавляя к этому составу некоторые микродобавки, можно было варьировать вкус, цвет и градусность вина.

Далее Антонина Антоновна изложила мне, что для получения вечной бутылки необходимо развести синтетический состав в специальном растворе и налить его в обыкновенную бутылку. Затем, поставив ее в муфельную печь и постепенно повышая температуру, нужно выпарить растворитель, чтобы состав плотно осел на стенках и дне бутылки и навсегда приварился к ним. И вот — вечная бутылка готова! Теперь, если налить в нее воды и поставить на свет, вода немедленно вступает в реакцию с химическим составом — и через семнадцать минут в бутылке будет вино. Его можно выпить сразу, а можно и сохранить, поставив в темное место.

— Позвольте задать вам один вопрос, — обратился я к своей собеседнице. — Сколько наливов может выдержать такая бутылка?

— Бутылки хватает приблизительно на пятнадцать тысяч наполнений, — ответила Антонина Антоновна.

— Антонина Антоновна, вы сделали великое открытие! — воскликнул я. — Почему вы до сих пор храните его в тайне? Почему вы не внедряете его в производство, чтобы широкие массы пьющих могли перейти с водки на почти бесплатное и безвредное вино?!

— Слушайте дальше историю моей жизни и деятельности, и вы поймете, почему я храню в тайне секрет производства волшебных бутылок, — с грустью в голосе ответила мне Антонина Антоновна. — Увы, мое открытие не принесло мне счастья!..

Далее моя собеседница поведала мне, что, едва она сообщила своему отцу, видному землевладельцу и аристократу, об этом великом открытии, тот, вместо того чтобы обрадоваться, разгневался на нее. Он сказал, что это изобретение нанесет ему лично крупный ущерб, ибо на юге у него имеются виноградники и винные заводы. И еще он сказал, что если люди перестанут пить водку, то этим они нарушат интересы государственной спиртной монополии. Затем он вызвал священника, и тот провел с Антониной Антоновной собеседование о том, что она совершает великий грех.

желая повторить чудо, совершенное персонально Иисусом Христом. Священник пригрозил ей отлучением от церкви и обещал ей вечное местожительство в аду, если она не засекретит формулу своего изобретения. И тогда, будучи верующей, она дала клятву, что в течение пятидесяти лет будет хранить свое открытие в тайне и лишь потом передаст эту тайну честному доверенному лицу.

Только раз за истекший период времени нарушила она клятву, и это повлекло за собой роковое несчастье. Дело в том, что после разговоров с отцом и священником Антонина Антоновна прекратила всякие научные занятия и стала выезжать в свет. На великосветском приеме у аргентинского посла она, танцуя танго, познакомилась с молодым персидским князем, в результате чего между ними возникла любовь с первого взгляда и до гробовой доски. Вскоре она уехала с ним в Персию и там, приняв мусульманство, вступила в законный брак и стала персидской княгиней. Князь был сказочно богат, он одевал ее как куколку, дарил ей бриллиантовые кольца, фермуары и диадемы и всегда был безукоризненно трезв, так как твердо придерживался шариата, который запрещает правоверным пить не только водку и коньяк, но и все другие напитки, имеющие градусность. Но однажды он выпил — и погубил себя.

Дело в том, что, частично нарушив свою клятву, Антонина Антоновна взяла с собой в Персию одну из своих волшебных бутылок. Однажды, когда юная княгиня совместно со своим мужем проводила лето в роскошной единой вилле на берегу Каспийского моря, ей пришлось в голову угостить князя вином, чтобы он веселей переносил жару. Князь принял из ее рук бокал, затем второй — и, почувствовав прилив новых сил, решил пойти искупаться. Когда он отплыл от берега на пятьдесят метров, раздался его крик — и князя не стало. К вечеру волны выбросили на берег его труп. При вскрытии обнаружилось, что алкоголь, принятый князем впервые в жизни, оказал свое роковое действие, в результате чего в воде произошел инфаркт миокарда со смертельным исходом...

Молодая вдова вернулась в Петербург, где немедленно подала заявление в женский монастырь, желая поступить

в монахини. Но так как в Персии она стала мусульманкой, то в монастырь ее не приняли. Пока она оформляла документы на обратный переход в христианство, началась первая мировая война, а затем произошла революция, и идти в монастырь Антонине Антоновне уже расхотелось. Тогда она решила пойти работать в баню, тем более что теплый воздух предбанника частично напоминал ей знойный берег Каспийского моря, где она сперва нашла свое счастье, а затем потеряла его через роковую бутылку... И вот теперь, по прошествии многих лет, когда предвидится переход на пенсию, а в дальнейшем и в потусторонний мир, она хочет безвозмездно опубликовать свою формулу. Но она опасается, не принесет ли людям вреда ее открытие.

— Я дарю вам эту бутылку для испытания, — закончила она разговор. — Вы можете пользоваться ею лично, а можете передарить какому-нибудь достойному человеку. Если в течение года этот сосуд никому не принесет беды, я опубликую свою формулу... Кстати, вино уже готово.

Взглянув на стоящую на подоконнике бутылку, я убедился, что она полна темно-красного вина. Я налил стопку и попробовал. Вино было густое и сладкое, с натуральным ароматом и вкусом. Это был типичный кагор высшей марки.

Вскоре, поблагодарив свою собеседницу, я аккуратно закупорил бутылку, завернул подарок в газету и отправился домой.

Через несколько дней я был приглашен моими соседями по квартире на день рождения Георгия Васильевича. Считая, что лучшего объекта для подарка мне не найти, я вручил вечную бутылку юбиляру, предварительно объяснив способ получения вина. Супруги были обрадованы таким интересным подарком, но Марина Викентьевна сразу же заявила, что часто использовать им этот сосуд не придется, ибо они, слава богу, люди непьющие. Однако к концу нашего скромного праздника Георгий Васильевич сделал высказывание, которое меня несколько встревожило.

— А ведь вино-то теперь, выходит, у нас бесплатное, — произнес он, обращаясь к своей супруге. — В магазине за

такой кагор 22 рублика* отвалить надо, а тут пей — не хочу!

— Странная логика, — засмеялась в ответ Марина Викентьевна. — Шутник ты у меня.

Однако на следующий день выяснилось, что Георгий Васильевич не шутил. Вернувшись с работы и увидев своего соседа в кухне, я вынужден был мысленно признать, что он находится подшофе. Глаза у него были красные, и язык слегка заплетался.

— Сегодня 22 рубля сэкономил, — радостно объяснил он мне. — А если выпивать ежедневно 2 бутылки, можно в день 44 рубля сэкономить! Значит, за месяц выходит 1320 рублей экономии! Замечательное изобретение!

Вскоре он натренировался выпивать по 2 бутылки в день, а потом перешел на 3. Когда жена говорила ему, что это вредно, он доказывал ей, что вред невелик, зато сегодня он сберег 66 рублей. Такие деньги на улице не валяются!

Однажды утром, собираясь на работу, я заметил, что сосед мой на производство не пошел.

— Хочу сегодня 88 рублей сэкономить, — подмигнул он мне. — Но чтобы поставить этот рекорд, придется на день остаться дома.

Вскоре Георгий Васильевич вообще перестал ходить на работу. Марина Викентьевна, огорченная его поведением, вынуждена была уехать на месяц в санаторий, чтобы подлечить нервы.

Пользуясь отсутствием жены, сосед мой развернулся вовсю. Теперь он ежедневно одолевал 5 бутылок. Завелись у него и алкогольные дружки-приятели и даже веселые девицы. Бутылка все время была в действии. Каждые семнадцать минут кто-нибудь нетвердыми шагами топал на кухню и наполнял сосуд водопроводной водой. Так как процесс превращения воды в вино требовал дневного света, то это лимитировало пьющих, но вскоре один из собутыльников Георгия Васильевича притащил откуда-то сильную лампу дневного света, и ночью бутылку стали ставить

* Стоимость вина дана в старых деньгах, поскольку в этой главе описываются события, происходившие до 1961 года (Прим. автора).

под эту лампу. Так бутылка перешла на круглосуточную работу. Вдобавок ко всему вышеизложенному дружки моего соседа додумались разливать кагор в обыкновенные бутылки и продавать его на рынке, а на вырученные деньги стали покупать водку, что привело к еще большей алкоголизации. Теперь из-за шума и гама за стеной я был лишен возможности предаваться своему любимому культурному досугу — чтению научно-фантастической литературы. Посетители день и ночь кричали, пели бурные лирические песни, с притопом танцевали западноевропейские танцы и все время провозглашали тосты за мудрого владельца Большой Бутылки. Когда я вежливо стучал в стену и просил тишины, они смеялись надо мной и даже угрожали физической расправой.

Но вот, отбыв срок в санатории, Марина Викентьевна вернулась домой и застала на своей жилплощади такую печальную картину, что все лечение пошло насмарку. В повышенном нервном состоянии она вырвала из рук мужа вечную бутылку и побежала в мою комнату.

— Это ты, негодяй, подсунил моему мужу эту проклятую посудину! — воскликнула она. — Это ты, изверг, споил моего мужа! — И с этими словами она гневно швырнула в меня Большую Бутылку, в результате чего та разбилась о мою голову и я упал, обливаясь кровью.

Осознав свою ошибку, Марина Викентьевна со слезами кинулась ко мне и начала оказывать первую помощь при несчастных случаях. Но это бутылочное ранение было настолько серьезно, что тут требовалось вмешательство специалиста, и я, обмотав голову махровым полотенцем, двинулся в районную поликлинику. Там мне сделали перевязку. Когда врач стал писать историю болезни, он спросил, при каких условиях состоялось повреждение моей головы. Чтобы не подвести соседку, я заявил, что на меня напали уличные хулиганы, которые затем безболезненно скрылись. Врач этому вполне поверил, потому что хулиганов у нас хватает.

Когда я явился на работу с перевязанной головой, меня увидела Антонина Антоновна, изобретательница Большой Бутылки. Она спросила меня, что случилось, и я поведал ей всю печальную правду.

— Увы, теперь я понимаю, что мое уникальное открытие может принести людям только вред, — печально сказала она. — Рано еще человечеству переходить на бесплатное вино.

Вскоре я ушел из бани и поступил работать в другое место и больше не встречал Антонину Антоновну. А не так давно я узнал, что она скончалась. И так как о Большой Бутылке нигде ничего не слышно, то ясно, что свой секрет изобретательница унесла в могилу.

Что касается моих соседей по квартире, то сразу же после того, как бутылка была разбита, Георгий Васильевич перестал пить, вернулся на работу и честным трудом загладил свои вынужденные прогулы. Между супругами восстановился мир, но меня на семейные торжества уже не приглашали. Я же, сознавая себя виновником невзгод, обрушившихся на эту дружную семью, решил уехать, чтобы не напоминать своим присутствием о печальных событиях, связанных с Большой Бутылкой. Совершив обмен, я переехал в шестиметровую комнату, которая находилась в многонаселенной коммунальной квартире в другом доме и на другой улице.

13. Дальнейшие события

Я все о себе да о себе, а ведь вас, уважаемый читатель, наверно, интересуется мой высокоталантливый брат Виктор.

После того как явился я к брату в виде шерстеносителя и тем вызвал его законное недовольство, я к нему больше не приходил, чтобы не мешать его научной деятельности. Но с отцом я поддерживал регулярную переписку и время от времени посылал ему небольшие суммы из личного скромного заработка. В своих наставительных письмах отец каждый раз сообщал мне о продвижении Виктора и о его семейных делах.

Во время войны мой талантливый брат, как ценный корифей науки, был эвакуирован вместе с женой в глубокий тыл, где он мог, не подвергая ненужной опасности свою жизнь, смело двигать вперед науку. После войны он вернулся в Ленинград с повышением. Вскоре отец сооб-

шил мне, что Перспектива Степановна подарила Виктору двух полновесных близнецов — мальчика и девочку. Виктор лично зарегистрировал их в загсе, дав им научно обоснованные имена. Имя мальчика — Дуб! (Дуб! Викторovich); имя девочки — Сосна! (Сосна! Викторовна). Эти наименования должны свидетельствовать всем окружающим о высокой сознательности отца, а в дальнейшем помочь детям в повышении их авторитета в быту и в учебе.

Я очень обрадовался за брата — теперь у него есть достойные наследники — и написал ему поздравительную открытку. Правда, меня несколько удивили древесные имена, которые мой талантливый брат присвоил моим племянникам, и встревожили восклицательные знаки, документально прикрепленные к каждому имени. Своими мыслями я письменно поделился с отцом, и вскоре он прислал мне очередное письмо, где рассеял эти мои сомнения. Мягко упрекнув меня в том, что я еще не избавился от своих пяти «не», и в частности от недогадливости, отец просто и доходчиво пояснил мне суть дела. Имя Дуб! — это не просто дуб, а сокращенный призыв: «Даешь улучшенный бетон!» Имя Сосна! — это не просто какая-то там сосна, дико растущая в лесу, а тоже призыв: «Смело овладейте современной научной агротехникой!» Таким образом, мои племянники Дуб! и Сосна!, если взять их по-рознью, представляют собой: он — промышленность, она — сельское хозяйство. А вкупе они знаменуют союз города и деревни.

В конце своего письма отец призывал меня скорее избавляться от пяти «не» и множить скромные успехи, чтобы моему брату не было стыдно за меня.

14. Прорыв в космос

Переселившись в другую квартиру и переменяя место работы, я надеялся, что в новых условиях жизнь моя потечет без всяких срывов и пертурбаций. Я теперь работал помощником завсклада бракованных силикатных изделий; должность эта была спокойная и малоответственная. Что касается быта, то квартира, несмотря на многонаселенность,

отличалась сравнительной тишиной и, в целом, жильцы в ней жили дружно. Таким образом, теперь я отдыхал от недавних передраг. Однако для моего корабля судьба готовила новые мели и подводные камни.

В числе жителей нашей квартиры имелся тихий старичок пенсионер по имени Сидор Сидорович. Однажды, разговорившись с ним на кухне, я был поражен его широкой подкованностью в научно-фантастическом деле. В его речи так и мелькали разные специальные слова: квантование, киберы, фотоны, лазеры, мазеры, квазары, суперсветовая скорость, внеэйнштейновское изгибание пространства; а уж что касается разных звезд, созвездий и галактик, то их он знал как свои пять пальцев.

Будучи и сам поклонником всего межпланетного и заинтересовавшись этой культурной личностью, я изложил Сидору Сидоровичу свою краткую биографию, а в ответ мой новый знакомый рассказал о себе.

Долгое время Сидор Сидорович проработал ночным сторожем на дровяном складе, в силу чего привык смотреть на звезды и строить о них разные догадки. Уйдя на пенсию, он все свои моральные и физические силы бросил на овладение научной фантастикой и вскоре достиг в этом многообещающих результатов. Из прочтенных книг он понял, что не сегодня-завтра на Землю явятся гости из космоса и каждый землянин должен быть готов вступить в контакт с пришельцами. А так как у инопланетников все не так, как на Земле, то мы, чтобы достойно встретить гостей, должны учиться делать все наоборот, вводя фантастику в быт. Так, спать нужно не ночью, а днем; ложась в постель, на подушку класть ноги, а не голову; мыться в бане в одетом виде; покупая что-либо в магазине, за вещь не платить, а требовать ее стоимость с продавца, и так далее. Таким путем человечество осуществит прорыв в космос.

В принципе мысль Сидора Сидоровича о внедрении фантастики в быт показалась мне заслуживающей внимания, но некоторые из предложенных им правил показались мне трудновыполнимыми. Этими сомнениями я поделился со своим собеседником, и тот ответил, что любой волевой человек при желании может выполнить эти пра-

вила даже с превышением. Он добавил, что, к сожалению, есть на Земле противники межпланетных контактов и они-то и вставляют палки в колеса. Несколько раз его уже водили из магазина в милицию и хотели возбудить судебное дело! Но он преодолеет козни недругов!

Однажды Сидор Сидорович пригласил меня к себе. До этого в комнате у него я не бывал, и теперь, войдя в нее, сразу почуял, что фантастика здесь просто внедрилась в быт. Пол был покрыт толстым слоем мусора; комнаты своей хозяин не подметал и даже наоборот — в дни дежурств по квартире заметал в нее мусор из коридора. Стекла окон были закрашены черными чернилами. Трехламповая люстра торчала из пола, выключатель же находился под потолком; включая и выключая свет, Сидор Сидорович каждый раз пользовался приставной лестницей. Фотопортрет хозяина аккуратно висел на стене вниз головой.

Прежде чем приступить к разговору, мой собеседник предложил мне стакан чая с солью, а также смесь арахисовой халвы с маринованными кильками, но я от угощения отказался, тактично сославшись на слабый желудок. И вообще вся эта межпланетная обстановка произвела на меня несколько подавляющее впечатление. У меня даже промелькнула дикая и недостойная мысль: а что, если Сидор Сидорович немножко не в себе?

Но вскоре хозяин комнаты поделился со мной одной интересной идеей, к осуществлению которой он хотел привлечь и меня. Он исходил из того, что инопланетники читать по-нашему не умеют, поскольку у них все наоборот. Поэтому к их прибытию надо подготовить несколько книг, переписанных так, чтобы все слова в них читались наоборот, — тогда гости смогут их понять. Для начала старичок предложил перевести на межпланетный язык «Уголовный кодекс», «Поваренную книгу» и «Оказание первой помощи при несчастных случаях», а в дальнейшем приступить к переводу Большой энциклопедии. Говорил он так убедительно и напористо, что я откинул свои сомнения и решил принять посильное участие в этой переводческой работе. Обрадованный моим согласием, Сидор Сидорович выделил мне большую общую тетрадь в красивом дерматиновом

переплете и вручил «Поваренную книгу». Сам же он взялся переводить «Уголовный кодекс», так как практически уже был знаком с этим кодексом.

В тот же вечер я приступил к переводу. Открыв тетрадь и одновременно книгу, на первой странице тетради я написал большими буквами:

ЯАННЕРАВОП АГИНК
ОВТСДОВОКУР К ЮИНЕЛВТОГИРП
ЙОВОРОДЗ И ЙОНСУКВ ИЩИП

Затем я начал переводить первую главу, где речь шла о супах и борщах. Работа шла медленно, каждое слово давалось мне с трудом, но в минуты сомнений меня вдохновлял пример моего талантливого брата, который не щадит себя для науки. За неделю я перевел восемнадцать страниц.

Но труд мой пропал даром.

Однажды Сидор Сидорович сказал мне, что до сих пор он недостаточно последовательно делал все наоборот и что теперь он решил усилить прорыв в космос. В этот день, собираясь в баню, он вместо мыла взял с собой кусок фасованного сливочного масла, на ноги надел две старые шапки-ушанки, тщательно прикрепив их проволокой; ботинки же привязал к голове. Поверх прочей одежды он, поскольку стоял теплый майский день, натянул свою шубу, в которой когда-то морозными ночами охранял дровяной склад. Увидя его в таком одеянии, я посоветовал ему идти к бане переулками, где меньше прохожих.

Увы, старичок-космист не вернулся в свою квартиру. Придя в баню, он, чтобы усилить прорыв в космос, пошел не в мужское, а в женское отделение. Моющиеся женщины, увидев мужчину, да еще в таком странном обмундировании, подняли панику. Сидору Сидоровичу все же удалось пробиться в парилку и взобраться на полоч, но оттуда его силой направили в психобольницу. Однако через месяц лечения его отпустили, сдав под расписку родственникам, которые и увезли моего собеседника в Мелитополь.

Соседи по квартире, помня мои дружеские отношения с выбывшим жильцом, стали поглядывать на меня с опас-

кой. Очевидно, они подозревали, что и я начну внедрять фантастику в быт. Чтобы на время избавить их от своего присутствия, я устроился в одну геологоразведочную экспедицию.

15. Звучащий человек

Наша геологическая экспедиция работала в горах Кавказа, а базировались мы в небольшом горном ауле. В мои обязанности входило готовить пищу, а также выполнять разные вспомогательные работы. В помощь мне был придан местный горец, парень по имени Орфис. Он был способный и старательный работник и к тому же хорошо говорил по-русски.

Однажды началась сильная гроза с ливнем, и продолжалась она целый день. После этого одна из наших поисковых групп, состоящая из трех человек, не вернулась в срок на базу, и от нее не было никаких вестей. Группа эта работала в дальнем ущелье, и возникло опасение, что с людьми случилось какое-нибудь несчастье.

Так как пропавшая группа в день, когда застала ее гроза, должна была находиться уже на обратном пути на базу, то точного ее местонахождения никто не знал. Поэтому было решено послать две спасательные группы в разных направлениях. В основную спасательную группу вошло три квалифицированных геологоразведчика во главе с опытным проводником. Вторая группа, на которую возлагалось меньше надежд, составила из меня и из Орфиса, ибо он отлично знал родные горы. Когда я добровольно попросился на это дело, то опасался, что меня, ввиду выполняемой мной работы, не пустят, однако меня отпустили довольно охотно. Среди остающихся слышались даже грубые намеки на некачественное приготовление пищи и высказывания насчет того, что люди хоть ненадолго отдохнут от моей стряпни.

Взяв рюкзаки с консервами и медикаментами, мы с Орфисом вышли в северо-западном направлении и долго шли долиной, а затем мой вожатый круто забрал влево, и мы начали карабкаться в гору. К вечеру вышли мы на

зеленый луг, расположенный среди высоких гор. Здесь стояла такая тишина, что от нее даже ломило в зубах, как от холодной воды.

Вскоре на пологом склоне горы я увидел много серовато-желтых валунов, похожих на баранов. Среди них ходил человек и махал не то кнутом, не то палкой.

— Что этот человек там делает? — спросил я Орфиса.

— Это мой прапрадедушка, — ответил Орфис. — Он пасет камни.

— Бедный старик, — сказал я. — Раз он свихнулся, то ему надо оказать медицинскую помощь.

— Он не сумасшедший, — с обидой в голосе возразил мой спутник. — Он такой же здоровый умом, как и мы, только он очень старый. Всю жизнь он пас живых овец, а теперь ноги не те, и вот он пасет камни. Он не может жить без дела.

— Почему же он не спустится в долину?

— Он привык к высоте, в долину он не хочет. Мои родные сто раз упрашивали его сойти вниз. Много лет назад ему приготовили лучшую комнату в доме, всю в коврах, а он ни разу в ней не был. Зимой и летом живет он здесь в шалаше и спит на овечьей кошме.

— Может быть, его обидели? — спросил я.

— Какое там! Все полны к нему почтения, да и сам он любит родню. Но ему нравится жить здесь.

Мы подошли к человеку, пасущему камни, и почтительно поздоровались с ним. Это был глубочайший старик, но он не походил на ходячую развалину. Он был бодр и приветлив и быстренько сходил в свой шалаш за вином. Мы втроем сели на траву и стали поочередно пить вино из бурдюка, закусывая каким-то вкусным волокнистым сыром. По-русски старик знал плохо, но Орфис служил мне переводчиком, и я, воспользовавшись этим, изложил почтенному старцу свою краткую биографию, которую тот выслушал с интересом и сочувствием. Затем он передал мне через Орфиса, что все плохое — к лучшему и что скоро я найду ту, которой я предназначен и которая предназначена персонально мне. А перед этим я прыгну в пропасть, но в миг падения у меня вырастут крылья.

За вином и разговором старик не забывал и своего дела. Время от времени он вставал, брал кнут и быстрым шагом подходил к какому-нибудь из камней, окружавших нас. Он цокал языком, что-то строго выкрикивал и замалчивался кнутом на камень. Прodelывал он все это всерьез, но как бы играя.

— Что он говорит этому камню? — спросил я Орфиса в один из таких моментов.

— Говорит: «Хитрый баран, отбиться хочешь?» — пояснил Орфис.

Когда мы насытились, я откинулся на траву и задремал, а мой спутник и старик завели какой-то длинный разговор. Потом Орфис сказал мне, что пора идти на поиски. Старик посоветовал ему держать путь на гору, синевшую вдалеке.

— Но скоро ночь, — возразил я. — Мы можем заблудиться.

— Я знаю здешние горы, — спокойно ответил мне мой проводник.

Попрощавшись с гостеприимным стариком, пасущим камни, мы двинулись в путь. Вскоре мы вошли в горную котловину и пошли среди нагромождений камней. Между тем стемнело.

— Мы не потеряем друг друга, — сказал вдруг мой спутник, словно угадав мои тайные мысли. И с этими словами он вынул из кармана небольшой брусок какого-то вещества, похожего на воск. Этим веществом он вдруг стал натирать свой лоб.

— Что это такое? — спросил я.

— Сейчас узнаешь, — ответил Орфис.

И вдруг послышалась негромкая, но довольно приятная музыка, напоминающая звук пастушеского рожка. Можно было подумать, что в кармане у моего спутника спрятан маленький транзисторный приемник. Но я-то знал, что никакого приемника у него нет,

— Откуда это слышна музыка? — удивленно спросил я.

— От меня, — ответил Орфис. — Это я звучу. Я натер свой лоб секретной пастой — и вот я звучу, и буду звучать восемь часов подряд. Чтобы возобновить звучание, достаточно снова натереть лоб.

Далее он объяснил мне, что у каждого человека свой жизненный музыкальный ритм и каждый живет согласно этому ритму, но сам его не слышит и окружающие тоже его не различают. Секретная паста как бы превращает человека в музыкальный инструмент, переводя его внутренний ритм в звуковую мелодию. Мелодия — у каждого своя; отчасти она выявляет внутреннюю сущность человека. Нет двух людей с одинаковой мелодией, как нет двух людей с одинаковыми отпечатками пальцев. В древние времена эту секретную пасту применяли пастухи, чтобы не заблудиться в горах. Кроме того, на звучащего человека не нападают хищные звери, а если он уснет на траве, то к нему не подползет ни одна змея.

— Но это же замечательное открытие! — воскликнул я. — Почему о нем ничего нет в печати?!

— Секретная паста — тайна нашего древнего пастушеского рода, — тихо сказал Орфис. — Способ ее приготовления известен с глубокой древности и переходит от старика к старику. Ныне последним хранителем тайны является знакомый вам старик, пасущий камни. Он передаст ее своему сыну, когда тому стукнет сто двадцать лет. Знайте, что не только секрет приготовления, но и сама секретная паста никогда никому из посторонних не передавалась, не продавалась и не дарилась. — Орфис сделал паузу и продолжал: — Но вы очень понравились старику, пасущему камни, ваши постоянные неудачи тронули его сердце, и он дарит вам брусок этой пасты в вечное личное, индивидуальное пользование, с правом давать этот брусок во временное пользование только кровным родственникам.

И с этими словами мой спутник вынул из кармана второй кусок пасты, завернутый в чистую бумагу, и вручил его мне.

Я был глубоко взволнован этим ценным подарком, но мне было как-то страшновато испробовать на себе его действие. «А что, если от меня, человека с пятью “не”, пойдет такая музыка, что хоть святых вон выноси?» — подумал я.

Но, преодолев свой страх, я старательно стал тереть лоб данным мне бруском — и вот я зазвучал! К моему душевному облегчению, мелодия, которая исходила от меня,

оказалась хоть и не очень художественной, но и не неприятной. Она напоминала мотив не то быстрого фокстрота, не то румбы, не то краковяка, и, надо отдать справедливость, под нее было довольно легко шагать. От моего спутника слышалась более мелодичная музыка, но ритм у нее был медленнее, и звучала она тише.

Благодаря секретной пасте и самозвучанию мы долго шли в глубокой темноте, не теряя друг друга из слуха (не скажу «из вида», ибо видеть мы ничего не могли), и вскоре вошли в глубокое ущелье. Вдруг раздался чей-то удивленный выкрик: «И какой это кретин забрел сюда с транзистором!»

Так мы нашли пропавшую было группу геологов, и эти проголодавшиеся люди с радостью набросились на принесенные нами продукты, не дождавшись даже обеда, который я хотел приготовить им.

Вернувшись на базу, я с огорчением узнал, что, воспользовавшись моим недолгим отсутствием, завхоз срочно подыскал повариху из местного населения, а меня зачислил на должность кухонного мужика, то есть ее помощника, без права приготовления пищи. Обиженный этой несправедливостью, я попросил дать мне расчет, который мне и дали без долгого сопротивления. Получив причитающиеся мне деньги, я направился в ближайший курортный город, который условно назову так: Отдыхалинск-Обманулинск. В этом городе был аэропорт, и оттуда я намеревался отбыть в Ленинград.

Когда я стоял на аэровокзале в очереди за билетом, ко мне, плача, подошла симпатичная на вид курортница и, отозвав меня в сторонку, сказала, что ее жестоко обокрали и у нее не хватает десяти рублей на билет до Владивостока, где ее маленькая дочь лежит в больнице, так как попала под автомашину. Тронутый натуральным горем этой симпатичной курортницы, я решил ей помочь и дать взаймы недостающую десятку. На руках у меня имелось сто девять рублей,* причем сто — одной купюрой, и поэтому я сказал

* С этой главы денежные суммы и цены даются в новом исчислении, так как дело происходило уже после 1961 года.

незнакомке, что сейчас схожу в ресторан разменять эту бумажку и затем вручу ей нужную сумму.

— О, не беспокойтесь, мой спаситель! — воскликнула эта симпатичная на вид женщина. — Я сама разменяю вашу сотнягу и моментально принесу вам сдачу.

Взяв деньги, эта женщина пошла их разменивать. Но больше она не появилась, и вскоре я понял, что под ее симпатичной внешностью скрывалась аферистка и обманщица.

Я прямо-таки не знал, что делать. Слать телеграммы о помощи своим ленинградским знакомым было как-то неловко. Обращаться к брату мне не хотелось в связи с тем, что в семье его теперь имелись Дуб! и Сосна!, так что расходы, естественно, возросли; да и вообще нетактично было бы отрывать моего талантливого брата от его научных мыслей такой будничной просьбой. И вот я решил позаимствовать денег у отца, тем более что сам при всяком удобном случае помогал ему материально. Поэтому я послал в Рожденьевск-Прощалинск телеграмму такого содержания: «Потерял деньги прошу пятьдесят заимообразно востребования».

Ночь я провел в городском саду Отдыхалинска-Обманулинска, а утром явился на почтамт и, предъявив свой паспорт, спросил, нет ли мне перевода.

— Вам ничего нет, — сочувственно сказала девушка в окне. — Но нам пришла одна странная телеграмма, и я каждого спрашиваю, не ему ли это? Она адресована так: «Человеку с пятью „не“».

— Эта телеграмма именно мне! — воскликнул я. — Это я и есть человек с пятью «не».

Текст телеграммы был такой: «Где потерял там найди твой отец».

Строгий, но справедливый ответ отца на мою бестактную просьбу ошеломил меня и погрузил в недоумение. Истратив на еду последние имевшиеся у меня деньги, я весь день пробродил по улицам Отдыхалинска-Обманулинска в состоянии печали, а когда стемнело, зашел в сад при одном доме отдыха. Я надеялся заночевать там на скамье и решил ждать отбоя, когда отдыхающие перестанут гулять и развлекаться и пойдут на ночлег. Но пока

что в саду было оченьлюдно и вокруг танцевальной площадки толпилось множество пар. Однако не слышалось никакой музыки, и это меня удивило.

Вдруг на эстраду вышел администратор дома отдыха и заявил, что штатный баянист товарищ Ухоморов неожиданно заболел, в связи с чем танцы отменяются. Послышался гул недовольства. Раздавались даже конкретные угрозы по адресу администратора с обещанием побить его за плохое ведение культработы.

И вот именно в этот момент мне стал ясен сокровенный мудрый смысл отцовской телеграммы. Пробившись сквозь толпу к эстраде, я поднялся на пять ступенек, подошел к администратору и предложил ему свои услуги. Я честно заявил, что модных танцев, вроде рок-н-ролла и твиста, исполнять не могу, но для невзыскательной публики моя музыка вполне подойдет.

— Вас послал ко мне сам бог! — в радости воскликнул администратор. — Каковы ваши условия?

— Я озвучу у вас пять танцевальных вечеров, а за это вы будете качественно кормить меня в течение пяти суток, а также предоставите мне кров, а затем купите авиабилет до Ленинграда — так заявил я.

— Согласен, голубчик! Согласен! Приступайте к игре!.. Где ваш инструмент?

— Я сам себе инструмент, — ответил я и, вынув из кармана секретную пасту, начал натирать лоб.

Когда я зазвучал, пары приступили к танцам. Музыка моя всем очень понравилась, и танцевальный вечер затянулся до поздней ночи. Он продолжался бы и дольше, но администратор вежливо увел меня с эстрады, ибо отдыхающим пора было идти в свои спальни. Меня же накормили до отвала и поместили на ночлег в отдельный домик, где имелся бокс-изолятор. Это было сделано для того, чтобы я своей музыкой не мешал спать отдыхающим. Ведь секретная паста действует в течение восьми часов, и я все еще продолжал звучать.

Весть о самозвучащем человеке быстро распространилась среди курортников, и когда на следующий день я явился на танцплощадку, она была переполнена. А еще через

день весь сад был битком набит любителями музыки и танцев, которые пришли сюда со всего Отдыхалинска-Обманулинска. И все три следующие дня, где бы я ни появился, за мною следом шла толпа, слушая меня, распевая и пританцовывая на ходу. У людей уже успел выработаться условный рефлекс, и поэтому даже в те часы, когда я не звучал, людям казалось, что я звучу, и при виде меня они пускались в пляс и начинали петь и веселиться.

Популярность моя стала настолько велика, что в меня влюбилась одна интеллигентная курортница по имени Муся. Она даже не прочь была пойти за меня замуж, но когда я поведал ей свою краткую биографию, разговора о браке более не возобновляла. Увы, с женщинами мне всегда не везло, как, впрочем, и во всем остальном. Но в моей душе всегда жил мой идеал — прекрасная «Люби меня!», портрет которой в количестве 848 экземпляров украшал когда-то стены моей комнаты.

Когда миновало пять дней, администратор честно вручил мне билет на самолет до Ленинграда, добавив три рубля на такси и на прочие дорожные расходы. В знак благодарности и сверх договора он подарил мне альбом с видами Отдыхалинска-Обманулинска, собственноручно расписавшись на его первой странице.

16. Дальнейшие события

Когда я вернулся в Ленинград, меня ждало радостное известие. Мой многоталантливый Виктор прислал мне письмо. Оно начиналось так:

ЗАЯВА

Настоящим сообщаю и заявляю, что в субботу ко мне имеет честь прибыть отец, дабы порадоваться и отдать должное моим творческим достижениям в области науки и семейного быта и побыть на моем иждивении и пищевом довольствии 7 (семь) суток.

Приглашаю и тебя явиться ко мне в субботу к 19:00 и побыть до 20:00, присоединившись к ликованию отца и имея на своем организме ботинки, брюки, пиджак, рубашку и прочие принадлежности человеческого туалета...

Дальше шли непонятные для меня научные фразы, но первая часть заявки была совершенно ясна: я приглашен братом в гости!

Тщательно подготовившись к посещению Виктора, я явился к нему точно в указанное время. Не буду описывать своей радости при виде отца и брата, которые оба выглядели очень молодо для своих лет. Мои племянники Дуб! и Сосна! тоже произвели на меня весьма приятное впечатление.

В красивой квартире брата за эти годы стало еще больше солидной мебели и ковров; кое-где ковры висели даже в два слоя. В кабинете тоже были перемены: прежде там висел один портрет Виктора в окружении портретов разных знаменитых ученых и изобретателей, теперь же на всех стенах висели только изображения Виктора в разных позах и вариантах, а все остальные ученые были аннулированы. Уже по одному этому факту я понял, как возросла роль моего брата в науке.

Ужин прошел в культурной и дружеской обстановке, причем я старался говорить поменьше и внимательно слушал отца и Виктора, которые давали мне дельные советы в порядке моего избавления от пяти «не». А когда я рассказал им о секретной пасте, Виктор проявил к ней интерес и предложил мне продемонстрировать ее действие.

Вынув из кармана пасту, я тщательно натер ею свой лоб и зазвучал. Отец и брат прекратили разговор и внимательно слушали меня. Только глухонемая Перспектива Степановна лежала на кушетке в красивой позе и не принимала участия в прослушивании.

— Я тоже хочу звучать, — сказал мне вдруг брат. — Мне завтра доклад надо делать перед начальством, так я хочу, чтоб от меня не только слова шли, а и музыка. От тебя чечетка какая-то идет, а от меня, по моему служебному положению, должна хорошая музыка выделяться. Я на Баха и Бетховена тяну.

Я сказал брату, что, к сожалению, не имею права подарить ему секретную пасту, но с удовольствием одолжу ее ему на один день.

Через день, когда я зашел к Виктору, он, возвращая мне секретную пасту, сердито сказал:

— Ты мне вредную вещь подсунул! Навредить захотел крупному ученому! На тебя бы надо заяву куда следует написать!

И далее брат гневно рассказал мне, что, прибыв в свое научное заведение, он, перед тем как делать доклад, натер лоб этой пастой — и вдруг от него стала исходить такая неблагозвучная музыка, что ему пришлось поспешно уйти с кафедры и запереться в туалете, и просидеть там, не евши не пивши, восемь часов, пока он не перестал выделять звуки.

Этот неприятный случай с моим ученым братом глубоко поразил меня. Я немедленно понял, что у секретной пасты имеется крупный недостаток: она не всегда вызывает ту музыку, которая заключена в данном человеке, и может создать о нем неверное впечатление, как это и случилось с Виктором. Поэтому я решил избавиться от этой пасты, чтобы впредь она никого не могла подвести. Завернув подарок старца, пасущего камни, в бумагу и привязав к этому пакету камень, я бросил секретную пасту в Неву с Дворцового моста. Совершая этот акт справедливости, я не испытал никакой радости, но считаю, что поступил правильно.

17. ТНВ

Вскоре я устроился на одно предприятие помощником агента по снабжению. Зарплата была невелика, но зато у меня оставалось много свободного времени, которое я мог посвятить самообразованию, то есть чтению научной фантастики. В нашей коммунальной квартире все было, в основном, тихо и спокойно. О том факте, что я дружил с Сидором Сидоровичем, уже успели позабыть, и все относилось ко мне хорошо.

Комнату, в которой прежде жил Сидор Сидорович, теперь занял молодой холостяк, преподаватель математики. Звали его Алексей Алексеевич. Это был очень занятой и спокойный человек, его и не слышно было. Днем он пре-

подавал в каком-то институте, а вернувшись домой, до глубокой ночи сидел в своей комнате над бумагами и книгами и все что-то там вычислял.

Однажды, зайдя к нему, чтобы попросить пятерку до получки, я успел разглядеть эту комнату, памятную мне по прежнему жильцу. Теперь здесь царила идеальная чистота. Обстановка поражала своей скромностью, но во всем был удивительный порядок, и очень много было книг. Рядом с письменным столом стоял другой стол, на котором красовалась какая-то машина — на манер пишущей, только много больше размером. Алексей Алексеевич объяснил мне, что это электронно-аналитический вычислитель его конструкции. Что касается стен комнаты, то их Алексей Алексеевич оклеил чистой белой бумагой, на которой затем своей рукой вывел бесконечные ряды чисел и многоэтажных формул.

Новый жилец немедленно откликнулся на мою просьбу и безо всяких разговоров вручил мне пятерку, а затем спросил меня, не нуждаюсь ли я в большей сумме, нежели 5 рублей 00 копеек.

Я ответил, что после некоторых неудач, перенесенных мною, я, конечно, хотел бы, в принципе, иметь на руках больше денег, нежели имею их в настоящее время. Однако я всегда беру займы ровно столько, сколько могу отдать. Пользуясь случаем, я рассказал Алексею Алексеевичу краткую историю своей жизни, которую он выслушал с должным вниманием.

— Да, вам надо помочь, — задумчиво сказал он.

— Нет, с меня хватит пяти рублей, — повторил я. — Я не беру без отдачи.

— Ради бога не обижайтесь, — успокоительно произнес мой новый знакомый. — Пятерку вы мне вернете, я вовсе не собираюсь заниматься частной благотворительностью. И все же я вам помогу. Я вас поставил на очередь, зайдите ко мне через двадцать семь дней. — Сказав это, он что-то записал в своем блокноте.

— Но как вы мне поможете, если, как я вижу по вашей скромной обстановке, вы сами человек небогатый? — с удивлением спросил я.

— Я мог бы быть очень богатым в денежном отношении, но, во-первых, я считаю нечестным использовать для своего обогащения имеющиеся у меня возможности, а во-вторых, деньги меня просто не привлекают. Мне хватает того, что у меня есть. Чем проще моя пища, одежда и мебель, тем легче я себя чувствую и тем свободнее работает мой мозг...

Выслушав эти слова моего собеседника, я подумал, что комнате этой не везет. Один ее обитатель уже попал в психобольницу, да и второй, видать, тянет на это дело. Ну как можно помогать людям деньгами, самому не имея денег?!

Однако не прошло и недели, как я убедился в том, что Алексей Алексеевич сказал мне чистую правду. Более того: вскоре выяснилось, что он гениальный математик и изобретатель и, сверх того, замечательный человек.

А выяснилось это вот как.

Я уже упоминал о том, что коммунальная квартира, в которой я теперь жил, была тихой и состояла, в общем, из достойных людей. Но, к сожалению, нет такой бочки меда, в которой не имелось бы хоть чайной ложки дегтя. Жила в нашей квартире одна состоятельная женщина, которая, как говорили, нажила состояние нечестным путем. У нее было много денег, но она скрывала это и старалась жить скромно. При этом была она очень завистлива, и когда кто-нибудь приобретал себе какую-нибудь вещь, то от зависти она заболела на день, на два, а то и на неделю, в зависимости от стоимости и качества вещи. Она ненавидела всех людей, и жители квартиры за глаза звали ее Вред-бабой.

И проживала в квартире одна тихая пожилая женщина по имени Варвара Константиновна со своим сыном Валерием, студентом Политехнического института. Варвара Константиновна уже двадцать лет была вдовой; работала она делопроизводителем в какой-то стройорганизации. И вот однажды, получив на работе премию, она купила в подарок сыну небольшой письменный стол ценой в 46 рублей 50 коп. А чтобы освободить место для этого стола, она, с согласия жильцов, вынесла из комнаты старинный комод и поставила его в прихожей.

Узнав о покупке, Вред-баба заболела на два дня, а выздоровев, стала ежедневно придирается к Варваре Константиновне, требуя, чтобы та убрала комод из прихожей.

Варвара Константиновна и сама была бы рада избавиться от комода и даже вывесила объявление о продаже, но никто не торопился его покупать, потому что сейчас такие старинные вещи совсем не в моде. Однако напрасно втолковывала она это Вред-бабе, и напрасно жильцы в один голос утверждали, что вещь им ничуть не мешает, — нет, Вред-баба и слушать ничего не хотела и даже подала заявление в домохозяйство.

И вот однажды вечером все жильцы собрались в прихожей и, позвав туда Варвару Константиновну, спросили ее, во сколько оценивает она свой старинный комод. Та честно ответила, что больше 20 рублей он не стоит.

Тогда все жильцы квартиры скинулись кто по 2, а кто и по 3 рубля и коллективно купили у Варвары Константиновны комод, а затем взяли его в топоры и дружно разрубили на части, чтобы легче было вынести в подворотню все доски и щепки.

Вред-баба, выйдя на шум из своей комнаты, стала в стороне и, уперев руки в боки, с торжествующей усмешкой смотрела на всю эту процедуру.

— Вот и вышло по-моему! — громко сказала она, когда были вынесены последние обломки комода.

Тогда Алексей Алексеевич строго посмотрел на Вред-бабу, но ничего ей не сказал, а обратился к Варваре Константиновне и вежливо пригласил ее зайти к нему в комнату. Меня он тоже попросил зайти к нему и быть его ассистентом на протяжении трех-четырех часов.

Далее Алексей Алексеевич вежливо усадил Варвару Константиновну в свое единственное кресло и задал ей ряд устных вопросов.

— Для чего это вы меня расспрашиваете? — поинтересовалась Варвара Константиновна.

— Я хочу помочь вам, — ответил Алексей Алексеевич. — Но помощь я оказываю только тем людям, которые не обратят ее во вред ни себе, ни другим. Теперь я убедился, что вы честный и порядочный человек, и поэтому помогу вам. Прошу вас пока ни на что не тратить те двадцать рублей, которые вы получили за комод.

Когда Варвара Константиновна вышла, Алексей Алексеевич включил свою электронно-аналитическую машину,

нажав какие-то клавиши, а меня попросил сесть перед ней и записывать в три колонки числа, появляющиеся в трех окошечках: зеленом, красном и голубом. Сам он разложил на столе какие-то таблицы и схемы и стал выводить всякие знаки и формулы и чертить кривые.

Так продолжалось полтора часа. Я уже исписал 17 листов, как вдруг в аналитической машине что-то зафырчало и свет в зеленом окошечке сменился желтым, в красном окошечке — синим, а голубое осталось голубым, но вместо цифр там появилась надпись: «**ВЕРОЯТНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ИСЧЕРПАНА**».

— А теперь что делать? — спросил я Алексея Алексеевича.

— Ведите запись на новых листах в две колонки, — распорядился математик.

Через полчаса в синем окошечке появилась надпись: «**ВЕРОЯТНОСТЬ ВО ВРЕМЕНИ ИСЧЕРПАНА**».

— Теперь пишите в одну колонку на новых листах, — сказал Алексей Алексеевич.

Через 23 минуты машина выключилась сама. Алексей Алексеевич предложил мне стакан чая и рассказал кое-что о себе. Оказывается, с детства его интересовали случайности. Уже в детском садике его привлекали не игры, а так называемая теория игр. Все свободное время он занимался только тем, что подбрасывал пятак, желая добиться, чтобы он пять раз подряд выпал «решкой». Уже тогда юный Алеша пришел к выводу, что все мы — пловцы в океане случайностей. Мы этого не замечаем потому, что как любое вещество состоит из атомов, так наша жизнь и все окружающее нас соткано из случайностей. Случайность кажется нам случайностью только тогда, когда она выделяется из привычного ряда случайностей. Так, если плотно сложить остриями вверх 100 000 000 000 иголок, то мы сможем ходить по ним босиком и танцевать на них, не поранив ног. Но 1 иголка, выделенная из этих 100 000 000 000, может больно вонзиться нам в тело.

Далее Алексей Алексеевич объяснил мне, что в океане случайностей есть свои течения, и если изучить их, то можно плыть в бесконечную даль, открывая новые материки.

Попив чаю и побеседовав, мы снова приступили к делу и работали еще час, а затем мой собеседник сказал, что теперь он займется этой проблемой единолично. Он взял листы с моими записями и начал их просматривать, подчеркивая одни числа красным карандашом, другие — зеленым, а третьи — синим. Затем он вынул из-под кровати большой и очень точный план Ленинграда и расстелил его на широкой чертежной доске. На план он наложил чистую кальку и стал чертить на ней синей тушью какие-то сложные кривые. Затем на эту кальку он наложил вторую и начал чертить на ней красной тушью. Затем он наложил на эти чертежи третью кальку и работал на ней черной тушью, причем здесь линии были уже гораздо проще и все они сошлись в одной точке.

— Вот и найдена ТНВ, — удовлетворенно сказал Алексей Алексеевич и, проткнув эту точку рейсфедером, снял все три кальки с плана Ленинграда. Затем, взяв лупу, обвел на плане след укола маленьким зеленым кружком. — ТНВ здесь, — повторил он. — На Выборгской стороне.

— Что это за ТНВ? — поинтересовался я.

— ТНВ — это Точка Наибольшей Вероятности, — ответил математик. И с этими словами он записал на бумажку улицу, номер дома и время: 12 часов 08 минут. Эту бумажку он передал мне.

— Пусть завтра точно в указанное здесь время и точно по указанному здесь адресу, где должна находиться сберкасса, явится Варвара Константиновна и купит облигацию трехпроцентного займа, серия которой кончается цифрой семь.

На следующий день, выполняя совет Алексея Алексеевича, Варвара Константиновна отправилась на Выборгскую сторону, и на указанной улице нашла сберкассу, и точно в указанное время купила облигацию, номер которой кончался на указанную цифру семь.

Через неделю состоялся тираж, а когда через несколько дней после тиража появилась таблица выигрышей, Варвара Константиновна убедилась своими глазами, что она выиграла 5000 рублей. И, разумеется, первым делом она кинулась благодарить Алексея Алексеевича.

— Не стоит благодарности, — вежливо ответил ей молодой математик. — По мере сил я стараюсь исправлять ошибки Фортуны и направлять выигрыши тем людям, которые в них действительно нуждаются.

На выигрыш Варвара Константиновна кроме всякой одежды для себя и для сына купила электрополотер, электропылесос, телевизор «Волна», стиральную машину «Рига-55», радиолу «Мелодия» и магнитофон «Астра-2». Все жильцы были рады, что этой скромной женщине привалили такие деньги, а Вред-баба от зависти так серьезно заболела, что ее увезли в больницу, где она скончалась. На похоронах ее присутствовали только два человека: дворничиха и паспортистка, да и то в порядке профсоюзной заботы о людях. А когда вскрыли комнату, где она жила, там обнаружили столько денег и драгоценностей, что на них можно было купить 100 телевизоров и 1000 стиральных машин.

Что касается меня, то мне Алексей Алексеевич помог выиграть 1000 (одну тысячу) рублей. Часть денег я послал отцу, а на остальные приоделся, купил кресло-кровать и почти целиком залечил свои финансовые раны. Более того, Алексей Алексеевич обещал к лету выиграть мне мотоцикл и посоветовал заблаговременно поступить на курсы водителей, что я и сделал.

В последующие недели и месяцы Алексей Алексеевич не раз совещался со мной, следует ли оказывать помощь тому или иному человеку, и почти всегда принимал мои оценки во внимание. Но когда однажды я завел речь о Викторе и, как умел, рассказал о его крупном научном значении, а также о том, что его дети Дуб! и Сосна!, очевидно, вызывают дополнительные расходы, Алексей Алексеевич в довольно резкой форме отказался помочь моему талантливому брату, чем я был очень огорчен.

Однажды я поинтересовался, каким путем пришел Алексей Алексеевич к идее предсказания выигрышей. Он мне ответил, что идея эта побочная и третьестепенная по значению. Возникла она в процессе его работы над более важной проблемой. Тут он стал мне объяснять, что это за пробле-

ма, но я сидел как попка, ничего не понимая. Я ему честно сказал об этом и задал более простой вопрос: может ли он предсказывать то, что не имеет отношения к цифрам; короче говоря, не может ли он сделать мне прогноз моей будущей жизни и дать мне надежду, что мои вечные неудачи и неприятности когда-нибудь прекратятся.

Молодой математик даже с некоторой обидой ответил, что он не гадалка и имеет дело только с числами. Но затем он заинтересовался моим вопросом и дал распоряжение, чтобы я составил ведомость своих минувших жизненных событий и каждое неприятное событие оценил как -1 ; -2 ; -3 ; -4 ; -5 по степени его неприятности, а каждое радостное как $+1$; $+2$; $+3$; $+4$; $+5$ по степени радости. Вскоре я представил ему такую рапортничку, и он запустил данные в свою счетно-аналитическую машину. Через полчаса она выдала результат, который читался так: -1 ; -2 ; $+3$; -1 ; -2 ; -3 ; -4 ; -2 ; -3 ; $(-5=+5=+5) +5+5+5+5+5+5+5+5+5+5+5+5$; 0 .

— Устами вашей бы счетно-аналитической машины да мед пить! — воскликнул я. — Ведь, насколько я понимаю в цифрах, меня, после многих неприятностей, к которым я уже привык, ждет безоблачная, счастливая жизнь! Но что означают эти пятерки в скобках?

— Сам не пойму, — ответил Алексей Алексеевич. — Возможно, тут учитывается какое-то очень кратковременное событие, в процессе которого пятерка поменяет свой знак. Но точно я ничего сказать не могу, да и вообще прошу вас не придавать значения моему прогнозу. — С этими словами он порвал бумажку с выданными машиной цифрами и перевел разговор на другое. Мне показалось, что молодому математику этот прекрасный прогноз чем-то не понравился.

К началу лета я успешно окончил мотокурсы. И вот однажды, незадолго до тиража денежно-вещевой лотереи, Алексей Алексеевич вывел мне ТНВ для приобретения лотерейного билета, по которому я должен был выиграть мотоцикл.

Когда к 15 часам 38 минутам я явился по указанному Алексеем Алексеевичем адресу на одну из улиц возле

Варшавского вокзала, я с удивлением увидел, что в угловом доме, номер которого дал мне мой доброжелатель, сберкассы не имеется. Не было там и магазина, в кассе которого я мог бы приобрести лотерейный билет.

Огорченный тем, что система молодого математика дала осечку, я, понутив голову, медленно побрел восвояси, но не успел сделать и двух шагов, как кто-то легонько потянул меня за рукав.

— Слушай, друг, купи у меня лотерейный билет! — услышал я хриплый голос и, обернувшись, увидел мужчину средних лет с дымными от перепоя глазами.

— Купи, друг, билет, — снова обратился ко мне незнакомец. — Мне кружка пива требуется, голова гудит!

Я мгновенно понял, что и на этот раз ТНВ была верной и что система Алексея Алексеевича не дает осечек. Вынув 1 рубль, я за так вручил его жаждущему опохмелки и дружески сказал ему, чтобы свой билет он никому не продавал, ибо по нему он выиграет мотоцикл.

— Спасибо, милостивец! — воскликнул незнакомец. — Учту твои указания!

Вернувшись домой, я рассказал об этом случае Алексею Алексеевичу, и тот вывел мне другую ТНВ, где я на следующий день купил билет, по которому выиграл мотоцикл с коляской.

Коляска мне не так уж и нужна была, ведь я ходил в холостяках, и некого было мне возить в мотоколяске. Где-то там, под обоями, на стене комнаты моего детства, красовался в 848 экземплярах портрет прекрасной «Люби меня!» Но я полагал, что мне, человеку с пятью «не», никогда не встретиться со своей мечтой.

И все-таки, когда мне дан был отпуск и я отправился в мотопутешествие на юг, я не отделил коляску от мотоцикла.

18. Голубая собака

На третий день своего путешествия, проезжая через один городок, которому я дам условное наименование Собачинск-Неудачинск, я зашел на местный базар, чтобы

пополнить запас еды. Купив полкило неплохой копченой колбасы и два кило помидоров, я прошелся по торговым рядам. Оказывается, здесь можно было приобрести не только продукты, но и различные художественные изделия местных кустарей; в продаже имелись глиняные дудочки, коврики с русалками, а также гипсовые кошки, львы и слоны.

Между женщиной, торговавшей русалками, и мужчиной, выставившим богатый набор кошек и львов, я заметил скромного молодого человека с культурным лицом. Перед ним на деревянном неструганом прилавке находились пепельницы, которые он довольно робко предлагал проходящим мимо людям. Товар его брали плохо, хоть просил он совсем немного. Мне стало жаль этого сиротливого молодого человека, и я решил поддержать коммерцию, хотя я от природы некурящий и никогда даже в рот папиросы не брал. Подойдя к нему, я заплатил вперед и стал выбирать пепельницу.

— Они у меня все одинаковые, — честно предупредил продавец. — Тут выбирать нечего.

Действительно, все пепельницы были одна к одной, причем по форме довольно неуклюжи и, я бы даже сказал, несуразны. Но материал мне понравился: это была какая-то нежно-голубая пластмасса с золотистыми прожилками.

— Из чего это они сделаны? — поинтересовался я.

— Я их делаю из времени, — ответил мне скромный молодой человек. — Я улавливаю будущее время, сгущаю его, превращаю в реальное вещество и штамую из него вот такие пепельницы. В дальнейшем из времени можно будет производить пуговицы, мыльницы, столовую посуду, облицовочные плитки, умывальники, унитазы и много других полезных вещей.

— Еще издали я заметил, что у вас умное лицо, — сказал я продавцу. — Но теперь я догадываюсь, что вы гениальный изобретатель, и снимаю перед вами кепку! Никогда я не думал, что из времени, да к тому же из будущего, может получиться что-нибудь путное!

— Время — субстанция, то есть оно материально, — ответил молодой человек и дальше начал произносить всякие научные слова, которые понять я не мог, хотя и

подкован в фантастической литературе. Об этом непонимании я честно уведомил моего нового знакомого, сказав ему, что я, в противоположность моему брату Виктору, человек, не имеющий прямого отношения к науке.

— А кто ваш брат? — заинтересовался изобретатель. — Он не физик?

— Я точно не знаю его узкой специальности, — признался я. — Знаю только, что он крупный корифей науки и имеет отношение к кафедре Меланхолии и Статистики при Институте Антропофагии и Лингвистики. В таких делах я разбираюсь плохо, но очень уважаю всех научных работников, изобретателей и прочих двигателей прогресса.

— Кто бы вы ни были, но мне по душе ваше простодушие и искренность, — сказал незнакомец. — Если вас интересует, я охотно покажу вам мою Опытную Установку.

Он завязал нераспроданные пепельницы в узелок и следом за мной пошел к мотоциклу. Я усадил его в коляску, и мы поехали на окраину Собачинска-Неудачинска, где жил молодой ученый. По пути я набросал ему краткую биографию своей жизни, которая произвела на слушателя должное впечатление.

В ответ мой новый знакомый сказал, что зовут его Олегом Олеговичем, и затем поделился со мной историей своего великого открытия. Родился он в этом городке, в школе учился по физике, химии и математике только на «отлично». Затем уехал в крупный университетский город, где стал студентом. На четвертом курсе, во время проведения научного опыта, он был ранен внезапно взорвавшимся автоклавом, вследствие чего надолго лег в больницу. Так как в больнице у него было много свободного времени, то, используя это свободное время для размышлений, он стал задумываться о времени вообще. Приняв тезис, что время материально, он вывел формулу, позволяющую превращать будущие минуты, часы, годы и столетия в нечто осязаемое, то есть в вещество.

Когда Олег Олегович выздоровел, то предложил при том учебном заведении, где он состоял студентом, оборудовать опытную лабораторию, дабы он мог практически осуществить свою неожиданную идею. Но против этого вос-

стал один маститый профессор, который утверждал, что время нематериально и представляет из себя только промежуток между двумя какими-либо событиями. Тогда, не закончив последнего курса, Олег Олегович вернулся в родной Собачинск-Неудачинск и в подвале дома, где жил, оборудовал свою Опытную Установку.

Эта Установка крайне несовершенна, и единственное, что он может производить на ней из времени, — это пепельницы, ибо штампы для производства более сложных предметов сделать ему не под силу. Помощи же со стороны ему никто не оказывает, так как никто не верит в его открытие. Его даже подозревают в том, что он штампует свои пепельницы просто из пластмассы, которую достает «слева». А между тем без пепельниц ему не обойтись, так как надо же на что-то утилизировать вещество, получаемое из времени. Кроме того, до сих пор пепельницы давали ему хоть небольшие, но реальные деньги, которыми он мог расплачиваться за электроэнергию, потребляемую Опытной Установкой. Вообще же с деньгами у него дело обстоит крайне плохо, и он не имеет возможности приобрести усовершенствованное лабораторное оборудование для своей Установки. Последние два месяца он вообще близок к краху, так как пепельницы совсем перестали брать, за электроэнергию он давно не платил и его грозят отключить. А от родителей помощи ждать не приходится, ибо они, с тех пор как Олег Олегович вернулся, не закончив пятого курса, считают его тунеядцем.

— Но почему вы не обратитесь за помощью в научные учреждения? — задал я простой вопрос.

— Обращался, — с грустью в голосе ответил Олег Олегович. — Но в мою формулу не верят. В нее некому поверить, ибо ее некому проверить. Специалистов по этому делу нет нигде в мире, я иду нехоженым путем и даже не знаю, куда этот путь приведет... Но вот мы и прибыли. — И мой спутник указал на невзрачный одноэтажный кирпичный домик.

Я загнал свой мотоцикл во двор, и мой новый знакомый, захватив узелок с пепельницами, подвел меня к низенькой двери, ведущей в подвал.

Мы прошли темным сырым коридором, который затем перешел в лестницу, круто ведущую вниз. Затем мы вступили в небольшую комнатку-тамбур. Здесь Олег Олегович включил свет и достал из стенной ниши два странных костюма из какой-то серебристой и весьма тяжелой ткани; в общем-то костюмы эти напоминали водолазные и увенчивались круглыми шлемами, со стеклами — для головы. Затем мой новый знакомый навьючил мне на плечи кислородный прибор, такой же, как у аквалангистов, и присоединил трубку к шлему. Надев на себя такое же оборудование, он открыл тяжелую, обитую металлом дверь, и мы вошли в помещение, где находилась Опытная Установка. Стены, пол и сводчатый потолок этого довольно большого помещения оказались обитыми той же тканью, из которой были сделаны наши костюмы.

— Это, собственно говоря, уже не подвал, а подземелье, — пояснил мне Олег Олегович, и голос его сквозь шлем прозвучал таинственно и глухо. — Когда-то здесь была тайная молельня сектантов-беспоповцев, затем долгое время — овощной склад, а затем подземелье просто пустовало. Я провел сюда электричество и оборудовал здесь свою Установку. Обратите внимание на стены, пол и потолок: они покрыты изобретенным мной экранирующим материалом. Таким образом я изолировал данную кубатуру от притока внешнего времени. Я выкачиваю время только из этого помещения. Здесь царит автономное время, и сейчас мы, сами того не ощущая, находимся вовсе не в двадцатом веке, а в тысяча триста девяносто девятом. Таким образом, в будущем, то есть до тысяча триста девяносто девятого века, здесь ничего не будет происходить, ибо вместе со временем я выкачиваю и превращаю в вещество и те события, которые должны были бы произойти в этом помещении, вернее в данном объеме.

— А не может получиться так, что вы выкачаете отсюда все время и времени больше не будет? — задал я практический вопрос.

— Если бы я знал! — воскликнул Олег Олегович. — В том-то вся и штука, что я не знаю, бесконечно или конечно время! Ведь для того чтобы это выяснить, я и построил Опытную Установку!

— Если время бесконечно, то тут все ясно, — высказал я свое научное предположение. — Значит, его можно выкачивать и выкачивать, и все равно его не убавится. Но если оно когда-нибудь кончится, интересно, что будет тогда?

— Если время конечно и я его выкачаю отсюда целиком, то здесь образуется вакуум времени, — ответил мне Олег Олегович. — Но что тогда произойдет — этого я не знаю. Может быть, ничего не произойдет, а может произойти взрыв, перед которым взрыв водородной бомбы — выстрел из детского пугача... Однако я еще не показал вам того главного, ради чего привел вас сюда.

Он подошел к длинному столу из толстых грубых досок, на котором возвышалось что-то накрытое чехлом из дешевого пестрого ситца. Затем он сдернул чехол, и моему удивленному взору предстал странный агрегат. Начинаясь он широкой воронкой, к ней был припаян металлический шар, от шара шла гофрированная медная трубка к большому черному ящику, на крышке которого было пестро от кнопок, клавиш, циферблатов и разноцветных маленьких лампочек. От этого таинственного ящика шли две трубки к стальному цилиндру, а от цилиндра, под углом в сорок пять градусов, шла еще одна трубка, которая упиралась в эмалированный открытый бачок. Несколько поодаль от основного агрегата высилось штамповальное устройство с рукояткой и чугунным противовесом.

— Как видите, моя Опытная Установка на первый взгляд весьма невзрачна, ибо некоторые ее детали состоят из предметов, которые я собрал на складе металлолома. Однако коэффициент полезного действия этой Установки весьма высок.

— Извините, а какую научно-техническую роль играет эта воронка? — задал я деликатный вопрос.

— Эта поставленная горизонтально воронка втягивает в себя время, а затем оно поступает вот в этот преобразователь, а из преобразователя, уже в виде жидкой субстанции, самотеком идет в сгустительную камеру, а затем... — И он начал мне объяснять действие агрегата, пустившись в разные непонятные подробности.

— Впрочем, лучше всего показать вам Опытную Установку в действии, — прервал он сам себя и, подойдя, к

распределительному щиту, включил рубильник, а затем начал нажимать на всякие кнопки и клавиши, которыми был украшен большой ящик.

Послышался негромкий вибрирующий гул. Воронка начала тихо вращаться, засветились циферблаты и разноцветные лампочки. Вскоре из трубки в бак потекла тонкая струйка голубоватой жидкости. Попадая в эмалированный бак, жидкость сгущалась, преобразуясь в вязкую массу. Это и было время, превращенное в вещество.

Олег Олегович взял деревянной лопаточкой порцию этой голубой массы и понес к штампу. Затем он опустил рукоятку — и очередная пепельница была готова.

— Сколько минут сгущенного будущего времени уходит на такую пепельницу? — задал я практический вопрос.

— Вы сказали «минут»?! — удивленно воскликнул изобретатель. — Надо было спросить, «сколько столетий»! Знайте, что масса, идущая на одну пепельницу, равна четырем с половиной векам земного времяисчисления.

Затем Олег Олегович отштамповал еще несколько пепельниц и начал жаловаться на плохой их сбыт и на материальные неполадки, мешающие ему усовершенствовать свою Установку и двигать науку вперед.

И вот тогда в моем мозгу внезапно возникла важная идея, которой я немедленно поделился с изобретателем.

— Уважаемый Олег Олегович! — сказал я. — Ваши пепельницы плохо идут, так как все, кому они были нужны, уже купили их, а новое поколение курильщиков еще не подросло. Поэтому вам надо реконструировать производство и наладить выпуск новой продукции. На рынке Собачинска-Неудачинска я видел продающихся гипсовых кошек, львов и слонов, но я там не увидел ни одной гипсовой собаки. А ведь собака — друг человека, и если вы наладите ее производство из своего высококачественного сырья, то она выручит вас из трудного материального положения!

— Около года тому назад гипсовые собаки продавались на нашем рынке, но их сняли с продажи за повышенную антихудожественность, — дал мне справку мой собеседник.

— Но если вы наладите производство собак из нового красивого сырья, то их художественная ценность возрастет. Надо только достать образец и сделать штамп.

— Образец достать нетрудно, ибо автором местной гипсовой собаки является мой родной отец, известный городской ваятель-гипсовик и председатель здешнего творческого объединения скульпторов-надомников. Он охотно даст мне модель, но я боюсь, не будет ли антиморальным фактом возобновление производства антихудожественной собаки?

— Но ведь это же ради науки! — воскликнул я. — Собаки всегда страдали во имя науки, таков их удел.

— Да, придется пойти на это... Конечно, в виде временной и даже кратковременной меры, — с печалью в голосе произнес Олег Олегович. — Наука требует жертв, и пусть в данном конкретном случае этой жертвой будет собака.

И он пошел к отцу за образцом, а я направился в местный Дом колхозника на ночевку, оставив мотоцикл во дворе своего нового знакомого. А когда я пришел к изобретателю на следующий день, он уже возился с оборудованием для производства собаки. Отец весьма охотно дал сыну модель и был рад, что тот решил сойти с тернистой тропы тунеядства на широкую трудовую дорогу.

Я, как мог, помогал своему новому знакомому, и через два дня у нас были готовы два штампа с пуансонами: один — для левой стороны модели, другой — для правой. Наконец, мы отштамповали обе половины животного и склеили их тем же веществом. Собака получилась еще более малохудожественной, чем раньше, ибо для упрощения штамповки мы внесли в ее конструкцию некоторые изменения: передние лапы ей укоротили, а от ушей и хвоста пришлось отказаться целиком. Однако красивый голубой цвет испугал физические недостатки этой собаки.

Всю ночь Опытная Установка была в работе, всю ночь мы штамповали собак, причем на каждую из них шло 785 лет будущего времени. К утру у нас был готов большой запас изделий, и, щадя скромность ученого, я сам отправился на базар, чтобы заняться там сбытом продукции.

Заняв место между женщиной, торгующей русалками, и мужчиной, продающим гипсовых кошек, львов и слонов, я выставил на прилавок шеренгу голубых собак. Несмотря на то что цену я назначил немалую, сбыт начался немедленно. Очевидно, люди соскучились по собакам, они прямо рвали товар из рук. Некоторые спрашивали, что это за такая красивая голубая пластмасса, и я, пропагандируя идею изобретателя, отвечал, что это никакая не пластмасса, а самое настоящее время, превращенное в вещество. Однако мне никто не верил, люди считали, что я шучу.

Не прошло и трех часов, как я отправился к Олегу Олеговичу за новой партией товара. Когда я вручил ему выручку, он очень обрадовался и поблагодарил меня от лица науки. При этом заявил, что теперь он скоро заменит свой самодельный агрегат новейшим оборудованием и совершит с его помощью новые чудеса.

Три дня подряд я торговал на рынке, а Олег Олегович трудился над собаками, уходя все дальше и дальше в глубину грядущих столетий. Но когда на четвертый день я занял свое место за прилавком, ко мне подошли дружинники и попросили предъявить документы на право торговли предметами искусства. Так как документов у меня не имелось, то меня повели в пикет. Короче говоря, дело кончилось тем, что мне дали десять суток за мелкую спекуляцию. Как выяснилось, все это подстроил торговец гипсовыми кошками, львами и слонами. Он сделал это для того, чтобы устранить опасного конкурента.

Девять дней я проработал на Собачинско-Неудачинском черепичном заводе, а на десятый день, в числе некоторых других нарушителей, был отправлен на рынок, где мне в обязательном порядке была вручена метла. И вот, подметая базарный асфальт, я заметил, что некоторые посетители уносят с рынка, в числе прочих покупок, голубых собак. Вскоре, к некоторому своему удивлению, я увидел Олега Олеговича. Стоя за прилавком, он бойко торговал собаками. Торговля шла настолько хорошо, что к нему даже стояла очередь. В придачу к каждой собаке мой знакомый, в виде принудительного ассортимента, продавал пепельницу — из затоварившегося запаса. При виде меня изобре-

татель несколько смутился и стал мне объяснять, что его отец где-то там договорился о разрешении на продажу собак — и вот он, Олег Олегович, решил временно сам заняться торговлей.

— Но у вас, наверно, накопилось уже достаточно средств на улучшение Опытной Установки? — спросил я его.

— Я решил немного обождать с усовершенствованием, — ответил он. — Для производства собак моя Опытная Установка не нуждается в улучшении и вполне меня устраивает. А дальше видно будет... Пока я решил обзавестись кое-какой мебелью. Вчера, например, приобрел неплохой столовый гарнитур, а теперь на очереди пианино.

— Как? Вы не только ученый-изобретатель, но и музыкант? — изумился я.

— Нет, я не музыкант. Но пианино — это солидная вещь, она украсит комнату.

— А сколько собак надо продать, чтобы купить одно пианино? — спросил я.

— Чтобы купить в магазине одно черное пианино, нужно продать на рынке триста пятьдесят шесть голубых друзей человека, — с цинизмом в голосе ответил изобретатель.

Я стал подсчитывать в уме: на 1 собаку уходит 785 лет будущего времени. Следовательно, если помножить 785 на 356, то получится 279 460 лет!

— Уважаемый Олег Олегович! — тихо сказал я. — Ваше пианино обойдется вам в двести семьдесят девять с лишним тысяч будущих лет! Сколько замечательных событий могло бы произойти в этом подземелье за эти тысячелетия, а вы их расходуете на вещь, которой вы даже не будете пользоваться. Я был о вас лучшего мнения!

— Вы сами подали мне идею голубой собаки, я только логически развиваю ее, — сердито ответил изобретатель. — А теперь вы же читаете мне мораль!.. Беритесь за вверенную вам метлу и не мешайте мне торговать!.. Кто следующий за собачками?

Люди, стоящие в очереди, оттиснули меня от прилавка, и я принялся за прерванное этим разговором занятие, то есть стал подметать рыночный пыльный асфальт. На душе у меня было грустно. В тот же вечер, отбыв срок наказания,

я взял свой мотоцикл и на полном газу покинул Собачинск-Неудачинск.

С тех пор я ничего не слышал об Олеге Олеговиче и его Опытной Установке, да и слышать не хочу и помнить не желаю! Но иногда у меня возникает мысль: вдруг время имеет предел?! Вдруг Олег Олегович ради голубых собак выкачает из своего подземелья все запасы времени, и там создастся вакуум, и произойдет взрыв, и наш земной шар взлетит вверх тормашками?!

19. ЭМРО

Я спешил вовремя вернуться в Ленинград из отпуска. Двое суток я гнал свой мотоцикл на полном газу, а ночевал в придорожных кустах. На третьи сутки я так устал, что, когда на пути мне попался город, я решил отдохнуть в нем. Город этот, ввиду того что в нем развернулись важные для меня события, условно назову так: Надеждинск-Исполнительск.

На главной улице я остановил мотоцикл и спросил прохожего, как проехать к гостинице. Тот мне сразу же указал дорогу к новому одиннадцатизэтажному зданию, которое было видно со всех улиц и являлось гордостью жителей Надеждинска-Исполнительска.

Хоть я пишу правдивую историю всей своей жизни, а вовсе не фантастику, и знаю, что свободных номеров в гостиницах никогда нет, но все же я направился к этому зданию. Конечно, я не рассчитывал на койко-место, но надеялся поставить мотоцикл в гостиничном дворе, а затем подремать в вестибюле. Это мне удалось, и вскоре я, положив у ног рюкзак, спал в уютном гранитолевом кресле среди командировочных, ожидающих очереди на проживание в номерах. И вдруг я почувствовал, что кто-то мягко коснулся моего плеча, и проснулся. Передо мной стоял человек на вид лет тридцати пяти, с умным и симпатичным лицом.

— Товарищ, идите ко мне в номер, там имеется свободная раскладушка, — сказал незнакомец.

— Но у меня нет командировочного удостоверения, — ответил я, не смея верить в такую сказочную удачу.

— Это ничего не значит. Сейчас вас оформят.

Незнакомец подошел со мной к окошечку администратора, и меня действительно оформили без всяких разговоров. И вот я с этим добрым человеком поднялся в лифте на одиннадцатый этаж, где находился его номер. По пути я спросил его, почему он захотел помочь именно мне, совсем незнакомому человеку.

— В связи с наплывом туристов проводится уплотнение, и мне хотели подселить какого-то типа с гнусавым транзистором на боку, я же терпеть не могу этих безмозглых шарманщиков. А так как у меня номер одноместный, то я имею право выбирать себе соседа. И вот я спустился в холл и стал рассматривать людей. Честное и простодушное выражение вашего лица решило мой выбор... Но, надеюсь, в вашем рюкзаке нет транзисторов, магнитофонов и прочих шумовых приборов?

— Нет, — ответил я, — я и сам люблю тишину.

— Значит, я не ошибся в вас! — с чувством сказал добрый незнакомец. — А вот и наш номер.

Мы вошли в небольшую комнату под №1155, и мой вожатый указал мне на раскладушку.

— Извините, что сам я буду спать не на этой жалкой раскладушке, а на нормальной кровати, — вежливо сказал он. — Но в этом для вас нет ничего обидного, так как я намного старше вас.

— Вы... вы старше меня? — удивился я. — Но мне сорок девять лет! А вам — от силы лет тридцать пять.

— Мне шестьдесят три года, — спокойно ответил мой новый знакомый. — Если не верите, вот вам мой паспорт.

Я заглянул в документ и своими глазами убедился, что мой собеседник, которого, судя по паспорту, зовут Анатолием Анатольевичем, действительно на четырнадцать лет старше меня.

— Но почему вы так молодо выглядите? — спросил я. — Ведь даже на фотокарточке в паспорте вы выглядите значительно старше.

— В паспорте — старый фотоснимок, это я снимался три года тому назад, — сказал мой странный знакомый. — За эти годы я помолодел.

— Ничего не понимаю! — воскликнул я. — Все люди с годами стареют, а вы молодеете!..

— Мой молодой и бодрый вид, а также молодая ясность моего ума — побочный результат действия ЭМРО, — ответил мне мой однокомнатник.

— Что это за ЭМРО? — заинтересовался я.

— ЭМРО — это Эликсир Мгновенной Регенерации Организма, — веско ответил Анатолий Анатольевич.

Так как я всю жизнь нарывался на всевозможных открывателей и изобретателей, то мой опыт подсказал мне, что и в данном случае передо мной находится сам автор ЭМРО. Когда я высказал это предположение, мой собеседник ответил утвердительно. Тогда я представил ему краткий устный обзор своей жизни от детских лет до текущего дня и был выслушан с интересом и сочувствием. В ответ ученый рассказал о себе и о том, как он открыл ЭМРО, а также о значении этого удивительного открытия.

Родился Анатолий Анатольевич в одном большом городе. В школе он был первым учеником по химии, ботанике и биологии, однако никаких научных планов он в те годы не строил. Но когда он учился в последнем классе школы, его младший брат, заигравшись на окне без присмотра родителей, упал с высоты седьмого этажа и разбился насмерть. Это очень сильно подействовало на юного Анатолия, и он решил открыть такое средство, чтобы люди, случайно упав с высоты, не разбивались, а оставались живыми и здоровыми.

Сознавая всю трудность и необычность своей задачи, Анатолий подошел к ее решению не сразу. Окончив школу, он поступил в Медицинский институт, а после его окончания прослушал курс лекций в Химическом институте и затем целиком отдался ботанике, специализировавшись на лекарственных растениях.

Он побывал во многих ботанических экспедициях и однажды в сибирской тайге услышал, как некоторые звери, будучи ранены, отыскивают какую-то невзрачную травку. Поев этой травки, животные быстро выздоравливают, раны — как не бывало. Анатолий Анатольевич с превеликим трудом отыскал это растение и стал его культивиро-

вать. Затем, сделав экстракт из семян этой травы, он рекомендовал его для больниц «скорой помощи». Лекарство способствовало очень быстрому заживлению свежих ран и переломов и имело большой успех в медицинском мире, однако это было не совсем то, чего искал ученый. Ему нужен был состав, который действовал бы мгновенно, в момент травмы. И вскоре он понял, что создать такой состав он сможет только путем синтеза. Посвятив всю последующую жизнь этим поискам, он проделал множество химических опытов, и вот три года тому назад, на шестьдесят первом году жизни, ему удалось добиться того, к чему он стремился с юношеских лет.

Теперь надо было убедиться на практике в силе действия ЭМРО. Будучи противником всяческих экспериментов на ни в чем не повинных животных, Анатолий Анатольевич задумал провести первый опыт на самом себе. А так как он жил все в той же квартире, то первый прыжок он решил произвести из того же окна, из которого когда-то выпал его злосчастный младший брат.

И вот летом, когда вся семья была на даче, он ровно в два часа ночи накапал в стакан воды семь капель ЭМРО и, приняв эликсир, стал на подоконник раскрытого окна. Через несколько секунд, преодолев страх, он кинулся вниз с высоты седьмого этажа...

В миг падения ему показалось, что сердце вот-вот разорвется, а затем он ощутил резкий, очень болезненный удар и на секунду потерял сознание. Затем он встал с камней живым и невредимым и притом с таким блаженным ощущением, будто искупался в целебном источнике. Но зато костюм его лопнул по швам, пуговицы отлетели, от ботинок оторвались подошвы, а ключ от квартиры вылетел из кармана, и его пришлось искать, ползая на четвереньках по темному двору.

Так как шум от удара тела о камни был весьма громок, то многие жильцы дома проснулись и кинулись к окнам. Увидев в тусклом свете ночи какого-то подозрительного оборванца, ползающего по двору в поисках неведомо чего, они стали звать дворника. Дворник тоже не сразу узнал в этом гопнике почтенного ученого и хотел даже отвести

его в милицию. Но потом все кончилось благополучно, и, отыскав ключ, Анатолий Анатольевич вернулся в свою квартиру.

В течение последующих двух недель самоотверженный труженик науки произвел еще восемнадцать выпрыгов из окна, окончившихся столь же благополучно, как и первый. Чтобы не портить костюмов, он придумал спецодежду для прыжков: брезентовую куртку, такие же брюки и обыкновенные валенки. Жители квартир, выходящих окнами во двор, постепенно привыкли к опытам, которые проводил ученый, и дворника больше не вызывали. Однако вскоре Анатолий Анатольевич констатировал, что и жильцы дома, и знакомые при встрече на улице перестали его узнавать. Тогда он стал чаще смотреться в зеркало и убедился в странном факте: после каждого прыжка он становился на вид все моложе. Исчезли морщины, исчезла седина, на лице заиграл молодой румянец... Кроме того, он отметил, что у него нет больше одышки, которой он страдал в силу своего возраста, и что он стал лучше видеть и слышать, и что память его улучшилась и стала почти такой, как в студенческие годы.

Когда он пошел к врачу-терапевту, тот с удивлением заявил, что по высоким показателям своего здоровья Анатолий Анатольевич приближается к тридцатилетнему человеку.

— Анатолий Анатольевич! — в восторге воскликнул я, выслушав его научное сообщение. — Анатолий Анатольевич! Вы совершили великое открытие! Ваш ЭМРО надо срочно пустить в массовое производство. Ведь этот эликсир пригодится многим людям — верхолазам, кровельщикам, альпинистам, канатоходцам, а также детям и пьяницам, живущим на высоких этажах, и даже хозяйкам, моющим окна. А его побочное омолаживающее действие?! Ведь это чудо! Только подумать.

— Увы, это не так просто, как вам кажется, — прервал мое восторженное высказывание ученый. — Должен вам сказать, что пока еще ЭМРО действует только в том случае, если падение произошло не позднее трех минут после приема. Не могут же кровельщики принимать ЭМРО каж-

дые три минуты. Я работаю сейчас над продлением действия эликсира. Конечно, и в нынешнем качестве мой эликсир нужен людям и достоин массового производства. Но чтобы наладить его массовый выпуск, необходимо доказать, что ЭМРО действует универсально, а не избирательно. Мне самому еще неизвестно, у всех ли индивидуумов он вызывает должный эффект мгновенного восстановления организма, — ведь пока опыт проведен только на одном человеке, то есть на мне. Мне нужны добровольцы-подопытники... И вот я третий год езжу по градам и весям в поисках таких добровольцев и никак не могу их найти. На свете очень много смелых людей, но стоит мне объяснить условия опыта, то есть указать на то, что ЭМРО может не сработать в момент приземления, — и самые смелые почему-то отказываются от прыжка... Ведь вот и сюда, в Надеждинск-Исполнительск, я прибыл по договоренности с одним отважным местным парашютистом. Но и он, несмотря на то что я провел с ним большую научно-просветительную работу, теперь колеблется и хочет избежать участия в этом эксперименте... Завтра буду опять его уговаривать... Нет, не так-то это просто... Вот вы лично согласились бы произвести прыжок из окна с высоты одиннадцатого этажа?

— Боюсь, что такой научный подвиг мне не по плечу.

— Ну вот, а сами же говорите: «Великое открытие!» — с обидой в голосе произнес мой однокомнатник.

Несмотря на усталость, в этот вечер я долго не мог уснуть. Меня взволновали невзгоды маститого ученого, который мечтает подарить человечеству свой чудодейственный эликсир и не может, ибо сами же люди не хотят пойти ему навстречу в этом деле. Мне очень хотелось помочь ему, но я с детства боюсь высоты, и я понимал, что решиться на прыжок мне почти невозможно. К тому же мне невольно вспоминались все мои прежние контакты с мыслителями, открывателями и изобретателями. Как правило, они не приносили мне счастья. Особенно горек был опыт с шерстеношением, из-за которого я так и не получил должного образования. А здесь мне угрожало большее: потеря жизни.

С такими мыслями я и уснул, а проснувшись, обнаружил, что мой однокомнатник уже ушел по своим научно-просветительским делам. Тогда я отправился бродить по Надеждинску-Исполнительску, который оказался весьма приятным городом. Но мысль о том, что ЭМРО может никогда не увидеть массового производства, камнем лежала у меня на сердце и мешала с должным вниманием рассматривать городские достопримечательности.

Когда я вернулся вечером в гостиницу, Анатолий Анатольевич был уже в номере. С невеселым, даже с удрученным видом сидел он в кресле. Мне даже показалось, что на его щеках виднелись следы недавних слез.

— Мне не удалось убедить парашютиста, он наотрез отказался от проведения опыта, сославшись на то, что у него есть жена и двое детей, — дрожащим голосом поведал мне ученый.

Мне стало стыдно за себя. Ведь у меня не было ни жены, ни детей, и я знал, что никто особенно не будет плакать, если со мной случится какое-нибудь несчастье. Только трусость мешает мне согласиться на эксперимент.

Машинально я направился в совмещенную ванную, имеющуюся при номере, и заглянул в зеркало. На меня глядел холостой человек, на лице которого ясно были написаны все его пять «не»: это был человек

не	{	уклюжий
		сообразительный
		выдающийся
		везучий
		красивый.

К этому перечню нужно было добавить еще одно «не»: немолодой.

«Ну кому нужен такой тип! — подумал я. — И этот-то тип еще отказывается рискнуть собой ради науки и нахально цепляется за свою холостяцкую жизнь!» С такими мысленными словами я покинул совмещенную ванную и, войдя в комнату, сказал ученому:

— Я готов принять ЭМРО и совершить научный выпрыг из окна!

— Голубчик вы мой! — воскликнул Анатолий Анатольевич. — Люди не забудут вас! Какое счастье, что вы встретились мне на моем жизненном пути!.. Когда вы хотите провести опыт?

— Хоть сейчас, — ответил я.

— Сейчас рановато. Наше окно выходит на улицу, придется подождать ночи, когда не будет прохожих. А пока на всякий случай рекомендую вам составить завещание. Ведь вы уже знаете о том, что во время эксперимента ваш организм может не среагировать на ЭМРО.

Я сел писать завещание. На это не потребовалось много времени, так как особо ценных вещей у меня было ровно две: кресло-кровать и мотоцикл. Кресло-кровать я завещал моему талантливому брату Виктору, а на мотоцикл дал доверенность Анатолию Анатольевичу, чтобы он мог его продать и отослать деньги моему отцу.

Когда настала глубокая ночь, Анатолий Анатольевич мягко напомнил мне о том, что теперь можно приступить к эксперименту.

— А чтобы ваш костюм не пострадал, я одолжу вам свою личную спецодежду, — заботливо добавил он и немедленно достал из своего большого чемодана брезентовую куртку, такие же брюки и плотные качественные валенки.

Я облачился в прыгательный спецкостюм, и Анатолий Анатольевич, вынув небольшой пузырек с ЭМРО, налил одиннадцать (по числу этажей) капель этой зеленоватой жидкости в стакан с водой. Когда я залпом выпил эликсир, ученый с чувством пожал мне руку и молча указал на окно. Я взобрался на подоконник и глянул вниз. Мне стало не по себе.

— Не буду стоять у вас над душой, ибо вполне полагаюсь на вашу сознательность, — сказал мой однокомнатник. — Я спущусь вниз, чтобы приветствовать вас там. Но, надеюсь, вы будете там раньше меня.

Мне стало еще страшнее. При слове «там» мне представилась не улица, а более печальное место, то есть кладбище. И я снова подумал, что все проекты и опыты, в которых я

принимал участие, никогда ни к чему хорошему меня не приводили. Даже то, что благодаря ТНВ я выиграл мотоцикл, тоже нельзя считать удачей, ибо из-за путешествия на этом самом мотоцикле я сперва получил десять дней отсидки в Собачинске-Неудачинске, а теперь вот стою на подоконнике и готовлюсь к смертельному выпрыгу... И все-таки надо было держать слово. Я подумал о своем брате, который всецело жертвует собой для прогресса и должен служить мне путеводным маяком... Много мыслей промелькнуло у меня в голове! Но три минуты были уже на исходе. Победив страх, я взмахнул руками и зажмурясь прыгнул вниз.

От скорости падения я на миг потерял сознание, последовал резкий и очень болезненный удар, а затем я встал с асфальтового тротуара, в котором от силы моего падения образовалась вмятина.

— Как вижу, я не ошибся, — сказал Анатолий Анатольевич, подходя ко мне. — Вы прибыли первым. Как ваше самочувствие?

— Ничего не пойму, — ответил я. — Я чувствую какую-то легкость в теле, будто после бани. И еще я ощущаю душевный подъем.

— Сказывается побочное действие ЭМРО, — деловито заметил ученый. — Произошла мгновенная перестройка всех клеток организма. Вы стали моложе. Еще десять-двенадцать прыжков, и вы станете совсем молодым, и притом приобретете такие физические и духовные качества, которыми прежде не обладали. Кстати, продолжением опытов вы принесете большую пользу науке.

— Хоть сейчас готов! — ответил я.

— Боюсь, что многократные прыжки из окна гостиницы могут вызвать недовольство администрации, — высказался Анатолий Анатольевич. — Но в здешнем парке культуры я заметил вышку для прыжков с парашютом. Почему бы нам не отправиться туда? Если вы не против, то подождите меня здесь, а я поднимусь в номер и захвачу склянку с ЭМРО, а также графин с водой и стакан.

Через несколько минут он вернулся, и по ночным безлюдным улицам мы направились в парк. Там мы беспре-

пятственно забрались на вышку, и ученый накапал в стакан воды четырнадцать капель ЭМРО (высота вышки равнялась примерно четырнадцати этажам). Я прыгнул, затем поднялся на вышку и повторил прыжок, а потом, войдя во вкус, прыгнул еще раз, и еще раз, и еще... С каждым разом прыгать было все менее страшно, и после каждого приземленья я чувствовал себя все моложе и бодрее.

— Ну, хорошего понемножку, — сказал ученый после моего пятнадцатого прыжка. — Я тоже хочу прыгнуть пару раз для поднятия жизненного тонуса. Давненько я не прыгал.

Так как ночь была теплая, то мы разделись, и Анатолий Анатольевич надел спецкостюм. Сделав в нем два прыжка, он вернул его мне, мы снова оделись и направились в гостиницу. Уже светало, на улицах появились первые прохожие, они с удивлением смотрели на мои валенки. Швейцар не хотел впускать меня в вестибюль, и Анатолий Анатольевич строго сказал ему, что я — известный киноартист и возвращаюсь с киносъемки. Дежурная по этажу — немолодая симпатичная женщина — не узнала меня, и моему спутнику пришлось пройти в номер и принести мой паспорт. Но, увидев фото, она сказала, что я здесь совсем не похож на себя. Тогда маститый ученый объяснил ей, что моя несхожесть — это результат побочного действия ЭМРО, и провел с ней краткую научно-популярную беседу. В результате дежурная выразила желание совершить выпрыг в ближайшую же ночь.

— Я делал ошибку, пропагандируя ЭМРО только среди мужчин, — весело потирая руки, сказал ученый, когда мы вошли в номер. — А ведь давно известно, что женщины обладают такой же смелостью, как и мужчины, а зачастую и превосходят их. Правда, мне лично кажется, что нашу гостиничную даму привлекла не научная подоплека эксперимента с ЭМРО, а его побочное омолаживающее действие, но для опытов это не имеет значения.

Войдя в совмещенную ванную, я посмотрел на себя в зеркало. И я не узнал себя! На меня смотрело интеллигентное лицо симпатичного тридцатилетнего мужчины. Потрясенный чудесной переменой, я не сразу поверил своим

глазам и, закрыв их, два раза повернулся на пятке вокруг своей оси. Но когда я снова взглянул в зеркало, на меня смотрело то же симпатичное преображенное лицо.

Приняв душ, я крепко уснул, а когда проснулся, был уже полдень. Позавтракав в гостиничном буфете, я отправился гулять по веселым улицам Надеждинска-Исполнительска. Проходя безлюдным сквером, я увидел пожилую женщину, которая сидела на скамейке и плакала. Я подошел к ней. При виде меня она встрепенулась и сказала:

— У меня к вам большая просьба! Помогите мне найти вора, укравшего мою сумку, в которой находится сумочка с деньгами и записной книжкой с адресом моего сына! Я прилетела сюда к сыну из Закарпатья, но я не помню его адреса, а на обратную дорогу денег у меня нет, ибо они находятся в сумочке, которая лежит в сумке, а ее у меня украли в трамвае, когда я ехала в центр города с аэродрома.

Высказав это, женщина заплакала с новой силой.

— Тяжелый случай, — сказал я и стал думать, чем же я могу помочь плачущей. И вдруг я вспомнил, что когда мой друг Вася-с-Марса улетал с Земли, он дал мне свой легкозапоминающийся телефон и обещал выполнить любую просьбу.

— Подождите меня пять минут, — сказал я плачущей гражданке. — Я надеюсь повернуть ваше дело в положительном смысле.

Добежав до ближайшего автомата, я вошел в будку и набрал на диске одиннадцать единиц и пять пятаков.

— А, это ты, свой в доску — и штаны в полоску! Наконец-то вспомнил обо мне! — послышался Васин голос. — Ну, как дела на земной хавире?

— Все в порядке, пьяных нет, — ответил я. — Этой ночью я совершил научный выпрыг, в результате чего...

— Знаю, знаю, — перебил меня Вася. — Я об этом знал уже, когда отлетал с Земли. Ну, теперь ты не тушуйся!

— Вася, у меня к тебе срочная просьба. Ты ведь обещал, помнишь?

— Помню. Сумка, в которой находится сумочка с деньгами и записной книжкой, вовсе не украдена, а потеряна в трамвайной давке. Семь минут тому назад она сдана в Стол

находок, который находится на улице Дровяной, дом 9. Выйдя из сквера, где плачет пожилая гражданка, надо свернуть налево и пройти два квартала, затем свернуть направо и пройти четыре дома. Готовься к важному событию.

— К какому событию? — удивился я.

— Много будешь знать — скоро состаришься, — загадочно ответил Вася-с-Марса.

— Вася, кореш мой инопланетный, а ты к нам снова в гости не собираешься? — с надеждой спросил я.

— Нет, годы уже не те, — задумчиво произнес мой друг. — Но ты увидишь меня на своей свадьбе. А теперь катись. Пока!

Слова о свадьбе я понял в смысле шутки, то есть в том смысле, что увижу я своего друга, когда рак свистнет. Я поспешил в сквер.

— Ваша сумка, в которой сумочка, нашлась. Она в Столе находок, — сказал я плачущей.

— Ах, не верю, не верю! — сказала плачущая гражданка. — Это вы мне говорите только для утешения!

Пришлось мне самому отвести ее в Стол находок. Вскоре мы с вышеупомянутой гражданкой вошли в парадный подъезд дома № 9 по Дровяной улице. Стол находок занимал довольно обширное помещение. Здесь имелось нечто вроде прилавка, за которым сидела Заведующая возвратом, а позади нее стояло много нумерованных шкафов. Плачущая обратилась к Заведующей с описанием своей потери, и Заведующая, заглянув в ведомость, сказала, что находка сейчас будет возвращена по принадлежности.

— Люба! — крикнула она, повернувшись в сторону шкафов. — Люба, принеси, пожалуйста, находку, оформленную за № 555!

— Сейчас принесу, — послышался откуда-то очень приятный голос.

И вот в проходе между шкафами показалась сотрудница лет двадцати пяти, несущая желтую провизионную сумку. Я взглянул на эту молодую женщину, и сердце у меня заколотилось даже сильнее, чем когда я стоял на подоконнике и собирался делать выпрыг с одиннадцатого этажа. Передо мной находился живой оригинал моей мечты!

Казалось, один из 848 портретов из комнаты моего детства ожил и переселился сюда, в Стол находок... Вот красавица вручила сумку плачущей гражданке, и та стала благодарить ее, переключившись со слез горя на слезы радости. А я стоял в сторонке и не мог оторвать глаз от симпатичной красавицы.

— «Люби меня!» — невольно вырвалось у меня, и тут она взглянула в мою сторону, побледнела и схватилась за сердце.

— Что с вами?! — взволнованно спросил я.

— Вы — тот, кого я так долго ждала! — тихо сказала она.

Тут Заведующая, видя эту неожиданную сцену, сочувственно посоветовала нам уйти за шкафы и там без свидетелей продолжать наш личный разговор.

И вот между шкафов с лежащими в них не востребованными находками я поведал Любе свою биографию, начиная с детства и кончая последними событиями. Она в ответ сообщила мне, что ее бабушка была премированная красавица и один художник в процессе рисования ее портрета для рекламы одеколона так влюбился в нее, что предложил ей стать его женой, на что она согласилась.

Когда Любе было десять лет, а ее дедушка-художник был уже в преклонном возрасте, он однажды в шутку нарисовал портрет ее предполагаемого жениха. Этот воображаемый человек так понравился юной Любе, что, когда она выросла и стала красавицей, она ни на кого из мужчин и смотреть не хотела. Многие, в том числе и ответственные работники, предлагали ей законный брак и прочную материальную базу и даже жаловались письменно на ее несговорчивость в вышестоящие учреждения, — но она была холодна и неприступна, как золотая рыбка. И вот наконец она дождалась своего суженого и хоть сейчас готова идти во Дворец бракосочетаний.

Мы обнялись, поцеловались и договорились, что будем жить не где-нибудь, а именно в Рожденьевске-Прощалинске, в том доме, где я впервые увидел «Люби меня!» в количестве 848 экземпляров.

Затем Люба повела меня к себе домой, где я временно поселился, а сама приступила к оформлению ухода с рабо-

ты. На стене Любиной комнаты висел мой точный портрет, нарисованный ее дедом и помещенный самой Любой в изящную пластмассовую рамку.

Через пять дней Люба села в коляску моего мотоцикла и вместе со мной покинула Надеждинск-Исполнительск, держа совместный путь к новой счастливой жизни.

Перед отъездом из Надеждинска-Исполнительска я пошел проститься с Анатолием Анатольевичем и поблагодарить его за побочное действие ЭМРО. Уже на дальних подходах к гостинице я увидел длинную извилистую очередь, тянущуюся через весь квартал.

— Куда эта очередь? Какой товар выбросили? — спросил я у одной нарядной дамы.

— Это очередь на выпрыганье, — весело ответила дама.

Только тут я заметил, что очередь состояла из женщин. Лишь кое-где виднелись вкрапленные в эту очередь мужчины, стоявшие с понурым и затравленным видом; это были мужья, приведенные женами для выпрыга в приказном порядке. Меня удивило, что среди женщин различного возраста стояло немало девушек лет восемнадцати-двадцати, — уж им-то побочные результаты ЭМРО были вовсе не нужны. Очевидно, их захватил вихрь моды.

Следуя вдоль очереди, я дошел до подъезда гостиницы. Здесь для поддержания порядка стоял наряд милиции. Часть улицы была перегорожена рогатками, и виднелись знаки, запрещающие проезд транспорта. Через короткие промежутки времени с одиннадцатого этажа из окна учебного выпрыгивала очередная добровольница, гулко ударялась о землю и затем в изодранной одежде и с поломанными каблуками, но с бодрым и радостным выражением лица отходила в сторону. Некоторые же сразу бежали снова занимать очередь. На месте многочисленных приземлений тротуар и мостовая были так покорябаны, будто там прошла колонна тяжелых танков.

С трудом добравшись до комнаты №1155, я поздравил ученого с успехом, но при этом был поражен его хмурым и усталым видом.

— С той ночи, как наша дежурная по этажу сделала свой прыжок и рассказала о нем знакомым дамам, а те в свою очередь своим знакомым, отбою нет от желающих прыгать, — без радости в голосе поведал мне Анатолий Анатольевич. — Правда, универсальность ЭМРО теперь твердо установлена, поскольку не было ни одного несчастного случая, но сам я настолько устал от этой суеты, что снова чувствую себя шестидесятилетним. Мне даже некогда самому сделать прыжок!

Я рассказал ученому о резкой положительной перемене в своей судьбе, и в ответ он дружески пожал мне руку и пожелал мне счастья в семейной жизни. Затем я поспешно вышел из комнаты, ибо ожидающие очереди на выпрыг начали колотить в дверь.

Увы, ЭМРО до сих пор не введен в массовое производство, ибо ученый не смог довести до конца работы вследствие своей преждевременной кончины. Как я потом узнал, он еще две недели подряд непрерывно принимал добровольниц-прыгальщиц, не дававших ему покоя ни днем, ни ночью. Однажды, желая повысить свой жизненный тонус, он выпрыгнул из окна, но, задерганный событиями, забыл перед этим принять свой эликсир.

20. Счастливые итоги

Мы благополучно прибыли в Ленинград, после чего Люба настояла на немедленной продаже мотоцикла, дабы на вырученные деньги купить телевизор. Я приналег на учебники и в скором времени сдал экстерном за весь курс техникума. Получив диплом, я позвонил своему талантливому брату, который поздравил меня с успехом и пригласил к себе в гости вместе с молодой женой. Меня Виктор сперва не узнал в лицо. Но когда я поведал ему об ЭМРО, он сказал, что он лично не пошел бы на такой эксперимент, ибо побочное действие эликсира снизило бы уровень его маститости и могло бы даже вызвать недовольство начальства. О Любе же он отозвался весьма положительно и одобрил мой выбор. Любе тоже очень по-

нравился мой брат и интеллигентная атмосфера, царящая в его отдельной квартире.

Вскоре мы с Любой навсегда переехали в Рожденьевск-Прощалинск, где родители мои выделили нам две комнаты. В комнате моего детства я с величайшей осторожностью снял со стен слои обоев, наросшие за долгие годы на 848 изображениях «Люби меня!», и реставрированные стены предстали в своем историческом виде. Но теперь кроме 848 портретов в этой комнате живет и та, о встрече с которой я мечтал, глядя в детстве на эти самые портреты!

Официальную свадьбу мы справили именно в этой комнате. Кроме родителей на семейном празднике присутствовало много соседей с нашей улицы, и все они остались довольны и угощением, и внешним видом невесты. В довершение торжества пришла поздравительная телеграмма от брата, которую я зачитал гостям и родителям. Она гласила:

«Поздравляю падетьем уз прометея зпт желаю дальнейших свершений успехов тчк абзац поскольку иррациональность метаболических алгоритмов и синусоидность физиотерапевтических диэлектриков требуют локализации компрадорских изотерм зпт присылаю сто рублей свадебные расходы тчк твой высокообразованный брат».

Теперь эта телеграмма в красивой позолоченной рамке висит на стене рядом с моим портретом; об этом позаботилась Люба.

После зачитания телеграммы поднялся мой отец и со слезами радости на глазах произнес тост в честь новобрачных. Он горячо поздравил меня с тем, что теперь я избавился от своих «не» и стал достойным членом семьи, чем глубоко обрадовал родителей.

Но этим не кончились события того знаменательного дня! Когда после танцев под радиолу гости разошлись по домам, вдруг засветился экран нового телевизора, который еще не был даже подключен к антенне. На экране показалось лицо Васи-с-Марса. С огорчением я увидел, что мой друг сильно постарел за эти годы.

— Здорово, старый фрайер! — сказал Вася. — Ну, как дела на свадебной хавире?

— Все в порядке, носки и пятки, — бодро ответил я. — Мечты мои сбылись!

— Вижу, вижу, — сказал мой инопланетный друг. — Поздравляю и желаю дальнейших свершений.

— Спасибо, Вася! — с волнением проговорил я.

— Не за что, друг мой, не за что.

— Вася, а когда ты снова покажешься? — спросил я.

— Теперь уже никогда, — ответил он и, помахав на прощанье рукой, тихо скрылся с экрана.

Жизнь моя в Рожденьевске-Прощалинске течет хорошо. Я теперь занимаю довольно ответственное место, и все мной вполне довольны. Мой отец больше не рассказывает своих охотничьих историй: когда я подробно изложил ему свою жизнь, то ее действительные события произвели на него такое впечатление, что он перестал лгать.

Теперь никто не считает меня человеком с пятью «не», и мою находчивость и деловитость ставят в пример другим. Что касается дел семейных, то с Любой мы живем очень дружно, душа в душу, и между нами не было еще ни одной ссоры.

Изредка по ночам, когда в доме все спят, а мне не спится, меня охватывает нелепая грусть по моему бестолковому прошлому. Не зажигая света, я тихо встаю с постели и сажусь перед выключенным телевизором. Но на экране ничего не появляется.

1966

**ДЕВУШКА У ОБРЫВА,
или
ЗАПИСКИ КОВРИГИНА**

ПРЕДИСЛОВИЕ К 338-МУ ЮБИЛЕЙНОМУ ИЗДАНИЮ

Семьдесят пять лет назад, в 2231 году, впервые вышла из печати эта небольшая книжка. С тех пор она выдержала 337 изданий только на русском языке. По выходе в свет она была переведена на все языки мира, а ныне известна всем жителям нашей Объединенной Планеты, а также и нашим землякам, живущим на Марсе и Венере. За 75 лет о «Девушке у обрыва» написано столько статей, исследований и диссертаций, что одно их перечисление занимает девять больших томов.

Выпуская в свет это юбилейное издание, мы хотим вкратце напомнить читателям историю возникновения «Записок Ковригина» и пояснить, почему каждое новое поколение читает эту книгу с неослабевающим интересом.

Надо сказать, что причина нестареющей популярности «Девушки у обрыва» кроется отнюдь не в художественных достоинствах этой книги. Не ищите здесь и обобщающих мыслей, широких картин эпохи. Все, что выходит за ограниченный круг его темы, автора просто не интересует. Да он и не справился бы с таким самозаданием — ведь по профессии он не был Писателем. Автор «Девушки у обрыва» Матвей Ковригин (2102—2231), работая над этой книгой, отнюдь не претендовал на литературную славу. Будучи по образованию Историком литературы и изучая XX век, он ждал славы или хотя бы известности от своих историко-литературных компилятивных трудов, которых он издал довольно много и которые не пользовались

популярностью уже при жизни автора, а ныне совершенно забыты. А эта небольшая книжка, вышедшая после смерти автора, принесла ему посмертную славу, и слава эта не меркнет с годами. Ибо в этой книжке Ковригин рассказывает об Андрее Светочеве, а каждое слово об этом величайшем Ученом дорогого Человечеству.

Еще раз напоминаем: «Записки Ковригина» — повествование узконаправленное. Автора очень мало занимает бытовой и научный фон. О технике своего времени он упоминает только в тех случаях, когда сталкивается с нею лично или когда от нее зависит судьба его друзей. Порой по ходу действия он довольно подробно описывает некоторые агрегаты, существовавшие в его время, но в этих описаниях чувствуется не только глубокое равнодушие к технике, но и непонимание, граничащее порой с обывательщиной и технической малограмотностью. О Космосе, о полетах Человека в пространство он даже и не упоминает, словно живет в эпоху геоцентризма. И даже великий научный смысл открытия своего друга Андрея Светочева он понял только к концу своей жизни, да и то чисто утилитарно.

Узкая направленность автора сказывается и в том, что Андрея Светочева он изображает вне его окружения, только со своих личных позиций. Не упоминает он ни о Сотрудниках Светочева, ни о его Учителях и Предшественниках. Если верить Ковригину, то получается, что Светочев все делал один, а ведь на самом-то деле он был окружен единомышленниками, многие из которых (Иванников, Лемер, Караджаран, Келау) были крупнейшими Учеными своего века.

Стиль книги архаичен, несовременен. Будучи специалистом по литературе XX века, автор, не найдя своей творческой манеры, подражает Писателям XX века, причем отнюдь не перворазрядным. К этому недостатку надо добавить и еще один. Даже повествуя о своих юных годах, Ковригин говорит о себе как о пожившем, солидном, многоопытном Человеке. Но не надо забывать, что книгу свою Ковригин создал на закате жизни.

К автору «Девушки у обрыва» Матвею Ковригину разные Исследователи относятся по-разному. Одним он

нравится, другим он антипатичен. Ковригин — фигура противоречивая. Наряду с искренностью, добротой, безусловной личной смелостью и готовностью всегда прийти на помощь, в нем уживаются мелкий педантизм, брюзжание, отсутствие самокритики, граничащее с самовлюбленностью.

«Рассказ посредственности о гении», «Моцарт и Сальери XXII века» — так характеризуют некоторые Критики эту книгу, забывая, что именно Ковригину мы обязаны наиболее полным описанием жизни Андрея Светочева. Надо помнить, что Ковригин был другом величайшего гения технической мысли и как умел рассказал о нем. Будем же благодарны ему за это.

Так как многие понятия, наименования, агрегаты, приборы и механизмы, о которых упоминает автор, давно устарели, забыты, заменены другими и молодое поколение уже не знает о них, мы взяли на себя смелость снабдить текст сносками, поясняющими историческое значение этих понятий и предметов.

С искренним уважением

*Издательство «Галактика»
Русская редакция*

2306 год

1. Вступление

«...Девушка стояла у обрыва на берегу реки. Это было осенью, когда идут затяжные дожди, когда размокает береговая глина и на ней так четко отпечатываются следы. Девушка стояла у обрыва и задумчиво смотрела на осеннюю реку, по которой плыли желтые листья.

Мимо проходил юноша, и увидел он девушку, стоящую у обрыва, и полюбил ее с первого взгляда. И она тоже полюбила его с первого взгляда — ибо так полагается в сказках.

Этот юноша жил у реки, и когда девушка вызвала аэролет и улетела в большой город, обещав вернуться весной, юноша остался один в избушке на берегу реки и стал ждать ее возвращения. Зачем он жил один на берегу реки и кем он был — не спрашивайте, ибо это сказка.

Каждый день приходил юноша на обрыв, где когда-то стояла девушка. Он протоптал в глине узкую тропинку рядом с ее следами. Он не наступал на ее следы — и каждый раз ему казалось, что девушка невидимо идет рядом с ним к обрыву и рядом с ним стоит и смотрит на осеннюю реку, по которой плывут желтые листья.

Потом пошли большие дожди, и следы от туфельки девушки наполнились водой, и в них отражалось небо поздней осени. Потом ударил мороз, и следы стали льдом.

И однажды юноша вынул один след и принес его в свою избушку. Он положил его на стол, а когда проснулся утром, то увидел, что след растаял. И юноша очень удивился и огорчился. Не удивляйтесь — в сказках люди изумляются самым обычным вещам.

Огорчился юноша и подумал: “Следы моей возлюбленной достойны вечности. Но лед не вечен. Не вечен и металл, ибо он ржавеет; не вечно и стекло, ибо оно бьется; не вечен и камень, ибо он выветривается и трескается от жары и холода. Я должен создать такой материал, который отливался бы в любую форму и не боялся бы ни огня, ни холода, ни времени”.

И пришел день, когда он создал вещество, которое заменило нам камень и металл, стекло и пластмассу, дерево и бетон, бумагу и лен. Он создал Единый Материал, который называется аквалидом. Из этого материала люди стали строить города на земле и под водой, делать все машины и все вещи. И это уже не сказка, ибо мы живем в этом мире.

Вот куда привели следы девушки, которая однажды стояла у обрыва в осенний день, когда по реке плыли желтые листья.

Но однажды девушка, которую ждал юноша...» И т.д., и т.д.

Вы и сами, дорогой мой Читатель, с детских лет знаете эту сентиментальную историю — ведь ее даже в школе проходят. Сочиненная досужим Поэтом и посвященная Андрею Светочеву и Нине Астаховой, эта полуполюгенда-полусказка почему-то считается весьма поэтичной и трогательной, и, быть может, некоторые не в меру наивные люди

склонны думать, что именно таким путем и пришли мы к современной аквалидной цивилизации.

Действительно: девушка на берегу стояла. А остальное было не так, не так. Все придумал от себя досужий сочинитель.

— А как же все было? — спросите вы, почтенный мой Читатель.

Сейчас я начну свое повествование, и вы узнаете, с чего все началось, что привело Андрея Светочева к его открытию, где и как он встретил Нину Астахову. И еще вы узнаете многое другое.

Я прожил свой МИДЖ* с избытком, жизнь моя клонится к закату, и недалек тот день, когда мой пепел легким облаком упадет с Белой Башни на цветы, растущие у ее подножия. Но я еще успею поведать вам правдивую историю о Нине Астаховой, об Андрее Светочеве, другом которого я был, и о себе, ибо когда-то моя жизнь была тесно связана с жизнью этих двух людей.

2. Случай на Ленинградском Почтамте

Я начну с давних, давних времен. Рассказ мой начинается в тот день, когда отменили деньги. В книгах вы все читали об этом дне, а я помню его лично и знаю, что в книгах он сильно приукрашен. В сущности, ничего особенного в этот день не произошло. Дело в том, что процесс отмирания денег шел уже давно. Деньги не погибли внезапно — они тихо скончались, как Человек, проживший свой МИДЖ с избытком. Последнее время они имели скорее статистическое, нежели ценностное значение. Если вам не хватало денежных знаков на покупку какой-либо нужной вам вещи, вы просто вырывали из своей записной книжки листок и писали на нем «15 коп.», или «3 рубля»,

* МИДЖ (Минимум Индивидуальной Длительности Жизни) — норма долголетия, гарантированная каждому жителю планеты медициной и обществом. В описываемую автором эпоху МИДЖ равнялся ста десяти годам, но фактически средняя продолжительность жизни уже и тогда была значительно выше.

или «20 рублей» и платили им Продавщице или ПАВЛИНу*. Или вы могли попросить деньги у любого прохожего, и он давал вам требуемую сумму и, не спрашивая вашего имени, шел своей дорогой.

В день отмены денег у нас в Университете состоялось небольшое собрание в актовом зале, а затем все разошлись по своим делам. Помню, шагая с собрания к зданию филологического факультета, я шел рядом с Ниной Астаховой, и разговор у нас был вовсе не об отмененных деньгах, а об «Антологии Забытых Поэтов XX века», над которой я тогда работал. Нина (она училась на втором курсе) была прикреплена ко мне, Аспиранту, в качестве Технического Помощника и помогала мне в составлении этой «Антологии». Она была добросовестна, много времени проводила в библиотеках и архивах, выискивая стихи и данные о забытых ныне Поэтах XX века, но мне не слишком нравились в ней некоторая строптивость и излишняя самостоятельность. Так, например, Нина настаивала, что в «Антологию» обязательно надо включить стихи некоего Вадима Шефнера (1915—?), я же противился этому. Мне не нравились нотки грусти и излишние размышления в его стихах. Я предпочитал Поэтов с бодрыми, звонкими стихами, где все было просто и ясно. Я считал, что именно такие Поэты должны войти в мою «Антологию», чтобы Читатель имел верное представление о поэзии XX века. Нина же продолжала настаивать на включении этого Шефнера — дался он ей. При этом она горячилась, даже сердилась. Она никак не могла понять, что я составляю научный труд, а наука требует бесстрастия.

Вообще же Нина мне нравилась. Часто мы вместе ходили с ней под парусами на яхте — она очень любила море. А иногда мы брали такси-легколет и летели куда-нибудь за город. Там мы гуляли по аллеям. Мне нравилось быть с ней вместе, но меня несколько отпугивал ее странный характер. Иногда она была смешлива и даже насмешлива,

* ПАВЛИН (Продавец-Автомат Вежливый, Легкоподвижный, Интеллектуальный, Надежный) — старинный агрегат, давно снят с производства.

а то вдруг становилась молчаливой и задумчивой. Иногда ее лицо принимало такое выражение, будто она ждет, что вот-вот произойдет что-то необыкновенное, какое-то чудо.

— Нина, о чем ты думаешь сейчас? — спросил я ее однажды в такую минуту, когда мы шли по загородной аллее.

— Так... Сама не знаю о чем... Знаешь, мне иногда кажется, что в моей жизни случится что-то очень-очень хорошее. Что будет какая-то радость.

— Ты, очевидно, имеешь в виду тот факт, что скоро я закончу «Антологию», и, когда она выйдет из печати, твое имя будет упомянуто в предисловии как имя моей Помощницы? — сказал я. — Это действительно большая радость. И заслуженная.

— Ах, ты совсем не о том говоришь, — досадливо возразила она. — Я и сама-то не знаю, какого счастья я жду.

Меня несколько удивили эти ее слова и даже огорчили. Как можно ждать счастья, не зная, какого именно счастья ждешь? Где тут логика?

— Тебе нужно развивать в себе научное мышление, — посоветовал я ей. — Ты не прожила еще и четверти МИД-Жа, впереди тебя ждет большая жизнь — научная и личная. Когда-нибудь ты выйдешь замуж, муж твой, быть может, будет Ученым, и твой уровень мышления должен быть не ниже его уровня. Ты об этом когда-нибудь думала?

Но Нина сделала вид, будто не поняла моих слов. Ничего она мне не ответила, а подпрыгнула и сорвала со свешивающейся ветки листок и стала сквозь него смотреть на солнце.

— Сегодня зеленое солнце! — объявила она мне. — Вот забавно!

Я не стал убеждать ее, что солнце сегодня, как и всегда, самое обыкновенное, а вовсе не зеленое. Я просто терпелся, когда она говорила такие странные вещи.

Тем не менее Нина мне нравилась. Но только не думайте, что она была такой красавицей, какой ее изображают теперь Художники и Скульпторы. Нет, красавицей я бы ее не назвал. Это была стройная, подвижная девушка, с

очень легкой походкой, с лицом выразительным и даже привлекательным — но вовсе не было в ней той красоты, которую приписывают ей сейчас.

Но вернусь ко дню отмены денег.

Как я уже говорил, после собрания в актовом зале мы с Ниной отправились на филфак. Нина пошла на лекцию, я же засел в библиотеке и долго работал над своей «Антологией», а затем направился в университетскую столовую. Когда ко мне подошел САТИР*, я, как обычно, заказал себе щи, синтет-печенку и компот. Отобедав, я по привычке подозвал САТИРа, чтобы расплатиться, и хотел было уже сунуть монеты в отверстие на его пластмасовой груди, но вдруг увидел, что это отверстие заклеено бумажкой.

— Обед бесплатен. Обед бесплатен, — равнодушно сказал САТИР.

— Не «обед бесплатен» надо говорить, а «обед отпускается бесплатно», — поправил я САТИРа. — Идите и вызовите ко мне САВАОФа**.

Вскоре к моему столику подошел громоздкий САВАОФ. Я сказал ему, чтобы он исправил фонозапись в подчиненных ему САТИРах — они выражаются не вполне грамотно. Стыдно, ведь здесь Университет, центр культуры.

— Встревожен. Взволнован. Приму меры, — ответил САВАОФ. — Есть еще замечания?

— К сожалению, есть. Мне подали пережаренную синтет-печенку. Неужели вы предполагаете, что если все теперь бесплатно, то можно кормить людей пережаренной печенкой?

— Встревожен. Взволнован. Приму меры, — ответил САВАОФ. — Есть еще замечания?

— Нет. Можете идти.

*САТИР (Столовый Автомат, Терпеливо Исполняющий Работу) — примитивный агрегат начала XXII в. Нечто вроде древнего Официанта.

**САВАОФ (Столовый Агрегат, Выполняющий Арбитражные Организационные Функции) — агрегат XXII в. Выполнял ту же работу, что в старину — Завстоловой.

Пообедав, я вышел на набережную и пошел по направлению к Первой линии. На набережной все было почти так, как в обычные дни, только на судах виднелись флаги расцвечивания да у гранитного спуска толпилось множество мальчишек и девчонок. Они останавливали всех прохожих и просили у них денег. Получив просимое, дети бежали по ступенькам к воде и бросали монетки в воду. А из бумажных купюр они делали маленькие лодочки и пускали их по волнам. В школах по случаю отмены денег занятий в этот день не было, что, на мой взгляд, едва ли способствовало укреплению дисциплины.

Когда я свернул на Первую линию, то увидел Чепьювина*. Приплясывая и что-то непонятно напевая, он шел по пластмассовым плиткам мостовой, мешая движению элмобилей, которые почтительно его объезжали. Люди с интересом и удивлением, а некоторые и с явным испугом глядели на него. Я и сам остановился поглядеть на редчайшее зрелище — в последний раз я видел одного Чепьювина в детстве, когда мне было лет девять.

Я постоял немного, надеясь, что Чепьювин выругается и мне удастся записать какое-либо новое для меня бранное выражение. Но Чепьювин только напевал — и все. Я пошел дальше, несколько огорченный тем, что мне не удалось пополнить составляемый мной СОСУД. Дело в том, что я с двенадцати лет начал составлять словарь, который назвал СОСУДом (Словарь Отмерших Слов, Употреблявшихся Древними). Мой СОСУД состоял из четырех разделов: 1) ругательства, 2) воровские термины, 3) охотничьи термины, 4) военные термины. Если второй, третий и четвертый разделы СОСУДа я мог пополнять за счет старинных книг и архивов, то первый раздел пополнялся очень скудно, так как ругань на Земле давно вышла из обихода, а письменных источников не было. Приходилось собирать этот раздел по крупницам, и составление его подвигалось весьма медленно.

* Чепьювин (Человек, Пьющий Вино) — медицинский и отчасти бытовой термин ХХІ—ХХІІ вв. В прямом смысле — пьяница, алкоголик. Под Чепьювинами не подразумевались люди, умеренно пьющие виноградные вина; как известно, такие вина пьют и поныне.

На Большом проспекте былолюдно. Здесь чувствовался праздник. Из открытых окон и с балконов летели бумажные деньги и, планируя, падали под ноги прохожим. Проходя мимо сберкасс, я заглянул туда. Там толпились дети. Они смеялись, прыгали и бросали друг в друга распакованными пачками денег. Весь пол был покрыт бумажками. Время от времени ребята подбегали к столу, и сидящая за столом ФЭМИДА* выдавала им новые пачки.

На углу Большого проспекта и Шестой линии я встретил своего друга Андрея Светочева. Да-да, того самого Светочева, имя которого ныне известно каждому Человеку на Земле. Но тогда он был еще ничем не знаменит. Впрочем, среди Ученых он и тогда уже был известен.

Андрея я знал с детских лет — мы жили с ним в одном доме и учились в одной школе. Потом учебные пути наши разошлись — Андрей всегда интересовался техникой и после школы был принят в Академию Высших Научных Знаний, я же поступил на филологический факультет Университета. И хоть мы могли жить дома, потому что родители наши находились в Ленинграде, но мы разъехались по общежитиям — так удобнее было учиться. Однако мы остались друзьями и часто встречались. Со школьных лет в нас сохранилась страсть к коллекционированию марок, и это тоже сближало нас. Встречаясь, мы хвастались своими коллекциями и толковали о жизни вообще, о своих планах и надеждах. А планы и надежды были у нас очень разные.

Последние месяцы Андрей был мрачен, молчалив. Однажды, когда я заглянул к нему в общежитие, он признался мне, что задумал одно очень важное открытие, но дело не клеится. Он мечется от одного опыта к другому — и все без толку.

Я тогда посочувствовал ему и дружески посоветовал взять какую-нибудь менее сложную работу и не стремиться к недостижимым целям. Ведь недостижимое — недостижимо, и невозможное — невозможно. Надо намечать ближние цели и шагать от вехи к вехе.

* ФЭМИДА (Финансовый Электронный Многооперационный Идеально Действующий Агрегат) — агрегат, упраздненный после отмены денег. Ныне имеется в музеях.

Но Андрей остался недоволен моим дружеским советом и указал на картину, которая висела над его рабочим столом. Там был изображен Геракл, догоняющий Кирнейскую лань. Геракл бежал за ланью по снежным горным вершинам.

— Видишь, как он бежит? — сказал Андрей. — Он бежит по самым высоким вершинам, а тех вершин и скал, что пониже, он не касается ногой, он перепрыгивает через них. Поэтому он и догнал лань.

— Он мог и не нагнать ее, — резонно возразил я. — Он мог упасть и разбиться. И потом Геракл — это Геракл, а ты — простой смертный.

— Ну, это уж другое дело, — сухо ответил Андрей и перевел разговор на марки.

В тот день я ушел от него с ощущением, что он избрал какой-то ложный путь в науке и не хочет сойти с него из упрямства. Мне даже жалко его стало. Мне давно казалось, что он топчется на месте, в то время как я шаг за шагом неуклонно иду вперед. Моя «Антология» и комментарии к ней были не так далеки от завершения, и я уже подумывал о следующей работе: «Писатели-фантасты XX века в свете современных этических воззрений». Кроме того, я неустанно работал над своим СОСУДом. Как я уже упоминал, это был весьма кропотливый труд. За каждым бранным словом для первого раздела СОСУДа мне приходилось буквально гоняться с пеной у рта, как говорилось в старину. Дело осложнялось и тем, что свою Помощницу, Нину Астахову, щадя ее девическую стыдливость, к этой работе привлечь я не мог. В целом же я медленно и верно продвигался вперед, в то время как Андрей топтался на месте, поставив перед собой невыполнимую, как мне тогда казалось, задачу.

Но вернусь к описываемому мною дню. Итак, я встретил Андрея на углу Большого проспекта и Шестой линии. Андрей опять был мрачен.

— Куда ты спешишь, Андрей? — спросил я его.

— На Почтамт, — хмуро ответил он. — Ты ведь знаешь, что марки отменены. Прежде мне хоть в марках везло, а теперь и марки отменили.

— Отменили? — удивился я. — Как же так? А наши коллекции?

— Ты плохо слушал сообщение об отмене денег. Там сказано: отменяются деньги, а также всякие знаки оплаты. А марки — это и есть знаки оплаты.

— Действительно, — догадался я. — Раз нет денег, то и марки отпадают... А как же быть филателистам?

— Никак! — буркнул Андрей. — Едем к Почтамту.

Движением руки он подозвал проходящий мимо такси-эсмобиль, и мы сели в него.

— Везите нас к Почтамту, — сказал я АВТОРу*.

— Понял. Везу к Почтамту. Оплата отменена, — произнес АВТОР, склонив над приборами металлическую голову с тремя глазами. Четвертый глаз — большая затылочная линза — смотрел на нас.

— Поедем с перепрыгом, — сказал Андрей. — Мы спешим.

— Предупреждаю об опасности, — сказал АВТОР. — К Почтамту сегодня большое движение. Перепрыгивание опасно...

— Все равно, — махнул рукой Андрей. — Подумаешь, опасно...

— Везти с разговором? — спросил АВТОР. — За разговор надбавка отменена.

— Везите с разговором, — сказал я.

— До вас вез к Почтамту седого старика, возраст приблизительно МИДЖ и сорок лет. Старик имел огорченный вид. На куртке у него гуманитарный знак. Старик был очень сердит.

— Он не ругался? — с надеждой спросил я.

— Нет, он не делал того, о чем вы упомянули. Но у него был огорченный вид.

— И не надоела вам эта болтовня! — сердито сказал Андрей. — Не пойму, что за удовольствие разговаривать с механизмами!

Мы замолчали.

* АВТОР (Автоматический Водитель Транспорта, Обладающий Речью) — старинный агрегат конца ХХІ — начала ХХІІ века. Давно заменен более совершенными устройствами.

До Почтамта было довольно далеко, он находился в новом центре города, который сместился по направлению к Пушкину. Элмобилей было в этот час много. Когда впереди, за несколькими машинами, намечался просвет, наш элмобиль выпускал подкрылки и перелетал через идущие впереди машины, занимая свободное место. Наконец мы подъехали к Почтамту — небольшому двадцатипятиэтажному зданию, стоящему среди площади.

На площади толпилось довольно много народу. Здесь были и школьники, и люди среднего возраста, и совсем пожилые люди. Некоторые пришли с альбомами для марок и «Справочниками филателиста». У всех был очень недовольный вид. Все смотрели на гигантский телеэкран, который был вделан в стену Почтамта.

Мы с Андреем тоже стали смотреть на экран и вскоре увидели Москву. Площадь перед Московским почтамтом тоже была полна филателистов. Потом на экране появился Почтамт в Буэнос-Айресе. Там была уже ночь, и толпа филателистов стояла с факелами. Некоторые держали в руках какие-то дудки и дудели в них. Потом возник Почтамт в Риме. Здесь тысячи филателистов сидели на пластмассовой мостовой, не давая двигаться транспорту. Затем Рим померк, и на экран наплыл какой-то городок — где-то в Черноземной полосе. Здесь перед зданием Почты стояли школьники и взрослые, держа в руках плакаты с надписью: «Почтовики! Людям нужны марки!»

Затем экран погас, и Диктор сказал:

— В Женеве непрерывно заседает Всемирный Почтовый Совет. Вопрос о марках будет решен в ближайший час. Включаем Женеву.

— Идем в зал, — сказал мне Андрей и стал пробираться к подъезду Почтамта.

Я пошел за ним, вслушиваясь в разговоры людей и надеясь услышать какое-нибудь ругательство, дабы пополнить свой СОСУД. Но, к сожалению, никто не ругался, хоть все и были возбуждены.

В зале Почтамта народу было много, однако меньше, чем я ожидал. Мы подошли к окнам, где еще вчера продавались марки. Теперь здесь висел аншлаг: «В связи с

отменой денег марки отменены. Письма пересылаются бесплатно».

Девушка-почтовичка терпеливо объясняла какому-то старичку МИДЖей двух, что раз деньги отменены, то и марки не нужны, и его письмо дойдет по адресу без всякой марки. В ушах девушки покачивались серьги. Они были очень простые — два металлических шарика на тонких цепочках, но все-таки сразу бросались в глаза: в наше время эти ушные украшения давно вышли из моды. Впрочем, девушка была хороша собой, и серьги ей шли.

— Собираение марок — это историческая традиция, — сказал Андрей, подойдя к окошечку. — И не вам, Почтовикам, ее отменять.

— Марки отменены не Почтовиками, а временем, — скромно возразила девушка с серьгами. — Собираение марок — ненужный, отживший предрассудок.

— Раз есть люди, интересующиеся марками, — значит, марки должны существовать, — громко и сердито сказал Андрей.

— Как вы смешны со своими марками! — вспыхнув, ответила девушка.

— А вы глупы со своими рассуждениями о марках и со своими допотопными серьгами! — воскликнул Андрей. — Вы просто сушая кикимора!

Девушка с испугом и обидой посмотрела на Андрея.

— Андрей! До чего ты дошел! — сказал я. — Ты произнес ругательство! Мне стыдно за тебя!

— Простите меня, — обратился Андрей к девушке с серьгами. — Никогда еще со мной не бывало такого. Простите, что я вас обидел.

— Я прощаю вам, — сказала девушка. — Вы просто очень чем-то взволнованы... А что это такое — кикимора?

— Не знаю, — ответил Андрей. — Так говорил мой прадедушка моей прабабушке, когда был сердит.

— Под «кикиморами» в глубокой древности подразумевались некие лесные мифические существа, — сказал я. — В дальнейшем же слово «кикимора», утратив свое первоначальное значение, стало употребляться в фольклоре как бранное слово, применяемое по отношению к сварливым и

не обладающим внешней привлекательностью женщинам. Могу вас заверить, что на кикимору вы не похожи, и с этой точки зрения мой друг ошибся.

— Это очень интересно! — сказала девушка. — И откуда вы все это знаете?

— Я знаю не только это, но и много больше этого, — скромно ответил я. И далее я пояснил, что Словарь Отмерших Слов, Употреблявшихся Древними, сокращенно именуемый СОСУДом, вмещает в себя очень много слов, понятий и идиоматических выражений. Далее я сказал, как меня зовут и кто я такой. Девушка слушала меня с интересом, а затем сказала несколько слов о себе. Ее звали Надей. Впоследствии Надя стала моей женой, но сейчас речь не о том.

Когда мы с Андреем вышли из зала Почтамта, то на гигантском телеэкране увидели Диктора, который сообщал следующее:

«1. Всемирный Почтовый Совет считает коллекционирование марок пережитком, не приносящим Человечеству никакой пользы.

2. Всемирный Почтовый Совет считает коллекционирование марок пережитком, не приносящим Человечеству никакого вреда.

3. Поскольку Коллекционеры хотят, чтобы марки существовали, — пусть они существуют, но не как знаки оплаты.

4. Впредь каждый Человек получает право выпускать свои марки, для чего выделяются типографии и прочая техника.

5. Каждый Человек за свою жизнь имеет право выпустить три марки общим тиражом не более 1 000 000 экземпляров».

— Вот видишь, — сказал я Андрею, — все кончилось очень хорошо. И не следовало тебе обижать девушку и присваивать совсем не идущее к ней определение «сущая кикимора». Ты оскорбил Человека. Тебе придется искупить свою вину.

— Я и сам это знаю, — ответил Андрей. — Я вел себя недостойно. И дело тут не в марках, а в том, что мне очень не везет. Одно время мне казалось, что я близок к великому открытию, а теперь начинаю думать, что шел по ложному пути...

— В наш век не может быть великих открытий, — возразил я. — В наш век возможны только усовершенствования.

Андрей промолчал в ответ, и мне показалось тогда, что внутренне он со мной согласен, но из ложной гордости не высказывает этого.

Но я ошибался. В Андрее было много непонятного для меня. А ведь я его знал с детства.

3. Детство

В самом раннем детстве я жил с родителями в доме на Одиннадцатой линии Васильевского острова. Отец преподавал литературу в школе-двенадцатилетке, мать же работала модельершей на фабрике женских украшений. Там отливали кольца и всевозможные украшения из химически чистого железа (золото давно вышло из моды). Там же изготавливались перстни и диадемы с марсианскими камешками. На этой фабрике мать моя подружилась с Анной Светочевой, матерью Андрея. Потом подружились и наши отцы, и мы съехались в одну квартиру в Гавани, в дом на самом взморье. В то время начался процесс так называемой вторичной коммунализации жилья. Дело в том, что когда-то многие Люди вынуждены были жить в больших коммунальных квартирах. Так как в этих больших квартирах жили Люди разных характеров, профессий и привычек, то между ними порой возникали ссоры, недовольство друг другом. Меж тем темпы жилищного строительства все нарастали, и вот настал год, когда все, кто хотел жить в отдельных квартирах, — жили в них. Но прошло некоторое время — и отдельные Люди и семьи, дружившие меж собой, стали съезжаться в общие квартиры, но уже на новой основе, на основе дружбы и расположения друг к другу. Это было учтено, и снова часть новых зданий стали строить с большими квартирами. Люди в таких квартирах жили как бы одной семьей, внося деньги в общий котел, независимо от величины заработка. Сейчас этот естественный процесс продолжается, все ускоряясь, — тем более что деньги давно отменены и все стало гораздо проще.

Дом, куда мы въехали со Светочевым, обменявшись с какой-то большой семьей, был старый, кирпичный. По сравнению с новыми домами из цельнобетона, которые стояли рядом с ним, он казался старинным. В нашем доме, в дверях, выходявших из квартир на лестницу, были даже замки, и мне очень нравилась эта старина. Двери закрывались, конечно, просто так — ключи давно были потеряны или сданы в утиль, — но само наличие этих странных приспособлений придавало квартире какую-то таинственность.

Жили наши семьи очень дружно. Отец Андрея, Сергей Екатеринович Светочев, был добродушный, веселый человек. Он работал на бумажной фабрике и очень гордился своей профессией. «Все течет, все меняется, а бумажное производство остается, — говаривал он. — Без нас Людям не прожить». Мог ли он предполагать, что сын его сделает такое великое открытие, что даже и бумага будет не нужна!

Нас с Андреем поместили в одну большую комнату — детскую, и наши кровати стояли рядом. Квартира была невелика, но уютна, — да кто из вас, уважаемые читатели, не побывал в ней! Ведь дом сохранен в неприкосновенности в память об Андрее Светочеве, и все в квартире такое, как в старину. Только настил пола там меняют теперь дважды в год — его протирают ноги бесчисленных экскурсантов со всех материков нашей Земли. Посетителям дома-музея квартира эта кажется скромной, но мне в детстве она казалась очень большой. В ту пору еще не было такого изобилия жилой площади, как сейчас, и норма — комната на человека — еще была в силе. Это теперь, когда за одни сутки воздвигаются гигантские дома из аквалида, вы можете, если вам в голову придет такая нелепая идея, заказать для себя личный дворец — и в Жилстрое удивятся вашей причуде, но заявку вашу удовлетворят, — и через день вы въедете в свой дворец, а еще через неделю сбежите из него от скуки.

Но возвращаюсь к Андрею. Итак, мы с ним жили в одном доме и ходили в один детский сад, а затем вместе поступили в двенадцатилетку. Жили мы с ним дружно и всегда поверяли друг другу свои тайны и планы на

будущее. В учебе мы помогали друг другу: я неплохо шел по родному языку, Андрей же был силен в математике. Однако никаких признаков гениальности у него в ту пору не было. Это был мальчишка как мальчишка. В начальных классах он учился, в общем-то, средне, а тетради вел хуже, чем я, и меня нередко ставили ему в пример.

Должен заметить, что хоть мы и очень дружили, но были в характере Андрея некоторые черты, которые мне не очень нравились. Мне казалось, что как мы ни дружны, но Андрей всегда чего-то не договаривает до конца, точно боясь, что я не смогу его понять. Обижало меня и его стремление к уединению и молчанию, овладевавшее им порой. Он мог просидеть час-другой не шевелясь, уставясь в одну точку и о чем-то думая. На мои вопросы он отвечал в таких случаях невпопад, и это, естественно, сердило меня.

Еще любил он бродить один по берегу залива, там, где пляж. Осенью пляж был безлюден, и, когда мы возвращались из школы, я напрямик шагал домой, а Андрей иногда зачем-то сворачивал на этот пустынный пляж, где нет ничего интересного.

Однажды я, как часто бывало, вернулся домой без Андрея, а тут его мать послала меня за ним. «Ведь сегодня день рождения Андрюши, — сказала она, — неужели он забыл об этом?» Я пришел на берег. Было в тот день пасмурно, сыро. Шел мелкий дождик. Вода была неподвижна, только иголочки дождя тихо втыкались в нее и исчезали. Андрей в дождевике стоял у самой кромки залива. Смотрел он не вдаль, а прямо под ноги, на воду.

— И охота тебе торчать на этом пляже! — сказал я. — Ведь сейчас не лето. Иди домой, тебя мама зовет. Или ты забыл, что тебе сегодня исполняется десять лет? И о чем ты думаешь?

— Я думаю о воде, — ответил Андрей. — Вода — очень странная, правда? Она ни на что на свете не похожа.

— Чего странного нашел ты в воде? — удивился я. — Вода — это и есть вода.

— Нет, вода — странная и непонятная, — упрямо повторил Андрей. — Она жидкая, но если по ней плашмя

ударить палкой, то даже руке больно, такая она упругая. Вот если сделать воду совсем твердой...

— Настанет зима — вода превратится в лед и станет твердой, — прервал я Андрея.

— Да я не о льде, — с какой-то обидой сказал он.

Мы молча пошли домой.

Дома мать Андрея обняла его и подарила пакетик с марками, а моя мама подарила ему «Справочник филателиста».

— Ура! Никарагуа! Никарагуа! — закричал мой товарищ, рассмотрев марки. Он запрыгал от радости и стал бегать по всем комнатам, выкрикивая: «Никарагуа! Никарагуа!»

Когда он пробежал мимо дивана, я сделал ему подножку, и он упал на диван. Я тоже плюхнулся на диван, и мы стали бороться, а потом схватили по диванному валику и начали бить друг друга. Конечно, все это делалось в шутку.

— Бей зверинщиков! — кричал я, замахиваясь нитролонным валиком на Андрея.

— Бей портретников! — кричал он, опуская мне на голову валик.

Портретниками в нашем школьном филателистическом кружке называли тех, кто собирал марки с портретами. Я, например, подбирал марки с изображением знаменитых Людей. Андрей же принадлежал к «зверинщикам» — он собирал так называемые красивые марки; особенно он любил изображения разных экзотических зверей. Вкус у него был странный: ему нравились самые яркие, даже аляповатые марки, нравились пестрые птицы и звери, изображенные на них. Коллекцией своей он очень дорожил, но если кто-нибудь из ребят просил у него даже самую яркую марку — он отдавал ее. Сам же он редко обращался к кому-либо с просьбами, и из-за этого некоторые считали его гордецом. Но гордецом он не был, просто он был сдержанным, и с годами эта сдержанность росла.

С годами росла в нем и некоторая тяга к отвлеченным рассуждениям. Рассуждения эти, признаться, нагоняли на меня скуку.

Так, однажды, когда мы учились в четвертом классе, у нас состоялась экскурсия в старинный Исаакиевский собор — вернее, на его колоннаду. В этот день на плоскую крышу нашей школы сел средний аэролет, мы быстро прошли в его салон и вскоре полетели к Исаакию. Остановившись в воздухе у верхней колоннады собора, аэролет выдвинул наклонный трап, и весь наш класс во главе с Учителем сошел под колонны. С вершины собора нам виден был весь город, и Нева с ее четырнадцатью мостами, и «Аврора», стоящая на вечном приколе, и залив, и корабли на нем.

— Как красиво! — сказал я Андрею. — Правда?

— Очень красиво, — согласился он. — Только все кругом из разного сделано. Из камня, из железа, из кирпича, из бетона, из пластмассы, из стекла... Все из разного.

— Чего же ты хочешь? — удивился я. — Так и должно быть. Одно делают из одного, другое — из другого. Так всегда было, так всегда и будет.

— Надо делать все не из разного, а все из одного, — задумчиво сказал Андрей. — И дома, и корабли, и машины, и ракеты, и ботинки, и мебель, и все-все.

— Ну, это ты ерунду говоришь, — возразил я. — И потом вот из пластмасс очень много делают.

— Но не все, — сказал Андрей. — А нужно такую пластмассу, что ли, изобрести, чтобы из нее все делать.

— Не строй из себя умника! — рассердился я. — Мы с тобой в школе учимся, и незачем нам думать о том, чего не может быть.

После этой моей отповеди Андрей обиделся и долго не разговаривал со мной на отвлеченные темы. Зато он начал таскать домой всевозможные научные книги, в которых речь шла главным образом о воде. Когда мы перешли в следующий класс, Андрей стал почти все вечера проводить в Вольной лаборатории — такие лаборатории и сейчас имеются при каждой школе. Там было много всяких машин и приборов, и он возился около них, забывая даже о еде. Как это ни странно, но ни мои, ни его родители не принимали никаких мер против этого увлечения. Когда я намекал им, что Андрею это ни к чему и только идет во вред здоровью и общей успеваемости, они мягко отвечали

мне, что я чего-то недопонимаю. Однако для своего возраста я был совсем не глуп, и успеваемость моя была совсем неплохая. А что касается Андрея, то чем дальше, тем все выше были его успехи в области точных наук, в то время как по остальным предметам он шел весьма посредственно. А некоторые уроки он вообще пропускал ради своих опытов, и, как ни странно, Педагоги ему это почему-то прощали. Так, на физкультуру он ходил очень редко, а на уроки плавания в школьный бассейн — еще реже. Только подумать — он так и не научился плавать.

Несмотря на некоторые странности своего характера, Андрей был хорошим товарищем. Иногда мы с ним спорили, но почти никогда не ссорились. Раз только он вспылил по пустякам и даже обидел меня. Когда мы в седьмом классе проходили теорию Эйнштейна, мне не все было в ней понятно, и дома я прибег к помощи ЭРАЗМа*. Я знаю, что сейчас этот агрегат не применяется, он признан непедagogичным и давно снят с производства, но в мои юные годы некоторые ученики прибегали к его помощи. Андрей же к ЭРАЗМу относился неуважительно и даже дал ему грубую кличку — Зубрильник.

Я вложил книгу в отверстие агрегата, включил контакт, и механические пальцы начали листать страницы. ЭРАЗМ стал читать книгу вслух, пояснять ее зрительно на экране и давать свои, упрощенные и доходчивые, пояснения.

И вдруг Андрей, который до этого тихо сидел за своим столом, ничего не делая и уставясь в одну точку, сказал сердитым голосом:

— Да выключи ты этот несчастный Зубрильник! Неужели ты не понимаешь таких простых вещей!

— Андрей, ты груб! — сказал я. — Этот прибор называется ЭРАЗМ, а никакой он не Зубрильник.

— И кто придумывает всем этим агрегатам такие названия! — буркнул Андрей. — Тоже мне — «ЭРАЗМ»!

— Названия всем агрегатам придумывает Специальная Добровольная Наименовательная Комиссия, состоящая из Поэтов, — ответил я. — Поэтому, оскорбляя агрегат, ты

* ЭРАЗМ — Электронный Растолковывательный Агрегат, Знающий Многое.

тем самым оскорбляешь Поэтов, которые добровольно и безвозмездно дают названия механизмам. А поскольку я пользуюсь услугами ЭРАЗМа, ты оскорбляешь и меня.

— Прости, я вовсе не хотел обидеть тебя, — проговорил Андрей. — Дай мне книгу, и я поясню тебе эту главу.

Он стал втолковывать мне смысл Теории, но пояснения его были какие-то странные, парадоксальные и совсем непонятные мне. Я сказал об этом Андрею, и он искренне удивился.

— Но ведь все это так просто. Эта книга случайно попала мне, когда мы учились еще во втором классе, и я ничего непонятного в ней не нашел.

— Ты не нашел, а я вот нахожу! — ответил я и вновь включил ЭРАЗМ.

Но эта размолвка не нарушила нашей дружбы. И когда нам исполнилось по шестнадцать лет и мы получили право пользоваться Усилительной Станцией Мыслепередач, мы с Андреем взяли общую волну и стали двойниками* по мыслепередачам. Вскоре это пришлось очень кстати — моя помощь понадобилась Андрею.

Случилось это так. Ранней весной родители наши взяли отпуск и улетели на Мадагаскар, предварительно дав нам соответствующие наставления. Андрей, пользуясь отсутствием родителей, стал до глубокой ночи пропадать в Вольной лаборатории. Он приходил туда один и проделывал опыты с водой, на которой он, как в старину говорилось, совсем помешался. Как потом выяснилось, некоторые из этих опытов были отнюдь не безопасны, и ДРАКОН** не раз делал Андрею замечания и даже выключал электропитание в лаборатории, дабы прервать эти опыты. За это

* Передача мыслей в те годы могла осуществляться только между двумя абонентами по схеме А — Б; Б — А. Работа Усилительных Станций требовала чрезвычайно больших затрат энергии, поэтому прибегать к мыслепередачам рекомендовалось только в случае крайней необходимости и при отсутствии других средств связи.

** ДРАКОН (Движущийся Регламентационный Агрегат, Контролирующий Опыты Неопытных) — старинный агрегат, ныне замененный более совершенным.

Андрей невзлюбил ни в чем не повинного ДРАКОНа и даже дал ему нелепую кличку Дылдон.

Однажды Андрей задержался в лаборатории что-то очень уж надолго, но я не слишком беспокоился за него, так как был уверен, что, поскольку он производит свои опыты в присутствии дежурного ДРАКОНа, ему ничто не угрожает. И я спокойно лег спать.

Я начал уже засыпать, как вдруг услышал мыслесигнал Андрея.

— Что случилось? — спросил я.

— Состояние опасности, — сообщил Андрей. — Иди в лабораторию. Все. Мыслепередача окончена.

Я тотчас оделся и выбежал на улицу. У ворот меня окликнул дежурный ВАКХ*:

— Вы встревожены? Поручений нет?

— Благодарю вас, поручений нет, — ответил я и побежал по самосветящейся пластмассовой мостовой по направлению к школе. Улица была пустынна, только на скамейках бульвара кое-где сидели парочки. Навстречу мне попался ГОНОРАРУС**. Он нес в своей пластмассовой руке букетик розовых цветов, а на лбу его горела розовая лампочка. Розовый цвет означал, что родилась девочка, — ГОНОРАРУС шел извещать об этом отца. Я едва не сшиб с ног этот агрегат, так я торопился.

Но вот и школа. На площадке перед ней днем всегда висела статуя Ники Самофракийской, причем голова ее была восстановлена с помощью точнейших кибернетических расчетов, и вся статуя (точнее — ее копия) выглядела такой, какой ее сотворил скульптор. Она была отлита из нержавеющей металла и с помощью электромагнитов висела в воздухе над невысоким постаментом, как бы летя вперед. На ночь электромагниты выключались, и статуя

* ВАКХ (Всеисполняющий Агрегат Коммунального Хозяйства) — механизм XXI—XXII вв. Выполнял приблизительно ту же работу, что Дворник в древности.

** ГОНОРАРУС (Громкоговорящий, Оптимистичный, Несущий Отцам Радость Агрегативный Работник Устной Связи) — старинный агрегат, ныне заменен другим.

плавно опускалась на постамент. А утром, когда луч солнца касался включающего устройства, Ника плавно подымалась в воздух, продолжая свой полет. В дни моей молодости было немало таких висящих в воздухе статуй. Теперь, к сожалению, от электромагнитов отказались, считая это дурным вкусом, и вновь вернулись к обычным пьедесталам. А жаль! Не слишком ли усердно нынешняя молодежь зачеркивает творческие достижения прошлого?

В окнах большого здания Вольной лаборатории горел свет. Я вошел в технический зал. Здесь, среди множества приборов и машин, я увидел Андрея. Он сидел на пластмассовой табуретке, и с руки его стекала кровь. Над ним, неуклюже наклонясь, стоял ДРАКОН и давал ему какие-то медицинские советы. Андрей был очень бледен. Я кинулся к аптечному шкафу, достал необходимые медикаменты и занялся оказанием помощи. Андрей был ранен в плечо и потерял много крови. Рана была небольшая, но довольно глубокая. Я залил ее Универсальным бальзамом и сделал перевязку, а затем вызвал по телефону Врача.

— Что здесь произошло? — спросил я Андрея.

— Небольшой просчет, — ответил он. — Я думал, что будет совсем другой эффект. Понимаешь, мне нужно было узнать поведение воды при некоторых особых условиях. Я переохладил ее под давлением и вбрызнул в раскаленную золотую трубу. Я думал, что перепад температур...

— А вы что смотрели? — строго обратился я к ДРАКОНу. — Ведь вы должны прерывать опасные опыты!

— Опыт безопасен, — бесстрастно ответил ДРАКОН. — Опыт целесообразен, нужен, необходим, обязателен, полезен, безопасен.

— Как же безопасен, если человека ранило! — рассердился я. — И посмотрите, что здесь делается!

Действительно, на полу лежали какие-то разбитые циферблаты, осколки плексигласа, обломки металла, лопнувшая искореженная золотая труба с довольно толстыми стенками...

— Дылдон не виноват, — сказал вдруг Андрей. — Если кто виноват — так это я. Я сказал Дылдону, что опыт безопасен.

— Значит, ты обманул его! Пусть это не Человек, а механизм, но все равно ты совершил обман. Обманывая механизм, ты обманываешь Общество!

— Я не обманул его, я убедил. Я внес поправки в его электронную схему. Он даже помогал мне делать опыт.

— Опыты не напрасны, безопасны, оправданны, обоснованны, объективны, перспективны, — глухо забормотал ДРАКОН.

— Ну, с вами толковать — что воду в ступе толочь! — сердито сказал я.

— Воду в ступе? Толочь? Новый опыт? — заинтересовался ДРАКОН.

— Никаких опытов мы делать не будем, — ответил я. — Лучше наведите здесь порядок.

ДРАКОН поспешно нагнулся над люком мусоропровода, выдвинул из своей ноги пластмассовую лопаточку и, пританцовывая, стал сбрасывать туда осколки и обломки. Столкнув остатки искаленной золотой трубы, он захолопнул люк.

— Все. Могу выключаться?

— Да, — ответил я. — И скажите Людям, чтобы вас заменили. Вы неисправны.

В это время подоспел Врач.

Рана Андрея скоро зажила, остался только шрам. Самое странное, что за свою проделку Андрей, в сущности, не понес никакого наказания. Его только на короткий срок отстранили от опытов, а потом он опять принялся за свое. Уж чего-чего, а упрямства у него хватало.

4. Из юности

Однажды ранней осенью мы шли с Андреем по берегу залива. Поравнявшись с лодочной станцией, Андрей сказал:

— Возьмем лодку. Давно мы с тобой не катались на лодке.

Мы взяли шлюпку и стали выгребать в залив. Мимо нас проходили яхты, прогулочные электроходы, а мористее видны были не спеша идущие морские пассажирские корабли, грузовые суда и большие парусники. Эти парусники

были очень красивы — совсем как на старинных гравюрах. Только на них не было команды: паруса поднимались и убирались специальными механизмами, которыми управлял КАПИТАН*. Парусники эти перевозили несрочные грузы и вполне себя оправдывали. Правда, иногда из-за чрезвычайной сложности управляющего устройства с некоторыми из этих парусников происходили странные вещи. Они вдруг начинали блуждать по морям, не заходя ни в какие порты. Такие блуждающие корабли были опасны для мореплавания, и их старались выследить и обезвредить, что было не так-то просто. У КАПИТАНов вырабатывался эффект сопротивления, и они норовили уйти от преследования.

Мы с Андреем гребли все дальше в залив. Но вот двухпалубный атомоход прошел недалеко от нас, подняв большую волну. Андрей замешкался с веслами — греб он плохо, — но я успел поставить шлюпку носом к волне. Нас тряхнуло, немного воды перелилось через борт, но все обошлось благополучно.

— Могло кончиться и хуже, — сказал я Андрею. — Мы могли очутиться в воде, а ты ведь до сих пор не умеешь плавать. Как это странно: изучаешь воду, делаешь с ней опыты, а плавать не умеешь. Может быть, ты хочешь усмирить бури и штормы?

— Нет, бури и штормы останутся. Но вода, по моему убеждению, со временем станет слугой Человека. И время это, быть может, не так уж далеко.

Я промолчал. Я давно знал, что вода — пунктик Андрея, и не хотел с ним спорить. Это было бесполезно.

— К такому выводу можно прийти не только исследовательским, научно-техническим путем, но сама логика жизни говорит об этом, — продолжал Андрей. — У Человека есть друзья: металл, камень, дерево, стекло, пластмассы — друзья верные и испытанные. Но Человечество растет, ему

* КАПИТАН (Кибернетический Аптиаварийный Первоклас-сно Интеллектуализованный Точный Агрегат Навигации) — весьма совершенный для своего времени агрегат. Ныне модернизирован.

нужен новый сильный друг и союзник. Такого друга у него пока нет. Зато у него есть враг — вода. Вода — враждебная стихия, вода антистабильна.

— Вода — это и есть вода, и ничего с ней не сделаешь, — вставил я словечко.

— Но когда Человек подчиняет себе сильного и опасного врага, то именно этот сильный и опасный враг становится самым верным и надежным союзником. А Человеку нужен сейчас великий новый союзник. Только подчинив себе воду, Человек станет полным властелином планеты.

— Мели, Емеля, твоя неделя, — сказал я Андрею, выслушав его слова.

— Какой Емеля? — удивился Андрей.

— Это просто есть такая старинная поговорка. Не буду тебе ее расшифровывать.

В то время я уже серьезно интересовался историей литературы и фольклором XX века и имел на этом пути несомненные успехи. В старинных книгах я выискивал древние поговорки, пословицы, прибаутки и выписывал их в отдельную тетрадь. Кроме того, я изучал Поэтов XX века, надеясь со временем написать о них историческое исследование. Одновременно я работал над моим любимым детищем — СОСУДом.

Одиннадцатые и двенадцатые классы в нашей школе были специализированные, и после окончания десятого класса я пошел на гуманитарное отделение. Андрей же — на техническое. Мы по-прежнему отправлялись в школу вместе, но, придя в нее, расставались до конца учебного дня. Мы, как и прежде, были с Андреем дружны, вместе ходили в театр и кино, а во время летних каникул вместе путешествовали то по Америке, то по Австралии, то по Швеции. Но лучше всего сохранились в моей памяти наши совместные прогулки по родному городу. Мы бродили и по старинным улицам, сохранившим свой вид в неприкосновенности с XX века, и по Новому городу, где высились новые здания, казавшиеся мне тогда очень высокими, — ведь аквалидного строительства еще не было.

Раз, проходя мимо одного здания, я заметил у входа надпись «ОРФЕУС (Определитель Реальных Фактических Естественных Умственных Способностей)».

Я давненько уже хотел проверить свои умственные возможности, в широте которых я, при всей своей скромности, не сомневался. Поэтому я шутливо предложил Андрею:

— Давай зайдем сюда, узнаем, на сколько баллов тянут наши умы.

— Зайдем, если тебе хочется, — согласился Андрей. — Только я не очень верю в точность этого агрегата.

— Может быть, ты боишься, что кто-то из нас окажется потенциальным идиотом? — поддразнил я его.

— Все возможно, — ответил Андрей. — Иногда я чувствую себя таким глупцом...

Мы вошли в помещение, и вскоре нас повели каждого в отдельную комнату, обставленную какими-то приборами. Ассистент подвинул мне кресло, надел мне на голову какой-то пластмассовый шлем с идущими от него проводами.

— Думайте о том, что вас больше всего интересует и о чем вы чаще всего размышляете, — сказал Ассистент.

Я стал думать о своем любимом детище — СОСУДе, и вскоре на приборах задвигались стрелки, вспыхнули лампочки. Затем Ассистент подошел к какому-то экрану, поглядел на него — и выключил всю механику.

— Готово, — сказал он. — У вас уклон к систематике.

-- А сколько у меня баллов?

— Четыре балла. Совсем неплохо.

— Как, всего четыре балла?! — возмутился я. — Это при десятибалльной-то системе! Тут какая-то ошибка. Очевидно, ваш ОРФЕУС нуждается в ремонте.

— Четыре балла — совсем не плохая оценка, — возразил мне Ассистент. — Есть много Людей, которым ОРФЕУС дает гораздо меньшую оценку, и они работают в области науки, искусства и литературы и считаются очень умными Людьми. А Режиссеры и Сценаристы зачастую имеют по ОРФЕУСу оценку «единица», однако вы смотрите их фильмы да еще похваливаете.

— Это ваше утверждение лишний раз убеждает меня в неточности вашего агрегата. Если Кинорежиссер ставит

картины, а Критик пишет о них статьи, то это одно уже доказывает, что ОРФЕУС ошибся, поставив им единицу.

— Это ничего не доказывает, — возразил Ассистент. — Можно быть глупым Ученым, и можно быть мудрым работником ассенизационной системы.

— А дает ваш ОРФЕУС кому-нибудь высокие баллы? — поинтересовался я. — Ставит он восьмерки, девятки, десятки?

— Десяти баллов со дня его изобретения ОРФЕУС никому не присуждал. Десять баллов — это состояние гениальности. Гении не так часто рождаются. Уже девять баллов — преддверие гениальности... Вы знаете историю жизни Нилса Индестрома?

— Я знаю Теорию Недоступности. Мы ее проходили в восьмом классе. Неужели вы думаете, что если ваш ОРФЕУС поставил мне четверку, то я настолько туп, что не знаю ТН Индестрома!

— Никто не сомневается, что вы знаете ТН, — успокоил меня Ассистент. — Я просто хочу напомнить вам историю его жизни. Тридцать лет тому назад в маленьком шведском городке Ультафиорде на сетевязальном заводе работал наладчиком станков молодой рабочий. У него было минимальное земное образование — двенадцатилетка с техническим уклоном. В свободное от работы время юный Нилс посещал теоретические курсы общей физики, а также читал книги по квантовой теории, космографии и сопромату. Кроме того, в уме он мог делать столь сложные и быстрые подсчеты, что обгонял кибернетическую машину среднего класса. Он готовился в вуз, но, отличаясь крайней скромностью, не спешил подавать туда заявление. Однажды товарищи, зная его чрезмерную скромность и необычайные способности, чуть ли не силком затащили Нилса к ОРФЕУСу, который присудил ему девять баллов. Вскоре Индестром был принят на второй курс Академии Высших Научных Знаний. Через два года он создал Теорию Недоступности. Памятники, воздвигнутые ему, стоят во всех крупных городах мира.

— Я все это знаю, — сказал я. — Но мне всегда казалось странным, что ставят памятники творцу негативного закона.

— Мудрость может быть и негативной, — возразил Ассистент. — Тем более что ТН, при всей своей негативности, играет положительную роль. Она предостерегает Человечество от напрасных попыток прорваться к Дальним Звездам. Индестром спас много человеческих жизней. Так что памятники свои он заслужил.

Я вышел в приемный зал и стал ждать Андрея. Он почему-то задержался в своей испытательной комнате. Мне пришлось ждать его чуть ли не час. Наконец он вышел в сопровождении своего Ассистента и еще каких-то двух пожилых Людей профессорского вида.

— Идем, — сказал он мне. — Кончилась эта пытка.

Мы попрощались с работниками испытательной станции, и мне показалось, что все они прощаются с Андреем чересчур уж почтительно, не по его возрасту. Один из Профессоров даже проводил его до подъезда.

— Что это тебя так долго испытывали? — спросил я Андрея.

— Давали разные дополнительные задания и анкеты. Совсем замучили. И вели зачем-то переговоры с нашей школой. И еще звонили во Всемирную Академию Наук.

— Видно, их ОРФЕУС очень несовершенен, вот они и берут дополнительную информацию, — сказал я, чтобы утешить Андрея. — Мне этот ОРФЕУС дал всего четыре балла, это явная ошибка.

— Да, это очень несовершенный агрегат, — согласился Андрей. — Мне он дал десять баллов. Я этого, конечно, не заслуживаю. Иногда я чувствую себя безмозглым щенком.

Окончив школу, я поступил в Университет на филологический факультет. Андрей же был принят в Академию Высших Знаний, сразу на третий курс. Жили мы теперь в разных общежитиях, но встречались довольно часто.

5. Заслуженное наказание

Но возвращаюсь к тому, с чего я начал свое повествование.

Через несколько дней после «марочного бунта» Андрей пришел ко мне в гости. Вид у него был грустный.

— Говори, что такое случилось? — спросил я его. — Опять очередной неудачный опыт? Пора бы тебе привыкнуть к неудачам. Ты в них, как рыба в воде.

— Нет, неприятность другого рода, — ответил Андрей, пропустив мою шпильку мимо ушей и не оценив скрытого в ней каламбура. — Ты понимаешь, на общем собрании я рассказал о своем поступке, о том, что обругал девушку

— Ну, еще бы ты умолчал об этом! Скрывающий плохое — лжет... Что же решило общее собрание?

— Решили наказать меня охотой. Я должен отправиться в Лужский заповедник и убить одного зайца. Их там развелось очень много, и они портят плодовые сады в окрестностях заповедника.

— Неприятное дело, — поморщился я. — Но это заслуженное наказание. Только подумать — объявить девушке, что она — кикимора!

— Ты не полетел бы со мной туда, в заповедник? — спросил Андрей. — Как-то тоскливо идти на это дело одному. Задание я, разумеется, сам выполняю.

Я вспомнил, что один Студент рассказывал мне, будто Смотритель этого заповедника — глубокий старик, знает старинный фольклор, древние заклинания, прибаутки и бранные слова. «Может быть, мне удастся пополнить мой СОСУД», — подумал я и согласился сопровождать Андрея. Андрей ушел, обрадованный моим решением.

В тот же час я сообщил Нине, что завтра улетаю на один-два дня, и попросил ее не прерывать работы над сбором материала для «Антологии». Но, узнав, что я отправляюсь в заповедник, Нина тоже захотела лететь со мной.

— Как, ты хочешь видеть, как убивают зверей? — удивился я. — Вот уж не ожидал!

— Да нет, что ты! — возразила Нина. — Просто я хочу побыть среди природы. И лишний раз посмотреть на живых зверей.

— Ну, это другое дело, — сказал я. — Тогда завтра утром я найду за тобой.

В глубине души я был очень рад, что Нина отправится со мной в заповедник. Я решил, что дело тут не в природе, а во мне. Быть может, она ждет от меня объяснения... И ради этого она даже согласилась отправиться на охоту.

Охота для Людей давно перестала быть удовольствием и превратилась в неприятную обязанность, которая возникала время от времени, когда зверей в заповедниках становилось слишком много. С тех пор как на Земле навсегда прекратились войны и исчезли нищета и социальное неравенство, нравы Человечества смягчились и преступность сошла на нет. Перестав быть жестокими друг к другу, Люди изменили и свое отношение к животным. Еще задолго до моего рождения вышел всемирный закон, запрещающий производить опыты над животными, — их теперь вполне заменяли электронно-бионические модели. Держать зверей в неволе, в так называемых зоологических садах, было признано жестоким, и зоосады были раскассированы. Это никого не огорчало, так как совершенство и быстрота путей сообщения позволяли каждому видеть зверей в местах их естественных обиталищ — в заповедниках. Человек уж не нуждался в охоте — ни для мяса, ни для шкур, ни даже для мехов. Звериные меха давно заменила синтетика, и синтемы (синтетические меха) были теперь гораздо красивее и теплее естественного меха. Таким образом, экономическая нужда в охоте давно отпала, а морально она теперь Человеку претила, как всякое насилие и убийство. Помню, что, когда мы в школе проходили старинных классиков, мы всегда с удивлением читали превосходно написанные сцены охоты. Нам казалось странным это любование жестокостью.

На следующее утро я направился к Нине. Она жила не в общежитии, а дома, вместе с матерью. Отец Нины погиб во время подводной экспедиции, и хоть это произошло давно, но у Нининой матери порой бывал такой вид, будто это произошло только вчера. Однако в доме у них было уютно, мне нравилось бывать там. В то утро и Нина и ее мать встретили меня, как всегда, приветливо. Это утро запомнилось мне очень хорошо, потому что именно с этого дня в судьбе моей и Нининой начались большие изменения.

— Вам надо поесть как следует перед дорогой, — сказала мне Нинина мать. — Там, в университетской столовой, вы едите то, что предлагает вам САВАОФ, а у него фантазия не богатая. Я же сама программирую наш ДИВЭР*, и он накопил уже большой опыт.

— Я с удовольствием поем домашней еды, — согласился я. — Закажите, пожалуйста, ДИВЭРу две синтет-бараньих отбивных.

— Заработайте своим трудом эти отбивные, — засмеялась Нинина мать. — Спрограммируйте агрегат сами. Идемте, я вас научу. Ведь когда-нибудь на ком-нибудь вы женились, и это вам пригодится.

Она повела меня в кухню. При нашем приближении ДИВЭР вышел из ниши и протянул нам подобие металлической ладони, на которой была видна клавиатура с изображением цифр, букв и значков.

— Вот баранина для вас, — сказала Нинина мать, нажимая на какие-то значки и буквы, — а вот телячья отбивная для Нины. Все это так просто.

ДИВЭР опустил руку и застыл в позе готовности.

— А это не опасно — лететь на охоту? — спросила Нинина мать. — Я так боюсь за Нину, она такая неосторожная, вся в отца.

— Не беспокойтесь, я не взял бы ее с собой, если бы это было опасно, — ответил я.

— Да, да, вы правы. Когда она с вами, я за нее спокойна. Вы Человек выдержанный и рассудительный.

— К этому меня обязывает моя профессия, — скромно добавил я.

— Я хотела бы, — призналась Нинина мать, — чтобы у Нины был муж безопасной профессии, вроде вашей... Однако покинем кухню, а то мы не даем ДИВЭРу работать.

Мы вышли из кухни, и ДИВЭР принялся за работу. При людях работать он не мог, ибо был снабжен эффектом стыдливости. За все минувшие века женщинам настолько

* ДИВЭР (Домашний Индивидуальный Всевыполняющий Электронный Работник) — старинный кухонный агрегат. Давно заменен более совершенным.

надоело возиться в кухнях, готовя обеды и моя посуду, что теперь это дело считалось неэстетичным, и при людях ДИВЭР не действовал, дабы не портить им настроение. Если вы входили в кухню, он прерывал работу в ожидании ваших указаний. Получив же их, он почтительно ждал, когда вы уйдете, чтобы приняться за дело.

Мы вернулись в комнату, и Нина завела разговор об «Антологии Забытых Поэтов» и о том, что надо включить стихи Вадима Шефнера.

— А что он за Человек был? — спросила Нинина мать. — Он не был Чепьювином?

— Этого я сказать точно не могу, — ответил я. — Вот Чекуртаб* он был определенно: у него в стихах где-то упоминаются папиросы. Но вполне возможно, что он был и Чепьювином. От этих Поэтов Двадцатого века всего ожидать можно.

— О людях нужно судить по их достоинствам, а не по их недостаткам, — заявила вдруг Нина.

— Это не научный подход, — возразил я. — Для меня и моей науки важно не только то, что Писатель написал, но и то, как он вел себя в быту.

— Как вы правы! — воскликнула Нинина мать. — А скажите, этот Светочев, с которым вы отправляетесь на охоту, — уравновешенный Человек? Ведь от Человека, которого так строго наказали, можно ждать самых неожиданных поступков.

— Андрей — хороший товарищ, — успокоил я ее. — Он никого никогда еще не подводил. Кроме самого себя.

— Ты, мама, не беспокойся, — вмешалась Нина. — Я хоть никогда и не видала этого Андрея, но вполне представляю его по рассказам Матвея. Это, по-моему, неплохой Человек, только он из породы неудачников. Все ищет чего-то и все ошибается. Мне его почему-то жалко.

— Да, он хороший Человек, — добавил я. — Звезд с неба он не достанет и пороку не выдумает, но это не мешает ему быть хорошим Человеком и моим другом.

* Чекуртаб (Человек, Курящий Табак) — медицинский термин того времени.

6. По пути в заповедник

Вскоре мы с Ниной вышли из ее дома и направились к авиастоянке, расположенной на крыше высотного дома. Поднявшись лифтом на крышу, мы встретили здесь Андрея. Я познакомил его с Ниной, и мы сели в четырехместный легколет. Я занял место рядом с ЭОлом*, а Нина и Андрей расположились на задних сиденьях.

— Полеты бесплатные, — сказал ЭОЛ. — Дайте курс и закажите нужную вам скорость: прогулочную, деловую, ускоренную или экстренную.

Мы задали курс и выбрали прогулочную скорость. Погода стояла хорошая, и лететь было одно удовольствие. Город медленно плыл под нами, затем показались огромные белые кубы заводов синтетических продуктов, башни зерновых элеваторов. Вскоре потянулись зеленеющие поля; через равные промежутки среди полей возвышались башни дистанционного управления электротракторами. Через поля, уходя вдаль, тянулись прямые дороги дальнего следования, крытые желтоватыми и серыми пластмассовыми плитами; видны были лаковые спины многоместных элмобилей. То параллельно этим дорогам, то отбегая от них в сторону, то совсем уходя в лес, петляя вдоль берегов речек, вились неширокие грунтовые дороги для всадников. Возле этих дорог кое-где стояли небольшие гостиницы, где каждый всадник мог отдохнуть сам, накормить и напоить своего коня и показать его дежурному ФАВНу**, если конь заболел. Хоть население Земли росло и множилось, но с переходом на синтетическое мясо высвободилось столь много земли, что Человечество могло позволить себе роскошь ездить на верховых конях. Впрочем, Ученые доказали, что это, в сущности, даже не роскошь, а выгода. При мне начали создаваться конные клубы, начались массовые

* ЭОЛ (Электропный Ответственный Летчик) — агрегат XXII в. Впоследствии заменен более совершенным.

** ФАВН (Фармацевтический Агрегат Ветеринарного Назначения) — существует и ныне в улучшенном виде (ФАВН-2).

состязания всадников. Многие теперь предпочитали ездить на недалекие расстояния верхом. Молодые Люди бросали свои элциклы и в свободное время овладевали конным делом. Некоторые всадники ходили в суконных шлемах с красными звездами и в длиннополых кавалерийских шинелях с поперечными нашивками, воскрешая форму буденовцев. Старики предпочитали механические средства передвижения и были недовольны этим, как они говорили, парадоксом развития транспорта. Однако число коней и всадников росло и сейчас продолжает увеличиваться.

Сидя рядом с ЭОЛом, я толком не слышал, о чем разговаривают Нина с Андреем. Но разговаривали они весьма оживленно, и до меня порой доносились обрывки их фраз и иногда даже смех. Смеялась не только Нина, но и Андрей.

«Странно, как может Андрей смеяться, — думал я. — Ведь он наказан, направляется на такое неприятное дело — и вдруг этот смех!»

— Что смешного рассказала тебе Нина, что ты так смеешься? — спросил я его, перегнувшись через спинку сиденья.

— Ничего особенного, — ответила за него Нина. — Просто я вспомнила, как однажды ради шутки вставила в рукопись «Антологии» пять четверостиший из Омара Хайяма, а ты прочел их и совершенно серьезно сказал, что эти упадочные стихи не отражают Двадцатого века.

— Я в этот момент думал о чем-то другом и ошибся, — ответил я. — Я отлично знаю, когда жил Хайям. Но разве Андрей знает его стихи?

— Представь себе, знает, — ответила Нина.

— Сейчас ему нужно думать не об Омаре Хайяме, а о том наказании, которое он заслужил. И тебе, Нина, совсем незачем настраивать его на веселый лад. Ведь всякий наказуемый должен не только понести наказание, но и внутренне осознать свою вину.

После этого моего, совершенно справедливого, кстати, замечания смех на задних сиденьях прекратился. Однако разговаривать они продолжали, только стали говорить тише.

Вскоре мы приземлились у границы заповедника. ЭОЛ, получив задание вернуться в город на стоянку, поднял машину в воздух и лег на обратный курс.

Здесь, в районе заповедника, запрещалось строить современные сооружения, и мы перешли через речку по бревенчатому мостику и пошли по лесной дороге. Нам нужно было найти жилище Лесного Смотрителя, у которого Андрей должен был взять орудие убийства, чтобы выполнить задание.

Андрей шагал впереди, а я с Ниной шел несколько поодаль за ним. Порой через дорогу перебежали зайцы; в одном месте лисица воровато глянула на нас из подлеска и побежала дальше своим путем. На ветвях пели лесные птицы, и наше приближение ничуть их не пугало.

— Знаешь, я представляла твоего друга другим, — сказала вдруг Нина. — Он лучше, чем ты рассказывал о нем.

— Я никогда не говорил тебе о нем ничего плохого, — возразил я. — Не понимаю, чего тебе еще надо!

— Ты говорил о нем слишком мало хорошего, — ответила Нина. — По-моему, он не совсем обыкновенный Человек. Ты плохо знаешь его.

— Как ты можешь так говорить, Нина, — спокойно сказал я. — Я его знаю всю жизнь, а ты знакома с ним полтора часа.

— И все-таки он не похож на других.

— Каждый Человек чем-то не похож на других.

— В нем чувствуется устремленность к какой-то высокой цели.

— Можно ставить себе большие цели и оставаться неудачником, — резонно возразил я.

— Что ж, может быть, он и неудачник, — задумчиво сказала Нина. — Но ведь большая неудача лучше маленьких удач.

— Не понимаю тебя, Нина. Удача — это всегда удача, а неудача — это всегда неудача.

— А по-моему, не так. Один Человек, скажем, решил подняться на вершину горы, а другой — стать на болотную кочку. Человек, не дошедший до вершины горы, поднимется все-таки выше того, кто стоит на болотной кочке.

Я не стал продолжать этот бесцельный спор, тем более что мы уже подошли к дому Лесного Смотрителя. Здесь жил тот самый старик, о котором мне сказали, что он знает старинный фольклор. Поэтому я включил свой карманный микромагнитофон, надеясь использовать запись разговора со Смотрителем для пополнения своего СОСУДа.

7. Старый Чепьювин

Жилище Лесного Смотрителя стояло на зеленой поляне у ручья. Это была настоящая деревянно-пластмассовая изба конца XX века — со старинной телевизионной антенной на крыше, с крылечком и завалинкой. Возле избы стоял древний мотоцикл. В стороне, под деревьями, видны были зимние кормушки для лосей и оленей и маленькие ящики на столбах — кормушки для птиц. Все здесь так не походило на город!

Из избы, приветливо улыбаясь, вышел навстречу нам статный старик, учтиво поздоровался и повел нас в свое жилище. Комната, куда он ввел нас, была весьма уютна. Все в ней дышало стариной — и дряхлый телевизор в потрескавшемся футляре, и поролоновый диван невиданной конструкции, и высокий деревянный стол, и кресла с плетеными спинками. Довершая это впечатление, на отдельном столике с мраморной крышкой стоял блестящий электросамовар, а на стене висело два ружья.

— Как у вас тут интересно! — сказала Нина. — Хотела бы я пожить здесь.

— А кто вам мешает! — ответил Смотритель. — Приезжайте и живите, мы со старухой потеснимся. Мы всегда рады гостям.

— Видите ли, — вмешался Андрей, — мы по делу сюда прилетели. Нам, то есть мне, надо убить одного зайца.

— Да, я давал заявку на убийство, — подтвердил старик. — Зайцев много развелось. Тут садоферма есть в десяти километрах, так они стволы грызть начали... А за что же вам такое наказание?

Андрей объяснил, за что он наказан, и старик сказал с добродушной насмешкой:

— Строго у вас в городах! Мы с женой тут в глуши нет-нет да и поспорим. Если б мне за каждую «дуру» зверя убивать, тут в заповеднике живности бы не осталось... Ну бери, что ли, ружье. Идем к сараю, стрельбе тебя обучу, — закончил он свою речь.

Старик и Андрей вышли из избы и направились за одну из пристроек. Вскоре оттуда послышался выстрел, потом другой. Затем старик вернулся, за ним шел Андрей с ружьем.

— Понятливый парень, — похвалил Андрея Смотритель. — Ружье в первый раз в руки взял — и все понял. Сразу в яблочко попал.

— Ну, я пойду зайца убивать, — сказал нам Андрей. — Надо скорей покончить с этим неприятным делом... А что потом с ним делать? — спросил он у старика.

— Сюда принесешь, не пропадать же добру. Съедем — и вся недолга.

— Можно и я с вами пойду? — обратилась вдруг Нина к Андрею.

— Нет, Нина, что вы! Зачем вам-то видеть все это? Я уж один.

Он ушел в лес, а Нина вышла из дому и села на скамейку. К ней подошел олененок и начал тереться мордой о ее колени, а она стала гладить ему спину. Я смотрел на нее в окно, и в эти минуты она показалась мне даже привлекательнее, чем обычно.

— А славная девчонка, — сказал вдруг Смотритель, словно угадав мои мысли. — Девчонка что надо.

— Она не девчонка. Она уже на втором курсе, — поправил я старика.

— А по мне хоть на двадцать втором. Передо мной она девчонка. Мне Сто восемьдесят семь через неделю стукнет.

— Стукнет — значит, исполнится, — понимающе сказал я. — На вид вы моложе. Только подумать — МИДЖ плюс семьдесят семь! Вы, наверно, обращались в Комиссию продления жизни?

— Никуда я не обращался. Я сам себе жизнь продлеваю. Мы, Лесники, долго живем.

— А как вы себе продлеваете жизнь? — заинтересовался я. — Может быть, вы знаете какие-либо старинные лекарства, травы?

— И лекарство одно знаю, и о смерти и всякой ерунде не думаю — вот и продлеваюсь. А как тебя величать-то?

— Величать — значит звать, — сказал я. — Меня зовут Матвей Людмилович.

— А меня — Степан Степанович. Я этих материнских отчеств не признаю, — добавил он с доброй старицовой усмешкой. — Завели новые моды — женские отчества, корабли с парусами, на конях по дорогам скачут... Нет, мне, старику, к этим новинкам уже не привыкнуть.

Окончив свою речь. Смотритель выдвинул ящик стола и вынул оттуда кожаный мешочек и пачечку бумаги.

— Что это такое? — заинтересовался я.

— Это кисет, а в кисете — махорка. Самосад.

— Как, неужели вы Чекуртаб! — изумился я. — И еще в такие годы!

— Никакой я не Чекуртаб, а просто курящий. Напридумывали словечек!

Он ловко загнул край одной бумажки, положил туда табак, затем свернул бумажку в трубочку — и закурил. Тяжелый синий дым пополз ко мне, и я расчихался. В это время из лесу послышался выстрел.

— Был заяц — нету зайца, — затягиваясь, сказал старик. — Твой приятель не промахнется. А ты — цирлих-манирлих.

— Что это такое — цирлих-манирлих? — спросил я. — Что означает эта фольклорная идиома?

— Так, ничего, — ответил старик. — Это я просто так. Дядя шутит.

— Может быть, это ругательство? — обрадовался я. — Не стесняйтесь, пожалуйста, обругайте меня еще как-нибудь.

— С чего же мне тебя ругать, ты плохого мне не сделал. Да и не под градусом я. Вот лекарства своего приму — тогда, может, поругаюсь. Идем, я тебе аптеку свою покажу, где лекарство мое варится.

Он повел меня на кухню, а из кухни — в небольшую пристройку. Там сильно пахло чем-то. Запах был какой-то

странный — и неприятный, и в то же время чем-то приятный. На старинной электрической плите стояли какие-то баки, тянулись трубки. В баках что-то клокотало. Из одной трубочки в пластмассовую миску капала пахучая жидкость.

— Что это? — спросил я. — Химическая лаборатория?

— Она самая, — бодро ответил старик, отливая жидкость из миски в стакан и протягивая стакан мне.

Я медлил, начиная подозревать самое худшее.

— Да ты бери, пей. Как слеза! К своему будущему дню рождения гоню. Выпей ты, а потом и я хватану.

— Вы — Чепьювин! — воскликнул я. — Как несовместимо это с вашим почтенным возрастом!

— Пей, — ласково повторил старик. — А то обидишь меня.

— А вы скажете мне бранные выражения?

— Скажу, скажу. Только пей. Все скажу.

Решив пожертвовать своим здоровьем для науки и не желая обижать старика, я сделал несколько глотков. Сперва мне было противно, но затем это чувство начало проходить.

— Пей да закусывай! — отечески сказал Смотритель, сунув мне в руку кусок сыра.

Я закусил и, чтобы не обижать старика, выпил стакан до дна. Мне стало совсем хорошо и весело. Это было новое состояние души и тела. Затем выпил и старик, и мы вернулись в комнату.

— Нейдет что-то Охотничек-то наш, — сказал Смотритель. — И девчонка куда-то делась, верно, в лес побежала... А парень он, видать, с головой. Отобьет он ее у тебя. Я-то заметил, как она на него поглядывает. Даст она тебе отскок.

— Что это такое «отскок»? — спросил я.

В ответ старый Чепьювин запел нетвердым голосом:

Эх, сама садочек я садила,
Сама, как вишенка, цвела,
Сама я милого любила,
Сама отскок ему дала.

И закончил так:

— Отошьет она тебя — вот что. Забудет — и вся недолга.

— Вы мне обещали обругать меня некоторыми фольклорными словами, — напомнил я старику.

— Это пожалуйста, это мы за милую душу, — ответил Чепьювин. — Этого добра я много помню. Бывало, дед мой как начнет загибать, а я запоминаю.

И Смотритель действительно стал произносить бранные слова, а я их повторял — и мой карманный микромагнитофон все это записывал. СОСУД пополнялся. Но в это время в комнату вошел Андрей, а за ним Нина, и наша беседа со старым Чепьювином прервалась. Андрей поставил ружье в угол, отдал убитого зайца Смотрителю, и тот понес его на кухню.

— Неприятно было его убивать, — сказал Андрей. — Они совсем ручные... А что это с тобой? — спросил он, пристально поглядев на меня.

— Со мной ничего, — ответил я и, неожиданно для себя самого, запел:

Эх, сама садочек я садила,
Сама, как вишенка, цвела...

— Что с тобой творится? — засмеялась Нина. — Когда я тебя таким не знала.

— Э, да он выпил! Он стал Чепьювином! — догадался Андрей. — Вот тебе и будущий Профессор.

— Только для пользы науки! — заплетающимся языком сказал я. — Только ради пополнения СОСУДа!

В этот миг появился старый Чепьювин, неся полный стакан своего «лекарства». Он преподнес его Андрею.

— Выпей половину, а потом девочке передай, — сказал он. — Не выпьете за мой будущий день рождения — обижусь. Вот только обеда хорошего нет, старуха моя в Австралию улетела кенгуровые заповедники осматривать. А ДИВЭР наш испортился — я его хотел научить сагогон гнать, а он возьми да и сломайся. Несознательный агрегат! — С этими словами Смотритель поставил на стол несколько банок консервов и начал их открывать старинным охотничьим ножом.

Андрей отпил половину стакана и протянул его Нине.

— Нина, Нина, что ты делаешь! Опомнись, Нина! — воскликнул я, ибо хоть я и был в состоянии опьянения, но все-таки сознание еще не покинуло меня.

— Э, что там! — засмеялась Нина и, к моему ужасу, выпила стакан до дна.

— Правильно! — вскричал старый Чепьювин. — Молодцы ребята! Знаете, какая примета в старину была? Если парень с девушкой из одного стакана выпили — быть свадьбе.

Мне почему-то стало очень грустно, и я заплакал. Но старик принес мне еще стакан напитка, и, выпив его, я вновь развеселился. Тем временем старый Чепьювин вытащил откуда-то старинный, дедовский магнитофон, включил его — и стал плясать под какую-то странную древнюю музыку. Андрей и Нина присоединились к нему. Я же сидел и улыбался. Все вокруг казалось мне очень милым и приятным, но с места встать я не мог. Потом голова у меня закружилась, и больше я ничего не помню.

8. Мост без перил

Утром я проснулся оттого, что белка прямо из открытого окна прыгнула на старинный диван, на котором я спал. Голова у меня болела, но старый Чепьювин дал мне выпить какого-то снадобья, и я вновь почувствовал себя здоровым.

Все давно уже встали. Смотритель накормил нас завтраком, дал еды на дорогу, и мы втроем отправились к лесному озеру. Дорогу туда нам объяснил старый Чепьювин, сказав, что там очень красиво.

Мы не спеша — Андрей и я с рюкзаками, а Нина на легке — зашагали по лесной дороге, потом свернули на тропку и шли по ней километра три — сперва лесом, потом через моховое болото. Затем начались невысокие холмы, поросшие вереском и можжевельником. Солнце поднималось все выше, было уже тепло, даже жарко. Вскоре с одного из холмов нам открылись озеро и небольшая река, впадающая в него.

— Пойдемте на тот берег, — сказала Нина. — Смотрите, как хорошо!

Тот берег, действительно, был очень красив. На пологом берегу виднелись серые валуны, немного подальше начинался лес. На берегу стояла маленькая бревенчатая избушка. Однако все это было довольно далеко.

— Стоит ли идти туда? — сказал я. — Чем плох этот берег?

— А тот лучше! — возразил Андрей. И Нина присоединилась к нему.

Я прикнул к большинству, и мы пошли под изволок к реке. Мост через нее никак не походил на то, что мы обычно подразумеваем под этим словом. Просто в двух местах были вбиты сваи, и с берега на берег были перекинута три связки из бревен, по два бревна в каждой. Никаких перил не было.

Андрей первый вступил на этот мост, за ним Нина, я же замыкал шествие. Мы шли осторожно. Вода внизу была темна от глубины, она бурлила у свай, здесь чувствовалась сила течения. Слева от моста река сразу расширялась — там был омут. Маленькие водовороты тихо двигались по его поверхности.

— Как хорошо! — сказала Нина, остановясь и заглядывая вниз, в глубину. И вдруг, потеряв равновесие, испуганно вскрикнув, она упала вниз, в эту темную от глубины воду.

И в то же мгновение Андрей кинулся за ней с моста. Он забыл снять рюкзак, и я понял, что он может утонуть, — ведь плавать-то он так и не научился. Тогда, скинув с плеч свой рюкзак, я положил его на бревно, затем быстро снял ботинки и швырнул их на берег. После этого я нырнул в воду. Когда я вынырнул, то увидел, что Нину уже далеко отнесло течением и она плывет к берегу. Я за нее не боялся, так как знал, что она хороший пловец. Андрея же нигде не было видно. Я стал нырять и наконец нашел его под водой. Сорвав с него рюкзак, я вытащил своего друга на поверхность и поплыл с ним к берегу. Вскоре ноги мои коснулись дна. Я вынес Андрея на берег — на тот самый, куда мы направлялись, — и тут ко мне подбежала Нина.

— Что с ним? — крикнула она. — Это я виновата!

— Ни в чем ты не виновата, — успокоил я ее. — Просто ему не следовало кидаться за тобой. «Не зная броду —

не суйся в воду», — так говорит старинная пословица. Ведь он плавать не умеет! А ты, чем попусту плакать, лучше окажи ему помощь.

Мы сняли с Андрея куртку и рубашку. Он не шевелился и не дышал, тело его было совсем бледное, и только у плеча синел небольшой шрам — след разорванной золотой трубы, когда он производил опыты в Вольной лаборатории.

Мы стали делать ему искусственное дыхание, но он оставался недвижим. Поняв, что дело серьезно, я решил вызвать Врача. Я никогда не снимал с запястья Личного Прибора, и теперь он пригодился. Я нажал кнопочку автокоординатора и кнопочку с красным крестом и восклицательным знаком — срочный вызов Врача.

— Нина, я буду делать ему искусственное дыхание, а ты беги вон на ту полянку и маши руками. Или, еще лучше, сними свою блузку и размахивай ею. Тогда Врач из экстролета скорее обнаружит нас.

Я взглянул на Личный Прибор. Рядом с кнопкой вызова уже засветилась зеленая точка — знак, что вызов принят. Но я продолжал делать Андрею искусственное дыхание, хоть от этого и было мало толку.

Вдруг из лесу послышался хруст валежника, шум раздвигаемых веток — и на берег выбежал Человек. Вид у него был такой, будто он спрыгнул с ленты старого фильма. Рукава рубашки были засучены по локоть, в правой руке он держал опущенный дулом вниз старинный дуэльный пистолет. На запястье одной руки блестел Личный Прибор — что было вполне современно, — но на запястье другой виднелось нечто напоминавшее ручные часы. «Болен потерей чувства времени, бедняга», — успел подумать я.

Человек бросил пистолет на песок и, подбежав к лежащему без движения Андрею, положил руку с приборчиком, который я принял за часы, ему на лоб. Тогда я догадался, что никакие это не часы, а просто ЭСКУЛАППП*. Значит, Человек этот был Врачом.

* ЭСКУЛАППП (Электронный Скоростной Консилиум, Указывающий Лечащему Абсолютно Правильные Приемы Помощи) — старинный медицинский агрегат. Ныне заменен более совершенным, действующим дистанционно.

Едва Врач приложил ЭСКУЛАППП ко лбу Андрея, как на приборе засветилась тонкая зеленая черточка. Затем ЭСКУЛАППП негромко, но внятно заговорил:

«Семьдесят восемь болевых единиц по восходящей. Летальный исход предотвратим. Внутренних повреждений нет. Состояние по Мюллеру и Борщенко — альфа семь дробь восемь. Делать искусственное дыхание типа А три. Делать искусственное дыхание. Летальный исход предотвратим».

— Ну, это уж я сам знаю, — сказал Врач, обращаясь не то к прибору, не то к нам, не то к самому себе, и стал делать Андрею искусственное дыхание по всем медицинским правилам.

Вскоре Андрей начал подавать признаки жизни. Врач снова приложил ЭСКУЛАППП к его лбу. Зеленая черточка на приборе теперь не дрожала, она стала шире. Прибор снова заговорил:

«Летальный исход предотвращен. Одиннадцать болевых единиц по нисходящей. Данные по Степанову и Брозису — бета один плюс зет семь. Больному нужен полный отдых четверо суток. Питание обычное. Летальный исход предотвращен».

Андрей тем временем совсем ожил. Он только был очень бледен после пережитого.

— Пусть он полежит еще немного, — сказал Врач. — А потом отведите его в ту избушку, и пусть он отоспится. А затем его надо как следует накормить. Моя помощь больше не нужна. Сейчас мне предстоит куда более неприятное дело, пойду убивать зайца. Понимаете, я только прицелился — и вдруг ваш вызов...

— А вас за что наказали охотой? — спросил я Врача.

— Меня? А разве вы не слыхали об этом ужасном случае в районе Невского? Там умер Человек девяноста шести лет от роду. Не дожил до МИДЖа целых четырнадцать лет! А я — Врач-Профилактор, я отвечаю за длительность жизни Людей в этом районе. Я сам на собрании Врачей потребовал себе наказания.

— А почему вы выбрали такое неудобное орудие убийства? — спросил я. — Ведь из ружья легче попасть.

— У меня есть друг — Смотритель Музея старинных предметов, он дал мне этот пистолет и научил из него стрелять. Пистолет легче носить.

Врач поднял свое оружие и направился в лес, а мы с Ниной остались возле Андрея. Вскоре он почувствовал себя настолько хорошо, что мог передвигаться. Я навьючил на себя рюкзаки, затем мы с Ниной взяли моего друга под руки и речным берегом повели его к озеру, где среди валунов виднелась старинная деревянная избушка в одно окно.

— Пойдите! — спохватился я и, быстро вернувшись к месту происшествия, разделся и нырнул в омут, где довольно быстро отыскал рюкзак Андрея.

Вскоре мы добрались до избушки. Она была очень старая. Внутри там были печь, стол, стул, а на полу толстым слоем лежало сено — оно здесь хранилось для зимней подкормки лосей. На чердак вела лестница. Там тоже лежало сено.

— Чур, я на чердаке ночую! — крикнула Нина. — Здесь так уютно.

— О ночлеге думать еще рано, — резонно возразил я. — Прежде всего нам надо обсохнуть и поесть. Ты, Нина, иди по ту сторону избушки и раздевайся там, а мы расположимся по эту сторону.

Вскоре мы с Андреем уже лежали голышом на песке, а наша одежда была расстелена рядом. Я лежал на спине и смотрел на небо. Оно было светло-голубое, даже белесоватое, как всегда в жаркие безоблачные летние дни. Я думал о том, что это легкое, невесомое небо, как бы состоящее из ничего, всегда остается самим собой, а вот на прочной вещественной земле все меняется.

— Пока ты бегал вытаскивать мой рюкзак, Нина мне рассказала, как все произошло, — прервал мои размышления Андрей. — Мне обязательно надо выучиться плавать...

Я знал, что Андрей благодарен мне, но в наше время выражать благодарность было уже не принято. Ведь если А благодарит Б за то, что тот поступил как должно, то этим самым А как бы предполагает, что Б мог поступить иначе.

Из-за избушки слышался смех Нины. Потом она закричала:

- Он бежит к вам, он мой платочек утащил!
- Кто бежит? — крикнул я. — Никого тут нет.
- Ежик! Подошел и платочек унес! Такой хитрый.

Действительно, из-за угла избушки показался еж. На его иглы был наколот платочек. Я взял этот платочек, еж сердито зафырчал, потоптался на месте и пошел в лес.

Вскоре у всех у нас одежда просохла, и мы втроем принялись за еду. Рюкзак Андрея промок, но в нем, к счастью, лежали консервы, и им ничего не сделалось. Хлеб же и дорожная посуда находились в моем рюкзаке. Лесные птицы летали и прыгали возле нас, собирая крошки, которые мы им бросали.

9. Девушка у обрыва

Утром я проснулся довольно поздно, очень хорошо было спать на сене. Когда я открыл глаза, то увидел, что Андрей сидит у окна за столом и что-то пишет. Он почувствовал мой взгляд и обернулся ко мне.

— Ничего, что я взял из твоего рюкзака тетрадь и рознял ее на листы? — спросил он. — В моем рюкзаке была бумага, да она вся промокла.

— Работай, работай, — ответил я. — Только там у меня записаны кое-какие мысли по поводу «Антологии», ты не вздумай делать поверх них свои записи.

— Нет, что ты! — сказал Андрей. — Я пишу на другой стороне.

Я встал и подошел к нему. Весь стол был покрыт написанными листами*.

— Только цифры, формулы, знаки и значки и ни одного человеческого слова, — сказал я. — И давно ты встал?

— С рассветом, — ответил Андрей. — Я спал очень крепко, но потом меня словно что-то толкнуло. Я проснулся и сел сюда.

— Ты уже хорошо себя чувствуешь?

* Эти листы ныне хранятся в Музее Светочева. На их обратной стороне действительно есть записи Матвея Ковригина.

— Физически — не очень. Есть еще какая-то слабость, усталость. Но голова работает хорошо. Знаешь, я, кажется, прихожу к важному решению.

— Ты уже много раз приходил к разным важным решениям, а потом оказывалось, что это — ошибки.

— Нет, теперь — нет. Кажется, я на этот раз поймал черта за хвост. Совсем неожиданный вывод. Я даже сам не понимаю себя, как я мог до этого додуматься.

— По-моему, тебе следует как следует выспаться, отлежаться. А потом, на свежую голову, ты опять можешь заняться этим делом, — осторожно посоветовал я.

— Ты, кажется, думаешь, что я свихнулся? — засмеялся Андрей. — Если я и свихнулся, то со знаком плюс. Ты знаешь, если взять сто электронных машин и перед заданием расштатать их схемы, то девяносто девять машин впадут в технический идиотизм, а сотая может впасть в состояние гениальности и дать какое-то парадоксальное, но верное решение...

— Не буду спорить с тобой, — мягко ответил я. — А Нина все еще спит?

— Нет. Она на озере. Вот она стоит.

Я взглянул из окна вправо. Нина стояла на невысоком песчаном обрыве и смотрела куда-то через озеро, вдаль. Ветер чуть шевелил ее платье. Солнце освещало ее сбоку, и она была очень хорошо видна.

— Девушка у обрыва, — сказал вдруг Андрей. — Как в одном стихотворении.

— Что за стихотворение? — поинтересовался я.

— Просто там девушка стоит у обрыва и смотрит вдаль. Перед ней озеро, кувшинки в воде; за ней — лес и утреннее солнце. А она стоит и смотрит вдаль. И кто-то смотрит на нее и думает: «Вот девушка стоит у обрыва и смотрит вдаль. Теперь я ее буду помнить всегда. Она уйдет в лес, а мне все будет казаться, что она стоит у обрыва. И когда я состарюсь, я приду к этому берегу и увижу: девушка стоит у обрыва и смотрит вдаль...»

— Не понимаю, чего хорошего нашел ты в этом стихотворении? Не люблю этих сантиментов... В Двадцатом веке и то лучше писали.

Андрей что-то пробормотал в ответ и уткнулся в свои записи, а я пошел на озеро. У самого берега росли в воде водяные лилии и купавы. Я пошел по шатким деревянным мосткам к открытой воде и долго умывался. Затем я пошел к Нине. Она все еще стояла на невысоком песчаном обрыве и бесцельно смотрела куда-то через озеро.

— Нина, ты хорошо спала? — спросил я.

— Очень хорошо. Вначале мне мешали летучие мыши. Они все влетали в окошечко и вылетали. Но они совсем бесшумные. Сейчас они там спят вниз головой — такие забавные. А ведь когда-то люди боялись их.

— Нина, а ты не забыла об «Антологии»? — напомнил я. — Нам надо возвращаться в город.

— Нет, я останусь здесь на четыре дня, — спокойно ответила она. — Андрею нужно четыре дня покоя. Я буду готовить ему еду.

— Ну, не так уж он ослаб, чтобы ему нужно было готовить еду, — возразил я. — Больной Человек не встанет с рассветом и не сядет за стол, чтобы выводить какие-то бесконечные формулы. Если Человек болен, он лежит и не рыпается.

— Что? — переспросила Нина. — Лежит и что?..

— Не рыпается, — повторил я. — Это такое идиоматическое выражение Двадцатого века.

— Но я все-таки останусь, — сказала Нина.

— Что ж, поступай так, как считаешь нужным, — ответил я. — Как-никак, мы живем в Двадцать Втором веке и знаем, что разубеждать решившегося — недостойное дело. Если зрячий идет к пропасти — останавливающий его подобен слепцу.

— Ах, не читай мне школьных прописей, — досадливо ответила Нина. — И к пропасти я пока что не иду. — Она прыгнула с невысокого обрыва на береговой песок и, сбросив туфли, вошла в воду и стала рвать кувшинки.

— На тебе! — крикнула она, бросая мне цветок. — И не делай строгого лица.

Я вернулся в избушку. Андрей все корпел над своими формулами.

— Вот смотри, — сказал он, когда я подошел к нему.

Он показал мне одну из страниц, всю исписанную и исчерканную. Внизу, обведенная жирной чертой, видна была какая-то формула, очень длинная.

— Ну и что? — спросил я.

— Я нашел то, что искал. Теперь надо только проверить, проверять и проверять себя.

— Ладно, проверяй себя, а мне нужно возвращаться в город. Нина останется тут.

— Нина приносит мне счастье, — задумчиво сказал Андрей. — Никогда не верил в такие вещи, но она приносит мне счастье.

Я отправился в город. Дойдя пешком до границы запо-ведника, я вызвал легколет и вскоре был в Ленинграде.

10. САПИЕНС сказал: да

Вернувшись в Ленинград, я так погрузился в работу над «Антологией Забытых Поэтов XX века», что на время позабыл все и вся. Правда, мне не хватало Нины — ее помощь была бы весьма ощутимой, но тем не менее работа моя двигалась. Целые дни я проводил в трудах и лишь изредка покидал свой рабочий стол, чтобы подышать свежим воздухом.

Однажды я поехал на Острова. Я шел по аллее и вышел на площадку, где стоят памятники Победителям рака Иванову и Смигу, Экипажу Марс-1 и Антону Степанову — одному из крупнейших Поэтов XXI века. Здесь же возвышается памятник Нилсу Индестрому, автору Закона Недоступности. Вы все знаете этот памятник; на черном цоколе стоит гигант из черного металла; простертая его рука как бы застыла в повелительном жесте, пригвождающем все земное к Земле, вернее — к Солнечной Системе. В те годы на цоколе памятника виднелась бронзовая доска со словами Индестрома: «Путь к Дальним Мирам закрыт навсегда. Тело слабее крыльев». Под этими словами была начертана формула Недоступности — итог жизни Нилса Индестрома. Формулу эту мы все знали со школьной скамьи. Она доказывала, что если даже человек создаст энергию, достаточную для проникновения

за пределы Солнечной Системы, ему никогда не создать такого материала, который не деформировался бы во время полета. Мне никогда не нравился этот памятник. Мне вообще казалось странным, что люди поставили его Ученому, который доказал нечто отрицательное.

Я присел на скамью и поделился своими мыслями с человеком, сидящим рядом. Судя по значку на отвороте куртки, это был Студент технического направления. Он не согласился со мной и сказал, что своим отрицательным законом Нилс Индестром спас много жизней. Далее он добавил, что памятник этот должен стоять вечно, если даже Закон Недоступности будет опровергнут.

— Закон — потому и закон, что он неопровержим, — возразил я.

— Сейчас он неопровержим, но под него уже подкапываются, — сказал Студент. — Вся специальная техническая пресса пестрит статьями о том, что мы накануне технической революции. Человечеству нужен единый сверхпрочный универсальный материал. Человечеству тесна его металло-каменно-деревянно-пластмассово-керамическая рубашка. Она трещит по швам.

— Не знаю, меня эта рубашка вполне удовлетворяет, — возразил я. — Да и где в наш век найдется такой Человек, который сможет создать материал, о котором вы говорите?

— В этой области работает много Ученых, — ответил Студент. — В частности — Андрей Светочев. Правда, он идет очень трудным путем...

— Разве у него есть какие-либо реальные достижения? — перебил я своего собеседника.

— В обычном понимании — нет. Но если...

— Если бы да кабы, да во рту росли грибы, — ответил я старинной пословицей, после чего мой собеседник замолчал, ибо ему, как в старину говорилось, «крыть было нечем».

Я ведь тогда еще не знал, что формула Светочева в скором времени обратится в техническую реальность.

На следующий день, когда я работал над своей «Антологией», ко мне явилась Нина. Я сразу же заметил, что у

нее какой-то праздничный вид и что она очень похорошела за эти дни.

— Тебе пошел на пользу воздух заповедника, — сказал я, и она почему-то смутилась.

— Я пробыла там вместо четырех дней целую декаду, потому что Андрей был так занят... — каким-то извиняющимся тоном произнесла она. — Я готовила ему еду. Если его не накормить, он сам не догадается поесть. Но он очень продвинулся в своей работе. Он проверил свою формулу, и она...

— А еды вам хватило? — спросил я. — Ведь в заповедник нельзя вызывать транспорт.

— Я два раза ходила к Смотрителю. Это такой славный Человек. А жена его вернулась из Австралии, и...

— Нина, меня интересует не Австралия, а «Антология», — мягко сказал я. — И хоть твоя помощь сводится только к чисто технической работе, но все же твое участие весьма желательно. Но договаривай об Андрее. Итак, он проверил свою формулу, и она, как и все у него, оказалась ошибочной? Ведь так?

— Пока что ничего не известно. Он сдал материалы в Академию, а там их отдали на проверку САПИЕНСу*. Но расчеты, представленные Андреем, настолько сложны и парадоксальны, что САПИЕНС бьется над ними уже сутки и не может ни опровергнуть их, ни подтвердить их правильность. А ведь обычно САПИЕНС уже через несколько минут решает, прав или не прав Исследователь.

— Я хоть не электронный САПИЕНС, а простой гомосапиенс, но и я могу предвидеть результат, — пошутил я. — Опять будет неудача.

Нина промолчала, сделав вид, что погружена в чтение материала для «Антологии».

— Мне не очень нравится твой подбор авторов, — сказала вдруг она. — Ты обедняешь Двадцатый век. Он был сложнее, чем ты думаешь. Так мне кажется.

* САПИЕНС (Специализированный Агрегат, Проверяющий Исследователю Его Научные Сведения) — старинный агрегат XXI в.

— Меня удивляет твое замечание! — сказал я. — Не забудь, что «Антологию» составляю я, а ты только моя Техническая Помощница.

Этот выпад Нины против моей работы так расстроил меня, что в тот вечер я долго не мог уснуть. Уснул я только в два часа ночи, а в три часа был разбужен мыслесигналом Андрея.

— Что случилось? — спросил я. — Нужна помощь? Сейчас выхожу

— Помощи не нужно, — гласила мыслеграмма Андрея. — Поздравь меня. Три минуты тому назад САПИ-ЕНС подтвердил правильность моей формулы.

— Поздравляю, рад за тебя, — ответил я. — Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

Я был очень рад, что Андрею наконец-то повезло. Правда, меня несколько удивило, что он не сообщил мне это известие каким-либо другим способом. Ведь в наше время к мыслеграммам прибегали только в случае крайней необходимости. Только много позже я понял, какие огромные перемены в наш мир внесло открытие Андрея.

11. АНТРОПОС предсказывает...

На следующее утро, когда я работал над своей «Антологией», ко мне опять пришла Нина. Прямо с порога она мне сообщила новости:

— Ты не представляешь, что у Андрея в Академии творится! Туда спешно прилетел Глава Всемирной Академии Наук, прибыла целая делегация от Института Космонавтики! Андрею выделяют специальный институт, лабораторию, дают право набирать любое количество Сотрудников!

— Ты уже успела побывать у него? — спросил я.

— Да, — ответила она. — А что?

— Так, ничего. Я спросил просто так.

— Можно подумать, что ты не рад успеху своего друга! — сказала Нина.

— Я очень рад его успеху, — ответил я. — Но меня несколько беспокоит эта обстановка сенсации, которая со-

здается вокруг Андрея. Можно подумать, что мы вернулись в Двадцатый век.

— В нашем Двадцать Втором тоже возможны великие открытия, — возразила Нина.

Я не стал с ней спорить, зная, что это бесполезно. Вместо этого я напомнил ей, что начинаются каникулы, и предложил отправиться вместе на Гавайские острова.

— Нет, это лето я хочу провести в Ленинграде, — ответила Нина.

— Что ж, вольному воля, спасенному рай, — отпарировал я старинной поговоркой. — Сейчас я пойду в Бюро Отпускных Маршрутов.

— Я тебя провожу, — сказала Нина. Она, видимо, хотела хоть чем-то загладить резкость своего отказа.

Мы вышли на улицу. Когда мы проходили мимо станции метро, я обратил Нинино внимание на солидно-скромную медную дощечку с надписью «АНТРОПОС»*.

— Давай узнаем свое будущее, — предложил я. — Ты никогда не была в гостях у АНТРОПОСа?

— Нет, не была, — ответила Нина. — Пойдем, если хочешь.

Мы спустились в метро, но не стали садиться в поезд, а пошли вниз, в сторону от платформы, по наклонному коридору. АНТРОПОС помещался значительно ниже уровня тоннелей метро. Это был агрегат настолько точный и чувствительный, что мог работать только глубоко в земле, где отсутствуют колебания почвы и всегда царит единая ровная температура.

Мы долго шли по наклонному коридору. Затем перед нами, беззвучно уйдя в стену, раскрылась дверь — и столь же беззвучно закрылась за нами. «Снимите жесткую обувь, наденьте бесшумные туфли», — вспыхнула надпись на стене, и к нам подошел автомат и подал нам какие-то очень мягкие тапочки из синтетического пуха. Когда мы сменили

* АНТРОПОС (Агрегат Наивысшего Типа, Ретроспективно Отражающий Предстоящие Отдаленные События) — весьма совершенный для своего времени агрегат. Ныне заменен АНТРОПОСом-2.

обувь, перед нами бесшумно ушли в стену другие двери, и мы вошли в приемный зал. К нам подошел Ассистент и провел к столу. Мы сели в кресла, и Ассистент дал нам прочесть табличку с правилами. Правила были такие:

1. Главное назначение АНТРОПОСа — предупреждать Людей о неудачах, несчастьях и катастрофах — с той целью, чтобы Люди могли избежать их.

2. Сам Испытуемый не должен видеть изображение своего будущего на экране АНТРОПОСа.

3. Право на это имеет только Посредник — то есть Человек, выбранный Испытуемым, которому Испытуемый доверяет вполне.

4. Посредник, увидев на экране будущее Испытуемого, должен затем пересказать Испытуемому то, что он узнал о его будущем. Но только то, что считает нужным сообщить, не прицепив Испытуемому горя.

5. О длительности жизни и обстоятельствах смерти Испытуемого Посредник сообщать Испытуемому не имеет права, дабы не ввергнуть Испытуемого в состояние безадежности. Тактичными намеками и дружескими действиями Посредник должен способствовать устранению причин несчастья, если оно угрожает Испытуемому.

6. Испытуемый не может быть Посредником тому Человеку, который был Посредником ему.

7. Лица, находящиеся в ближайшей степени родства, не могут быть Посредниками друг другу.

8. АНТРОПОС — агрегат не вполне совершенный. В двадцати трех случаях из ста он дает неверные прогнозы.

9. АНТРОПОС работает на международном языковом коде, основой которому служит латынь и древнегреческий язык. Поэтому порой он дает только приблизительные зрительные толкования. Посредник должен мысленно подбирать синонимы на своем родном языке.

10. АНТРОПОС не дает последовательной картины жизни Испытуемого, а только узловые моменты.

— Значит, согласно этим правилам, только один из нас сегодня может узнать свою судьбу, — сказал я.

— Не судьбу, а картины будущего, — поправил меня Ассистент. — Судьбу свою Человек делает сам. АНТРОПОС как бы дает ряд кинокадров из этого будущего.

— Что ж, Нина, раз я тебя «втравил в это дело», как в старину говорилось, то я согласен быть твоим Посредником.

— А что мне нужно делать? — спросила Нина Ассистента.

— Идемте, — сказал ей Ассистент.

Он открыл дверь и ввел Нину в комнату, всю уставленную какими-то приборами. На одной стене был виден большой матово-белый экран. Затем дверь за Ниной закрылась, а Ассистент вернулся и сел рядом со мной.

— Долго она там пробудет? — поинтересовался я.

— Приблизительно полчаса. АНТРОПОС исследует ее здоровье, наследственность, узнает ее почерк, услышит ее голос, расспросит о прошлом, — одним словом, узнает о ней тысячи вещей. Узнает даже то, чего она сама о себе не знает. На основании всего этого, путем очень сложных расчетов и сопоставлений, АНТРОПОС даст прогноз будущего вашей знакомой. Но только приблизительный — имейте это в виду.

— Скажите, а если поручить эту работу не одному, а, скажем, четырем таким АНТРОПОСам — ведь тогда точность прогнозов была бы выше? — задал я вопрос Ассистенту.

— Вы, очевидно, Человек не технического направления, — улыбнулся Ассистент, — иначе бы вы не задали такого вопроса. Знайте: АНТРОПОС — это агрегат агрегатов. Он состоит из тысячи двухсот самостоятельно работающих электронных агрегатов. Все эти агрегаты неодинаковы: все они принимают одинаковые данные, но решают их по-своему. Каждый из тысячи двухсот агрегатов создает свою картину будущего. Затем они автоматически подключаются к спор машине, то есть к машине спора. Они начинают безмолвно спорить между собой, и каждый агрегат путем логических доказательств отстаивает свой вариант будущего и в то же время, в процессе спора, вносит в этот вариант некоторые поправки. Постепенно некоторые агрегаты, подавленные логикой других, начинают выходить из игры. Когда останется только десять спорящих, в дело вступает агрегат-судья. Пока агрегаты спорили между собой, этот судья как бы слушал

их, не вмешиваясь в спор, но все мотая на ус. Он вырабатывал свое мнение. От каждого побежденного в споре агрегата он брал частицу его правоты. На основании того, что он знает, судья вступает в переговоры с оставшимися десятью агрегатами и присуждает победу тому, чье мнение считает наиболее совпадающим со своим. Теперь, как понимаете, остаются два агрегата: победитель в споре и судья. Их прогнозы поступают в примирительное устройство, где вырабатывается основной прогноз. Этот прогноз идет в преобразователь, где преобразуется в зрительные образы и записывается на видеоленту. Звуковой, речевой записи АНТРОПОС не дает. Видеолента поступает в корректировочный агрегат, где из нее вычеркиваются зрительные моменты, носящие интимный характер. После этого Посредник может идти к экрану. Видите, все это довольно просто.

— Ничего себе просто! — воскликнул я. — Сплошная абракадабра.

— Что? — удивился Ассистент. — Сплошная что?..

— Абракадабра, — повторил я. — Этим словом в старину определяли непонятные речи и явления... Знаете, все-таки мне неясно, на основе чего агрегаты составляют свои прогнозы.

— На основе знаний, — ответил Ассистент. — Они напичканы миллионами сведений. Они знают самые неожиданные вещи: сколько миллиметров осадков выпадает в июне в городе Армавире; на сколько миллимикрон снашивается подошва человека, весящего столько-то, за километр пути; как повлияет ближайшее противостояние Марса на точные навигационные приборы; сколько метеоритов упадет в такой-то день в Тихий океан; как повлияет ближайшая Олимпиада на моду...

— Спасибо, — сказал я. — С меня довольно. Сыт по горло этой премудростью.

Вскоре Нина вышла из комнаты, где властвовал АНТРОПОС.

— Теперь вы увидите на экране АНТРОПОСа некоторые события будущего этой девушки, — обратился ко мне Ассистент. — Идемте.

Он ввел меня в комнату, где до этого находилась Нина. Затем он вышел, и двери бесшумно закрылись за ним. Я сидел в кресле в абсолютной тишине. Затем на стене вспыхнула надпись: «Соблюдайте молчание! Если смешно — не смейтесь. Если грустно — не плачьте. Клавиатура справа от вас». Надпись на стене погасла.

В темноте обозначился голубоватый прямоугольник экрана. Затем зеленоватым фосфорическим светом замерцала клавиатура, она была по правую руку от меня. Клавиш было много. На первой было написано: «В этом году»; на следующей: «В будущем году», а затем: «Через два года» — и так до ста десяти лет.

Я нажал первую клавишу — и на экране возникла Нина. Она стояла рядом со мной на улице, и мы о чем-то говорили. Потом она потупилась и что-то сказала с решительным и смущенным видом. Затем взяла руками меня за голову, поцеловала в лоб, и я пошел в одну сторону, а она — в другую. Вслед за этим экран подернулся туманом, а потом я снова увидел Нину, но уже с Андреем. Они шли по взморью, и у обоих были счастливые лица. Я нажал синюю кнопку с надписью «Фиксация», и Нина с Андреем застыли, как на моментальном снимке.

— Да, все ясно, — сказал я сам себе. — Но что будет лет через сорок? Будет ли она с ним счастлива?

Я нажал клавишу «Через сорок лет». Нина и Андрей исчезли с экрана. По экрану, наплывая одна на другую, пошли темные полосы.

— Очевидно, какие-нибудь неполадки в АНТРОПО-Се, — решил я и стал нажимать на клавиши в обратном порядке — «Через тридцать девять лет», «Через тридцать восемь», «Через тридцать семь»... Но по экрану по-прежнему двигались эти темные линии. В них было что-то подавляющее душу, и я снова стал нажимать на клавиши — опять в обратном порядке, но уже не подряд, а через две — в третью, через четыре — в пятую. Когда я нажал клавишу «Через три года» и увидел все те же темные полосы, я пришел к выводу, что АНТРОПОС просто испорчен.

«Вот она, наша хваленая техника, — подумал я. — Недалеко Человечество ушло от прадедовских телевизоров,

которые вечно портились и служили постоянной темой для юмористов Двадцатого века. Сейчас пойду к Ассистенту и скажу ему, что АНТРОПОС надо переименовать в Питекантропос — и тогда все станет на свои места».

Я и в самом деле собрался уже уходить, но в последнее мгновение, для очистки совести, нажал на клавишу «Через год» — и на экране возникла Нина. Она стояла в каком-то большом зале рядом с Андреем. Зал был полон непонятных машин и приборов. Но на экран снова наплыл туман, а затем опять я увидел Нину. На этот раз она была одна. Освещенная солнцем, весело улыбаясь, шла она к небольшой пристаньке, возле которой на гладкой, не колеблемой ни малейшим ветерком воде стояли ярко окрашенные электромоторные лодки. Вот она прошла мимо «Аквилона» и прыгнула в «Эос» — небольшую красную электромоторку — и повела ее в залив. Экран замгнул, потускнел, а затем я снова увидел Нину в той же лодке. Но теперь суденышко плясало на волнах, и седые валы гнали его к скалистому берегу. Внезапно изображение на экране задрожало, померкло, потом снова вспыхнуло. Теперь я увидел Нину уже на суше, на скалистом островке. Она стояла у невысокого обрыва и вглядывалась вдаль. Затем что-то темное надвинулось на нее — и ее не стало видно. По экрану заметались какие-то красные и желтые нити. А затем снова поплыли, надвигаясь одна на другую, темные полосы.

Тогда я нажал кнопку «Реле забвения». Экран погас, а в комнате зажегся свет. Но я не ушел из комнаты, а надал на клавишу «Вызов Ассистента», и тот тотчас явился. Я рассказал ему все, что увидел.

— Это очень серьезно, — сказал Ассистент. — АНТРОПОС дал прогноз несчастного случая.

— Есть ли возможность избежать этого события? — спросил я.

— АНТРОПОС для того и создан, чтобы заглядывать в дальние события и давать Человеку сигнал опасности. В позапрошлом году был снят с рейсов один Астронавт, которому АНТРОПОС предсказал катастрофу. Астронавт этот жив и поныне. Но здесь случай сложнее. Можно снять с рейсов Астронавта, но нельзя Человеку запретить ездить

в лодке, если Человек любит море. И уж никак невозможно запретить ходить ему по земле — а ведь несчастье здесь предсказано на земле.

— Значит, несчастье неизбежно?

— Нет, его можно избежать. Но для этого, по-видимому, надо перестроить всю жизнь Испытуемой. Надо перемонтировать всю схему событий, причин, следствий. И тогда жизнь этой девушки будет долгой и счастливой.

— Но как это сделать? — спросил я.

— Простите меня за мой вопрос, — тихо сказал Ассистент, — вы любите эту девушку?

— Да, — ответил я.

— Тогда все зависит от вас.

— Ну, говори, что интересного ты увидел? — довольно легкомысленным тоном обратилась ко мне Нина, когда мы покинули помещение, где находился АНТРОПОС.

— Нина, тебе угрожает опасность, — сказал я. — Ты должна перестроить схему своей жизни.

— А что для этого нужно сделать? — спросила Нина.

— Тебе надо забыть об Андрее. Есть другой человек, который тебя давно любит и с которым ты можешь прожить долгую и счастливую жизнь.

— Но я люблю Андрея, — ответила Нина. — Тут уже ничего не поделаешь... И прошу тебя ничего не говорить Андрею об этом прогнозе.

— Даю слово, что буду молчать об этом, — сказал я. — Но ведь опасность угрожает именно тебе. И вот что я скажу: никогда не садись в лодку, на корабль или на иное средство водного транспорта, если оно будет называться «Эос».

— Эос, эос... Какое странное и красивое слово, — задумчиво сказала Нина. — Где-то я его слыхала или читала. Кажется, в стихах.

— Некоторые поэты любят придумывать такие бессмысленные, но звучные слова... Ну, я пойду заказывать себе билет для путешествия. Может быть, заказать два билета?

— Нет, я останусь. Иди и бери себе один билет. И не сердись на меня. — Она положила ладони мне на плечи и поцеловала меня в лоб. — Иди. Желаю тебе счастья.

12. События развиваются

В раздумье шел я по людному проспекту. Мне было грустно. Прав был старый Чепьювин — он сразу понял, что Нина меня не любит и никогда не полюбит. В чем-то тут была и моя ошибка, но в чем — я не знал. И вот я шагал по светлой улице, среди веселых и счастливых людей, а сам был невесел и не слишком-то счастлив.

То, что показал АНТРОПОС, меня удивило и встревожило. И первая половина его прогноза была очень похожа на правду. Но сбудется ли вторая часть предвидения? Размышляя об этом, я вспомнил, как мы с Андреем были у ОРФЕУСа и как этот агрегат ошибочно аттестовал мои умственные способности явно заниженным баллом — четверкой. И вообще все эти агрегаты и механизмы еще весьма несовершенны, и тот же самый АНТРОПОС ошибается в одном случае из пяти. Поэтому вторая, более отдаленная во времени, часть его предвидения, касающаяся Нины, очевидно просто неверна. «Страшен сон — да милостив бог», — вспомнил я старинную пословицу, и на душе у меня полегчало. Однако в дальние края лететь мне уже не хотелось, и я решил провести свои каникулы в работе и только переменить на время свое местопребывание. Зная, что в Новосибирске есть большая библиотека, где имеется много старинных книг, я решил отправиться на лето именно туда. А по пути я заеду в Москву, там мне нужно навести кое-какие библиографические справки в Центральной библиотеке имени Ленина. Придя к этому решению, я вернулся домой, взял портфель и отправился на подземный вокзал, чтобы сесть в пневмоснаряд. В то время этот вид скоростного транспорта был в новинку, и я часто пользовался им.

— Есть ли свободные места в пневмоснаряде? — спросил я у Дежурного.

— Есть одно, — ответил тот. — Отправка через четыре минуты. Садитесь в коллективный скафандр.

Он открыл герметическую дверь, и я вошел в длинный круглый баллон из очень толстой самосветящейся резины.

Внутри его были сиденья из того же материала; на них уже сидели пассажиры, я был последним, пятидесятым.

— Скафандр-амортизатор подземно-баллистического вагона-снаряда пассажирами укомплектован полностью! — сказал Сопровождающий в микрофон. — Двери загерметизированы, ждем отправки. Заряжайте!

Наш скафандр начал слегка покачиваться. Это означало, что его вставляют в полый металлический снаряд. Потом покачивание усилилось — это заливали амортизационной жидкостью пространство между наружными стенками скафандра и внутренними стенками металлического снаряда. Наш скафандр как бы плавал внутри снаряда.

— Все готово! — послышался голос из репродуктора.

— Стреляйте нами! — скомандовал в микрофон Сопровождающий.

Я, как обычно, почувствовал легкий толчок, затем у меня слегка захватило дыхание от нарастающей скорости. Чувство было такое, будто я нахожусь в сверхскоростном лифте, который движется не вертикально, а по горизонтали. Затем в тело вошла приятная легкость, и вскоре я уже плавал в воздухе, держась за поручень, как и остальные пассажиры. Баллистический подземный вагон-снаряд летел по идеально гладкой трубе-тоннелю. Вскоре скорость замедлилась, состояние невесомости прекратилось. Затем вагон-снаряд остановился, двери открылись, и я поднялся лифтом на улицу Москвы и направился в библиотеку. Там я просидел до вечера, делая нужные мне выписки. Я сидел в тихом зале и работал, а в памяти моей нет-нет да и всплывало предсказание АНТРОПОСа. «Нет, этого не случится, это очередная ошибка техники», — отгонял я тревожные мысли и с новым упорством принимался за работу, зная, что труд мой нужен Человечеству.

Когда я вышел из библиотеки, уже стемнело и от самосветящихся мостовых исходил ровный, спокойный свет. Пора думать о ночлеге.

К счастью, в мое время это уже не было трудной проблемой для всех приезжающих в знакомые и незнакомые города. Гостиницы в мое время еще существовали, но пользовались ими главным образом в курортных городах,

в остальных же крупных и мелких населенных пунктах они уже были непопулярны. Любой Человек мог войти в любой дом, и всюду ему были рады и встречали как друга. Спрашивать гостя, откуда он, кто он и зачем приехал в этот город, считалось невежливым. Гость, если хотел, рассказывал о себе, а если не хотел — не рассказывал.

Мне понравился один небольшой дом на берегу Москвы-реки, и я вошел в его подъезд и поднялся лифтом на двадцатый этаж — я люблю верхние этажи, в них светлее. На лестничную площадку выходили двери четырех квартир, и я на минуту задумался — в какую именно войти. Я любил эти мгновения, когда не знаешь, какие именно люди тебя встретят, кто они по специальности, но знаешь: кто бы тебя ни встретил — ты будешь желанным гостем.

В старину такая ситуация называлась беспроигрышной лотереей. Впрочем, одна из четырех дверей отпадала: на ней висел знак одиночества. Я открыл дверь противоположной квартиры и прошел по коридору в комнату, откуда слышались голоса.

Войдя в эту комнату, я увидел, что группа людей сидит перед объемным телевизором.

— Здравствуйте! — сказал я. — Хочу быть вашим гостем.

— Мы вам рады! — откликнулось несколько голосов. От сидящих отделилась молодая женщина и подошла ко мне.

— Я сегодня за хозяйку, — сказала она. — Идемте, я вам покажу свободную комнату и квартиру вообще. И потом вы, наверно, проголодались?

— А завтра мы вас поведем по Москве, — сказал кто-то из сидящих.

— Нет, по Москве меня водить не надо. Я ее хорошо знаю, я ведь ленинградец, — ответил я и затем поведал о себе. Присутствующие тоже сообщили мне свои имена и профессии.

В мое время люди уже не торчали часами перед телевизорами, смотря все подряд, как это делали многие люди Двадцатого века, судя по старинным книгам и журналам. Поэтому меня удивило, что вся квартира смотрит какой-то

довольно посредственный фильм, — увы, их довольно много и в наше время. Я спросил у присутствующих, чем объясняется их странный интерес к этому фильму.

— Как, разве вы не знаете! — удивились все. — Ведь вам-то в первую очередь надо знать новость — вы же только что из Ленинграда. Мы ждем чрезвычайного сообщения.

— Какого чрезвычайного сообщения? — удивился я в свою очередь. — Разве в наш век могут быть чрезвычайные сообщения?

— Это касается открытия Андрея Светочева, — пояснили мне.

На экране телевизора тем временем ничего особенного не происходило. Шел обычный фильм, который можно смотреть, но можно и не смотреть. Какой-то молодой человек и девушка то ссорились, то мирились, то собирались вместе лететь на Марс, то раздумывали.

— А что случилось у ваших соседей? — спросил я присутствующих. — Почему у них на двери висит знак одиночества?

— У них большое несчастье. В их квартире жил молодой инженер-строитель. Месяц назад он полетел в командировку на Венеру и там погиб. Обрушилось какое-то сооружение. Вы же знаете, что наши земные материалы плохо переносят инопланетные условия...

— Ему не было и шестидесяти лет, — тихо сказал один из присутствующих. — А АНТРОПОС предсказывал ему полный МИДЖ.

— Очень часто ошибаются все эти усложненные агрегаты, — сказал я.

— Агрегаты ошибаются, здания на Венере рушатся, пропадают без вести космические корабли — и все это из-за несовершенства материала, — сказала Хозяйка.

Внезапно фильм прервался, и на экране телевизора возник старший Диктор, окруженный переводящими машинами. Диктор был взволнован.

«Внимание! Внимание! — сказал он. — Слушайте чрезвычайное сообщение. Работают все земные и внеземные передающие системы.

Всемирный научный совет обсудил теоретические выкладки, представленные Андреем Светочевым, а также проверил правильность формулы Светочева. Теория Светочева о возможности создания принципиально нового единого универсального материала признана правильной и технически осуществимой. Андрею Светочеву даются неограниченные технические полномочия.

Предоставляю слово Андрею Светочеву».

На экране появился Андрей. Он был бледен, и вообще вид у него был скорее встревоженный, чем радостный. Глухим, невыразительным голосом начал излагать он сущность своего открытия. Он часто запинаясь, не находил нужных слов, некоторые слова повторял без всякой надобности — вообще культура речи у него хромала. Я вспомнил, что в школе отметки его по устному разделу русского языка были всегда ниже моих. Но сейчас он говорил совсем плохо — на тройку, если даже не на двойку. Только когда он подходил к стоящей поодаль световой доске и начинал чертить какие-то формулы и таблицы, голос его звучал увереннее, выразительнее. Сейчас эту речь Андрея знает наизусть каждый школьник — но знает ее в подчищенном виде, без всяких этих пауз, запинок и повторений. На меня же тогда, признаться, она не произвела сильного впечатления. Андрей употреблял слишком много научных и технических терминов, понять которые я не мог. Сущность же его открытия, как вы все знаете, сводилась к тому, что он теоретически доказал возможность создания единого универсального материала из единого исходного сырья — воды.

Но вот Андрей умолк, экран погас, и в комнате на миг воцарилось молчание. Затем все мои новые знакомые, не сговариваясь, встали в знак высокого уважения. Пришлось встать и мне, хоть в глубине души я счел излишним такое преувеличенное выражение чувств.

— Начинается новая техническая эра, — тихо сказал кто-то.

Мы вышли на балкон. С высоты двадцатого этажа видны были уходящие за горизонт огни Москвы. Справа от нас виднелись башни Кремля, озаренные особыми про-

жекторами солнечного свечения. Казалось — над Кремлем вечное солнце, вечный полдень.

Когда я проснулся на следующий день в отведенной мне комнате, то сразу почувствовал, что уже девять часов одиннадцать минут. Квартира была пуста, все ее жители ушли на работу. Я умылся, съел приготовленный мне завтрак и просмотрел утреннюю газету, которая почти целиком была посвящена Андрею и его открытию. Затем я вышел на балкон.

Внизу, на набережной Москвы-реки, тек людской поток, и все в одном направлении — к Красной площади. Этот поток не вмещался на тротуаре, он захлестывал мостовую, и из-за этого не могли двигаться элмоби́ли и элтобусы.

«Странно, — подумал я. — Сегодня не Первое мая, и не Седьмое ноября, и не День космонавтики. Неужели вся эта суматоха из-за Андрея?»

Я включил телевизор. Показывали Ленинград. «Стихийный митинг на Дворцовой площади», — сказал Диктор, и я увидел на площади множество людей. У всех были счастливые лица, будто невеста какое чудо случилось. Группы Студентов несли довольно аляповатые, наспех сделанные плакаты. «Давно пора!», «Даешь единый универсальный!», «Химики рады, физики — тоже!!!», «Ура — Андрею!» — вот что было написано на этих плакатах. Толпа вела себя совершенно недисциплинированно — она громко пела, гудела, шумела на все лады. Я выключил Ленинград и включил Иркутск, но и там было то же самое. На площади толпился народ, пестрели самодельные плакаты. На одном было написано: «Металлы, камень, дерево, стекло» — и все эти слова были жирно зачеркнуты, а поверх начертано: «Единый универсальный». Затем я включил Лондон, Париж, Берлин — там происходило то же самое, только надписи на плакатах были на других языках.

«Эта всемирная суматоха не должна мешать моей работе, — подумал я. — Каждый должен делать свое дело».

Вскоре я вышел из квартиры и через двадцать минут был на воздушном вокзале.

13. Самодельный АТИЛЛА

В те времена до Новосибирска можно было лететь экстролетом, скоростным ракетопланом, рейсовым дирижаблем и дирижаблем-санаторием. Так как спешить мне было незачем, то я выбрал дирижабль-санаторий и вскоре был на его борту. Дежурный Врач провел меня в двухместную каюту и указал мне мою постель. Затем он приложил к моему лбу ЭСКУЛАППП, который показал всего три болевых единицы по восходящей.

— Ну, вы, товарищ, два МИДЖа проживете, — улыбнулся врач. — Но у вас легкое переутомление, поэтому я назначу вам кое-какие процедуры. Есть ли у вас какие-нибудь особые пожелания?

— Если можно, то пусть моим однокаютником будет Человек гуманитарного направления, — попросил я. — Голлова уже гудит от всех этих технических разговоров.

Врач ушел, а в каюту вскоре вошел Человек средних лет. При нем был довольно большой чемодан, что меня несколько удивило: как правило, люди давно уже путешествовали без ручной клади. Мой спутник сообщил мне, что зовут его Валентин Екатеринович Красотухин и что у него две специальности: он Ихтиолог и Писатель. Признаться, имя это мне ничего не говорило, хотя я знал не только литературу XX века, но и современную. Назвав себя и свою профессию, я поинтересовался, какие произведения созданы моим однокаютником.

— Видите ли, — ответил Валентин Екатеринович, — Ихтиолог я по образованию и по роду работы. А Писатель я по внутреннему призванию. Правда, я смотрю истине в лицо и сознаю, что таланта у меня нет, но я сконструировал кибернетическую машину и с ее помощью надеюсь со временем создать поэзо-прозо-драматическую эпопею, которая прославит меня и...

— Но послушайте, — перебил я своего нового знакомого, — всем известно, ведь уже в конце Двадцатого века было доказано, что никакая, даже самая совершенная, машина не может заменить творческий процесс. Это так же ясно, как то, что невозможно создать вечный двигатель.

— Но я сам сконструировал свой творческий агрегат, — возразил Красотухин. — Я верю, что мой АТИЛЛА не подведет меня! Вот полюбуйте на него!

С этими словами Писатель-Ихтиолог раскрыл чемодан и извлек из него довольно большой прибор со множеством кнопок и клавиш и поставил его на стол какоты.

— Вот он, мой АТИЛЛА!

Мне стало немного грустно: и здесь я не избег техники. Но мне не хотелось огорчать своего спутника.

— Почему именно АТИЛЛА? — проявил я интерес.

— АТИЛЛА — это Автоматически Творящий Импульсный Логический Литературный Агрегат, — пояснил Красотухин. — Правда, он еще не вполне вошел в творческую силу, он еще учится. Ежедневно я читаю ему художественные произведения классиков и современных авторов, учу его грамматике, читаю ему словари. Кроме того, я беру его на лекции по ихтиологии, которые он внимательно слушает. Еще я читаю ему главы из Курса Поэтики, из Истории Искусств. Года через три он будет знать все и сможет работать с полной творческой отдачей. Но уже и сейчас мы с ним творим на уровне начинающего среднего Литератора.

— А вы не можете продемонстрировать АТИЛЛу в действии? — спросил я.

— С удовольствием! — воскликнул Красотухин. — Дайте творческую программу.

— Ну, пусть он сочинит что-нибудь для детей, что-нибудь там про кошечку, например, — предложил я, выбирая тему полегче.

Красотухин нажал на АТИЛЛе кнопку с надписью «Внимание». Вспыхнул зеленый глазок, агрегат глухо заурчал. Тогда Красотухин нажал клавишу с надписью «Стихи д/детей». Прибор заурчал громче. Из него выдвинулся черный рупор.

— АТИЛЛушка, творческое задание прими. Про кота что-нибудь сочини, — просительно произнес Писатель-Ихтиолог в рупор.

— Творзадание принято! — глухо произнес голос из прибора, и тут же вспыхнуло табло с надписью «Творческая

отдача». Затем из продолговатого узкого отверстия вылез лист бумаги. На нем было напечатано:

КОТ И МАЛЮТКИ

— Здравствуй, здравствуй, кот Василий,
Как идут у вас дела? —
Дети козлика спросили...
Зарыдала камбала.
И малюткам кот ответил,
Потрясая бородой:
— Отправляйтесь в школу, дети!..
Окунь плачет под водой.

Сотворил АТИЛЛА

— Не так уж плохо, — утешающе сказал я. — В некоторых детских журналах Двадцатого века я читал нечто подобное. Только тут нужна правка. Ваш АТИЛЛА путает кота с козлом. И потом откуда-то, ни к селу ни к городу, камбала с окунем появились.

— У АТИЛЛы еще смещены некоторые понятия, — несколько смущенно ответил Писатель-Ихтиолог. — А рыдающая камбала — это, конечно, творческая неувязка. Но в строке «окунь плачет под водой» есть нечто высокотрагедийное, здесь чувствуется некая натурфилософская концепция. Впрочем, стихи АТИЛЛе даются труднее, чем проза. Сейчас вы в этом убедитесь.

И Красотухин заказал АТИЛЛе сотворить сказку с лирической концовкой. В сказке должны упоминаться человек, лес и звери. Вскоре агрегат дал нам возможность ознакомиться со своим произведением.

ЛЕС, ПОЛНЫЙ ЧУДЕС

Лес шумел угрюмо (мрачно? огорченно?). Лесные звери имелись в лесу том повселесно. Тем временем человек и человецица (человейка? человечка?) шли по речью (речейку?) к речке. В лесу встретились им лес и лесица, волк и волчица, лось и лосица, медведь и медведица (медвежка?). «Съем-ка я вас, человеки!» — произнес медведь. «Не питайся нами, Михаил (Виктор? Григорий?), мы хотим жить-поживать!» — «Хорошо, — ответил медведь, — я вами столоваться не

буду...» Радостно, дружно, синхронно запели гимн восходящему светилу (луне? солнцу?) сидящие на ветвях снегири, фазаны, сазаны, миноги, сетки и караси. Лес шумел весело (удовлетворенно? упитанно?).

Сотворил АТИЛЛА

— Сказка несколько примитивна, — сказал я. — И потом опять тут рыбы.

— Да, мой АТИЛЛА любит упоминать рыб, — огорченно признался Красотухин. — Боюсь, что я несколько перегрузил его ихтиологическими знаниями. Но не хотите ли дать АТИЛЛе творческое задание в области драматургии?

— Смотрите, какой прекрасный вид под нами, — сказал я Красотухину, чтобы отвлечь его от АТИЛЛы. — И видимость тоже прекрасная.

Наш дирижабль-санаторий давно уже отчалил и теперь плыл в воздухе на высоте восьмисот метров. Из большого иллюминатора в стене каюты можно было наблюдать, как не спеша движется под нами какой-то небольшой город-сад. Его прямые улицы с домами, крытыми голубой пластмассой, казались каналами, прорытыми среди зелени. И только черные шары на тонких мачтах — усилители мыслепередач — говорили о том, что это все-таки город, где живет несколько тысяч людей. Потом снова внизу потянулись поля, среди которых кое-где возвышались башни дистанционного управления электротракторами.

Вскоре нас позвали на купанье. Плавательный бассейн был накрыт огромным прозрачным пластмассовым колпаком; чуть выше, почти задевая его, проплывали порой редкие летние облака. Дно бассейна тоже было из прозрачной, чуть голубоватой пластмассы. Купаясь, мы видели под собой луга, леса, реки, дороги с пробегающими по ним элтобусами. Казалось, мы плавали не в бассейне, не в воде, а в самом небе, в бескрайнем, подернутом голубоватой дымкой пространстве. Мы словно парили в нем, как птицы, вольно и легко, и эта легкость подчеркивалась тишиной, ибо дирижабль летел беззвучно, как во сне. К одному борту бассейна была пристроена вышка для прыжков в воду, и каждый раз, ныряя с нее в бассейн вниз головой, я испытывал

жутковатое ощущение, будто я лечу в пропасть, в бездну, на дне которой растут деревья, зеленеют поля, тянутся нити дорог. И вдруг меня упруго подхватывала вода, не давая падать дальше.

Вечером, после ужина, я разговорился с Ихтиологом-Писателем. Это был совсем неглупый человек; пока не заходила речь об АТИЛЛе, он рассуждал вполне здраво и логично. Так, например, он рассказал мне о своем проекте использования старинных военных кораблей — тех, которые еще не пошли на переплавку, — под живорыбные садки. Все эти древние линкоры, авианосцы, без пользы стоящие в портах, вполне подойдут для этой цели. Нужны только некоторые переделки, весьма незначительные. Когда я, в свою очередь, завел речь об «Антологии Забытых Поэтов XX века», Писатель-Ихтиолог согласился со мной, что дело это очень важное и нужное, и сделал несколько полезных замечаний, свидетельствующих о его начитанности и живости ума. Узнав же, что я работаю над пополнением СОСУДа, мой новый знакомый горячо одобрил это начинание и присовокупил, что я делаю для потомства дело нужное и важное, так как людей, употребляющих ругательства, на Земле почти не осталось, и этот вид фольклорного творчества надо закрепить письменно для потомства.

Но затем мой собеседник снова сел на своего конька, завел речь об АТИЛЛе и попросил меня научить АТИЛЛу ругательствам.

— Для меня это не составит большого труда, — ответил я. — Но целесообразно ли это?

— Для будущей прозо-драмо-лирической эпопеи, которую я создам в соавторстве с АТИЛЛой, потребуются и бранные выражения. Ведь эпопея будет охватывать все века, а, как вам известно, в минувшие столетия брань употреблялась весьма нередко. И потом, как вы сами убедились, я несколько перегрузил АТИЛЛу ихтиологическими знаниями, и поэтому некоторое количество ругательств как бы уравновесит его словарь.

— Хорошо, я согласен дать вашему АТИЛЛе урок изящной словесности, но вас прошу выйти на это время из

какюты. Мне неудобно произносить при Человеке грубые слова.

Ночью мы миновали Урал и теперь летели над Сибирью. К вечеру начались леса промышленного значения — с просеками и лесоперерабатывающими пунктами. Но затем все чаще стали проплывать под нами участки настоящей тайги — это были заповедники, где она сохранилась в своем естественном виде. Мы летели малой высотой, и к нам доносился запах зелени и хвои. Настроение у меня было превосходное, о чем я и сообщил своему соседу.

— Я думаю, что не испорчу вашего настроения, если попрошу вас дать моему АТИЛЛе новое задание, — сказал Писатель-Ихтиолог. — Завтра мы с вами расстанемся, а мне хочется, чтобы у вас осталось приятное воспоминание о моем детище. Вчера АТИЛЛА работал почему-то не в полную творческую силу, и мне хочется реабилитировать его в вашем мнении.

Я подумал, что иметь дело с АТИЛЛой — это как раз самый верный способ испортить себе настроение. Но затем я вспомнил, что еще в четвертом классе школы на уроке морали нас учили: «Никогда не огорчай человека, если этого не требуют особые обстоятельства. Слабости хороших людей не делают их плохими людьми». Поэтому я скрепя сердце согласился еще на одно творческое испытание АТИЛЛы.

— Я иногда даю ему узкоспециализированные задания, — сказал Писатель-Ихтиолог, обрадованный моим согласием. — Например: подобрать рифмы к слову «окунь» или сочинить рассказ, в котором все слова начинаются на одну букву. Так легче следить за ростом словарного фонда АТИЛЛы... Не хотите ли дать ему специализированную задачу?

— Пусть он напишет рассказ с лирико-меланхолическим уклоном о солнце, и пусть все слова в этом рассказе начинаются с «с», — сказал я.

Тотчас же мой спутник дал АТИЛЛе творческую программу, и тот заурчал и замигал своими зенками.

— Ну, друг АТИЛЛа, не подведи на этот раз, — ласково сказал Писатель-Ихтиолог в рупор. — Подушевные, полиричнее сотвори.

Вскоре АТИЛЛА выполнил задание. Листок этот, равно как и два предыдущих, и поныне хранится в моем архиве.

СОЛНЕЧНЫЙ САБАНТУЙ

Светозарное солнышко справляло свой сабантуй, светило сказочно светло, сияло самозабвенно. Самоцветно сипела садовая сирень, старались сладкогласные соловьи, стрекотали стрекозы, струилось ситро, сахарился сладкий сливовый сироп. Серебристым симпатичным смехом синхронно смеялись совершенно счастливые супруги. Седовласая стерлядь скапдировала стройные строфы сонета.

Солнце стало склоняться севернее, сгущались сизые сумерки. Смеркалось.

— Сукии сын! Слонтяй! Солдафон! Стервец! — сказала сому строгая соленая святейшая селедка, сиротливо скучавшая среди салаки, скумбрии, семги.

— Сама скотица, склочница, симулянтка! Свинские слова слышу! — смачно сплюнув, свирепо съязвила сумасбродной соседке седуосая сметливая свежепросоленная сардинка, покойно спавшая среди сетей.

— Собаки! Стрекулисты! Спекулянты! Сплетники! Сычи сонные! Сидии сидячие! Самодуры сиволапы! Скапдалисты! Святотатцы! Скобари! Скопидомы! Скрыги! Саботажники! Сутяги! — степенно сказала совершеннолетняя самостоятельная севрюга, слушавшая спор.

Солнышко село, скапутилось, смылось, съежилось. Стало совсем сумрачно.

Скоропостижно скончался сиг.

Сотворил АТИЛЛА

— Опять рыбы всякие! — огорченно сказал Писатель-Ихтиолог. — И потом много каких-то непонятных слов.

— Но это же отжившие слова! Это слова из моего СОСУДа, — пояснил я. — Ваш АТИЛЛА почему-то очень хорошо их усвоил и вводит в текст в непропорционально большом количестве.

— Неужели в старину люди употребляли столько ненужных слов? — спросил мой новый знакомый.

— Не все ругательства были словами-пустышками, — ответил я. — Под некоторыми из них подразумевались вполне определенные отрицательные явления.

— А что такое «сплетник», «скандалист», «спекулянт»? — стал расспрашивать меня Ихтиолог.

— Это долго объяснять, — ответил я. — Когда выйдет из печати мой СОСУД, вы сможете узнать смысловое значение всех этих выражений.

— Не хотите ли еще раз испытать моего АТИЛЛу? — с робкой надеждой в голосе спросил меня Писатель-Ихтиолог.

К счастью, в этот миг в каюту постучал дежурный Врач и пригласил нас в салон к телевизору смотреть и слушать новое выступление Андрея Светочева. Выбрав из двух зол меньшее, я поспешил откликнуться на этот зов.

В салоне перед большим телевизором собрались все пассажиры-пациенты дирижабля-санатория. Вскоре на экране появился Андрей. Его сообщение показалось мне каким-то бесцветным. Он сообщил, что выступает только потому, что в его адрес поступает очень много вопросов. Но ничего нового он пока сказать не может. Он сделал только одно конкретное сообщение: для строительства Главной Лаборатории по созданию единого материала выделен пустынный островок в Балтийском море, в пятидесяти километрах от Ленинграда. Островок будет расширен за счет намыва донного песка. Работы начинаются завтра.

Незначительное это сообщение, вдобавок произнесенное каким-то усталым, невыразительным голосом, показалось мне не предвещавшим удачи моему другу. Но слушатели, как я успел заметить, остались довольны и этой скудной информацией.

14. Пресс-конференция. Встреча с Надей

Шла третья неделя моего пребывания в Новосибирске. Целые дни просиживал я в библиотеке, подбирая материал для своей «Антологии», и дело уже близилось к концу.

Однажды утром в читальный зал вошел старший Библиотекарь и пригласил всех желающих в телевизионный блок, сказав, что будет выступать Андрей Светочев. Я вместе со всеми направился к телевизору.

На экране возник Андрей. Он сидел в небольшом зале за столом, на котором стояло множество переводящих машин. Все кресла и все проходы в зале были заполнены людьми — это были главным образом Корреспонденты. Происходило нечто вроде пресс-конференции. Вопросы задавались бессистемно, и я привожу их в таком виде и порядке, как их записал мой карманный микромагнитофон.

«А н д р е й . Готов отвечать на ваши вопросы.

1 - й корреспондент. Когда идея о создании единого материала будет осуществлена вами практически?

А н д р е й . На это, возможно, уйдет один год.

2 - й корреспондент. Можно ли вкратце охарактеризовать ваш единый материал как некую пластмассу с универсальными свойствами?

А н д р е й . Можно, если вам это нравится. Но вообще-то это принципиально новый материал.

3 - й корреспондент. В некоторых газетах высказана мысль, что применение единого материала может вызвать “сытую безработицу”. Ведь многие профессии станут просто ненужны.

А н д р е й (*роясь в каких-то бумагах*). Я некомпетентен в этих вопросах. Но вот Экономисты Сергеев, Тропиниус и Маорти утверждают, что никакой “сытой безработицы” не возникнет. Работы хватит всем, но многим придется перекалифицироваться.

4 - й корреспондент. Как все это отразится на продолжительности рабочего дня?

А н д р е й (*опять роясь в бумагах*). Вот тут произведены подсчеты. Не мной, а Экономистами. Через три года после полного перехода на аквалид средний рабочий день на Планете сократится до двух часов восемнадцати минут.

5 - й корреспондент. Что это такое — аквалид?

А н д р е й . Так я решил назвать единый универсальный материал.

6 - й корреспондент. Как вы относитесь к Нилсу Индестрому?

А н д р е й . С величайшим уважением.

6-й корреспондент. Однако ваше открытие, если оно будет осуществлено практически, опровергнет Закон Недоступности Нилса Индестрома?

Андрей. Да.

7-й корреспондент. Следовательно, будет создан материал, который позволит строить космические корабли, могущие проникнуть за пределы Солнечной Системы?

Андрей. Да. Но это уже дело Строителей и Космонавтов. Меня больше интересуют земные и подводные дела.

8-й корреспондент. Как это понимать — “подводные”?

Андрей. Аквалид даст возможность строить сооружения из воды под водой.

9-й корреспондент. Следовательно, Человечество получит большую новую “жилую площадь” под океаном и сможет спокойно расти? Так это понимать?

Андрей. Да. На дне океанов будут прокладывать тоннели, строить предприятия и возводить жилые города».

*Длительная пауза. Затем все встают.
Аплодисменты и возгласы восхищения.*

После паузы

«10-й корреспондент. Почему ваша Опытная Лаборатория строится на острове? Почему не на материке, не в Ленинграде?

Андрей. Я сам просил об этом. Так безопаснее.

10-й корреспондент. Для кого безопаснее?

Андрей. Для города. Дело в том, что при практическом осуществлении моего проекта на одной из фаз производства аквалида существует опасность взрыва. Теоретически расчеты верны, по технологически я иду на некоторый риск.

10-й корреспондент. Если произойдет взрыв — значит, вы шли по ложному пути и создание единого универсального материала останется недостижимой мечтой Человечества. Так надо понимать?

Андрей. Нет. Не так. Повторяю: теоретически расчеты верны. Если произойдет взрыв, то кто-то, идущий за мной, найдет более верную технологическую схему.

11-й корреспондент. А как называется ваш остров?

Андрей. Пока это безымянный островок. Но я предложил назвать его Матвеевским островом, в честь моего друга.

12-й корреспондент. Ваш друг — Физик, Химик, Математик?

А н д р е й . Нет. Он Литературовед.

13-й корреспондент. Что патолкнуло вас на мысль о едином материале?

А н д р е й . Мне всегда казалось странным, что машины, корабли, дома, предметы обихода делаются из разных материалов. Уже в детстве это казалось мне нелепым, перациональным.

14-й корреспондент. Что можно будет производить из аквалида?

А н д р е й . Из него нельзя будет производить продукты питания, горючее и удобрения. Все остальное — можно.

15-й корреспондент. Следовательно, из аквалида можно производить все нужные Человечеству машины, сооружения и предметы?

А н д р е й . Да. Все — кроме гробов и спичек.

16-й корреспондент (*со значком юмористического журнала*). Но ведь спичек давно не производят.

А н д р е й . Я пошутил.

17-й корреспондент. Как идут работы на острове... на Матвеевском острове?

А н д р е й . Сейчас вы это увидите».

Андрей исчез с экрана. На экране появилось море. Мы как бы летим над ним. Вот показался островок. Вот он приблизился. Видны деревянные временные причалы, около них множество небольших суденышек. Мы облетаем остров. Он невелик и пустынен. Вдали, мористее, видны землесосы, намывающие песок. На островке еще нет капитальных зданий — только длинные пластмассовые бараки. Островок кишит людьми. Одни простыми лопатами копают котлованы, другие выравнивают линию берега, третьи, четвертые, десятые тоже заняты земляными и прочими работами. Слышен гул, шум, звучат песни на разных языках. Работающие — главным образом молодежь — всех национальностей и цветов кожи. Но встречаются и пожилые люди.

Затем остров исчез, и на экране снова появился Андрей. Корреспонденты опять стали задавать вопросы.

«18-й корреспондент. Меня удивило, что на острове применяются столь примитивные орудия труда. Можно подумать, что мы вернулись в первую половину Двадцатого века. Из какого музея извлекли вы эти лопаты, кирки, ломы?

Андрей. Я их ниоткуда не извлекал. Это они сами заказали их по старинным чертежам какому-то ленинградскому заводу, сами привезли их на остров.

18-й корреспондент. Кто "они"?

Андрей. Добровольцы. Они съехались со всех концов света.

19-й корреспондент. Но есть же на вашем острове современная техника для земляных работ. Ведь есть?

Андрей. Есть. Но они не дают ей работать. Они ее оттеснили. Хотят работать сами, своими руками.

20-й корреспондент. Но ведь на острове есть Врачи охраны труда. Слово Врача — закон.

Андрей. Врачей они не слушаются. И потом, добровольцев так много, что они работают не более часа. Так что это здоровью не вредит.

21-й корреспондент. Есть ли на острове травмы в результате применения несовершенных орудий труда?

Андрей. Крупных травм нет. Но есть ушибы, мозоли. Вчера один чилиец повредил лопатой палец на ноге.

21-й корреспондент. Надеюсь, его немедленно эвакуировали в больницу на материк?

Андрей. Не сразу. За почетное ранение друзья разрешили ему поработать еще час вне очереди.

21-й корреспондент. Разрешая людям работать примитивными орудиями труда, вы сокращаете их МИДЖ. Как вы на это смотрите?

Андрей. Земляные работы скоро кончатся, и тогда за дело примутся специалисты.

22-й корреспондент. Попробуйте в краткой популярной форме изложить сущность своего открытия».

Здесь Андрей начал объяснять суть открытия, но говорил он столь невнятно и отвлеченно, что я ничего не понял и отошел от экрана, не дослушав своего друга до конца. Но, не скрою, я был тронут вниманием Андрея. Мне было приятно, что он назвал остров моим именем.

В этот же день я решил съездить на местный Почтамт. Меня интересовали марки. На улице я остановил элтакси и вскоре вошел в зал Почтамта. Первое, что мне бросилось в глаза, — это бесконечное количество стендов, на которых были выставлены марки. Решение Всемирного Почтового

Совета о том, что каждый человек может выпускать свои марки, уже действовало, многие филателисты успели выпустить личные почтовые знаки и предлагали их на выбор всем желающим. Марки были самые разные по расцветке и по тематике. Очень много было женских портретов — это филателисты увековечивали своих возлюбленных. Хотя почта стала бесплатной, но по традиции на каждой марке была обозначена цена. Цену ставили кто во что горазд — от копейки до ста миллионов рублей. Я выбрал несколько марок для себя и несколько для Андрея и немедленно послал их ему, сопроводив коротким дружеским посланием. Затем я направился в Бюро Выполнения Желаний, организованное при Почтамте, с целью заказать свою марку. Я уже решил, какой она должна быть. На марке я решил изобразить самого себя, держащего в руках рукопись СОСУДа. Направляясь через зал к двери Бюро, я вдруг услышал свое имя, произнесенное приятным женским голосом. Я оглянулся и увидел — кого бы вы подумали, мой Читатель? — я увидел Надю, ту девушку, с которой познакомился на Ленинградском Почтамте при весьма странных обстоятельствах.

— Что вы здесь делаете? — удивился я. — Вы перевелись на Новосибирский Почтамт? Неужели на вас так подействовал тяжелый случай, имевший место на Ленинградском Почтамте?

— Я здесь ничего не делаю. Просто зашла посмотреть, как здесь работают, — с улыбкой ответила Надя. И далее она пояснила, что приехала сюда в отпуск, ибо в Новосибирске живет ее брат.

Я, в свою очередь, поведал Наде, что приехал в Новосибирск поработать в здешней библиотеке.

— А как пополняется ваш СОСУД? — спросила Надя. Признаться, мне весьма польстило, что она помнит о моей работе и интересуется ею, и я ей поведал, что СОСУД пока что не пополняется, ибо в Сибири совсем вывелись люди, умеющие ругаться, и что я в данное время занят «Антологией».

— А сюда вы, видно, зашли как филателист? — поинтересовалась Надя.

— И как отправитель письма. Только что я отослал письмо Андрею Светочеву — человеку, благодаря которому мы с вами познакомились.

— Неужели это был Светочев? — воскликнула Надя. — Вот бы уж не подумала на него! Я ведь и не разглядела тогда, кто был моим обидчиком. Когда будете писать ему в следующий раз, пожелайте ему удачи и передайте от меня, что я нисколько на него не сержусь.

— Он уже наказан за свой проступок, — сказал я. — Ему пришлось убить зайца.

— Как? Его наказали охотой? — огорчилась Надя. — Это так неприятно...

— Не волнуйтесь за него, — мягко сказал я. — Он обидел вас, он был послан в наказание на охоту, но благодаря сцеплению этих обстоятельств он встретил девушку, которую полюбил и которая полюбила его.

— Но почему вы не радуетесь этому? — спросила Надя. — В вашем голосе мне послышалась грусть.

— Я рад за него и рад за нее, — ответил я. — Но за себя я не рад.

Надя ничего не сказала, не стала меня утешать — и мне это очень понравилось. Мы молча вышли из Почтамта и тихо пошли по улице.

— Вам далеко? — спросил я. — Давайте я вас провожу пешком.

— Буду рада, — ответила Надя. — Я очень люблю ходить пешком. Я хотела бы быть девушкой-почтальоном из одного исторического романа, который я как-то прочла. Эта девушка-почтальон не любила ездить на мотоцикле, а ходила от деревни до деревни пешком. Я хотела бы, как она, ходить в лаптях от деревни к деревне по старинному асфальту, стучать клюкой в заборы и отдавать людям письма и радиogramмы.

— Только не в заборы, а в ворота, — поправил я.

— Вы, наверное, очень хорошо знаете историю, — почтительно сказала Надя. — Как приятно вести беседу с высокообразованным Гуманитарием.

Не скрою, мне было приятно слышать такой отзыв от этой симпатичной девушки, которая, хоть и была знакома

со мной совсем недавно, уже сумела оценить меня по достоинству. «Разве хоть раз отозвалась Нина обо мне столь справедливо?» — шевельнулась у меня мысль. Тем не менее я скромно возразил Наде, что хоть я и съел, как говорится, собаку на истории XX века, но еще познал не все, что надо познать. Так, например, лингвистический мой багаж оставляет желать лучшего. Правда, я знаю, кроме родного русского языка, английский, немецкий и романские языки, а также группу славянских языков и латынь, однако древнегреческого я еще, к сожалению, не знаю.

— Нет, вы очень много всего знаете, — мягко возразила Надя. — Я вот, кроме английского и французского, никаких языков не знаю... Правда, я еще понимаю международный код.

— Ну, это не язык, — возразил я. — Много еще воды утечет, прежде чем международный код станет языком. Пока что он состоит почти сплошь из техницизмов.

— А где вы остановились? — поинтересовалась вдруг Надя.

— Так как я прилетел сюда на сравнительно долгий срок, то я остановился в гостинице.

— Переселяйтесь к нам, — предложила Надя. — Никто вас не будет беспокоить, и я в том числе. Квартира у нас сейчас почти пуста, все разъехались на лето. Брат мой тоже мешать вам не будет, он тихий.

— А кто он, ваш брат?

— Памятник, — ответила Надя.

— То есть как это «памятник»? — изумился я. — Очевидно, вашу речь надо понимать иносказательно: ваш брат был каким-либо известным Ученым, а затем скончался, и ему воздвигли памятник? Так? Но почему я не слышу в вашем голосе скорби по усопшему? При вашей привлекательной внешности такая бесчувственность не делает вам чести.

— Да живехонек мой брат, — засмеялась Надя. — Он по специальности Памятник, он разрабатывает вопросы усиления памяти.

— Век живи — век учись, — сказал я. — И преуспевает ваш брат Памятник на своем ученом поприще?

— Да. Несколько лет назад он сконструировал прибор, усиливающий память. Однако этот прибор нуждается в длительной проверке, и только после этого его можно будет пустить в массовое производство.

— Интересно было бы взглянуть на этот аппарат, — сказал я.

— Вы его видите на мне, — ответила Надя и коснулась пальцами своих серег.

— Как, эти маленькие сережки и есть упомянутый вами прибор?

— Да. В них вмонтированы два микроагрегата, которые создают вокруг моей головы усилительное поле.

— Как называется этот аппарат? — поинтересовался я.

— Полное его название — Опытный Прибор Усиление Памяти. Сокращенно — ОПУП.

— ОПУП! — воскликнул я. — Какое неблагозвучное название! Такие нелепо звучащие сокращения нередко употреблялись в Двадцатом веке, но ныне, когда существует Наименовательная Комиссия, состоящая из Поэтов-Добровольцев...

— Я понимаю вас, — перебила меня Надя. — Но брат еще не зарегистрировал свой прибор в Наименовательной Комиссии. А сам он не мог придумать ничего лучшего. Но в конце концов дело ведь не в названии. Прибор действует хорошо.

«Едва ли может быть удачным аппарат с таким неудачным названием, очевидно, по Сеньке и шапка», — подумал я, но ничего не сказал Наде, дабы не огорчать ее*.

Мы простились с Надей у подъезда, а на следующий день я переехал в ее квартиру и поселился в тихой угловой комнате. Брат ее оказался человеком весьма молчаливым. Если я из вежливости за обедом заводил с ним разговор о его работе, то он отвечал мне весьма охотно, но речь его

* Характерно для Ковригина, что в дальнейшем он восхищается Надиной памятью, приписывая это свойство лично Наде и как бы совсем не признавая, что девушка обязана этим изобретению своего брата. В этом — весь Ковригин с его предвзятым отношением к технике, с его недоверием к новшествам. (Прим. редакции)

настолько была насыщена научными терминами, что я ничего в ней понять не мог. В Надином изложении все это выглядело гораздо проще и понятнее.

Теперь я работал на дому. Набрав в библиотеке книг, я читал их и выбирал из них те стихи, которые, на мой взгляд, подходили для «Антологии». Затем я читал их вслух, а МУЗА* их записывала. Однажды я засиделся за этой работой до поздней ночи, но не успел выполнить свою программу. Утром мне надо было сдать книги в библиотеку, как я обещал Библиотекарю, но у меня осталось одиннадцать стихотворений одного автора, которые я не успел задиктовать. За завтраком я обратился к Наде с просьбой — не задиктует ли она МУЗЕ эти стихи в мое отсутствие, пока я пойду в библиотеку, чтобы отнести те книги, которые мне уже не нужны. А эту книгу я отнесу после обеда.

Надя охотно согласилась, но добавила, что я могу отнести и ту книгу, где помещены эти одиннадцать стихотворений. Она прочтет их сейчас, запомнит и продиктует МУЗЕ.

— Ну, что вы говорите, Надя! — возразил я. — Разве может человек сразу, с бухты-баракты, запомнить одиннадцать длинных стихотворений!

— А вот увидите, — спокойно ответила девушка. Затем она быстро и, как мне показалось, даже не очень внимательно прочла помеченные мной стихи и вручила мне книгу. — Несите спокойно в библиотеку.

Я понес книги в библиотеку, но ту книгу я все-таки не сдал, отсрочив ее возвращение на день. Но каково же было мое удивление, когда, вернувшись, я нашел на своем столе одиннадцать стихотворений, аккуратно перепечатанных МУЗОЙ в трех экземплярах! Вынув из портфеля несданную книгу, я сверил текст. И что же? Я не обнаружил ни единой ошибки. Надя за несколько минут запомнила трудный старинный текст и безошибочно продиктовала.

* МУЗА (Модуляционный Ускоренно Записывающий Агрегат) — весьма несовершенный агрегат XXII в. Нечто вроде диктовально-пишущей машинки.

— Надя! Надя! — стал я ее звать и, не дозвавшись, выбежал из комнаты. Я застал ее в кухне, где она программировала ДИВЭРа к обеду.

— Надя! Я поражен вашей феноменальной памятью! — воскликнул я.

— Да, благодаря прибору брата память у меня хорошая, — с улыбкой ответила девушка. — У меня градация девяносто девять при столбальной системе. Но мой брат говорит, что хвастать этим нечего: можно быть глупым Человеком и иметь отличную память. Когда я была у ОРФЕУСа, он дал мне только четыре балла.

— Надя, у вас память не просто отличная, а сверхфеноменальная, — сказал я. — Я завидую вашей памяти.

— Это, пожалуй, единственное мое достоинство, — скромно ответила она. — И если я могу быть иногда полезной вам в работе над «Антологией», смело прибегайте к моей помощи.

И действительно, Надя с этого дня стала помогать мне в моей работе, и помощь ее (конечно, чисто техническая) была весьма ощутима.

15. Пряничный домик

Однажды Надя предложила мне отправиться вместе с ней в таежный заповедник.

— С экскурсией? — спросил я.

— Нет, вдвоем. Массовые экскурсии туда не допускаются, это заповедник группы «А». Я собиралась лететь туда на десять дней с подругой, но та почему-то раздумала. Путь пропадает.

— А что мы там будем делать целых десять дней? — поинтересовался я.

— Бездельничать, — ответила Надя. — Вам это полезно, у вас усталый вид.

— Согласен, — сказал я. — А в чем мы там будем жить?

— В домике-контейнере. Нас в нем и сбросят в тайгу. Ведь дорог там нет.

На следующее утро мы отправились на специальный аэродром. Дежурный нам объяснил, что Заповедник №7 —

один из самых больших в мире. Так как это заповедник группы «А», то в нем не только нельзя возводить какие-либо сооружения, но даже радио пользоваться нельзя. Затем Дежурный дал нам мазь от комаров и два пистолета.

— Но зачем пистолеты? — удивился я. — Мы не совершили никаких проступков, а вы хотите послать нас на охоту!

— Не беспокойтесь, — ответил Дежурный, — убить из этого нельзя. Но если на вас нападет медведь, вы выстрелите в него, и он уснет на сорок семь минут. За это время вы успеете далеко уйти.

Вскоре нас подвели к домику-контейнеру, и мы с Надей вошли в него. Домик состоял из двух комнат-отсеков, разделенных переборкой, и из тамбура. В каждом отсеке был выдвижной диван, кресло и шкафчик с одеждой. В тамбуре имелся стол-ящик с тарелками, кастрюлями и прочей утварью.

В крышу домика было вмонтировано металлическое кольцо. Вскоре подлетел вертоплан, из его брюха выдвинулась алюминиевая лапа, ухватила за кольцо — и мы полетели. Тихоходный вертоплан летел невысоко. Домик-контейнер слегка покачивало, но это, пожалуй, было даже приятно. Я глядел в окно, и все мне казалось розовым — и небо, и земля. Я догадался, что это зависит от стекла, и спросил у Нади, почему здесь вставлено розовое стекло.

— Оно из леденцовой массы, — объяснила Надя. И далее она поведала мне, что такие домики-контейнеры предполагается транспортировать на Венеру. Там их будут сбрасывать на парашютах в венерианские джунгли. В этих джунглях Исследователи часто теряют ориентировку, и в домиках-контейнерах они смогут найти себе временный кров, отдых и пищу.

— Но при чем же здесь леденцовые стекла? — спросил я.

— Но ведь это съедобный домик, — сказала Надя. — Если у нашедшего приют в этом домике выйдут все запасы еды, то он сможет питаться самим домиком. Весь домик-контейнер состоит из сильно спрессованных пище-

вых концентраторов. А снаружи он обтянут тончайшей влагонепроницаемой пленкой.

Я вынул из кармана техническое описание, данное нам Дежурным, и прочел, что стены сделаны из хлебного концентрата, потолок — из прессованного шоколада, кресло — из яичного порошка, и даже одеяла были съедобными: стоило отрезать квадратный дециметр и бросить его в кипяток — и получится стакан клюквенного киселя.

— Конечно, голод не тетка, как в старину говорились, а нужда научит калачи есть — но нам, надеюсь, не придется питаться своим жилищем? — пошутил я, обращаясь к Наде, и она улыбнулась в ответ.

Наконец вертоплан снизился, бережно опустил наш домик на лесную полянку возле ручья — и улетел. Я открыл дверь, мы вышли, и нас обступила высокая, по пояс, трава.

Весь день мы бродили по тайге, а когда свечерело, разожгли костер на берегу ручья и поужинали консервами. Потом мы пошли в свои отсеки, и я мгновенно уснул. Проснулся я оттого, что Надя постучала в окно.

— Вставайте, лентяй лентяевич, завтрак готов!

После завтрака мы опять пошли ходить по тайге. Когда мы вернулись к своему пряничному домику, из которого ушли, не закрыв дверей, то обнаружили, что в нем кто-то побывал: ножка у одного кресла была обгрызена, угол стола-ящика в тамбуре тоже кто-то прогрыз. А карамельные стекла в некоторых местах были проклеваны. Это маленькое происшествие не отразилось на нашем отличном настроении, а скорее развеселило нас.

Вечером, за ужином, я высказал Наде мысль, что зря, пожалуй, мы не взяли с собой никаких книг.

— А что бы вы хотели прочесть? — спросила Надя.

— В Ленинграде я начал читать новый роман Меридини, перевод с итальянского, — сказал я. И далее я пояснил Наде, что роман этот интересен для меня тем, что переводчик его обратился ко мне за консультацией. В романе, вернее в одной из его глав, автор употребляет слова, бытовавшие в старину среди уголовного мира, — и переводчик не мог их перевести на русский язык. Узнав, что я работаю над СОСУДом, он обратился ко мне за помощью, и я любезно

дал ему возможность ознакомиться с тем разделом СО-СУДа, где собран уголовный фольклор. Но я еще не успел прочесть эту главу.

— Вы, очевидно, имеете в виду роман, который называется «Второй пришелец»? — спросила Надя. — До какого места вы дошли? Я недавно прочла эту вещь.

— Я дочитал до того места, где Сантиано пересекает Тихий океан и прибывает в Ламст... Только не рассказывайте мне, Надя, чем все кончилось, а то читать потом будет неинтересно.

— Но я же могу прочесть вам весь роман дословно, по памяти, — сказала Надя. — Вы остановились на четвертой главе.

— Я знаю, Надя, что память у вас феноменальная, но неужели до такой степени? — изумился я.

Вместо ответа Надя уселась поудобнее у костра и начала:

«— ...Поговорим для начала о множественности миров, — рассуждал Сантиано сам с собой, сидя на веранде. — Множественность миров предполагает и существование миров, подобных нашей Земле. Будучи сама безграничной, Вселенная не ограничивает и их количества. Следовательно, есть миры, тождественные нашей Земле. В силу своей множественности, какие-то из них являются ее копиями. Впрочем, вряд ли копиями абсолютными. Так, на Земле-2 в этот момент на веранде сидит такой же Сантиано, как я, но на голове у него, скажем, не 998 761 волос, а только 998 760. А на Земле-347 мой двойник абсолютен, но у какой-то девочки из Мелитополя на щеке — капелька варенья, в то время как у девочки из Мелитополя на нашей Земле варенья на щеке нет. А на Земле-6 798 654 267 — все как у нас, но одной лягушкой больше.

— Мы, кажется, продираемся к истине, — сказал себе Сантиано. — Но продолжим наш монолог. Помимо миров близкотождественных, есть и миры, схожие с нашим, но более отдаленно. Одни из них обогнали нас в своем развитии, другие отстали от нас. На первых, вероятно, преодолена формула Недоступности, и пришельцы могут явиться к нам. Но это — добрые гости. Из миров второго типа пришельцы явиться не могут в силу технической отсталости. Следовательно, эти двое не явились с планеты, подобной нашей. Они из другой систе-

мы миров, их человеческий облик — только маска. А добрый гость маски не паденет.

Сантиано склонился над столом и стал читать старинный “Спутник следователя”. Эта профессия давно исчезла на Земле, и нашему герою приходилось учиться заново. Он долго читал, повторяя незнакомые древние слова. Иногда он прерывал чтение и бросался к полке со словарями. Наконец он сказал УЛИССу*, стоящему возле стола:

- Приведите арестованного.
- Кого? — переспросил агрегат, не двигаясь с места.
- Приведите обвиняемого, — сказал Сантиано.
- Кого? — переспросил УЛИСС.
- Приведите подсудимого.
- Кого? — переспросил УЛИСС.
- Приведите злоумышленника.
- Кого? — переспросил УЛИСС.
- Приведите преступника.
- Кого?
- Приведите существо, запертое в подвале. Понятно?
- Теперь понятно, — ответил УЛИСС.

Вскоре он привел Пришельца. Тот испуганно косился на УЛИССа.

— Чего ты, кореш, на меня зверюгу такую напустил? — обратился он к Сантиано. — Этак из любого цикорий посыплется!

— Садитесь! — сказал Сантиано Пришельцу.

— Знаем мы вас! “Садитесь, садитесь”, а потом лет пять отсидки припаяешь! Мы уж постоим.

— Сколько вам лет? — спросил Сантиано. — В каком году по земному летосчислению вы родились?

Пришелец замялся.

— Вот тут в паспорте все есть, — сказал он, вынимая из кармана книжечку. — Тут все прописано. Читай сам. Чистый документ. Никакой липы.

Сантиано взял книжечку, раскрыл ее, посмотрел и положил на край стола.

— Послушайте, — обратился он к Пришельцу, — вы даете мне документ, а на Земле давно отменена документация. Она отменена за много лет до вашего года рождения, указанного в этой книжечке.

* УЛИСС (Универсальный Логический Исполнитель Специальной Службы) — весьма примитивный агрегат XXII в.

— Брось мне вкручивать, браток, — сказал Пришелец. — Чистый документ. И под судом я не был, и приводов не имел, и в тюрьме не сидел. За что вы меня, мальчишечку, замели?

— Вы бы не могли пребывать в тюрьме, даже если бы хотели этого, — возразил Сантиано. — Когда вы родились, на Земле давно уже не было тюрем. Если только вы родились на Земле...

— А где мне еще было родиться! — воскликнул Пришелец. — Что я, с Луны, что ли, свалился! Давай, корешок, замнем это дело для ясности. Я тебе барашка в бумажке, а ты меня — па волю. — Пришелец вынул из кармана пачку денег и положил ее на край стола. — Заметано, а?

— Где сейчас ваш сотрапезник? — спросил Сантиано. Затем, взглянув в словарь, поправился: — Где ваш сообщник, соучастник?

— А, вот до чего дело дошло! — крикнул Пришелец и выхватил из кармана пистолет. Но УЛИСС мгновенно кинулся к нему и обезоружил.

— Теперь для меня все ясно, — сказал Сантиано. — Вы — не Человек. Родились вы не па Земле и не на аналогичной планете. Вы явились сюда из мира какой-то иной системы. Вы обладаете сильными средствами маскировки и проникновения, но беда ваша в том, что информация ваша о Земле очень устарела. Вы явились не туда, куда направлялись. Ведь так?

Пришелец ничего не ответил. Там, где он стоял, возникла вспышка, подобная беззвучному разряду шаровой молнии, — и его не стало. Только на керамических плитках пола остались два оплавленных следа от его подошв. Пистолет в кобальтовой руке УЛИССа тоже вспыхнул и испарился. И от документа и пачки денег остались только прямоугольные подпалины на поверхности стола...

...Тем временем второй Пришелец не дремал. В Анкабусе был замечен Человек, державший в руке нечто вроде старинного электрического фонарика. Луч фонарика он направлял на дома. Через четыре дня после облучения дома распадались без взрыва. Они становились пылью.

Был Пришелец замечен и в порту. Ни один из восьми кораблей, вышедших в тот день в море, не вернулся. Они исчезли в океане, не успев даже подать сигналов опасности...»

— Вам не надоело слушать? — спросила вдруг Надя, — Может быть, я слишком быстро читаю?

— Нет, нет, продолжайте, Надя! — воскликнул я. — Я слушаю вас с удовольствием.

Действительно, мне было приятно слушать Надю. В ее голос вплеталось тихое журчание таежного ручейка, и я думал о том, что совсем недавно я тоже сидел у костра, но в другом заповеднике. И вот круг замкнулся. Снова костер, снова заповедник, но там я был третьим лишним. А здесь — нет. Что-то говорило мне, что здесь — не лишний.

16. Буря в тайге

Ночью меня разбудил гром. За розоватым леденцовым стеклом вспыхивали молнии. Ливень хлестал в стену. Ветер нарастал. Домик вздрагивал от его порывов. При свете молний было видно, как гнутся деревья. Я торопливо оделся, постучал в перегородку.

— Вставайте, Надя, и идите в тамбур. Состояние опасности.

— Я давно оделась. Мне не спалось, — ответила Надя.

Мы вышли в тамбур и стали по очереди пить горячий чай из термоса. Было холодно. Домик все тревожнее вздрагивал от ударов ветра. Вдруг при свете молнии, через маленькое окошко тамбура, я увидел, что одна сосна, стоящая у края поляны, как-то странно наклонилась. Тогда я мгновенно схватил Надю в охапку, ударом ноги распахнул дверь и побежал со своей ношей на середину поляны. За спиной я слышал нарастающий шум, глухой удар, скрежет ломающихся ветвей.

Я поставил Надю на землю, и мы оба взглянули на домик. Сосна упала вершиной на него, но домик уцелел.

— Простите, Надя, что я вас так грубо вытащил прямо под ливень, — сказал я. — Я думал, что домик развалится.

— Зачем вы просите прощения, — укоризненно ответила Надя. — Ведь вы хотели мне добра.

Вымокшие, мы вернулись к нашему жилищу, но подход к двери был закрыт кроной рухнувшей сосны. Я пробрался сквозь ветви к двери, но открыть ее было невозможно — сосна, упав, не только захлопнула, но и заклинила ее. К окну моего отсека тоже нельзя было подступиться

из-за ветвей. Надино же окно было свободно. К счастью, оно открывалось и снаружи, и я влез в домик и помог влезть в него Наде.

— Ложитесь и спите, — сказал я. — Вы совсем продрогли, и все из-за меня. А я пойду управлюсь с этой сосной.

— Хорошо, — ответила Надя. — Я действительно замерзла.

Я вышел в тамбур и увидел, что окно его пробито большой веткой сосны. И как раз против того места, где стояла Надя, когда мы пили чай.

«Значит, не зря я вытащил эту девушку отсюда. Ее бы в живых уже не было», — подумал я и, отыскав в ящике топор, расклинил им дверь и вышел наружу. И первым делом я отрубил от ствола ту ветвь, что пробила окно, — чтобы Надя не увидела, какая опасность ей угрожала. Ведь некоторые люди задним числом переживают минувшие события, и поэтому им лучше не знать о том, что могло быть. Затем я постепенно отрубил все ветки, перерубил ствол и таким образом очистил вход в наш домик. Я работал, не обращая внимания на дождь и ветер. Топорище было из спрессованного кофейно-молочного концентрата, сам же топор был, к счастью, обыкновенный, не съедобный, иначе он не выдержал бы той нагрузки, которую я задал ему.

Окончив работу, я пошел в свой отсек, разделся и лег. Но вскоре почувствовал озноб. Меня бросало то в жар, то в холод, и я еле-еле уснул. А когда проснулся — меня снова стало трясти.

— Что вы не встаете? — крикнула Надя, постучав в стенку. — Уже день давно.

— Надя, я заболел, кажется, — сказал я.

Надя вошла в отсек и положила ладонь мне на лоб.

Ладонь ее показалась мне очень холодной.

— У вас сильный жар, — сказала Надя. — Вы больны. Но не огорчайтесь, все обойдется. — Она принесла мне горячего чая и дала каких-то таблеток, после чего я уснул.

Проснулся я оттого, что лбу моему стало холодно. На меня лилась струйка с потолка. Я взглянул вверх — пото-

лок разбух, покособился. Стена тоже имела необычный вид: она дала трещины и стала влажной. Я догадался, что сосна, рухнув на домик, своими ветвями и иглами содрала с него влагонепроницаемый слой, и наше съедобное жилище начало впитывать в себя воду, тем более что дождь все шел и шел. Как известно, домик-контейнер предназначался для венерианских джунглей, а на Венере деревья хоть и высокие, но масса у них неплотная, травянистая. Падай такие деревья на домик хоть ежедневно — ему не будет вреда. Но наши земные деревья с их плотной древесиной — дело другое.

— Надя! — тихо произнес я, и девушка, задремавшая в кресле, мгновенно проснулась.

— Я только на минутку уснула, — сказала она. — Все время сидела возле вас. Вы бредили. Вот уж не думала, что все так получится с этим отдыхом в тайге. Это я виновата.

— Ни в чем вы не виноваты, Надя. Но о чем я бредил?

— Все время упоминали Нину, АНТРОПОСа и СО-СУД... Но я могу процитировать ваш бред.

— Нет, Надя, — бред есть бред. Постарайтесь забыть.

— Я обещаю никогда не напоминать вам о том, о чем вы говорили в бреду. А теперь надо вызвать Врача — вы серьезно больны.

— Врача сюда можно вызвать только по личному наручному прибору, — ответил я. — Но этот прибор — радиоприбор. А пользоваться радио в заповедниках группы «А» запрещено.

— Но ведь это — особый случай, — возразила Надя. — Здесь можно сделать исключение.

— Надя, разве вы не помните, что мы проходили на уроках морали в пятом классе? «Одно допущенное исключение может породить тысячу, тысяча исключений может породить хаос».

— Но что же делать? — чуть не плача спросила Надя.

— Можно прибегнуть к мыслепередаче, — сказал я. — Мыслепередача не имеет к радио никакого отношения. Кому-нибудь из нас надо послать мыселеграмму своему двойнику, и тот сообщит по радио в экскурсионный пункт, что я захворал. Но мне неудобно беспокоить моего

двойника — Андрея. Он сейчас и так по горло занят... Может быть, вы свяжетесь со своим двойником?

— У меня нет двойника, — смутясь, ответила Надя. — Когда-то я была влюблена в одного юношу, мы были двойниками, а потом мы поссорились навсегда...

— Простите, что задал неуместный вопрос, — сказал я. — Сейчас пошлю мыслесигнал Андрею.

— Сигнал принят, — ответил Андрей. — Что с тобой?

— Состояние опасности, — сообщил я. — Ты очень занят?

— Очень, — ответил Андрей. — Не спал две ночи. Неполладки на строительстве Главного корпуса. Но это не имеет значения. Объясни, что я должен сделать.

Я поведал ему, что заболел. Он должен связаться с Новосибирским экскурсионным центром. Пусть оттуда пришлют санитарный вертоплан.

— Все будет сделано, — ответил Андрей. — Крепись. Приму меры. Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

Надя с волнением следила за мной, стараясь по выражению моего лица догадаться о результатах мыслеобмена.

— Все будет хорошо, Надя, — сказал я ей. — Скоро придет помощь. И потом, знаете, нет худа без добра, — так говорит старинная пословица.

— Какое же добро в том плохом, что мы сейчас переживаем? — спросила Надя.

— Это я объясню вам когда-нибудь потом, — ответил я и поспешил укрыться с головой, потому что с потолка текло все сильнее. Меня снова начал бить озноб, и я уснул тяжелым и беспокойным сном.

— Вставайте! — разбудила меня Надя. — За нами прилетели!

Она вышла из отсека, я кое-как оделся и покинул домик. Дождь перестал, светало. Было пять часов тридцать две минуты. Нас поразило огромное количество птиц, слетевшихся к домику. Они расклевывали его размокшие стены и крышу. Над поляной висел санитарный вертоплан с красным крестом на брюхе. Вот из этого брюха

выдвинулось нечто вроде люльки и спустилось на тросе вниз. Мы сели в люльку, нас подняли, и мы очутились в вертоплане, который сразу лег на обратный курс.

Первым делом Врач повел меня в душевую кабину, и я долго стоял под горячим душем, смывая с себя липкую шоколадно-сахарную массу, которая еще недавно лилась на меня с потолка пряничного домика. Затем я облачился в чистое белье, и меня уложили на койку. Врач приложил к моему лбу ЭСКУЛАППП, и тот сообщил следующее:

«Пятьдесят одна болевая единица по нисходящей. Состояние — А-2 по Гринвальдусу и Вороткевичу. Лечение по схеме Лямбда-прим, семь дробь пять. Дополнительно рекомендуется микстура Каракулина. На продолжительности МИДЖа болезнь не скажется».

— Вот увидите, все будет хорошо, — улыбнулся Врач. — Тем более у вас такая милая Сиделка, — добавил он, указав взглядом на Надю.

Затем он ушел, предварительно дав мне какого-то горьковатого снадобья, от которого мне сразу стало легче. Я взглянул на Надю, сидевшую рядом с моей койкой на пластмассовой табуретке, и сказал ей:

— Надя, идите отдыхать. Ведь вы устали!

Вскоре мы приземлились в Новосибирске, и меня, в сопровождении Нади и Врача, отвезли в больницу. Надя осталась в больнице и ухаживала за мной, буквально не смыкая глаз. Неоднократно АСТАРТА* пыталась сменить ее, но Надя каждый раз приказывала ей не вмешиваться, и та покорно удалялась. По утрам, когда температура моя понижалась, Надя читала мне по памяти книги современных писателей и исторические романы, пропуская в последних описание охоты. Однажды, прервав чтение, она спросила меня:

— Вы там, в тайге, как-то сказали, что нет худа без добра. Как это понимать?

* АСТАРТА (Автоматическая Сиделка Трогательного Абриса, Работящая, Терпеливая Абсолютно) — старинный медицинский агрегат.

— Это, Надя, надо так понимать, что если бы не произошло всего того, что произошло, то я бы не встретился с вами.

— Я тоже рада, что все случилось так, как случилось, — просто ответила Надя. — И за это нам надо благодарить вашего друга — Андрея Светочева.

Я снова вспомнил случай на Ленинградском почтамте, мой первый разговор с Надей, затем полет с Ниной и Андреем в заповедник, затем мой последний разговор с Ниной после посещения АНТРОПОСа и новую встречу с Надей. Да, круг замкнулся, и замкнулся, кажется, счастливо — для меня и для Нади...

Вскоре я выздоровел и вместе с Надей вернулся в Ленинград. Осенью Надя стала моей женой. Наш брак был и остается счастливым. И если мои благосклонные Читатели одобряют эти «Записки» и найдут в них пищу для ума, то пусть они знают, что появлением этих «Записок» они обязаны не только мне, но и Наде, которая немало помогла мне в работе над рукописью.

17. В издательстве

Кроме женитьбы, эта осень ознаменовалась еще одним важным событием в моей жизни. Я закончил составление своей «Антологии Забытых Поэтов XX века» и отнес рукопись в Издательство, в Исторический отдел. Редактор отдела встретил меня весьма сочувственно и попросил зайти через неделю. Мой благосклонный Читатель, даже не будучи Автором, легко может себе представить, что я пережил за эти семь дней, ожидая решения своей судьбы. Меня утешало только то, что, как известно из истории, в старину Авторы гораздо дольше ждали оценки своим трудам и порой месяцами пребывали в состоянии неизвестности, пока их рукописи читались в редакциях.

И вот ровно через неделю, явившись в Издательство, я узнал, что рукопись моя прочтена Сотрудниками Исторического отдела и самим Редактором и получила положительную оценку. Правда, некоторые замечания были явно односторонни и необъективны и тираж был назначен все-

го в пять тысяч экземпляров, но все это меркло перед основным фактом: моя «Антология» будет издана, и литература Планеты обогатится еще одной ценной и нужной книгой. Когда же был подписан договор (что теперь стало чисто символическим актом, ибо деньги были уже отменены и гонорара не полагалось) и схлынула первая волна моей радости, я обратился к Редактору с просьбой дать прочесть мою рукопись какому-либо агрегату — быть может, тот будет более справедлив и объективен, нежели Сотрудники отдела, и наметит мне больший тираж.

На эту мою скромную просьбу Редактор ответил даже с некоторой обидой, что в его отделе, так же как и в прочих отделах Издательства (за исключением Поэтического), все рукописи читают люди, а никаких агрегатов нет.

— Почему же Поэты исключаются из этого правила? — спросил я. — Почему им такое предпочтение? Ведь моя «Антология» тоже состоит из стихов — правда, авторов их нет в живых, ибо они жили давно, в Двадцатом веке.

— Поэтов слишком много, и работники Поэтического отдела не справляются с нагрузкой, — ответил мне Редактор. — Поэтому приходится применять агрегаты.

Далее он высказал мысль, что непрерывный рост культурного уровня и всеобщее высшее образование имеют, по его мнению, 999 достоинств и 1 недостаток. А недостаток этот заключается в том, что очень многие люди теперь пишут стихи и несут их в издательства, считая себя Поэтами, на самом деле не будучи ими. Правда, количество истинных Поэтов тоже растет, но в процентном и абсолютном отношении их, как и всегда это было, гораздо меньше, чем людей, мнящих себя Поэтами. И так как Издательство силами людей не может справиться с наплывом рукописей, то оно вынуждено прибегать к помощи БАРСов, МОПСов, ВОЛКов, ТАНКов* и прочих вспомогательных

* БАРС — Беспристрастный Агрегат, Рецензирующий Стихи.

МОПС — Механизм, Отвергающий Плохие Стихи.

ВОЛК — Всесторонне Образованный Литературный Консультант.

ТАНК — Тактичный Агрегат Нелицеприятной Критики.

агрегатов. Трудно приходится этим агрегатам — ведь обидеть Человека ни один агрегат не имеет права, а правду говорить Авторам он обязан, и эта правда порой горька. А тут еще Специальная Наименовательная Комиссия, которая, как известно, состоит из Поэтов-Добровольцев, дала этим агрегатам такие устрашающие прозвища...

Я попросил Редактора сводить меня в Отдел поэзии, и он охотно провел меня через тихие редакционные коридоры в большой и довольно шумный зал, у входа в который висело объявление: «Палки, зонты и иные опасные предметы просьба оставлять в прихожей».

— Какое зловещее предуведомление! — сказал я Редактору. — Неужели в наш век возможно рукоприкладство, палкоприкладство и зонтоприкладство?

— Увы, от Поэтов всего можно ожидать, — ответил Редактор. — Правда, на Людей они не покушаются, но агрегаты от них иногда страдают. Так, в минувшем году один молодой Поэт ударил палкой БАРСа, когда тот сказал ему, что рифмы «любовь — кровь — вновь — бровь» существуют уже четыреста лет и не являются открытием этого Автора. А в позапрошлом году одна начинающая Поэтесса побила зонтиком МОПСа, когда тот отверг ее стихи.

— Никогда не думал, что в наше время могут процветать столь жестокие нравы, — сказал я. — Какое счастье, что, составляя свою «Антологию», я имел дело не с живыми, а давно почившими Поэтами!

Тем временем перед нами растворились стеклянные двери, и мы вошли в зал. Тотчас же к нам подошла СЛАВА* и ласковым голосом спросила, чем мы намерены порадовать Отдел поэзии: стихами или поэмой. Узнав, что мы еще не написали стихов, она скромно отошла в сторону. Я стал разглядывать зал. Посреди этого зала стояли диваны и кресла, на которых сидели Поэты. Они мирно беседовали меж собой, и жестокости в выражении их лиц я не заметил. По краям зала стояли столы, за которыми

* СЛАВА (Специализированный Логический Агрегат, Встречающий Авторам) — механизм XXII в.; то же, что в древности — Секретарша.

ми сидели БАРСы, ВОЛКи и МОПСы; все эти агрегаты вовсе не походили на зверей, имена которых присвоила им Наименовательная Комиссия. Это были обыкновенные специализированные механизмы, довольно хрупкие и безобидные на вид. ТАНКи тоже отнюдь не напоминали собой эти древние орудия убийства. Тем грустнее было мне увидеть над столами некоторых из этих агрегатов воззвания, свидетельствующие о том, что эти незащитные механизмы порой подвергаются грубому обращению и даже побоям. Так, над МОПСом висел стишок, сочиненный, возможно, им самим:

Я — всего лишь агрегат,
Не причина бед.
Бедный МОПС не виноват,
Если плох Поэт.

Над БАРСом висело четверостишие, написанное классическим ямбом:

Поэт! Ты юноша иль дева,
Иль старый деятель стиха —
Не бей меня в порыве гнева,
Да будет скорбь твоя тиха!

— А что означает эта надпись на стене: «Просьба подавать агрегатам на чтение рукописи без металлических скрепок»? — спросил я своего провожатого.

— Эта надпись появилась после одного прискорбного недоразумения, — поведал мне Редактор. — Однажды некий Поэт дал на чтение ВОЛКу лирическую поэму, листы которой были соединены скрепками из намагниченного железа. ВОЛК, прочтя произведение, нашел его гениальным и немедленно побежал с ним к Редактору-Человеку. Тот же не обнаружил в поэме никаких достоинств. Оказалось, что намагниченное железо внесло путаницу в электронную схему ВОЛКа. После этого ВОЛК-27 стал считать всех Поэтов гениями, и его пришлось демонтировать.

— Надеюсь, что Поэт не намеренно совершил свой ужасный проступок? — спросил я.

— Поэт тут не виноват, — успокоил меня мой провожатый. — Он работает в лаборатории, где имеют дело с магнитами.

Не решаясь злоупотреблять далее любезностью моего спутника, я сказал ему, что дальнейший осмотр зала я продолжу один, — и он ушел. Я же вмешался в толпу Поэтов, и, когда один из них подошел с рукописью к МОПСу, я последовал за ним. МОПС очень быстро прочел рукопись и начал ее комментировать. Очевидно, от многократного общения с Поэтами и плохими стихами он давно разучился говорить прозой. Произносил он свою речь-рецензию нараспев, мягким баритоном, стараясь не обидеть Автора:

Стихи — сплошная вата, рифмовка слабовата,
Читать их трудновато, жалею вас как брата.
Стихи рациональны, не эмоциональны,
Отпощь не гениальны, а выводы печальны.
Шепчу вам осторожно: печатать их не можно,
Читатель пылче строгий, а стих у вас убогий.
Творить вы не бросайте, но классиков читайте...

Я не стал слушать продолжения и подошел к БАРСу, возле которого сидел другой Поэт. БАРС тоже вел литконсультацию стихами:

...Поэма «Водопой» суха, и нет в ней музыки стиха;
Она уныла и длинна, отсутствует в ней глубина;
Я очень уважаю вас, но мал в поэме слов запас,
В ней образов удачных нет, хоть вы талантливый Поэт.
С печалью МАВРА* вам вернет раздумий ваших мудрый плод,
В печать поэма не пойдет, но вас в грядущем слава ждет...

Я отошел от БАРСа и направился к агрегату по прозвищу ПУМА**. Одновременно со мной к этому механизму подошел Человек средних лет и подал довольно толстую рукопись.

* МАВРА — Меланхолический Агрегат, Возвращающий Рукописи Авторам.

** ПУМА — Прибор, Утешающий Малоталантливых Авторов.

— Не посмотрите ли мою книгу «Вздохи и выдохи»? Сто сорок стихотворений...

ПУМА взяла рукопись и моментально прочла ее.

— У ВОЛКА были?

— У всех был. И у Людей и у агрегатов. Недопонимают, — уныло ответил Поэт.

— «Вздохи и выдохи» можно издать тиражом в один экземпляр, — ласково сказала ПУМА. — Вас это устроит?

— А нельзя ли хотя бы в два экземпляра? — робко молвил малоталантливый Поэт. — И чтобы тираж на последней странице был указан в миллион экземпляров. Или даже больше.

«Какое безобразие! — подумал я. — В старину это называлось “очковтирательством” и “липой”. Конечно, ПУМА откажет ему в этой дикой просьбе и сделает соответствующее внушение».

Но каково же было мое удивление, когда ПУМА ответила согласием на просьбу Поэта!

— Хорошо, — сказала она. — Издадим «Вздохи и выдохи» условным тиражом в два миллиона и фактическим в два экземпляра. Укажите, какую обложку вы предпочитаете, какой формат, какой шрифт и какой сорт бумаги, — с этими словами она подала малоталантливому Поэту папку с образцами. — Выбирайте.

Возмущенный действиями Поэта и агрегата, я поспешил к Редактору — Человеку Отдела Поэзии. Не желая делать неприятность данному Поэту, я задал вопрос в общей форме: бывают ли случаи, когда ПУМА ошибается и выполняет заведомо аморальные требования Автор? Так, например, может ли она, запланировав тираж в два экземпляра, указать в тексте книги, точнее — в издательских данных, что книга вышла тиражом в два миллиона экземпляров?

К моему удивлению, Редактор ответил, что ПУМА так и программирована.

— Агрегат программирован на ложь! — воскликнул я. — Первый раз слышу такое!

— «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», — процитировал Редактор слова классика. И затем

добавил: — Этот обман никому не причинит зла. Поэт обманывает только себя, утешаясь этим обманом. И не надо его огорчать.

— Мне вообще непонятно, зачем издавать книгу, которую никто не будет читать, — сказал я.

— Надо быть терпимым, — проговорил Редактор. — Общество настолько богато, что может издать Поэту книгу, хоть Обществу эта книга и не нужна. Почему бы не доставить радость Человеку!

Признаться, такая логика показалась мне странной, в я ушел от Редактора, нисколько не убежденный им. «Хорошо все-таки, что я не Поэт, — подумал я. — И книга моя выйдет не условным миллионным тиражом, а самым реальным пятитысячным».

18. Остров моего имени

Зима в том достопамятном году была суровая. Нева стала рано, залив уже в ноябре покрылся прочным льдом, и из моего окна видны были лыжники и аэробуеры, скользящие по его поверхности. Мы с Надей жили теперь в том же доме, где и мои и Андрея родители, только в другой квартире. Моя «Антология» была сдана в набор, и я ждал корректуру, а тем временем принялся за новый труд — «Писатели-фантасты XX века в свете этических воззрений XXII века». Надя помогала мне в этой работе — разумеется, чисто технически. Ее идеальная память нашла наконец себе должное применение. Андрея я давно не видел — я знал, что он очень занят, и не хотел ему мешать. Все только о нем и трубили. Поэты сочиняли скороспелые вирши об Андрее Светочеве, где сравнивали его то с Прометеем, то еще бог весть с кем; газеты посвящали ему целые подвалы с громкими шапками вроде: «Аквалидная цивилизация», «Техническая революция» и т.д. В журналах же печатались большие статьи под заголовками «Аквалид и Дальние Звезды», «Эра моносырья», «Пересмотр земной экономики». Меня удивляла эта шумиха, она казалась мне несерьезной и преждевременной: ведь самого-то аквалида еще не было. Впрочем, зная характер

Андрея, я был за него спокоен: все эти воздаваемые авансом почести ничуть не волновали его и нужны они ему были как собаке пятая нога — да простит меня Читатель за некоторую грубость этой старинной поговорки.

Надя уже не раз говорила мне, чтобы я съездил навестить Андрея на Матвеевский остров — остров моего имени. Однако, поглощенный своей новой работой, я все время откладывал эту поездку. Но, как в старину говорилось, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Однажды вечером Андрей навестил меня.

— Я к тебе с просьбой, — начал он с места в карьер. — Не поможешь ли ты мне пригладить одну статью? Я написал ее для детского научно-популярного журнала, очень просили. Но я не умею излагать свои мысли в общепонятной форме, это у меня коряво получается. Ты прочти, подчеркай. Ничего, что я от руки написал? У меня почерк неразборчивый.

— Почерк-то у тебя разборчивый, — ответил я, — но ведь вся эта техническая премудрость мне непонятна.

— Да нет, я тут все без формул изложил, ведь это для детей. Тебе надо только причесать статью стилистически. Ведь у тебя хороший слог.

— Хорошо, я сделаю что могу, — ответил я. — Но, кстати, почему Нина не взялась за это дело?

— Нина во многом мне помогает, но тут она побоялась быть необъективной. Ей почему-то нравится все, что я делаю. Она посоветовала мне обратиться к тебе.

Когда Андрей ушел, я прочел статью — и ничего, признаться, не понял. В ней действительно не было формул, но она изобиловала техническими терминами, таблицами и ссылками на труды всевозможных исследователей. Когда Надя пришла с работы, я дал ей прочесть произведение Андрея, и она сказала, что все понятно, но кое-что надо упростить. С помощью Нади и словарей я заменил наиболее непонятные выражения, пригладил статью стилистически — но смысл ее остался для меня темен.

— Ничего, — улыбнулась Надя. — Дети поймут. Ты просто закоренелый Гуманитарий. Тут все просто до гениальности.

Оригинал этой статьи, написанный рукой Андрея, и ныне находится у меня, а после моей смерти будет храниться в мемориальном музее Светочева.

Когда статья получила мою литературную обработку и я продиктовал ее исправленный вариант МУЗЕ, Надя сказала мне:

— Почему бы тебе самому не отвезти ее Андрею на остров твоего имени? Твой друг в твою честь назвал остров, а ты на нем не бывал.

— Нет, я завтра отошлю статью почтой, — ответил я. — На острове я хоть и не бывал, но отлично знаю его по телепередачам и фотографиям в газетах.

Надя как будто согласилась с моими доводами.

На следующий день — это был Надин выходной — мы с утра вышли на залив побегать на лыжах. Перед этим мы едва не поссорились, выбирая лыжи.

— Возьми самодвижки, — сказала Надя. — На обыкновенных мне надоело кататься.

— Зачем же брать самодвижки, ведь на заливе нет гор, — резонно возразил я.

— А мне вот хочется на самодвижках!

— Бог с тобой, как в старину говорилось, — согласился я.

Лыжи-самодвижки тогда только входили в моду. Внешне они напоминали обыкновенные пластмассовые лыжи, но в них были вмонтированы микродвигатели. Стоило сильнее надавить каблуком на упор, и они включались. На них удобно было въезжать в гору.

Мы вышли на залив и вскоре очутились у ледяной дороги, ведущей на остров моего имени. По ней двигались элмоби́ли, элци́клы — и все в сторону Ленинграда. Мы остановили один из элмобилей и спросили, почему это все едут с острова и никто не едет на остров.

— Разве вы не слышали спецсообщения? — удивился один из пассажиров. — Оно передавалось полчаса назад.

— Изгнание из аквалидного рая, — пошутил второй пассажир. — Рай становится опасным.

— Вот как! — засмеялась Надя. — А мы как раз собираемся туда.

Она включила лыжи на самоход и помчалась по лыжне, шедшей параллельно ледяной дороге. Пришлось и мне включить самодвижки и догонять ее.

— Надя, ведь это далеко! — воскликнул я, догнав ее. — И ведь все покидают остров.

— Но остров назван твоим именем. Тебя должны пустить на него, — сказала Надя.

— Странная логика, — подивился я. — И потом, уж если ехать на остров, то со статьей, а я ее с собой не взял.

Надя сняла рукавичку и приложила ладонь к своему лбу:

— Статья здесь, не беспокойся.

— Мы рискуем отморозить себе лица, — сказал я. — Смотри, какой сильный встречный ветер.

— И это предусмотрено, — ответила Надя и вынула из кармана куртки две обогревательные маски.

— Надя, значит, ты сознательно пошла на обман! — удивился я. — Ты обдумала эту поездку заранее!

— Милый, да как же иначе можно тебя выманить, — засмеялась Надя. — То ты над своими «фантастами» сидишь, то над СОСУДОМ, а к другу ни ногой. Вот я и подстроила эту поездку.

— И все-таки нехорошо обманывать. Помнишь, что мы учили во втором классе: «Малый обман — это тоже обман. И капля и океан едины в своей сути».

— Ну, мой обман — это очень маленькая капля, — улыбнулась Надя.

Вскоре показался Матвеевский остров, и мы увидели, что на льду возле берега через равные интервалы стоят УЛИССы*. В своих металлических руках они держали аншлаги: «На остров — нельзя, состояние опасности». Это же самое они время от времени выкрикивали.

— Вот видишь, мы напрасно явились сюда, — сказал я Наде. — УЛИССы нас не пустят.

— Мы просто пройдем мимо, — возразила Надя. — Ни один механизм не может применять силу против Людей.

* Напоминаем: УЛИСС (Универсальный Логический Исполнитель Специальной Службы) — старший механизм доаквадильной эпохи.

— Нельзя злоупотреблять этим свойством агрегатов, — строго сказал я. — Механизмы — слуги Общества.

— Эвакуация закончена. На остров нельзя, — сказал мне один из УЛИССов, когда я подошел к нему. Но я попросил его найти Андрея Светочева и сообщить о нашем с Надей прибытии. УЛИСС пошел в глубь острова и вскоре вернулся. Рядом с ним шагал Андрей. Он обрадовался нам, но удивленно осведомился: разве мы не слышали чрезвычайного сообщения? Мы ответили, что были в пути. Тогда Андрей сообщил, что завтра начнет действовать Главная Опытная Лабораторная Установка по производству аквалида. Как известно, одна из стадий преобразования до сих пор технологически неясна. Только в результате практического опыта будет выяснено, верен ли этот узел технологического процесса. Короче говоря, может произойти взрыв.

— Если произойдет взрыв, значит аквалид — фикция, мираж? — спросил я.

— Нет. Это будет означать только то, что технологический процесс несовершенен. Другие потом найдут верный путь, учтя эту ошибку.

— Дорогостоящая это будет ошибка, — сказал я.

— А что Человечеству далось даром? — возразил Андрей.

Остров был совсем безлюден. Лишь иногда дорогу нам пересекали УЛИССы, идущие по каким-то заданиям. Корпуса, башни, какие-то непонятные строения, уступами идущие ввысь, окружали нас со всех сторон. Толстые трубопроводы, окрашенные яркой самосветящейся краской, шли от здания к зданию, то стелясь по земле, то взбираясь на высокие фермы.

— Каким большим стал остров! — сказал я. — И сколько на нем настроили!

— Тут весь земной шарик потрудился, — не спеша ответил Андрей. — А завтра от всего этого, быть может, ничего не останется.

— А когда начнется опыт? — спросила Надя.

— Не бойтесь, я не прогоню вас с острова на ночь глядя, — улыбнулся Андрей. — Опыт начнется завтра в де-

сять утра. Вообще-то намечалось начать в два ночи, но пришлось отложить — Нина захворала.

— При чем здесь Нина? — удивился я. — И разве она не эвакуирована на материк?

— Нет. Она захотела быть со мной во время опыта. Поскольку ее решение твердо, она будет сидеть у дубль-пульта. Все равно мне нужен помощник. А так, в случае аварии, мы сэкономим чью-то жизнь.

— А много было добровольцев, желающих провести с тобой этот опыт?

— Отбою не было. Замучили меня просьбами.

— Но ведь стоять у этого, как ты говоришь, дубль-пульта, наверно, не так уж просто. Тут, наверно, нужны специальные знания?

— Никаких знаний. Только здоровье, внимание и элементарная грамотность. Не техническая, а просто грамотность. Даже ты, со своей нежной любовью к технике и глубочайшим ее пониманием, справился бы с этим делом, — тяжеловесно пошутил Андрей.

— А что с Ниной? — спросил я.

— Вчера она каталась на буере и не рассчитала, налетела на торос. Ушибла плечо. Сидит теперь дома и глотает порошки, а Врача вызывать не хочет. Боится, что тот эвакуирует ее с острова.

— Скажи, какого цвета был буер? — обратился я к Андрею.

Андрей посмотрел на меня удивленно и ответил:

— Красного. Но что за странный вопрос!

— Ничего не странный, — небрежно сказал я. — Вам, Техникам, все кажется странным.

Конечно, с точки зрения всякого здравомыслящего человека, мой вопрос был странен. Но ведь я-то видел на экране АНТРОПОСа, что Нина садилась в красную лодку. Я сразу отчетливо представил себе эту красную электромоторку с надписью «Эос» на борту. Лодка была красная, буер — тоже красный... И внезапно на сердце у меня полегчало. Все эти месяцы я тайно беспокоился за будущее Нины, помня прогноз АНТРОПОСа, а теперь мне стало ясно, что АНТРОПОС ошибся. То есть в какой-то мере он

оказался прав, но в самой печальной части своего прогноза ошибся.

Ход моих рассуждений был таков. АНТРОПОС мыслит расширенными общемировыми категориями. Залив, море — для него это масса воды. Лед — это частное, местное явление. Логически лед — это просто замерзшая вода. АНТРОПОС и дает его как воду. Буер — это небольшое суденышко, движущееся по поверхности воды — льда. АНТРОПОС воспринимает его как лодку. Торос, на который налетел буер, — это тот скалистый берег, на котором якобы погибла Нина. Но исхода аварии АНТРОПОС не предвидел, недаром он ошибается в двадцати случаях из ста: Нина жива, только ушибла плечо.

С души моей спала тяжесть, мне стало легко. И этот остров, названный моим именем, весь застроенный непонятными сооружениями, показался мне милым и уютным.

— Вот мы и пришли, — сказал Андрей.

Мы стояли перед одноэтажным пластмассовым домом, в котором жил Андрей. Не стану описывать вам этот дом — вы все его отлично знаете: там теперь филиал мемориального музея А. Светочева.

Мы вошли. Нас встретила Нина. Она очень похорошела с той поры, когда я расстался с нею. Правда, она была бледна, но и это к ней шло. Плечо у нее, видно, болело сильно, но она крепилась.

Я познакомил ее с Надей. С огорчением я заметил, что они друг другу не понравились. Не то чтоб между ними возникла неприязнь — нет, они просто не нашли общего языка. И даже когда Надя на память продиктовала МУЗЕ исправленную мною статью Андрея, Нина нисколько не восхитилась ее феноменальной памятью. Сама же статья понравилась и Нине, и Андрею.

После ужина Надя сразу же ушла спать в отведенную нам комнату. Нина осталась в столовой-гостиной, а мы с Андреем пошли в его рабочую комнату. Он засел за какие-то чертежи и таблицы, я же принялся рассматривать его альбом с марками. Это длилось довольно долго.

— Иди-ка лучше спать, — сказал я Андрею, — утро вечера мудреней. И потом, есть такая старинная послови-

ца: перед смертью не надышишься. Только не пойми ее буквально.

— Ты завтра увези этот альбом с собой, — проговорил Андрей. — Если что-нибудь со мной случится — бери себе. А если все будет в порядке — верни. Чур, не заживлять!

— Ладно, возьму, так и быть, — ответил я. — И честно верну. Очень нужны мне твои аляповатые зверюшки!

— От портретника слышу! Бей портретников! — Он вскочил со стула, схватил с дивана подушку и ударил меня по голове. Я схватил другую подушку — и началась катавасия, как в старину говорилось.

— Развозились как маленькие! — с притворной строгостью сказала Нина, войдя в комнату. — Весь дом трясется.

— Не мешай, Нина, идет бой между добром и злом! — крикнул Андрей, принимая мой очередной удар подушкой и пытаясь нанести мне ответный.

В это время кто-то постучал в наружную дверь. Я сразу догадался, что это какой-нибудь механизм: люди имели право входить без стука.

— Можно, — сказал Андрей, выходя в прихожую.

Дверь открылась, и в клубах морозного пара появился УЛИСС.

— Срочное сообщение, — изрек он. — В суперреакторе номер три обнаружил неполадку типа альфа триста двадцать один.

— С этим надо обращаться к ЭЗОПу,* — строго сказал Андрей. — Сколько раз говорил, что вопросы, степень важности которых ниже градации В, меня не интересуют.

— Выслушал. Иду к ЭЗОПу, — бесстрастно ответил УЛИСС и вышел, аккуратно закрыв за собою дверь.

— Удивительно бестолковы эти УЛИССы, — посетовал Андрей. — Горе мне с ними. И когда, наконец, мы избавимся от этой допотопной техники!

Не прошло и минуты, как наружная дверь снова открылась и в прихожую без стука вошел другой агрегат. Он

* ЭЗОП (Электронный Заместитель Организатора Производства) — довольно совершенный для своего времени агрегат. Впоследствии заменен ЭЗОПом-2.

был невелик — ростом с десятилетнего ребенка; за плечами его поблескивали сложенные крылья.

— Почему вы вошли без стука? — строго спросил я его. — Много воли вашему брату-агрегату дают!

— Мне разрешено без стука, — с некоторой обидой ответил механизм и затем, обратясь к Андрею, сообщил: — Накопление субстрата идет нормально. Но в Главном корпусе, в узле дельта сто семнадцать, обнаружил неполадку типа А двадцать один.

— Сейчас иду, — ответил Андрей. Затем, обратясь ко мне, сказал: — Это ЭРОТ*, новинка нашей техники. Ему разрешено входить без стука. А ты не хочешь посмотреть Главный корпус?

— Почему же нет, охотно посмотрю, — с готовностью ответил я, чтобы не огорчать Андрея.

— Я тоже, пожалуй, пройду с вами, — сказала Нина. — Похожу — может, и плечо пройдет.

— Ничего себе способ лечения, — молвил я, набрасывая Нине на плечи синтемовую шубку. — Медицина на уровне шаманов. Тебе надо просто вызвать Врача.

Но она пропустила мои слова мимо ушей — это было в ее духе.

Мы вышли из дома на мороз. Красный вращающийся прожектор горел на мачте, и весь остров был залит красноватым тревожным светом. Впереди нас молча шагал странный агрегат со сложенными крыльями. В нем чувствовалась какая-то неприятная самостоятельность, даже самоуверенность.

— Мы отлично знаем дорогу, — сказал ему Андрей, — а вот в Главном корпусе надо включить свет.

ЭРОТ легко оттолкнулся от земли, расправил крылья и полетел. Вскоре в Главном корпусе зажглись окна.

Когда мы вошли в это здание, меня поразила его величина: снаружи Лаборатория не казалась такой большой.

* ЭРОТ (Электронный Разведчик Облегченного Типа) — один из наиболее совершенных агрегатов доаквалидной эпохи. Ныне на Земле не применяется, но в измененном и усовершенствованном виде, выполненный из аквалида, работает на радиоактивных плато Марса.

Огромный, ярко освещенный зал уходил вдаль. По обеим сторонам прохода стояли какие-то чудовищные машины и сооружения. У приборов, следя за циферблатами, молча стояли дежурные УЛИССы. Вверху, под прозрачной крышей, где переплетались тысячи кабелей и трубопроводов, беззвучно летали два ЭРОТа.

Андрей пошел в дальний конец зала, и вскоре его не стало видно, он совсем затерялся в этом механизированном пространстве. Нина подвела меня к столу-пульту, на котором было множество цветных кнопок, и села в кресло.

— Вот здесь я завтра буду работать, — беспечно сказала она. — Буду в определенное время нажимать кнопки.

— А ты не запутаешься? — спросил я.

— Нет, ведь есть схема. — Она вынула из выдвижного ящика большую, наклеенную на картон таблицу. — Вот здесь все показано. Ребенок — и тот не спутает.

Действительно, на таблице были изображены те же самые кнопки, что и на пульте, и указано время, когда надо нажимать на каждую из них.

— А это что за большая красная кнопка?

— Это кнопка критического перепада. Та самая.

— И ты нажмешь на нее?

— Нажму, — улыбнулась Нина.

— У тебя совсем больной вид, — сказал я. — Очень болит плечо?

— Побаливает, — неохотно призналась она. — Но завтра все пройдет.

— А если не пройдет?

— Тогда придется вызывать Добровольца. Но я все равно останусь на острове.

19. Красная кнопка

Утром меня разбудила Надя.

— Вставай, иди завтракать. Я уже позавтракала. Скоро нам надо отправляться домой.

Я встал, глянул в окно. За ночь потеплело, шел снег. На фоне высокой ярко-желтой башни отстойника он был очень хорошо виден. Уже рассветало, но тревожный красный свет

вращающегося прожектора по-прежнему падал на остров моего имени. Было очень тихо.

За завтраком я внимательно смотрел на Нину. У нее был совсем больной вид. Я так прямо и сказал ей об этом, но она промолчала.

— Да, придется вызывать Добровольцев и выбирать из них наиболее подходящего, — молвил Андрей. — Выбрать такого не особенно трудно — был бы Человек с крепкими нервами.

— А я? — обратился я к Андрею.

— Что ты? — удивился Андрей.

— Я и есть такой Человек. Правда, не слишком технически грамотный, но с крепкими нервами.

— А ты представляешь, как это рискованно? — тихо спросил Андрей.

— Ну, представляю... Но почему кто-то другой должен рисковать, а не я? Ведь естественнее пойти на это именно мне. Как-никак — мы с тобой друзья.

Андрей задумался. Потом сказал:

— Ты меня устраиваешь даже больше, чем кто-либо другой. Ведь пульта отстоят далеко один от другого, а с тобой мы можем вести мыслепередачи. Это удобнее радио и телесвязи и удобнее, чем телефонная связь.

— Вот все и устроилось, — сказал я Нине. — Ты спокойно можешь лететь в Ленинград вместе с Надей.

В это мгновение без стука открылась дверь. Вошел ЭРОТ. На его сложенных крыльях блестел снег. Снег таял и стекал на пол.

— Явился по распоряжению ЭЗОПа, — сказал агрегат. — Емкости заполнены субстратом. Через двадцать три минуты необходимо вводить в действие систему «А».

— Принял и понял, — ответил Андрей. ЭРОТ вышел, оставив на полу влажные следы.

«Не потрудится даже отряхнуть с себя снег, перед тем как войти к Людям, — подумал я. — До чего специализирован, до чего избалован!»

Я пошел в отведенную нам с Надей комнату и объяснил Наде, в чем дело. Узнав о моем решении, она заплакала. Затем спросила:

— Но ты веришь, что все обойдется благополучно?

— Сказать по правде — не очень, — ответил я. — Андрей — неудачник. До этого у него были неудачи маленькие, средние и большие. Теперь, вероятно, его ждет полное крушение. Но когда у друга беда, надо быть с ним рядом.

— Да, ты прав, — сказала Надя сквозь слезы. — Но я верю, что все кончится хорошо.

— Будем надеяться, — ответил я. — Если же со мной что-либо случится, то постарайся, чтобы работу над СО-СУДом продолжил достойный преемник. Что касается корректуры «Антологии», то все надежды я возлагаю на тебя и на твою память.

Вскоре прибыл легколет. Надя улетела на нем одна. Нина лететь отказалась, несмотря на то что присутствие ее на острове моего имени было теперь не только не обязательно, но и просто бессмысленно.

Когда Надя села в кабину рядом с ЭОЛом, я шепнул ей:

— Пожелай нам удачи.

— Ни пуха ни пера, — громко сказала Надя.

— Убирайся к черту! — ответил я.

Нина с Андреем удивленно посмотрели на меня.

— Это так полагается, — пояснил я им. — В данном случае это не ругательство, а нечто вроде заклинания.

Вскоре мы с Андреем отправились в Главную Лабораторию, а Нина пошла в дом. Она решила прилечь. Выглядела она совсем неважно.

Без десяти минут десять я сел за дубль-пульт. Андрей пошел в другой конец огромного зала, чтобы занять место у главного пульта.

В 10:00 я включил первую кнопку. Она была зеленого цвета. Весь зал наполнился глухим вибрирующим гудением. УЛИССы, стоящие у приборов, на минуту подняли вверх металлические руки — в знак того, что системы действуют нормально. ЭРОТ легко спланировал откуда-то из-под стеклянной крыши, где извивались бесчисленные трубопроводы и кабели, и, встав на мгновение перед пультом, расправил крылья, которые светились зеленоватым светом.

— Неполодок в узлах нет, — доложил он и опять взвился вверх.

Затем из круглого люка в полу выполз механизм, какого я никогда и не видывал. Он был облицован пластмассовой чешуей и полз, как змея. На хвосте у него был крючок. Плавнo извиваясь, подполз он к подножию пульта и поднял голову; за металлической обрешеткой головы светился круглый зеленый глаз.

— Подземное хозяйство в порядке, — отрапортовал агрегат-змея. — Вводы силовых кабелей в порядке, контакты группы бета в порядке. Распоряжений нет?

— Раз все в порядке, то какие могут быть распоряжения, — резонно ответил я. — Можете ползти обратно.

Через восемь минут после включения первой кнопки я, согласно лежащей передо мной схеме, нажал вторую — белую. Гудение в зале перешло в другую тональность. За хрустальным щитом какого-то огромного агрегата, вмонтированного в пол неподалеку от пульта, заметались сильные молнии.

В эту минуту я услышал мыслесигнал Андрея.

— Ну как? — поинтересовался Андрей.

— Все в порядке, — ответил я. — В этой работе действительно нет ничего сложного. Я не против нее, но удивляюсь, почему ты не поручил это дело какому-нибудь там ЭРОТу или УЛИССу.

— Дело слишком ответственное, — ответил Андрей. — Человек — это Человек, а агрегат — это только агрегат.

— Мне вообще не совсем понятен этот принцип дубляжа, — сказал я. — Ведь у тебя точно такой же пульт и те же самые кнопки, что и у меня. Только не подумай, что я хочу уйти на попятный двор, как в старину говорилось. Просто мне это странно. Или это просто перестраховка? Было в древности такое понятие.

— Не перестраховка, а страховка, — ответил Андрей. — Процесс преобразования, как я тебе говорил, длится сорок пять часов тридцать девять минут. За это время кто-то из нас может устать, сделать ошибку невнимания. Но так как нас двое, то ошибка почти исключена.

— Что ж, один ум хорошо, а два лучше, — согласился я. — А скажи, как называется агрегат-змея, который ко мне приползал?

— ПИТОН*, — ответил Андрей. — Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

В 10:27 я нажал третью — синюю кнопку. В 10:49 — желтую. В 11:04 какую-то полосатую. Все шло как по маслу — по старинному выражению. Между нажатиями на некоторые кнопки интервалы были всего шесть-восемь минут, но были в сорок минут и в час десять. В один из таких перерывов я успел сходить в душ, в другой — успел пообедать с Андреем. Время от времени прямо к пульту подходил САТИР** и приносил еду и горячий чай. Изредка мы вели мыслепередачу с Андреем, подбадривая друг друга. Так прошел день, и так прошла ночь.

— Сутки отдежурили, поздравляю! — сообщил мне Андрей в десять утра.

— День и ночь — сутки прочь, — ответил я старинной поговоркой. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — ответил Андрей. — А ты?

— Тоже хорошо. А как Нина?

— Сейчас говорил с ней и видел ее по видеофону. Лежит. По-видимому, у нее не только сильный ушиб, но и простуда.

— Отправь ее, пока не поздно, на материк, — дружески посоветовал я.

— Да разве она послушается! — ответил Андрей. — Ты же знаешь ее... Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

Прошел и этот день, наступила вторая ночь нашего бдения. Было нажато уже много кнопок самых различных цветов и оттенков. В 2 часа 5 минут ночи я нажал черную кнопку. Следующая была красная — та, от которой зависело многое. Ее надо было нажать через двадцать пять минут после черной.

* ПИТОН (Подземный Исследователь-Техник, Обнаруживающий Неполадки) — старинный агрегат, давно снят с производства.

** Напоминаем читателю: САТИР (Столовый Автомат, Терпеливо Исполняющий Работу) — примитивный агрегат начала XXII в.

— Ну как? — спросил меня по мыслепередаче Андрей. — Как ты себя чувствуешь? Не страшно?

— Страшновато, — ответил я. — Но что ж поделаешь...

— Мне тоже страшновато, — сказал Андрей. — Желаю счастья. Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

Я не слышал, как к пульту подошла Нина. Она была бледна, но даже бледность ей шла. Удивительное дело — ей все шло.

— Хочу посмотреть, как вы тут, — сказала она, легким движением сбросив на барьер пульта синтемовую шубку.

— Ты выбрала самое подходящее время, — не без иронии заметил я. — И какое на тебе нарядное платье! Точно на бал.

— Еле напаялила его, так плечо болит, — улыбнулась Нина. — Но как-никак — торжественный случай. А у тебя тут все в порядке?

— Все в норме.

— И змей-горыныч приползал?

— Ты имеешь в виду ПИТОНа? Приползал.

— Он очень смешной. Раз я нацепила ему на хвост бумажку, он так с нею и уполз в свое подземелье.

— Нехорошо издеваться над механизмами, — сделал я замечание Нине. — Механизмы служат Обществу.

— А ты все такой же.

— Уж какой есть, — ответил я.

— Ну, до свидания. — Нина перегнулась через барьер и торопливо поцеловала меня. — Вот так. Будь счастлив!

Она пошла по голубоватым плиткам пола в другой конец зала, к Андрею. Легкой походкой, в ярком оранжевом платье проходила она мимо УЛИССов, настороженно стоящих у непонятных мне приборов, мимо этого дьявольского нагромождения техники — мимо всего того, что через несколько минут могло нас убить.

Но пришло время нажать на красную кнопку. Я положил на нее палец и подумал: что я сейчас почувствую? Наверно, ничего не почувствую. Все произойдет мгновенно. В таких случаях, напоследок, люди всегда вспоминают что-то очень важное — так я читал в книгах. Что мне надо вспомнить — Надю, «Антологию»?

Я нажал на красную кнопку и вспомнил в этот миг Нину. Вот она стоит у невысокого песчаного обрыва, отражаясь в тихой воде озера...

20. Аквалид — есты!

Кнопка была утоплена мною в ее гнезде до конца. Но ничего не произошло. Только гул в зале стал громче. Он шел волнами, то замирая, то нарастая. Казалось, все эти бесчисленные агрегаты с трудом, задыхаясь, лезут куда-то в гору. УЛИССы, стоящие у приборов, подняли на минуту свои металлические руки в знак того, что все в порядке. Из стеклянного поднебесья слетел ЭРОТ и, расправив крылья, отпартовал:

— Узлы системы омикрон-два вступили в действие. Неполодок нет.

Затем ЭРОТ улетел, а из люка выполз змей-горыныч и сообщил, что подземное хозяйство в порядке.

Я связался с Андреем по мыслепередаче и поздравил его с тем, что опасность миновала.

— Да, теперь все ясно, — ответил он. — Аквалид будет. Ты очень устал?

— Потерплю, — сказал я. — Ведь осталось всего четыре часа.

Через некоторое время я, согласно графику, нажал синюю кнопку, затем голубую. И вот в 7:39 утра была нажата последняя — белая с зеленым восклицательным знаком. После этого я откинулся на спинку кресла и задремал под негромкий гул агрегатов — этот гул был теперь ровным, убаюкивающим. Потом, сквозь дрему, я различил какие-то новые звуки. Где-то далеко, в середине зала, что-то падало через равномерные промежутки времени — падало с каким-то не то металлическим, не то стеклянным звоном. И вдруг я почувствовал, что кто-то коснулся моего плеча. Я открыл глаза. Передо мной стояла Нина.

— Вставай, соня, — сказала она. — Аквалид пошел!

— Кто пошел? Куда пошел? — не понял я спросонок.

— Ах, да идем же! Какой ты чужак!

Я окончательно проснулся, поглядел на Нину и увидел слезы в ее глазах.

— Что-нибудь опять неладно? — спросил я. — Ты плачешь.

— Да нет же, все чудесно. Я так рада за Андрея! Уж и поплакать нельзя...

— Ну, плакать надо было раньше, — резонно заметил я. — Часа так четыре тому назад, — и, встав с кресла, пошел следом за Ниной.

Мы долго шли по залу, затем свернули в какой-то закоулок. Здесь у стены стояли сменившиеся УЛИССы — они будто спали стоя. Смежив крылья и прислонившись к могучим УЛИССам, словно малые дети, спали ЭРОТЫ. У их ног, с потухшими линзами, без движения лежали ПИТОНЫ.

— Сонная семейка, — сказала Нина и походя дала щелчок ЭРОТУ — прямо по лбу. Я хотел было сделать ей замечание и напомнить, что механизмы — слуги Общества и их надо уважать, но промолчал. Я знал, что она просто засмеется в ответ. Такой уж был у нее характер.

Мы шли по направлению к тем ритмичным звукам, к звонким ударам падения, которые я слышал сквозь сон еще у пульта. Звуки эти все приближались. Вот мы свернули в коридор между какими-то машинами, и я увидел Андрея. Он осунулся, глаза ввалились. У него был вид безумного. Он стоял перед большим агрегатом, а из квадратной пасти этого агрегата в металлический ящик, стоящий на полу, со звоном падали какие-то кирпичики, похожие на лед. Один такой брусок был у Андрея, и он его перебрасывал с руки на руку, словно боясь отморозить пальцы. У меня мелькнула мысль, что все это сплошная ошибка, что вместо своего пресловутого аквалида Андрей получил самый обыкновенный лед. Боясь высказать эту мысль, я нагнулся и схватил брусок. Но, схватив, я тотчас же выронил его. Брусок обжег мне пальцы. Он тяжело, с глухим звоном упал на пол — и не разбился.

— На, возьми мой, он уже остывает, — глухо сказал Андрей и сунул мне в руку свой кирпичик. Я взвесил его на руке — он был весьма тяжел. Потом оглядел его со всех сторон. Это было похоже и на лед, и на полупрозрачный металл, и на стекло, а вообще-то говоря — ни на что не похоже.

— Значит, это и есть аквалид? — спросил я.

— Да. Это аквалид градации «А». Можно получить всякие другие разновидности, с другими свойствами. Но пока будем испытывать этот. Сейчас пойдем к КАИНу*. За ним будет последнее слово.

По крытому переходу мы направились в соседнее здание. Стены перехода были прозрачными. За ними лежали сугробы. На них ложился зеленый свет вращающегося проектора. Состояние опасности кончилось.

Мы вошли в зал, посредине которого возвышался огромный агрегат. Он уходил далеко в глубь зала, нам видна была только его лицевая сторона с двумя круглыми большими циферблатами. Над ними белел телеэкран, а внизу чернело квадратное отверстие. Все это напоминало лицо какого-то сердитого великана.

— Сейчас КАИН не пожалеет силы, — сказал Андрей и швырнул брусок аквалида в квадратную пасть агрегата. Тот глухо заурчал, потом взревел; я ощутил, как пол дрожит у меня под ногами. Два циферблата зажглись красным огнем. На телеэкране стало видно, что происходит с бруском в чреве КАИНа.

На брусок спускались стальные молоты, в него пытались вонзиться алмазные сверла, его схватывали клещи из сверхтвердых сплавов. КАИН то раскалял брусок, то бросал его в жидкие газы, охлажденные почти до абсолютного нуля. Он погружал его в кислоты и щелочи, втапливал его во взрывную камеру, подвергал губительным излучениям. Стрелка правого циферблата, показывающая силу испытания, все время дрожала на красной черте. Но стрелка циферблата, показывающего степень разрушения материала, по-прежнему стояла на белой черте, не подвигаясь ни на микрон.

Испытание длилось долго. Наконец КАИН взревел, словно в злобе на свое бессилие, и умолк. Из его пасти на пол упал брусок. Андрей поднял его. Аквалид был точно

* КАИН (Катастрофический Агрегат Испытания Надежности) был весьма нужным для своего времени, но утратил значение с открытием аквалида. Ныне экспонируется в мемориальном музее А. Светочева.

таким, как до испытания. На нем не было ни единой царапинки.

— Вот теперь можно сообщать на материк, что аква-лид — есть, — сказал Андрей.

После этого мы пошли в столовую, расположенную в центре острова моего имени. Втроем сели мы за столик в огромном пустом зале. Здесь было очень тихо, и от усталости, от необычности всего происходящего мне вдруг показалось, что я просто сплю и вижу сон. Мне захотелось ущипнуть себя, чтобы проснуться и очутиться в своем кабинете, где на столе лежат рукописи и записи для СО-СУДа, где на полках стоят привычные ряды книг...

Но вот к столику подошел САТИР и остановился, ожидая распоряжений, и я убедился, что все это явь.

— А не выпить ли нам шампанского? — сказал Андрей. — Что-что, а бутылку шампанского мы заслужили.

— Сейчас доложу САВАОФу, — произнес САТИР.

Он ушел, а я намекнул Андрею, что этак и Чепьевин-ном стать недолго — один раз шампанское, другой раз шампанское...

— Другого такого раза не будет, — ответил Андрей. — Аквалид есть, больше мне открывать нечего... — В его го-лосе мне послышалась тайная грусть, будто ему стало жаль, что все уже сделано.

К столику вернулся САТИР, неся бокалы и фрукты. Следом за ним грузно шел сам САВАОФ, торжественно неся бутылку. Он лично раскупорил ее и налил вино в наши бокалы. Мы сдвинули бокалы и слегка ударили их друг о друга (чокнулись, как в старину говорилось) и только потом выпили.

Когда мы покинули столовую, я попрощался с Ниной и Андреем и вызвал легколет. Я знал, что здесь мне больше делать нечего: сейчас нахлынут Журналисты, Корреспонденты, Ученые. Объясняться с ними — это дело Андрея.

Было уже совсем светло, и когда я летел по направлению к Ленинграду, я видел, что вся дорога на остров теперь забита элмобилями. Масса людей, неся приветственные пла-каты, шла к Матвеевскому острову, увязая в глубоком сне-

гу, но упорно продвигаясь вперед. Такого множества людей я никогда не видел.

Вернувшись домой, я завалился спать и проспал четырнадцать часов.

21. Корабль приспускает флаг

Все последующие месяцы, вплоть до июля, я усиленно работал над новым своим литературно-исследовательским трудом «Фантасты XX века». Мои Читатели, впоследствии ознакомившиеся с этой значительной (смею думать — не только по объему) книгой, едва ли поверили бы, что это монументальное исследование я создал за столь короткий срок.

Всецело поглощенный работой, я за все эти месяцы ни разу не смог побывать у Андрея на острове моего имени. Впрочем, я отлично знал, что друг мой жив и здоров. Стоило включить телевизор или развернуть газету — и сразу можно было наткнуться на его имя. Эпоха аквалида уже началась. Во всем мире строились заводы по производству единого материала, и Андрей работал над упрощением и усовершенствованием технологического процесса.

Однажды, совершая прогулку, мы с Надей остановились у памятника творцу Закона Недоступности — Нилсу Индестрому. Памятник высился все такой же мрачный, но медная доска с формулой Закона была с пьедестала снята, ибо Закон этот был опровергнут Светочевым. В таком виде памятник стоит и поныне.

В школах и институтах вводился курс аквалидоведения. Свертывалась металлургическая промышленность. Открывались массовые курсы по переквалификации Металлистов, Керамиков, Химиков, Строителей, Деревообделочников и многих других специалистов. К счастью, мне не надо было менять свою профессию.

В конце июня вышла из печати моя «Антология». С прискорбием должен сказать, что она не встретила достойного отклика. Многие журналы сделали вид, что не заметили ее, в других же появились небольшие статейки, которые никак нельзя было назвать объективными и

доброжелательными. Их авторы с энергией, достойной лучшего применения, обвиняли меня в узости взглядов, в одностороннем подборе материалов, в том, что якобы я обедняю поэзию XX века. Но, так или иначе, «Антология» вышла в свет, и я был весьма доволен этим крупным событием, оставив на совести Критиков их недостойные нападки на мой капитальный труд.

Накануне того достопамятного и печального дня, о котором пойдет речь в этой главе, Андрей связался со мной по мыслепередаче и пригласил меня на следующий день к себе, на остров моего имени. Он сообщил, что будут производиться испытания подводного тоннелепрокладчика. Не желая огорчать друга своим отсутствием, я согласился, хоть мне был дорог каждый час.

Встав на следующее утро, я не пожалел, что принял приглашение Андрея. Погода была прекрасная, на небе — ни облачка. Простившись с Надей (она в этот день не могла сопровождать меня) и взяв портфель, где лежал экземпляр «Антологии» с дарственной надписью Нине и Андрею, я вышел из дому и направился к берегу, до которого от моего жилища рукой подать. Здесь, спустившись на бон лодочной станции, я выбрал себе голубую электромоторку и стал отвязывать ее от причала.

В этот миг ко мне подошел дежурный САМСОН*. Предостерегающе прогудев, он поднял правую руку, и на металлической ее ладони зажегся красный огонек. Это был знак запрета. Другой рукой САМСОН указал мне на берег, точнее — на кабинку, где находилась электронная метеокарта. Я поглядел на небо, на горизонт. Нигде не было ни единого облачка. Придя к выводу, что САМСОН ошибся, я отвязал конец и сел в лодку.

Уважаемый мой Читатель! Никто никогда не мог обвинить меня в невыполнении каких-либо правил, и ко всем механизмам я всегда относился с должным уважением, помня, что они слуги Общества. Но с этим САМСОНОм

* САМСОН (Самодвижущийся Агрегат Метеорологической Службы Общественного Назначения) — старинный агрегат, считавшийся несовершенным уже в дни молодости автора.

№871 у меня были личные счеты. Еще в дни моего безмятежного детства этот САМСОН №871 не раз портил мне настроение, запрещая садиться в лодку при малейшем волнении на море. Уже и тогда этот агрегат был стар и бесп толков, а даром речи он вообще снабжен не был. Теперь же он стал еще и подслеповат и часто принимал взрослых за детей. Поэтому я решил пренебречь его сигналами и, включив двигатель, отчалил от берега.

Увидев, что я его не послушался, САМСОН забежал по бону, тревожно гудя и все время поднимая руку с красным огоньком, а другой тыча в сторону будки с метеокартой. Но я вовсе не желал, чтобы мой свободный день, единственный за несколько месяцев, был испорчен из-за старческой строптивости, а возможно, и личной неприязни ко мне этого САМСОНа №871. Все дальше и дальше уходил я от него в залив, задав курс электромоторке на остров моего имени.

Море лежало передо мной гладкое, словно лакированное, без единой морщинки, и очень пустынное. Ни одного корабля не заметил я ни вблизи, ни у черты горизонта. Я не придавал этому значения, целиком занятый своими мыслями. А следовало бы обратить на это внимание!

Когда я подходил к острову, подул легкий ветерок с юго-юго-запада. Мне показалось это даже приятным — слишком жарко было до этого. Привязав лодку, я вступил на остров своего имени. Меня удивило, что он безлюден. Остановив проходящего мимо УЛИССа, я спросил, где же все люди.

— Все на испытаниях. Все на испытаниях, — ответил УЛИСС.

Я начал расспрашивать его, где проводятся испытания, но этот малосообразительный детина все время сыпал какими-то терминами, а толком объяснить ничего не мог. Я отпустил его и поманил к себе пролетавшего мимо ЭРОТа — я знал, что эти потолковее. Действительно, ЭРОТ снизился, сложил крылья и встал передо мной как лист перед травой, как говорили наши прадеды, и довольно толково объяснил, что все люди сейчас находятся на Опытном поле, где скоро начнутся испытания

НЕПТУНа*. Боясь заплутаться среди всех этих корпусов, башен и иных непонятных сооружений, я попросил ЭРОТа указать мне дорогу, что тот и исполнил. Он полетел впереди меня, и через некоторое время я очутился на большой немощенной площади, которая находилась на отнятом у моря пространстве за зданием Главной Лаборатории. На площади толпилось много народу, а посреди ее возвышалось зеленоватое чудовище метров пятнадцать в длину и метра четыре высотой.

— Это и есть пресловутый НЕПТУН? — спросил я какого-то Человека.

— Да, это НЕПТУН.

Тогда я поблагодарил ЭРОТа за внимание и отпустил его лететь по своим делам, а сам, лавируя среди зрителей, подошел к НЕПТУНу поближе.

Агрегат напоминал гигантскую ящерицу, только без ног. Сделан он был из аквалида. Все тело чудовища было усеяно маленькими круглыми отверстиями, а внизу, у самого брюха, виднелось нечто, напоминавшее жабры. Чудовище оканчивалось гибким плоским хвостом на валиках. Здесь, на хвосте, был расположен небольшой пульт с кнопками, циферблатами приборов и прочей премудростью, а дальше шло несколько рядов сидений — нечто вроде скамеечек, на трех человек каждая. В целом НЕПТУН произвел на меня большое впечатление. Конечно, нынешние подводные агрегаты куда больше, но ведь это был первый агрегат такого типа.

Вскоре я увидел Андрея. В сопровождении Ученых и Журналистов он вышел из-за противоположной стороны НЕПТУНа и подошел к пульта, что-то объясняя своим спутникам. Лица многих из этих Людей были мне хорошо знакомы по книгам, газетам, журналам и телепередачам. Здесь находились все научные светила нашей планеты, а также несколько знаменитых Космонавтов; причина их интереса к этому подводному чуду, признаться, была мне тогда не вполне ясна.

* НЕПТУН (Новейший Единоматериальный Подводный Тонпелепрокладчик Учебного Назначения) — первый агрегат подводного типа. Ныне экспонирован в музее А. Светочева.

При появлении Андрея слышались приветственные возгласы, толпа зрителей зашевелилась, и получилось как-то так, что я очутился в первом ряду. В эту минуту Андрей, оторвав взгляд от пульта, выпрямился и поглядел на зрителей. Тут наши взоры встретились. Выйдя из окружения ученых светил, Андрей подбежал ко мне, схватил за руку и подвел к НЕПТУНУ. Здесь он представил мне своих коллег и затем отвел меня к пульту.

— Ты как раз вовремя, — сказал он. — Сейчас побываешь под водой — и не промокнешь. Будем испытывать агрегат. А что у тебя в портфеле?

Я пояснил ему, что в портфеле лежит экземпляр моей «Антологии» с дарственной надписью. Но я хотел бы вручить книгу сразу им обоим — и Нине, и ему. А где Нина?

— Полчаса назад уехала на островок номер семь проверить записи приборов.

— А скоро она вернется?

— Часа через полтора. Я нарочно послал ее на этот островок. Она хотела покататься на лодке вокруг нашего острова, а я ей сказал: «Уж если хочешь покататься, то поезжай на островок номер семь, сними показания».

— Там что, важные какие-нибудь приборы?

— Вовсе нет. Просто она очень устала от гостей. Пусть отдохнет от них, побудет подольше в море. Одолевают нас гости.

— Но разве ей не интересно присутствовать на испытании НЕПТУНА? Или это, быть может, небезопасно?

— Абсолютно безопасно. А на испытаниях она уже была. Мы третьего дня провели негласное испытание. А сейчас будет показательное — для всех.

Меж тем легкий ветерок, который я едва ощутил при прибытии на остров моего имени, стал сильнее. С юго-юго-запада надвигалась туча. Какая-то смутная тревога закралась в мою душу.

— Андрей, на какой лодке уехала Нина? — спросил я.

Андрей недоуменно посмотрел на меня, удивляясь кажущейся никчемности моего вопроса. Потом сказал:

— Она всегда ездит на той электромоторке, что стоит у причала за нашим домом. Такая красная лодка. А что?

— Лодка под названием или номерная?

— Под названием «Зорька». Но почему ты спрашиваешь об этом? — В голове Андрея прозвучала тревога.

А в моей памяти уже вертелась строка древнего, но вечно молодого Поэта: «...Когда розоперстая Эос...», «...Когда розоперстая Эос...» Но почему меня пугает это имя «Эос»? Ведь лодка называется «Зорька». Да, но ведь «Эос» по-древнегречески — это «заря», «зорька»!.. АНТРОПОС в своем прогнозе показал красную лодку, на борту которой было название «Эос».

— Андрей! Бежим к спасательному катеру! Отмени испытание!

Андрей побледнел, — видно, мое волнение передалось ему, и он почувствовал, что с Ниной что-то неладно.

— Объявите всем, что испытания НЕПТУНа откладываются, — тихо сказал он Лаборанту.

Мы побежали к пристани. Здесь дежурный САМСОН №223 поднял руку с красным огоньком на ладони и не хотел пустить нас на спасательный катер.

Но нам было не до САМСОНа. Мы отчалили, включив двигатель на полную мощность и дав приборам курс на островок №7.

— Вот тут обычно стоит «Зорька», вот у этой пристаньки, — сказал Андрей, показывая на маленький причал возле дома. — Здесь нет САМСОНа, а то он бы не пустил Нину в залив.

Меж тем ветер крепчал. По заливу шли волны. На них уже появились белые гребни. Тучи заволокли все небо. Стало темно.

— Я сам послал Нину навстречу этой непогоде, — сказал вдруг Андрей. — Когда я посоветовал ей поехать на островок номер семь, я сидел за рабочим столом, а за моей спиной была электронная метеокарта. Я даже не обернулся, не посмотрел, какая ожидается погода на ближайшие часы. Небо с утра было такое ясное...

Увы, небо перестало быть ясным. Ветер все нарастал. По морю шли уже не волны, а валы. Наш катер бросало, он зарывался носом в воду, вода перехлестывала через фальшборт на палубу. Капли дождя и брызги, летя почти по горизонтали, кололи лицо.

— Я вызову АИСТов*, — сказал Андрей. — Пусть они летят к островку номер семь.

Он вызвал по личному наручному прибору диспетчерскую ВСС** и дал координаты. Диспетчер немедленно ответил, что АИСТы вылетают на поиски. Далее он добавил, что немедленно свяжется с береговыми шведскими и финскими ВСС.

— Но почему Нина сама не вызвала АИСТов по личному наручному прибору? — спросил я. — Может быть, она сейчас сидит на этом островке в безопасности и ждет, когда буря утихомирится?

— Этот прибор у нее вечно валяется на столе, — ответил Андрей. — И на этот раз, очевидно, она его не взяла.

«Час от часу не легче», — подумал я и вдруг заметил, что все еще держу в руке портфель с «Антологией». Затем, открыв люк в кокпит, я бросил туда этот мокрый портфель. «Придется ли вручить Нине эту книгу?» — с тревогой подумал я.

— А где двойник Нины по мыслепередаче? — спросил я. — Помнится, эта ее подруга жила в Ленинграде.

— Она давно вышла замуж за моряка и сейчас живет во Владивостоке, — ответил Андрей.

— Одно к одному, одно к одному, — тихо сказал я.

Вскоре мы услышали рокот, шедший с неба, — он был слышен даже сквозь вой штормового ветра. Потом мы увидели пять АИСТов. Они летели со стороны Ленинграда, это были машины знаменитой Второй Балтийской Эскадрильи ВСС. Они летели, то взмывая в тучи, то снижаясь и почти касаясь крыльями валов. АИСТы напоминали своими очертаниями «ястребков» из исторических фильмов. Сходство, конечно, чисто внешнее: это были очень современные и маневренные воздушные машины. Управление на них было сдвоенное — рядом с ЭОЛом сидел Пилот-Человек. Если Пилот выбывал из строя, ЭОЛ принимал

* АИСТ (Аэролет, Ищущий, Спасующий Топущих) — очень сильная и маневренная для того времени машина.

** ВСС — Воздушные Спасательные Силы. Существуют и ныне на базе новой техники.

управление. АИСТы иногда гибли, процент опасности у Пилотов ВСС был много выше, чем у Космонавтов. Но на место каждого погибшего Пилота сразу же просились тысячи молодых людей. В Пилоты ВСС охотно брали молодых Космонавтов, списанных за чрезмерное пренебрежение опасностью. На АИСТах излишняя смелость никому не грозила гибелью, за исключением самого Пилота, но зато он, идя на риск, мог спасти чью-то жизнь. Личный состав ВСС имел свое знамя и носил одежду, напоминавшую форму военных летчиков XX века.

Когда над нами пролетели и скрылись вдаль АИСТы, на душе у меня стало спокойно. Однако теперь нам самим пришлось туго. Шторм все усиливался, нас швыряло и мотало, вперед мы продвигались медленно — мы даже еще не вышли из фарватера. Неожиданно огромный вал подхватил наш катер и ударил его бортом о фарватерный бакен. Ход замедлился. Вскоре мы почувствовали, что суденышко дало крен на правый борт. Открыв люк, я полез в трюм. Там было много воды.

— Через полчаса мы пойдем ко дну, — сказал я Андрею. — Может быть, вызовем сюда АИСТов?

— Там они нужнее, — ответил Андрей. — Двигатель ведь работает нормально. Как-нибудь продержимся.

Я пошел в кокпит. Там было по колено воды, и в воде плавал мой портфель. «Пропала моя „Антология”», — подумал я, но, как ни странно, даже не испытал при этой мысли большого огорчения. Открыв стенной шкафчик, я вынул оттуда два спасательных пояса и вынес их на палубу. Один пояс я дал Андрею, а другой положил возле себя.

— Зачем это? — спросил Андрей.

— Случись что, ты пойдешь ко дну как утюг, как в старину говорились, — пошутил я, чтобы поднять настроение своего друга.

Но моя несколько грубоватая шутка не оказала никакого действия. Андрей будто и не слышал ее.

— Я вижу что-то впереди, — неожиданно сказал он. — Кажется, это корабль.

Я стал вглядываться сквозь дождь и брызги пены. Затем я разглядел очертания парусного корабля.

— Как будто парусник, — сказал я. — Но что он делает в море в шторм? Все корабли сейчас отстаиваются в гаванях, а парусные тем более.

Мы уже вышли из фарватера и шли открытым морем. Парусник двигался наперерез нам. Черный корпус его влажно блестел, острый форштевень мощно рассекал волны. Это был большой трехмачтовый клипер. На гафеле его развевался голландский флаг. Клипер шел при неполной парусности — да и какой сумасшедший поднял бы все паруса в такой шторм!

Вскоре судно убрало почти все паруса и, замедлив ход, стало с наветренной стороны. Палуба его была безлюдна.

Затем на ней показался МАРС*. Перегнувшись через фальшборт, он спустил штормтрап и крикнул нам:

— Терпящие бедствие, держите сюда!

Заслоненные от ветра громадой парусника, мы подвели катер к его борту и по штормтрапу вскарабкались на палубу. Я успел захватить свой портфель. Карабкаясь по трапу, я держал его в зубах, чтобы руки были свободны.

— Где КАПИТАН? — обратился к МАРСу Андрей. — Я должен видеть КАПИТАНА!

— КАПИТАН стационарен, — ответил МАРС. — Могу свести к нему. Идемте.

Шатаясь от качки, мы пошли за механизмом. Он же шагал ровно, будто никакого шторма не было; его тяжелые ноги с резиновыми присосками на металлических ступнях спокойно ступали по мокрым доскам палубы.

— КАПИТАН тут, — сказал МАРС, подойдя к рубке и нажав на кнопку двери. — КАПИТАН ждет вас. Входите.

Мы вошли в помещение, где мерцали приборы, где какие-то черные и синие стрелы двигались по желтым квадратам, вделанным в стену.

— Встаньте лицом ко мне! — сказал КАПИТАН.

* МАРС (Матрос-Агрегат Регулярной Службы) — несложный, но довольно удачно сконструированный агрегат XXII в.

** Напоминаем Читателю: КАПИТАН (Кибернетический Антиаварийный Превосходно Интеллектуализованный Точный Агрегат Навигации) — старший агрегат, весьма совершенный для своего времени.

Мы повернулись к большому черному щиту с круглым глазом-линзой. Голос шел от него.

— Вижу вас. Вы — Люди. Докладываю обстановку. Везу груз из Амстердама в Выборг. Попал в шторм. Хочу переждать шторм в море. Боюсь приблизиться к берегу, разбить судно. Увидел вас локационно. Отклонился от курса, чтобы помочь. Есть желания?

— Помогите нам! — сказал Андрей и стал объяснять КАПИТАНУ, чего он от него хочет.

Впервые я слышал, что мой друг так почтительно разговаривает с агрегатом. Правда, электронный КАПИТАН был не простой механизм, а агрегат агрегатов.

— Выслушал. Понял все. Сложные условия, — сказал КАПИТАН. — Ждите решения одну минуту семнадцать секунд.

Наступило молчание. Я вдруг услышал биение своего сердца, до этого я думал, что удары своего сердца слышат только вымышленные герои в плохих романах. А кругом шла таинственная жизнь. Вспыхивали и перемигивались огоньки на приборах, жужжали какие-то аппараты. Металлическая тонкая рука высунулась из стены, завертела черный барабан, и из него выпала белая картонная карточка. Карточку сразу же всосало отверстие в той же стене, и над этим отверстием зажглись какие-то цифры и значки... Все кругом двигалось, но двигалось почти беззвучно, как во сне.

— Принял решение, — послышался голос КАПИТАНА. — Меняю курс, иду по указанному вами. Процент опасности — пятьдесят семь и три десятых. Избавьте меня от страха. Отключите реле осторожности.

Внезапно все приборы в капитанской рубке погасли, и только на стене справа от нас засветилось стекло с надписью: «Реле опасности. Стекло разбить и повернуть верньер до красной черты».

Андрей подбежал к стеклу, разбил его и выключил у КАПИТАНА эффект страха. Все приборы в рубке снова засветились.

— Идите на бак для визуального наблюдения, — сказал КАПИТАН. — Крепче держитесь за леера.

— А вы найдете, вы заметите этот островок? — спросил Андрей.

— Я вижу дальше вас, — ответил КАПИТАН. — Все вижу, все слышу, все понимаю.

Сопровождаемые МАРСом, мы с Андреем пошли на бак. Тем временем из отверстий в палубе выдвинулись трубчатые телескопические конструкции, от них ответвились витые змеевидные отростки и потянулись к реям. Клипер оделся парусами, изменил курс и пошел бейдевинд. Нос его глубоко зарывался в волны, нас обдавало брызгами. Корпус и такелаж вибрировали от напряжения. Андрей смотрел вперед, не отрывая глаз от моря. С правой руки его на мокрые доски палубы падали капли крови; руку он поранил, разбивая охранительное стекло в рубке.

«Надо бы чем-то продезинфицировать рану», — подумал я и обратился к МАРСу, стоящему возле нас:

— Где у вас тут аптечка? Есть лекарства?

— Груза, о котором вы говорите, на судне нет, — ответил МАРС, и я понял, что вопрос мой был нелеп: на корабле, где нет Людей, не может быть и лекарств. Тогда я вынул из кармана своей промокшей куртки платок и кое-как перевязал руку Андрею. Но он, кажется, даже и не заметил моей скромной медицинской помощи.

Прошло немного времени, и вдали показались очертания островка №7. Он все приближался. В сущности, это был просто кусок скалы, торчащей из моря. Над ним вились АИСТы — тут были и машины Второй Балтийской Эскадрильи ВСС, и финские АИСТы с голубыми крыльями, и шведские — белые с золотыми геральдическими львами на плоскостях. Но когда мы ближе подошли к островку, над ним уже никого и ничего не было — машины улетели на свои базы. Только два АИСТА Второй Балтийской качались на волнах возле берега.

Поперек островка лежало какое-то сооружение, очевидно поваленное ветром. Нечто вроде башенки или вышки. Возле этой упавшей вышки кто-то лежал и кто-то другой стоял на коленях, наклонившись над лежащим. Поодаль, у самой воды, понуро стоял Человек в форме Пилота.

Клипер убрал паруса и бросил якорь. МАРС спустил шлюпку, и мы с Андреем сели в нее и, преодолевая волны, приблизились к островку. Пилот помог нам выбраться на берег.

— Что с ней? — спросил Андрей.

Пилот ничего не ответил, только повел глазами в ту сторону, где Человек в форме Воздушного Врача стоял на коленях, склонившись над кем-то. Мы побежали туда.

— Она жива? — задыхающимся голосом спросил Андрей. — Почему вы не делаете ей искусственное дыхание?

— Она не утонула. Ее задело вот тем выступом вышки. Смотрите. — Врач откинул волосы с виска Нины. Ранка была совсем небольшая, крови почти не было.

— Это произошло мгновенно. Это легкая смерть, — утешающе сказал Врач, и, чтобы внести окончательную ясность в то, что случилось, он приложил ЭСКУЛАППП ко лбу лежащей.

«Ноль болевых единиц, — сказал прибор. — Ноль болевых единиц. Причина смертельного исхода по Харитонову и Бармею: градация пять-бета прим-два дробь три при полной необратимости. Смерть наступила двадцать восемь минут две секунды тому назад. Смерть наступила двадцать восемь минут четыре секунды тому назад...»

— Довольно, — тронул я Врача за плечо. — Все ясно и так...

Мы с Врачом отошли в сторону, туда, где стоял Пилот, к самой воде. Шторм шел на убыль, ветер стихал. Корабль терпеливо ждал нас. И вдруг на нем тревожно и жалобно завывала сирена. Потом я увидел, что флаг на грот-мачте тихо пополз вниз — и так и остался приспущенным, в знак траура.

«Все вижу, все слышу, все понимаю...» — вспомнил я слова КАПИТАНА.

Через два дня я пришел в Дом Расставаний в большой зал, стены которого были облицованы мрамором. Похоронный обряд был прост, длинные надгробные речи давно

отошли в прошлое. После краткого прощального слова гроб по стеклянному переходу понесли к Белой Башне на подъемник — и он вознесся ввысь.

Ближайшие родственники и друзья, в том числе и я, поднялись на открытую вершину Башни, поставили печальный груз в плоскую чашу из темного металла и положили цветы. Затем мы спустились вниз, во двор, мощный светлым камнем. Откуда-то послышалась тихая грустная музыка, и над Белой Башней взвилось легкое облако пепла и тихо спустилось к ее подножию, где растут красные и белые ирисы.

Все было кончено.

К родственникам и друзьям подошло было несколько АВГУРОВ*, но им велели отойти в сторону. При большом горе эти агрегаты только раздражали Людей. Во многом склонен я винить нынешнее поколение — и в заносчивости, и в неуважении старших, но не могу не одобрить его отказа от некоторых ненужных агрегатов, созданных в эпоху чрезмерного увлечения техническими новинками.

Когда Андрей молча, с опущенной головой вышел из Дома Расставаний, я нагнал его и спросил, не нужна ли ему в чем-либо моя помощь.

— Нет, — ответил он. — Мне уже ничем не поможешь... Я сам послал ее на смерть.

— Не говори так, Андрей! — воскликнул я. — Ты ни в чем не виноват.

— Я сам послал ее на смерть, — повторил он. — Это моя вина.

Он ускорил шаг, и я подошел к Нининой матери, чтобы сказать ей сочувственные слова.

— Этого не случилось бы, если бы она стала вашей женой, — сквозь слезы сказала Нинина мать. — С вами она прожила бы свой МИДЖ спокойно.

В глубине души я не мог не согласиться с этим утверждением.

* АВГУР (Агрегат Высокой Гуманности, Утешающий Родственников) признан ненужным и снят с производства еще при жизни Ковригина.

22. Последняя победа

Через день я связался с Андреем по мыслепередаче и был несколько удивлен, что он опять находится на острове моего имени, в своей Главной Лаборатории. Мне казалось, что горе, переживаемое им, заставит его прервать работу хоть на короткое время.

— Чем ты занят? — спросил я его.

— Сегодня состоится испытание НЕПТУНа, которое было отложено... Приезжай, если хочешь. Начало в два часа дня.

— Хорошо. Я приеду, — ответил я. — Мыслепередача окончена.

Прибыв на остров своего имени, я направился на Опытное поле, уже знакомое и мне и вам, мой Читатель, и застал здесь большую толпу, любующуюся НЕПТУНом. Но на этот раз она была молчалива: все знали о несчастье, постигшем Андрея.

Перед началом испытаний Андрей усадил меня между собой и Лаборантом на сиденье у пульта и нажал какую-то кнопку. Чудище тихо двинулось вперед, таща нас на своем хвосте.

Вскоре я понял, что НЕПТУН входит в землю. Он входил в нее под очень малым углом, и вначале уклон был почти незаметен. Сперва мы очутились как бы в овраге, а затем агрегат втащил нас в прорытый им же подземный тоннель. На агрегате зажглись лампы, и я увидел круглые стены этого тоннеля; они были как бы облицованы спекшейся массой, похожей на керамику. От них веяло теплом.

Внезапно ровный гул, издаваемый НЕПТУНом, перешел в нутужливый рев. Агрегат начал содрогаться, словно встретив какое-то труднопреодолимое препятствие.

— НЕПТУН входит в воду, — сказал Лаборант.

Вскоре забрезжил неяркий свет — стены тоннеля стали прозрачными. За ними виднелись водоросли. Над головами у нас проплывали стайки рыб. Мы медленно, но неуклонно двигались по дну залива, отделенные от воды тонким слоем прозрачного аквалида, который НЕПТУН

выработал из той же самой воды. Ощущение, надо сказать, было странное и даже жутковатое.

— А этот тоннель выдержит давление воды? — спросил я Лаборанта.

— Он выдержит любое давление. Его можно проложить хоть по дну Марианской впадины, ничего ему не сделается, — ответил Лаборант.

В тоннеле становилось все темнее: мы шли в глубину. Затем Андрей нажал какую-то кнопку — и НЕПТУН начал медленно поворачивать вправо, описывая широкий полукруг. Снова посветлело, стали видны водоросли. Вскоре мы очутились на том же самом Опытном поле, только на другом его конце. Вслед за НЕПТУНОм, выгатавившим нас на своем хвосте к дневному свету, из тоннеля начали выходить люди; оказывается, целая толпа шла за нами, совершая подземно-подводную экскурсию.

— Ну, вот и все, — сказал Андрей, отходя от пульта НЕПТУНа.

— Что все? — спросил я.

— Вообще все.

Я не стал расспрашивать его, что он подразумевает под этим «вообще все». Его окружили Ученые, Космонавты, Журналисты, и я отошел в сторону, чтобы не мешать техническим разговорам. Однако слова Андрея показались мне многозначительными, и я решил не выпускать его из виду. Когда толпа научных светил, окружавших Андрея, несколько схлынула, я подошел к нему и сказал, что провожу его до дома, на что он охотно согласился.

— Хочешь, я тебе подарю свой альбом марок? — сказал он. — Я сегодня разбирал вещи...

— Мне не нужен твой альбом, — ответил я. — Но, если хочешь, я возьму его на хранение. Когда-нибудь ты снова заинтересуешься марками, и я тебе верну его.

Мы вошли в дом. Как неуютно и пусто было в нем теперь!

— Тебе надо куда-нибудь переехать отсюда, — сказал я своему другу.

В это время мы услышали, что кто-то без стука отворил наружную дверь и вошел в прихожую. Андрей встрепенулся.

Мне показалось, что отражение какой-то безумной надежды блеснуло в его глазах.

Но это явился агрегат, это был ЭРОТ — он прилетел за указаниями. Сложив крылья, он стоял в прихожей и ждал.

— С сегодняшнего дня по всем вопросам надо обращаться к Старшему Лаборанту или к ЭЗОПу, — сказал Андрей. — Я больше здесь не работаю.

— Все понял, — ответил ЭРОТ и вышел из прихожей, тихо затворив за собой дверь.

— Вполне одобряю твоё решение уехать отсюда, — молвил я. — Но неужели ты хочешь совсем бросить свою работу?

— Моя работа кончена. Теперь все пойдет и без меня, — ответил Андрей.

— А куда ты намерен переехать? — поинтересовался я.

— Я буду жить в той избушке. Помнишь избушку в лесу, у озера?..

— Конечно, помню. Но едва ли ты там долго выдержишь, ведь там нет никаких удобств.

Андрей на это ничего не ответил, а разубеждать его я не стал — я знал его упрямство. «Ничего, — подумал я, — пусть поживет в лесу, в тишине, пусть там выплачется и успокоится». Правда, меня тревожило то, что он не только тоскует по Нине, а и считает себя виноватым в ее гибели. «Но все излечит время», — думал я.

Вернувшись домой и положив на стол альбом с марками, я рассказал Наде про свое посещение Матвеевского острова и о беседе с Андреем. Надя восприняла это трагичнее, чем я. Взяв альбом в руки и перелистав его, она вдруг заплакала.

— Это все не к добру, не к добру. Ты скоро потеряешь своего друга...

К сожалению, она оказалась права.

Вскоре Андрей покинул город и поселился у озера. Об этом кратко сообщила печать, тактично не приводя излишних подробностей. Газеты по-прежнему были полны восхвалениями создателя аквалида Андрея Светочева. В

особенности хвалы эти усилились после испытания НЕПТУНа. Сообщалось, в частности, что Комиссия Продления Жизни предложила Андрею три дополнительных МИДЖа (только подумать — триста тридцать лет!), а Комиссия Наименований хочет назвать его именем один из новых городов. Писали о проектах памятника Светочеву, о медалях в его честь... И вдруг в печати появилось знаменитое Письмо Светочева. Хотя я уверен, что Читатели мои знают это Письмо наизусть, но для полноты впечатления и дабы не нарушить стройность повествования, приведу здесь его текст:

«В силу известной мне причины, не считаю себя вправе жить больше своего МИДЖа и от продления жизни отказываюсь. Кроме того, прошу не ставить мне памятников ни при жизни, ни после смерти. Прошу не давать моего имени городам, улицам, промышленным предприятиям, кораблям и космическим средствам транспорта. Прошу не упоминать моего имени в печати, если в этом нет крайней необходимости.

С полнейшим уважением *Андрей Светочев*».

Письмо Андрея поразило меня. Я знал, что он способен на самые странные и неожиданные поступки, но такого я от него все-таки не ожидал. Отказаться от трех МИДЖей! Отказаться от трехсот тридцати лет добавочной жизни на Земле!..

Не мог я взять в толк, да и сейчас не могу понять и его столь категорического отказа от памятников, от всего того, чем вполне заслуженно хотело наградить его Общество. И до сих пор не могу я уразуметь, зачем он ушел в это добровольное изгнание, зачем поселился в старой избушке на берегу озера. Знаю: он был в большом горе. Но ведь всякое горе проходит...

23. Радость и горе

А в моей жизни тем временем произошло радостное событие: я стал отцом. Накануне я отвез Надю в роддом на углу Четырнадцатой линии и Большого проспекта и всю ночь не смог сомкнуть глаз. На рассвете слышался стук

в наружную дверь. Я сразу догадался, что это какой-нибудь механизм: ведь Люди в квартиры обычно входят без стука.

— Войдите! — крикнул я из комнаты и с трепетом стал вслушиваться в приближающиеся по коридору шаги механизма. Недавние печальные события так подействовали на меня, что теперь я ожидал любой напасти. «Вдруг это идет АСПИД?»* — возникла в моем уме страшная мысль.

Но в комнату вошел ГОНОРАРУС**, и у меня отлегло от сердца. В руке агрегат держал букет голубых садовых колокольчиков — это означало, что родился мальчик.

— Если не ошибаюсь, вы известный Историк Литературы Матвей Ковригин? — громким бодрым голосом спросил ГОНОРАРУС.

— Да, я тот, кого вы ищете, — ответил я. — Присаживайтесь.

— Ничего, я постою, — с мажорными нотами в голосе произнес мой добрый гость, кладя на стол букет. — Рад поздравить вас с рождением мальчика.

Далее он поведал мне, что Надя находится в хорошем состоянии, сообщил параметры младенца, час его рождения и откланялся. Я же поспешил в роддом, чтобы написать Наде поздравительную записку.

Мне очень хотелось в этот день связаться с Андреем по мыслепередаче и сообщить ему о том, что я стал отцом.

Но затем мне показалось, что сейчас не время для такого сообщения, ибо мое счастье только подчеркнет глубину несчастья, постигшего моего друга. Поэтому я решил отложить мыслепереговоры на некоторое время.

В сентябре я послал Андрею мыслесигнал. Андрей немедленно откликнулся.

* АСПИД (Агрегат, Сообщающий Печальные Известия Домашним) — старинный механизм начала XXII в. Давно снят с производства.

** Напоминаем Читателю: ГОНОРАРУС (Громкоговорящий, Оптимистичный, Несущий Отцам Радость, Агрегированный Работник Устной Связи) — старинный агрегат, давно признан непужным и снят с производства.

- Хочу навестить тебя, — сказал я.
- Прилетай в любое время, — ответил Андрей. — Все?
- Все. Мыслепередача окончена.

В тот же день я полетел в заповедник. Я высадился из аэролета на том же самом месте, где мы втроем сошли год с лишним назад. Сказав ЭОЛу, чтобы он летел обратно, я вступил на знакомую мне территорию. Меня охватила грусть. Только подумать, как все изменилось за это время! Тогда мы шагали здесь втроем...

И погода была не та, что в прошлый приезд. Теперь моросил дождик, лес был затянут туманом. Путь мой был устал опавшими листьями.

Но вот и жилище Лесничего. Увидав меня в окно, старый Чепьювин вышел на крыльцо и приветливо пригласил в дом. Старик по-прежнему выглядел бодро — смотрел орлом, а не мокрой курицей, как говаривали наши предки.

Но, увы, опять от него пахло самогоном.

— Ну, выкладывай, какая нелегкая тебя сюда занесла? — спросил он, усадив меня на старинный диван возле столика с древним электросамоваром. — Верно, приятеля навестить решил? Плох твой приятель, плох... Жалко мне его. Не жилец он.

— Он болен? — спросил я.

— Болен бы был — это полбеды. Здоров он. Только тоскует сильно. Не проживет он долго.

— Печаль при потере близкого свойственна каждому Человеку, — резонно возразил я. — Но от этого не умирают.

— Кто не помирает, а кто и помирает. Ты, цирлих-манирлих, по себе всех не равняй.

Эти его слова показались мне не вполне тактичными, но я не сделал ему замечания, ибо он был гораздо старше меня и к тому же «под градусом», как говорилось в древности.

— Ну что ж, я пойду к Андрею, — сказал я.

— Ишь какой прыткий, — улыбнулся Лесничий. — А посошок-то на дорожку? Гляди, мокреть какая, в такую погоду хороший хозяин собаки на улицу не выгонит. Как

же я тебя без посошка отпущу!.. Эй, старуха, тащи-ка нам сюда три наперстка.

Появилась жена старого Чепьювина и поставила на стол три больших стакана и блюдце с закуской. Я поздоровался с ней, отрекомендовался и стал ждать дальнейших действий.

— Ну, хватанем, что ли! — сказал Лесничий, подавая мне стакан. — Выпьем за мою дважды бриллиантовую свадьбу. Через четыре месяца сто пятьдесят лет исполнится, как мы со старухой вместе.

Я подумал, что хоть юбилей — дело почетное, но не рановато ли начинать праздновать это событие за четыре месяца до его календарной даты. Однако к просьбе старого Чепьювина присоединилась и его жена, и из уважения к женщине я вынужден был испить до дна чашу сию, как говорилось в древности. Закусив соленым огурцом, я распростился с почтенными супругами и направился к Андрею.

В ушах у меня шумело, голова слегка кружилась, но не было во мне той беспричинной легкой веселости, которая овладела мной при прошлогодней выпивке. Теперь мне было тоскливо, неуютно. Пробуждались воспоминания о недавнем прошлом. Вот здесь, возле дома Чепьювина, сидела тогда на скамейке Нина, и олененок терся мордочкой об ее колени, а она гладила его по спине... А вот по этой лесной дороге шли мы тогда втроем, и нам светило солнце.

Вскоре мне открылось с холма знакомое озеро и речка, впадающая в него, и памятный мост без перил. Я осторожно перешел на другой берег по осклизлым от осенней сырости бревнам и пошел к избушке. Шагах в пятидесяти от нее я наткнулся на знак одиночества. Он был прибит к ветке сухой ольхи. Но ко мне это не относилось — ведь Андрей сказал, что он будет рад моему посещению.

Войдя в избушку, я увидел, что Андрея в ней нет. Я огляделся. Комната имела жилой вид. У печки лежали дрова*, кровать была застлана, на полке стояли книги. Меня

* Дрова — продолговатые куски распиленных по горизонтالي и расколотых топором (см. Энциклопедию) деревьев. В древности употреблялись как топливо.

поразила намеренная бедность всей обстановки — ни одного агрегата, ни одного вспомогательного механизма! Только напротив простого деревянного стола на стене висела электронная метеокарта — такая же, как та, а быть может, и та самая, которую я видел на острове моего имени в рабочей комнате Андрея. Я стал смотреть на эту непрерывно меняющуюся карту. С северо-запада выплывало сероватое пятно; это означало, что дождь будет идти еще минимум часа два. «Зачем Андрей повесил здесь эту карту? — подумал я. — Ведь она ему ежедневно и ежечасно напоминает о том печальном дне...»

Внезапно я вздрогнул от какого-то странного пофыркивания. Оказывается, откуда-то вылез еж и направился к печке, возле которой на полу стояло блюдо с едой. Ежик ел, несколько не боясь меня, — видно, что Андрей приручил его.

Мне стало еще грустнее. Этот лесной зверек только подчеркивал то одиночество, в котором жил теперь мой друг.

От печальных мыслей меня отвлек приход Андрея. Он явился в болотных сапогах, в непромокаемом плаще — после блуждания по лесу. Он искренне обрадовался моему приходу, а когда я сказал, что у меня теперь есть сын и что мы с Надей решили назвать его Андреем — Андреем Надеждовичем, — лицо моего друга оживилось, и он стал похож на прежнего самого себя. Увы, недолго длилось это оживление. Беседа наша продолжалась, но я не мог не видеть, что моего друга она интересует все меньше и меньше. Он снова вернулся к своим невеселым мыслям, и я чувствовал, что разговаривает он только потому, что не хочет обидеть меня.

— Андрей, — спросил я его, — зачем у тебя на стене висит эта метеокарта? Хочешь, я отвезу ее в город?

— Был день, когда я должен был на нее оглянуться — и не оглянулся. Так пусть теперь она всегда будет у меня перед глазами.

Я ничего не сказал ему на это: я понимал, что разубеждать его бесполезно. Вскоре я попрощался с Андреем, пожелав ему бодрости и скорого возвращения в Ленинград.

Шли дни и месяцы, а Андрей все не возвращался в город. Иногда я слал ему мыслеграммы. Он отвечал, но ответы его были односложны. Меж тем настало лето. Приближалась годовщина гибели Нины. За несколько дней до этого печального дня я связался с Андреем по мыслепередаче. На мой вопрос, как он себя чувствует, он ответил: «Плохо». До этого он никогда ни на что не жаловался, и меня очень встревожил этот ответ.

— Ты болен? — спросил я.

— Нет, я здоров, — ответил он.

— Может быть, навестить тебя?

— Нет, не надо. На днях я слетаю в город и зайду к тебе. Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

Я догадался, что Андрей хочет в день печальной годовщины, согласно обычаю, побывать у подножия Белой Башни.

Но вот настал этот день — а Андрей в Ленинград не явился. Вечером я решил узнать, в чем дело, почему он изменил свое решение, — это было так непохоже на него. Я послал ему мыслесигнал, но ответа не получил. А живые всегда отвечают на вызов...

Позже старый Чепьювин, который часто навещал моего друга в его уединении, поведал, что в этот июльский день, войдя в избушку, он увидел Андрея, лежащего без движения на полу. Лесничий немедленно вызвал Врача по личному наручному прибору. Прибывший Врач констатировал смерть от острого приступа сердечной болезни. Старый же Чепьювин нашел свое медицинское определение случившемуся: «Любовь — не картошка. Тосковал он сильно — вот сердце и надорвал. Если б он с горя самогонку стал пить — может, и не помер бы, горе бы рассосалось». Эти слова старого Лесничего до сих пор почему-то очень любят цитировать биографы Светочева, находя какой-то скрытый глубокий смысл в высказывании добродушного, но малообразованного и к тому же часто нетрезвого Чепьювина.

Когда стало известно, что умер Андрей Светочев, на всей Планете был объявлен трехдневный траур. В миг, ког-

да его пепел упал на цветы у подножия Белой Башни, на всей Земле раздался тревожный вой сирен Космической Опасности. До сих пор помню этот тонкий, вибрирующий, леденящий душу вопль. Сирены эти никогда прежде в действие не приводили. В этот день их включили как бы в знак того, что потеря, понесенная Человечеством, огромна и имеет космическое значение.

24. Эпилог

Любезный Читатель!

Восемьдесят с лишним лет прошло после событий, изложенных в моем повествовании. Мир преобразовывался на моих глазах, он становился все более непохожим на тот доаквалидный мир, который изображен в моей повести. Земля вступила в эпоху Единого Сырья, в эпоху аквалидной цивилизации, основоположником которой стал мой друг Андрей Светочев. Человечество полностью освоило просторы своей Планеты и смело продвигается в Космос. Но в мою задачу не входило сравнивать минувшее с настоящим — ведь о минувшем вы знаете из истории, а настоящее видите своими молодыми глазами, которые зорче моих. Ибо я уже стар, я прожил свой МИДЖ с избытком, и недалек тот день, когда мой пепел упадет с вершины Белой Башни на цветы, растущие у ее подножия.

Прежде чем закончить свои «Записки» и поставить точку, хочу сказать несколько слов о себе.

Моя жизнь прошла не бесплодно. После «Антологии» я выпустил немало книг. Не буду перечислять их здесь, ибо каждый культурный Человек, а тем более Человек, интересующийся XX веком, должен знать эти книги.

Жена моя Надя состарилась, но, как и я, пребывает в добром здравии. Ее феноменальная память сохранилась, что немало помогло мне в работе над этими «Записками». У нас с Надей есть сыновья, дочери, внуки и правнуки. Почти все они, продолжая семейную традицию, стали Гуманитариями, а один из моих внуков, Валентин, прямо пошел по моим стопам и избрал поприще Литературоведа-Историка. Его перу принадлежит капитальный труд

«Любовь в романах XXI века в свете современной морали». К сожалению, книга эта не встретила достойного отклика и вызвала нападки некоторых недоброжелательно настроенных Критиков. Они обвиняют моего внука в тенденциозном подборе цитат, в односторонности, в поверхностном взгляде на историю литературы — и даже в «наследственной узколобости». Да, нынешняя молодежь не стесняется в выражениях. Но я спокоен за судьбу Валентина, я верю в него и горжусь им.

Некоторые опасения вызывает у меня один из моих правнуков. Порвав с семейной традицией, он стал не Гуманитарием, а Физиком, да вдобавок еще примкнул к группе Белосветова — молодого теоретика, о котором сейчас излишне много шумит пресса. Этот Белосветов со своими неопитами разрабатывает некую теорию «Великого вакуума», поражающую всякого здравомыслящего Человека своей несбыточностью. Не буду излагать вам ее подробно, так как, к сожалению, вы все ее знаете — печать вам все уши прожужжала об этой теории. Скажу вкратце, как я понимаю, о чем тут идет речь. Этот Белосветов утверждает, что если в каком-либо сосуде из абсолютно прочного материала (т.е. из аквалида) создать абсолютный («Великий») вакуум, а затем чем-то там воздействовать на этот вакуум, то можно получить Нечто. Это Нечто, по желанию экспериментатора, можно будет превратить или в универсальное вещество, или в энергию. Вот до каких Геркулесовых столпов нездравомыслия и зазнайства доходят некоторые горячие головы! Наш мир стоит на аквалиде, а им мало аквалида, им подавай Ничто, превращенное в Нечто!

Прости, любезный мой Читатель, за это научно-лирическое отступление. Но мне становится горько за моего друга Андрея, создателя аквалида, когда я слышу эти рассуждения о «Великом вакууме» — и от кого же? — от своего правнука! Уже не раз говорил я ему, что напрасно он верит в этого Белосветова, что в пустом сосуде, как ни крути, ничего не может возникнуть.

Но уж если речь зашла о сосудах, то, отбросив ложную скромность, напомним благосклонному Читателю о моем СО-

СУДе, который, в противоположность сосудам некоторых лжеученых, не пуст и продолжает пополняться. Правда, пополняется он все медленнее, ибо на Земле совсем не осталось людей, которые знают бранные слова. Старый Чепьювин, у которого я в свое время почерпнул немало крепких словечек и добротных ругательств для своего СОСУДа, ныне, увы, замолчал навеки. Несмотря на употребление крепких напитков, он прожил два МИДЖа с лишним и умер не от болезни, а в результате несчастного случая. Летя в город на совещание Лесничих и находясь в нетрезвом состоянии, он пытался спить ЭОЛа, забыв, что это не Человек, а агрегат. ЭОЛ потерял управление и врезался в землю. Теперь Лесничим в заповеднике работает сын старого Чепьювина. Он Человек непьющий. Но зато он не обладает тем фольклорным богатством, которым по праву мог гордиться его отец.

Время от времени я посещаю заповедник и хожу к озеру, где стоит избушка Андрея. Она и снаружи и внутри имеет точно такой же вид, как и при жизни моего друга. Но все это — и сама избушка, и внутренняя ее обстановка — сделано из аквалида. Ведь дерево, камень и металл разрушаются, а аквалид — вечен. На берегу озера, у обрыва, теперь стоит статуя Нины. Статуя очень красива, ее выполнил лучший Скульптор Планеты. Вообще изображения Нины можно встретить всюду, они стоят в каждом городе, в каждом саду. Как известно, Андрей просил не ставить памятников ему, и это завещание свято выполняется. Но, воздвигая статуи Нины, Люди как бы косвенно чтят память Андрея. Скульпторы и Художники, желающие изобразить Нину, часто консультируются у меня. Однако, несмотря на консультацию, они изображают ее каждый раз по-своему и обычно красивее, чем она была в жизни.

Не так давно я был приглашен в один из новых подводных городов, который решено было назвать Ниниаполисом. Город мне понравился. Все в нем из аквалида, а от океана его отделяет прозрачный аквалидный купол. И ехал я в этот город прозрачным тоннелем из аквалида, проложенным по дну океана.

Вообще аквалид настолько вошел в жизнь, что многие не представляют, как это прежде Человечество существовало без него. Однажды один из моих правнуков, самый младший, подбежал ко мне и спросил:

— Дедушка, а правда, что ты жил еще тогда, когда все вещи делали из разного? Дома — из одного, машины — из другого, корабли — из третьего, мебель — из четвертого, книги — из пятого...

— Да, это правда, — ответил я. — И первая моя книга была напечатана не на аквалидных пластинах, а на бумаге.

— А что такое бумага? — спросил правнук.

Тогда я вынул из шкафа один из экземпляров «Антологии» и показал его правнуку. Мне попался тот экземпляр с дарственной надписью, который так и не был вручен тем, кому он предназначался. От пребывания в воде надпись на заглавном листе расплылась, но слова «Нине и Андрею...» видны были довольно четко. Мне стало грустно.

— О чем это ты задумался, дедушка? — спросил меня правнук.

— Я вспомнил свою молодость, — ответил я.

— Тогда расскажи мне про то, как ты был молодым, — попросил правнук.

— Об этом долго рассказывать, — ответил я. — И потом, ты многого не поймешь и многому не поверишь.

— Тогда напиши об этом сказку, — предложил правнук.

— Я подумаю, — сказал я. — Может быть, я и напишу об этом. Только напишу не сказку, а правду. Но эта правда будет — как сказка.

КРУГЛАЯ ТАЙНА

Взаймы у судьбы

В этот июньский день Ю. Лесовалов стоял под придорожной сосной, укрываясь от ливня и поджидая загородный автобус. Шоссе здесь шло под уклон, и по асфальту бежал плоский поток, густо неся лесной сор — мелкие веточки, чешуйки шишек, желтые хвойные иглы. Казалось, все шоссе движется, как конвейерная лента. А наверху шло деловое новоселье лета. Там спешно мыли стекла, проливая на землю потоки воды; там с грохотом передвигали невидимую людям мебель; там стопудовым молотом вбивали в незримую стену незримые гвозди; там, завершая строительные недоделки, сверхурочно работали небесные электросварщики. Небо ходило ходуном, гремело, полыхало.

Во время грозы стоять под деревьями опасно, но Ю. Лесовалов не думал об этом. Он размышлял о том, как бы получше написать очерк и как бы поинтереснее его озаглавить: «Так поступают честные люди» или: «Иначе он поступить не мог». А если так: «Благородный возвращатель»? Это уже неплохо!

Дело в том, что недавно в редакцию пришло письмо, где довольно бессвязно сообщалось, что ночной сторож одного ленинградского клуба, обходя помещение, обнаружил забытый портфель, в котором находилось 10 тысяч рублей. Деньги, как выяснилось в дальнейшем, были забыты в кинозале кассиром Перичко Д. М. Кассир спохватился только на следующее утро и кинулся в клуб, где застал сторожа Н. Лесовалова, сообщившего ему, что обнаруженная находка сдана им в ближайшее отделение Госбанка в целости и сохранности. Письмо было написано и подписано Бакшеевой М. И., делопроизводителем клуба.

Завотделом Савейков решил послать на место происшествия начинающего журналиста Ю. Лесовалова, чтобы тот дал материал о честном ночном стороже. «Тем более он ваш однофамилец, — добавил Савейков. — Это даже интересно: Лесовалов о Лесовалове».

— Только не Лесовалов о Лесовалове, а Анаконда о Лесовалове, — решительно поправил его Юрий. Ему не очень нравилась его фамилия, и он избрал себе творческий псевдоним. Впрочем, статей и заметок под этой экзотической подписью в газете еще не появлялось: все материалы, которые сдавал Юрий, были слабоваты. Подозревали, что у него нет таланта. И это задание было решающим. Если очерк будет так же плох, как и предыдущие, Ю. Лесовалова отчислят.

На следующий день Анаконда (будем иногда называть его так, раз ему этого хочется) направился в клуб. Здесь он собрал некоторые сведения о Н. И. Лесовалове. Оказывается, за сторожем водились грешки. Выпивает. Иногда даже грубит начальству. Что касается найденного портфеля, то это да, это было. Но ведь это, так сказать, входит в его обязанности. В прошлом году он же, Лесовалов, нашел в зале дамскую сумочку с 58 рублями и тоже вернул по принадлежности.

Самого сторожа Анаконда в клубе не застал, и не только потому, что явился туда в дневное время, но и потому, что сторож, оказывается, третьего дня уехал в деревню Гнездово, в тридцати километрах от города: у него начался отпуск. Узнав точный адрес Н. Лесовалова, Юрий сразу же отправился на автобусный вокзал и вскоре прибыл в Гнездово.

Сторож Н. Лесовалов поселился у родственников, в дощатой пристройке. На стук открыла его жена, пожилая женщина в поношенном и не по возрасту пестром платье. Она попросила Юрия немного обождать — муж ее спал. Оказывается, вчера у него был гость. Кассир Перичко, получив утерянный портфель и раздав зарплату, вскоре приехал благодарить Н. Лесовалова за возвращение находки. Торт «Север» привез и три пачки кофе натурального. «Ну мой-то, понятно, обиделся — ему не того надо. А тот

моему говорит: "Сам после этого рокового случая водки в рот не возьму и других буду против нее настраивать". Дошло до сознания, видать», — закончила она свою речь и пошла будить мужа.

Наконец из пристройки вышел высокий старик. Он был мрачен — то ли из-за торта, то ли вообще по характеру. Известие о том, что Юрий хочет писать о нем, старик принял без должной радости.

— А звать-то вас как? — хмуро спросил он.

— Юрий Лесовалов... Но вообще-то я Анаконда.

— Что? — угрюмо переспросил старик. — Почему она конда?

— Анаконда — змея такая. Обитает в бассейне реки Амазонки, отдельные экземпляры достигают пятнадцати метров длины.

— Зачем же змеей себя прозывать? — бестактно поинтересовался сторож.

— Это мой творческий псевдоним, он звучит мужественно и романтично, — терпеливо пояснил Юрий, раскрывая блокнот. — Расскажите мне своими словами, что натолкнуло вас на благородный поступок.

— А ничего не толкало, — равнодушно проговорил старик.

— Но тогда вы, может быть, расскажете, как было дело?

— Ночью, значит, сижу в вестибюле. Вдруг почудилось, будто дымом потянуло. Ну решил в кинозал зайти. Уборщица Людка ленивая, она должна после последнего сеанса убирать, а она ушла рано, сказала, что с утра уберет. А там в заднем ряду ребята иногда курят — известно, шпана. Думаю, не заронили ли окурка. Ну вошел в зал — все вроде в порядке. Потом иду проходом — вижу, в последнем ряду из-под кресла блестит что-то. Ну, я туда. А там поллитровка стоит, на дне еще граммов пятьдесят водки осталось, а то и шестьдесят. Потом разгляделся — вижу рядом этот самый портфель лежит. Ну я, понятно, эти пятьдесят или там шестьдесят граммов допил, не пропадать же добру. Ну, а бутылку — в карман. Двенадцать копеек тоже на улице не валяются...

— А портфель, портфель?

— Ну, портфель я, значит, открыл. Вижу — деньги там и бумаги какие-то, накладные. Пошел в вестибюль, оттуда в милицию позвонил. А там дежурный говорит: «Раз есть документы при деньгах, вы лучше отнесите утром в отделение Госбанка». Ну, утром отнес, сдал под расписку.

— А какие мысли пронеслись в этот момент в вашем сознании и подсознании?

— Ничего не пронеслось, я спать сильно хотел.

Не много удалось выкачать из старика. И теперь Анаконда стоял и думал о том, как из того немногого, что он узнал, составить яркий, полнокровный очерк.

Гроза кончилась. Так как автобус все не показывался, Юрий решил пройтись пешком до следующей остановки. Асфальт был еще влажен, но поток воды уже схлынул с него. Дышалось легко. Мир был заново вымыт и проветрирован. В уме Юрия, в такт шагам, уже начал складываться костяк будущего очерка. Смущали только моральные изъяны старика: мрачность характера, недостаточная интеллектуальность, мелочность («...двенадцать копеек на земле не валяются»), невнимание к представителю прессы... Придется многое домыслить и творчески переосмыслить, чтобы создать полновесный образ благородного возвращателя.

Вдруг Анаконда остановился.

В двух шагах от обочины лежал коричневый портфель. Это был новый портфель среднего качества. Такой мог принадлежать и школьнику-старшекласснику, и студенту, и даже инженеру. Набит он был неплотно и выглядел бы совсем плоским, если бы не выпуклость в левом нижнем углу: там, по-видимому, находился какой-то предмет. Поверхность портфеля была сухая. Кто-то уронил его совсем недавно, уже после ливня, хотя никто вроде бы за это время по шоссе не проходил и не проезжал.

Оглянувшись по сторонам, Анаконда нагнулся и поднял портфель. Он оказался удивительно тяжелым. «А вдруг там золото?» — мелькнуло у Юрия.

Он еще раз оглянулся по сторонам и, торопливо покинув дорогу, вошел в лес. Сырой мох чвйкал под ногами. Горошины влаги, наколотые на кончики сосновых игл, будто подмигивали. Казалось, лес во все глаза смотрит на Юрия.

Птицы, молчавшие во время грозы, теперь пели пугающе громко.

Наконец он нашел пень, окруженный со всех сторон молодыми сосенками. Сел. Открыл замочек. В портфеле было два отделения. В одном лежал большой зеленоватый конверт, в другом — темный шар, размером чуть побольше бильярдного. Юрий взял шар и сразу же положил его обратно. Он был удивительно холодный и тяжелый. Потом вынул конверт. В верхней его части был оттиснут гриф какого-то учреждения с длинным и трудночитаемым названием, ниже шел мелкий печатный текст. Посередине конверта крупно и небрежно было написано карандашом: «10 000 р.» Неужели там действительно деньги?

Анаконда надорвал конверт сбоку. На руку его вывалилась пачка десятирублевых в полосатой банковской упаковке — 10X100. Потом пачка пятидесятирублевых (50X100). Потом опять пачка десятирублевых... Всего денег оказалось 10 тысяч, как и было написано. Юрий заснул в раздумье. В нем совместились две абсолютно противоположные и абсолютно одновременные мысли:

«Эти деньги надо обязательно отнести
совсем не обязательно относить в банк».

Он закурил сигарету, затянулся и тихо сказал молодой сосенке, росшей возле пня: «Другой бы нашел и тоже, может быть, еще подумал бы: возвращать или нет?»

После грозы наступило безветрие, сосенка стояла не шевелясь и помалкивала. Дым запутался в ветке, наклоненной над конвертом, иглы словно помутнели, расплылись. Несколько капелек тихо упали на зеленоватую бумагу. С шоссе донесся негромкий шум — шла легковая машина. Может, с нее и обронули, а теперь ищут. Но машина прошла, с дороги больше ни звука не доносилось. Мысли Юрия текли торопливо и сбивчиво:

«Старику легко сдавать деньги... Это будет гвоздевой материал. У него нет никаких культурных запросов... только подумать, как все удивятся... Старику ничего не стоило сдать деньги в банк... это будет сенсация: молодой

журналист, только что взявший интервью на такую же тему... *А мне эти деньги действительно нужны...* тоже находит портфель с деньгами и честно относит... *Они послужат мне материальной базой...* в банк, нет, прежде в редакцию, и все поздра... *Но о деньгах знаю только я...* вляют с удачей и творческим успе... *Я могу думать сам для себя: я эти деньги выиграл...*»

Он запихал пачки обратно в конверт и положил его на колени тыльной стороной вверх, чтобы не прочесть случайно грифа с названием учреждения. («Если прочту — буду знать, чьи деньги, и, значит, это будет как бы кража; если не прочту — не буду знать, откуда деньги, и это будет просто безымянная находка».) Потом снова закурил, бросил недокуренную сигарету, опять вытащил деньги из конверта, поглядел на них. Потом встал и принялся рассовывать пачки по карманам. Пиджак сразу стал теснее, он теперь плотно, как резиновая надувная спасательная куртка, прилегал к телу. Анаконда сложил конверт и сунул его в задний карман брюк. Теперь надо избавиться от портфеля, забросить его куда-нибудь, где бы никто никогда его не увидел. На шоссе лучше не возвращаться, надо выйти лесом на другую дорогу.

«Но я не навсегда беру эти десять тысяч! — решительно сказал он сам себе. — Я беру их в долг у судьбы. Когда-нибудь я буду хорошо зарабатывать и тогда прочту то, что написано на конверте, узнаю, кому эти деньги принадлежат, и верну их. Я снесу их в Госбанк и скажу: «Примите сумму от неизвестного...»»

Он стал углубляться в лес, стараясь идти по прямой. Но вскоре пришлось свернуть: помешала колючая проволока. Темная, словно разбухшая от ржавчины, она висела на полусгнивших кольях, спиралями вилась по земле. Юрий свернул направо и вышел к траншее. На бруствере ее росли осинки. На дне, поросшем длинной травой, стояла холодная прозрачная вода. «Вот сюда и зашвырну этот портфель», — подумал Анаконда. Но не зашвырнул, передумал: «Другое место найду. Как-то нехорошо бросать его сюда...»

Он торопливо пошел дальше, все ускоряя шаг. Начались низина, кочки, хилые болотные березки. Показалось

маленькое озерцо с рыжей торфянистой водой. Он пошел вдоль топкого болота. «Портфель сразу потонет из-за этого тяжеленного шара, что в нем лежит, — размышлял он. — Хоть какая-то польза от этого дурацкого шара».

Он раскачал портфель и бросил его в озеро. Тот, описав параболу, тяжело ударился о воду и ушел в глубину. По озерцу побежали круги, всплыли со дна пузыри и полопались, потом все успокоилось. Теперь никто ничего никогда не узнает.

Явление шара

Изрядно проплутав по топкой низине, Юрий наконец отыскал хорошо утоптанную лесную дорожку. Она, видно, вела к проезжей дороге. Юрий шагал торопливо.

Уже вечерело. Ему было холодно, на болоте он промочил ноги. Ботинки теперь никуда не годились. «Не беда, — размышлял он, — завтра же куплю новые и вообще приступлю к серьезным покупкам. Обязательно — хороший костюм, потом — магнитофон, потом...» Тут он услышал за своей спиной шорох и оглянулся на ходу.

По дорожке за ним катился шар. Темный шар, размером чуть побольше бильярдного.

Анаконда остановился. И шар тоже остановился шагах в трех от него. Анаконде стало не по себе.

— Тот я забросил в озерцо вместе с портфелем, тот утонул по всем законам физики, — сказал он и, подойдя к шару, нагнулся и взял в руку. Шар был тот же самый! Очень тяжелый, очень холодный... Юрий вспомнил, как спортсмены толкают ядро, изо всех сил метнул его в мох и быстро зашагал дальше.

Впереди был овражек с мостиком через ручей. «Надо скорей перейти этот мостик», — сказал себе Юрий и оглянулся.

Шар двигался за ним по дорожке. «Какой упрямый! — мелькнуло у Юрия. — Прямо Константин!» (Константин — это был такой один мальчишка с их двора. Все ребята его дразнили: «Костя, Костя, Константин, играть с Костей не хотим!», а он бегал за ними — бритый, круглоголовый,

неотвязный, удивительно неутомимый. Теперь он боксер в весе пера.)

Да, шар катился за Юрием по дорожке.

— Ну так дело не пойдет! — крикнул Анаконда и бросился к шару. Схватив его, он добежал до мостика — двух бревен, перекинутых через ручей, — и кинул в воду, в темный омут. Шар скрылся в глубине. — Там тебе и место!

Юрий сделал два шага, оглянулся и увидел: шар всплыл и катится к нему по поверхности воды, против течения.

Тогда Юрий бросился со всех ног. Взяв шар, он опять оглянулся. Константин (будем так иногда называть шар для разнообразия, чтобы не утомлять читателя частым повторением слова «шар») без усилий вкатывался за ним по наклонной плоскости. Анаконда кинулся в лес и стал петлять между стволами, чтобы сбить шар со следа. Но вскоре обнаружил, что тот теперь движется по воздуху, на уровне его головы. Константин перемещался в пространстве, выбирая в просветах между стволов кратчайшие прямые. Движения его не походили на полет: это были как бы беззвучные броски по горизонтали. Порой он менял направление под прямым углом, действуя вне закона инерции. Он ни разу не задел ни одной ветки у живых деревьев, но когда на его пути встала сухостойная сосна, он, не замедляя хода, беззвучно прошел сквозь ее ствол, и там осталось правильное круглое отверстие.

Анаконда выбежал на полянку, где догорал костер. Очевидно, недавно, уже после ливня, здесь отдыхали городские охотники, эти отважные борцы со всеми живыми беззащитными тварями. Юрий сел на пенек, чтобы отдышаться. Константин застыл в воздухе в трех шагах от него: он висел над землей неподвижно, будто покоясь на незримом хрустальном столбе.

У Анаконды возникла одна идея. Он пошел в лес собирать валежник. Шар, не снижаясь, последовал за ним. Набрав большое беремья хвороста, Юрий бросил его в костер, и тот разгорелся, взметнул высокое пламя. Тогда, подойдя к висящему в воздухе шару. Анаконда нажал на него ру-

кой, чтобы подтолкнуть к огню. Но Константин не поддался. Анаконда жал на него изо всех сил, но шар висел, будто накрепко впаянный в пространство. Юрий в изнеможении сел на пенек, огорченно уставился в землю. И вдруг шар, будто угадав, чего от него хотят, снизился и добровольно вкатился в костер, в самую сердцевину, под горящие сучья.

— Туда тебе и дорога! — с облегчением сказал Анаконда.

Закурив, он протянул ноги к огню. От сырых ботинок пошел пар, ногам стало тепло. В мире стояла тишина, птицы уже улеглись спать. Вечерняя синева тянулась из лесу на поляну и смешивалась с дымом костра. Костер горел ярко и дымно. «У шара, верно, все механизмы от жара уже полопались, скоро можно и идти, — размышлял Юрий. — Но до чего нынче у нас всякая техника дошла, такой шар сконструировать! Умные какие-то головы думали, да чего-то не додумали: сам, дурак, в огонь вкатился... Ну, теперь можно идти. Надо бы только костер загасить. Сейчас наломаю веток и собью огонь».

Анаконда встал, сделал два шага. Вдруг горящие ветви в костре зашевелились, и Константин всплыл из огня, повис над красными лохмотьями пламени. Юрий, поплевав на пальцы, коснулся шара... Такой же холодный, как до костра! «Может, я с ума сошел? — подумал Анаконда. — Но только какие к тому предпосылки? Ведь я ни о каких шарах никогда не задумывался. И вообще ничем круглым никогда не интересовался, даже за круглыми пятерками не гнался. Когда глобус проходили — географ мне двойку влепил. И в футбол я не играю, и в баскетбол не играю. А что шариковой ручкой пользуюсь, так ими все теперь пишут...»

Прервав его размышления, из шара, как струя воды из брандспойта — только совсем беззвучно, — ударил круглый, лимонно-желтый луч света. Шар направил его на костер, и тот сразу погас, почернел, ни единого красного уголька не осталось. В тот же миг погас и лимонно-желтый луч. И хоть стояла пора белых ночей, но здесь, в лесу, сразу стало темновато. Анаконда растерянно стоял среди поляны, не зная, в какую сторону ему идти.

Внезапно шар метнулся в воздухе туда-сюда, будто желая привлечь к себе внимание. Из него устремился вниз конус синеватого света. Потом он плавно двинулся вперед, и Юрий пошел за ним. Трава и мох, которых коснулся луч, не сразу исчезали в темноте; они продолжали светиться некоторое время после того, как шар уже миновал их. Анаконда шел как бы по светящейся тропинке. Она неспешно гасла за его спиной. «Шар меня преследует, но он же и помогает мне, — размышлял Юрий на ходу. — Он вроде бы взял шефство надо мной... Но, может быть, в этом и есть самое плохое?» Константин вывел его на шоссе и сразу погас. Справа за дюнами шумело море, впереди виднелась бетонная будочка — автобусная остановка. Возле нее стояло несколько человек.

«Раз от него никак нельзя избавиться, то надо обязательно спрятать его, чтобы люди не видели», — подумал Юрий. Сняв берет, он подошел к шару, чтобы взять его. Тот спокойно улегся в берет. Но нести было трудновато, это был очень тяжелый шар.

А спросят: «Чего это у тебя там?» — скажу: «Это я камень интересный нашел...»

А если попросят показать?..

Но никто из пассажиров ничего не спросил.

В мире прекрасного

Уже за полночь поднялся Анаконда на свой шестой этаж. По причине позднего часа дверь квартиры была закрыта на цепочку, пришлось звонить. Открыл Вавилон Викторович, самый поздноложящийся жилец квартиры. На Вавике (так заглазно звали его соседи) голубела пляжная пижама, грудь украшал большой морской бинокль, висящий на лакированном ремешке.

— А это что? — торопливо спросил он Юрия, взглянув на берет. — Ежа отловили?

— Нет, это не еж... Так, ерунда... — смущенно пробормотал Юрий.

Но Вавик уже забыл, о чем спрашивал. Он поспешно направился к двери своей комнаты, которая находилась рядом с комнатой Юрия.

— Анжелика прическу новую сделала, — озабоченно бросил он на ходу. — Может, зайдете, Юра? Одолжу цейс на три минуты.

— Вавилон Викторович! Я считаю аморальным подглядывать за девушками! — привычно негодующим тоном заявил Анаконда, возясь с ключом.

— Я же их не трогаю! — уже из-за двери произнес Вавик. — Не мешайте мне жить в мире прекрасного!

Анаконда вошел в свою комнату и положил берет с шаром на стул. Потом включил свет и закрыл дверь на задвижку. Надо куда-то спрятать деньги. Обстановка десятиметровой комнатки не изобиловала тайниками. Имелась кровать металлическая, старинная этажерка, желтый крашенный шкаф, два стула и современный письменный стол. Все, кроме письменного стола, досталось Юрию в наследство от тетки, которая воспитывала его. Она умерла в позапрошлом году. Родителей Юрий не помнил.

«Пока спрячу деньги под изголовье, — решил Анаконда и, пересчитав пачки, положил их на панцирную сетку, приподняв матрас. — Только подумать, какой я теперь богатый человек!.. И главное — никто не знает...»

Услыхав негромкое паденье чего-то, он оглянулся. Это берет упал со стула. Шар висел в воздухе в трех шагах от Юрия, на уровне его глаз.

«Деньги деньгами, а вот это бесплатное приложение мне не очень-то нравится, — промелькнула мысль. — Но, если здраво рассуждать, вреда от него нет. Надо только, чтобы никто, кроме меня, его не видел».

Шар безмолвно висел среди комнаты. В квартире все спали. Только из-за стены слышен был голос Вавика:

В стране далекой юга,
Там, где не злится вьюга,
Жил-был Джон Грей — ковбой...

В часы хорошего настроения он часто напевал эту песенку.

Вавилон Викторович был начинающий пенсионер, ему шел шестьдесят второй год. В квартиру он въехал в результате обмена полтора года тому назад. Он не пил, не

играл в домино, но у него было странное хобби. По вечерам, выключив свет в своей комнате, часами просиживал он с биноклем у окна. Перед домом находился большой квадратный сквер, а за ним, уже на другой улице, высокое семиэтажное здание. В двух верхних (по четырнадцати окон в каждом) этажах этого здания жили студентки санитарно-экономического техникума. Уверенные в своей визуальной недосыгаемости, они редко задергивали занавески, и Вавилон Викторович с помощью оптики имел возможность вникать в их быт. Всех девушек он давно знал в лицо и для каждой придумал звучное имя. Там, в скромных четырехкопеечных комнатках, жили Одетты, Хабанеры, Травиаты, Аиды. Соседи по коммунальной квартире догадывались о вечерних наблюдениях Вавика и относились к ним отрицательно. Но дело это труднодоказуемое и почти ненаказуемое. Когда Вавилону Викторовичу намекали на то, что поступает он не совсем хорошо, он отвечал:

— У меня нет средств на покупку телевизора. Это общежитие напротив — мой телевизор в двадцать восемь экранов. Девушкам я ничего плохого не делаю! Я не смотрю на них, когда они в дезабилье, я честно отворачиваюсь! Я люблю их отечески, оптически и платонически!

Юрий вдруг почувствовал, что очень голоден. Еще бы, столько часов провел в лесу и ничего не ел! Взяв с подоконника чайник, он направился на кухню. Шар поплыл сзади. Пришлось пропустить его в дверь. Юрий тихо прошел коридором, вошел в кухню, зажег газ. Шар был тут, он не отставал. Сопровождаемый им, Анаконда сходил в ванную, умылся, потом вернулся к плите. Чайник уже шумел.

Вдруг из коридора послышались тихие шаги. Видно, Вавилон Викторович покинул свой наблюдательный пост и решил перекусить. Сейчас он войдет сюда и увидит Константина!.. Что делать?! Юрий открыл дверцу газовой плиты и втолкнул шар в холодную духовку. И как раз вовремя. Вошел Вавик.

— Тоже чайком решили побаловаться? — спросил он, зажигая конфорку. — А булки не успели небось купить... Идемте ко мне, я вам одолжу, как ассистент ассистенту. —

Это выражение означало в устах Вавилона Викторовича наивысшую и наиболее благороднейшую форму человеческих отношений.

Он вышел из кухни. Юрий пошел за ним. В комнате Вавилона Викторовича пахло трубочным табаком и хорошим туалетным мылом. Окно было открыто. Внизу, в сквере, поблескивая молодой листвой, тихо стояли деревья. Вдали, над деревьями, через сквер виднелись окна общежития. Почти все они были уже темны.

— Вот, берите булку, — сказал Вавик. — Со мной не пропадете... А это что такое? Вот так так! Это ваш?

Константин висел в воздухе в трех шагах от Юрия.

— Да, это мой...

Вавилон Викторович взял шар в руку. Тот дался без сопротивления. Потом Вавик отпустил его, и шар повис в прежнем положении.

— Какой тяжелый и холодный! — сказал Вавик. — И притом не падает... Как умопомрачительно прогрессирует прогресс! Электрички, синтетические танки, размножение атома, транзисторы... Шарик этот вы не в Гостином дворе приобрели?

— Нет... Мне его подарили... Я прошу вас...

Но Вавилон Викторович уже не слушал. Заметив, что одно из окон в общежитии зажглось, он метнулся к торшеру, выключил свет и теперь, вскинув бинокль, стоял у своего окна, зорко вглядываясь в даль, как капитан на мостике корабля.

— Аделаида домой наконец явилась, — объявил он. — Видно, со свидания только что пришла, в такую позднь. Трудно мне с вами, девушки, болею душой за ваш моральный уровень!.. А Леонкавалла все у окна сидит, читает...

— Это композитор был такой Леонкавалло, — несмело уточнил Юрий. — Женского имени нет такого.

— А вот есть! В мире прекрасного свои законы, — отпаривал Вавик. — Вы поглядите, поглядите на нее! — Он сунул цейс в руки Юрию.

Анаконда, боясь рассердить Вавилона Викторовича, ибо теперь кое в чем зависел от него, поднес к глазам бинокль. Там, очень далеко и в то же время очень близко, за

столиком возле окна сидела белокурая девушка в голубой кофточке. Окуляры обвели ее лицо тончайшей радужной каймой, как бы нимбом. Девушка что-то читала. Лицо ее было задумчиво.

— Славная девушка, — сказал Анаконда. — Очень симпатичная.

— Я же говорю: чистая Леонкавалла, — подтвердил Вавик. — Жемчужина общежития! И притом безупречного поведения. Другие по танцулькам шастают, а она все книги читает. Маленькие такие книжечки.

— Может, стихи?

— Не знаю. Текста бинокль не берет. Давно уж надо мне технику посильнее... Тут один человек подзорную трубу продает. Трофейная, с немецкой субмарины. Да вот с материальными средствами у меня туго... А чайник-то, наверно, вскипел уже!

— Вавилон Викторович, у меня к вам просьбочка, — торопливо сказал Анаконда. — Очень прошу вас никому не говорить об этом шаре.

— О шаре!.. Буду нем как рыба или даже как могила. Но и вы сделайте одно благородное дело. Одолжите мне на эту самую подзорную трубу. Требуется восемьдесят пять дублонов, как говорили древние греки.

— Хорошо, — ответил Юрий. — Я вам одолжу.

Вавилон Викторович пошел к двери, за ним двинулся Анаконда, сопровождаемый Константином. Вдруг Вавик сказал удивленно:

— А это что такое? Дыра в двери! Хотел бы я знать, чье это самоуправство!

Действительно, в филенке виднелась дыра, абсолютно круглая, с ровными краями. Никаких опилок. Никаких отходов производства на полу не валялось.

— Это шар дыру проделал, — дрожащим голосом объяснил Юрий. — Когда мы вошли сюда, то сразу же закрыли дверь за собой, а он всюду за мной летает.

— Ладно, я завтра рано утром эту дыру фанеркой залатаю. Все будет шито-крыто... А пиастры, как их называли древние римляне, вы сегодня мне сможете дать?

— Да.

В кухне обнаружилась еще одна проделка Константина. В дверце духовки зияла круглая дыра. Константин без труда прошел сквозь два железных листа, из которых она была склепана. Края дыры — абсолютно ровные, без заусениц и наплавов.

— Ловко ваш шарик действует, — сказал Вавилон Викторович. — Ну ничего, у меня один знакомый есть, он эту дверцу заменит... Кстати, у этого человека имеется продажное зубоврачебное кресло, давно я о таком мечтал. И просит он за него всего шестьдесят пять...

— Но зачем вам оно? — удивился Анаконда. — Вы ведь не зубной врач.

— Конечно, я не зубной врач, — охотно согласился Вавик. — Но у кресла подлокотники очень удобные, и при том наклон головы можно регулировать, чтобы шея не уставала. Из такого кресла наблюдать очень уютно, и я буду меньше выходить из комнаты, и, значит, меньше шансов будет, что я кому-нибудь случайно проговорюсь насчет шарика.

Верховный сдаватель бутылок

Когда наконец Юрий улегся в постель, он мгновенно стал подданным автономного государства снов, где не было никаких денег и никаких Константинов. Проснулся он после полудня — так намаялся за вчерашний день. В трех шагах от его изголовья, на уровне глаз, висел в воздухе темный шар.

«А деньги?! — встрепнулся Юрий. — Вдруг они только почудились? Шар есть, а денег нет?!» Он вскочил с кровати, приподнял матрас. Пачки лежали как миленькие. Одна была чуть потоньше других — из нее он вчера вытащил пятнадцать десятков для Вавика.

Перед тем как идти в булочную, он обернул шар газетой и сунул его в продуктовую сеточку. Константин не оказал никакого сопротивления. «Не так уж плохо дело, — подумал Юрий. — Константину нужно находиться все время около меня, но в каком положении и в какой упаковке — это ему все равно. Он совсем не стремится к саморекламе.

Что ж, ночью буду выпускать его, а днем носить с собой, только и всего. Правда, тяжеловат он, но тут уж ничего не поделаешь».

Проходя мимо двери Вавика, Юрий с удовлетворением отметил, что отверстие аккуратно заделано фанеркой, и фанерка покрашена цинковыми белилами. А когда пришел на кухню, то сразу бросил взгляд на дверцу газовой плиты. Она была новая, без всякой дыры. Вавилон Викторович сдержал свое слово. «Все-таки совесть у него есть, — подумал Анаконда. — Правда, совесть дорогая, она мне обошлась в 150 р. 00 к., но лучше уж такая, чем никакой».

Наконец, позавтракав и тщательно заперев дверь своей комнаты, Юрий отправился в Гостиный двор делать покупки. Когда он подъезжал к универмагу на такси, у него мелькнула мысль, что хорошо бы, расплатившись с шофером, быстро захлопнуть за собой дверцу машины, а шар в сеточке оставить на сиденье. Но он быстро отсеял это искушение. С Константином шутки плохи: возьмет да и пробьет собой дверцу «Волги», будет скандал. Лучше уж с ним не ссориться.

Войдя в Гостиный двор. Анаконда первым делом купил сумку — помесь рюкзака с авоськой; такую можно носить и в руках и за спиной. Положив сеточку с Константином в эту удобную сумку, Юрий приступил к дальнейшим приобретениям. Больших денег у него никогда не водилось до этого случая, и поэтому он решил вначале потренироваться на легких мелких тратах, а потом уже покупать дорогие вещи. Для разгона купил подстаканник, портсигар металлический с изображением Петропавловского шпиля, пластмассового пингвина, носки, рожек для надевания ботинок, сахарницу из оргстекла, электрический фонарик, зажигалку с газовым баллончиком, вечный календарь, фарфоровую лисицу и настольный термометр. Потом пошел по второму кругу: купил хорошие ботинки за 35 р., четыре рубашки, джемпер в подарок Кире (45 р.), джемпер себе за 37 р., костюм за 178 р., фотоаппарат «Киев». «На сегодня хватит, — решил он. — Завтра продолжу это приятное занятие, а сейчас перекушу где-нибудь на Невском, а затем поеду домой».

Обремененный покупками, вышел Анаконда из универсама. Вскоре, сидя за столиком, он с удовольствием ел бутерброд с копченой колбасой, запивая его кофе. Вдруг кто-то пропитым, но громким голосом произнес над самым его ухом:

Живи, дитя природы,
Будь весел и здоров,
И кушай бутерброды
На грани двух миров.

Юрий вздрогнул и поднял глаза. Перед ним стоял молодой человек с припухлым лицом. В руке он держал сеточку, набитую пустой винной посудой.

— Зазнался, Юрка, не узнаешь школьного товарища! — воскликнул незнакомец и снова перешел на стихи:

Я верховный сдаватель бутылок
И несбывшийся юный поэт.
Положи мне ладонь на затылок
И почувствуй горячий привет!

Ладонь на затылок ему Анаконда класть не стал. Он распознал в молодом человеке своего одноклассника Толика Древесного. Толик, будучи в школе, слыл начинающим поэтом. Он непрерывно помещал свои стихи в стенгазете, участвовал в поэтических турнирах и вернисажах; на него возлагали большие надежды. После выпускного вечера Анаконда не встречал его ни лично, ни на страницах печати. Теперь Древесный выпрыгнул из небытия в самом неожиданном виде и в самый неподходящий момент.

— Приветствую тебя, Толя! — сказал Юрий, сделав заинтересованное лицо. — Как дела? Где трудишься?

Древесный громкогласно ответил стихами:

В управлении винтреста
Я работал день за днем,
Но отчислен я от места,
И душа горит огнем.

Из-за соседних столиков на них начали поглядывать. «Не вляпаться бы в историю, — обеспокоился Юрий. — Заметут в милицию, а там обнаружат шар».

— Сейчас мы зайдем в гастроном, а оттуда ко мне. Я тебя познакомлю с Тусей, — заявил Древесный и опять перешел на стихи:

Небесный ангел симпатичный
Имелся в небе голубом,
Имел оценку на «отлично»
В моральном смысле и любом.

Он стал объектом материальным,
Женой мне стал. О, счастлив я...

— Идем скорее! — сказал Анаконда, поспешно беря сумку с Константином и свертки с покупками. Древесный пошагал за ним.

Шар не бездействует

На другой день Анаконда проснулся с каменной головой. Мутило. На полу валялись помятые, рваные пакеты с покупками. Шар висел в воздухе в трех шагах от кровати. Юрий повернулся на другой бок, попробовал снова уснуть, но такая тоска напала, что сон не шел. Жизнь стала казаться нелепой и напрасной. Юрий вспомнил, что до сих пор не выполнил редакционного задания. Он чувствовал полное отсутствие творческих сил. Потом припомнилась дурацкая вчерашняя пьянка и как его выгнал этот трепач Древесный. А в каменной голове стучали пневматические молотки, визжали дисковые пилы, грохотали ящики с пустой винной посудой.

«Хорошо бы уснуть и не проснуться, — с тоской подумал Анаконда. — Чтоб не было ни головной боли, ни шара, ни даже меня лично... И зачем я польстился на эти деньги!...»

Комната осветилась на миг розоватым светом. Константин приблизился к Анаконде, застыл сантиметрах в восьмидесяти от его лица. На шаре образовался небольшой нарост. Нарост протянулся в сторону Юрия, превращаясь в тугую спиральку. На конце спиральки возникла плоская площадочка. На площадочке выросла маленькая прозрач-

ная мензурка. Мензурка наполнилась жидкостью с голубоватым отливом.

— Отравить меня хочешь! — сказал Анаконда. — Ну и отравляй, так мне, негодяю, и надо!

Взяв мензурку, он залпом выпил горьковатую жидкость и отшвырнул сосуд. Площадочка метнулась на спиральке, поймала мензурку, и все втянулось в шар. Он опять был гладким, без единой выпуклости. Юрий же стал ждать печального конца.

Но жидкость оказала иное действие. Головная боль пошла на убыль, тоска отхлынула. Анаконда уснул. Проснулся через час бодрым и здоровым. Решил сразу же взяться за дело. Сел за стол. Принялся писать очерк. Вскоре очерк был написан. Начинался он так:

БЛАГОРОДНЫЙ ВОЗВРАЩАЛЕЦ

С лукавинкой, с бодрым юморком и смешинкой встретил меня благородный возвращалец Н. И. Лесовалов в своем скромном, но уютном загородном жилище. Весь высокий настрой жизни благородного возвратителя располагает его к широкой возвращальческой деятельности. Когда я посетил его, этот выдающийся возвращалец пил желудевый кофе на веранде. Из радиолы лилась мелодичная скрипичная рапсодия. Из магнитофона струилась раздумчивая рояльная мелодия.

— Люблю этот полезный напиток, — с ласковым прищуром поведал мне маститый возвращатель. — В особенности приятно его пить под задушевную, с грустинкой музыку Баха, Римского-Корсакова и др. выдающихся композиторов. С бо-соногого детства у меня паличествовало два хобби: музыка и возврат находок. Я любил вручать людям утерянные ими монеты, предметы и пищевые продукты...

Очерк занял одиннадцать страниц от руки. «Значит, на машинке получится страниц девять, как раз на подвал. На днях приобрету машинку, благо деньги есть. Но хорошо бы сегодня же материал перепечатать...»

Юрий шутливо обратился к шару:

— Хоть бы ты, Константин, мне помог. А то висишь тут в воздухе без дела.

Константин мигнул лиловатым светом. Из шара выдвинулось два витых отростка и несколько штрей. Они

опустились на стол, стали расти, переплетаться, образуя сложную рабочую систему. Через четырнадцать секунд один из отростков уже держал в темных пластинчатых зажимах страницу рукописи. По строчкам, считывая текст, скользил тонкий синеватый лучик. По чистому листу, зажатому в комплекс каких-то реек и пружинок, беззвучно двигался маленький цилиндр, оставляя за собой четкий машинописный текст.

Через три минуты сорок семь секунд рукопись была перепечатана в трех экземплярах. Затем рабочая система начала расплываться, уменьшаться. Шар, втянув в себя штыри и отростки, опять стал гладким. Анаконда тщательно сверил свой текст с машинописным. Ни одной опечатки. В двух местах Константин даже исправил описки. Эта способность шара к корректировке неприятно поразила Юрия.

На следующее утро Анаконда поехал в редакцию. Увы, очерк был встречен холодно. Савейков сказал:

— Много фальши и ложных красот. Не ладится у вас дело. И старик не получился. Он теплый, но бледный. Попробуйте его охладить и оживить. Я там кое-что подчеркнул.

Взяв исчерканную Савейковым рукопись, Юрий упрямо побрел домой — оживлять старика. Но как это сделать — он не знал. Он чувствовал, что лучше написать не может. С горя пошел во Фрунзенский универмаг, купил себе пару нейлоновых рубаш, потом подумал, подумал и приобрел таллинский подсвечник и фарфорового баяниста. Так как покупки были малогабаритные и уместились в сумке, он решил на этот раз не брать такси, а ехать домой троллейбусом. Народу в троллейбусе оказалось немного, и Юрию досталось место у окна. Но не проехал он и двух остановок, как из рюкзака послышалось жалобное мяуканье. «Что за черт! — удивился он. — Никакая кошка попасть туда не могла. Это не иначе проделки Константина».

Между тем мяуканье становилось все громче и жалобнее.

— Безобразие какое! — сказала, обратясь к Юрию, женщина, сидящая через проход. — Если завели кошку, то

незачем ее мучить. Вы затиснули ее своими покупками! Она задыхается в вашей сумке.

— Извините, гражданочка, никакой кошки у меня нет, — вежливо возразил Анаконда.

— Мы глухие, что ли! Врет и не краснеет! — слышались возмущенные голоса.

— Он украл где-то ценного кота, вот и прячет. Я по голосу слышу: это ангорский кот, — высказался пожилой гражданин-котовед.

— В милицию бы надо свести! — сказал кто-то. — Там выяснят, где тут собака зарыта!

Анаконда схватил рюкзак и спешно направился к выходу. Он сошел за пять остановок от дома. Едва ступил на асфальт, как мяуканье прекратилось. Но ехать уже не хотелось, пошел пешком. Он шел и размышлял о причинах Константина.

Подходя к своей улице, он увидел толпу. Она уже начинала таять, насытая созерцанием происшествия. Троллейбус, тот самый — Юрий запомнил номер на кузове, — стоял сильно накренысь. В правом борту виднелась большая вмятина. Окно было вдрызг разбито. Это было то самое окно, у которого недавно сидел Юрий.

— Грузовик проскочить хотел, — пояснила Анаконде какая-то гражданка. — Пассажиры все живы, отделались ушибами и испугами. Хорошо, что вон у того окна никто не сидел — не поздоровилось бы!

До Юрия дошло, что Константин его спас. Но когда отхлынула волна радости, на душе стало мутно: раз может спасти, может и погубить.

Разрыв с Кирой

Дома Юрия ждала телеграмма: «Прилетела Крыма жду завтра даче Кира». Текст и обрадовал и встревожил. В предыдущее свое возвращение Кира прислала телеграмму с юга, чтобы Юрий встречал ее на аэродроме. Может быть, на этот раз кто-то сопровождал ее в самолете?

С Кирой Анаконда познакомился два года назад на студенческой вечеринке. Девушка ему очень понравилась. Они

стали вместе ходить в кино, в театры и на пляжи. Но о любви еще ни слова не было сказано. Кира — девушка самостоятельная и с гонором, к ней не так-то легко подступиться. Она недавно окончила университет и теперь работала лаборанткой в одном биологическом институте. Отец ее был видным профессором гальванотерапии, имелись дача и машина. К чести Юрия надо сказать, что он, когда знакомился с Кирой, не знал ни о звании ее отца, ни о «Волге», ни о даче. Наоборот, он был смущен, узнав о высоком материальном уровне девушки. Отчасти из-за этого он не пошел после окончания института работать по своей специальности, а устроился в редакцию. Ему хотелось стать известным журналистом и тем самым доказать Кире, что и он не лыком шит. Но, к сожалению, с журналистикой не ладится. Уже три месяца он числится в редакции, но все его материалы бракуют. Теперь единственная надежда на очерк о благородном возвратителе.

Юрий заставил себя усесться за стол и принялся перерабатывать очерк. Однако дело не клеилось. Константин висел рядом, но работе не содействовал. Видно, не желал вмешиваться в творческий процесс. Анаконде очень захотелось спать. Перед сном он проверил пачки, лежащие под матрасом. Все в порядке! Много еще денег!

Проснулся он рано. Торопливо умывшись и попив чаю, засунул Константина в рюкзак, выше положил джемпер — подарок Кире — и отправился на вокзал. По дороге купил букет южных роз.

Сойдя с электрички, Юрий за десять минут дошел до Кириной дачи. Кира сидела на веранде в солнечно-желтом платье, которое ей очень шло. Шел ей и загар. Встретила она Анаконду не то чтобы враждебно, но как-то прохладно. Юрию сразу же показалось, что Кира не очень рада ему. Цветы она милостиво приняла, но от джемпера отказалась.

— Юра, никаких вещественных подарков мне не надо. Ты уж не обижайся. Что, тебя наконец-то напечатали, кажется?

— Аванс под очеркишко получил, — небрежно бросил Анаконда. — Написал неплохой подвал о благородном возвращателе.

— Такого слова в русском языке нет, — ровным голосом сказала Кира. — Между прочим, на пляже в Феодосии я познакомилась с одним интересным человеком. Он тоже ленинградский журналист, но он...

— Меня не интересуют твои пляжные знакомства, — недовольно прервал ее Анаконда.

— Не будем ссориться, — спокойно ответила Кира. — Хочешь, пойдем купаться?

— А ты не боишься простудиться после юга? — дипломатично спросил Юрий. Ему не хотелось идти на реку. Он знал, что Константин непременно увяжется за ним в воду.

— Простудиться я не боюсь, — с улыбкой ответила Кира. — Я боюсь, что ты стал очень ленивым. Возьми-ка вон там, у гаража, лопату и выкопай в саду ямку для заборного столба. Это мы всех гостей теперь будем заставлять работать... А я пока пойду помогать маме обед готовить.

Анаконда снял пиджак, автоматическим движением схватил сумку с шаром и направился за лопатой.

— А рюкзак-то зачем? — засмеялась Кира. — Ты что, жить без него не можешь?

— Просто ужасно привык к нему. Без него как без рук, — с наигранной беспечностью произнес Юрий и, захватив лопату, пошел в дальний конец сада.

Старая изгородь была повалена, и по границе участка, на равном расстоянии одна от другой, виднелись квадратные ямы для столбов будущего нового забора. Некоторые ямы не были выкопаны, был только снят дерн там, где их предстоит копать. Анаконда, положив рюкзак возле себя, не спеша принялся за работу. И вдруг у него мелькнула одна мысль. Перейдя за территорию участка, он торопливо срезал лопатой квадрат дерна и быстро начал копать новую яму. Теперь он работал во всю силу, земля так и летела. Когда яма глубиной сантиметров в восемьдесят была готова, Юрий, воровато оглянувшись по сторонам, вынул из рюкзака шар и бросил его на дно. Шар тяжело и покорно лег на влажный грунт. Анаконда стал забрасывать его землей.

«Кажется, на этот раз я перехитрил тебя, — подумал он. — Спи спокойно, дорогой Константин! Да будет пухом тебе земля!»

Забросав могилу Константина, Юрий принялся утрамбовывать землю ногами. Потом отошел на два шага в сторону полюбоваться на дело рук и ног своих. Как светло и просторно стало в мире без шара! Как легко пели птицы! Как весело дышалось!..

Анаконда поднял полегчавший рюкзак и сделал шаг в сторону дачи. На прощанье он оглянулся — и сразу померк день. Утоптанная земля вспучилась, потом показался Константин. Он не спеша всплыл сквозь землю — и вот опять занял свое место в воздухе в трех шагах от Юрия.

Ни одной песчинки к нему не прилипло. Он был такой же, как до своих похорон.

В довершение всего совсем близко послышались шаги Кире и ее удивленный возглас:

— Юра, что это? Почему он не падает?

— Это шар... Шар как шар, — испуганно и невпопад ответил Анаконда. — Можешь взять его в руку.

Кира осторожно взяла шар и сразу же отпустила.

— Тяжеленный какой! И холодный как лягушка. Откуда это у тебя?

— Кира, я тебе все расскажу, но поклянись, что никому ничего не расскажешь. — С этими словами Юрий повел девушку к садовой скамье и поведал ей всю правду. Кира слушала не перебивая, потом сказала:

— Конечно, я никому ничего не скажу. Это очень не красивая история. Да, я давно уже начала разочаровываться в тебе и, по-видимому, была права... Ты уж не обижайся, но у меня к тебе такая просьба: пока с тобой этот ужасный шар — не приходи ко мне.

— Кира, а вдруг этот шар никогда от меня не отвяжется? — с отчаянием в голосе спросил Анаконда.

— Тогда не приходи ко мне никогда.

Научная консультация

В глубоком удручении вернулся домой Анаконда. С тех пор как он подпал под власть шара, ему чертовски не везло. Как вернуть жизнь в прежнее русло? Как избавиться от Константина?

Вспомнив о конверте, обнаруженном в портфеле, он схватился за задний карман брюк. Но там ничего не было, карман был пуст. Анаконду отороπή взяла. Потерял... И вдруг до него дошло, что на нем давно новый костюм, а старый валяется в шкафу. Он бросился к шкафу, вытащил оттуда старые брюки. От них пахло хвоей, несколько сосновых иголочек упало на пол, когда Юрий, ощупав задний карман, извлек из него конверт.

На конверте было напечатано:

«ПЛАНЕТА ИКС» (название разглашению не подлежит)
ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ДАЛЬНИХ ПЛАНЕТ
ПОДОТДЕЛ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ
ГРУППА ПСИХОЛОГИИ И ЭТИКИ

Уважаемый Нашедший!

Поступи с этими деньгами так, как считаешь пужным. Возможно, ты прочтешь эти строки, когда часть денег будет уже израсходована тобой, однако продолжай их тратить (или хранить) по своему усмотрению.

Текст этот, в сущности, ничего не прояснил, а, наоборот, внес в душу Анаконды еще большее смятение. И тогда он вдруг вспомнил, что на днях прочел в газете об учреждении нового Научно-Исследовательского Института Необъясненных Явлений Природы (НИИНЯП). Он решил отправиться туда на следующий же день. А вдруг там ему помогут?

Юрия безо всякой волокиты сразу же провели в кабинет научного руководителя НИИНЯПа Рассветова. Когда Юрий показал ему свой журналистский билет, Рассветов сказал:

— Писать об институте рановато. У нас еще мало фактов, товарищ Лесовалов.

— Вообще-то я Анаконда, — сразу же уточнил Юрий. — Знаете, такая змея. Обитает в верховьях Амазонки, отдельные экземпляры достигают четырнадцати метров.

— Десяти с половиной метров, — уточнил Рассветов. — И давно это с вами случилось?

— Что случилось?

— Ну, что вы стали считать себя змеей.

— Я вовсе не считаю себя змеей, — обиделся Юрий. — Просто это мой творческий псевдоним.

— Ах вот оно что! А то, видите ли, к нам вчера приходил гражданин, который считает себя пингвином. Это не по нашей части.

— Ну, я не из таких. Я по делу... Хочу поведать вам одну тайну. Но вы действительно исследуете необъяснимые явления?

— Необъясненные, — поправил Рассветов. — Да, исследуем. К нам уже начали поступать отдельные... ну, как бы вам сказать... странные вещи. Население охотно идет нам навстречу. Третьего дня, например, один мальчишка-юннат принес нам интересный объект. Поймал его на улице.

С этими словами Рассветов отворил дверь. Из соседней комнаты выбежала такса и улеглась на ковре возле стола.

— Какой же это объект? Это собака! — сердито сказал Юрий. — Я к вам как человек к человеку, а вы мне каких-то собак!

— Это не собака, а биоэлектронное устройство, выполненное в форме собаки и заброшенное на Землю для сбора информации, — не повышая голоса, молвил Рассветов. — Вы посмотрите внимательнее.

— Господи, да у нее шесть ног! Что ж вы сразу не сказали? — всколыхнулся Анаконда. — Зачем ей шесть ног?!

— Перестраховщики с Венеры, — бросил Рассветов. — Это их работка. Сконструировали недурное, в общем, устройство, но, чтобы увеличить коэффициент прочности, добавили пару ног... Так что вы хотели мне сообщить?.. Не стесняйтесь, мы у этой «таксы» сразу же вывинтили передающую систему, так что на Венере ничего не узнают.

— Я хочу, чтобы и на Земле ничего не узнали, — заявил Анаконда. — Сейчас я вам тоже одно устройство покажу. Но прежде прочтите, что вот тут написано. — И он сунул, в руки Рассветову таинственный конверт.

Рассветов прочел написанное на конверте, покачал головой и ничего не сказал.

Тогда Юрий вынул из сумки шар, и тот немедленно повис в воздухе. Биоэлектронная собака при виде Константина вскочила с ковра, и, поджав хвост, с жалобным воплем кинулась в соседнюю комнату.

— Очень странный шар, — задумчиво проговорил Рассветов. — Не агрессивен?

— Нет, можете взять в руку. Не кусается. Уж лучше бы кусался.

Рассветов подержал шар в руке, потом отпустил. Константин занял прежнюю позицию в воздухе.

— Шар очень странный, — повторил Рассветов. — Аналогов в истории, насколько мне помнится, нет. Удельный вес, кажется, выше, чем у свинца. Скажите, температура его часто меняется?

— Совсем не меняется. Даже если в огонь бросить — он все такой же холодный.

— Странный объект! — в третий раз повторил Рассветов. — Расскажите, как и когда вы вступили в контакт. Что предшествовало тому моменту, когда он сконтактовался с вами? Говорите мне все без утайки, как врачу.

— Я вам всю правду расскажу, — заявил Юрий, — но вы должны дать мне обещание, что никто за стенами вашего института ничего не узнает о шаре.

— Охотно даю вам такое обещание, — ответил Рассветов. — Но если в процессе исследования шара выяснится, что сохранение тайны поставит под угрозу жизнь и здоровье других людей, а также создаст возможность утечки информации с Земли на другую планету, я буду вынужден отменить свое обещание.

— Я вас понимаю, — сказал Анаконда. — Конечно, если шар может принести вред другим, тут уж придется пожертвовать тайной... А теперь слушайте.

Рассказ Юрия длился долго. Рассветов внимательно слушал. Потом повел Анаконду в лабораторию, где шар стали подвергать различным испытаниям. Из института Юрий с шаром ушел под вечер и в течение недели ходил в НИИ-НЯП как на службу. Чего только не делали с Константином! Его клали в термостат, опускали в крепчайшие кислоты и щелочи, подвергали действию электрического тока, били по нему кувалдой, замуровывали в цемент, заваливали стальными плитами и свинцовыми пластинами. К концу недели Рассветов составил карточку исследования, копию которой вручил Юрию.

НИИНАП

Учетная карточка

№ 19/ш

Условное наименование исследуемого объекта: ШВЭНС
(шар всепроникающий экстерриториальный неземной самоуправляемый)

Аналоги по картотеке необъясненных явлений: аналогов нет

Внешний вид объекта в состоянии покоя: шар правильной формы, темного цвета

Степень опасности по 12-балльной системе Каргера при агрессивности: 12 баллов по Каргеру

А. Физико-химические характеристики

1. Диаметр: 77, 631 мм
2. Атомный вес: 265, 24
3. Уд. теплоемкость: отсутствует
4. t° плавления: не выяснена
5. Реакция на кислоты: не реагирует
6. Реакция на щелочи: не реагирует
7. Радиоактивность: отсутствует
8. Электропроводимость: отсутствует

Б. Психологические характеристики

1. Разумен
2. Не эмоционален
3. Не агрессивен (см. § 1 «Особых примечаний»)
4. Способен предвидеть еще не свершившиеся события
5. Способен нести многосторонние охранительные функции по отношению к существу, с которым вошел в контакт

В. Механико-функциональные особенности и аномалии

1. Имея уд. вес тяжелее воды и атм. воздуха, тем не менее плавает и парит в воздухе
2. Свободно преодолевает любую среду
3. Способен к многосторонним физическим, химическим и механическим действиям
5. Автономен
6. Неразрушим земными средствами

Особые примечания

1. На разрушение живой ткани или не запрограммирован, или сам принял решение не причинять вреда белковым соединениям
2. Физически экстерриториален
3. Источник энергоснабжения неизвестен
4. Место возникновения не выяснено

Анаконда внимательно прочел карточку.

— А как это понять — «физически экстерриториален»? — спросил он Рассветова.

— Исследуя ШВЭНС, мы были вынуждены ввести этот условный научный термин. ШВЭНС экстерриториален в том смысле, что, находясь на Земле, подчиняется не земным физическим законам, а законам той звездной системы, откуда прибыл.

— От этого мне мало радости, — заявил Юрий. — Тут в карточке ни слова не сказано, как мне избавиться от шара. Думаете, легко мне его таскать! Все жилы вытянул! А психически — уж и говорить нечего.

— Никаких практических рекомендаций дать вам, к сожалению, не могу. Случай слишком необычный. Боюсь, что наилучший для вас вариант — это сохранять статус-кво и утешать себя мыслью, что вы — единственный человек на Земле, вступивший в контакт со столь необычным инопланетным объектом.

— Провались они, такие межпланетные контакты! — воскликнул Анаконда. — И почему он именно ко мне прицепился?

— Быть может, ШВЭНС высмотрел вас заранее. Ему нужен был для опыта человек определенного характера... Ну, скажем, порядочный в душе, но не вполне стойкий перед соблазном. Контакт сработал в тот момент, когда вы решили воспользоваться деньгами. С той минуты ШВЭНС взял вас под наблюдение и охрану. Пока существует контакт, ШВЭНС не даст волоску с вашей головы упасть. Он настолько всемогущ, что сохранит вас целым и невредимым, даже если бы вы очутились в эпицентре взрыва атомной бомбы.

— Не надо мне такой невредимости, товарищ Рассветов! Мне бы пожить нормально, а потом нормально помереть... А если мне в суд на себя подать, товарищ Рассветов? Так, мол, и так, присвоил десять тысяч, осудите и дайте срок. Может, в тюрьме шар от меня отвяжется?

— Суд земной вам не грозит, — ответил Рассветов. — С юридической точки зрения вы не совершили ни кражи, ни даже присвоения находки. ШВЭНС фактически

подсунул вам, или, если хотите, предложил эти деньги. Поскольку ШВЭНС вполне материален и является существом мыслящим и разумным, то его вполне можно считать юридическим лицом и предыдущим владельцем денег. Так что вы де-юре и де-факто получили десять тысяч в дар от юридического лица — ШВЭНСа. Следовательно, ни перед законом, ни перед людьми преступления вы не совершили. Вы совершили преступление перед самим собой, а вернее сказать — над собой.

— Пойдите, товарищ Рассветов, но ведь шар не мог честным трудом заработать эти деньги. Он их или спер где-то, или подделал. И значит, я имею право быть осужденным как соучастник преступления.

— За неделю общения со ШВЭНСом я пришел к выводу, что хоть он и не подчинен земным физическим законам, но к человеческим законам и установлениям относится с должным пиететом. Он слишком умен и слишком всесилен, чтобы вносить излишний хаос в земной мир. Конечно, он мог бы ограбить все банки мира или напечатать миллиарды фальшивых денег, но не думаю, чтобы он пошел по этому пути...

— Уважаемый ШВЭНС, скажите, пожалуйста, как вы добыли десять тысяч? — обратился Рассветов к шару.

Константин полыхнул зеленым светом, и на стене появилась световая, медленно гаснущая надпись:

$$1=0; 0=1$$

— Ну, теперь все ясно, — сказал Рассветов. — Просто он восстанавливает денежные знаки. Ежедневно и ежечасно происходит физическая убыль денежных знаков; они сгорают при пожарах, гибнут при кораблекрушениях, выпадая из обращения. Вот эти дензнаки ШВЭНС и восстанавливает... Проведем маленький опыт.

С этими словами Рассветов вынул из кармана трешку и спички. Записав номер и серию трешки, он поджег зеленую бумажку. Когда она сгорела, Рассветов попросил Константина: «Восстановите, пожалуйста!»

Шар засветился на миг голубым светом, потом из него выдвинулась рейка с квадратной площадочкой на конце. С

площадочки на стол упала трехрублевая бумажка. Шар вобрал в себя рейку.

— Те же самые три рубля, номер в номер и серия в серию, — объявил Рассветов. — Большое вам спасибо, уважаемый ШВЭНС! Буду хранить эту трешку до скончания дней... А может, все-таки скажете, откуда вы к нам прибыли и зачем?

Темный шар неподвижно и безответно висел в воздухе в трех шагах от Анаконды.

— Вот так и торчит около меня, и ничего с ним не поделать, — сказал Юрий. — Неужели никакого выхода нет, товарищ Рассветов?

— Я не вправе давать вам никаких программ поведения, — ответил Рассветов. — Но мне кажется, что поскольку дело началось с денег, то от этого факта и надо вести рассуждения. Итак, ШВЭНС вручил вам десять тысяч рублей. Его интересует поведение ваше при наличии у вас денег. Пока у вас останется хоть копейка из врученной вам суммы, отношение к вам ШВЭНСа будет неизменным, то есть таким, как сейчас. Вы будете жить под эгидой ШВЭНСа; он будет вести наблюдение за вами и в то же время защищать вас от всех физических опасностей и, возможно, оказывать вам медицинскую помощь. То есть пока у вас есть деньги ШВЭНСа, практически вы бессмертны. Но это довольно грустное бессмертие.

Теперь представим себе другой вариант вашего поведения. Вы ускоренно тратите все врученные вам ШВЭНСом деньги, и ШВЭНС покидает вас, ибо, логически рассуждая, его миссия закончена, эксперимент проведен. Однако в данном случае в действиях ШВЭНСа возможны вариации. Вариант А: ШВЭНС покидает вас без всяких для вас последствий; вариант Б: ШВЭНС покидает вас, предварительно проведя против вас летальную акцию, дабы не оставлять на Земле ненужного свидетеля. Ведь, перестав быть его подопечным или, что несколько точнее, подопытным, вы...

— Так что ж это получается! Он, выходит, и укокать меня может?!

— Да. Не забывайте, что при всем своем разуме ШВЭНС лишен эмоциональности, он чистый прагматик. Если он сочтет целесообразным...

— Ну, вляпался я в историю!.. — сказал Анаконда, беря рюкзак с шаром. — Что ж, товарищ Рассветов, спасибо за собеседование... Но вы сдержите слово? Я надеюсь, что в печати о моем контакте с шаром шума не будет?

— Нет, не будет. Поднимать шум стоило бы только в том случае, если бы люди имели какие-то способы воздействия на ШВЭНСа. Но ШВЭНС всемогущ, всепроникающ и неразрушим. Появление в печати сведений о нем вызвало бы только всемирную панику... В заключение я обращаюсь к вам с одной просьбой. ШВЭНС отлично знает материальный мир и умеет его преобразовывать и подчинять себе. Но психический мир человека он знает не вполне и в какой-то мере изучает его на вас. Быть может, вы для него эталон. А если это так, то по этому эталону он может вынести суждение обо всем человечестве. Поэтому ведите себя со ШВЭНСом по возможности тактично, или, как говорилось в старину, толерантно.

Важное решение

Вернувшись домой. Анаконда выпустил Константина из сумки, и тот привычно повис в воздухе. Юрий предался размышлениям. Как быть: ускоренно тратить деньги и ждать возможного освобождения или гибели или экономить деньги и печально владеть жизнью под властью Константина? На что решиться?

До ночи сидел он в глубоком раздумье. Потом встал, подошел к окну. Он загадал: если в сквере мимо вот той скамейки пройдет мужчина — надо жить экономно; если женщина — надо бесстрашно тратить деньги. И вот через мгновение из аллеи вышла девушка в голубом и легкой походкой прошла мимо скамьи. Сквозь прозрачные сумерки белой ночи что-то знакомое почудилось Юрию в ее лице. Да ведь это Леонкавалла! Это та симпатичная девушка, которую он однажды видел в бинокль!..

— Буду тратить деньги всюду, — вынес Анаконда постановление. — Или помру, или снова стану человеком.

Едва успел он это подумать, как раздался тактичный стук в стену и из соседней комнаты донесся голос Вавика:

— Юра, не можете ли заглянуть ко мне на минутку?

Анаконда направился к дорожному соседу. Константин поплыл за ним.

Свет в комнате был выключен. Хозяин сидел у окна в зубоврачебном кресле, накрепко принайтовленном болтами к паркету. Голова наблюдателя удобно покоилась на откидной кожаной подушечке. Подзорная труба висела на продуманной системе блоков и растяжек.

— Вот так и живу, погруженный в мир прекрасного, — растроганно начал Вавик. — Но, увы, девушки разъезжаются на каникулы. Знаю, они вернутся осенью, вернутся загоревшие, похорошевшие, неся с собой аромат полевых маргариток, запах лесных ландышей...

— Вавилон Викторович, запаха ведь в подзорную трубу не видно, — прервал его Юрий.

— Ах, не подстригайте крылья у моей мечты! — томно возразил Вавик. И уже другим тоном: — Вы, конечно, с шариком пришли? Вижу, вижу, жив и здоров наш милый шарик... Давненько мы с вами, Юра, не говорили как ассистент с ассистентом.

— Опять денег хотите? — задал Анаконда лобовой вопрос.

— Мой молодой друг, зачем так грубо, так узкоколейно!.. Не денег мне надо, мне надо усилить оптику. Понимаете, один мой знакомый продает небольшой портативный телескоп. Просит он за него всего-навсего сто восемьдесят луидоров...

— Я даю вам эти луидоры, — спокойно сказал Юрий. — Мне теперь луидоров не жаль.

Неожиданный вариант

На другой день, взяв сумку с Константином, Юрий направился в агентство Аэрофлота. Он решил лететь в Сочи. Бархатный сезон еще не начался, и Анаконда без труда купил себе билет на «ТУ-104». Затем он пошел в универсам, где приобрел неплохой чемодан.

— Путешествовать собираетесь? — спросил Вавик, увидев в прихожей Юрия с чемоданом.

— Да, завтра лечу на Черное море.

— Рад за вас, Юра... На юге так много прекрасного, достойного наблюдения. Ах, солнце, море, загорелые девушки на пляже, праздник бытия и сознания!.. Как жаль, что вы купили только один билет! Не подумали вы о Вавилоне Викторовиче, не подумали о человеке, который свято хранит чужие тайны!..

— Ладно, Вавилон Викторович, берите мой билет. И вот вам деньги на обратный путь и на курортные расходы. Я раздумал лететь, — твердо сказал Анаконда. Он понял, что лучший способ хоть на время избавиться от Вавика — это послать его на юг, а самому остаться в городе. К тому же Константин будет очень осложнять курортную жизнь.

— Спасибо, Юра! — взволнованно произнес Вавик и поспешно отвернулся, чтобы скрыть слезы умиления.

На следующее утро, уложив в позаимствованный у Юрия чемодан пляжные принадлежности и подзорную трубу, Вавилон Викторович отбыл на аэродром и поднялся в воздух. Внизу в легкой дымке, как бы в тончайшей нейлоновой сорочке, дремала зеленая равнина. Вскоре справа под крыльями показалась празелень моря; слева лежали смуглые горы в бюстгальтерах вечных снегов.

В тот же день Анаконда приступил к усиленным тратам. Но если еще недавно он покупал вещи, имеющие практический смысл, то теперь расходование шло по иным каналам. Придя на рынок, он стал скупать цветы и затем, выйдя на улицу, начал раздавать эти цветы идущим мимо девушкам. Вечером, придя в шашлычную, он громогласно объявил, что сегодня у него день рождения и поэтому он платит за всех едящих и пьющих. Большинство обиженно отказались от такой единовременной ссуды, но нашлись и такие, которые были весьма довольны. Юрий немедленно оброс льстецами и прихлебателями. С этого дня деньги стали таять, как сахар в кипятке.

Через неделю Анаконда обнаружил, что у него осталось сто тридцать рублей. А еще через два дня, проснувшись с тяжелой головой после попойки с новоявленными приятелями, Юрий нашел в пиджачном кармане одну де-

сятку. Порывшись по остальным карманам, он присоединил к десятке два рубля шестьдесят копеек. И он понял, что настал решающий день. Сегодня он истратит эти последние деньги — и шар или улетит от него, освободив от своего ига, или... Будь что будет!

Захватив сумку с Константином, Анаконда направился в ближайший ресторан. Плотнo пообедав там, он пошел бродить по улицам и бродил до вечера. Белые ночи уже кончились, теплая темнота опускалась на город. В Неве отражались горящие на мостах фонари. Неоновые рекламы на Невском полыхали веселым светом. По тротуарам шли счастливые пары, шли красивые девушки. «Все это я вижу, может быть, в последний раз», — с предрасставальной грустью подумал Юрий, шагая домой.

В гастрономе на углу Анаконда купил бутылку коньяка: уж погибать — так с коньяком! Еще купил пачку сигарет «Опал» и коробку спичек. В наличии у него остался один пятачок. Теперь только этот пятачок связывал его с Константином, а может быть, и с жизнью.

Придя домой, он выпустил шар из сумки, и тот, как всегда, повис в воздухе в трех шагах от него. Затем, налив полный стакан, он выпил его залпом и, не закусывая, закурил сигарету. Потом выпил второй. Пьяное тепло пошло по телу, мир стал пульсировать. Стены комнаты то разбегались по сторонам, то сжимались, будто хотели раздавить Юрия. Наконец, вынув из кармана заветный пятачок, он подошел к окну. Дома за окном качались, городские огни вспыхивали и погасали, вспыхивали и погасали, словно световые сигналы бедствия. В общежитии напротив светилось только одно окно, четвертое с краю. Анаконде почудилось, что на подоконнике сидит девушка в голубом — Леонкавалла. Вдруг окно метнулось куда-то вверх и погасло. Юрий бросил пятачок. Тот с тихим звоном упал на диабаз мостовой. Все кончено...

...Он оглянулся. Константин, как всегда, висел в воздухе в трех шагах от него. Научное предсказание Рассветова не сбылось. Шар избрал свой, неожиданный, вариант: решил навсегда остаться с Юрием. «А что, если вдруг взять да повеситься, — мелькнула у Анаконды нездоровая

мысль. — Пусть потеряю жизнь, но только так я могу избавиться от Константина...»

Шатаясь, он подошел к кровати, нагнулся и вытащил из-под нее веревку. Когда-то он состоял в кружке начинающих альпинистов, и эта веревка входила в оборудование группы. Юрий стал пробовать ее на разрыв — куда там, очень прочная. Он начал думать, где бы ее укрепить, но думать долго не пришлось: над дверью торчали два толстых железных крюка, на которых когда-то висели портьеры. Выбирай любой.

Шар за спиной Юрия беззвучно полыхнул печально-синеватым светом. В то же мгновение веревка превратилась в сероватую труху, распалась волокнистой пылью. Крюки исчезли. Там, где они были вбиты, в стене теперь темнели небольшие отверстия.

— И повеситься нормально человеку не дашь! — крикнул Анаконда, замахнувшись кулаком на Константина. — Но я перехитрю тебя!

Он кинулся к открытому окну, вскочил на подоконник и, схватившись руками за голову, сиганул вниз. Безлюдная улица, темные деревья сквера, черные копыа ограды — все метнулось ему навстречу. Но в тот же миг какая-то пружинящая сила задержала его падение. Он повис над улицей в гамаке, сплетенном из тонких леденяще-холодных пружин, — и шар висел над ним. Потом Константин поднял его к подоконнику и, мягко подобрав стопы, втянул в комнату.

Анаконда в слезах кинулся на кровать.

Обидная жизнь

Юрий проснулся в полдень. Голова тупо болела. Поташнивало. Шар, как всегда, висел в воздухе в трех шагах от постели. Вспомнив вчерашнее, Анаконда даже застонал. Что теперь делать? И Константин с ним навсегда, и денег ни копейки, и жизнь разбита, и даже смерти ему нет... Что делать?

Он нехотя встал, вяло оделся, подошел к столу, посмотрел на пустую бутылку. За время ускоренной траты денег он уже привык по утрам опохмеляться, но ведь теперь де-

нег ни гроша. Правда, у него есть всякие вещи — магнитофон, фотоаппарат, из одежды кое-что. Можно снести в комиссионный. Но в комиссионном сразу денег не получишь, надо ждать, пока продается вещь. А что он будет есть, ожидая денег? Из редакции его уже отчислили, идти туда просить — стыдно. Что делать?

Шар осветил комнату голубым светом. Из него выдвинулась рейка с квадратной площадочкой на конце. С площадочки на стол упали две потертые бумажки.

— Значит, решил взять меня на иждивение, — криво усмехнулся Анаконда. — Не очень-то ты щедр, Константин. Но и на том спасибо... Что ж, полезай в сумку, пойдем покупать питье и пищу.

Первым делом Юрий купил четвертинку «Московской» и пачку сигарет «Памир», потом триста граммов ливерной колбасы третьего сорта и хлеба. Придя домой, он извлек из сумки покупки и Константина, поставил водку на стол. Выпив первую стопку, он закусил колбасой и, закурив сигарету, подумал про себя: «И не так уж плохо. С водкой можно жить. И главное, от водки можно помереть, и тут ты, друг мой Константин, ничем мне не сможешь помешать. Буду пить систематически, сопьюсь и помру, и кончится эта обидная жизнь».

Шар засветился зеленоватым светом. Узкий пучок лучей метнулся от него к бутылке и погас. Чую недоброе, Анаконда дрожащей рукой налил вторую стопку, поднес ее к губам — и с отвращением выплеснул жидкость на пол. Водки не стало, водка превратилась в пресную воду.

Для Юрия началась безалкогольная, безаварийная, бездеятельная и беспросветная жизнь. Каждое утро, получив от Константина деньги, он клал шар в рюкзак и отправлялся за едой. Вернувшись, он съедал скромный завтрак и, взяв сумку с Константином, шел бродить по городу. Не глядя по сторонам, упершись глазами в асфальт, шагал он, сам не зная куда, без всякой цели — лишь бы не быть дома. В комнате совсем уж тоскливо, да и нельзя сидеть в ней все время: соседи уже начали коситься на него, удивляясь, что он не ходит на работу. И вот он бродил по улицам. Рюкзак с Константином он теперь носил за спиной.

Он уже почти привык к нему, как горбатый привыкает к своему горбу.

До одури набродившись по городу, Анаконда возвращался домой, нехотя приготавливал себе несложный обед, нехотя съедал его — и снова шел бродить. Он опустил, перестал бриться; новый дорогой костюм запылится и залоснился, но он его не чистил. Он ни на что уже не надеялся, и ни к чему не стремился, и все больше дичился людей. Потребности его свелись к одной только еде, да и то ему было все равно, что есть. Тех денег, что выдавал Константин, ему хватало на жизнь. Конечно, у него есть вещи, которые можно продать, но лень нести их в комиссионный магазин. Да и на что ему теперь лишние деньги? Вернувшись вечером домой, он пил чай, заедая его хлебом, валился на постель и сразу же засыпал. Ему ничего не снилось. Казалось, шар отнял у него даже сновидения.

Леонкавалла-Таня

Была середина августа. Вдоволь нашлавшись по городу и почувствовав, что пора обедать, Юрий с рюкзаком за плечами шел к своему дому через сквер. Он не спешил. В этот день ему очень не хотелось возвращаться под сень кровли своей. Дело в том, что вчера днем прилетел с юга Вавик, в связи с чем произошла неприятная сцена.

Вавик вернулся отощавшим, левое веко у него нервно-чески подергивалось. Он был очень недоволен тем, что Анаконда послал его в Сочи; никогда больше ни за какие коврижки не полетит он туда. Оказывается, одна женщина обнаружила Вавика, когда он в пижаме и с подозрительной трубой по-снайперски залег на скале, находившейся недалеко от медицинского женского пляжа. Эта женщина подняла крик, сбежались другие женщины. Они визжали, щипали Вавика и даже били его подозрительной трубой по голове. В результате подозрительная труба сильно повреждена, ей требуется ремонт.

— Но у вас, Вавилон Викторович, есть еще бинокль и портативный телескоп, — заметил Юрий.

— Не спору. Но ведь каждому человеку хочется иметь полный набор оптических инструментов. Кроме того, я поздержался на юге, куда вы же меня и послали...

— Вавилон Викторович, мое материальное положение очень покачнулось. Вот хотите — возьмите магнитофон. Вы можете его продать. И вот вам джемпер. Правда, он женский, но и его вы можете продать.

— Вы радуете меня, мой юный друг. Но не могли бы вы мне помочь и наличными?

— Вавилон Викторович, у меня нет наличных. Шар выдает мне только на питание.

— Юра, если вы ежедневно будете давать мне четверть получаемой вами от шарика суммы, то это пойдет вам только на пользу.

— Вавилон Викторович, ну что вам мои гроши?..

— Ах, Юра, я не корыстолюбив. Но оптика требует жертв. Я решил копить деньги на стереотелескоп. Благодаря ему я смогу наблюдать мир прекрасного в объемном виде.

Анаконда не стал спорить, ему было все равно. Он вынул из кармана две монетки по пятнадцать копеек и один двугривенный. Вавик протянул руку. Константин окутался на миг опалово-прозрачным облачком.

— Спасибо вам, Юра! — сказал Вавик, беря деньги, и вдруг с криком боли бросил их на пол и стал дуть на пальцы. — Этого я вам не прощу! Подсовывать раскаленные деньги! Безобразие какое!

— Это шар... Он хочет сохранить мой прожиточный уровень, — сказал Юрий и кинулся подбирать монеты. Они вовсе не были горячими.

— Безобразие! — повторил Вавик. — Вас с вашим темным шаром давно надо разоблачить перед населением! Завтра же подаю на вас заявление в домохозяйство! — Схватив магнитофон и джемпер, когда-то предназначавшийся Кире, он выбежал из комнаты, хлопнув дверью.

...Да, сегодня Юрию совсем не хотелось возвращаться в свою квартиру. Вполне возможно, что там его ждут новые неприятности. И вот, сняв с плеч рюкзак, он сел на скамейку в сквере и закурил сигарету. Стараясь оттянуть момент возвращения, он курил медленно, с чувством, с толком и

размышлял о том, что хоть курить-то ему еще можно, этого дела Константин еще не запретил.

Вот так он и сидел на скамье один, с краю, поблизости от гипсовой урны для окурков. На противоположной стороне аллеи, на такой же скамейке, дремали два пенсионера. Сквер был почти безлюден; в августе Ленинград пустеет: многие взрослые в отпуске, все дети на даче и в пионерлагерях. Было тихо. С неба, с высоты, подернутой легкой облачной дымкой, исходил ровный неслепящий свет.

Слева послышались негромкие шаги. Юрий оглянулся. По аллее шла Леонкавалла. Он сразу ее узнал, хоть на этот раз на ней было яркое ситцевое платье. В руках девушка держала небольшую сумку, где на глянцево-белом фоне изображены были танцующие лягушки. «Если она сядет на скамейку, значит, не все еще в моей жизни потеряно, значит, есть надежда избавиться от шара», — загадал Юрий. У него так забилося сердце, будто он не то падал в пропасть, не то взлетел на небо, прямо к солнцу.

Она легким шагом миновала скамейку и вдруг, словно вспомнив что-то, остановилась, сделала шаг назад и села на самый ее краешек, положив рядом свою сумку.

— Спасибо, Леонкавалла! — вырвалось у Юрия.

Девушка с удивлением, но без всякого недоброжелательства посмотрела на него. Потом на лице ее появилось тревожное выражение. Она подвинулась ближе к Юрию.

— Вам плохо? — мягко и сердечно спросила она. — Почему вы так побледнели? Хотите, сбегаю за водой?

— Нет-нет, ничего... Просто я много ходил... Ходил... Ходил... Не надо вам беспокоиться... — Юрий так давно не говорил с людьми (за исключением Вавика), что с трудом подбирал слова.

— Да, теперь вам, кажется, легче, — сказала девушка. — Вы уже не такой бледный... Но почему это я вдруг Леонкавалло? Это ведь композитор такой был. Меня зовут Таня. А вас как?

— Вообще-то я был Анакондой. Ну, знаете, такая змея. Обитает в верхнем течении Амазонки. Отдельные экземпляры достигают десяти с половиной метров длины... Но Анаконды из меня не получилось.

— Это был ваш псевдоним? — догадалась Таня.

— Вот именно. Я хотел стать журналистом, но у меня не оказалось таланта. Поэтому считайте, что я просто Юрий. Я живу вон в том доме.

— Мне нравится, что вы так прямо о себе говорите. Я думаю, что вы, наверно, хороший человек.

— Это вы ошибаетесь. Я совершил одно нехорошее дело, так что хорошим я быть не могу. Очень мучит меня это дело...

— Нет, вы не кажетесь мне плохим. Но у вас действительно измученный вид... Знаете, я несколько раз видела вас на улице. Вы всегда идете и ни на кого не смотрите.

— Ваше лицо мне тоже знакомо. Я видел вас...

— Я же в общежитии живу, вон в том доме. Вы меня тоже не раз, наверно, встречали на улице...

— Да-да... А почему это вы летом здесь? Почему никуда не уехали на каникулы?

— Мне некуда ехать. У меня нет родных. Вернее, есть в Пскове тетя, но она в апреле вышла замуж, а домик у нее маленький... Но летом в Ленинграде не так уж плохо. Вчера я опять была в Эрмитаже, а завтра собираюсь в Русский музей.

— Одна?

— Одна. А что? Хотите, пойдем вместе.

— Завтра я очень занят, никак не могу.

Ему очень хотелось принять это приглашение, но он понимал, что с рюкзаком ни в какую картинную галерею его не пустят.

— А я вот послезавтра на станцию Мохово за грибами собирался поехать. Не хотите со мной? — Эта мысль о лесе и грибах возникла у него совершенно внезапно.

— Да, — ответила Таня. — Я очень люблю ходить по грибы. А где мы встретимся?

— Давайте вот здесь в семь утра.

Не воспользовавшись лифтом и не чувствуя тяжести шара, лежащего в рюкзаке, взбежал он на свой шестой этаж. И хоть встреча с Таней предстояла еще через день, Юрию захотелось немедленно привести себя в человеческий вид.

Он старательно побрился, затем почистил ботинки. Потом, взяв неизбежную сумку с Константином, направился в ванную, чтобы выстирать там нейлоновую рубашку, а заодно и носки. В коридоре ему попался навстречу Вавик.

— Юра, я вчера, кажется, погорячился, — тихо сказал он. — Говорю вам от всей своей благородной души: заявления писать на вас я не стану. Но я надеюсь, что и вы не будете излишне распространяться о моих оптических путешествиях в мир прекрасного.

— Не буду, — кратко ответил Юрий.

И Вавик направился в свою комнату, напевая:

У Джона денег хватит,
Джои Грей за все заплатит,
За все заплатит Джон!..

На следующий день, встав возле комиссионного магазина, Юрий по дешевке, с рук, сбыл свой фотоаппарат, чтобы не с пустым карманом ехать за город.

Разговор в лесу

Настало утро встречи, светлое и тихое. Когда Юрий вошел в сквер, Таня уже ждала его там. Она сидела на скамье и при виде Юрия сразу же встала и пошла навстречу. На ней было простое серое платье, в руке она держала сумку, куда положила плащ на случай дождя.

— Ну, в эту вашу авоську немного грибов поместится, — сказал Юрий.

— Зато у вас большой мешок, — с улыбкой ответила Таня. — Что в мешке? — Она приподняла рюкзак, висящий за плечами у Юрия. — Ой, почему он такой тяжелый?

— Там болонья: вдруг погода испортится. И еще там у меня шар. Он очень тяжелый. Я его ношу нарочно, для тренировки, чтобы потом не уставать от ноши в туристских походах, — находчиво ответил Юрий. Но настроение его сразу же испортилось, и всю дорогу — когда они ехали в трамвае, а затем в электричке, он невпопад отвечал на Танины вопросы. Мысли о безграничной власти Константина над ним не давали ему покоя.

А еще больше помрачнел Юрий, когда они сошли на станции Мохово и углубились в лес. Этот лес напомнил ему тот, другой. Здесь тоже в одном месте пролегла на пути заросшая осинником траншея, и на полустгнивших кольях тоже висела ржавая колючая проволока. И тоже сперва были сосны, небольшая возвышенность, а потом началась низина. А потом и гроза пришла — как тогда.

На этот раз в небе столкнулись крупные боевые силы. Вначале удары были короткие и негромкие. Но вот в дело вступила тяжелая небесная артиллерия — орудия БМ из Резерва Главного командования. Шло решающее сражение. Небо гремело и полыхало. Доставалось и земле. Осколки свистели между ветвей, били по листьям. Откуда-то потянуло торфяной гарью. Юрий и Таня, накинув плащи, стояли под березой, укрываясь от града.

— Не повезло вам со мной, — хмуро сказал Юрий. — И грибов пока что никаких не набрали, и в грозу опять попали. Вам не страшно?

— Чуть-чуть страшно, но и весело, — ответила девушка. — Но почему вы сказали «опять»?

— Это я оговорился. Для вас это не опять, а для меня — опять. С грозой у меня связано одно плохое воспоминание.

— Вы вообще очень грустный. Точно что-то все время давит на вас.

— Хотите, я расскажу, что на меня давит? Конечно, после этого вы презираете меня и отошлете навсегда — и правильно сделаете... Но у меня никого нет на свете, кто бы меня выслушал... Пожалуйста, выслушайте. А потом я провожу вас до города, и там мы навсегда расстанемся. — С этими словами Юрий вынул Константина из рюкзака. Тот, как всегда, повис в воздухе.

— Вот он, видите? Как, по-вашему, хороший или плохой этот шар?

— Вижу, — сказала Таня. — По-моему, он не хороший и не плохой. Он страшно чужой...

— Еще бы не чужой! Это ШВЭНС. Шар всепроникающий экстерриториальный неземной самоуправляемый. Я его прозвал Константином. Сейчас я расскажу, как я влип...

В это мгновение раздался оглушающе-близкий удар грома. Вершина ели метрах в ста от того места, где стояли Таня и Юрий, задымилась и рухнула вниз. Порывом ветра донесло смолистый запах дыма. Константин засветился розоватым светом, потом опять потемнел. От него отделилось ярко-зеленое световое кольцо и, расширяясь, устремилось в высоту. В тот же миг в темных тучах возникла круглая голубая промоина сечением примерно в полкилометра. Показалось солнце. Небесное сражение продолжалось, но над Юрием и Таней образовалась безгрозовая нейтральная зона.

— Это Константин охраняет нас от молний, — пояснил Юрий. — Вернее сказать, он охраняет только меня, больше ни до кого ему дела нет... А теперь слушайте... — И он без утайки поведал Тане о том, при каких обстоятельствах привязался к нему шар и как ему, Юрию, живется под властью шара.

Рассказ длился долго. Когда Юрий кончил печальное повествование, небесная битва уже шла к концу. Одна воюющая сторона одолела другую, и настал мир на всем небе. В лесу стало тихо, и слышно было, как поют птицы. Юрий поднял глаза на Таню и увидел, что по ее лицу текут слезы.

— Чего вы плачете? — спросил он. — Это мне надо плакать.

— Мне вас очень жалко, вот я и плачу, — ответила девушка. — Надо что-то предпринимать, так человеку жить нельзя.

— Чего ж тут предпринимать, — грустно возразил Юрий.

Он упрятал шар в рюкзак, туда же положил плащ и побрел через редколесье в сторону дороги. Таня пошла следом за ним, и вот что она сказала:

— Очень даже ясно, что надо предпринять. Надо честным трудом заработать десять тысяч и вернуть их шару. Положить их в такой же портфель и отнести на то самое место у дороги, где вы их нашли. Тогда шар отвяжется.

— Таня, я с самого начала считал, что взял эти деньги в долг у судьбы... Но как мне теперь вернуть этот долг?

— Конечно, столько денег накопить, наверно, нелегко, — задумчиво произнесла девушка. — Но я вам помогу. Через год я окончу техникум и буду неплохо зарабатывать.

— Спасибо, Таня... Но я-то как буду зарабатывать? Журналиста из меня не вышло. По специальности я педагог, но на преподавательскую работу идти не могу: как я посмею учить людей, если совесть у меня нечиста!.. А на производство пойти тоже не могу: что я там буду делать с Константином? Остановят в проходной, спросят: «Покажи-ка, что у тебя в рюкзаке...»

— Юра, вам надо поступить на такую работу, где нет проходной.

— Да, я так и сделаю... Таня, вы не устали? Давайте, я понесу вашу сумку.

— Что вы, она совсем легкая... Ну, хотите — понесите. А вы дайте мне ваш рюкзак.

— Но он ведь тяжелый... Ну, попробуйте для забавы. Только не отходите от меня больше чем на три шага. А не то Константин вырвется из рюкзака.

Таня взвалила на плечи мешок и пошла рядом с Юрием. Вдруг она закричала:

— Ой, я вижу гриб! Наконец-то! Настоящий подосиновик! — И она торопливо направилась к грибу. До него было шагов восемь.

— Осторожно! — крикнул ей Юрий. — Шар сейчас...

Но шар оставался в рюкзаке. Девушка прошла пять, шесть, восемь шагов — шар оставался в рюкзаке.

— Таня, вы приручили его! — воскликнул Юрий. — Он не вырвался!.. Давайте сделаем еще один опыт. Снимите рюкзак, положите его на землю и шагайте ко мне.

Она положила мешок на мох и пошла налегке. Но едва сделала четвертый шаг, как шар вырвался из рюкзака и очутился в воздухе возле нее, а потом метнулся к Юрию. Тот огорченно вздохнул.

— Не печальтесь, — сказала Таня. — Когда приедем в город, я сделаю заплатку на вашем рюкзаке, а пока понесем шар в моей сумке.

— Я огорчен другим. Я вдруг понадеялся, что Константина можно будет оставить тут, в лесу, что я отделаюсь

наконец от него. А получилось гораздо хуже: не только я не отделался от него, а он еще и к вам привязался. Выходит, что теперь для Константина мы с вами два сапога пара.

— Ну что ж, теперь вам будет полегче, — спокойно ответила Таня.

— Но вам-то будет потяжелее. Вы не боитесь?

— Нет. Я рада помочь вам... И знаете, ведь пока что я живу в общежитии одна. Я могу взять к себе шар на пару дней, чтобы вы хоть немного отдохнули от него. Никто ничего не узнает.

— Спасибо, Таня... Только вот какой вам совет: пожалуйста, по вечерам задерживайте занавеску на окне. А то в нашем доме есть один любитель смотреть в чужие окна. У него и оптика всякая имеется.

— Спасибо Юра, что сказали... Вот уж не думала, что кто-то подглядывает... Но занавески у нас кисейные; только одна видимость, что они дают невидимость... Между прочим, наше общежитие скоро переезжает в новое здание. А этот дом передают тресту «Севзаппогрузтранс». В нем будет мужское общежитие.

Возвратившись с Таней в город, проводив ее до дверей общежития и вернувшись в свое жилье, Юрий впервые за много дней уснул без шара, висящего у изголовья. Но уснул не сразу. Хоть Константина и не было здесь, но сознание, что он существует в реальности и находится в данный момент у Тани, не очень-то радовало. «Зря я взвалил на нее эту неприятность, — думал Юрий. — Завтра отберу шар».

Утром послышался вежливый стук в дверь. Вошел Вавик.

— А где шарик? — ласково спросил он. — Я безумно соскучился по нашему общему круглому другу... Юра, не могли бы вы мне хоть немножко помочь в ускорении приобретения того оптического прибора, о котором...

— Вавилон Викторович, девушки скоро переедут в новое помещение. А в этом будет общежитие экскаваторщиков и слесарей-ремонтников.

— Какая ужасная вещь!.. Рушится мир прекрасного!.. — И бедный старик с поникшей головой и слезами на глазах вышел из комнаты.

Вскоре раздался робкий звонок. Юрий открыл наружную дверь, и в прихожую вошла Таня. В руке она держала тяжелую сумку с шаром.

— Юра, вы удивлены, что я пришла к вам?

— Я обрадован, — тихо ответил он.

Войдя в комнату, Таня тотчас вынула шар, и тот занял привычную позицию в трех шагах от Юрия.

— Давайте сюда ваш рюкзак, я его залатаю, — сказала девушка. — И вот вам деньги. Их мне выдал шар десять минут тому назад. А потом он сразу же направил на стену голубой луч и написал на стене ваше имя и адрес. Не успела надпись потускнеть, как я собралась к вам.

— Спасибо, милая Таня! Хорошо, что вы пришли, и хорошо, что вы принесли Константина. Все-таки он должен быть со мной, ведь на десять тысяч позарился я, а не вы.

— Юра, но когда вам необходимо отсутствие шара, вы будете на время сдавать его мне. Обещаете?

— Обещаю.

В тот же день Юрий записался на краткосрочные курсы кочегаров парового отопления, где полагалась стипендия, и Константин сразу же перестал выдавать ему деньги. Этот переход на хозрасчет только обрадовал и Юрия и Таню. Окончив курсы, Юрий стал работать в котельной домохозяйства. А в свободное от дежурства время он ездил на станцию Ленинград-Навалочная, где трудился на погрузке товарных вагонов. В котельной он всегда дежурил с рюкзаком за плечами и всем говорил, что этот тяжелый рюкзак носит для тренировки, готовясь к дальнейшему туристскому походу. Отправляясь же на погрузочные работы, он нередко оставлял Константина на попечение Тани. Или, вернее, Таня сидела дома под надзором Константина.

Через полгода после достопамятной поездки в Мохово молодые люди расписались в загсе, и Таня переехала к Юрию. Свадьбу справили скромно, с пирожными, но без вина. Гостей званых не было. Только неизменный незваный гость — Константин присутствовал на этом безалкогольном брачном пире.

Шар исчезает

Со дня свадьбы прошел год и несколько месяцев. Юрий и Таня жили очень дружно, но нельзя сказать, что очень счастливо, ибо постоянное присутствие Константина тяжело давило на их психику. Шар был все такой же: темный, холодный, всемогущий и всезнающий. Привыкнуть к нему нельзя было, как нельзя привыкнуть жить в одной комнате с атомной бомбой.

Хоть супруги зарабатывали совсем неплохо (теперь, окончив техникум, работала и Таня), но жили крайне скромно, отказывая себе во всем. Товарищи по работе и соседи по квартире считали их сквалыгами, придя к твердому выводу, что они жадные от природы. А Юрий и Таня никак не могли рассказать посторонним людям, почему они оба живут столь экономно. Ведь это была их тайна. Они копили деньги, чтобы вернуть Константину десять тысяч и тем самым избавиться от его настырного присутствия.

Товарищи по работе считали двух молодых людей не только крохоборами, но и несимпатичными, скрытными, необщительными существами, замкнувшимися в своем тесном мирке. И немудрено: ведь молодожены никого не приглашали к себе домой и сами тоже ни к кому не ходили в гости, не участвовали в туристских походах и вообще держались в стороне от людей. Люди не знали и знать не могли, что необщительность Тани и Юрия объясняется вовсе не их плохими душевными свойствами, а желанием сохранить в тайне существование Константина. Люди не знали, что Юрий и Таня сами очень страдают из-за своей вынужденной отстраненности от всеобщей жизни. В особенности тяжело переносила эту оторванность от людей Таня, веселая и общительная по натуре. Но она несла бремя этой тайны ради Юрия, которого любила. Тайна продолжала оставаться тайной.

Это произошло двенадцатого января.

Юрий шел домой после ночной смены. Невеселые мысли владели им в это зимнее утро. Он думал о том, что до

сих пор они с Таней положили на сберкнижку только тысячу сто пятьдесят. Сумма, конечно, не маленькая, но чтобы откупиться от Константина, они должны накопить десять тысяч. Сколько же лет им еще предстоит прожить, во всем себе отказывая? Правда, со временем накопление пойдет быстрее, так как у него и у Тани зарплата станет больше, но все-таки... Себя Юрий не слишком жалел, но ему очень жалко было Таню. Она ходит в поношенных платьях, голубая ее шерстяная кофточка совсем вылиняла и протерлась на локтях, пальто давно вышло из моды. В кино за все время совместной жизни были только три раза, о театре и разговора нет. Правда, Таня ни на что не жалуется, но он-то понимает, что ей не сладко. Ведь так вот и молодость пройдет.

Шагая к дому наискосок через заснеженный сквер, Юрий поднял глаза и увидел в своем окошке свет. Это его встревожило. Таня к этому времени должна уже уйти на работу. Не заболела ли? Он ускорил шаг, потом побежал. Вот и парадная. Вот лифт. Как медленно он поднимается!

Когда он вошел в комнату, Таня, понурившись, сидела у стола. Глаза у нее были заплаканные. Перед ней лежало какое-то письмо. Юрий машинальным движением снял со спины рюкзак и выпустил Константина. Тот привычно повис в воздухе.

— Таня, что с тобой? Ты не захворала?

— Нет. Но я ждала тебя. Вот прочти. Это от тети Вари, из Пскова, — она протянула Юрию листок почтовой бумаги, исписанный крупным почерком.

— Ты, Таня, сама скажи мне, в чем дело.

— У тети Вари сгорел ее дом и все имущество. Она уже неделю живет у соседей, в какой-то проходной каморке... А муж ее сразу же ушел к прежней жене... Тетя теперь совсем одна. Мне ее очень жаль, ведь она растила меня; ничего не жалела... Понимаешь, она просит у меня тысячу в долг. Но я знаю, что отдать-то она не сможет.

— Но неужели ей на работе не помогут?

— Конечно, помогут. Ей уже дали ссуду. Но ведь у нее все-все сгорело, и домик, и все-все... И застраховано у нее ничего не было.

Юрий закурил «Памир» и стал шагать по комнате — от окна к двери и обратно. Шар следовал за ним. Потом Юрий сел на кровать и, жадно затягиваясь, минуты две смотрел на Константина, висящего от него в трех метрах на уровне глаз. Потом перевел взгляд на Таню; она все так же сидела у стола в своей потертой, когда-то голубой, а теперь бог весть какого цвета кофточке. Потом встал, закурил вторую сигарету, сказал:

— Таня, ты иди на работу, а то зачтут прогул. А я вздремну до одиннадцати.

— Почему до одиннадцати? — каким-то растерянным голосом спросила Таня.

— Так ведь сберкасса открывается только в одиннадцать. А потом я схожу на почту. Каким переводом послать: почтовым или телеграфным?

— Телеграфным... Спасибо, Юра. Я ничего другого и не ждала от тебя... Но теперь нам придется копить деньги заново. Ты выдержишь?

— С тобой — да!

В это мгновение вокруг Константина возникло неяркое, тихо вращающееся кольцо. Из кольца выделился голубой луч и начал двигаться по стене, оставляя на ней четкие, постепенно гаснущие слова:

Отбываю зпт убедившись в цепных душевных качествах рядового жителя даншой планеты тчк Отныне Земля будет впесена в реестр планет зпт с которыми возможен дружественный контакт тчк Благодарю за внимание

Затем шар поднялся выше, приблизился к окну, выдвинул из себя две черные рейки. Те потянулись к форточке, и через мгновение шар, вобрав в себя рейки, очутился за окном. Затем сперва очень медленно, а потом все быстрее и быстрее ШВЭНС стал удаляться от окна, от дома, от улицы, от города, от Земли. Некоторое время еще виден был светящийся след, пролеглий над сквером, над дальними крышами и косо уходящий в небо, к звездам. Потом и след растаял.

ЛАЧУГА ДОЛЖНИКА

***Роман случайностей, неосторожностей,
нелепых крайностей и невозможностей***

По крутому горному склону на ловитву я шел и редчайший цветок ар... (лакуна) узрел, сулящий счастье и долголетие почетное пашедшему. И сорвал его. Но когда срывал, (то) камушек малый нарушил стопой своей, и покатился он (вниз), и увлек другие камни. И возник (родился) обвал, и обрушился в долину на дом ближних моих.

Ответь, путник: виновен ли невинный? Грешен ли не замышлявший зла, но причинивший (зло)?

Ты не виноват — говорит (мне) разум. Но почему лачугой должника, пещерой изгнанника, ямой прокаженного стал для меня мир подзвездный?

Алантейская стела. Фрагмент четвертый.

Расшифровка Г. Ван-Виддера и А. Чарко

1. Предварительное сообщение

Приступая к воспоминаниям о недавних событиях, участником и свидетелем которых мне довелось быть, считаю нужным предупредить Уважаемого Читателя, что в мою задачу не входит детальное описание полета «Тети Лиры» на планету Ялмез, ибо все дела экспедиции подробнее изложены в «Общем официальном отчете». Моя цель значительно скромнее. Я хочу рассказать о своем друге Павле Белобрысове и обо всем, что с ним связано. Лишь там, где это необходимо для последовательности повествования, я буду вспоминать обо всех Других и обо всем другом. В частности — о дяде Духе, о Терентьеве, о Чекрыгине, о ялмезианском профессоре Благопупе, о природе Ялмеза, об ужасных метаморфантах («воттактаках») и о прочих лицах, явлениях и событиях.

Ручаюсь за точность и беспристрастность своего изложения там, где речь идет о конкретных фактах. Но я не писатель. Сам того не желая, я могу допустить погрешности в обрисовке людских характеров. Более того: хоть подробно поведать о Павле Белобрысове могу только я, ибо только мне он доверял полностью, но опасаюсь, что верного словесного портрета не получится. Признаюсь Вам, Уважаемый Читатель: внутренний мир, духовный облик моего друга мне самому до сих пор не вполне ясен.

И еще одно предупреждение — извинение, — специально для земных Читателей. По ходу своего повествования я порой буду повторять некоторые общеизвестные истины и с излишней дотошностью толковать о том, что всем землянам отлично и без меня известно.

«Почему?» — спросите вы.

А потому, что труд мой предназначен не только для жителей Земли, но и для иномирян. Издательство известило меня, что в дальнейшем он, возможно, будет астрофицирован*. Естественно, разумные обитатели иных планет хуже, нежели мы, знакомы с реалиями земной жизни, и я, считая своим долгом полнее удовлетворить их любознательность, не вправе избегать подробностей, детальных описаний и пояснительных сносок.

2. Кто я, кто мы

Герой моего повествования — Павел Белобрысов. Но, повествуя о нем, о событиях, в которых мы с ним участвовали, о людях, с которыми были знакомы, мне неизбежно придется упоминать и о себе. И довольно часто. И поскольку я вынужден присутствовать в своем повествовании, позвольте представиться Вам, Уважаемый Читатель.

Я:

Имя	Степан
Отчество	Архипович
Фамилия семейная	Данников

* То есть переведен на инопланетные языки. (Здесь и далее — примечания Степана Кортикова.)

Фамилия личная*	Кортиков
Год рождения	2113
Место рождения	Ленинград
Образование	Высшее
Профессия	Воист

Напомню, что слово ВОИСТ возникло из слияния двух слогов: ВО(енный) и ИСТ(орик). Смысл его неоднозначен: кроме понятия «воин», «воитель» в нем звучит и корень слова «истина». Это слово отражает смысл нашей деятельности: на мирной Земле мы изучаем историю минувших войн, строго придерживаясь научной истины.

Попробую кратко очертить круг наших обязанностей.

Мы:

1. Пишем научные труды и издаем книги и реферативные журналы по военной истории Земли.

2. Преподаем в школах и вузах военную историю. (И добавлю: «воюем» с Управлением Средней и Высшей школы за увеличение количества учебных часов. Их выделено нам — по сравнению с другими дисциплинами — ничтожно мало.)

3. Курируем военные музеи и следим за сохранностью военно-исторических памятников.

4. Проводим изыскания в военных архивах.

5. Организуем раскопки древних фортификационных сооружений.

6. Консультируем и рецензируем поэтов, прозаиков, видеодраматургов, живописцев, скульпторов, композиторов, творящих на военно-историческую тему или частично затрагивающих эту тему в своем творчестве.

Добавлю к сему, что на воистов возложена некая оборонная миссия. Не буду останавливаться на ее деталях (они секретны), но смею заверить Уважаемого Читателя, что в случае нападения на нашу планету агрессору будет дан должный отпор. Возможность нападения на Землю

* Некоторые земляне, достигнув зрелого возраста, берут себе добавочную («личную») фамилию; обычно в ней отражаются их профессиональные интересы. Чаще всего так поступают дети чем-либо знаменитых родителей, дабы избежать обвинения в нескромности.

какой-либо инопланетной воинственной цивилизации ничтожна, однако она все же есть, и это надо учитывать. И это — учтено.

Что должен знать воист?

Он должен знать всемирную военную историю, стратегию, тактику, боевые уставы всех армий прошлого, все роды оружия, баллистику, химию взрывчатых веществ, атомную физику, основы кораблевождения, авиационное дело, сопромат, картографию, интендантское дело, геральдику — и еще много, много другого.

Как стать воистом?

После окончания Средней школы надо подать заявление на Военно-исторический факультет. Во-ист-факи имеются при университетах, но не при каждом, а лишь при одиннадцати на всей планете. Срок обучения — двенадцать лет. На седьмом курсе студент получает звание сержанта Военной истории и начинает специализироваться в избранной им отрасли. Сдав выпускной экзамен, он становится лейтенантом Военной истории. Далее, при отсутствии порочащих обстоятельств, воист повышается в звании через каждые пять лет. (Напомню, что пункт 17 Устава воистов гласит: «В случае малейшего проявления жестокости по отношению к людям, животным или обитателям иных планет воист подлежит разжалованию».)

Сколько воистов на Земле?

Нас более семи тысяч. Благодаря отсутствию войн и успехам геронтологии некоторые воисты доживают до весьма преклонных лет и весьма высоких чинов. Мы гордимся, что в нашем содружестве числятся 87 генералов и 54 адмирала. Правда, это дало повод одному журналисту сострить, что у нас «на каждого капрала — четыре генерала». Однако далеко не все воисты — долгожители. Среднестатистическая длительность жизни воиста значительно короче, нежели у остальных землян, ибо один из пунктов нашего Устава гласит: «Воист не должен уходить от опасности».

Приведу два примера.

Во времена Великого Африканского землетрясения 2102 года первыми в эпицентр событий прибыли спасательные бригады воистов, чтобы оказать помощь пострадав-

шим (хоть отлично знали, что ожидается «второй вал»). Они спасли не одну тысячу человек, но сами потеряли 317.

Во время Большой чумы на Клио, планете Второго пояса, туда были переброшены наряду с высокоспециализированным земным медперсоналом 1700 добровольцев-воистов; они работали там как братья милосердия. 256 из них похоронены на Клио.

Поступить на Во-ист-фак не очень-то просто. Ведь пункт 2 нашего Устава читается так: «На мирной Земле и выше воист обязан быть носителем лучших человеческих и воинских качеств». Помимо усложненного экзамена по многим отраслям знаний, испытуемым даются особые тесты, проводятся испытания на выносливость, на памятьливость, на способность к взаимовыручке на суше, на море, в воздухе и в космическом пространстве. Особое внимание уделяется способности испытуемого к разумным и хладнокровным действиям при летальной опасности.

Строгость приемных испытаний не смягчается даже в случае недобора. Не утаю, недобор на наши факультеты — явление не столь уж редкое. Одних отпугивает строгость испытаний, других — долгий срок обучения. Некоторые считают военную историю наукой бесперспективной.

Но пора упомянуть и о наших прерогативах. Мы, воисты, единственные люди на Земле, имеющие право носить военную форму. Более того, по общепланетным праздникам мы можем ходить с оружием, взятым под честное слово из музейных фондов.

Есть у нас и еще одна привилегия. При комплектовании космических экспедиций воисты в возрасте до пятидесяти лет, при наличии у них второй специальности или хобби, отвечающего задачам данной экспедиции, освобождаются от специспытаний. Это объясняется просто: ведь при поступлении на Во-ист-фак человек проходит более жесткую проверку (в смысле умственных, моральных и физических качеств), нежели рядовой претендент на полет в космос. Руководители космоэкспедиций весьма охотно включают нас в состав своих групп, ибо знают: воист не подведет и в случае опасности примет удар на себя, выручая товарищей. И пусть над нами порой подшучивают,

приводя уже упомянутую мной шутку о капралах и генералах, но гораздо чаще, желая кого-либо похвалить, говорят: «Он смел, как воист!» И каждый землянин со школьных лет знает стихотворение известного поэта Парнасова, первая строка которого звучит так: «Воисты — рыцари Земли!...»

Как и почему я стал воистом?

Во всяком случае, не по наследственной линии. Моя мать, Агриппина Васильевна Догова-Данникова, — ветеринар-невропатолог. Мой отец, Архип Викторович Данников, вошел в историю как биотехнолог сапожного дела. «Вечные сапоги Данникова» (в просторечии — «вечсапданы») известны не только на Земле, но и на других планетах, где разумные существа передвигаются при помощи своих конечностей. Шестиногие аборигены планеты Феникс, поверхность которой отличается острозернистой каменистой структурой и обилием пресмыкающихся, воздвигли в честь моего отца «Пилон благодарности». Некоторые земные франты и франтихи к вечсапданам относятся пренебрежительно, но большинство землян носит их охотно. Вечсапданы изготавливают из активной биомассы, имеющей способность самоочищаться, самовосстанавливаться и саморазвиваться за счет окружающей среды и тепловой энергии, выделяемой человеком при ходьбе. Они увеличиваются синхронно с ростом ног своего владельца. Практически одна пара вечсапданов может служить человеку с его отроческих лет и до глубокой старости.

Если взглянуть на остальную мою родню, то и там воистов нет. Тетка по материнской линии, Забава Васильевна Струнникова, — учительница музыки; дядя, Глеб Васильевич Путейцев, — инженер. О дяде по отцу, Фоме Викторовиче Благовоньеве, позже я расскажу подробнее, пока же сообщу, что и он не воист. Он талантливый композитор парфюмерной промышленности и теоретик ароматологии. Его перу принадлежит солидный, но малоизвестный труд «Запахи в судьбе великих людей прошлого». В дни моего детства и юности дядя Дух (так прозвала дядю моя сестрица Глафира — за его пристрастие к духам и всяческим ароматам) постоянно обитал в нашей квартире на Лах-

тинской набережной, ибо был одинок; жена покинула дядю из-за его чудачеств. Он неоднократно проводил с моей сестрой и со мной просветительные беседы о запахах, надеясь, что мы пойдем по его стопам. Но сестру интересовало швейное дело, меня же тянуло ко всему морскому.

Когда мне исполнилось десять лет, я вступил в яхт-клуб на Петровской косе и там научился ходить под парусами. Позже я овладел навигационным делом уже в океанском масштабе. Однако парусный спорт всегда интересовал меня чисто практически, а как будущего воиста меня с детства влекли к себе корабли послепарусной эпохи. Еще в ранние свои школьные годы я стал частым посетителем Военно-морского музея. Там я запоминал внешний вид моделей броненосцев и дредноутов, а затем, в помещении школьного кружка моделеров, воспроизводил корабли в материале, причем старался делать это с большой точностью. Не из хвастовства, а для внесения ясности сообщаю, что память у меня — 11,8 по 12-балльной шкале Гроттера — Усачевой и что, взглянув на пульсационный стенд Любченко, я могу затем нарисовать, повторяя все цвета и оттенки, срок девять геометрических фигур из пятидесяти. Эти параметры памяти даже несколько выше тех, которые необходимы (разумеется, при наличии всех прочих требуемых данных) для поступления на Во-ист-фак.

Вначале мой интерес простирался только на внешние формы кораблей — на их обводы, палубные надстройки, барбеты и орудийные башни. Но затем моя любознательность обратилась на технологию, на старинные судовые двигатели, на внутрисудовые коммуникации, на проблемы живучести кораблей. А потом как-то незаметно для самого себя я перешел к чтению военно-исторических книг, где разбирались действия флотов, причем с особым тщанием штудировал те труды, где речь шла о битвах эскадр послепарусной эпохи.

Будучи учеником 8-го класса, я написал статью «Бой неиспользованных возможностей. Просчеты британского командования в морском сражении у Доггер-банка 24 января 1915 года». Я пытался доказать, что, если бы английская эскадра не потратила даром времени на добивание

германского броненосного крейсера «Блюхер» (который был уже серьезно поврежден, потерял остойчивость и фактически утратил значение как боевая единица), а продолжала бы преследование кайзеровской эскадры, то британцы, имея перевес в линейных крейсерах, могли бы развить значительный оперативный успех, который в дальнейшем ходе морской войны положительно сказался бы на всех действиях Грандфлита. Эту статью, сопроводив ее начерченными мною же схемами, я послал адмиралу Военной истории Кубрикову и с трепетом стал ожидать его отзыва.

Я никак не предполагал, что отклик последует столь быстро. Через два дня, в воскресенье 5 июня 2128 года (эту дату я запомнил на всю жизнь!), адмирал связался со мной по альфатону. Стоя в нашей гостиной перед альф-экраном, я впервые увидел Кубрикова так близко. Он казался моложе своих лет, свежевыбритое лицо его дышало энергией; пахло от него каким-то очень приятным одеколоном. Он сказал, что через двадцать восемь минут посетит меня лично. Когда изображение померкло, у меня мелькнула мысль: уж не сон ли это?

Но, к счастью, то была явь. В этом я убедился, когда в гостиную вошел дядя Дух.

— Пахнет парфюмом, — заявил он. Затем, вытянув шею, он с шумом вдохнул воздух и, выдохнув его, изрек: — Одеколон «Вечерний бриз», автор композиции Марфа Полуянова, день разлития эссенции — восемнадцатого или девятнадцатого декабря минувшего года; рецептурных нарушений не ощущаю... Парфюм недурной, одобряю твой вкус.

— Это не мой вкус! — воскликнул я. — Это вкус адмирала Кубрикова! Он только что беседовал со мной по альфатону. И, представь себе, он направляется сюда!

Известие это дядя Дух воспринял без должного восторга. Он не одобрял моего увлечения военно-морской историей.

— Только адмиралов нам здесь и не хватало! — ворчливо произнес он. — Удивляюсь, как это ВЭК* не жалеет

* ВЭК — Всемирный Экономический Кворум.

сотен тысяч уфедов* на эту чудаческую ассоциацию воистов!.. А проект моей Установки, проект, сулящий людям душистую радость, был безжалостно зарублен как якобы бесполезный! — С этими словами он нервным шагом покинул гостиную, направляясь в свою комнату-лабораторию.

В те дни дядя Дух был в большой обиде: только что отклонили проект его Пульверизационной Установки. Композиционный замысел дяди заключался в том, что каждую улицу Ленинграда надо снабдить постоянным индивидуальным запахом. Помимо сооружения огромной сети микротрубопроводов и мощных нагнетательных установок осуществление этой идеи потребовало бы создания нового парфюмерного комбината; к тому же и сама суть творческого замысла не встретила сочувствия среди горожан и даже вызвала насмешки. Проект был отвергнут.

* * *

В назначенное время к причальному балкону нашей квартиры плавно подлетел серый, окрашенный под цвет старинного военно-морского судна, одноместный дирижабль. Поймав швартовый конец, я ловко закрепил его в магнитном держателе и выдвинул трап. Адмирал, в скромном темно-синем кителе, сошел на балкон, пожал мне руку и сказал, что хотел бы представиться моим родителям.

Я ответил, что их, к сожалению, нет дома: отец — в командировке на планете Диамант, мать же срочно вылетела в другой конец города, на Фонтанку: у одного из ее пациентов, престарелого пуделя, острый приступ пресенильной меланхолии.

Посочувствовав бедному животному, Арсений Тихонович последовал со мной в мою комнату.

— Я сделал тут кое-какие пометки, — заявил он, кладя на стол рукопись. — В целом статья свидетельствует о вашей начитанности, однако концепция ее не нова: нечто подобное высказывали в свое время Коррендорф, Лоули,

* Уууфед (в просторечии — уфед) — условная универсальная учетно-финапсовая единица. После отмены денег в мировом масштабе в уфедрах исчисляется количество труда и энергии, затрачиваемое на что-либо.

Шукин-Барский. Я лично придерживаюсь в данном вопросе несколько иной точки зрения и вообще считаю, что права древняя поговорка: «Легко быть стратегом после боя». В дальнейших своих исследованиях вы должны учитывать, что в ходе сражения на флотоводца влияет очень много составляющих. Например, надо иметь в виду, что на исходе Доггер-банкского боя у контр-адмирала Мура произошла путаница с расшифровкой радиогаммы, посланной ему вице-адмиралом Битти. Не следует исключать и того, что главные силы германского флота могли подойти на подмогу эскадре Хиппера, — и Мур, вероятно, опасался этого.

— Теперь я понимаю, что статья моя несамостоятельна, легковесна и воиста из меня не получится, — сокрушенно произнес я, выдавая тем самым свою сокровенную мечту.

— Нет! Не отчаивайтесь! — твердо сказал адмирал. — Я чувствую в вас военно-историческую хватку! Нарращивайте знания, укрепляйте себя физически и нравственно — и упорно держите курс к намеченной цели!

Арсений Тихонович беседовал со мной в течение часа, и за это время я проникся верой в себя на всю свою жизнь. В тот же день я сообщил матери, что решил стать воистом. Она отнеслась к моему решению весьма сдержанно, но отговаривать не стала; и отец в дальнейшем не чинил мне препятствий. Что касается дяди Духа, то он перестал со мной здороваться.

3. Краткое сообщение

В 2143 году я окончил ленинградский Во-ист-фак и получил звание лейтенанта военной истории. За последующие пять лет в моей жизни произошли следующие события:

- 1) Вступил в брак с Мариной.
- 2) Написал ряд статей по военно-морской истории.
- 3) Был произведен в старшие лейтенанты в/и.

4. На пороге решения

Утром 8 сентября 2148 года я сидел в кабинете нашей (то есть Марининой и моей) квартиры и трудился над статьей «Береговые фортификационные сооружения второй половины XIX века в свете их возможности противостоять массированному огню корабельных орудий главного калибра». Статья предназначалась для журнала «Минувшие битвы», и я, боясь опоздать со сдачей ее в набор, уже неделю не выходил из дому, всецело поглощенный работой. Дело в том, что в августе я участвовал во Всемирной океанской регате, и хоть показал на своем одноместном катамаране «эРБэДэ» («Риск — Благородное Дело») неплохую скорость, однако на обратном пути попал в шторм у Канарских островов и вернулся домой позже, нежели предполагал.

Сроки поджимали, но тем не менее я тщательно продумывал каждую фразу. Отшлифовав ее в уме, я подносил ко лбу черный кружочек идеафона, — и сразу же на столе из-под зубчиков воспроизводящего устройства выползало еще несколько сантиметров бумаги с законченным предложением; оно было как бы написано от руки моим почерком. Знаю, многие писатели и журналисты считают этот метод устаревшим, а некоторые поэты творят нынче прямо в типографиях, вдохновенно диктуя свои рифмованные мысли непосредственно печатным агрегатам. Но я воист — труд мой требует неторопливости и вдумчивости.

Наконец статья была завершена. Вот тогда-то я почувствовал, что очень устал. Я направился к дивану, лег на спину и локтем нажал на стенную кнопку потолочного экрана. Пора было узнать, что творится на белом свете.

По потолку поползли светящиеся заголовки последних известий: «ПОИСКИ НЕРУДНЫХ ИСКОПАЕМЫХ НА ПЛАНЕТЕ ОЛИМПИА. — СЕЙСМОУСТОЙЧИВЫЙ ВЫСОТНЫЙ ДОМ НА МАРСЕ. — НА ПЛАНЕТЕ АРФА ОТКАЗАЛИСЬ ОТ НУМЕРАЦИОННОГО УЧЕТА ЖИТЕЛЕЙ И ПЕРЕШЛИ НА ИМЕННУЮ СИСТЕМУ. — СТАБИЛЬНЫЕ УРОЖАИ В САХАРЕ — НЕ ПОВОД ДЛЯ

САМОУСПОКОЕННОСТИ. — ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН ПЕРЕСВЕТОВА “ПОСЛЕДНИЙ БРАКОНЬЕР” БУДЕТ АСТРОФИЦИРОВАН. — РЕЗУЛЬТАТЫ СЧИТЫВАНИЯ РЕЛИКТОВЫХ ЗВУКОВЫХ ОТПЕЧАТКОВ С ГОДОВЫХ КОЛЕЦ ДУБА. — ПИЩЕВАЯ ПЕНСИЯ ЖИВОТНЫМ, ДОБРОВОЛЬНО УШЕДШИМ ОТ ХОЗЯЕВ, РАСПРОСТРАНЕНА И НА КОШЕК...»

Все в мире обстояло неплохо, но, как всегда (или почти как всегда), в этом потоке новостей о воистах ни слова не было. Мне стало обидно — нет, не за себя — за моих современников, чьи труды на ниве военной истории достойны похвалы и упоминания... Я уже хотел выключить экран, но в этот миг на нем возникли строки, приклеившие к себе мое внимание.

«ЭКСПЕДИЦИЯ НА ПЛАНЕТУ ЯЛМЕЗ СОСТОИТСЯ. ЭТО БУДЕТ МОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ КОРПУС МЕЖПЛАНЕТНОГО КОРАБЛЯ СООРУДЯТ НА ВЕРФИ».

Мою усталость как рукой сняло. Вскочив с дивана, я нажал кнопку уточнителя. Строки на потолке померкли, а на стене возникло лицо дедика*. Он произнес следующее:

— Планета Ялмез — в третьем, предпоследнем поясе дальности. С Земли ненаблюдаема. Существование ее, геоподобная структура и соотношение суши к акватории как один к шести теоретически доказаны в две тысячи сто двадцать восьмом году гениальным, слепым от рождения, астрономом-невизуалистом Владимиром Баранченко и позже подтверждены Антометти, Глонко и Чуриным. Экологическая картина материковой поверхности нам не известна. Возможно, она таит для землян иксовую опасность. Поэтому посадку экспедиции решено произвести на водную поверхность. Изучение суши следует вести путем засылки на нее исследовательских групп на мобильных плавсредствах, используя как базу дальнолет, приспособленный к передвижению по акватории. Заострите внимание! Впервые в истории корпус межпланетного корабля будет сооружен на судовой верфи.

* Так в просторечии земляне именуют ДЕжурного ДИКтора.

— Благ-за-ин!* — сказал я деду. — А когда начнется комплектование?

— Подача устных заявлений — завтра с девяти утра. Организация экспедиции поручена СЕВЗАПу.

— Но почему именно СЕВЗАПу, а не Всемирному Центру? Это объясняется ведомственными причинами или космическими?

— Климатическими. Ученые предполагают, что климат Ялмеца в средних широтах близок климату бассейна Балтийского моря. Поэтому, в целях большей вероятности акклиматизации, вся космогруппа будет укомплектована жителями Балтийского побережья. Притом только теми, кто родился не далее десяти километров от Балтморя и его заливов и чьи предки обитали в этой местности на протяжении не менее трех поколений.

Я. По этим параметрам я годен... Смею надеяться, привилегии воистов не будут нарушены?

Д е д и к. Увы-увы. Ужесточение отбора коснулось даже воистов. Впрочем, только сухопутных. Привилегии воистов-моряков остаются в силе.

Я. Благ-за-ин! Есть ли еще какие-либо особенности отбора в эту экспедицию?

Д е д и к. Особенности много. Это объясняется морской спецификой экспедиции и повышенной степенью риска. В частности, отбирать будут только мужчин. Намечено провести строжайшие испытания поведения на море. Подробности узнаете в СЕВЗАПе... Я вижу у вас на стене портрет молодой женщины и двух детей. Это ваши дети?

Я. Мои.

Д е д и к. Это хорошо. Мужчин, не успевших обзавестись потомством, в экспедицию брать не будут, дабы не прервалась генетическая линия.

Я. Какова степень опасности?

Д е д и к. По прикидкам Ануфриева и Онтилаки численное соотношение «вернутся — не вернутся» прогнозируется как сорок семь к пятидесяти трем. Однако Институт Космических Предостережений занял в этом вопросе

* БЛАгодарю-ЗА-ИНформацию — земная формула вежливости.

еще менее оптимистическую позицию: тридцать два к шестидесяти восьми.

Я. Кого прочат в руководители?

Д е д и к. Николая Денисовича Терентьева. Он происходит из морской семьи и даже среди дальнолетчиков выделяется смелостью и решительностью. Однако он не всем симпатичен; я слышал, что при комплектации он отбирает людей по своим принципам, не всегда логичным и...

Я. Ну, это уже из области досужих разговоров... Благза-ин!

Д е д и к. Разрешите угаснуть?

Я. Угасайте.

Изображение дедика померкло.

Я сел на диван и задумался. Моему мысленному взору предстали морская даль иной планеты, таинственные берега, неизвестные мне гавани... А что, если на этой геоподобной планете обитают человекоподобные разумные существа? А что, если у них есть флот — и не только коммерческий, но и военный? Вдруг мне удастся увидеть эскадры в действии?! Разве долг воиста-моряка не повелевает мне стать участником этой морской космической экспедиции?

Я размышлял около часа. Много разных соображений промелькнуло за это время в моей голове, всего не пересказать. Скажу кратко: я решил предложить СЕВЗАПу свои услуги.

5. Луга Милосердия

Решив добиваться участия в экспедиции, я счел необходимым известить об этом свою жену, причем известить лично, не прибегая к пространственной связи. Жена моя, Марина Александровна Квакунина, — специалистка по амфибиям; ее научно-популярная книга «Жабья жизнь» не раз переиздавалась на Земле и выше. Однако в описываемый мною день супруга моя занималась делами, к бесхвостым земноводным никакого отношения не имеющими: она дежурила на Лугах Милосердия. Поскольку дежурство должно было продлиться еще трое суток, я ре-

шил отправиться к ней немедленно. Надев военно-морскую форму, я вышел на балкон, скинул чехол со стоящего там универвела*, повернул плазмопатрон, сел в седло — и, набрав ход, оторвался от разгонной дорожки.

Минут десять я летел над улицами и кровлями зданий, затем замедлил лет, выключил иннерцион — и, приземлившись на велотрассе, влился в поток движущихся по ней универвелистов. Справа от велодороги, за газоном с белыми лилиями, пролегалo ледяное шоссе. По нему, обгоняя меня, но тоже без излишней спешки, беззвучно скользили открытые летние двадцатиместные магнитные сани и большие двухэтажные магнитобусы дальнего сообщения.

Неторопливо нажимая на педали, я размышлял о том, что в старину люди очень гнались за скоростью и даже находили в этом нечто романтическое. Они мчались в громыхающих поездах, в смердящих бензоповозках («автомобилях»), в сверхзвуковых авиалайнерах, — они все время спешили куда-то. Им казалось, что этим они удлиняют и обогащают свое бытие, — на самом же деле они крали у себя радость дороги, они проглатывали пространство, как безвкусную пилюлю. Но иначе они и не могли. Лишь в ХХI веке, когда вся планета стала жить разумно планируемой жизнью, землянам стало ясно, что большие скорости нужны только в космонавтике, а на Земле — лишь в тех случаях, если необходимо оказать кому-либо срочную медицинскую помощь.

Те Луга Милосердия, где дежурила Марина, находятся в Гатчинском районе, недалеко от поселка Елизаветино. Подобные Луга, как известно, разбросаны по всей планете, — во всяком случае, в тех ее регионах, где имеется молочный скот. От употребления мяса в пищу люди отказались в минувшем веке, но молоко и натуральные молочные продукты по-прежнему потребляются в большом количестве. Еще сравнительно недавно состарившихся безудойных коров убивали за ненадобностью, но в 2122 году известный поэт Лапидарио в своем стихотворении «Вот

* Универвел — универсальный велосипед; очень распространенный на Земле вид транспорта для недалеких поездок.

она — благодарность людская!..» обнажил аморальность такого жестокого прагматизма и воззвал к людской доброте. На призыв откликнулось почти все население Земли, и в первую очередь женщины. В 2123 году вступил в силу Закон, согласно которому престарелым коровам и быкам отведены специальные хлевы и пастбища, где животные обитают и пасутся до своей естественной смерти. При каждом таком заведении имеется штатный дирпаст (директор-пастух), ветврач и зоопсихолог. Непосредственный уход за пожилыми животными осуществляют добровольные дежурные, главным образом женщины и дети. Число записывающихся на дежурства весьма значительно, и, как образно выразился один журналист, «очередь на добрые дела простирается в вечность».

Через два часа я был у цели.

Прислонив свой универвел к кованой ограде, отделяющей Луга Милосердия от велотрассы, и полюбовавшись на ее звенья, выполненные по эскизам художника Травникова в виде гигантских стеблей осоки и каких-то сказочных ромашек, я отворил калитку. Миновав палисадник, вошел в здание гостиницы для дежурных: в ее вестибюле находится пропускной пункт. Представившись вахтерше, миловидной девушке в зеленом халате, я спросил ее, где сейчас трудится Марина Квакунина.

— Ваша жена с детьми работает в хлеву номер три, — ответила вахтерша и указала на виднеющееся из окна длинное зеленое строение в левой части большого поля. — Но должна вас предупредить: месяц тому назад один престарелый бык чуть было не забодал посетителя, и дирпаст распорядился, чтобы впредь никто не выходил на поле без симпатизатора*. Позвольте вручить вам симпатизатор.

— Благ-за-ин! Но позвольте возразить вам, — произнес я. — Разве вы не видите, что на мне военная форма?! А

* Симпатизатор — прибор, излучающий так пазываемые волны доверия. Впускает по отношению к его посетителю чувство симпатии, доверия, приязни, воздействует почти на все живые существа. Радиус действия — 63,5 метра. Применение по отношению к людям и разумным обитателям иных планет категорически запрещено из этических соображений.

пункт двести первый Устава воистов гласит: «К технологическим пространственным средствам защиты воист вправе прибегать лишь в случае серьезной опасности». В данном случае подобная опасность отсутствует.

— Не смею спорить, — с улыбкой сказала девушка. — Идите уж так... Только не попадайтесь на глаза дирпасту!

Я вышел в поле. Шагая мимо мирно пасущихся коров-старушек и быков-стариков, я вспоминал заповедники Сибири, льды Арктики, тропические джунгли Амазонки, чащобы Азии — все те места, куда меня сбрасывали на парашюте и где я, ориентируясь по компасу и звездам, должен был в определенный срок явиться в определенную точку. Все это входило в программу испытаний на право стать воистом. Вот тогда-то мне приходилось применять симпатизатор — при встречах с белыми и бурыми медведями, волками, тиграми, слонами, крокодилами, удавами и ядовитыми змеями.

Однажды в Африке, при внезапном появлении молодого льва, вышедшего из зарослей в десяти шагах от меня, я по неопытности, прежде чем направить на него незримый луч, нажал не белую кнопку (для млекопитающих), а зеленую, предназначенную для симпатизации змей и пресмыкающихся. Получился перебор. Лев-подросток проникся такой симпатией, что подбежал ко мне и начал возле меня прыгать и кувыркаться, как бы приглашая и меня порезвиться. При этом он задел лапой мое правое плечо, разорвал комбинезон, а заодно и вырвав кусок кожи вместе с мускульной тканью. Я уговаривал зверя утихомириться, да куда там. К счастью, из кустов вдруг послышался требовательный львиный рык, — по-видимому, мать-львица позвала к себе своего питомца; он покинул меня. Наскоро перевязав рану спецбинтом, я продолжал путь. В пункт randevу я явился с опозданием на семь с половиной секунд, однако добродушный чернокожий воист — инструктор в чине фельдмаршала поставил мне в зачетке удовлетворительный балл, после чего вызвал аэролет скорой помощи. Мне пришлось отлежать в больнице девятнадцать суток.

...Но, быть может, Вы, Уважаемый Читатель, ждете какого-либо происшествия, последовавшего в результате того,

что я не взял с собой симпатизатор? Ждете, что на меня кинется бык и я героически отражу его натиск? Должен Вас огорчить: на пути к хлеву я не встретил ни свирепого быка, ни строгого дирпаста. Хочу напомнить Вам, что я пишу не роман и ни к каким выдумкам и литературным приемам для возбуждения Вашего интереса прибегать не намерен.

...Едва я вошел в светлое и просторное здание хлева, как увидел Марину и детей. Жена в зеленом платье стояла возле пустого стойла, направляя из шланга струю воды на зеленоватые плитки пола. Дочь Нереида и сын Арсений (названный так в честь адмирала Кубрикова) маленькими лопаточками выгребали навоз из соседнего стойла, тоже пустующего, на вагонетку. Дети обрадовались моему неожиданному появлению, Марина же и обрадовалась, и встревожилась: она сразу догадалась, что прибыл я неспроста.

153-й пункт Устава воистов гласит: «Трудный разговор начинай с главного». Я сразу же сообщил жене все известные мне сведения о планируемой экспедиции и о своем намерении стать одним из ее участников. Сообщением моим Марина была явно огорчена. Не упоминая — из чувства такта — об опасностях, она сказала:

— Как долго тебя не будет с нами! Ведь Третий пояс дальности — это минимум год полета... Только туда...

— Это не так уж много, — утешающе возразил я. — Надо радоваться, что Бельшеву, Нкробе и Огатаеме удалось открыть формулу, благодаря которой человечество преодолело парадокс времени. А то я бы вернулся только при наших правнуках.

— Да, ты прав. Но при антипарадоксальном полете невозможна связь с Землей... Мы ничего не будем знать о тебе до твоего возвращения.

— Тут уж, Марина, ничего не поделаешь. Каждый плюс носит в себе свой минус.

— Может быть, тебя еще и не включат. Ведь у тебя нет космической специальности, — с надеждой произнесла Марина.

— Моя морская выучка и практические знания могут пригодиться в этой экспедиции, — ответил я.

— Что ж, лети, если считаешь это необходимым, — дала согласие жена.

Затем мы прошли по длинному коридору мимо стойл. В некоторых из них, лениво пережевывая комбикорм, лежали коровы, — это были совсем дряхлые животные, они уже не могли выходить на пастбище. Над их кормушками виднелись экраны объемного телевидения.

— В определенные часы им показывают короткометражные видеоленты с изображениями летних лугов, полевых речек, прудов; это стимулирует аппетит и благотворно действует на психику, — пояснила мне Марина.

— Не слишком ли обеднен репертуар? — пошутил я.

— Репертуарный вопрос не так-то прост, — серьезно сказала жена. — Год тому назад один зоопсихолог выискал в киноархиве игровые кинофильмы из сельской жизни двадцатого века, придал им объемность и стал показывать престарелым животным. В результате аппетит у коров понизился, агрессивность повысилась; были случаи умышленного прободения видеоэкранов рогами. Один бык, правда, очень великовозрастный, получил инфаркт и умер, не приходя в сознание. В конце концов зоопсихолог был лишен медицинского диплома за жестокое обращение с животными, а дирпаст получил строгий выговор.

Вскоре Марина отвела детей в гостиницу, проводила меня за калитку. Покинув пределы Лугов Милосердия, она тотчас нажала на пуговицу-цветорегулятор, и ее платье из зеленого превратилось в голубое. На территории Лугов все обязаны ходить в зеленом, а ведь этот цвет далеко не каждому к лицу, посетовала она.

Усевшись на свой универвел, я помахал жене рукой и начал набирать высоту; для сбережения времени я решил вернуться домой по воздуху. Завтра мне предстоял серьезный день.

6. Знакомство с Павлом Белобрысовым

На следующий день, то есть 9 сентября 2148 года, к 9 часам утра я явился в Северо-Западное Управление Космических Исследований. Здание СЕВЗАПа, как известно,

находится возле речки Пряжки, в той части Ленинграда, которая в старину называлась Коломной.

Войдя в просторный вестибюль, я уселся в одно из многочисленных кресел и тотчас нажал на кнопку в подлокотнике. Элмех*, стоявший в центре зала, сразу же встретился; ловко лавируя на трех своих ногах между людьми, он бесшумно подошел ко мне и почтительно произнес:

— Осмелюсь догадаться, вас интересует экспедиция на планету Ялмез? Будьте ласковы объявить ваш устный паспорт.

Я назвал свое имя, личную фамилию, специальность, семейное положение и градацию здоровья по общепланетной шкале.

— Информированы ли вы о степени опасности? — спросил элмех, придвинувшись ко мне ближе, но отведя в сторону свои наблюдательные линзы**.

— Да, — ответил я.

— Есть ли у вас космическая специальность?

— Нет. Но мое практическое знание навигационного дела, а также прикладные знания, полученные на Во-ист-факе, могут оказаться полезными для экспедиции.

— Благ-за-ин! Будет доложено Терентьеву. Сидите и ждите вызова. Не покидайте нас, молю! Не принести ли вам чашечку кофе?

— Нет, спасибо. — Откинувшись на спинку кресла, я стал разглядывать посетителей СЕВЗАПа, вслушиваться в голоса. Кроме русской звучала литовская, немецкая, шведская, латышская, польская, эстонская, финская речь. Однако народу было меньше, нежели я предполагал. Как видно, условия комплектации оказались слишком сложными и специфическими, да и коэффициент опасности сыграл свою роль. Что ж, это повышает мои шансы, подумал я. Благоприятствует и то, что вся публика — штатская, я, кажется, единственный здесь воист.

Мои размышления прервал чей-то хриловатый голос:

* Элмех — электрошно-механический секретарь.

** Зрячим электрошно-механическим устройствам (кроме медицинских) запрещено вглядываться в лица людей на близком расстоянии.

Зайцу молвила медведица:
— Разрешите присоседиться?

— Рад буду соседству, — ответил я, не подавая виду, что меня удивило это странное двустиише.

Передо мной стоял светловолосый человек; на вид он был старше меня лет на семь. Незнакомец плюхнулся в соседнее кресло. Рука его потянулась к кнопке вызова, но затем он отдернул пальцы, будто боясь обжечься, и застыл, погрузившись в свои мысли.

Я сидел, ожидая вызова к Терентьеву, и изредка поглядывал на соседа. Меня поразило сложное выражение его лица: на нем можно было прочесть и ум, и добродушие, и душевную прямоу — и одновременно какую-то хитроватость, настороженность и даже растерянность. Странными показались мне и его глаза: не то чтобы усталые, не то чтобы печальные, но какие-то вроде бы не соответствующие лицу, какие-то чужие. Одет он был в умышленно эклектическом стиле — так в том году одевалась гонящаяся за модой молодежь: шитый серебром голубой фрак, сиреневые брюки гольф, алые рубчатые носки до колен; на ногах, разумеется, не скромные вечсапданы, а плетеные позолоченные сандалеты. Он производил впечатление человека, который хочет казаться моложе своих лет. Это, признаться, не располагало в его пользу.

— А публика-то валом не валит на это дело! Кой у кого, видать, от страха из-под хвоста цикорий посыпался... — внезапно молвил он, повернувшись ко мне. — А для меня это и лучше, шанец растет! Значит, буду действовать!

Лишай стригущий, бреющий полет...
В чем сходство их? — В движении вперед.
И ты, приятель, брей или стриги —
Но отступать от цели не моги!

Произнеся это загадочное четверостишие, сосед мой нажал кнопку вызова.

— Насколько понял, вы желаете войти в состав экспедиции? Если объявите свой устный паспорт, буду обрадован я, — проговорил подошедший к нему элмех.

— Павел Васильевич Белобрысов, — отрекомендовался мой странный сосед. — Родился в Ленинграде в две тысячи сто седьмом году. — Произнеся это, он почему-то покосился в мою сторону. — Имею много специальностей, которые могут пригодиться где угодно. Здоровье — двенадцать баллов с гаком.

— Не все понял я, уважаемый Павел Васильевич, — почтительно произнес секретарь. — Что вы имеете честь подразумевать под словом «гак»?

— Гак — металлический крюк на древних кораблях, служивший для подъема грузов и шлюпок, — пояснил я элмеху.

— Благ-за-ин! — поклонился мне элмех. Затем, обернувшись к Белобрысову, спросил: — Значит, могу зафиксировать и доложить Терентьеву я, что вы можете заменить собой металлический крюк и персонально осуществлять передвижение тяжелых предметов?

— Да нет, это дядя шутит... Вернее, я шучу, — пробурчал Белобрысов.

— Благодарю за дружеское отношение! Посмеяться вашей шутке рад я! — Элмех включил свое хохотальное устройство и залился бодрым, но тактичным смехом. Отсмеявшись, он снова обратился к Белобрысову: — Вы ничего не сообщили о своем семейном положении. У вас есть потомство?

— Потомства у меня вагон... Короче говоря, есть.

— Вы женаты первично? Вторично? Третично? Четверично?

— Двенадцатично и трагично, — хмуро буркнул Белобрысов. —

Не в соборе кафедральном
Венчан я на склоне дня, —
С хрупким уровнем моральным
Есть подружки у меня!

— Что этим сказано, не понял я, уважаемый Павел Васильевич.

— Это стихи. Сам сочинил.

— Восхищен я! С поэтом беседую я! Сбылась мечта существования моего! — с повышенной громкостью произнес элмех, отступив от Белобрысова на два шага. Затем, понизив громкость, спросил: — Вы проходили курс лечения в невропсихической клинике однажды? Дважды?

— Психически я вполне здоров, и никогда не лечился! — сердито ответил мой сосед. — Но учти: я вспылчив! Если ты, сучье рыло, будешь липнуть ко мне со своими расспросами — я тебя по стене размажу!

Умрешь — и вот не надо бриться,
Не надо застилать кровать,
В НИИ не надо торопиться,
Долгов не надо отдавать!

— Благ-за-ин! — изрек секретарь. — Интимностью, активностью, оперативностью вашей очарован я! Ожидайте вызова к Терентьеву. Будьте как дома. Мужской туалет — в коридоре «А», третья дверь налево.

Едва элмех отошел от нас, Белобрысов сразу же спросил у меня взволнованно:

— Товарищ старший лейтенант, не наплел ли я ему чего лишнего?

Меня обрадовало, что он обратился ко мне по званию. Увы, мало кто в наши дни разбирается в погонах, в военных чинах.

— Не беспокойтесь, Павел Васильевич, ведь элмех — это промежуточная инстанция. Все, в сущности, зависит от самого Терентьева, — утешающе сказал я.

— Во-во! Терентьевым я давно интересуюсь. Но строг он, строг... Ну, вы-то проскочите. Я ведь знаю, кто вы, вас по голяку* не раз показывали. Вы на нынешней Всемирной регате опять первый приз отхватили — «Золотую мачту — 2148»... А как вы думаете — по первому вашему впечатлению обо мне, — возьмут меня в полет?

126-й пункт Устава воистов гласит: «Правдивость — высшая форма вежливости». Поэтому я ответил своему

* Голяком (в просторечии) земляне именуют голографический телевизор.

собеседнику, что не уверен в его успехе; всего вероятнее, ему будет отказано.

— На чудеса лес уповал,
Но начался лесоповал, —

с чувством проскандировал Белобрысов. — Но мне надо, надо побывать на Ялмезе! Изю всех сил хлопотать буду, чтобы зачислили!

Словечко «хлопотать» задело мое внимание. В устной речи я его еще ни от кого не слышал, я его помнил по какому-то роману XIX или XX века, где один молодой человек «хлопотал», чтобы устроиться в какой-то департамент. По тому, что Белобрысов применил это слово, и еще по некоторым архаическим оборотам его речи я начал догадываться, что собеседник мой принадлежит к числу хоббистов-ностальгистов.

Как известно, движение хоббистов-ностальгистов за последние два десятилетия получило на нашей планете не то чтобы очень широкое, но все же заметное распространение. Эти люди (самых различных профессий) считают наш XXII век слишком прагматичным, благополучным и мало-романтическим и потому «самоприкрепляются» к какому-либо из минувших столетий. К сожалению, представления их о минувших веках базируются обычно на поверхностных сведениях, почерпнутых из нынешних исторических романов и телеобъемных фильмов; что же касается военной истории, то здесь их познания и вовсе минимальны. Ностальгисты очень падки на аксессуары, любят всевозможные имитации под «избранный» ими век, обставляют квартиры «старинной» самодельной мебелью; порой они готовят пищу по древним кулинарным рецептам (заранее включая при этом альфатонную связь с пунктом скорой помощи — чтобы в случае отравления немедленно оказаться под надзором врача). Кроме того, они часто листают старинные словари, выискивая там вышедшие из употребления слова, — чтобы щегольнуть ими в разговоре.

Один из моих школьных товарищей, ныне инженер-электрик по специальности, а по хобби — ностальгист XX века, иногда приглашает Марину и меня в гости. Стены его

квартиры увешаны репродукциями с картин Беклина, Борисова-Мусатова, Сальватора Дали, Куинджи, Марке и многих их современников. На кривом самодельном комодe с резьбой, изображающей первый полет на Марс, стоят одиннадцать гипсовых слонов и клетка с макетом канарейки — неизменная (по убеждению моего товарища) принадлежность великосветских салонов начала XX века. Всем гостям, на время их пребывания в доме, выдаются калоши и стеки; кроме того, дамам вручаются веера, а кавалерам — цилиндры. Хозяйка угощает всех щами из клюквы, блинами на горчичной подливке, квасом и морковным чаем; торжественно откупоривается бутылка условной водки. Гости-ностальгисты и хозяева ведут за столом изысканную беседу в духе старинной вежливости. То и дело слышится: «Отведайте еще блина, милостивый гражданин!», «Чекалдыкнем по третьей, уважаемая барышня!», «Благ-за-ин, ваше сиятельство!», «Нравится ли вам чай, достопочтенная курва?». Затем под звуки старинного магнитофона гости и хозяева танцуют древние танцы — румбу, шейк, полонез, яблочко, «танец живота», танго, «барыню-сударыню», а в перерыве между плясками поют старинные фольклорные песни: «В лесу родилась елочка», «Шумела мышь», «Гоп со смыком», «У самосвала я и моя Маша». В завершение праздничного пира избирается «царица бала»; ей дается право запустить бутылкой в зеркало. Мой товарищ убежден, что в XX веке каждый светский раут заканчивался битьем зеркал.

Некоторые правила этого древнего этикета кажутся мне странными, некоторые — явно вымышленными, но кое в чем я вынужден верить своему товарищу-ностальгисту. Ведь условия мирного быта минувших поколений я знаю куда хуже, нежели военную историю.

...Белобрысов сидел, уставясь в раскрытую записную книжку; он читал, шевеля от усердия губами, словно торопясь заучить что-то. Вот еще одно доказательство его ностальгизма, думал я; записными книжками давно никто не пользуется, их заменили запоминальные пьезобраслеты. Странно только, что одет этот человек так суперсовременно: ведь ностальгисты любят одеваться в стиле «избранного» ими века. Надо полагать, в данном случае выбор

одежды объясняется какими-то сугубо личными причинами. Быть может, Белобрысову нравится женщина моложе его — и вот он старается примолодиться?

Сосед мой явно волновался. Он часто отирал пот с лица розовым платком. Вдруг он вскочил с кресла и изрек очередное двустушие:

Опа, забыв девичью честь,
С себя скидает все, что есть!

С этими словами он снял с себя роскошный фрак, под которым оказалась рубашка спортивного типа. Кладя фрак на спинку кресла, он уронил с подлокотника записную книжку, она раскрытой упала на пол. Я нагнулся, чтобы поднять ее и вручить владельцу, но тот с нервной поспешностью опередил меня. Мне бросилось в глаза слово ЛЕГЕНДА, написанное крупными буквами и подчеркнутое; ниже шел какой-то мелкобуквенный текст.

Я успел подумать, что новый знакомец мой не просто ностальгист, но, видимо, еще и литератор-любитель, сочиняющий стихи и легенды в духе полюбившейся ему старины. В этот момент ко мне подошел элмех и пригласил следовать за ним.

Терентьев сидел в небольшом кабинете за большим и почти пустым письменным столом. Он предложил мне сесть и начал беседу.

— Ваши военно-исторические знания едва ли пригодятся на Ялмезе. Но я осведомлен о высокой степени ваших прикладных знаний и о вашей способности разумно действовать в экстремальных условиях... Приходилось ли вам держать курс без навигационных приборов?

— Да. Я умею ориентироваться по созвездиям.

— Там будут другие созвездия, — усмехнулся Терентьев.

— Но тоже каждое на своем месте, — отпарировал я.

— Вам придется освоить некоторые новые для вас специальности. Согласны? И потом: готовы ли вы выполнять любую случайную, текущую работу — быть мальчиком на все руки, как в старину говорилось?

— Согласен, — ответил я.

— Я вас зачисляю условно в состав экспедиции. Вам надо будет, как и всем, пройти тестологические испытания и спецподготовку. От спецморских испытаний я вас освобождаю.

— Спасибо за доверие, но хочу вам возразить. Мне не хочется быть белым вороном, как говорили наши предки. Я хочу подвергнуться морским испытаниям наравне со всеми.

— Одобряю ваше решение, — молвил Терентьев. — Завтра в десять утра приходите в СЕВЗАП на собеседование.

7. Случай на собеседовании

Когда утром следующего дня я вошел в конференц-зал СЕВЗАПа, народу там оказалось куда меньше, нежели вчера в вестибюле; Терентьев, видно, многим дал отвод уже по первому кругу. Заняв место в заднем ряду, я начал считать, сколько нас в зале, но тут услышал торопливые шаги и затем увидел Белобрысова. Я был настолько уверен, что Терентьев «отсеет» его, что на мгновение даже усомнился, Белобрысов ли это; тем более что и оделся он совсем не по-вчерашнему, а очень скромно и неброско.

Заметив меня, он сразу направился в мою сторону и, перед тем как сесть в соседнее кресло, радостным шепотом сообщил нижеследующее:

— Вчера Терентьев гонял-гонял меня по разным вопросам, семь потов с меня сошло. А потом он и говорит: «Наврали вы, Белобрысов, мне с три ящика! Давайте начистоту!» Ну, тут я ему всю правду о себе и выложил. Он прямо онемел от удивления, задумался. Потом, видать, поверил. И говорит мне: «Рискну, возьму вас на Ялмез. Если, конечно, все предварительные испытания выдержите».

В чем заключалась эта «вся правда», расспрашивать Белобрысова я не стал. Но, хоть я и был уже наслышан, что Терентьев человек весьма широких взглядов и парадоксальных действий, все же я был удивлен его решением. Скажу откровенно: я, при тогдашнем моем отношении к Белобрысову, в полет его бы не взял. Что-то странное в

нем было, слишком уж он врос в свой ностальгизм. Однако, забегаю вперед (дабы не возбуждать в Уважаемом Читателе ненужного беллетристического интереса), скажу, что все специспытания Белобрысов выдержал вполне благополучно и что вообще сомневался я в нем напрасно.

Но вернусь к совещанию в СЕВЗАПе. Открыл его Терентьев. Его выступление, так же как и выступления других, зафиксировано в «Общем отчете», так что пересказывать мне все это нет смысла. Но считаю нужным упомянуть об одном событии, которое в официальные анналы не вписано.

Когда прения по докладу Терентьева подошли к концу, у двери в конференц-зал послышались взволнованные голоса. Два элмеха уговаривали кого-то повременить, не входить сейчас в зал.

— Но я должен сделать срочное сообщение общемирового значения! — восклицал человек. — Впустите меня немедленно!

— Нам никого не велено пускать! Войдите в нашу ситуацию! — убеждали человека секретари.

Человек прорвался в зал. Элмехи, которым, как всем квазиразумным механизмам, запрещено применять физическое воздействие по отношению к людям, прибегли к пассивной обороне: они пытались заградить человеку путь к президиуму. Однако неожиданный гость упрямо шел вперед, и элмехи вынуждены были отступать. Один из них отступал недостаточно поспешно, и человек толкнул его. Секретарь упал, три ноги его звонко застучали по плиткам пола, потом замерли. Второй элмех, дабы эмоционально воздействовать на вошедшего, коснулся на груди своей кнопки ретроконтура, перестроил речевой строй на женский регистр, включил рыдальное устройство и нежным, плачущим девичьим голосом взмолился:

— О сжался, добрый мужчина! Не тронь меня! Помоги мне сэкономить невинность мою! Покинь помещение!

Но мужчина не сжалился. Отстранив элмеха, он по трем ступенькам поднялся на кафедру, которая в тот момент пустовала, — и тут я увидел, что человек этот — дядя Дух! Я не встречал его уже много лет: из квартиры моих

родителей он давно съехал, поссорившись с ними; меня в моей новой семейной он не навестил ни разу, я тоже не искал с ним общения. За эти годы он постарел, но в голосе его по-прежнему звучала нестареющая убежденность в своей правоте.

— Дело мировой важности! Прошу предоставить мне десять минут! — обратился он к Терентьеву.

Терентьев, видимо, уже встречался с ним или был осведомлен о нем. Он не то поморщился, не то ухмыльнулся и сказал:

— На десять минут согласен. Но не более.

Дядя Дух извлек из портфеля старомодный стенописный прибор и поставил его перед собой. Едва он произнес вступительную фразу своей речи, как она вспыхнула алыми письменами на сероватом мраморе стены, высоко над головами сидевших в президиуме. Строки возникали, как бы набросанные от руки торопливым, вдохновенно-проороческим почерком, и затем угасали, чтобы уступить место следующим.

«ЗАДУМАНО! СВЕРШЕНО! ЗАЯВЛЕНО!

В минувшие века на Земле случались убийства, грабежи и иные уголовные деяния. Для обнаружения преступников применялись так пазываемые розыскные собаки. Собака-ищейка шла по следам правонарушителя — и настигала его, руководствуясь исключительно своим нюхом. Почему же она не могла спутать его следы со следами других людей? Да потому, что каждый человек имеет свой запах. Если дактилоскопия утверждает, что нет на Земле двух индивидуумов с одинаковыми узорами на кончиках пальцев, то ароматологией, наукой о запахах, столь же неопровержимо доказано, что каждый землянин пахнет по-своему.

Давно на планете нашей изжита преступность. И хоть много собак на Земле, но порода собак-сыщиков давно сошла на нет, ибо надобность в ней отпала. Однако и те четвероногие друзья человека, которые существуют ныне, не могут пожаловаться на отсутствие нюха. За сотню метров ощущают пес или псица приближение хозяина — и заливаются радостным лаем.

Мы, увы, не собаки. В смысле обоняния мы позорно отстаем от них, мы в этом отношении плетемся в хвосте у четвероногих. Человек силен умом и духом, но слаб нюхом...

Так было, дорогие космопроходцы, так было... Но впредь так не будет! В результате усиленных творческих поисков мне, Фоме Благовоищеву, удалось синтезировать новое вещество, которому я дал наименование ТУЗ — Тысячекратный Усилитель Запахов. Любой человек, прижавший внутрь таблетку ТУЗ, мгновенно становится обоньем для окружающих. Срок действия каждой таблетки — двадцать семь земных суток.

Учитывая, что не все люди пахнут приятно, я внес в ТУЗ ароматические добавки. Основной запах каждого индивидуума, вступая в реакцию с ними, становится приятным для нюха окружающих — и в то же время не теряет индивидуальности. Пока что мы имеем шесть разновидностей таблеток: с запахом вербены, акации, черемухи, лаванды, липы цветущей и березы весенней. В недалеком будущем я расширю шкалу ароматов. Недалек тот день, когда каждый землянин, варьируя набор добавок, сможет составить для себя персональную ароматическую композицию. Предвижу то время, когда друзья и знакомые будут издали узнавать друг друга по тончайшим, благороднейшим благоуханиям.

Внимание! Первую опытную партию таблеток ТУЗ я сегодня вручу вам, отважные звездoproходцы! Вы станете проводниками моей идеи!»

— Благ-за-ин! — послышался голос Терентьева. — Но боюсь, человечество еще не доросло до практического осуществления вашего творческого замысла.

Однако дядя Дух гнул свою линию.

— Дабы все знали, что ТУЗ безвреден для здоровья, я на глазах у вас приму таблетку! — заявил он. Затем вынул из портфеля маленькую розовую коробочку, извлек из нее нечто миниатюрное и проглотил, запив водой из стоявшего на кафедре стакана.

— Обоняйте меня, люди добрые!

Вскоре до меня донесся какой-то весьма странный, густой, но отнюдь не неприятный запах.

— Вроде бы баннным листом повеяло, — внятным шепотом произнес мой сосед Белобрысов. —

Поверь в счастливую звезду,
Цветок в петлицу вдень —
Пусть для тебя, хоть раз в году,
Настанет баннный день!

Тем временем дядя Дух, покинув кафедру, подошел к столу и перед каждым членом президиума положил по розовой коробочке. Затем торопливо стал обходить всех сидящих в зале. Дойдя до меня, он остановился удивленно, буркнул что-то себе под нос и коробочки мне не вручил.

— Почему это он обделил вас? — поинтересовался Белобрысов. — Всех одарил, а вам фигу с маслом.

— Это мой дядя. У него ко мне личная неприязнь.

— Дядя?.. Станный он какой-то. Вам не кажется, что он с приветом?

— Наоборот, он отнесся ко мне весьма неприветливо.

— Я не в том смысле... Он вроде бы психически сдвинутый.

— Нет, он вполне нормален. Он хочет людям добра, правда, избрав для этого не совсем обычный путь.

Когда дядя Дух наконец покинул зал, на кафедру поднялся главврач будущей экспедиции и попросил всех присутствующих немедленно сдать коробочки ему, не прикасаясь к их содержимому. Производство этих таблеток не утверждено Главздравом планеты.

Меня поразило, что, выслушав это заявление, сосед мой вырвал из своей записной книжки листок, вынул из розовой коробочки голубой шарик, завернул его в бумажку и спрятал в карман.

— Что вы сделали! — шепнул я ему. — Ведь главврач только что сказал...

— Хочу теще втихаря в кофе подложить, — подмигнул он мне. — Ведь это не яд же!.. И ведь не побежите же вы к главврачу жаловаться на меня?!

— Не побегу, — ответил я. — Но разве в этом дело?!

— А не побежите — никто здесь и не узнает. Все будет шито-крыто!

Меня удивила эта странная логика. И в дальнейшем Белобрысов не раз меня удивлял.

8. Краткое сообщение

Вскоре начались тестовые испытания, которые продлились три месяца. Они подробно перечислены в «Общем

отчете», так что описывать их не буду. Скажу только, что Терентьев придавал большое значение «тестованию» и всегда присутствовал в аудиториях. Что касается Белобрысова, то иногда он вел себя странно, а порою склонялся к явно алогичным решениям. Я весьма часто вступал с ним в споры.

Когда тесты закончились, некоторые из испытуемых были отчислены. И хоть нас было еще больше, чем надо, и кое-кому еще предстояло «уйти в отсеб», но уже началась многомесячная практическая учеба. Мы с Белобрысовым вошли в водолазную группу и одновременно принялись за освоение еще нескольких специальностей.

Время от времени Терентьев вызывал нас поодиночке — для собеседования. Однажды он вызвал меня в свой кабинет и сказал, что во время предстоящего практико-испытательного плавания испытуемые будут размещены в двухместных каютах. Есть ли у меня возражения против помещения в одну каюту с Белобрысовым?

Я ответил в том смысле, что я воист и Терентьев для меня командир, а слово командира — закон.

— Вы увиливаете от прямого ответа, — молвил Терентьев. — Белобрысов вам несимпатичен?

— Белобрысов — человек неплохой, — сказал я. — Но есть в его характере черты, которые мне неприятны. Однако о том, что мне в нем не нравится, я не хочу толковать, как выражались в старину, заспинно. Если вы вызовете его сюда, то в его присутствии я скажу все, что о нем думаю.

Терентьев вызвал Белобрысова и сразу задал ему вопрос, какого он мнения обо мне. Тот ответил, что я «товарищ невредный, но очень уж заутюжен этим своим воизмом».

— А вы заутюжены своим ностальгизмом! — заявил я. — Вы так прочно присосались к своему двадцатому веку, что порой забываете, в каком столетии живете! В этом есть что-то театральное, фальшивое.

— Не оплевывайте двадцатый век, — рассердился Белобрысов. — Может, в двадцатом-то веке люди посмелее да поталантливее нынешних на Земле обитали!

— Не клеветецте на наш двадцать второй век! — воскликнул я.

— Я и не клевету, — возразил Белобрысов. — Но только учтите: не произойди того, что произошло в двадцатом веке, — люди бы, может быть, до сих пор сидели на своей Земле, как приклеенные, и ни о каких космических полетах и мечтать бы не смели. Двадцатый век был поворотным веком в судьбе человечества! Октябрьская революция, Великая Отечественная, победа над фашизмом, опять же — Первая НТР, без которой не произошло бы и Второй, первый полет в Космос...

— Все это я и без вас знаю, — ответил я. — Не забывайте, что я тоже изучал историю, — и, смею думать, не менее...

— А все-таки, товарищи, я помещу вас в одну каюту, — прервал наш спор Терентьев. — Вы люди во многом очень несхожие, но именно шероховатости способствуют сцеплению. Уверен, что вы подружитесь и в трудную минуту придете на помощь друг другу.

И далее он высказал несколько странную мысль: он комплектует экспедицию, руководствуясь отнюдь не сходством характеров и гладкостью взаимоотношений, ибо знает, что именно в слишком однородном коллективе при возникновении экстремальной ситуации может произойти опасный разлад.

9. Практический тест на море

15 мая 2149 года всех соревнующихся за право стать участниками экспедиции на Ялмез привезли в Таллин, где мы погрузились на пассажирское судно «Балтия». Кроме нас, многие каюты были заполнены научными инструкторами СЕВЗАПа. Каждому из нас вручили по спецбраслету. Его нельзя было снимать с руки ни на секунду: браслет непрерывно улавливал данные о физическом и психическом состоянии носителя и слал информацию в фиксирующий центр.

Когда мы ступили на борт «Балтии», Белобрысов, приняв глубокомысленный вид, нагнул, постучал по палубе согнутым пальцем и замер, будто прислушиваясь. Затем печально покачал головой и изрек:

— Они все ушли!..
— Кто? — поинтересовался я.
— Крысы ушли с этого ржавого ночного горшка. Но не будем падать духом!

Хочешь стать барабулькой,
Славной рыбкой морской, —
Утопай и не булькай,
Распрощайся с тоской!

Судно и впрямь оставляло желать лучшего: дряхлый, давно вычеркнутый из списков регистра экскурсионный лайнер водоизмещением в 27 000 тонн. Правда, его ради нас подремонтировали, но все равно во время нашего плавания постоянно случались ЧП: выходили из строя рабочие системы, нарушалась связь внешняя и даже внутренняя, и нам часто приходилось участвовать в авральных работах. К тому же гиростабилизационная система вообще была снята, и из-за этого «Балтию» валяло даже при небольшом волнении. Некоторые испытуемые, которых, по их заверениям, прежде никогда не укачивало, здесь чувствовали себя неважно, и в дальнейшем их отчислили. Посудина эта выбрана была СЕВЗАПом неспроста — и именно для того, чтобы создать для нас умышленно трудные условия.

Нам с Белобрысовым была выделена каюта номер 47 по правому борту. Когда мы вошли в нее, он сказал:

— Выбирайте любую из коек; вам по званию положено выбирать первому, ведь вы лейтенант, а я, можно сказать, рядовой.

Одни судьбу песут, как флаг,
Другие тащат, как рюкзак.
Чья ноша легче — впереди,
Чья потяжелше — позади.

Стишок резанул мне уши, но предложение выбрать койку свидетельствовало о проявлении такта. Чтобы не остаться в долгу, я произнес:

— Нет, это судно не военное, и живем мы во времена невоенные. Пусть первым выберет себе койку тот, кто старше по возрасту.

— Неужто это так заметно, что я стар? — спросил Белобрысов с какой-то странной интонацией.

— Я не сказал, что вы стары; я сказал, что вы старше.

— Это — да! Я намного старше вас, — согласился он и напыщенно, с шутовской интонацией произнес очередной стишок:

Вы Вечность по черепу двиньте,
Кляпую, в пей радости нет:
Слепой лаборант в лабиринте
Блуждает три тысячи лет!

«Крепись, воист, крепись! — приказал я себе. — Еще немало подобной дребедени придется тебе выслушать в этой каюте!»

А вскоре я обнаружил, что кроме дневных своих анти-достоинств мой однокаютник имеет некий ночной недостаток: он храпит. К счастью, моя способность к засыпанию в усложненных условиях равняется 9,8 единицы по кривой Калистратова — Шумахера, так что храп не оказал на меня какого-либо отрицательного действия. Однако поутру я задал Белобрысову законный вопрос: почему он утаил от приемной комиссии СЕВЗАПа это свое свойство. Ведь он знал: храпящих во сне в полет на Ялмез не зачисляют.

— Потому и утаил это дело, что храпунов в космос не берут, — не без цинизма ответил он. Затем добавил примирительно: — Но ведь вы-то спали спокойно, я сам два раза от своего храпа просыпался, а вы, извиняюсь, всю ночь как сурок дрыхли.

— Дело не во мне, — уточнил я. — Дело в том, что вы солгали.

— Очень прошу вас: не докладывайте начальству об этом факте, — просительно произнес он.

— Не волнуйтесь, «об этом факте» докладывать я никому не собираюсь. Даже если бы ваш храп мешал мне, я бы никому не сообщил об этом. Волей СЕВЗАПа и Терентьева вы мой товарищ по плаванию, а какой же воист станет подводить своего товарища!

— Спасибо вам!.. А как вы думаете, вот эта штуковина меня не выдаст? — он постучал пальцем по своему спецбраслету.

— Не беспокойтесь, браслет засекает все соматические и психические изменения, однако ведь для храпящего храп не болезненное, а естественное явление.

— Да, к сожалению, это не болезнь. Будь это болезнь, медики давно бы ее под корень вырвали. Эх, знали бы вы, сколько я в жизни натерпелся из-за этого «естественного явления»! Даже в интимном плане...

— Насколько мне известно, в свое время корабельный врач Губаревский-Семченко опубликовал в «Военно-медицинском ежегоднике» реферат «О некоторых неучтенных возможностях по преодолению ночного храпа». Помнится, он рекомендовал...

— Не верь в ромашы и рассказы,
А верь в что видят твои глаза! —

с раздражением перебил меня Белобрысов. — Ничего из опытов его не вышло. Я был у этого Губаревского на приеме, за месяц вперед записался, медсестре коробку конфет всучил — а результаты...

— Позвольте, позвольте! — прервал я своего собеседника. — Ведь этот врач жил в двадцатом веке!

— Ах да, я фамилию перепутал, я у другого врача был, — небрежно поправился Белобрысов. — А об этом Губареве я читал где-то... Нам на завтрак топать пора.

Мы направились в кают-компанию. Во время завтрака я думал о том, что Белобрысов настолько прочно приклеил себя к излюбленному XX веку, что порой теряет чувство реальности. Вполне ли здоров он психически?

А теперь, Уважаемый Читатель, я опять отсылаю Вас к «Общему отчету», где подробно изложены все наши учебно-практические успехи на «Балтии» и все реальные тесты, которым мы подвергались, а сам приступаю к описанию последнего дня нашего испытательного плавания.

Плавание это окончилось на две недели ранее, нежели мы, испытуемые, предполагали. Накануне мы попали в шторм, он настиг нас в Тихом океане возле острова Нарборо (группа Галапагосских островов). «Балтию» так валяло, что один из тетраментоновых двигателей сорвался с

квантомагнитной подушки и при этом повредил основной комплексатор. В результате судно потеряло ход. В течение нескольких часов основная команда и испытуемые были заняты авральным ремонтом. Под утро группу, в которую входили мы с Белобрысовым, подсменили; отдыхающим приказали спать не раздеваясь. Мы спустились в каюту и уснули.

Внезапно я был разбужен: кто-то толкал меня в бок. Затем я услышал голос Белобрысова:

Насколько я, граждане, понял,
Для радости нету причин,
Поскольку мы, граждане, тонем
Во тьме океанских пучин.

Моя способность к осмысленным действиям в первую секунду пробуждения квалифицируется как 1: 973 по скользящей схеме Латон-Баттеля. Поэтому, мгновенно осознав опасность, я вскочил с койки, надел спасательный жилет, вынул из ящика стола свою незаконченную статью (я писал ее урывками на «Балтии», используя каждую свободную минуту) «О вспомогательных действиях броненосцев береговой обороны во время Первой мировой войны» и сунул ее в водонепроницаемый карман. После этого обратился к Белобрысову, с которым уже месяц был на «ты»:

— Паша, я готов. Но ты уверен, что мы действительно тонем?

— Степа, ты так и смерть свою проспишь! — ответил он. — Я проснулся от здоровенного толчка. Или на нас кто-то наехал, или мы сами на что-то напоролись. И уже сигнал опасности передавали.

Тут из радиоустройства, вмонтированного в подволок каюты, послышался голос капитана «Балтии»:

— Повторяю! Пробоина ниже ватерлинии по левому борту в носовой части! Всем занять свои места согласно аварийному расписанию!

Мы поспешили на палубу и там, держась за леера, встали возле спасательного бота номер 19. Судно дрейфовало лагом к волне. По океану шла крупная зыбь. «Балтию» мотало, и все явственнее ощущался крен на левый

борт и дифферент на нос. Почти все члены команды были вполне спокойны, лишь у очень немногих на лицах отражалась растерянность.

Когда один, особенно высокий вал окатил нас по самые плечи, Белобрысов, приблизив губы к моему уху, вдруг произнес с какой-то зловещей задушевностью:

— Хорошо бы нам в этой обстановке малыша на двоих раздавить, а?

Бедняга от страха сошел с ума, мелькнула у меня зловещая догадка. Хочет убить какого-то ребенка и подговаривает меня стать соучастником преступления. Он даже не помнит, что на «Балтии» только взрослые.

Однако, когда следующая большая волна оторвала одного из испытуемых от борта и потащила по палубе, Павел мгновенно среагировал, кинувшись на выручку вместе со мной. Вскоре я пришел к выводу, что он нисколько не испуган происходящим. Я начал догадываться, что «раздавить малыша» — это какая-то идиоматическая ритуальная фраза двадцатого века, которую предки наши произносили в ответственные минуты их бытия. И меня опять поразила ностальгическая привязанность Белобрысова к старине. Даже здесь, на тонущем судне, он продолжал играть свою роль «пришельца из минувшего»!

— Плавсредства не применять! К нам идет помощь! — послышался голос капитана, и через мгновение в двух кабельтовых от нас из океана вынырнул оранжевый УТС*. Он облетел «Балтию» по широкому кругу — и вокруг гибнущего судна возникло просторное ледяное поле. Спасатель снизился на лед рядом с «Балтией» и распахнул свои люки, из которых выдвинулись три трапа.

— Всем перейти на УТС! — распорядился капитан. — Плавание завершено, заключительный испытательный тест «Катастрофа в океане» закончен!

Через четыре часа мы были в Ленинграде.

Нас собрали в аудитории СЕВЗАПа, где диркосм** объявил нам результаты испытаний и сообщил имена тех,

* УТС — Универсальный Трехстихийный Спасатель.

** Диркосм — директор космоса; научно-административное звание.

кто включен в состав экспедиции. По сумме плюсовых пунктов Павел Белобрысов прошел первым, я — вторым.

10. Справка о наименовании

Поскольку все дальнейшие стадии обучения и подготовки подробно изложены в «Общем отчете», мне хотелось бы сразу перейти к описанию полета. Но прежде я должен объяснить Уважаемому Читателю, почему наш межпланетный корабль получил такое странное имя — «Тетя Лира».

По давно установившейся традиции, наименования межпланетным средствам сообщения дают те, кому предстоит лететь на них; производится некая жеребьевка, в которой участвуют все члены экспедиции. Когда наш корабль был спущен на воду со стапеля судоверфи, диркосм СЕВЗАПа созвал всех нас и вручил листки бумаги, чтобы каждый написал на нем то название, которое следует, по его мнению, присвоить кораблю. Написав на своем листке «Адмирал Кубриков», я вручил его диркосму. Остальные тоже сдали ему свои листки. Все бумажки диркосм (человек, в полете не участвующий) перемешал, перетасовал и направился в ближайший сад. Наименователи все шагали за ним, соблюдая дистанцию в двадцать шагов. Когда в аллее сада показалась молодая женщина, ведущая за ручку девочку лет четырех, диркосм подошел к ней и спросил, умеет ли ребенок читать.

— Нет, что вы! — ответила мать. — Читать Маруся еще не умеет.

— Тем лучше! — сказал диркосм-и, разложив на земле бумажки, попросил ребенка выбрать одну из них и отдать матери. Девочка так и сделала.

— «Тетя Лира», — с удивлением прочла женщина. — Кто это?

— Не «кто», а «что», — огорченно произнес диркосм. — Так будет называться космический корабль.

— Не обижайтесь, это я такое название придумал, — заявил Белобрысов. — В честь одной гражданочки... Вернее, в память о ней.

— Я считаю, что мы все должны проголосовать за отмену подобного наименования, — громко произнес я. — Назвать так корабль!..

— Название вполне идиотское, — высказался Терентьев. — Но оно уже существует. Закон есть закон!.. Да и кто знает — может, эта тетя принесет нам удачу.

Увы, Терентьеву «эта тетя» удачи не принесла.

11. День открытия

И вот настало 12 июня 2150 года — день нашего отбытия в небесное пространство. «Тетя Лира» стояла на плаву в открытом море на траверзе Толбухина маяка. Был полный штиль, и наш громадный космический транспорт — гибрид звездолета и морского корабля — четко отражался в водах Балтики. С утра палуба его кишела людьми, провожающими своих родственников, корреспондентами, сотрудниками СЕВЗАПа и просто любопытными. Все время снижались на универвелах новые и новые посетители.

В этой толпе с некоторым удивлением заметил я и дядю Духа. Неся пузатый портфель, престарелый ароматолог целеустремленно лавировал среди публики, направляясь к трапу, ведущему в глубь корабля. А он-то зачем явился, мелькнула у меня мысль. Но я сразу забыл о нем, ибо увидел в воздухе Марину; рядом с ней на детских универвелах летели моя дочка Нереида и сын Арсений. Нажав кнопки вертикального спуска, все трое припалубились возле меня и спешились, прислонив универвелы к фальшборту.

Я повел свое семейство во внутренний коридор. Мы подошли к Пашиной и моей каюте. Я постучал в дверь, ибо знал, что однокаютник мой здесь: он заранее сказал мне, что никого не известил о дне отлета, поскольку «длинные проводы — лишние слезы», и добавил к этому странное двусутишие:

Должник из дому уезжает —
Его никто не провожает.

Когда мы вошли, я заметил, что Павел поспешно убрал со столика бутылку.

Марина и дети бегло оглядели каюту, пожелали Белобрысову счастливого возвращения, и мы вышли в коридор.

— Тебе не кажется, что в каюте пахнет как-то странно? — тихо спросила меня жена. — У меня даже возникло подозрение, что товарищ твой пьет не условную, а безусловную водку...

— Этого я за ним не замечал, — ответил я. — Но сегодня особый день, а Павел, как я тебе уже говорил, убежденный ностальгист, причем он самоприкреплен к двадцатому веку. Учти, что в те времена люди при особых обстоятельствах употребляли иногда безусловные спиртные напитки... Но куда это так торопится дядя Дух — смотри, смотри!

Дядя Дух, торопливо выйдя из библиотеки, сразу устремился в противоположную дверь — в чью-то каюту. Через несколько секунд он выбежал оттуда и направился по коридору в сторону кают-компаний.

— Час от часу не легче! — тревожно сказала Марина. — Поверь, он здесь неспроста! Он фанатик! Ты должен предупредить Терентьева!

— Марина! Марина! — крикнул я. — Ну о чем я должен предупредить Терентьева? Да, дядя со странностями, но разве может замыслить он что-либо заведомо дурное!

— От него всего можно ожидать!.. Вот увидишь...

Я показал жене и детям корабельный информаториум, рубку визуальной вахты, госпитальный сектор, сауну, камбуз, лаборатории. В спортзале Нереида и Арсений принялись было играть в рюхи, но в это время по локальной передающей системе послышался голос космоштурмана:

— Провожающие! Прошу распрощаться с отлетающими и покинуть «Тетю Лиру» в течение пяти минут!

Расставшись с Мариной и детьми, на верхней палубе я опять мельком увидел дядю Духа. Портфель его утратил недавнюю округлость. У меня шевельнулось неясное подозрение, захотелось подойти к ароматологу и спросить напрямик, что он делал на корабле. Но дядя Дух уже взвился в высоту на своем универтеле.

Вернувшись в каюту, я застал Павла Белобрысова в понуром состоянии. От него явственно пахло безусловной

водкой. Он сидел в кресле, уставясь глазами в пол. При виде меня он встал и продекламировал с пафосом:

Мы на небо отбываем
Не такси и не трамваем —
Выпьем стопку коньяка
И взовьемся в облака!

Затем, уже с улыбкой, он протянул мне листок бумаги.
— Читай, Степа! Это прощальный привет матушки Земли... Понимаешь, я тут, извини, в галюн на минутку удалился, а вернулся — на столике это вот воззвание лежит... Упорный человек твой дядюшка! В старинные времена из него великий мученик науки мог бы получиться или, наоборот, жгучий прохвост!

На листке зеленым светящимся шрифтом было напечатано следующее:

«Отважные космопроходцы!!!

Меня не будет с Вами в пути, но я буду незримо присутствовать на корабле Вашем как КОМЕНДАНТ ПО ЗАПАХАМ.

Дабы внести в жизнь Вашу ароматическое разнообразие, я снабдил "Тетю Лиру" набором ароматов высокой концентрации. Запахи будут варьироваться в течение всего полета. Появление запахов благовонных и антиблаговонных будет происходить по разработанной мной художественно-контрастирующей схеме. Пример: запах Магнолии Цветущей — запах Ила Болотного; запах Розы Весенней — запах Навоза Свежего. Именно такая система сменности создаст Вам ощущение многогранности и полноты бытия.

Сохранность ароматических веществ и своевременность их распространения гарантируются высокой прочностью и термоустойчивостью микробаллонов Елецкого и точностью действия пробок Тетмера*.

На первую декаду Вашего полета считаю пужным ввести в действие Запах Кошачий, дабы даровать всем Вам ощущение домашнего земного уюта.

Пусть радость принесут Вам земные ароматы на Вашем небесном пути!

Комендант по запахам
Ф. Благовоньев

* Пробка Тетмера имеет свойство самоуничтожаться в точно заданный срок.

Прочтя эту прокламацию, я подумал, что жена моя, быть может, и права: в действиях дяди Духа есть нечто фанатическое.

В дальнейшем выяснилось, что микробаллончики он успел широко распространить во многих помещениях «Тети Лиры». Вскоре значительная часть их была найдена и уничтожена, но какое-то количество уцелело, ибо некоторые из них дядя ухитрился спрятать в самые неожиданные места: в тепловентиляционные прорези, в малые контейнеры техсклада, в складки изолировочной обивки аудиториума. Отдельные серии баллончиков были снабжены полимагнитной облицовкой и покрыты «хамелеоновой» краской*, что затрудняло их обнаружение.

Однако вернуться к дню нашего отлета.

Едва я успел прочесть воззвание дяди Духа, как из динамика послышался голос Терентьева:

— Уходим в пространство! Каждый занимает свою компенсационную камеру!

Мы с Павлом открыли две узкие дверцы в переборке каюты и вошли в некое подобие шкафа, весьма тесного. Мы стояли рядом, нас разделяла только решетчатая стенка. Дверцы автоматически закрылись; охватывая, оплетая меня, выдвинулись эластические щупальца. Запахло озоном и каким-то лекарственным составом.

Белобрысов и здесь не мог отказать себе в удовольствии пошутить в рифмах; как бы сквозь сон услышал я его голос:

В полете свою проверяя судьбу,
Два дурня стоят в вертикальном гробу.

Но «гроб» сразу же утратил свою вертикальность. Я почувствовал короткий толчок, рывок и ощутил себя уже не стоящим, а лежащим; лежа я падал куда-то в небытие. А вскоре я уже ничего не ощущал. Меня как бы не стало.

* Хамелеонова краска — мимикрическое химическое покрытие, при котором предмет, попав в любую цветовую среду, немедленно приобретает окраску этой среды. Применяется главным образом в дизайне.

12. Тревожные догадки

— Каждый считает вслух до десяти! — услышал я механический командный голос.

При счете «десять» дверцы компенсатора распахнулись, и мы с Павлом шагнули в свою каюту. Часы-календарь показывали 14:05. 14. 06. 2150 по условному земному времени. Скорость была неощутима; о том, что мы летим, можно было догадаться только по негромкому вибрирующему гудению, доносившемуся из главного отсека, где работал уравнительный альфоратор. На круглом телеэкране, вмонтированном в подволок каюты, мерцали звезды, разбросанные среди черного пространства.

— Первое — извините, граждане, — ощущение от космоса — непраздничное, — проговорил Белобрысов, садясь в кресло у столика. — Все тело ноет, будто сто стометровок пробежал, а в душе какое-то смутное ожидание.

Какие дьяволы и боги
К нам рипутся из темноты
Там, где кончаются дороги
И обрываются мосты?

И понимаешь, Степа, мне кажется сейчас, будто я видел сон, а теперь проснулся, — но это тоже сон. А потом проснусь во сне — и опять буду во сне. И так без конца...

Скажи мне, на какого пса
Дались нам эти небеса?..

— Разве ты, Паша, забыл, что врач-синдролог рекомендовал нам в течение первых четырех декад полета не размышлять на отвлеченные темы и не думать о макропространственных формах материального мира? Он советовал в это время чаще размышлять о вещах и делах земных, вспоминать своих родных, близких.

— А ежели мне никого вспоминать не хочется? — с какой-то странной интонацией произнес Белобрысов.

Мне стало неловко, я понял, что задел его больное место: ведь он, при всей своей разговорчивости, ни разу не

упомянул при мне о своих родных; очевидно, они чем-то обидели его.

— Благ-за-ин, Паша! Извини меня! Постараюсь больше никогда не напоминать тебе о твоих близких, — торопливо высказался я и сразу ощутил, что только усугубил свою бестактность. Павел смотрел на меня хмуро, исподлобья; мне показалось даже, что слезы навернулись на его глаза.

— Степан, незачем тебе передо мной извиняться, — после долгой паузы проговорил он. — Родни близкой на Земле давно у меня нет, одни только дальние родственники. Может, на Ялмезе кой-кого близкого встречу, на это вся надежда...

Средь множества иных миров
Есть, может, и такой,
Где кот идет с вязанкой дров
Над бездною морской.

Это признание моего однокаютника весьма меня озадачило. Врач-синдролог предупреждал, что в условиях космического стресса даже небольшие психические отклонения порой перерастают в остропротекающие душевные заболевания. Сопоставив чрезмерную ностальгическую приверженность Белобрысова к двадцатому веку и его маниакальное тяготение к рифмачеству с нынешними его высказываниями, я невольно пришел к печальному выводу, что передо мной человек с надтреснутой психикой.

Дальнейшее поведение Павла, казалось, подтвердило мою догадку. Вынув из своего личного контейнера некий плоский предмет, он протянул его мне и сказал:

— Полюбуйся, Степа, на наше семейство. Здесь все в полном сборе.

Это был снимок, наклеенный на лист серого картона и заключенный в охранную рамку из квазифера*. На плоскости размером девять на двенадцать сантиметров я различил двух взрослых — женщину и мужчину — и двух

* Квазифер — высокопрочное прозрачное вещество; обладает консервирующими антибактериальными свойствами. Полимагнитно.

мальчиков дошкольного возраста, очень похожих один на другого. Странная одежда, в которую были облачены все четверо, указывала на давность фотодокумента; это подтверждала и выцветшая надпись, сделанная в нижней части картона лиловатыми чернилами: «Март 1951 г.»

— Узнаешь? — спросил меня Павел, ткнув пальцем в изображение одного из мальчиков.

— Какое-то сходство есть... Это твой прадед?

— Нет. Это я — собственной персоной. Хошь верь — хошь проверь. А рядом мой брат Петя.

— Почему же он не провожал тебя в полет? — спросил я, чтобы только не молчать и не дать заметить моему собеседнику, что я ошеломлен его высказываниями.

— Брата Пети давно нет в живых, — тихо ответил Белобрысов. — Я убил его... Потом я тебе расскажу, как это дело случилось.

Я еще не знал, как мне поступить. Согласно пункту 17 «Наставления для действий вне Земли», утвержденного Космическим центром, я обязан был срочно направиться к корабельному врачу и доложить ему, что мой одноклассник болен психически, — на предмет помещения его в спецкаюту-изолятор. Однако пункт 39 Устава воистов гласит: «При заболевании товарища в походных условиях воист должен в первую очередь заботиться о нем, а не о себе».

Я вспомнил известный на Земле и выше случай, когда в 2125 году, во время экспедиции на планету Таласса (Второй пояс дальности) воист Олаф Торкелль вызвался пойти на выручку Нару Парамуоту — водителю обзорного микродирижабля, потерпевшему аварию в таласских джунглях. Найдя Нару, Олаф четверо суток нес его на руках через густые заросли, отлично зная, что при аварии тот укололся колючкой желтого дерева, вызывающего остро-заразную лихорадку, для лечения которой земляне тогда еще не имели никаких лекарственных средств. Торкелль принес Парамуоту в промежуточный лагерь, где поместил его в медицинский изоляционный бункер, и остался при нем. Он ухаживал за больным, хоть и сам уже заболел неизлечимо. Через восемь суток Нару умер. Вскоре, не поки-

дая бункера, умер и воист Олаф Торкелль. С сугубо практической точки зрения решение Торкелля принять участие в спасении человека, которого спасти уже нельзя, было заведомо алогичным, ибо вместо одного экспедиция потеряла двух. Однако воист вправе отвергать прагматизм там, где дело касается его чести. Недаром адмирал Кубриков в одной из своих статей бросил крылатую фразу: «Нас, воистов, слишком мало на Земле, чтобы мы смели чего-нибудь бояться!»

Хоть между тем, что произошло на Талассе, и той ситуацией, в которой очутился я, сходства весьма мало, но тем не менее эта талассианская история натолкнула меня на твердое решение: о душевной болезни своего товарища докладывать врачу я не должен. Если психоз примет резко агрессивную форму — только тогда я извещу об этом главврача. Если же Белобрысов, почувствовав необоримое стремление к убийству, ударит меня чем-либо, когда я сплю, я все же успею нажать кнопку тревоги возле изголовья своей койки и таким образом предупрежу всех об угрожающей им опасности. Даже если Павел нанесет мне смертельное ранение, то я все-таки смогу дотянуться до кнопки — ибо, по утверждению Кросса и Олейникова, каждый человек, чье здоровье характеризуется цифрой «12» по шкале Варно, находится в сознании еще две секунды после клинической смерти. Правда, теория Кросса — Олейникова практически еще никем не подтверждена, но у меня нет оснований не верить этим маститым ученым.

Ко всему вышесказанному считаю долгом добавить, что мои алармистские прогнозы оказались, к счастью, неточными: ни во время полета, ни после высадки на Ялмезе никаких агрессивных намерений по отношению к кому-либо Павел Белобрысов не проявлял. И если в своих доверительных разговорах со мной он неоднократно высказывал некоторые маниакальные идеи, то когда речь заходила о делах конкретных и повседневных, его высказывания были вполне разумны, так же как и его действия.

Вот и теперь, через несколько минут после своего «признания в убийстве», Павел, взглянув на часы, заявил, что нас должны уже позвать в кают-компанию на обед.

Друг-желудок просит пищи,
В нем танцует аппетит,
В нем голодный ветер свищет
И кишками шелестит!

Словно в ответ на это, по внутренней связи слышался голос:

— Вниманию всех! Тревога нулевой степени! Всем членам химбригады немедленно явиться в Четвертый отсек. Обед откладывается на четверть часа. Двери кают без надобности не открывать!

— Хорошо, что мы не входим в химбригаду, — признался Павел. — Терпеть не могу противогазов!.. Но что-то стряслось.

На пивном заводе «Бавария»
В эту ночь случилась авария.

— Если и авария, то весьма мелкая. Тревога только нулевой степени, — высказался я.

— Надо все-таки разведать, что произошло, — молвил Белобрысов. Подойдя к двери, он нажал на рукоять магнитного замка. Дверь подалась. В каюту сразу проник густоконцентрированный кошачий запах.

— Вот оно что! Это работа дяди Духа! — догадался я. — Паша, закрой же дверь!

— Побольше бы таких дядь! — воскликнул Павел. — Мне возвращены ароматы моей молодости! Так пахло на ленинградских лестницах в эпоху управдомов, жактов и жэков.

Опять он сбивается на свою ностальгическую ахинею, с огорчением подумал я. Какие-то жакты, жэки... Чтобы отвлечь его от навязчивых мыслей, я бодро произнес:

— А вонь-то на убыль пошла. Молодцы наши дегазаторы!

— Действительно, аромат уже послабже стал, — согласился он. —

Прекрасное, увы, недолговечно —
Живучи лишь обиды и увечья.

13. Беседы в «пенале»

В полете мы жили по условному двадцатичетырехчасовому времени. Расписание дня было весьма жесткое — практические занятия в спецотсеках, технические опросы, микросимпозиумы, тренировочные получасовки... Перечислять все считаю излишним, поскольку к услугам Уважаемого Читателя имеется «Общий отчет». Добавлю только, что изредка деловая монотонность наших будней нарушалась: по всем коридорам и отсекам «Тети Лиры» распространялись вдруг неожиданные запахи, иногда весьма малоприятные. Это самораскрывались баллончики дяди Духа; всех их так и не смогли выявить и ликвидировать. Спорадические нашествия ароматов служили неисчерпаемой темой для шуток, в особенности когда мы все собирались за обеденным столом. Наибольшим успехом при этом пользовался Павел Белобрысов. Сам Терентьев не раз с наигранной строгостью говаривал ему:

— Не смешите нас слишком, Белобрысов! Мы пришли в кают-компанию питаться, а не хохотать!

Мои опасения в отношении Павла оказались напрасными: в разговорах с участниками экспедиции он никогда не переступал логической нормы. Мало того, его ностальгические словечки и рифмованные безделушки охотно повторялись другими. Его уважали и считали, что у него легкий характер. На «Тете Лире» он обрел немало доброжелателей, хоть сам в друзья никому не навязывался и в откровенности ни с кем, кроме меня, не пускался.

Мне же он порой рассказывал такое, что я не знал, что и думать; это походило на бред наяву. Однако в его ностальгических излияниях была какая-то завораживающая внутренняя последовательность, изобилие подробностей быта, живая обрисовка характеров. Становилось ясно, что он досконально изучил материал, прочел тысячи исторических исследований, но вместо того чтобы описать это в романе, сам себя вообразил человеком двадцатого столетия; очевидно, сказалось умственное перенапряжение. Мне

припоминается аналогичный случай, опечаливший в свое время весь наш Во-ист-фак: один мой сокурсник, человек явно талантливый (ему предрекали блестящую воистскую будущность), неожиданно заявил, что он полководец Аларих, и потребовал, чтобы ему воздавали высшие воинские почести. Бедняга был отчислен с четвертого курса.

Я слушал Павла, не перебивая еще и потому, что мне льстили его безоговорочное доверие ко мне, его полная уверенность, что я (хотя бы в силу того, что я воист) никогда не подведу его. И одновременно я улавливал в его отношении ко мне какую-то загадочную снисходительность, отнюдь не унижительную, а вполне дружескую.

Каждые пять суток все участники полета поочередно должны были держать четырехчасовую визуальную вахту в «пенале» — так в просторечии именовался овальный нарост из сталестекла, расположенный в верхней носовой части корабля. Целевое назначение этого дежурства было неясно. Возникни на пути следования что-либо непредвиденное — это бы задолго до вахтенных засекли ромбоидные альфатонные искатели и иные средства слежения и наведения. Некоторые утверждали, что Терентьев ввел вахту для того, чтобы мы все ощутили величие космического пространства. Вахту эту всегда несли по двое и, как правило, однокаютники.

Поднявшись по узкой винтовой лестнице в термотамбур и размагнитив гермоцит, мы с Павлом входили в небольшое помещение с прозрачными овальными стенами. Приняв от сменяемых нами товарищей вахтжетоны, мы усаживались в принаитовленные к полу кресла. Перед каждым был пюпитр со светящейся курсовой схемой и двумя клавишами; на зеленую полагалось нажимать каждые десять минут, на красную следовало нажать в случае появления в окружающем пространстве чего-либо неожиданного. Здесь стояла полная тишина. От курсового табло исходил неяркий фосфорический свет, а за прозрачной броней «пенала» простиралась тьма, черное ничто, кое-где пронизанное звездами. Привыкнуть к этому нельзя. Каждый раз, приняв вахту, мы с Павлом несколько минут молчали, подавленные и ошеломленные. Первым приходил в

себя Паша, и каждый раз изрекал какой-нибудь стишок вроде нижеследующего:

Подойдет к тебе старуха,
В ад потащит или в рай —
Ты пред ней не падай духом,
Веселее помирай!

Слово за слово, у нас затевалась беседа. Именно во время этих вахт Белобрысов был со мной предельно откровенен, если можно назвать откровенностью его ностальгические вымыслы о самом себе, в которые он, видимо, верил и хотел, чтобы поверил и я. И надо признаться, что порой он так ловко подгонял «факты», строил из них такие квазиреальные ситуации, что речь его звучала убедительно. В то же время я сознавал, что если поверю — значит, я сошел с ума.

Но, повторяю, одно было для меня несомненно: в лице моего друга пропадает недюжинный писатель. Однажды я сказал ему:

— Паша, я тебе советую: когда вернешься на Землю, возьмишь, говоря фигурально, за перо и напиши историко-фантастический роман с бытовым уклоном. Я уверен, его не только на все земные языки переведут, но еще и астрофицируют.

Грустно покачав головой, Белобрысов ответил:

— Нет, прозаика из меня не получится. А графоманом быть не хочу, графоманы — это письменные сумасшедшие... Стихи я когда-то писал, это правда... Эх, Степа, кем я только не был: и поэтом, и кровельщиком, и затейником, и сантехником... Тридцать три профессии сменил. Может быть...

— Постой, постой, Паша, — перебил я его. — Ты говоришь: «был» поэтом. Разве можно быть поэтом, а потом перестать быть им?!

— У меня случай особый, — ответил Павел. — Как ты думаешь, вот если бы Пушкину или там Гомеру, когда они были в юном возрасте, сказали бы: «Ты проживешь миллион лет» — стали бы они великими поэтами?

— Но они и проживут миллион лет! — отпарировал я. — То есть их стихи.

— Вот именно, их стихи. А если бы сами эти авторы получили достоверную уверенность в том, что просуществуют физически миллион лет, — стали бы они великими?

— Это довольно сложный вопрос, — начал я размышлять вслух. — Миллион лет — это почти бессмертие. Возможно, у поэта, убежденного в своем телесном бессмертии, может возникнуть тенденция к «растяжению» или к пунктирному распределению во времени своих творческих возможностей. Он может утратить уверенность в том, что сумеет «охватить» своим талантом такой гигантский объем событий и перемен. Впрочем, все это голая схоластика.

— Для кого голая схоластика, а для кого — печальная реальность, — возразил мне Павел. — Честно тебе скажу: с той поры, как я стал миллионером, дарование мое пошло резко на убыль. Вот я теперь стишками иногда говорю — это осколки моего разбитого таланта.

— Час от часу не легче! — воскликнул я. — То ты обвиняешь себя в братоубийстве, то заявляешь, что ты миллионер какой-то!..

— Я миллионер в том смысле, что проживу миллион лет, — если, конечно, не случится чего-нибудь такого... — с полной серьезностью ответил Белобрысов.

14. Очень-очень большая глава

Уважаемый Читатель, я чувствую, что настало время предоставить слово самому Павлу Белобрысову. Но прежде — небольшое предисловие.

После того как в 2124 году Алексей Строчников опубликовал свой нашумевший роман «Аякс и Маруся», в мировой литературе возникло понятие «двуединный роман» (или «роман в романе»). В наше время у Строчникова немало последователей, и недаром десять лет тому назад литературовед Альфред Ренг выдвинул свою «Теорию яйца», согласно которой каждый роман отныне должен состоять из «белка и желтка», то есть из двух повествований, ведущихся в двух разных стилевых и хронологических планах, но объединенных единым замыслом («скорлупой»). Ренга поддержал известный критик Замечалов, попутно не

без ехидства напомнив в своей статье, что еще в девятнадцатом и двадцатом веках писатели, не зная теории Строчникова, осмеливались применять ее.

Я не писатель. Но я тоже «осмелюсь». Не из подражания литературной моде, а чтобы соблюсти документальность и фактологическую последовательность в описании характера Павла Белобрысова, я вынужден вложить в свое повествование «желток» — то есть все то, что Белобрысов сам поведал мне якобы о себе самом.

Напомню, что память моя равняется 11,8 по шкале Гроттера — Усачевой, и из 100 процентов устной информации я усваиваю 97. Однако, учитывая кривую временной утечки по формуле Лазаротти, смысловая точность моего пересказа будет равняться 88 процентам. Что касается стилевой достоверности, то она будет ниже смысловой на 6,4 процента. Это объясняется тем, что не все архаические выражения поддаются расшифровке, а также и тем, что порой Белобрысов вставлял в свою речь слова, которые нельзя воспроизвести в печати.

В своих «откровениях» Белобрысов не придерживался событийной последовательности, я же попытаюсь придать всему услышанному от него некоторую биографическую хронологичность. Тем не менее в повествовании будут пробелы, оно будет «рванным», фрагментарным, и сюжетной завершенности здесь не ждите. Я не намерен «склеивать» разрозненные эпизоды и, разумеется, ничего не собираюсь добавлять от себя.

Пересказ будет идти от первого лица.

Теперь о названии. Пусть каждый Уважаемый Читатель, прочтя этот «роман в романе», сам мысленно озаглавит его по своему вкусу и разумению. Я же назову эту вещь так:

ПОСРАМЛЕНИЕ ПРАВЕДНЫХ

I

Я родился в Ленинграде 19 февраля 1948 года. Павел Белобрысов — так записали меня в метрике. Имени я никогда не менял, а фамилию — несколько раз. Потом вернулся к прежней, настоящей. Ну, в нынешнюю эпоху это и

не имеет значения. Хоть Ванькой-Встанькой себя назови или, наоборот, Буддой Иисусовичем, — никто не придерется. Ведь письменная документация отменена, и каждый говорит о себе правду, и каждый тебе верит. Люди совсем врать разучились. Иногда даже скучно мне из-за этого. Я, может, последний человек на Земле, который врать еще умеет.

Но тебе, Степан, я всегда правду говорю. Знаю, знаю, ты меня чокнутым считаешь. Я тоже считаю, что ты с приветиком немного. Это нас роднит.

Их не разогнать хворостиной,
Их дружба — как прочный алмаз:
На похороны, на крестины
Друг к другу ходили не раз.

Между прочим, Степа, в дни моей молодости люди дружили крепче. Ведь дружба — это союз. Союз всегда, сознательно или подсознательно, возникает против кого-то, для взаимовыручки. А сейчас врагов ни у кого нет. Но и друзей таких прочных, как прежде были, тоже нет. Ну, это я не о тебе. Ты-то свой в доску, ты друг настоящий.

II

Валентина Витальевна, моя мать, бухгалтершей была. Она все в жактах и в домохозяйствах работала.

Первую нашу квартиру, на Загородном, помню смутно. Помню цвет обоев в прихожей, помню коридорчик, ведущий на кухню, а событий не помню. И того самого главного, что там стряслось, не помню. Знать-то я знаю, но узнал я об этом позже, уже в юношеском возрасте.

Потом мы жили на Охте, тоже в отдельной квартире, но и ее я плохо помню. Потом в Гавани кантовались, на Опочининой, — уже в коммуналке.

У матери была какая-то болезненная тяга к обменам. Мы, можно сказать, метались по городу, и амплитуда этих метаний, если взглянуть на план тогдашнего Ленинграда, была очень широкой. Но от переездов жилищные дела наши не улучшались, а катились под гору.

Наконец мы прочно осели на Большой Зелениной, в маленькой комнатухе, а всего в той коммуналке было восемь комнат. В нескольких метрах от нашего окна тянулась глухая стена соседнего дома, так что даже в летние дни приходилось электричество жечь. На такую жилплощадь уже никто польститься не мог, а то мать и ее сменяла бы на что-нибудь худшее.

В те годы я был еще шкетом, но уже смутно догадывался, что все эти переезды — неспроста и не из-за материальных причин. У меня была такая догадка: мать очень ушиблена смертью отца и потому-то и мотается с места на место. Потом выяснилось, что причина тут иная.

III

Отца я потерял, когда мне четвертый год шел, так что лично я его не помню. Он в компании грибников поехал в поселок Филаретово, это в ста верстах от Ленинграда, и там в лесу подорвался на mine, затаившейся с войны среди какой-то уютной полянки. Всю Великую Отечественную он был минером, слыл солдатом не только смелым, но и удачливым, три ордена получил — и тут вдруг такое...

Судьба, как слепой пулеметчик,
Строчит — и не знает куда, —
А чьих-то денечков и ночек
Кончается вдруг череда.

Когда я подрост, мать часто рассказывала мне про отца — и всегда с удивлением. Ему всю жизнь то очень везло, то он попадал в полосу чертовского невезения.

— Упаси боже, если ты от папы его судьбу-попрыгунью унаследовал, — сказала она мне однажды.

— Мама, судьба по наследству не передается, — ответил я ей. — Вот мне уже четырнадцать, а ничего особенного в жизни моей не было.

Тут она как-то торопливо отвела от меня глаза и опять повела об отце речь, о его везеньях-невезеньях.

То я в храме, то я в яме,
То в полете, то в болоте,
То гуляю в ресторане,
То сгибаюсь в рог бараний.

По мирной профессии он был монтер-высоковольтник. Ему много по области разъезжать приходилось. Однажды поздней осенью у поселка Вартемяки он проголосовал, сел в грузовик. Там уже много народу сидело. Ехали-ехали — надо железнодорожную линию пересекать. Поезд приближается, а шлагбаум не закрыт. Шофер хотел время сэкономить — и не рассчитал. Борта в щепки, двенадцать человек погибло. Отец один в живых остался. Его толчком вышвырнуло, перекувырнуло — и он на горушку шлака приземлился. Отделался легкими ушибами. А было на нем старенькое пальтецо, он его сразу после демобилизации с рук купил на барахолке. И вот вернулся он домой после аварии, стал снимать свой пальтукан и видит: подкладка на груди лопнула, что-то серенькое торчит. Потянул — а это коленкоровый конверт, и в нем — пять облигаций госзайма. А на столе как раз свежая газета с таблицей выигрышей лежит. Мать и говорит: «Проверить бы надо». А отец ей: «Мало тебе одного чуда на день!» Однако проверили. И что же! На одну из облигаций выигрыш в пять косых выпал!

А через месяц папаня идет по улице, — и вдруг на него с шестого этажа блюдо со студнем падает. Прохожие «скорую» вызвали, та повезла его с переломом ключицы в Обуховскую. По дороге на «скорую» самосвал налетел, проломил кузов. К покалеченному плечу перелом ноги приплюсовался. Два месяца в больнице пришлось отмаяться.

Еще мать рассказывала, что в тот день, когда отец на mine подорвался, ему с грибами невероятно везло. Другие от силы по пятьдесят — шестьдесят набрали, а он девяносто девять взял, хоть грибник был не шибко опытный. Потом крикнул: «Вот и сотый мой!» Тут и грохнуло.

IV

Мне тоже в больницах приходилось лежать. В те времена люди чаще болели. Но в первый-то раз я в больницу

не из-за инфекции и не из-за детской какой-нибудь хвори попал.

Попал я туда, когда шел мне пятый годик, из-за одного несчастного случая, который я же и сотворил.

Нетрезвый провизор смотрел телевизор,
А после, взволнован до слез,
Кому-то в бокале цианистый калий
Заместо микстуры поднес.

Но об этом несчастном случае я узнал много позже. От матери узнал. А сам не помню, как меня в ту больницу доставили. И как там лежал, тоже почти ничего не запомнил. Мне тогда память из-за травмы отшибло. Мог и в психбольницу загреметь. Однако потом пришел в нормальное умственное состояние. Но память о добольничном времени затмилась.

Иногда только что-то мелькало в воспоминаниях. Будто сквозь сон. Вот я бегаю с кем-то по коридору, вот мы вбежали в комнату, а он зацепился ногой за ковер, упал и заплакал. А я стал его передразнивать и заплакал понарошку. А вот я сижу за каким-то столом, а он — напротив. Я пью молоко, а он уже опорожнил свою чашку и что-то сказал мне. Но что — не помню.

Однажды я рассказал об этом матери. Она строго сказала тогда, что это у меня ложная память, это последствия болезни. Кроме меня, детей в семье не было. «Изволь это запомнить!»

Мать была человеком очень правдивым, и я поверил ей. Постепенно эти мелкие кинокадры выцвели, ушли из памяти. Вернее, не ушли, а спрятались куда-то до поры до времени.

V

А вот вторую свою больницу я хорошо помню. Я в нее попал, когда восемь лет было, — из-за воспаления легких. Там на соседней койке мальчик лежал, старше меня года на два, и у него альбом был с изображениями всяких дворцов, храмов и домов. Мне захотелось детально полистать тот

альбом, и мальчик пообещал: завтра он этот альбом мне навсегда подарит. Но вечером мне стало хуже, а когда я через сколько-то там дней очухался, — на соседней койке лежал уже другой. Так я и не полистал того альбома. Но с той поры стали мне сниться архитектурные сны. Стали сниться разные строения и сооружения — пагоды, дворцы, казармы, вокзалы, заводы, украинские хатки, небоскребы, кладбищенские склепы, пивные киоски, зерновые элеваторы, свайные постройки. Иногда будто бы открываю дверь в избушку — и вдруг оказываюсь в таком бело-мраморном холле или в сводчатой церкви.

От бога осталась нам шкура,
Осталась остистая готика,
Соборная архитектура,
Строительная экзотика.

И до сих пор мне часто всякая архитектурщина снится. А самое дурацкое в этом — это то, что зодчеством я никогда сильно не интересовался, у меня всегда другие интересы были.

Люди мне среди этих всех сооружений редко снятся. Но иногда вижу там и людей. Помню, однажды шагаю во сне по какой-то длинной дворцовой анфиладе, — и топает мне навстречу шкет моего возраста и даже вроде бы похожий на меня. Я побежал ему навстречу. Бегу, ветер в локтях свистит, мелькают окна, проемы, статуи из ниш на меня поглядывают... Бегу, как наскипидаренный, а ни на шаг к нему не приближаюсь.

Мать меня будит вдруг и спрашивает:

— Почему ты во сне кричал?

Я рассказал ей, а она в слезы. Плакала она, между прочим, очень редко.

VI

Я наперечет помню все случаи, когда мать плакала. У нее вот такая странность была: она очень долго запрещала мне пользоваться газовой плитой. Это не только меня, но и жильцов-соседей удивляло (мы уже в коммуналке жили).

Она даже электроплитку специально купила, чтобы я, придя из школы, подогревал на ней еду.

А однажды мать вернулась с работы раньше обычного и застучала меня возле газовой плиты, я чайник на конфорку поставил. И вот мама чайник тот кулаком на пол сбила, дала мне затрещину (это единственный раз в жизни она меня ударила), а сама побежала в комнату, уткнулась в подушку и плачет во весь голос.

Еще другой слезный случай помню.

Когда мы на Псковской жили, там во дворе одной девочке очень мое имя не нравилось. Как спущусь во двор, она сразу же кричит: «Павел-Павлуха — свиное брюхо!» Из-за этого мое имя стало казаться мне плохим и обидным.

И вот как-то весной, в выходной свой, повезла меня мать на Петроградскую сторону, в Петропавловскую крепость. Мы прибились к группе туристов, посетили равелины, казематы. Потом вошли в Петропавловский собор — поглядеть на надгробья царей и цариц.

Среди императорских могил охватила меня грустная зависть. У гробницы моего тезки Павла Первого — никакого оживления; экскурсанты мельком глянут на его надгробную доску и прут мимо, будто его и на свете никогда не было. А там, где Петр Первый похоронен, — там публика толпится, толчется, топчется, с почтением глядит на его надгробье, и даже букетик кто-то на мрамор положил. Вот что значит быть не Павлом, а Петром! Ах, тут мне с новой силой припомнились дразнительные слова той ядовитой девочки!

— Мама, зачем ты с папой назвала меня Павлом, а не Петром?! — сердито обратился я к матери. — То ли дело: был бы у тебя не какой-то там Павел-Павлуха, а Петя-Петька!

Мать при этих моих словах вдруг побледнела и, схватив за руку, торопливо вывела вон из собора. В глазах ее стояли слезы. Я, по малолетней своей глупости, решил: это она потому заплакала, что ей жаль Петра Великого, ведь он жил не очень долго, об этом экскурсовод говорил.

В тот же день вечером мать пошла к соседке по квартире — тете Клаве. Эта тетя Клава иногда за воротник

закладывала, и такой черты в ней мать не одобряла. А тут и сама от нее чуть-чуть под градусом вернулась.

VII

Да, имя мое в те годы мне крайне не нравилось. Напрасно мать убеждала меня, что до меня оно принадлежало многим великим и интересным людям, — я был глуп, как жабий пуп, и считал себя обиженным.

Когда я начал учиться в школе, то подружился с мальчишкой, который тоже был ущемлен в этом смысле, и даже побольнее, чем я: Авенир — вот какое имечко присобачили ему родители. Все в классе, конечно, звали его Сувениром, и он очень злился. Один я никогда его не дразнил, на этой зыбкой почве мы и подружились.

У этого Авенира-Сувенира имелся один заскок: он придавал очень большое значение числам и цифрам. Раз ехали мы с ним на Крестовский остров, в детский плавательный бассейн (у нас абонемент был), и вдруг Авеня глянул на свой трамвайный билет и заявляет мне: «Сегодня в бассейн не пойду, не хочу утопленником стать! Смотри, у меня билет на четыре четверки оканчивается! Страшный сигнал!»

Я стал доказывать ему, что никто еще в бассейне не утонул, но мои слова — как об стенку горох. На первой остановке Авенир выскочил из трамвая и потопал домой.

Посмеивался я над этими гаданьями Авени, а потом незаметно и сам заразился от него цифирным синдромом и стал верить в счастливые и несчастные числа, в четы и нечеты.

Вообще-то важные повороты в судьбах людских зависят порой не от больших событий, не от больших чисел, а от микрособытий и микровеличин. Так сказать, не от царей, а от псарей; не от начальников станций, а от стрелочников. Тысячи стрелочников управляют поездом твоей жизни; некоторых из них ты и в глаза не видел и слышать о них не слышал, и они тебя тоже не знают. Но все решают они.

В 1963 году, когда учился в восьмом классе, в конце января подхватил я простуду.

Жизни нет, счастья нет,
Кубок жизни допит —
Терапевт-торопевт
На тот свет торопит.

Впрочем, до больницы на этот раз не дошло. Отлежал дома четыре дня, а на пятый, в воскресенье, был уже на ногах. Поскольку телефона у нас не водилось, я решил пойти к кому-нибудь из одноклассников пешим ходом, чтобы узнать, что прошли за это время и что на дом задано.

В то время Авенир жил уже в другом районе, а дружил я с Гошкой Зарудиным и Валькой Смирновым. Когда я часов в шесть вечера вышел из подворотни своего дома, на Большую Зеленину, я еще не знал, к кому именно пойду, к Вальке или к Гошке. Дружен я с ними обоими был в равной степени, и жили они оба на одинаковом расстоянии от меня; только к одному надо было идти направо, в сторону Геслеровского, а к другому — налево, по направлению к Невке. И вот я, вынырнув из своей подворотни, стоял на тротуаре, как Буриданов осел, не зная, какой путь выбрать.

И вдруг вижу — идет симпатичная девушка в синем пальто. Вот она сняла перчатку и вытряхнула оттуда белый прямоугольничек; по его размеру я понял: это автобусный билет. Я поднял его и, не глядя, загадал: четный номер — к Вальке пойду, нечетный — к Гошке. Потом взглянул. Номер кончался на девятку. И я направился в сторону Невки.

Эта незнакомка в синем пальто была стрелочницей моей судьбы. Благодаря ей я стал миллионером.

Я, значит, пошагал по Большой Зелениной налево. Когда поравнялся с винным магазином (там и в розлив всякие вермуты продавали), выходят оттуда двое мужчин среднего возраста, оба сильно навеселе.

Все смеются очень мило,
Всех вино объединило,
У Христа и у Иуды
Расширяются сосуды.

— Ты, Фаламон, не падай духом! — услышал я голос одного из них. — Доведу тебя до дому, гадом буду, если не доведу!.. Ты с какой стороны-то в шалман завернул, а?

— Не помню, родной... — тоскливо и еле внятно ответил второй. — Не помню, друг...

— Ты в други мне, змеюга, не лезь! — меняя милость на гнев, взбеленился первый. — Чего вяжешься ко мне, курвяк! От пятерки уводишь... Васька-то мне должен!

Резко оттолкнув своего недавнего подопечного, он повернулся на сто восемьдесят градусов и, выписывая кренделя, поперся обратно к винному магазину. А Фаламон прислонился к водосточной трубе. Лицо у него было доброе, только совсем одуревшее. Мне стало жаль его, я подумал, что, если бы мой отец был жив, он был бы сейчас в таком же возрасте. Правда, отец-то не пил, да и пьянчуг не любил — я со слов матери знал. Но это уж дело другое.

Пьяный оторвался от трубы, зигзагами побрел в сторону Глухой Зелениной, свернул на нее. Эта улочка и днем-то малолюдна, а тут, когда вечерело, да мороз под двадцать, да еще в тот вечер по телеку фильм из быта шпионов давали — совсем пустая была. А он вдруг сделал поворот в Резную улицу, совсем безлюдную в те годы; туда выходили тылы каких-то мастерских, складов, гаражей. Он прошел шагов сто и плюхнулся на скамейку в палисаднике. Перед скамьей стоял стол с врытыми в землю ножками; здесь летом складские ребята в перерыв козла забивали. Он посидел, опершись руками на стол, и вдруг боком сполз в снег; шапка с него слетела. Я подошел, наклонился, нахлобучил ушанку ему на башку, стал трясти его и говорить, что замерзнет он тут. На миг он приподнял голову, уставился на меня.

— Дяденька, где вы живете? — крикнул я.

— У Хрящика... — пробормотал он. — Сволота ты, Хрящик, твой отец приказчик! Вина для гостя пожалел!

И тут у меня мелькнула одна умная догадка.

Поскольку по молодой своей дурости я считал свое имя неудачным, я очень внимательно приглядывался и прислушивался к чужим именам и фамилиям. Так вот, еще в самом начале своей дружбы с Гошей Зарудиным я, поднимаясь однажды по лестнице в его квартиру (а жил он на четвертом этаже), машинально прочел на двери в третьем этаже список жильцов и кому сколько звонить. И мне запомнилась такая фамилия: Хрящиков. И вот теперь,

услыхав слова замерзающего Фаламона насчет Хрящика, я опрометью побежал в Гошин дом и позвонил в ту самую квартиру на третьем этаже. Мне открыл дверь долговязый пожилой человек мрачного вида.

— Тот дяденька, которого Фаламоном звать, в Резной улице лежит! Он в два счета замерзнет! — выпалил я.

— Не Фаламон, а Филимон, — сердито поправил меня мужчина, а потом сразу же побежал в одну из комнат и вернулся оттуда уже в пальто. С ним вместе вышла женщина немолодых лет. Мы втроем отправились в Резную. Женщина на ходу всхлипывала. В дальнейшем выяснилось, что она приходится Филимону женой, а Хрящикову двоюродной сестрой. Она с мужем приехала погостить в Питер, Филимонов и Хрящиков по случаю встречи выпили, Филимону захотелось еще, а у Хрящикова заначки не было. Филимон пошел купить бутылочку, но задержался в разливном магазине и там наstackанился. Тот переменчивый тип, который провожал его, а потом бросил, был просто случайный человек, они познакомились ненадолго за пьяной беседой в том же магазине.

В Резной мы нашли Филимона на том же самом месте и в том же лежачем положении. Хрящиков с Ларой (так женщину эту звали) отбуксировали его на квартиру; своим ходом он, понятно, идти не мог.

Я замыкал шествие.

Когда мы поравнялись с их площадкой, женщина пригласила меня зайти обогреться. Но я сказал, что обогреюсь этажом выше, у Зарудиных.

Дело этим не кончилось. Дело только разгоралось.

На следующий день вечером к нам домой закатилась эта самая тетя Лара (так она велела себя называть). Адрес мой и имя она выведала у Зарудиных — и вот явилась с огромным тортом и объявила моей матери, что я — спаситель Филимона Федоровича, ее, тети Лариного, законного супруга. Не будь, мол, меня, он бы или замерз насмерть, или бы его хулиганы обчистили и прикокнули. Тем более у него в кармане полторы сотни новыми было. И вот в результате моей помощи и человек цел, и деньги живы!

Мать была удивлена и обрадована. Я ей вчера об этом событии ничего не сказал. Как-то неловко было бы рассказывать, рассусоливать. Ведь ни храбрости, ни сообразительности особой я не проявил, ничего этого и не требовалось. Помог человеку — и все.

Шикарный торт, который принесла тетя Лара, не соответствовал внешнему виду дарительницы: одета она была небогато и немодно. На поношенной кофточке у нее выделялась медная брошка, большая такая, в форме лиры. И я мысленно переименовал эту тетю Лару в тетю Лиру. Позже и в глаза стал так ее звать, она не обижалась.

А торт мать мою очень растрогал: сразу понятно было, что не от избытка он куплен. Мать расчувствовалась, стала говорить тете Лире всякие добрые слова. Та в ответ начала прямо-таки требовать, чтобы летом я ехал не в пионерский лагерь, а к ней — на все каникулы. Они ведь с мужем не в городе живут, у них свой домишко в Филаретове.

— Где? — переспросила мать напряженным голосом.

— В Филаретове, — повторила тетя Лира. — Да что с вами, голубушка?!

Тогда мать сказала ей, что именно около этого Филаретова погиб мой отец. Но добавила, что, если я захочу провести там лето, она меня отпустит, она не боится. Ведь туда, куда ударил один снаряд, второй никогда не ударит. Мать пережила Великую Отечественную, мыслила военными категориями. Она верила, что людские судьбы тоже подчиняются законам баллистики.

Мне ехать в это Филаретово вовсе не хотелось, я считал, что в пионерлагере веселей. Но потом вышло так, что к тете Лире и дяде Филе я все же отправился и не одно лето бывал у них. Ничего плохого там со мной не случилось. Правда, кое-что там со мной произошло, но это «кое-что» выходит за грани плохого и хорошего.

VIII

Обычно мои архитектурные сновидения ничего не подытоживают и ничего не предвещают. Поэтому я их быстро забываю. Но кое-какие помню.

Страшный сон увидел дед:
К чаю не дали конфет!

В ночь после посещения нас тетей Лирой спалось мне неважно: я объелся тортом. Под утро стало легче, я уснул. Мне приснился какой-то покинутый город. На улицах мелкой волнистой россыпью лежал песок. Людей нигде не было. Не было и никаких следов всенных или сейсмических разрушений. Я заходил в пустые дома, поднялся на кирпичную башню — и тут задрезбезжал будильник.

По пути в школу я вспоминал сон. Чего-то не хватало в том городе, но чего именно — припомнить я не мог. Помнил прочные, массивные стены с обвалившейся кое-где штукатуркой, помнил балконы, где на нанесенной ветром земле выросли кустики, помнил оконные и дверные проемы... И все же чего-то там не было, или что-то было не так, как должно быть.

Когда человек о чем-то усиленно размышляет, он невольно замедляет шаг. Поэтому я явился в школу с опозданием.

Опоздал я минут на пять. В то утро наш 8 «а» сдвоили с 8 «б» — у них учитель заболел. Когда я вошел в химлабораторию, Валентина Борисовна, наша химичка, стоя у доски, сделала мне выговор, но присутствовать разрешила.

В лаборатории стояли длинные черные столы и скамейки. Из-за того, что классы объединили, все сидели тесно. Только на одной скамье оставалось немного места. Я попросил девочку, сидевшую с края, подвинуться. Выполняя мою просьбу, она задела локтем колбочку. Все пялились на доску, где учительница выводила формулу, и никто не видел, кто именно уронил колбочку со стола. Но когда послышался звон разбитого стекла, все уставились в нашу сторону. Валентина Борисовна решила, что виноват я, и сделала мне второй выговор. Я не стал оправдываться, голыми руками собрал осколки и отнес их в угол, где стоял железный ящик. Когда я вернулся на место, девочка шепнула мне: «Ты молодец, Павлик!»

Эту беленькую симпатичную девочку я не раз видел в школьных коридорах и даже знал, что зовут ее Эла. Но я

почему-то очень удивился, что и она знает мое имя, и спросил ее, откуда ей известно, как меня звать. Она ответила, что ее подруга, которая «все на свете знает», недавно в переменку указала ей на меня и сказала, что это мои стихи в стенгазете.

Действительно, в январском номере школьной стенгазеты было помещено мое стихотворение «Новогодний клич», ознаменовавшее собой мое первое проникновение в печать. Я спросил Элу, очень ли понравился ей мой «Клич». Она ответила неопределенно, из чего я понял, что в поэзии она разбирается слабо. Но я все готов был простить ей за то, что она назвала меня Павликом. В ее устах это имя прозвучало как музыка, и в первый раз в жизни оно показалось мне не таким уж плохим.

Через несколько минут Эла снова обратилась ко мне по имени.

— Ой, Павлик, у тебя вся рука в крови, — тревожно прошептала она.

В самом деле, из двух пальцев моей правой руки обильно струилась кровь — это я порезался осколками. И вот я поднял окровавленную ладонь и обратился к преподавательнице:

— Валентина Борисовна, разрешите сходить на перевязку. Я вам клянусь, что скоро вернусь!

Химичка сделала мне третий по счету выговор (якобы за паясничанье), но в медпункт отпустила.

В тот же день я проводил Элу до ее дома; она жила на Петрозаводской. Наша дружба, скрепленная кровью, ширилась и разрасталась. На ходу я устно ознакомил Элу со своими лучшими стихами. Она слушала внимательно, но без должного волнения и вскоре стыдливо созналась, что стихи — не только классиков, но даже мои — ее не очень занимают. Она интересуется зодчеством и каждое воскресенье бродит по городу, рассматривая дворцы, Церкви и просто старинные жилые дома; иногда она и зарисовывает увиденное. В будущем она надеется стать архитектором.

— А снятся тебе архитектурные сны? — спросил я.

— Нет, — ответила Эла. — Мне иногда снится, будто я — Люба... Вот и сегодня приснилось — мать меня будит:

«Люба, Любаша, вставай! В школу опоздаешь!» Я так обрадовалась, что меня Любой звать, что от радости проснулась. И тут-то сразу вспомнила, что не Люба я, а Эла...

— Разве Эла — плохое имя?! — возразил я. — Имя что надо!

— Эла — это сокращенно. А полное имя — Электрокардиограмма. Так я и в метрике записана, — с печалью в голосе призналась девочка.

И тут она рассказала, почему ее так обидели. Ее папаша — боксер в отставке, а ныне — завхоз живорыбной базы — всегда мечтал о сыне, из которого он выковал бы боксера, чтобы тот приумножил семейную славу. И вот жена родила девочку; ей дали имя Вера. Затем родилась вторая девочка, ее называли Надежда. Когда на свет появилась третья, с отцом от огорчения произошел сердечный криз и он попал в больницу на полтора месяца. На больничной койке он придумал имя для третьей дочки и пригрозил матери разводом, если та будет противиться. В загсе долго отговаривали, но он настоял на своем. И стала его третья дочь Электрокардиограммой Васильевной.

Когда я выслушал эту горькую историю, мне стало очень жаль Элу, и я мысленно поклялся, что всегда буду ей верным другом и никогда ни в чем не подведу ее.

Клятвы этой я не выполнил.

IX

Наша дружба с Элой крепла. Мы часто бродили с ней по старым районам Питера. Я таскал ее этюдник, а когда она зарисовывала какой-нибудь старый особняк, стоял возле нее, любуясь не архитектурой, до которой мне было как до лампочки, а Элой как таковой.

Стихи мои теперь регулярно появлялись в стенгазете, а когда возник школьный литкружок, я сразу вступил в него. Но обсуждения там происходили на невысоком уровне, и я не раз подвергался нападкам завистников.

На творческое совещание
Спешил поэт, ища друзей, —
Но там услышал сов вещание
И гоготание гусей.

Я знал, что недалеко от Обводного канала, при клубе «Раскат», действует молодежная литгруппа, которую ведет поэт Степан Безлунный. Стихи его мне нравились, и я решил устроиться к нему. И вот в сентябре 1964 года, после последнего урока, я поехал в этот клуб и оставил там заявление, приложив к нему восемь отборных, самолучших своих стихотворений.

Вскоре я был принят в литгруппу. Но сейчас о другом речь.

Когда я, сдав свою заявку, собирался идти домой, то увидел сквозь окно вестибюля, что начался дождь. Плаща у меня не было, и я решил подождать в помещении, пока мало-мальски прояснится.

Шагая взад-вперед по просторному холлу, я обратил внимание на бумажку, приклепленную к доске для объявлений. Там от руки, синим фломастером сообщалось следующее:

ВНИМАНИЕ! СЕГОДНЯ СИЗИФ В 28 КОМН.

Я заинтриговался: при чем здесь Сизиф? В холле околачивалось несколько человек, тоже пережидających дождь. Я обратился к девушке с нотной папкой:

— Не скажете, почему это в клубе Сизиф?

Девушка даже отпрыгнула от меня, в глазах — недоумение. Ясно было, что имя это она впервые слышит. Я решил: проще самому узнать, что кроется под этим Сизифом, и отправился искать 28-ю комнату. Отыскал ее на втором этаже. На двери там красовалось объявление, написанное тем же синим фломастером:

**ТОПОЛОГИЧЕСКИЙ ДОКЛАД О ПРОИСХОЖДЕНИИ
СВОЕЙ ФАМИЛИИ СДЕЛАЕТ Т.Д. КОШМАРЧИК
ОППОНЕНТЫ:**

**СУБМАРИНА СИГИЗМУНДОВНА НЕПЬЮЩА,
СВЕТОЗАР АРИСТАРХОВИЧ КРЫСЯТНИКОВ**

Я вошел в большую комнату, сплошь заставленную столами. Там сидело человек десять, не больше. У стены справа маячили два манекена, мужской и дамский; в простенках стояли четыре швейные машины. К Сизифу эта техника

отношения не имела, просто здесь же по субботам занимался кружок кройки и шитья — об этом сообщила мне пожилая дама, восседавшая возле двери за маленьким столиком. Позади дамы на стене висела на гвоздике дощечка с надписью:

СЕКЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ИМЕН
и ФАМИЛИЙ СИЗИФ
СТАРОСТА СЕКЦИИ
ГОЛГОФА ПАТРИКЕЕВНА НАГИШОМ

Почтенная старостиha спросила, как меня зовут. Я назвался, и она с долей пренебрежения заявила:

— Белобрысов — фамилия не уникальная, научно-познавательного интереса в ней нет. В основной состав секции вас не примут. Если хотите, можете посещать СИЗИФ на правах гостя...

— А я и не прошусь в вашу секцию, — сказал я.

— Ну, это уж ваше дело, — обиженно изрекла Голгофа Патрикеевна. — Вы просто представления не имеете, какие замечательные люди собираются здесь... Вот посмотрите! — Она протянула мне тисненную серебром папку, на которой значилось: «СИЗИФ. Редкофамильцы и редкоименцы. Основной состав».

Дождь за окнами шел на убыль, пора было топать домой, а список был длинный. Я стал просматривать его через пятое в десятое: Агрессор Ефим Борисович... Антенна Сергеевна. Бобик Аметист Павлович... Жужелица Марина... Кувыркoм Любовь Гавриловна... Ладненько Кир Афанасьевич... Медицина Павловна... Ночка Демосфен Иванович... Пейнемогу Анастасия... Свидетель Лазарь Яковлевич... Сулема Стюардесса Никитична... Эротика Митрофановна... Яд Сильфида Борисовна...

— Нате ваш список, — обратился я к Голгофе Патрикеевне. — Тут у вас, между прочим, ошибка. Смотрите, дважды написано: «Трактор Андреевич Якушенкин». И год рождения один и тот же — тысяча девятьсот двадцать девятый.

— А вот и не ошибка! — просияла Голгофа. — Это близнецы. Родители не хотели обидеть кого-либо из них и

дали им одно, но выдающееся имя. С точки зрения педагогики — очень разумное решение!

— А это что за шифровка? — спросил я, указав на последнюю страницу, где особняком значились четыре человека:

Иван Гаврилович	— ов.
Матрена Васильевна	— ва.
Яков Григорьевич	— ан.
Андрей Ибрагимович	— ий.

— Это, молодой человек, наши неприличники! Наш золотой фонд! — радостно воскликнула Голгофа Патрикеевна. — Стойкие люди!.. Матрена Васильевна, например, красавицей была, вокруг нее ухажеры, как шакалы, крутились, а замуж так и не вышла. Не хотела свою уникальную фамилию терять! Хочешь, мол, мужем быть моим — бери мою фамилию! Но не нашлось настоящего человека...

— А какая у нее фамилия? — загорелся я.

— Фамилии этих четырех вы можете спросить у мужчин, — зардевшись, проинформировала меня Голгофа.

Я огляделся — кого бы спросить. Народу расселось за столами уже немало, но почти все пожилые, солидные люди; неудобно у таких спрашивать. Я решил подождать. Сизифы дружно валили в комнату. Они перебрасывались какими-то словечками и шутками, понятными только им. Одни держались степенно, другие — смиренно. Чувствовалось: у них своя иерархия.

У меня мелькнула идея: Элу угнетает ее имя, а здесь добрые люди гордятся своими редкими именами. Если подключить Элу к сизифам, ей бы куда веселей на свете жилось.

— Голгофа Патрикеевна, — обратился я к старостихе, — у меня одна знакомая есть, ее зовут Электрокардиограмма. Ее примут в секцию?

— Электро-кардио-грамма! — с чувством проскандировала Голгофа. — Звучное, певучее имя! И какой глубокий, благородный подтекст!.. Значит, не перевелись еще родители с хорошим вкусом... Конечно, мы ее примем безоговорочно!

«Заметано! — подумал я. — Теперь пора рвать когти отсюда. Но прежде...»

Среди сизифов, которые еще не успели занять места, я выбрал коротенького старичка с добрым лицом и подошел к нему.

— Извините, какие фамилии у неприличников? — спросил я.

— ...ов, ...ва, ...ан, ...ий*, — с ласковой готовностью сообщил старичок. — Мне, конечно, далеко до них. Я только Экватор Олегович Тяжко... А как вас именовать, юноша?

Я назвал фамилию, имя, отчество.

— Белобрысов — не густо, очень не густо. На членство не тянет, — сочувственно покачал головой Экватор Олегович. — Но не огорчайтесь: фамилия хоть и не уникальная, но редкая. У нас, сизифов, память на такие вещи ой какая цепкая, а я за свою жизнь немногих Белобрысовых запомнил. С одним — Николаем — в школе учился. Он в Озерках утонул. С другим — Василием Васильевичем — на Загородном по одной лестнице жил. Это не отец ли ваш? Отчество-то сходится.

— На Загородном мы жили. Я-то не помню, но мать мне говорила...

— Ужасно не повезло ему с этой миной... Его весь дом хоронил... А сейчас вы где живете?

— На Петроградской, на Зелениной.

— Я тоже давно оттуда, с Загородного, съехал. Месяца, кажется, через три после смерти Василия Васильевича... Мать-то здорова?

— Спасибо, здорова.

— Ну, вас, юноша, о здоровье не спрашиваю! Акселерат!.. Братец Петя тоже, наверно, не хуже вас вымахал?

— Вы путаете что-то. У меня брата нет.

— Значит, опять затмение нашло. — Старичок посмотрел на меня, пожевал губами и спокойно добавил: — Вот и жена мне вчера сказала: «Продырявилась твоя память, Экватор Олегович!» А ведь прежде как все помнил!..

* Фамилии процитировать считаю невозможным из этических соображений.

В этот момент послышался почтительный шумок. В комнату, улыбаясь наигранно-смущенно, вступили два рослых, мощных — и абсолютно одинаковых человека.

— Ну, теперь СИЗИФ в полном сборе, — услышал я радостный голос Голгофы Патрикеевны. — Трактора наши пришли!

Я торопливо вышел в коридор. Не до сизифов, не до тракторов мне было.

Ж

Из клуба домой я пешком шел: на ходу лучше думается.

Экватору Олеговичу этому врать незачем, размышлял я. На брехуна он не похож. Что знал, то и сказал мне.

Теперь многое в поведении матери становилось для меня понятным. А вернее — совсем непонятным. Почему она скрывает, что у меня был (или есть?) брат? Что с ним случилось? На душе у меня было ой как тревожно.

Ты жизнь свою разлиповал
На тридцать лет вперед,
Но палетел девятый вал —
И все наоборот.

Придя домой, я сразу же изложил матери свой разговор с Экватором Олеговичем. Мать побледнела. Потом сказала:

— Видно, как веревочка ни вьется... Не зря я боялась, что ты стороной об этом узнаешь. И вот теперь ты на хрычика этого напоролся. Нет, он не соврал тебе. Полправды ты от него узнал, боюсь, и всю правду через чужих людей рано или поздно узнаешь. Так уж лучше я тебе все расскажу. Слушай. Дело так было.

После смерти отца я вас с Петей вскоре в детсад устроила. Но потом там вдруг кто-то из ребят ветрянкой заболел, карантин объявили. На это время я договорилась с тетей Тоней, сестрой моей, что она за вами приглядывать будет, пока я на работе. Она не работала, у ней кисть правой руки в блокаду повреждена; а жила близко — на

Бородинской. Где сейчас она — не знаю и знать не хочу; с того проклятого дня мы с ней навсегда в разрыве.

В тот день, 30 марта, она пришла минут за десять до моего ухода на работу. Я ей разъяснила, что ребятам на обед приготовить; продукты у меня заранее были куплены. Я ушла в свою контору, а тетя Тоня повела тебя и Петю гулять. Потом вы вернулись домой, пообедали. Тут и я забежала, убедилась, что все в порядке. А когда я ушла, к нам на квартиру (это я уж потом узнала) Коля Солянников зашел, он в квартире напротив жил. Он часто приходил к вам играть, хоть старше вас с Петей года на два был.

Вы в тот день все втроем играли, а тетя Тоня сидела в кресле, читала. Потом вдруг сказала, что сходит в сберкасу быстро-быстро, а вы тут не шалите. Это все Коля потом рассказал. Тетя Тоня после призналась, что и вправду пошла в сберкасу, уплатить за жилплощадь, и там в очереди с час стояла, потому как конец месяца. А потом свою старую знакомую одну встретила — долго ее не видала — и за разговором проводила ее до дома — аж до проспекта Майорова.

А в это время происходили безысходные события — Коля Солянников потом все по-честному рассказал. Вы втроем играли в кубики, какие-то дворцы строили, потом все прилегли на тахту и дремали. Потом Коле есть захотелось, он был мальчик прожорливый, и он сказал, что пойдет домой кушать. А вы с Петей были младше его, вам лестно было поиграть со старшим, и тогда ты сказал: «Ты не уходи, Коля, мы тебя накормим, я тебе кашу сварю». И ты пошел на кухню. Что ты там делал, — точно сказать нельзя. Потом там нашли на полу крупу-ядрицу рассыпанную, а на табуретке — кастрюлю с такой же крупой, только вода туда налита не была. И обнаружили открытый крантик на газовой плите. Верхний вентиль тетя Тоня — дура такая — забыла перекрыть, а то бы ничего и не случилось.

Когда ты вернулся в комнату, Коля спросил тебя, скоро ли каша сварится, но ты ничего толком не ответил. Вы еще чуть-чуть поиграли, а потом все трое уснули на тахте. Не от газа, а просто потому, что наигрались. Газ пришел попозже, и во сне вы его не почувствовали.

Когда тетя Тоня вернулась, она уже на площадке учуяла запах, а чуть открыла дверь — ей так в носшибануло, что она заорала благим матом. Концентрация густая была, хорошо, что взрыва не случилось, а то и тебе бы в живых не быть. Сбежались соседи, вытащили вас на площадку, вызвали «скорую». Коля быстро пришел в сознание, он крепкий мальчик был. Петя в сознание не пришел. Тебя отходили, хоть в больнице тебе долго пролежать пришлось. Ты оказался очень живучим. Ведь тут дело тем осложнилось, что тебя, когда второпях выносили из загазованной квартиры, головой о дверь сильно трахнули. У тебя сотрясение мозга получилось. Доктора побаивались — не станешь ли дурачком. Однако обошлось. Но врач Рыневский Георгий Дмитриевич дал мне такой совет, и даже не совет, а приказ: если ты сам не вспомнишь о том, что случилось, ни в коем случае тебе не напоминать. Потому что можно этим нанести тебе непоправимую психическую травму. И вот я изо всех сил старалась, чтобы ты ничего не узнал. Из квартиры на Загородном сразу же сменялась на дальний район; со всеми родственниками и знакомыми порвала, чтобы они случайно не проговорились. И все время из района в район кочевала — чтобы все следы замести. Это мне очень долго удавалось — держать тайну в тайне. А вот теперь...

— Мама, выходит — я убийца?

— Не забирай себе в голову такой мысли! Это несчастный случай... Но, знаешь, никому не рассказывай об этом. Люди так перетолковать могут, что потом всю жизнь с клеймом будешь ходить. Молчи!

— Мама, а фото Пети есть у тебя?

— Нет. Все, что его касается, я уничтожила. Чтобы ты случайно не узнал. И то фото, где все вчетвером сняты, тоже сожгла. А второй экземпляр у подруги моей школьной хранится, у Симы Горбачевой. Она ничего не знает, думает, что Петя от ангины умер. Я ее множество лет, эту Симу, не видела.

— А где она живет?

Мать дала мне адрес. Позже я побывал у этой Симы Горбачевой и выпросил фото. Я всю жизнь храню его. И в полет на Ялмез взял. Неспроста взял.

XI

Теперь я часто бывал дома у Элы. Подружился и с ее сестрами. И даже их отец, отставной боксер, оказался человеком невредным. Единственным мутным фактом его биографии было то, что он приклеил своей младшей дочке такое нечеловеческое имя — Электрокардиограмма. Он агитировал меня написать поэму о боксе и показывал мне разные приемы кулачной атаки и обороны.

О трех сестрах в доме, где они жили, говорили так: сестры-растеряхи. Они были симпатичные собой и вовсе не грязнули, но в квартире у них царили вечный кавардак, суматоха и бестолковщина. Впрочем, это даже придавало веселья их быту. Помимо общей для них нерасторопности, каждая из сестер имела и свою узкую специализацию. Когда стряпала Вера, обед обязательно получался неудобосъедобным: то она по ошибке соли в компот насыпет, то сахарного песку в щи. Если из квартиры несло паленым — это значит, Надя гладила белье и сожгла кофточку или наволочку. Эла же вечно роняла и била посуду.

О сизифах Эле я ничего не рассказал. И конечно, ничего не сказал о Пете. Но однажды, сидя вечером в гостях у сестер, я сочинил для них специальный тест.

В одном зарубежном городке жил бюргер по фамилии, скажем, Пепелнапол. У него были две дочери-двойняшки четырехлетнего возраста — Амалия и Эмилия. Мать их умерла очень рано, и за ними присматривали две няни.

Однажды бюргер уехал по делам в соседний городок. Няни накормили сестер добротным фриштыком, а затем, пользуясь бесконтрольностью, заперли детей в доме, а сами пошли на дневной сеанс в кино.

Оставшись без надзора, девочки-близнецы долго играли, потом им это надоело.

— Давай уснем до прихода наших бонн, — сказала Амалия Эмилиии.

— Но как мы уснем, если спать не очень-то охота? — ответила Эмилия.

— Я знаю, как уснуть, если не спится, — заявила Амалия. — Мы возьмем в папином шкафчике сонные

пилюли. — И она залезла в отцовский шкафчик и взяла там таблетки, которые Пепелнапол принимал иногда от бессонницы. Она высыпала их на стул.

— А сколько штук надо проглотить, чтобы уснуть? — спросила Эмилия.

Этого Амалия не знала. Но она недавно научилась считать до десяти и очень гордилась этим. Поэтому она сказала сестре:

— Я думаю, надо съесть по десять штук.

Когда любительницы кино вернулись, они застали обеих девочек в бессознательном состоянии. Срочно был вызван врач, который констатировал отравление. Были приняты все меры. Вернуть к жизни удалось только Амалию, и она призналась, что это была ее идея — таблетки глотать.

Пепелнапол, вернувшись из деловой поездки, не привлек служанок к судебной ответственности, но взял с них клятву о вечном молчании. А врачу всучил круглую сумму, чтобы тот лучше хранил медицинскую тайну. После этого Пепелнапол переселился с дочерью в другой город. Перед этим он нанял знаменитого гипнотизера, и тот навеки внушил Амалии полное забвение всего, что произошло. Отец не хотел, чтобы его дочь знала, что она невольная убийца своей сестры.

Прошло пятнадцать лет.

Из Амалии сформировалась здоровая, крепкая девушка. Однажды на танцплощадке она познакомилась с молодым гражданским летчиком. У них заварились любовь.

Из любви к пилоту Амалия вступила в аэроклуб и вскоре выучилась водить одноместный спортивный самолет. Однажды она приняла участие в состязании на дальнюю дистанцию. Когда она пролетала над городком, где родилась, у самолета отказал мотор. Амалия выбросилась с парашютом над какой-то рощей. Это было кладбище. Раскрывшийся парашют зацепился за крону дерева, ветви амортизировали, и девушка, отделавшись парой царапин, очутилась на какой-то, как ей показалось, клумбе. Очухавшись, она увидела, что прямо перед ней — могильная плита, на которой написано: «Здесь покоится безвременно

погибшая Эмилия Пепелнапол. Родилась тогда-то, скончалась тогда-то».

Амалию ошеломило сходство фамилий, а главное — дата рождения. Ведь эта дата была и ее датой появления на свет!

Вернувшись домой, девушка все это поведала отцу.

— Это рок! От него никуда не заначишься! — рыдая, воскликнул старик Пепелнапол и выдал на-гора всю правду. Узнав, что она — убийца, Амалия отшила жениха и подала заявление в монастырь.

Надо ответить на вопрос: возможно ли для Амалии иное решение?

— Тест дубовый, — взяла слово Вера. — Но на месте этой Амалии я бы тоже пошла в монастырь. Ведь это же ужас — родную сестренку укокать!

— Десять вагонов чепухи! — взбудоражилась Надя. — И Амалия эта — дура! Никакая она не убийца, это просто несчастный случай. Я бы на ее месте ни в какие монашки не пошла. Я бы замуж за этого пилота нырнула — и все!

— Я бы тоже в монастырь не записалась, — задумчиво сказала Эла. — Но я пошла бы на могилу сестренки и дала бы там клятву, что когда-нибудь спасу кому-нибудь жизнь, даже рискуя своей.

ХII

После того как я узнал правду о Пете и о себе, мать в первое же воскресенье поехала со мной на Охту. Отец-то лежал на Серафимовском, а Петю мать на Большеохтинском похоронила, чтобы я, навещая могилу отца, не набрел случайно на могилу брата. Все-то она учла — не учла только Экватора Олеговича.

Все эти годы мать, втайне от меня, ухитрялась бывать на Большеохтинском. Могилка Пети была в полном ажуре — с аккуратной, под мрамор дощечкой, с бетонной раковиной.

О смерть, бессмертная паскуда,
Непобедимая беда!
Из рая, из земного чуда,
Людей ты гонишь в никуда!..

А в следующий раз могилу брата посетил я один. Это произошло, как сейчас помню, 29 июня 1964 года. Я тогда только что в десятый класс перешел.

Посещению этому предшествовало одно очень важное событие: в коллективном юношеском сборнике «Утро над Невой» появились четыре стихотворения Павла Глобального — таков был избранный мною псевдоним. Мать прямо-таки ошеломлена была, когда я показал ей этот сборник и заявил в упор, что Глобальный — это я, ее сын. Окончательно в реальность этого дивного факта она поверила в тот день, когда почтальонша принесла мне на дом, на мою настоящую фамилию, мой первый гонорар — сорок три рубля восемьдесят две копейки.

Мать сразу же выдвинула такое предложение:

— С первой своей творческой получки ты должен купить хороших цветов рублей на десять и отвезти их на могилу брата. Ведь будь он жив, он радовался бы твоим успехам.

На следующий день я так и сделал — отвез цветы Пете.

Шагая с кладбища по Среднеохтинскому проспекту к трамваю, я мельком глянул на витрину спортмагазина и увидел, что там выставлен лук. Лук был что надо, под красное дерево; рядом лежал синий кожаный колчан со стрелами. Цены указано не было. Я зашел в магазин и спросил у продавщицы, сколько это стоит. Оказалось — очень даже дорого, мне не по карману. Когда я направился к выходу, слышался женский голос:

— Павлуша, это ты?!

Я обернулся. В той половине магазина, где продавалась спортивная обувь, возле прилавка стояла тетя Лира. Рядом с ней топтался пожилой мужчина, в котором я опознал ее мужа, дядю Филю.

Пил он пиво со стараньем,
Пил он водку и вино —
На лице его бараньем
Было все отражено.

Впрочем, на этот раз дядя Филя был трезв. Оказывается, они уже три дня в Питере. Завтра возвращаются в

Филаретово. На Охту, в этот магазин, они приехали по чьему-то совету: здесь большой выбор обуви. Они хотят купить кеды племяннику, сюрприз ему сделать.

Я помог им выбрать кеды, и мы направились к остановке двенадцатого номера.

Жена муженька до петли довела,
Петля эта, к счастью, трамвайной была.

Мы поехали вместе на Петроградскую. В трамвае тетя Лира спросила вдруг, какие у меня успехи по русскому языку. Я ответил, что русский язык осваиваю с полным успехом, и полушутя добавил, что, может быть, недалек и тот год, когда меня в школах будут проходить. Тогда тетя Лира сказала:

— Я тебе уже предлагала каникулы у нас провести, да ты, видно, забыл или стесняешься. Теперь снова зову тебя к нам на лето. Ты не кобенься, ты у нас не тунеядцем проживешь — ты Вальку, племянника, по грамоте подтянешь.

Я в ответ что-то промывчал. Не тянуло меня в это Филаретово.

— Ты, Павлюга, не думай, что скука у нас, — вмешался дядя Филя. — У нас кругом культура так и кипит! В пяти верстах от нас, в Ново-Ольховке, клуб действует, там фильмы почему зря крутят.

— Именно! — подтвердила тетя Лира. — Там даже индийские фильмы пускают.

— Я поеду к вам, — заявил я.

— Ключул Павлюга на культуру! Ключул! — обрадованно пробасил дядя Филя на весь вагон.

Но не в кино тут дело было. В том было дело, что третьего дня Эла сказала, что этим летом она будет жить в Ново-Ольховке; там ее родители дачу сняли.

ХIII

И вот, значит, поехал я в это самое Филаретово на летние каникулы. Чтоб я там не задарма ошивался, мать мне какую-то сумму подбросила; какую — сейчас не помню, ведь с той поры двести лет прошло.

Тетя Лира и дядя Филя встретили меня хорошо, они ко мне почти как к родному отнеслись. И то лето я провел у них безо всяких происшествий.

Бревенчатый дом Бываевых стоял на краю поселка; вернее, он был предпоследним, если идти в сторону Ново-Ольховки. В нем имелось две комнаты и кухня. К дому примыкал неплохой приусадебный участок; там и деревья росли, и для огорода места хватило. Недалеко от дома стоял сарайчик — в нем держали поросенка. В левом дальнем углу участка находился дощатый, крытый рубероидом домик-временка. Для летнего обитания он вполне годился, туда меня и вселили Бываевы.

Сами они, ясное дело, жили в основном своем доме. И каждое лето у них обретался племянник Валентин. Родители его работали на железной дороге проводниками, летом у них начиналась самая горячая пора — вот они и подкидывали сына тете Лире и дяде Филе до осени.

Валик, как его именовали Бываевы, был старше меня на год, но, как и я, перешел в том году в десятый класс (в свое время он два года просидел в пятом). Он всю жизнь хромал в грамматике, и в мою задачу входило подтянуть его. Я все лето с ним занимался. Правда, не очень регулярно; от занятий он часто отлынивал, будто маленький. Но читал он много и память имел завидную. И со вкусом был — ему стихи мои нравились.

Он смелым был. В речку Болотицу с пятиметрового обрыва запросто сигал. Тетя Лира рассказывала, как его из восьмого класса чуть не исключили. Он какого-то нахального пижона-десятиклассника, который к одной девочке все клеился, здорово отлупил. Прямо на перемене. Валика только потому из школы не поперли, что весь класс на его защиту встал.

Да, Валик помнится мне парнем смелым и прямым. Но какая-то непутевость гнездилась в нем. Он брался только за такие дела, которые можно было выполнить быстро, или за те, которые казались ему легковывполнимыми. Жизнь ему потом жестоко за это отплатила.

Сами же Бываевы были людьми положительными, спокойными. Правда, дядя Филя выпить любил, но никог-

да не буйнил. Выпьет — и развеселится, а потом сон на него накатит, и он засыпает, где попало. Дома — так дома, в гостях — так в гостях, на работе — так на работе. Через это он, случалось, влипал в разные истории. Он много трудовых постов сменил: был директором тира, истопником в музее, приемщиком посуды в магазине и еще много кем. Даже новогодним Дедом Морозом работал по кратковременному найму.

Детишек радуя до слез,
Являлся в гости Дед Мороз,
Его орудием труда
Была седая борода.

К тому времени, когда я с Бываевыми познакомился, дядя Филя уже почти остепенился, выпивал пореже. Тетя Лира вполне доверяла ему, и ее смерётные деньги хранились в общем ящике комода, в незаклеенном конверте. Эти сто пятьдесят рублей она предназначила на срочные расходы, которые возникнут в связи с ее похоронами; в том же комоде у нее лежало три метра холста на саван и матерчатые тапочки с картонными подошвами. Но из этого не следует делать вывод, будто тетя Лира планировала свою кончину на ближайшее время. Вовсе нет! Она надеялась прожить долго, но запас, как говорится, пить-есть не просит.

Бываевы по рождению были питерцами. В Филаретово они переехали потому, что домик им по наследству достался. Долгие годы они жили беспокойно и бедновато, к тому же в коммуналке. Перебравшись в Филаретово, они обрели некоторый, хоть и очень скромный, достаток и жизнь более спокойную. Тетя Лира была уже на пенсии и подрабатывала в Ново-Ольховской аптеке — ездила туда на автобусе, а то и пешком ходила, благо недалеко. Там в аптеке она мыла всякие банки-склянки и поддерживала чистоту в помещении. А дядя Филя работал учетчиком на Ново-Ольховском песчаном карьере — в ожидании пенсии. Работенка у супругов была, что называется, не пыльная. Времени на домашнее хозяйство, на огород вполне хватало.

Жили Бываевы дружно и мирно. Но, ясное дело, имелись и у них свои неприятности. Тревожили думы о

будущем племянника — Валика. Огорчало поведение соседки — Людки Мармаевой. Эта нестарая и на вид даже симпатичная женщина совсем не следила за своими курами, и они часто проникали на участок Бываевых, нахально копались в грядках.

И еще одна забота томила тетю Лиру и дядю Филю. То была забота об укреплении и наращивании здоровья.

С той поры, как они перебрались в Филаретово, им захотелось продлить свое земное бытие. Забота о здоровье проистекала отчасти и из-за того, что тетя Лира с юных лет работала то сиделкой в больницах, то мойщицей в аптеках и через это прониклась огромным уважением к медицине. Этим уважением она заразила и своего мужа. Дядя Филя возлюбил принимать всякие лекарства, даже вне зависимости от их прямого назначения. Когда в аптеке, за истечением срока хранения, списывали различные медикаменты, тетя Лира приносила их домой, и дядя Филя за милую душу глотал разные там антибиотики, аспирины, реапирины и не брезговал даже пилюлями против беременности. «Организму все пригодится, организм сам знает, куда какие вещества в теле рассортировать», — говаривал он. Должен я добавить, что дядя Филя, может быть, благодаря лекарствам, а всего вернее — наперекор им, был в общем-то здоров. Правда, он страдал плоскостопием, из-за этого его даже в армию не призвали, но в остальном чувствовал себя неплохо, так же как и его супруга.

Любимым и, пожалуй, единственным чтением Бываевых был популярный журнал «Медицина для всех». День, когда тетя Наташа, местная почтальонша, вручала им очередной номер, казался им праздником. Тетя Лира тотчас же жадно склонялась над оглавлением, напевая старинную медицинскую частушку:

Болят печенки, болят и кишки,
Ах, что наделали мальчишки!

Дядя Филя подпевал бодрым голосом:

Болят все кишки, болят печенки,
Ах, что наделали девчонки!

Наибольшим вниманием супругов пользовались те статьи и заметки, где речь шла о продлении срока человеческой жизни.

Хоть Бываевы люди были невредные, но все же мне повезло, что поселили они меня не в капитальном своем строении. Дело тут не в них, а в их домашней живности. Ну, поросенок — тот отдельно жил. Про кошку Фроську тоже плохого не скажу: она была пушистая, симпатичная и иногда целыми сутками где-то пропадала.

Зато Хлюпик — приземистый, раскормленный песик загадочной породы — всегда или в доме околачивался, или дежурил у калитки — в рассуждении, кого бы облаять или цапнуть. Он только на вид казался неуклюжим, а на самом деле был очень даже мобилен. И характер имел переменчивый. Подбежит к тебе приласкаться, хвостом виляет, а потом вдруг передумает и в ногу вцепится. Он и хозяев своих иногда кусал. «Замысловатое животное!» — говорил о нем дядя Филя, причем даже с оттенком уважения. «Тварь повышенной вредности», — характеризовал его Валик.

А тетя Лира души в Хлюпике не чаяла. Она где-то подобрала его щенком и выкормила. Она почему-то считала его очень честным. «Кусочка без спроса не возьмет!» — восторгалась она. Но воровать ему и незачем было — и так был сыт по горло. Однако он был хитер и понимал, что честность — это его основной капитал. Иногда он устраивал демонстрацию своего бескорыстия. Когда тетя Лира, прервав стряпню, уходила из кухни покормить поросенка, Хлюпик прыгал на табурет, оттуда на кухонный стол и там засыпал (или делал вид, что спит) рядом с фаршем или еще каким-нибудь вкусным полуфабрикатом. «Ах ты ангельчик мой культурный! Лежит и ничего не трогает!» — умилялась тетя Лира, вернувшись в кухню, и, взяв песика на руки, относила его в комнату, на диван.

Вот так, значит, жили в поселке Филаретово Лариса Степановна и Филимон Федорович Бываевы и их подопечные. Жили и не знали, что пройдет год — и в судьбы их ворвется нечто небывалое, необычайное.

XIV

На следующий день по приезде к Бываевым я отправился в тот лес, где погиб отец. Его могилу на Серафимовском кладбище мы с матерью посещали регулярно, но на месте его гибели не бывали ни разу. Не тянуло нас туда. А главное, мы толком и не знали, где в точности случилось несчастье; из рассказов грибников — спутников отца в тот печальный день — известно было только, что произошло это где-то в бору за Господской горкой. Теперь, расспросив у Бываевых, где находится этот бор, я направился туда.

До речки меня сопровождал Валик. Он подробно растолковал мне, как идти к Господской горке, а сам расположился на берегу.

Минут сорок шагал я по береговой тропке, затем, когда показался вдаль пологий холм, форсировал речку вброд и свернул налево. Начались густые кусты, среди них виднелись остатки каменного строения. В сторонке маячили кирпичные ворота с осыпавшейся штукатуркой; никакой ограды не было, ворота никуда не вели. Я понял, что это и есть Господская горка; здесь в незапамятные времена, как сказала тетя Лира, стояла барская усадьба.

На фоне ворот я увидел нечто голубоватое, движущееся. Подошел ближе — и узрел Элу. В сарафане, с корзинкой в руках. Я, конечно, очень удивился и обрадовался. Но, поскольку у нас с ней был как бы негласный договор не здороваться при встречах и вообще избегать формальной вежливости, я обратился к ней так:

— Эла, когда я страхнусь с ума, я тоже пойду искать грибы среди лета.

— Я не по грибы, я калган выкапываю, — ответила она и протянула мне корзинку: там на дне лежали какие-то корешки и детский совочек. — Это калган, папа на нем спирт настаивает.

— Не знал я, что твой предок выпить любит.

— Нет, он непьющий, ты же знаешь. Это для желудка... А сюда я зашла поздороваться с каменщиком. — С этими

словами она приложила руку к воротам, к тому месту кладки, откуда, видно, кусок штукатурки отвалился совсем недавно; этот кирпич был густо-вишневого цвета, не выцветший, он выделялся среди других.

— Вот и поздоровались! — объявила Эла. — Лет сто двадцать тому назад он своей рукой положил этот кирпич, и с той поры ничья ладонь к нему не прикасалась. И вот моя коснулась. Это как рукопожатие.

— Не дойдет до каменщика твое рукопожатие, — съязвил я. — Есть эти ворота, есть этот кирпич, есть ты. А каменщик-то где? Выпадает основное звено.

— Каменщик жив! По-моему, все люди бессмертны. Конечно, не в божественном смысле каком-то, а в рабочем. Все, что сделаешь в жизни хорошего, — все идет в общий бессмертный фонд. Даже если дело незаметное — все равно.

— Очень удобная теория! Честь имею поздравить вас с бессмертием!

— Не перевирай мои слова! — вскинулась Эла. — Личной вечной жизни я бы вовсе не хотела. Ты представь себе: я построю дом, и он состарится при моей жизни, и его снесут у меня на глазах!.. Нет, пусть наши дела переживают нас!.. Впрочем, личное бессмертие нам не угрожает.

— Очень даже не угрожает, — согласился я и сообщил Эле, что направляюсь в тот именно лес, где погиб отец.

— Боже мой, а я еще с такими разговорчиками, — огорчилась Эла. — Прости, я ведь думала, ты просто так тут бродишь... И вообще, как ты в Филаретово попал?

— Хотел сделать тебе приятный сюрприз. Представь себе, тайком от тебя поселился у Бываевых на все лето. Я к тебе завтра собирался — и вдруг такая счастливая случайность, встречаю тебя здесь.

— Дорога в ад вымощена счастливыми случайностями, — пошутила Эла. — Это я где-то вычитала, наверно. А может, это мне просто приснилось... Тебе снятся мысли?

— Ты же знаешь: мне снится только архитектура. Этой ночью видел высоченную башню; вошел в дверь, а там каменная лестница, и ведет она не вверх, а вниз. Спускался,

спускался по ней, а ступенькам конца нет. Тогда взял и проснулся... Приснится же такая мур!

...Продираясь сквозь кустарник, мы вышли на проселочную дорогу, пересекли ее, миновали кочковатое поле, вступили в бор. Пахло смолой, под ногами пружинил мох. Сосны стояли редко, не мешая жить друг другу, лес хорошо просматривался. Никаких следов бед людских он не хранил. Погибни здесь тысяча человек — он и то ничего бы не запомнил и ничего бы нам не рассказал. Вскоре мы повернули обратно. Уже выходя на проселок, мы обратили внимание на одну большую сосну. На ней кто-то вырезал треугольник, опущенный вершиной вниз; он заплыл смолой, древесина потемнела. Ниже на коре виднелись какие-то вмятины и шрамы, поросшие мхом.

— Может быть, именно здесь это и случилось, — сказала Эла.

Мы стояли молча, не шевелясь, будто, не сговариваясь, объявили сами себе минуту молчания.

— А теперь пойдем к реке, — обратился я к Эле.

— Нет, погоди, — ответила она. — Давай спасем вон ту рябинку. Ей здесь не вырасти, ее какая-нибудь машина обязательно заденет колесами.

Между сосной и дорогой росло несколько низеньких рябин; одно деревцо, совсем маленькое, стояло у самой обочины. Вынув из корзины совочек, Эла стала выкапывать рябинку.

— Летом вроде бы деревья не пересаживают, — усомнился я.

— Рябина и летом приживается, — уверенно возразила Эла. — Ты возьмешь ее и посадишь на участке твоих высоких покровителей. Только, чур, место выбери лучше. И поливай ее! Я на эту рябинку кое-что загадала.

Мы расстались с Элой на Господской горке. Оттуда до Ново-Ольховки было такое же расстояние, как до Филаретова. В дальнейшем мы почти каждый день встречались именно здесь, а потом шли куда глаза глядят.

Любовь росла и крепла,
Взмывала в облака —
Но от огня до пепла
Дорожка коротка.

XV

Деревцо я в тот же день посадил на участке Бываевых — с их согласия. Мне казалось, что место я выбрал очень удачное — на маленькой лужайке, где справа стояли две березы, а слева росла бузина.

— Значит, матушку-сорокаградусную на рябине наставлять будем, только до ягодок бы дожить! — пошутил дядя Филя.

— Далась тебе эта водка окаянная! — встрепенулась тетя Лира и сообщила мужу, что завтра в аптеке будут списывать лечматериалы и она под это дело принесет ему для здоровья пятнадцать бутылок рыбьего жира.

Рыбий жир вина полезней,
Пей без мин трагических,
Он спасет от всех болезней —
Кроме венерических.

Что касается саженца, то он не принялся. Может быть, потому, что поливал его я нерегулярно, забывал иногда — из-за стихов, творческих раздумий. В конце июля листья рябинки пожелтели, пожухли.

— А как живет наша подшефная? — спросила меня однажды Эла.

— Никак не живет, съежилась совсем, — ответил я. — Но тетя Лира говорит, что весной она может еще ожить.

— Нет, не оживет она, — строго сказала Эла и взглянула на меня так, будто я один виноват в этом.

Есть улыбки — как награды,
Хоть от радости пляши;
Есть убийственные взгляды —
Артиллерия души.

* * *

На будущий год деревцо действительно так и не воскресло. И это вызвало очень, очень важные последствия.

XVI

Миновал год.

Я благополучно перешел в одиннадцатый класс (они еще существовали; позже было введено десятилетнее обучение) и летом опять подался в Филаретово. А поехал я туда известно почему: Элины родители снова дачу в Ново-Ольховке сняли.

Быvaeвы опять встретили меня очень гостеприимно. А вот у Хлюпика характер еще хуже стал. Он меня сразу же за ногу цапнул. «Это он по доброте, это он, ангельчик, от радости нервничает», — растолковала мне тетя Лира.

Что касается Валика, то он быстренько отвел меня в сторонку и попросил в это лето не очень наседа́ть на него с грамматикой, ибо у него голова другим занята. Я уже знал, что он окунулся в киноискусство, решил стать деятелем кино — не то режиссером, не то артистом, не то сценаристом. Он ходил теперь на все фильмы, а книги читать бросил: в него, мол, культура через кино входит.

Если говорить о себе, то я прибыл в Филаретово опечаленный. Зимой минувшей дела мои шли неплохо; в одной газетной подборке прошли три моих стихотворения, в другой — два. Я уже подумывал о сборнике своих стихов. Даже название для него придумал — «Гиря». Это в знак того, что стихи мои имеют творческую весомость. Но перед самым моим отъездом в газетном обзоре некий критик заявил, что «стихи Глобального незрелы, эклектичны, автор еще не нашел самого себя».

У критиков — дубовый вкус,
А ты стоишь, как Иисус,
И слышишь — пень толкует с пнем:
«Распнем, распнем его, распнем!»

В первый же день я отправился в Ново-Ольховку, захватив с собой злополучную газету. Уже на подходе к Элиной даче я учуял запах паленого и догадался, что Надя сегодня гладит белье. И не ошибся: она только что прожгла утюгом две простыни.

Я пригласил Элу на прогулку, но она отказалась по уважительной причине: она в тот день дежурила по семейной кухне (и уже успела разбить одну тарелку).

— Давай встретимся завтра в одиннадцать утра на Господской горке, у наших ворот, — предложила она.

— Заметано, — ответил я. Потом отозвал ее на минутку в палисадник и там повел речь о том, что путь истинных талантов всегда усеян терниями и надолбами, и вручил ей роковую газету. Я сделал это в надежде на то, что Эла возмутится, осмеет критика и тем самым обнадежит и утешит меня. Я стал ждать ее реакции.

Вы гадаете, вы ждете,
Будет эдак или так...
Шар земпой застыл в полете,
Как подброшенный пятак.

Эла прочла ядовитую статейку и коварно хихикнула. Я моментально усек, что хихиканье это не в мою пользу.

— Ты призадумайся. Ведь он тебе плохого не желает, — совершенно серьезно произнесла она. — И потом, знаешь, очень уж ты могучий псевдоним себе придумал: Гло-баль-ный.

— От Электрокардиограммы слышу! — отпарировал я.

— Не я же себе такое имя выбрала, — тихо и грустно молвила Эла. — И дразнить меня так — это просто подлость.

— А с критиками, которые травят поэта, дружить — это не подлость?!

— Ни с какими критиками я не дружу... Вот что, хлопнем этот разговор. Оставайся у нас обедать. Щи сегодня — глобального качества. Из щавеля!

— Не надо мне твоих щей! — Хлопнув калиткой, я вышел из палисадника и побрел куда глаза глядят.

Устав сидеть па шатком троне,
Разбив торжественный бокал,
Король в пластмассовой короне,
Кряхтя, садится в самосвал.

На душе у меня было муторно.

Я долго бродил по лесу. Когда вернулся в дом Бываевых, там уже отужинали. Но добрая тетя Лира разогрела макароны, усадила меня за стол.

— Оголодал ты, Павлик, осунулся, — сказала она. — С первого дня пропадать где-то начал. Вроде нашей кошки Фроськи погуливаешь где-то... Смотри, до алиментов не добегайся, а то нам перед твоей маманей отвечать придется.

— Не бойтесь, тетя Лира, до алиментов дело не дошло, — невесело ответил я. — И пропадать из дому больше не буду.

* * *

Говорят, что грядущие события бросают перед собой тень; говорят, что накануне важных, поворотных в их судьбе дней люди часто видят сны, по которым можно расшифровать будущее. Но я в ту ночь спал без сновидений и проснулся без предчувствий.

XVII

Хоть накануне я и устал изрядно, но в ту знаменательную субботу в июле 1965 года пробудился рано.

Во времянке стояла сыроватая прохлада, в маленькое окошко лился ровный неслепящий свет. Я поднял голову от подушки и подумал, что день будет ясный, безоблачный и что вообще мир этот устроен очень даже хорошо. Потом вдруг вспомнил вчерашнюю ссору с Элой и обиду, которую мне Эла причинила. Но день от этого не померк, радость пробуждения была сильнее. Я бодро вскочил с раскладушки.

Умываясь у жестяного рукомойника, я размышлял: идти или не идти к старым воротам? В моих ушах звучали Элины слова: «Давай встретимся завтра у наших ворот». Но ведь это сказала она до размолвки. Вдруг я приду — а ее нет?

В этот момент слышались удары «гонга». Валик лупил деревянной поварешкой по старой медной кастрюле, подвешенной им у крыльца, возвещаая час завтрака. Такую моду он ввел еще в прошлом году — «как на фешенебель-

ных западноевропейских курортах». Вслед за этими дурацкими звуками раздался захлебывающийся лай Хлюпика: песик этой музыки терпеть не мог.

Отлично помню: на завтрак в то утро тетя Лира приготовила яичницу. Когда она всем положила по порции, на сковородке остался еще один кусок. Она его демонстративно мне добавила.

— Павлик гуляет много, — ехидно пояснила она. — Ему усиленное питание требуется, чтоб перед подружкой не осрамиться.

Валик заржал в тарелку, а дядя Филя перевел разговор на свое, заветное:

— Мне, Лариса, тоже доппаек нужен. В жидком виде. По случаю саперных работ. Копать-то много придется.

— Ну, ребята тебе помогут.

— Мне помощи не надо, мне надо, чтобы благодарность была!

— Ладно, выкопашь — тогда посмотрим. А пока не выкопашь, не смей к холодильнику подходить. Ишь чего удумал — с утра ему водку подавай!

Безалкогольные напитки
На стол поставила жена,
И муж при виде этой пытки
Вскричал: «Изыди, Сатана!»

Из дальнейшего их разговора я усек: в последнем номере любимого журнала, в разделе «Советы сельчанам», супруги Бываевы вычитали, что помойная яма, если она расположена близко от жилья, может стать источником инфекции. У них она находилась рядом с домом — и вот они задумали выкопать новую, где-нибудь подальше. Но еще не решили, где именно. Сперва хотели копать за огородом, но потом передумали: там совсем близко участок соседки, та обидится, озлится, да и сыровато там; в журнале же рекомендовали выбрать место для этого по возможности сухое.

— А я знаю, где рыть надо! — встрял Валик. — Около двух берез. Там и от дома недалеко, и место сухое. Там Пауль в прошлом году рябинку посадил, а она засохла. Значит, уж самое сухое место.

— А и вправду место подходящее, — согласился дядя Филя. — Молодец, Валик! Всегда б твоя голова так работала — цены б тебе не было!

— Валик наш еще покажет себя! — горделиво изрекла тетя Лира. — Он еще в инженеры выйдет!

— В режиссеры, — поправил ее племянник.

Я отправился во времянку, сел на раскладушку и стал читать книгу по поэтике Томашевского. Затем от теории стихосложения мысли мои перешли к практике. Отложив книгу, я начал громко, с чувством декламировать свои стихи, те самые, которые не понравились критику. Нет, совсем не плохие стихи, решил я. Напрасно Эла примкнула к этому критикану! И не пойду я сегодня на Господскую горку!

Приняв это постановление, я взглянул на часы. Было десять минут одиннадцатого.

Тот, кто твердое принял решение, —
Не подвластен любовной тоске,
И, простив себе все прегрешенья,
Он шагает вперед налегке!

Покинув времянку, я направился к дому Бываевых. Тетя Лира и Валик сидели на ступеньках крыльца. Тетя Лира была погружена в чтение «Медицины для всех». Валик держал в одной руке заграничный киножурнал; в другой руке его блестели большие портняжные ножницы. Он вырезал снимки кинокрасоток, чтобы потом наклеить их в свой альбом. Чем меньше одежды было на актрисе, тем больше у нее было шансов быть наклеенной. Здесь же на крылечке возлежал Хлюпик; он сонно и самодовольно жмурился.

— Валик, айда купаться! — пригласил я.

— Неохота, — ответил он. — Я весь в искусстве!

Тут тетя Лира на миг оторвалась от чтения и сказала:

— Павлик, хоть ты бы Филимону Федоровичу помог яму-то копать. А то ежели он один всю работу провернет, так потом за это целые пол-литра требовать станет.

— Слушаюсь! — ответил я и потопал к двум березам.

Дядя Филя уже успел кое-что сделать. Квадрат земли примерно два на два метра резко выделялся среди травы.

Снятый дерн штабельком лежал в стороне; там же валялся хилый стволник непривившейся рябинки.

— Дядя Филя, дайте покопать, — попросил я.

— Копай, если не лень, — ответил он и передал мне лопату.

Я по штык вонзил ее в суглинистую почву. Работать было приятно. Все глубже становилась яма, и все росла горка земли возле нее. И вдруг мне показалось, что из ямы исходит неяркий, лиловатый, ритмично вспыхивающий и погасающий свет. Это, наверно, с неба какие-то отблески, подумал я и взглянул вверх. Но в просветы меж березовых ветвей виднелось безоблачное июльское небо.

— На кружку пива наработал, — молвил дядя Филя. — Давай-ка теперь я.

Когда я передал ему лопату, непонятные вспышки сразу же прекратились. Это мне просто почудилось, это из-за того, что я вчера очень много по лесу шлялся, решил я и направился к дому.

Тетя Лира и Валик по-прежнему сидели на крыльце.

— И не надоело тебе этих кинотеток вырезать? — поддразнил я Валика.

— Тебя бы такая теточка поманила — семь верст бы за ней босиком бежал, — огрызнулся он, показывая мне свежевырезанный снимок грудастой кинозвезды в бикини.

Но мне не нравились такие секс-бомбы. Я вспомнил Элу — ее умное, доброе и действительно красивое лицо, ее скромную улыбку... Я посмотрел на часы; если пойду быстрым-быстрым шагом, то поспею к Господской горке к одиннадцати. Я торопливо зашагал к калитке. И вдруг вечерняя обида опять подкатила к сердцу. Я повернул обратно и направился к двум березам.

Дядя Филя стоял в яме по пояс и деловито выбрасывал лопатой сыроватую землю. Когда я сказал, что хочу сменить его, он согласился с какой-то поспешностью. Я с остервенением принялся за дело: работой мне хотелось отогнать обидные мысли. Слой сероватого суглинка кончился, лопата с чуть слышным хрустом входила в коричневатую влажную глину, прослоенную песком и мелкими камешками. И опять началось это непонятное мигание; оно

стало явственнее и учащенное. Впрочем, ничего неприятного в нем не было. Но все-таки странно... Я потер глаза, посмотрел на небо. Небо как небо.

— У меня в глазах мигает что-то, — признался я дяде Филе.

— И у тебя?! — удивился он. — Я думал, это только у меня. Потому как я вчера лекарств немного переел... Ну, давай я дорою. Теперь уж немного.

Я направился к крыльцу.

— Валик, идем к яме! Там мигание какое-то непонятное.

— Не разыгрывай! — ответил Валик. — Меня лично ни на какое мигание не поймаешь!

— Какое еще мигание? — недовольно спросила тетя Лира.

Послышался топот. Дядя Филя, волоча за собой лопату, бежал по тропинке. Поравнявшись с нами, он, тяжело дыша, произнес:

— Там мина или что... Я лопатой на железо наткнулся, а оттуда, из ямы-то, труба какая-то вылезать стала... Не взорвалась бы...

— Если сразу не взорвалась — значит, и не взорвется, — спокойно сказал Валик. — Пошли смотреть.

Мы с ним не пошли, а побежали. Тетя Лира и дядя Филя последовали за нами, но не столь торопливо.

Из середины ямы медленно и неуклонно выдвигался или, если хотите, вырастал стебель из чешуйчатого темно-зеленого металла. Он был толщиной с лыжную палку. Несмотря на полное безветрие, он слегка покачивался. С его чешуек опадали песчинки и комочки глины, причем они казались совсем сухими, хоть на дне ямы уже проступила почвенная вода. Вдруг откуда-то — вероятно, от этого металлического стебля — потянуло удивительно тонким и нежным запахом. В том аромате было что-то успокаивающее и, я бы сказал, проясняющее сознание. Я взглянул на супругов Бываевых, на Валика. На их лицах запечатлелось блаженное удивление — и ни тени испуга. Я тоже не ощущал ни малейшего страха.

— Это не наша техника, — сказал вдруг Валик. — Это совсем не наше.

Таинственная трубка, вытянувшись из ямы примерно до уровня наших плеч, перестала расти. Цвет ее изменился на ярко-синий. Вокруг нее обвилась лиловая световая спираль. Затем из-под земли послышался короткий щелчок, и на конце трубки возник небольшой радужный диск, по краю которого прорезались желтые зубчики, похожие на лепестки; они то сокращались, то увеличивались — будто дышали. Потом мы услышали бесстрастный и чистый голос:

**«ВНИМАНИЕ!
СЛУШАЙТЕ. ПОНИМАЙТЕ. ЗАПОМИНАЙТЕ.**

Прикосновением лопаты к реагирующей трубке мы привели в действие контактную систему автономного агрегата. Агрегат не взрывоопасен, не радиоактивен, безопасен химически, биологически безвреден. Воспринимающая самонаучающаяся система агрегата действует со дня его заложения в грунт, что создало возможность объяснения с вами на вашем языке.

Агрегат заложен в почву вашей планеты научно-экспериментальной экспедицией с планеты (неразборчиво, одни гласные) четыреста пятьдесят восемь тысяч сто тридцать шесть лет сто сорок пять суток одиннадцать часов девятнадцать минут тридцать две секунды тому назад по земному времени. Глубина заложения, с учетом последующих наслоений, программирована на обнаружение агрегата разумными существами, владеющими металлическими орудиями труда.

В агрегате хранится сосуд с жидкостью, которую следует разделить на шесть равных доз и принять внутрь шести обитателям вашей планеты. Одна доза экстракта дает возможность живому млекопитающему, вне зависимости от его роста и веса, прожить один миллион лет, не более. От ядов, инфекций, катастроф, физических и психических травм экстракт не предохраняет. На пожилых омолаживающего действия не оказывает, фиксируя их в том возрасте, когда они приняли дозу. Принявшие экстракт в молодом возрасте, дожив до зрелого, стабилизируются и далее не

стареют. По наследственности свойства экстракта не передаются.

Прием экстракта не накладывает на долгожителей никаких моральных, юридических, практических обязательств по отношению к иномирянам. Право распределения экстракта принадлежит тому, кто первым коснулся металлом реагирующей трубки. Экстракт следует принять внутрь не позже сорока семи минут двадцати трех секунд после извлечения сосуда из супергерметического контейнера.

Ждите появления агрегата».

Голос умолк. Радужный диск погас. Трубка стала быстро укорачиваться, уходя вглубь, затем скрылась под комками глины. Мы стояли и молчали. Суть дела дошла до всех, и текст мы все четверо запомнили назубок; даже сейчас помню дословно. Не сомневаюсь, что тут имело место и какое-то особое воздействие агрегата на наши центры памяти.

— И ведь это не розыгрыш! — прервал молчание Валик. — Спасибо вам, родные инопланетники!

— Значит, всех соседей переживем. Сподобились!.. — задумчиво произнесла тетя Лира.

— Всю жизнь мне не фартило, зато теперь во какой фарт попер! — глухим, прерывающимся голосом сказал дядя Филя. — Только бы не упустить...

— Но теперь уж, Филимон, от зелья своего воздерживайся! — вмешалась тетя Лира. — Слыхал: «...от ядов не предохраняет»! Теперь раз в сто лет будешь выпивать, в день рождения. А так — ни стопочки, ни рюмочки!

Из-под земли послышался глухой гул. Почва под ногами у нас заколебалась. Дно ямы набухло, вспучилось, как волдырь, потом этот волдырь прорвался, и из глубины стал вырастать чешуйчатый металлический баллон, закругленный на конце. Затем показались короткие лапы из того же металла — лапы, торопливо роющие землю. Чудище перевалило через борт ямы и, осыпая вниз комья земли, выползло на лужайку. Теперь оно неподвижно стояло на своих шести парах конечностей. Длина его составляла метра два, высота — сантиметров семьдесят. По телу его пробежали светящиеся радужные спирали. Их вращение все убы-

стрялось, и вдруг все шесть пар цепких лап пришли в движение, причем три пары как бы пытались шагать в одну сторону, а три остальные — в другую. Вследствие равновесия сил агрегат оставался на месте, только весь дрожал. Затем в середине его возник поясок зеленоватого огня — и вот чудище распалось на две части, конечности его замерли. На траву вывалился прозрачный цилиндр размером с ведро, наполненный какой-то студенистой массой. Сквозь эту массу виднелись очертания синего сосуда конусообразной формы.

— Непонятная укупорка, — проворчал дядя Филя и, нагнувшись, осторожно постучал по прозрачному цилиндру согнутым пальцем. Послышался глухой звук.

— Надо вскрывать! Время-то бежит! — прошептал Валик. Вспомнив, что в руке у него ножницы, он с силой ударил ими по посудине. Они отскочили от оболочки с железным взвизгом, не оставив на ней и царапины.

— Пойдите, а что, если нажать вот на это красное пятнышко, — предложил я.

Валик приложил палец к красному кружку у основания цилиндра. В тот же миг по контейнеру пошли трещины, он распался, и на траву вывалилась студенистая масса. И студень этот, и осколки цилиндра начали испаряться у нас на глазах. Дядя Филя расстегнул пуговицы на правом рукаве ковбойки, натянул рукав на ладонь, осторожно поднял синий сосуд емкостью с литр. На узкой его части виднелась риска, а у самой вершины конуса алел четкий кружок.

— Все понятно! — заявил дядя Филя. — Лариса, Валентин, пошли в дом! — в голосе его послышались резкие, не то командные, не то собственнические нотки. Раньше он никогда так не разговаривал.

— Постой, Филимон! — встрепелась тетя Лира. — Надо бы всю эту механику убрать, а то разговоры в поселке пойдут. Хорошо бы все это в яму обратно...

Но прятать эту механику не потребовалось. Внезапно и бесшумно обе части чудища вновь сдвинулись вплотную, и сразу же агрегат охватило огнем.

— Во! Само себя жжет! — радостно прошептал дядя Филя. — До чего же культурно они это придумали!.. Ты,

Павел, последи, чтоб от него чего-нибудь тут не загорелось.

Они направились к дому. Впереди осторожно, будто по льду ступая, шел дядя Филя, держа в далеко вытянутой руке синий сосуд. За ним шагала тетя Лира. Валик замыкал шествие. На меня они даже не оглянулись.

Агрегат пылал густым пламенем. Слышались треск и хруст. Корежилась оболочка, какие-то бесчисленные разноцветные кубики и призмочки вываливались на траву и уничтожались огнем. Пламя, взметываясь, обволакивало нижние ветви березы. Но странно: листья на ветвях не сгорали, даже не желтели.

Я подошел к огню совсем близко. От него не веяло жаром. Тогда я сунул руку прямо в пламя — и озноб пробежал у меня по спине. Пламя не жгло, даже не грело. Оно было холодное — будто я сунул руку в окошко сырого подвала.

ХVIII

Агрегат сгорел. Ни пепла, ни золы не осталось, и даже трава не изменила своего цвета. Только там, где топтались лапы чудовища, на дерне виднелись темные порезы и рваные вмятины.

И ведь все это не во сне, думал я. Это не бред, не коллективный психоз. Это наяву, наяву!.. Сейчас там идет дележка бессмертия; ведь миллион лет — это почти бессмертие... Ну, три дозы ясно кому — дяде Филе, тете Лире, Валику. Родители Валика выпадают из игры — они в дальней поездке. Значит, свободные дозы будут даны Гладиковым, мужу и жене. Они живут через три участка, они очень дружат с Быбаевыми. А может быть, дядя Филя выскажется в пользу других кандидатов на бессмертие — он очень уважает Колю Рамушева и его жену Валю; они живут через пять домов... А может быть... Я перебирал возможные кандидатуры, порой включая и себя. Еще я размышлял о том, почему иномиряне дали такой жесткий срок для приема экстракта. Наверно, для того, чтобы бессмертие досталось тем, кто имеет непосредственное отно-

шение к нашедшему агрегат? Несомненно, это эксперимент. Через сколько-то времени они вновь посетят Землю и проверят результаты. Если опыт окажется удачным, они дадут бессмертие всем людям.

Я вздрогнул, услышав чьи-то шаги. Потом вижу — ко мне Валик приближается.

— А бандура эта, значит, сгорела? — спросил он нервным шепотом. — Это хорошо!.. Пауль, тебя в дом зовут. Потопали.

— Ты уже обессмертился? — спросил я на ходу.

— Омильонился! Все в норме!.. И ты сейчас омильонишься: это бабуся насчет тебя такую заботу проявила... А синяя посуда эта, как только мы из нее жидкость вылили, сразу пропала, в туман превратилась. Никаких доказательств. Засеки это на ум!

Супруги Бываевы сидели возле круглого стола в той комнате, что рядом с кухней. Занавеска на окне была задернута, для секретности. Стол, как сейчас помню, накрыт был холщовой скатертью с вышитыми на ней розами и бабочками — работа тети Лиры. Шесть граненых кефирных стаканов стояли на столе: три пустые и три — наполненные вишнево-красной жидкостью.

— Павлик! — обратилась ко мне тетя Лира тревожным голосом. — Павлик, мы решили дать тебе выпить этого самого... Чтоб не постороннему кому, а своему, понимаешь? И одна к тебе просьба: молчи об этом деле!

— Твое дело, Павлюга, выпить — и молчать. Понял? — строго произнес дядя Филя.

— Учти, Пауль, если раньше времени начнешь болтать, тебя просто за психа сочтут. Не поверят! — добавил Валик.

— А поверят — так еще хуже, — вмешался дядя Филя. — Нынче доцентов всяких развелось — что собак нерезаных, все около науки кормятся. Затаскают они нас по разным комиссиям. Еще и дело пришить могут, что я не так распределил это лекарство. А чем я докажу?! Квитанций-то на руках нет.

— Опять же Филимону Федоровичу на пенсию скоро выходить, — испуганно зашептала тетя Лира. — А если

пойдет о нем вредный слушок, что ему миллион лет жить, то в райсобесе засомневаться могут, давать ли ему пенсию.

— У дедули есть полный шанец без пенсии остаться, — подтвердил Валик.

— Значит, договорились? — просительно произнесла тетя Лира. — А теперь пей, Павлик, пей!

И она подала мне стакан.

От густой влаги тянуло таинственной свежестью. Вереница мыслей промчалась в моем уме. Мелькнула догадка: через сверхдолгожительство я обрету всемирное поэтическое величие. Волны будущей славы к моим подступили стопам, зазвенели, запели, заплескались в гранит пьедестала. Я ведь стану великим, бессмертным я стану в веках! Современных поэтов я оставлю навек в дураках! Я всех классиков мира, всех живых и лежащих в гробу, всех грядущих пиитов своим творчеством перешибу! Будет книгам моим обеспечен миллионный тираж! Я куплю себе «Волгу», построю бетонный гараж! Будут критики-гады у ног пресмыкаться моих! Всем красавицам мира я буду желанный жених! Моим именем будут называть острова, корабли! С моим профилем будут чеканить пезеты, рубли! Буду я еще бодрым, еще не в преклонных годах — а уж мне монументы воздвигнут во всех городах!..

Я выпил стакан до дна и ощутил привкус прохлады и легкой горечи. Через мгновение ощущение это прошло.

— В нашем полку прибыло! — заявил дядя Филя.

— А кому остальные две дозы? — спросил я. — Рамушевым, наверно?

— Нет, не подходят они для такого дела. Раззвонят на весь свет, — сухо ответил дядя Филя.

— Одну порцию тогда, верно, соседке дадите, Мармаевой? — стал выпытывать я.

— Людка Мармаева не подходит, — возразила тетя Лира. — Она почем зря своих кур в наш огород допускает, сколько раз я ей говорила... Дай ей этого лекарства, а потом миллион лет мучайся из-за ее кур! Да и болтать она любит, язык без костей... Тут Валентин один совет дал...

— И опять повторяю: одну дозу надо дать Хлюпику! — решительно заявил Валик. — Сейчас ему пять лет, а

собаки в среднем живут до двенадцати. Через десять-пятнадцать лет действие экстракта будет доказано на живом ходячем факте. Сейчас нам нет смысла шуметь о своем долгожительстве, но в будущем оно нам ой какую службу сослужит! Мы все великими людьми станем.

— Во головизна-то у Валика работает! — восхитился дядя Филя. — Мы все великими будем, а Хлюпик наш ходячим фактом будет — с хвостом!

— Жаль на собачонку экстракт тратить, — высказался я.

— Павлик, если мы тебе такую милость оказали, жизнь вечную-бесконечную бесплатно выдали, так ты не думай, что наши дела имеешь право решать, — обиделась тетя Лира. — Я, может, давно уж мечтаю, чтоб Хлюпик за свою честность никогда не помирал.

Любимчик ее был тут как тут. Слыша, что упоминают его имя, он вылез из-под стола, разлегся посреди комнаты и притворно зевнул. Потом подошел к хозяйшке и требовательно тявкнул.

— Чует, умница, что о нем разговор! Все-то Хлюпик понимает! — заулыбалась тетя Лира. Затем принесла из кухни чистую тарелку, поставила ее на пол и вылила в нее содержимое одного из стаканов. — Пей, Хлюпик! Пей, ангельчик честный!

Песик неторопливо, без жадности начал лакать инопланетную жидкость. Опустошив тарелку, он благодарно икнул.

— А шестую дозу кому? — спросил я.

Ответом было неловкое молчание. Потом дядя Филя, потупясь, произнес:

— Не стоит нам этим питьем с чужими людьми делиться. Подведут. Нельзя нам счастье свое упускать.

— Фроське надо дать, — предложил Валик. — Тогда у нас два живых документа будут: собака и кошка.

— А и верно, чем Фроська хуже Хлюпика, — согласился дядя Филя. — Сколько она мышей-то переловит за миллион лет! Не счесть!.. Лариса, покличь-ка ее.

Тетя Лира прошла сквозь кухню на крыльцо и стала кликать:

— Фроська! Фроська! Фроська! Кушать подано!

Потом вернулась в комнату и заявила:

— Опять она шляется где-то, шлындра несчастная!.. Ну, кошка, через блудность свою потеряла ты жизнь вечную!

Время шло, а шестой стакан все стоял на столе. Наконец дядя Филя предложил дать эту дозу поросенку — пусть и он у нас будет долгожитель, про запас. И тетя Лира отнесла стакан в сарайчик.

— Ну как? — спросил ее Валик, когда она вернулась. — Приемлет он вечность?

— Налила ему в корытце — он сразу и вылакал.

Талантами не обладая,
С копыт не стряхивая грязь,
При жизни ты, свинья младая,
В бессмертье лихо вознеслась!

— Теперь нас, значит, шестеро, — подытожил дядя Филя.

XIX

Я вышел из дома.

Все в мире было по-прежнему и все на своих местах. Картофельные грядки, деревья, временка, сарайчик — все обыкновенное, настоящее. И на небе та же легкая, не предвещающая дождя дымка. Я посмотрел на часы и удивился, даже испугался: лишь час с небольшим прошел с той минуты, когда из-под земли вылез чешуйчатый агрегат.

Надо обдумать все это, переварить в покое, подумал я и открыл калитку. Пройдя по улице поселка, свернул на неширокую, поросшую сорной травой грунтовую дорогу и долго шел по ней; я знал, что она ведет к кладбищу.

Вскоре на взгорье показалась красная кирпичная церквушка с однарусной колокольной. Дойдя до погоста, ничем не огражденного, я долго глядел на сбегавшие в низинку покосившиеся кресты. «Пчелы не жалят мертвых», — всплыла в памяти вычитанная где-то фраза. А меня пчелы будут жалить миллион лет. Люди будут рождаться и уми-

рать, умирать, умирать, и Эла тоже умрет, а я буду жить, жить, жить, жить... Мною овладело смутное чувство вины.

— Я не виноват перед вами, — произнес я вслух, обращаясь к ушедшим. — Я не виноват. Все произошло слишком быстро.

Когда я вернулся в Филаретово, то первым, кого увидел у дома Бываевых, был Валентин. Он подкачивал камеру своего велосипеда; к багажнику он успел приторочить объемистую корзину. Валик весело поведал мне, что едет на станцию Пронино, там неплохой привокзальный буфет. Бываевы решили чин чинарем отметить сегодняшнее событие. Тетя Лира отвалила на это мероприятие свои похоронные («смерётные») деньги.

— У тебя в передней вилке трещина, — напомнил я ему, — возьми велик у Рамушевых, на этом ты рискуешь сломать себе шею.

— Э, все равно, — отмахнулся он. — Авось целым вернусь. — Прикосновение к вечности не сделало его более осторожным.

— Может, пешком вместе сходим в Пронино, — предложил я. — Я тебе помогу покупки нести.

— Не, подмоги не треба... И вообще никакой помощи мне теперь не надо. Ты, Пауль, можешь прекратить шефство надо мной в смысле грамматики. Окунусь на второй год — не беда, потом наверстаю. У меня теперь впереди вагон времени. И даже не вагон, а черт знает сколько составов.

В этот момент из окна выглянула тетя Лира.

— Павлик, в одиннадцать вечера приходи! Никуда не пропадай, смотри! Будем отмечать!

— Но почему в такое позднее время? — удивился я.

— Раньше нельзя. Вдруг соседи зайдут или кто. А в одиннадцать все уже спят в поселке.

XX

В назначенный час я постучался в дверь Бываевых. Послышались осторожные шаги. Тетя Лира наигранно сонным голосом, не отодвигая засова, тихо спросила:

— Кто там? Мы уже спать легли.

Я назвался, и она сразу впустила меня. Потом выглянула за дверь и, убедившись, что никого поблизости нет, что никто не видел моего прихода, снова закрыла ее на засов.

В комнате глазам моим предстал Стол. На нем стояло несколько бутылок шампанского, а посерединке красовался торт. Стекланные вазочки были заполнены конфетами «Каракум», «Белочка», «Элегия» и «Муза». Остальная поверхность скатерти была буквально вымощена тарелками и тарелочками со всякой снедью. Тут хватило бы на десятерых, а нас было только четверо, не считая Хлюпика. Песик с голубым бантом на шее — по случаю праздника — важно возлежал на сундуке. Он был уже сыт по горло.

— Богато! — сказал я, садясь за стол. — Чего только нет! Даже кальмары в банке!

— Икры нет, Павлик, — с лицемерно-хозяйской скромностью посетовала тетя Лира. — Икры, вот чего нам не хватает.

— И до икры доживем! Главное теперь — не теряться! — бодро изрек дядя Филя и, подмигнув супруге, принялся открывать шампанское.

Но дело не пошло — всю жизнь он имел дело с иной укупоркой. За бутылку взялся Валик. Он долго возился, наконец пробка выстрелила в стену и рикошетиствовала в Хлюпика. Тот презрительно поморщился.

— Так жили миллионеры! — воскликнул Валентин, разливая вино в стаканы. — Ведь мы теперь миллионеры!

— Ну, чокнемся за вечное здоровье! — провозгласил дядя Филя. — Чур, до дна.

Мы сдвинули стаканы, выпили. Дядя Филя крикнул, но крик получился какой-то неубедительный.

— Градусенков мало, — буркнул он, наливая себе по второй.

— Смотри, дедуля, не надерись. Шампанское — опасное вино, — полушутя предупредил Валик, откупоривая новую бутылку.

— Не указывай! Молод, чтоб учить меня!

— Сейчас молод, а через тысячелетье мы с тобой почти уравниемся, — отпаривал Валентин. — Тебе будет тысяча пятьдесят девять, а мне — тысяча восемнадцать.

— А ведь верно! Вот это да — уравниемся! — изумленно произнес дядя Филя и, опережая остальных, опрокинул в себя очередной стакан.

Тетя Лира пила и ела молча, ошеломленная значительностью события. И вдруг заплакала, стала жаловаться сквозь слезы:

— Поздно лекарство это пришло... Молодости-то через него не вернуть, всю жизнь вековую старенькой прохожу...

— Веселья мало! — закричал захмелевший дядя Филя. — Заведу-ка я свои пластиночки.

Когда-то, работая в пункте по скупке утиля, он отобрал несколько заигранных, но совершенно целых пластинок. Он очень берег их. И вот теперь включил электропроигрыватель, поставил на него диск. Игла долго вслепую брела по какому-то шумному темному коридору. Наконец выделилась мелодия, прорезался голос певца: «Ночью, ночью в знойной Аргентине...»

— И в Аргентине побываем! Не унывай, Ларка! — воскликнул Филимон Федорович.

— Теперь это вполне реально, — подтвердил Валик. — Аргентина от нас не уйдет.

— Бомбоубежище надо копать — вот что надо в первую очередь! — испуганно объявила тетя Лара. Довоенная пластинка напомнила ей войну.

— Права ты, умница моя! — умиленно согласился дядя Филя. — Оно, конечно, войны, может, и не будет — а мы в бомбоубежище нашем картошку хранить будем. Нам теперь хозяйство с умом вести надо! С умом!

Человек был наг рожден,
Жил без интереса —
А теперь он награжден
Радостью прогресса!

Тем временем Валик выдвинул ящик комода и, покопавшись там, вытащил отрез холста и похоронные туфли тети Леры. Обмотавшись холстиной и переобувшись в эти самые тапочки, он принялся отплясывать нечто вроде

шейка. Картонная подошва от левой туфли сразу оторвалась, а он знай пляшет.

— Ой, озорник! — захохотала тетя Лира. — Гляди, совсем стопчешь!

— Тебе, бабуля, эти шлепанцы теперь ни к чему! Теперь ты миллионерша! — крикнул Валентин, убыстряя темп. Хлюпик прыгнул с сундука и с лаем стал прыгать вокруг танцора. И вдруг, поджав хвост, забился под стол, умолк.

— А может, зря мы микстуру эту приняли, — высказалась тетя Лира. — Жили бы, как все, и померли бы, как все... Грех мы перед людьми на души взяли.

И она снова заплакала. Но потом начала смеяться. Она была уже сильно под хмельком.

Вскоре я незаметно покинул пир, пошел во времянку и там уснул. И приснился мне сон. На этот раз в нем архитектуры почти и не было.

Погожим летним днем иду я по родной Большой Зелениной. Иду просто так, прогуливаюсь в порядке самообслуживания. Шагаю скромно, глаз на девушек не пялю, размышляю о чем-то умозрительном. Но невольно замечаю, как встречные прохожие оживляются при виде меня, как неожиданная радость озаряет их лица. А те, которые по двое идут, начинают перешептываться: «Это сам Глобальный! И ведь ничуть не гордый, совсем не кичится своей кипучей славой!» Мамаша какая-то симпатичная шепчет своей дочке: «Люся, запомни этот текущий момент на всю жизнь: перед нами — сам Глобальный!» Вдруг, завизжав тормозами, останавливается белая свадебная «Волга» — с лентами, с двумя кольцами на крыше. Жених в аккуратном костюме, невеста в нейлоновой фате выскакивают, кидаются ко мне, объятые счастливой паникой: «Благословите нас, Глобальный!» Я благородно, без сексуального подтекста, одариваю обаятельную невесту культурным братским поцелуем.

Все проспекты и бездорожья,
Все луга, и поля, и лес,
Вся природа — твое подножье,
Ты — царица земных чудес!

Осчастливленная пара едет дальше, а я, под аккомпанемент восторженных шепотов и возгласов, вступаю на

мост — и вдруг я на Крестовском острове, на стадионе. Там уже минут двадцать идет футбольный матч «Зенит» — киевское «Динамо». Все скамьи заняты, утрамбованы болельщиками; не то что яблоку — маковому зернышку упасть некуда. Но билетерша узнает меня: «О, нет меры счастью! Нас посетил Глобальный!» Она ведет меня на трибуну, спрессованные болельщики размыкаются, выделяют мне место. Я сажусь и спрашиваю соседей, какой счет. «Два один в пользу “Зенита”!» — торопливо хором отвечают мне. «Это хорошо!» — говорю я. По рядам проносится шепот: «Это он! Сам Глобальный! Он сказал: “Это хорошо!” Радость-то для нас какая!» Теперь сто две тысячи зрителей смотрят уже не на футбольное поле, а на меня. Раздается бешеный гром аплодисментов. Футболисты в недоумении: они сначала подумали, что это им за что-то хлопают. Но вот и до них дошло-доехало, кто здесь сегодня виновник торжества. Они прерывают игру — тут уж не до мяча — и присоединяются к аплодирующим. «Хо-тим сти-хов! Хо-тим сти-хов!» — начинает скандировать весь стадион. Вратари соревновавшихся команд покидают свои посты, идут ко мне, под руки выводят меня на середину поля. «Прочтите что-нибудь оптимистическое!» — шепчет мне на ухо один из голкиперов. В благоговейной тишине слышится мой голос, звучат проникновенные строки:

Бык больше не пойдет па луг,
В быка добавлен перец, лук...
Я ем убитого быка —
Ведь я еще живой пока!

...И вдруг нет футбольного поля, нет стадиона. Я стою на невысоком беломраморном пьедестале посреди огромной площади, обрамленной современными высотными зданиями. Я стою на пьедестале — но я не статуя: этот постамент воздвигли мне при жизни моей. По выходным я прихожу сюда, чтобы лично общаться с почитателями моего таланта. Площадь кишит народом. Здесь и мои современники по перу, и классики всех времен и народов, и читатели из всех стран и континентов. У каждого в руке

— книга моих стихов. Сегодня я даю автографы. Подходит Пушкин, протягивает мне свежее издание моих стихов и поэм. «Великому — от равного», — делаю я уважительную надпись на титульном листе и расписываюсь. Александр Сергеевич очень доволен, улыбается. Потом еще некоторым отечественным классикам даю надписи, но этим уже построже. Вдруг подкатывается ко мне изящная экскурсоводница. У нее слезная мольба: хочет, чтобы я обслужил вне очереди группу интуристов, которые явились в Ленинград специально для того, чтобы занять мои автографы. «Что ж, если широкая публика не возражает — я согласен», — отвечаю я. Иностранные гости выстраиваются в отдельную очередь, и я даю свои автографы Гомеру, Данте, Шекспиру и некоторым другим. Затем произношу для них краткий спич, в котором призываю их повышать качество творческой продукции, не жалея на то труда, времени и даже жизни, — одним словом, работать на совесть.

Не выполнив плана по ловле мышей,
К русалкам отправился кот, —
И ветер, рыдая среди камышей,
Поэта к работе зовет!

Интуристы, тайком утирая слезы, садятся в комфортабельный автобус и уезжают, а я продолжаю подписывать свои книги читателям. Тут вижу — Шефнер ко мне подходит. Старый уже, в очках. «Перешиб я вас, Вадим Сергеевич! Ох как перешиб! — говорю ему. — Автограф-то дам, рука не отсохнет, но на близкое знакомство не напрашивайтесь».

Человек ты или ангел,
Или нильский крокодил —
Мне плевать, в каком ты ранге,
Лишь бы в гости не ходил.

XXI

Проснулся я не потому, что выспался, а от головной боли. С тоской подумал, что нужно одеваться, и вдруг об-

наружил, что лежу на раскладухе одетым. Тогда я перевернулся на другой бок, лицом к стене. Встать не хотелось.

На правах живого классика
Подремлю еще полчасика;
На правах живого гения
Буду спать без пробуждения.

Потом мне пить очень захотелось. Я поднялся, направился к дому Бываевых.

Валентин сидел на крыльце, крутил транзистор. Какая-то похожая на икоту музыка выдавливалась из черного ящичка. Глаза у Валика были осоловелые.

— Начинаются дни золотые, начинаются будни миллионеров! — объявил он. — Бабуля спит без задних, перебрала малость. А у дедули сильный перебор, он ведь вчера и водки втихаря хватил. Сейчас он приземлился у исторической ямы, харч в нее мечет... Надо бы проверить, как у него там дела.

Мы направились к двум березам. Дядя Филя лежал, свесив голову в яму. Он дергался и стонал. Его рвало.

Звук пожниц и ножей
Ты слышишь в слове «жить».
Чтоб не было хуже —
Ты с водкой раздружишься!

Мы пошли обратно, к дому. Сели на крыльцо, и Валик, выключив транзистор, спросил меня:

— О чем призадумался, Пауль? О планах на будущее в разрезе миллионлетней жизни?

— Тут есть о чем призадуматься, — ответил я. — Например, о взаимоотношениях с некоторыми людьми.

— Это ты об Эле? — с ехидной догадливостью подхватил Валик. — Бессмертный жених и смертная невеста.

— Ну, какие мы жених и невеста...

— Это я так сказал, с бухты-баряхты. Но прошлым летом ты к ней очень клеился... Знаешь, если бы я любил какую-нибудь девушку по-настоящему, я бы этого инопланетного зелья пить не стал. Но я еще ни в одну не влюбился. Мне просто с ними везет. Сплошная инфляция.

Действительно, с девушками Валентину везло. Я только не мог понять, чего хорошего они в нем находят.

Через полчаса, напившись чаю, с посвежевшей головой вышел я из дому и направился в сторону Ново-Ольховки. И как-то незаметно для самого себя дошел до дачи, где жила Эла. Она оказалась дома.

— Почему ты не пришел вчера на Господскую горку? — спросила она.

— Я думал — ты не придешь, — неуверенно выдавил я из себя.

— Ладно, давай зачеркнем распри и раздоры. Пойдем бродить.

Мы вышли на улицу, потом свернули на полевую дорогу, потом пошли в лес. Долго шагали молча: я из-за того, что с мыслями собраться не мог, а Эла, наверно, просто потому, что не хотела нарушать лесную тишину. Затем у нас прорезался серьезный разговор.

Э л а. Не пора ли прервать молчание?

Я. Хочешь, я задам тебе психологический тест в виде сказки?

Э л а. Вычитал где-нибудь? Теперь кругом тесты и тесты... Ну, я согласна.

Я. В одном королевстве жил престарелый король и с ним — королева. Это были неплохие люди. Все в их жизни шло в общем-то нормально, но их угнетало сознание, что каждый день, даже удачный, приближает их к смерти. Придворный главврач пичкал их всякими лекарствами для продления жизни, но они отлично понимали, что когда-нибудь их все равно обуют в белые тапочки. Но вот однажды королевская чета в сопровождении наследного принца и большой свиты отправилась в дальний лес на охоту...

Э л а. Поймала! Сперва ты сказал, что они неплохие люди, а теперь говоришь — отправились на охоту. Хорошие люди не станут охотиться для собственного удовольствия.

Я. Конечно, любительская охота — это разрешенный законом садизм.

У двуногого двустволка,
Он убьет и лань, и волка,

Он убьет любую птицу —
Чтоб не смела шевелиться.

Но сами король с королевой этим делом не занимались, это их челядь стреляла в зверей. А королевской чете это был просто предлог для верховой прогулки. И вот в лесу они вместе с наследным принцем незаметно отделились от свиты, чтобы побеседовать о своих династических делах. Постепенно кони завезли их в глухую чащобу. Они очутились на полянке, где стояла ветхая избушка. Из нее вышел старый мудрый кудесник...

Э л а. Любимец богов?

Я. Может — богов, а может — наоборот. Этот колдун заявил королю и королеве: «Вы явились как раз вовремя. Ваши тайные желания будут исполнены. У меня имеется в наличии пять волшебных яблок. Они доставлены мне с неба. Живое существо, съевшее яблоко, становится бессмертным. Вот вам эти фрукты — их надо съесть не позже получаса, иначе они не окажут действия». И тогда король, королева и принц немедленно слопали по яблоку. Четвертое королева скормила своему любимому коню.

Э л а. А пятое?

Я. Пятое король хотел дать своему коню. Но в этот миг на поляну вышел один молодой поселянин. Он спешил в одно лесное селение к своей невесте. Вернее сказать, она еще не была его невестой, но он, как в старину говорили, ухаживал за ней и собирался предложить ей руку и сердце. Пятое яблоко было вручено ему. Он не мог долго раздумывать, он его съел — и обессмертился. Всё.

Э л а. Довольно-таки мутная байка.

Я. Тест заключается в том, что испытуемый должен продолжить эту историю и дать оценку каждому действующему лицу. Кто здесь выиграл и кто проиграл?

Э л а. Кудесник себе не взял яблока. Значит, он мог обессмертиться — и не захотел?

Я. Да, выходит, что так. Но это лежит за пределами теста, это к делу не относится.

Э л а. Нет, относится! Он был мудрый — а яблока себе не взял. Значит, он знал, что яблоки эти никому не принесут счастья.

Я. Но ведь бессмертие — это уже само по себе счастье!

Э л а. Нет! Бессмертны должны быть или все люди на свете, или никто на свете. Я бы вовсе не хотела быть бессмертной, зная, что все кругом смертны. Мне было бы просто стыдно и неприятно... И потом, ты помнишь этих несчастных вечных людей у Свифта... Струдберги, что ли?..

Я. Но у него они не по своей воле...

Э л а. А когда по своей воле, как эти твои дурацкие короли и королевы и всякие там принцы, — это еще хуже. Ведь никакие царства не вечны, и их в конце концов прогонят с престола и даже без пенсии. А принц из-за того, что его родители бессмертны, никогда не вступит на престол. И выиграл во всей этой истории один только конь. Да и то... Ведь это только люди знают заранее, что они умрут. Коню его бессмертие — не в коня корм.

Я. Постой, а об этом поселянине ты ничего не сказала. Он ведь тоже обессмертился.

Э л а. Ты говоришь, он знал, что яблоко это необыкновенное?

Я. Вообще-то ему сказали... Но у него не было времени на размышления.

Э л а. А когда он начал жевать это яблоко, он не подумал, что невеста его останется смертной? Что он будет все такой же, а она будет стареть у него на глазах?! Хорош гусь!

Я. Я же тебе говорю, что все очень быстро произошло. Уже потом до него дошло, что он, может быть, не очень-то хорошо поступил по отношению к ней.

Э л а. Он поступил как подонок! Это даже хуже, чем измена с другой женщиной. То измена по любви или по легкомыслию, а это просто измена, предательство... Но хватит этих тестов. Ты скажи мне, что с тобой-то творится? Ты в чем-то изменился, а в чем — не пойму.

Но что я мог сказать ей после этого разговора? Я перевел беседу на какую-то мелкую тему. Эла, ожидая чего-то более серьезного, обиделась, замолчала.

Есть молчание согласия,
Праздничная тишина;

Есть молчашие поопасней,
Есть молчание — война.

С этого дня трещинка отчуждения возникла между нами — и все ширилась, ширилась...

XXII

За ужином все мы, за исключением дяди Фили, сидели присмирившие, погруженные в свои мысли. Привыкали к новой жизни. Да и похмелье сказывалось, в особенности на тете Лире; вид у нее был кислый. Зато муженек ее высоко держал знамя миллионера — пошучивал, строил монументальные планы; он успел опохмелиться из потайных своих запасов.

— Сколько Хлюпик людей-то перекусает за миллион лет! — воскликнул он вроде бы ни к селу ни к городу. — Не счесть! Десять дивизий!

— На поводке его теперь надо держать, чтоб не выбежал на улицу, — высказалась тетя Лира. — А то кто-нибудь возьмет да пристукнет.

— Купим, купим поводок, Лариса! — заверил дядя Филия. — Сперва кожаный, а там, глядишь, и до золотой цепочки дело дойдет... Мы, будь уверена, не только по годам, а и по деньгам в миллионеры выйдем!.. И пора думать нам о каменном доме. Не годится нам в деревянном жить по нашему-то нынешнему званию.

— С каких шишей каменный-то построишь? — хмуро возразила жена.

— Экономить будем, копить будем. Временно во временке поживем, а сюда дачников пустим. Сперва пожмем — зато потом развернемся. Времени у нас впереди много.

— Ой, умирать-то как будет страшно, миллион лет проживши... За тысячу лет до смерти дрожать начнем, — вздохнула тетя Лира. — Уж и не знаю, добрый ли мы подарок получили.

— Оставь эти разговорчики, — одернул ее дядя Филия. — Другая бы от радости плясала, а ты ноешь.

— Ладно, ладно, не буду... Пойду поросенка покормлю.

— Вот это дело. За Хлюпиком и поросенком теперь особый уход нужен. И к ветеринару надо их сводить, зарегистрировать возраст. Сейчас мы о своем долгожительстве помалкивать будем, а потом, когда нужно, всему миру объявимся. И в доказательство ученым вечную собаку покажем...

— И вечную свинью подложим, — вмешался Валик. — Но имя дать надо. А то «поросенок» да «поросенок», а ведь он наш товарищ по бессмертию.

— Прав ты, Валик, прав! — согласился дядя Филя. — И ведь свиньи — они умные, они в цирке-то что вытворяют — буквы узнают! А наш-то за такие годы ума наберется — извини-подвинься!

— Ему нужно создать культурные условия: трансляцию в сарайчик провести, азбуку там повесить... — не то в шутку, не то всерьез высказался Валентин. — За миллион лет он, может, доцентом станет, до докторской степени дохрюкается. Ему надо международное имя дать. Например — Антуан. Его крестить надо.

— Это уж богохульство будет. В бога не верю, но богохульства на своей жилплощади не допущу, — твердо заявил дядя Филя.

— А мы не по-церковному, а по-морскому — как корабли крестят. Бутылку шампанского об нос разбивают — и корабль окрещен.

— Нет, не позволю! Так и убить животное можно. И посуду бить не годится. Посуду уважать надо!

В эту минуту Хлюпик, спокойно лежавший на полу, вдруг залился лаем и, опустив хвост, кинулся к двери. Учужал, что кто-то идет.

Мы все вышли из дома. От калитки к крыльцу шагла почтальонша тетя Наташа. Что-то настороженное, замкнутое угадывалось в ее лице и даже в походке.

— Срочная телеграмма, — сказала она. — Плохая.

В телеграмме сообщалось, что мать и отец Валика погибли на станции Поныри вследствие несчастного случая. Позже выяснилось, что смерть их была и случайна, и нелепа: они, перебегая через запасный путь, попали под маневровый локомотив. Оба были трезвы; они вообще спиртного в рот не брали.

Горе Валентина описывать не стану. Скажу одно: не будь он должжителем, он бы легче перенес несчастье. Людям свойственно выискивать причинные связи даже между событиями, которые меж собой никак не связаны: Валик решил, что смерть родителей — это отместка судьбы ему за то, что он стал миллионером. И это надломило его, исковеркало его характер.

* * *

В недалеком будущем и меня ждала беда. И виновником ее стал я сам, тут уж не отвертишься.

Когда я вернулся из Филаретова в Питер, я несколько дней ходил и думал: с одной стороны, Быбаевы дали мне выпить экстракт именно в расчете на мое молчание, но, с другой стороны, не грешно ли утаивать от матери такое важное событие? Наконец, решил. Взяв с матери клятву, что никто на свете не узнает от нее того, что я ей открою, я рассказал все.

Странное действие произвел на нее мой рассказ. Она, кажется, даже не очень удивилась, только побледнела и тихо сказала:

— Я всегда подозревала, что с тобой случится что-нибудь подобное.

Теперь-то я понимаю, что не следовало мне делиться с нею моей тайной. Ведь у матери был врожденный порок сердца, а сердечникам неожиданные известия, даже и радостные, добра не приносят. Для меня до сих пор загадка, поверила ли она в мое миллионерство или решила, что я болен психически. Отношение ее ко мне изменилось, хоть она и старалась не показать этого. Она стала заботливее ко мне, и в то же время какая-то запуганность появилась в выражении ее лица, в движениях. Что это было: боязнь за меня или боязнь меня? Через одиннадцать дней она скончалась от инфаркта. Ее похоронили за счет жилконторы, в которой она работала, — рядом с отцом, на Серафимовском.

На кладбище загадочный уют,
Здесь каждый метр навеки кем-то занят.
Живые знали, что они умрут,
Но мертвые, что умерли, — не знают.

XXIII

Миновал год.

От матери остались кое-какие вещички, я их в комиссионку сдал, да три тысячи с ее сберкнижки мне по наследству перешли — так что на жизнь мне пока хватало. Я спокойно окончил школу, в вуз не торопился. Постановил для себя так: два-три месяца посвящу исключительно поэтическому творчеству, потом на работу куда-нибудь поступлю, потом действительную отслужу — а уж потом займусь высшим образованием.

Теперь я частенько встречался с Валентином — как-никак, оба миллионеры. После гибели родителей он сразу же бросил школу и пристроился в киностудию. Он там был не то разнорабочим, не то просто на побегушках, но считал, что в дальнейшем его повысят и даже возвысят. Однажды он признался мне, что задумал сценарий и сам Колька Рукомойников прочит ему успех. Всех кинодеятелей Валик (в разговоре со мной) звал уменьшительными именами и речь свою пересыпал киношными словечками: «смотрибельно», «волнительно», «не фонтан», «лажа». Зарабатывал он мало, но за родителей получил большую страховку и в то время был при деньгах. Завел какие-то куртки пижонские, ботинки на толстенных подошвах, курил дорогие сигареты и иногда бывал чуть-чуть под хмельком. Но именно чуть-чуть; пьяным я его в ту пору ни разу не видал. Он говорил, что приходится выпивать за компанию — надо наводить мосты с нужными людьми, в киноискусстве без этого нельзя.

В конце сентября он пришел ко мне и принес письмо от Бываевых. Они ждут нас в субботу, то есть завтра. Дядя Филя решил срубить на участке деревья, нужна наша помощь.

— Намечается субботник миллионеров, — подытожил Валик.

Он заночевал у меня. Но перед сном вынул из кармана тетрадку и сказал:

— Пауль, я хочу тебе сценарий прочесть. Вернее, это пока набросок. Слушай!

Глухая тайга. Две золотодобывающие бригады соревнуются за повышение золотодобычи. В составе одной трудится таежная красавица Анфиса, в другой работает акселерат Андрюша, тайно влюбленный в Анфису. Однажды Андрей находит большой самородок. Как честный человек, он решает сдать его директору прииска. По пути к конторе он случайно встречает Анфису, которая, выведав у него, в чем дело, увлекает паренька в укромный уголок тайги. Только дикие олени и зрители видят интимный акт, в ходе которого Анфиса похищает самородок из рюкзака акселерата. Оставив Андрюшу лежать на росистой поляне, где он крупным планом предается воспоминаниям о недавнем событии, Анфиса устремляется в контору, где сдает самородок от имени своей бригады, в результате чего та выдвигается на первое место. Вскоре Андрей узнает, кто похитил у него самородок. Считая, что Анфиса так поступила потому, что сожительствует с директором, Андрей подстерегает ее на таежной тропке и в порядке ревности наносит ей смертельное ранение кайлом. Но случайно проходивший мимо врач-реаниматор возвращает красавицу к жизни. Еще не зная об этом, акселерат пишет докладную записку с изложением своего отрицательного поступка и добровольно сдает себя в руки правосудия. Общественность прииска взволнована. Созывается общее собрание, на котором...

— С меня хватит! — прервал я Валика.

— Много ты смыслишь в киноспецифике! — окрылся Валентин. — Сам Жора Лабазеев говорит, что тут находка на находке!.. Ты просто завидуешь моей творческой активности. У тебя-то со стишатами дело глохнет. — И он сказал еще несколько ядовитых слов по тому же поводу.

От сочувствия рыдая,
Отказавшись от конфет,
Челюстей не покладая,
Кушал друга людоед.

Он меня саданул прямо в поддыхало. Действительно, в этом году со стихами у меня не ладилось.

Нацепили на быка
Золотой венок —
Только все же молока
Выдать он не мог.

Я начинал стихотворение за стихотворением и бросал, не закончив. Это миллионерство сказывалось — так я понял позже. Ведь каждый человек всегда учитывает свой финиш, пусть и очень дальний. А у меня финиш отодвинулся в бесконечность. Я начинал чувствовать себя маленьким, слабым. Я начал подозревать, что время не сделает меня гением, наоборот, оно может отнять у меня талант. Гении не растекались по вечности — они были сосудами, вмесившими в себя Вечность.

Позже я делал попытки воскресить свой талант разными хитрыми приемчиками. Одно время на стишки для детей переключился — про кошечек там, про уважение к родителям, про природу.

Прилетели различные птички,
Стали чаще ходить электрички —
Это, детки, весна настает,
И поэт вам об этом поет!

Потом пробовал на сельскую тему работать.

Улетели различные птички,
Стали реже ходить электрички, —
Ты припас ли, родимый совхоз,
Для буренушек сочный силос?

Но талант мой шел и шел на убыль.

XXIV

В десять утра мы были в Филаретове.

Хлюпик издали встретил нас лаем, но к калитке не выбежал. На нем теперь был ошейник, и от ошейника шел темно-зеленый бархатный витой канатик. Драгоценная собака-миллионер была пришвартована к столбику у крыльца.

— Чтобы от греха подальше, — пояснила нам тетя Лира. — Нервный он, ангельчик, чуткий. Двух дачниц покусал. А не смейтесь над животным!

— Авторитетный кобелек! Именно такие и нужны человечеству! — отчетливо произнес Валик.

Быvaeвы выглядели совсем неплохо. Только вот какая-то суховатая суетливость проявилась в их характерах. Впрочем, нас-то они встретили душевно.

— Прямо в дом топайте, ребята! — пригласила из окна тетя Лира. — Мы сюда перебрались из временки. Дачники-то уехали... Несладко дачников иметь. Лето не в лето.

— Зато тети-мети идут! — сказал дядя Филя, потирая ладони. — Еще десяток-другой лет — и каменный дом отгрохаем... А пока что решил я участок от всяких там осин да берез освободить — ни к чему они нам теперь. Нам дубы нужны! Они вековечнее. А потом, может, и баобабы посадим. Я слыхал, они две тысячи лет растут.

— Дубы и баобабы — это наши зеленые друзья, — согласился Валик. — Хорошо пить ликер в тени баобаба!

— Ликеры — баловство, дамское дело. Но посмотрите, ребята, на эту клумбу, — загадочно произнес дядя Филя.

— Клумба как клумба, — сказал я. — Цветы какие-то увядшие.

— Так все думают: клумба как клумба. И пусть думают! Но вам, компаньонам-миллионерам, выдам один секрет. Под этой клумбой я двадцать бутылок портвейна по два сорок зарыл. Укутал я их старым одеялом и соломой, не промерзнут. Чуете, в чем коммерция?! Через сто лет цены этому портвейну не будет, на вес золота пойдет. Столетняя выдержка — это не шутка!

— Через сто лет люди спиртного пить не будут. Одумаются, — строго сказала тетя Лира из кухонного окна.

— Гиблый бизнес ты, дедуля, затеял, — соболезнающе вставил Валентин.

— Ну, люди всегда пить будут, — уверенно возразил дядя Филя. — Водку, может, потреблять перестанут, а уж без вина-то не обойтись.

— И с вином, дедуля, дело неясное... Вынесут коллективное решение — и каюк. Войн уже не будет, а старые

танки для войны с алкоголизмом используют. Пустят их на виноградники, да еще с огнеметами — и прощайте, милые портвейны и мадеры!

— Ужасы какие ты говоришь, Валик! — удрученно покачал головой дядя Филя. — Танки в винограднике!.. Да во сне такое приснись — и то от разрыва сердца помереть можно!

— Валик! Павлик! К столу идите! Проголодались с дороги-то! — позвала тетя Лира.

— А меня почему не кличешь? — игриво спросил дядя Филя, и по его тону я вдруг догадался, что он уже чуть-чуть под градусом.

— Ты ел недавно, — отрубила тетя Лира. — Вот после работы поедем все вместе, и выпьем даже. Причина-то есть.

— С первой пенсионной получки грех не выпить, — подхватил дядя Филя. — Я ведь теперь пенсер, восемьдесят пять в месяц... Знали бы они там в собесе, кому пенсию выделили, — призадумались бы. Долго платить придется, пока деньги не отменят.

* * *

Подкрепившись, мы взяли приготовленные дядей Филей топоры и пилу и вышли на участок. Дядя Филя работал уверенно и сноровисто, мы с Валиком помогали ему неумело, но старательно. Свалили три осинки, два клена и распилили их стволы на дрова. Потом срубили бузину, куст сирени.

Начался дождь. Поднялся ветер и все усиливался. Тетя Лира вышла на крыльцо, отвязала Хлюпика, и тот вбежал в дом.

— Эк как все оголили, — сказала тетя Лира. — Грусть берет.

— Зато когда дубы-баобабы здесь зашелестят — сердце возрадуется. Спасибо скажешь мужу своему! — И дядя Филя с размаху вогнал топор в одну из берез, в ту, что поменьше.

— Хоть вторую-то пожалей, — попросила тетя Лира. — Пусть живет. И учти, будут нам неприятности от лесонадзора за самовольные порубки!

Ответом было молчание, и она вернулась в дом, обиженно хлопнув дверью. А березу дядя Филя свалил. Но вторая, та, что постарше, еще стояла.

— Не надо рубить ее, дедуля, — сказал Валик. — Жалко.

— Чего жалеть-то! — рассердился дядя Филя. — Я с Толиком-трактористом договорился, он завтра пни выкорчует. А оставим эту — трактору не развернуться будет... Ребята, сейчас пилой поработать придется, дерево-то толстое.

— Не хочу пилить под дождем! — буркнул Валик и направился к крыльцу. Я пошагал за ним. Мне вообще разонравилась эта затея.

— Забастовка миллионеров! — пропел Валентин, входя в дом. — Бабуля, миллионеры кушать хотят!

— Все готово, ребятки! — откликнулась тетя Лира. Действительно, стол уже был накрыт; середину его украшала нераспечатанная поллитровка «столичной» и две бутылки вермута по рубль шестьдесят.

Мы принялись за еду. С участка, сквозь нарастающий шум ветра, доносились удары топора. Потом их не стало слышно. В комнату вошел дядя Филя.

— Ловкачи! — закричал он. — Я работай, мокни, а они тут пир затеяли... Я тоже хочу побороться с алкоголизмом, работа подождет. Я уже полдерева надрубил. Налейка мне, Валик, чего покрепче!

— Пьем за здоровье миллионера-пенсионера! — провозгласил Валик. — Многие лета!

— Поехали! — радостно выкрикнул дядя Филя. — И ты, Лариса, пей! Обижусь!

— Уж ладно, по такому случаю можно. — Она торопливо выпила, закусил бутербродом и бросила кусочек докторской колбасы Хлюпику. — Кушай, кушай, ангельчик мой непьющий!

— Все в сборе, а Антуана нет, — сказал я. — Как он поживает?

— Поросенок-то? — ухмыльнулась тетя Лира. — А что ему делается, жив-здоров.

— Его бы надо сюда пригласить, богатый типаж, — подал идею Валентин. — Антуан тоже имеет право на веселье. Будущее светило науки!

— Ой, ребята, чего удумали! — захохотала тетя Лира. — Живого поросенка нам в гости не хватало!.. Да он тут под себя струю пустит, ему что!

— А и верно, Лариса, приведи-ка его сюда. Уважь мою пенсерскую волю! — молвил дядя Филя. — Пусть и животное повеселится.

— Ну, уморили! — зашлась в хохоте тетя Лира. — А вот и взаправду приведу его сюда, гостя дорогого! Слабо, думаете? — Она встала, вышла в кухню, оттуда на крыльцо. Хлюпик немедленно последовал за ней. В комнате отчетливее стал слышен вой ветра и шум дождя.

— Что и требовалось доказать, — подмигнул вслед ушедшей дядя Филя. — Без контроля-то оно лучше! — И, налив себе почти полный стакан, поспешно опорожнил его. Потом с хитро-пьяной ухмылкой добавил: — В Питере-то наводнение, может, будет — ветер подходящий. А нам здесь — хоть бы хны. Потому как мы...

В комнату ворвался грубый, особо сильный порыв ветра. Хлопнула форточка, с этажерки посыпались какие-то бумажки, заметались в воздухе. Откуда-то извне донесся хруст, шипящий шелест, потом — удар. Что-то тяжелое где-то упало.

— Береза грохнулась, — подойдя к окну, доложил Валентин.

— Во! Допиливать не надо! Ветер за меня доработал! — довольно произнес дядя Филя. — Потому когда с умом...

Остервенело-острый, захлебывающийся, задыхающийся собачий вой послышался с участка. У всех у нас одновременно мелькнула одна и та же страшноватая догадка. Первым выбежал из дома дядя Филя, за ним мы с Валиком.

Тетя Лира лежала возле новой помойки, чуть в стороне от упавшей березы. Ее не помяло, не придавило — ее, видно, ударило в висок и отбросило. В сырых сумерках доброе, мокрое лицо ее казалось еще живым. По опавшей влажной листве в яму стекала струйка крови.

— Ларинька, Ларинька, очнись! Прости меня, прости! — бормотал дядя Филя, склонясь над мертвой. Потом упал рядом с ней лицом вниз и закричал, завыл не по-мужски тонко, и вой его слился с завываниями Хлюпика.

XXV

Тетю Лиру погребли на тихом филаретовском кладбище.

Все это копчается просто —
Не взлетом в небесную высь,
А сонным молчащем погоста,
Где травы корнями сплелись.

Первое время дядя Филя навещал могилу ежедневно. Отправляясь на кладбище, он отрезал ломоть хлеба, брал кусок колбасы — это для Хлюпика. Песик ушел из дома и жил возле могилы тети Лиры — сторожил свою хозяйку. Отощал он страшно, так что имя его теперь вполне ему подходило. И ему жить оставалось недолго. Однажды дядя Филя нашел его мертвым. Собачонка вся была изрешечена дробью: это городские охотники-любители шли мимо кладбища и решили потренироваться, используя Хлюпика как живую мишень.

Валентин уехал сразу же после похорон, ему нельзя было прогуливать. Я же остался на время присматривать за дядей Филей. Он стал неряшливым, оброс, все у него из рук валилось. Я ходил в магазин, готовил обеды, но он к моим супам и кашам почти не притрагивался, приходилось его порции вываливать в корытце Антуану. Поросянок все съедал за милую душу.

Так прошло три недели. Пора мне было в город возвращаться. Деньги материнские медленно, но верно подходили к концу, со стихами не ладилось, а значит, и гоночаров в ближайшее время не предвиделось, и от моего бытия начинало тунеядством пахнуть. Надо на работу скорее устраиваться, решил я.

Везде — в трамвае, в санатории,
Среди гостей, среди родни,
На суше и на акватории
Моральный уровень храни!

Расставаясь с дядей Филей, я намекнул ему, что он должен подтянуться, должен беречь свое здоровье. Ведь у нас, у миллионеров, все впереди, и из своего миллиона он израсходовал пока только шестьдесят лет. Ответ его прозвучал для меня ошеломляюще. Он произнес нижеследующее:

— Пропади он пропадом, этот миллион! Права была Лариса, не будет нам радости от этого лекарства! Ключнули мы, дураки, на поганую наживку. Виноваты мы, Павлуха, перед всеми людьми виноваты!.. И ты еще взвоешь от своего долголетия! — с тоской в голосе закончил он.

XXVI

Я устроился подсобным рабочим на «Спортверфь». Там работал сосед по коммунальной квартире Виктор Власевич Желудев, краснодеревщик. После смерти матери он всячески опекал меня и уверил, что на верфи я буду неплохо зарабатывать. Так оно и вышло. Я имел в месяц около двухсот. Виктор Власевич надеялся, что я заинтересуюсь производством, прирасту душой к «Спортверфи». Все вышло по-иному, но об этом потом.

С Валентином я теперь встречался не очень часто, так как он работал в дневную смену, а я — то в дневную, то в вечернюю. В выходные дни я запирался в своей комнате и пытался творить. Но стихи не шли, я буксовал. Позже я понял, что потерпел творческий крах через свое миллионерство.

Поброжено, похожено,
Поискано, порыскано,
А песня-то — не сложена,
А счастье — не отыскано.

Однажды в сентябре, вернувшись с работы, я нашел дома записку от Валика. Он сообщал, что дядя Филя умер. Он, Валентин, едет на похороны в Филаретово и зовет и меня «участвовать в мероприятии». Я смог выехать только через день, в субботу. Дядю Филю уже погребли, я попал на поминки.

Поминки те организовал Василий Федорович, брат покойного. Дядя Филя был с ним в давней непримиримой ссоре, но стоило дяде Филе помереть — и соседи в первую очередь известили об этом братца. Тот явился как штык и сразу же провозгласил себя единственным наследником умершего. Василий Федорович немедленно разузнал, что в поселке живет некий Николаша Савельев, человек, который умело режет свиней; и вот Николаша пришел с ножом и безменом и прирезал Антуана, который к тому времени вырос уже в солидного борова. Николаша получил за это три кило мяса и внутренности. А часть требухи досталась кошке Фроське, многогрешной кошке, которая не вкусила экстракта, но тем не менее пережила и Хлюпика, и Антуана.

На поминки приперлась уйма народу, причем не только из Филаретова, но и из окрестных поселков. Места в доме не хватило, и столы расставили на участке, благо погода стояла удивительно ясная и теплая. Я заметил, что клумба имеет прежний вид, и подивился, почему это дядя Филя пощадил свой алкогольный клад, двадцать бутылок портвейна. Запомнить он никак не мог — пьющие таких вещей не забывают. Значит, еще надеялся на светлое миллионерское будущее?

Пил он последние месяцы своей жизни невылазно, продал все, что можно продать, занимая деньжата направо и налево.

Все в Филаретове удивлялись, почему Филимон Федорович, при всей своей пропойной нищете, не зарежет борова или не продаст его; цену ему предлагали неплохую. Но тут дядя Филя был тверд.

Умер он смертью нелепой, но мгновенной. Решил вставить «жучка» вместо перегоревшей пробки — и его ударило током. А сердце, надо думать, было уже ослаблено алкоголем.

Умереть бы, не веря в прогнозы,
Второпях не расчухав беду, —
Так столкнувшиеся паровозы
Умирают на полном ходу.

Волею случая произошло это в годовщину смерти тети Лиры, день в день.

...Поминки затянулись, Василий Федорович подвыпил и начал поносить покойных Бываевых за то, что они вырубали деревья; он утверждал, что это «психозная выдумка», и упрекал филаретовских аборигенов в том, что они не воспрепятствовали этому. Гости начали обиженно расходиться; в первую очередь ушли женщины — те, что приготовили угощение. Но группка местных выпивох сидела как приклеенная.

Валик был мрачен. Он почему-то считал, что участок и дом должны были перейти по наследству ему, а тут подсыпался этот братец дяди Фили. И сразу же, подлец такой, Антуана зарезал! И вот теперь мы, два миллионера, едим своего младшего брата по вечности!

— Так ты не ешь! — сказал я.

— Почему же не есть?! Это даже интересно: бессмертный боровок, а мы его ам-ам... И меня тоже съедят братья-киношники. Они не уважают меня. Они мой сценарий забраковали.

В высказываниях этих я уловил цинизм неудачника. Между тем Василий Федорович решил, что пора свертывать тризну, и пригласил выпить по разгонной.

— Врешь, желвак! — закричал Валик. — Рано нас разгоняешь! — и торжественным движением руки указал на клумбу и всем поведал, что там зарыто.

То ли говорил он очень доказательно, то ли пьянчугам очень хотелось выпить еще, только факт, что сразу откуда-то появилась лопата и работа закипела. Копали поочередно. И вот бутылки появились на свет. Некоторые из них не выдержали, видно, зимних холодов, полопались, но большинство оказалось в целости. Пир возобновился с новой силой. Гости уже и не помнили, по какому поводу они сюда явились. Звучали пьяные песни, разухабистые анекдоты. Организатор мероприятия, Василий Федорович, тоже приналег на портвейн и в результате свалился со стула наземь и захрапел.

— Схожу по нужде, — сказал мне Валик и подмигнул. Что-то жутковатое почудилось мне в его тоне, в этом под-

мигивании. Какая-то злобная бодрость разыгралась в Валентине.

Вернувшись, он сразу налил себе стакан портвейна и часть напитка, будто спьяна, пролил себе на руки и затем тщательно отер их носовым платком.

— Отчего от тебя керосином пахнет? — спросил я.

— Молчи! — прошипел он. — Я на бабулином керогазе чай подогреть хотел, голова болит, так я... Молчи, Пауль!

— Дымком потянуло, — сказал один из пьющих. — Никак нам еще по порции свининки выделяют? Под портвейн — в самый раз.

— Дым из окна идет, — молвил другой.

Из окна кухни валил дым. Окно комнаты, плотно зашторенное, светилось неровным, колеблющимся светом. Казалось, в нем отражается дальняя заря, казалось, занавеска колеблется от ветра.

— Пожар! — крикнул кто-то. — Дом горит!

Началась суматоха. Кто-то побежал за ведром, кто-то за багром. Крики, гвалт. Добровольная пожарная дружина прикатила бочку с насосом, шланг. Но старые, сухие стены пылали уже вовсю. Погребальный костер в честь дяди Фили взметнулся аж в самое небо. Бились с огнем смело, но бестолково. Больше всех суетился Валентин. Он даже сделал вид, будто хочет влезть в окно, прямо в полымя, но его оттащили.

Дом Бываевых догорал. Протрезвевший брат покойного плакал и ругался. Последние гости и пожарники-добровольцы покидали участок, толкуя о причине пожара. Все считали — виновата плохая проводка, из-за этого, мол, погиб и Филимон Федорович.

Если в доме ты чищишь проводку —
И про пиво забудь, и про водку!

В тот же день мы с Валентином уехали в Ленинград. Валик был пьян, но хотел казаться совсем пьяным. Сидя в вагоне, порой он искоса, исподтишка поглядывал на меня, будто ожидал чего-то. Но я не сказал ему ничего существенного.

Друг не со зла порой обидит нас —
И другом быть перестает тотчас;
Но как легко прощаем мы друзьям
Обиды, причиненные не нам!

XXVII

Когда подошел мой возраст, меня признали годным для службы на флоте. Служить я пошел с охотой и с тайной надеждой, что перемена обстановки растормошит мой задремавший поэтический дар. И служил я неплохо. Даже две благодарности в приказе имел! Но, увы, хоть морской романтики хватало с избытком, со стихами дело не шло. Даже и любовь не помогала.

Должен сказать, что с Элой наши теплые отношения постепенно сошли на нет. Но сердце не терпит пустоты: я влюбился в Клаву Антонову. По специальности она была корректор. Я познакомился с ней на поэтическом вечере в клубе «Раскат», в тот день наше литобъединение выступало со стихами перед широкой публикой. В числе публики оказалась и Клава. Когда вечер кончился, она подошла ко мне лично и сказала, что ей понравились мои стихи. Она, между прочим, спросила, давно ли я их сотворил. Я совра, что совсем недавно; на самом деле они были созданы мною еще до миллионерства.

У Клавы был явно хороший вкус, да и сама она была девочка что надо.

У лисицы красота
Начинается с хвоста —
А у девушек она
На лице отражена.

Мы стали с ней встречаться, а когда я отбыл на флот, Клава стала писать мне. Я тоже слал ей письма. В них я намекал на серьезность своих намерений.

Жизнь струилась твоя, как касторка, —
Я со скукой тебя раздружу,
Восьмицветное знамя восторга
Над судьбою твоей водружу!

Но никогда — ни устно, ни письменно — я не посмел признаться ей, что я — миллионер. Порой умолчание равняется лжи, а порой оно хуже лжи.

Переписывался я и с Валентином. Его на военную не призвали, у него что-то со здоровьем было не в норме. В своих письмах он жаловался мне на сослуживцев, на все киношное начальство, — его, мол, затирают. Он грозился: «Выведу всех на чистую воду!» По некоторым деталям можно было догадаться, что он пристрастился к выпивке. Я в своих посланиях увещевал его помнить, что впереди у него огромная жизнь, советовал ему жить организованнее, не переть зря на рожон.

Шагая по шпалам, не будь бессердечным,
Будь добрым, будь мальчиком-пай, —
Дорогу экспрессам попутным и встречным
Из вежливости уступай!

Мои увещевания успеха не имели. Однажды Валентин известил меня, что ушел из киностудии. Затем вдруг написал, что его «знакомство с одной мурмулкой зашло так далеко, что придецца топать в дворец бракосочетаний, тем более папаня ее директор магазина, с голоду не помрем».

После этого Валик перестал мне писать. Два моих письма пришли обратно в часть с пометкою на конвертах «адресат выбыл».

Отслужив и вернувшись в Питер, я первым делом устроился в мастерскую по ремонту радиоприемников; радиотехнику я неплохо на флоте освоил. А вскоре женился на Клаве. Свадьбу мы организовали скромную, но Элу я пригласил — из вежливости, что ли. Она, как ни странно, пришла на это празднество и даже подарок новобрачным принесла: застекленную гравюру с видом набережной Мойки. Пробыла она недолго, с час, и ушла, пожелав мне счастья. Я понял, что больше она никогда не придет.

Ни в саду, ни на пляже,
Ни на горке крутой —
Мы не встретимся даже
За могилой плитой.

Прожила Эла, по тогдашним понятиям, не так уж мало — до восьмидесяти. Она стала известным и даже знаменитым архитектором. Всю жизнь ратовала за кирпичную кладку, была убеждена, что в век бетона и всяких новейших стройматериалов кирпич не устарел, — и создала свой стиль. Ну, ты знаешь: антимодерн. Поначалу стиль этот архитекторы тогдашние встретили в штыки, однако, как известно, он пережил и этих архитекторов, и Элу, и процветает поныне, борясь и соседствуя с прочими направлениями в зодчестве. Эти краснокирпичные толстостенные, немногэтажные дома с узкими окнами, расположенными далеко одно от другого, кажутся угрюмыми, громоздкими, замкнутыми в себе; в них есть нечто казарменное. Но в то же время они дают ощущение прочности, незыблемости бытия, отрешенности от суеты и, как это ни парадоксально, ощущение уюта. Стиль этот постепенно завоевывает все больше сторонников на Земле и выше. Вадим Шефнер в каком-то своем стихотворении об архитектуре (он почему-то любил на эту тему писать) прямо-таки от восторга захлебывался, описывая первые Элины дома.

XXVIII

Незадолго до своей женитьбы, в один субботний день я отправился на поиски Валентина. На старой своей квартире он уже не жил, в справочном киоске мне дали его новый адрес, и поехал я на проспект Майорова. Когда я позвонил в нужную квартиру, дверь открыла мне приветливая на вид, очень модно одетая женщина. Но едва я сказал, что мне нужно видеть Валентина, приветливость с нее схлынула. Оказывается, она ждала монтера с телефонной станции. Она обозвала меня алкашом, заявила, что это Валька прислал меня выклянчить денег и что ни фига я не получу.

Я спокойно объяснил этой даме, что никаких денег мне от нее не надо. Разглядев меня попристальнее, она поняла, что на пьянчугу я не похож. Затем, узнав мое имя, она совсем смягчилась и сказала, что, «когда Валька был человеком», он часто вспоминал меня по-доброму. Потом сообщила, что Валентин пьет, ни на какой работе больше меся-

ца не удерживается, дома не живет. Много раз обещал «завязать с этим делом», но опускается все ниже и ниже.

Кто часто присягает,
Клянясь до хрипоты, —
При случае сигаает
В ближайшие кусты.

— А где он сейчас кантуется? — спросил я.

— А пес его знает. Я давно его не видела и видеть не желаю. Говорят, его каждое утро у «Восьмерки» застать можно. — Она пояснила, что так в просторечии называется гастроном, расположенный недалеко от Садовой улицы.

Я вежливо попрощался и для очистки совести побрел к этой самой «Восьмерке». Конечно, пустой номер: Валика я там не встретил, время-то было дневное. Свадьбу мы справили без него. А потом начались всякие хозяйственные дела и, главное, обменные, они очень много времени отняли. В конце концов мы с Клавирой (это так я ее имя переделал) неплохо съехались в одну коммунальную, но уютную квартиру, и тоже на Петроградской стороне, на Гатчинской улице. На все это год ушел. Потом первенец родился — опять волнения, хлопоты... Тут не до старых друзей-приятелей.

Но вот наконец в одно субботнее утро направился я к пресловутой «Восьмерке». На этот раз мне повезло. Впрочем, тут это слово не вполне подходящее. Валика я встретил. Но какого Валика... То была последняя наша встреча.

Я пришел около одиннадцати. У двери винного отдела уже стояла группочка желающих опохмелиться.

Пред жгучей жаждой опохмелки
Все остальные чувства — мелки!

Эти люди были меж собой запанибрата, звали друг друга по именам, по кличкам; слышались специфические шуточки. Я спросил одного из алкашей, не знает ли он моего дружка — назвал ему имя и фамилию Валика, описал внешность.

— Так это, наверно, Вадька-миллионер! — ответил тот. — Его здесь каждый знает. Он, гадючий глаз, как наберется,

так орет: «Вы все подохнете, а я еще миллион лет проживу! Я миллионер!..» Трепло изрядное. Ясное дело, он и сегодня припрется.

Действительно, Валентин не заставил себя ждать. Но что с ним стало! Не так уж долг был срок нашей разлуки, но как скрутил его зеленый змий! Бледно-одутловатый, ссутулившийся, в мятом поношенном плаще, в брюках с бахромой, он подошел к ожидающим алкогольной отрады, не заметив меня.

— Миллионер — дитя вытрезвителя!.. Миллионер к князю Опохмелидзе в гости пожаловал! — слышались шутовские возгласы.

Валик молча стоял на осклизлом асфальте, смиренно опустив голову. Нет, не подшучивания эти угнетали его, а что-то другое. Я шагнул к нему, но в этот миг два красноносых мужика, торопливо шедшие мимо, подмигнули Валентину, и он присоединился к ним. А я последовал за этой компашкой. Из их разговора я узнал, что в «парфюмерном тройник выбросили» и что это им как раз по деньгам. Это известие меня очень даже огорчило. Не буду врать, я тоже не святой, в праздник не прочь приложиться. Но чтоб одеколон в глотку себе лить — это никогда! И я тогда, на заре юных миллионерских лет, очень испугался за Валентина. Я кинулся к нему, положил руку на его плечо и сказал:

— Валик, пойдем со мной!

Он остановился, вылупил на меня как на чужого. Потом узнал.

— Пауль! Откуда ты свалился?! Поставишь чарку?

— Ладно уж, поставлю.

Те двое, не задерживаясь, целеустремленно потопали вперед, а мы остались стоять на тротуаре. Я начал было рассказывать о своей женатой жизни, расспрашивать Валика о его житье-бытье, но он прервал меня:

— Идем вот в то «мороженое», там хоть сухача выпьем для разговора. А то язык не ворочается.

Перейдя через улицу, мы вошли в «мороженое», заняли столик в уютном уголке. Я взял по стакану каберне и по паре конфет.

— Конфеты-то с утра ни к чему, — поморщился Валентин, торопливо выпив свою порцию. — Мне бы повторить... Повторение — мать учения.

Я принес второй. Валик приободрился. Даже важность какая-то в нем проявилась.

Опорожнена посуда —
Началось земное чудо!

— Вот так и живу! — с вызовом изрек он. — И не хуже других!

— Хуже! — возразил я. — Глаза бы мои не глядели...

— Ты что?! Поставил мне два граненых с этой слабятиной мутной — так думаешь, и поучать меня займел право?! — окрысился он. Его всего аж перекосило; нервы, видать, поистрепались.

— Я к тебе по-хорошему. Валик. В порядке миллионерской взаимопомощи. Я тебе добра хочу.

— Хочешь добра — выдели еще стаканчик!

Делать нечего, я взял ему третий. Этот он осушил уже не залпом, а глоток за глотком. И сразу скис, заныл, начал катить телегу на товарищей по бывшей работе: они его недооценили, в душу ему нахаркали. Затем стал капать на жену: она его прогнала. Вот у тебя, Пауль, имеется задрыга — извиняюсь, подруга жизни, — а у меня нет.

Ты с изящною женою
Дремлешь, баловень толпы, —
А со мною, а со мною
Делят ложе лишь клопы.

Он долго жаловался, что у него теперь твердой работы нет. Он по негласной договоренности сторожит один склад, он, в сущности, на подачки живет. Обманула его жизнь...

Я тоже посетовал ему на трудности своей творчески-поэтической жизни, на недооценку меня критиками.

Не забудь, что ты не Пушкин,
И не лезь тягаться с ним —
Кирпичом по черепушке
Мы тебя благословим!

— Пора мне в свой особняк идти, в пристанище миллионера, — заявил Валентин. — Приглашаю тебя. Увидишь, до чего меня люди-людишки довели. И хобби свое покажу. Причуду миллионера увидишь.

Мы вышли на улицу. Первым делом Валик потянул меня к той же «Восьмерке».

— Это и есть твоё хобби? — подкусил я.

— Не топчи меня! Питье — это моя основная профессия. Хобби у меня другое.

Я взял пол-литра «старки», купил полкило докторской и триста граммов сыра. Потом мы зашли в булочную и отоварились хлебом.

Заявляйтесь в мой дом поскорее
И с собой приносите дары;
Гастрономия и бакалея —
Две любимые мною сестры!

Затем Валентин повел меня в какую-то узкую улочку.

— Вот и приехали! — объявил он. — Пожалте в мои апартаменты!

Перед нами высился старинный трехэтажный особняк. Подвальные окошечки его были забраны фигурной чугунной решеткой, а рамы на всех этажах — выломаны; проемы окон чернели пустотой.

— Не пужайся, дом на капремонт пошел, но склад пока что еще существует; подвал тресту нежилого фонда подчинен, — пояснил Валик.

Мы вошли в безлюдный, заваленный всяким хламом двор и остановились перед обитой железом дверью, на которой висел огромный амбарный замок. Валентин с ответственным видом полез в карман, вынул ключ и открыл дверь.

— Осторожно, тут четыре ступеньки! — предупредил он. Затем снял с невидимого гвоздя лампу «летучая мышь», зажег ее и повел меня за собой.

Подвал был сухой; в нем пахло не сыростью, а пороховыми газами, как в тире, и это меня удивило. Мы шли, петляя между штабелями жестяных и деревянных ящи-

ков, между пригорками из пустых мешков. В одном месте были свалены в кучу старые магазинные весы; в другом — какие-то эмалированные емкости и алюминиевые жбаны. Наконец мы подошли к фанерной двери.

— Входи, Пауль, в хазу нищего миллионера! — пригласил Валентин.

Я очутился в комнатке со сводчатым потолком и выщербленным цементным полом. Справа чернел дверной проем, ведущий неведомо куда; слева маячило узенькое зарешеченное оконце, из него мутно просматривался облупившийся брандмауэр соседнего дома. В каморке стояла колченогая железная кровать, застеленная мешковиной, перед ней стол, сконструированный из ящиков; столешницей служила покоробившаяся чертежная доска. Имелся и стул со сломанной спинкой; наверно, кто-то из переезжавших жильцов дома бросил его за ненадобностью.

Когда хозяин хазы поставил лампу на стол, я увидел, что там, помимо пустых стаканов и кое-какой посуды, лежит большая пачка открыток. Я принялся перебирать их. То были фотографии киноактеров, кинорежиссеров и киносценаристов; таких в те времена было навалом в каждом газетном киоске. Неоригинальное хобби, подумал я. Но что меня удивило, так это то, что в пачке были только мужские лица.

— Не узнаю тебя, Валик: ни одной красотишки нет в твоей могучей коллекции.

— Женщин я щажу, — загадочно и хмуро изрек он, откупоривая бутылку.

Мы приняли по полстакашку, и Валентин еще больше помрачнел. Он начал вдруг укорять меня в том, что я будто бы принес ему несчастье. Я, конечно, стал обороняться словесно.

Мирно текла деловая беседа,
Пахло ромашками с луга...
Два людоеда в процессе обеда
Дружески съели друг друга.

Валентин вдруг замолчал. Недобрая ухмылка кривила его губы. Внезапно он нагнулся и извлек из-под кровати мелкокалиберную винтовку и цинку с патронами.

— Ты что, укокать меня замыслил? — нервно пошутил я.

— Не тебя. Хоть тебя-то, может, в первую очередь бы следовало, — пробурчал он и, зарядив тозовку, положил ее на постель.

— Она что, как сторожу тебе полагается? — спросил я.

— Черта лысого! Я спер ее, а где — не скажу... Еще слегавишь. Найдут — срок припаяют... Впрочем, плевать мне, отсижу. Времени впереди хоть отбавляй.

Взяв со стола фотографию какого-то кинодеятеля, схватив лампу, он направился к проему в стене.

— Сейчас мое хобби увидишь! Идем, Пауль!

Я потопал за ним. Мы вступили в темный коридор, затем уперлись в штабель ящиков. Валик прибавил огня в лампе, повесил ее на свисавший со свода крюк. Затем приладил портрет к верхнему ящику специальной защипкой и пошагал обратно в комнатенку. Я — за ним.

В полутьме он взял мелкокалиберку и встал в дверном проеме в положении «стрельба стоя». В другом конце коридора, подсвеченная лампой, вырисовывалась улыбающаяся физиономия кинорежиссера.

— За то, что ты один из тех, которые не дали мне хода в киноискусство, — к расстрелу тебя присуждаю! — выкрикнул Валентин, нажимая на спуск.

Выстрел в помещении прозвучал очень громко, но лицо по-прежнему улыбалось со снимка, открытка не пошелохнулась. Валик попал только с четвертого раза и потом торжествующе сунул мне в руки простреленную фотографию.

— Вот! В самый лоб вlepил!

— Какой герой! — сплюнув, сказал я. — Дерьмом ты стал, Валик.

— Я — дерьмо, а ты — еще хуже! — выкрикнул он. — Я по картинкам пуляю, а ты живых людей гроишь!

— Опомнись, что ты несешь! — возмутился я.

— Вот то и несу! Если б не твоя рябинка эта сволочная засохшая, дедуля бы в другом месте яму стал копать и не влипли бы мы в это миллионерство. Ты беду нам принес! Взвалил на нас миллион лет жизни, а настоящую жизнь отнял!.. За тобой, наверно, еще какие-нибудь дела водятся...

Я стоял, ошеломленный его инвективами, а он выбрал из пачки еще одну открытку и приладил ее к ящику — для расстрела. Это лицо было мне знакомо, это был комический артист. С тех пор как я на Клавире женился, я стал в кино похаживать, она кино любила, и этот актер мне нравился, очень он смешил меня. И тут мне стало очень обидно за него, что Валик его к смерти приговорил. А Валик уже целится.

— Не смей этого делать! — закричал я. — Не позволю! — И побежал к ящику, и стал под лампой, заслонив собой эту самую открытку. Сам не знаю, почему я это сделал. Может, я его, артиста этого, живого не стал бы заслонять, не решился бы, а тут фотографию его прикрыл своей фигурой. Я, правда, вполпьяна был, да и обвинения Валика очень уж меня по сердцу ударили.

— Отойди, гад неумытый! — заорал Валик. — Серьезно тебе говорю!

— Не отойду! — твердо ответил я. — И плевать я на тебя хотел!

— В последний раз говорю — отойди!

Я в ответ плюнул в сторону Валика и показал ему фигу.

Грохнул выстрел. Я почувствовал в правом плече боль, вроде как при ожоге. Пиджак на этом месте сразу отсырел, потяжелел. Но в общем-то было терпимо. Я снял лампу с крюка, прошел по коридору в комнатенку. Валентин уже бросил на пол тозовку и лежал на своем ложе лицом вниз, причитая, бормоча что-то непонятное.

— Спасибо за гостеприимство, — сказал я, ставя лампу на стол. — Помоги мне болонью надеть.

Он поднялся с кровати, помог мне натянуть плащ. Потом, по моему требованию, проводил меня через склад до наружной двери. На прощанье я объявил ему, что жаловаться на него я, конечно, никуда не пойду, на этот счет он может быть спокоен. Но встречаться с ним нигде и ни на какой почве впредь не желаю. Амба!

Он заплакал пьяной мужской слезой, стал каяться. Стал обещать, что покончит с персональным алкоголизмом, собственными честными трудовыми мозолистыми руками

задушит зеленого змия, перекантует свою жизнь на сто процентов. Но я вынес вотум недоверия.

Однажды некий людоед,
Купив себе велосипед,
Стал равным в скорости коню —
Но изменить не смог меню.

Но тут же у меня мелькнула мысль, что, если не оставить Валику никакого лучика доверия и надежды, то он, еще чего доброго, как дядя Филя, примется за ремонт электропроводки — с таким же печальным исходом. И поэтому я произнес такие итоговые слова:

— Валентин, я тебя не желаю видеть не навсегда, а только на тысячелетие. Ровно через тысячу лет, двадцать седьмого августа две тысячи девятьсот семьдесят второго года, буду ждать тебя в одиннадцать утра на Дворцовой площади у Александровской колонны. Заметано?

— Заметано! — радостно ответил Валентин.

Минут через десять у Консерватории я поймал такси и дал таксисту адрес Кости Варгунина, моего дружка по флотской службе, он на Гончарной жил. Мать его была военврачиха, хорошая женщина. Когда я из такси выходил, шофер начал было выражать недовольство, что я кровью обивку немного испачкал, но я добавил пятерку, и он успокоился. Косте и его мамаше я сказал, что это один ревнивец в меня по ошибке пальнул и что в больницу я не хочу с этим делом обращаться, пусть все будет шито-крыто. Елена Владимировна оказала мне срочную медпомощь, сделала перевязку. Ранение было касательное, кость не задета. Потом эта рана быстро зарубцевалась, сейчас только чуть-чуть заметный следок остался.

Без мудрой помощи врача
Жизнь догорает, как свеча.
Но если врач поможет ей —
Сиять ей много, много дней!

Ну, а для Клавиры я по поводу этой травмы придумал подходящую легенду, она ей поверила.

XXIX

С того невеселого дня стал я перебирать в памяти события своей житухи — звено за звеном. И выходило так, что в злых пьяных обвинениях Валентина гнездилась горькая истина. Не будь меня — не произошло бы того, что произошло. Валик только одного не знал — с чего все это началось, а то его обвинения были бы еще острее. О том, что из-за меня погиб брат, я никому на свете не говорил и от Валентина тоже этот факт в секрете держал. А ведь все началось с этого невольного убийства. Оно потянуло за собой длинную, но прочно соединенную своими звеньями цепочку событий. И миллионером я стал потому, что убил брата. А тетя Лира и дядя Филя стали миллионерами из-за меня и из-за меня же и погибли.

Но разве я хотел зла Пете? Разве я хотел зла Бываемым? Разве я виновен? Но, с другой стороны, если бы не я... Мысли мои вертелись в каком-то заколдованном печальном кругу.

XXX

Годы шли. На работе у меня все обстояло благополучно. С Клавирой жили мы дружно, сыну Витьке уже пять лет стукнуло. Вроде бы процветай да радуйся, но я ведь не олух бесчувственный, я понимал, что впереди маячат возрастные трудности: Клава — простая смертная, а я — миллионер. Они, трудности эти, и на самом деле в дальнейшем возникли. Но не о том сейчас моя речь.

Меня все время томили чувство одиночества и невозможность ни с кем поделиться тайной своего миллионерства. Иногда я начинал казаться себе каким-то прохиндеем, который ценой смерти брата родного заимел жизнь почти вечную и не знает, что с ней делать. Но больше всего меня то угнетало, что талант мой застыл на точке замерзания. Некоторые мои товарищи по литобъединению уже в толстых журналах густо печатались, а я сидел у моря и ждал погоды. У меня был творческий запор.

И вот решился я потолковать обо всем этом с Вадимом Шефнером. Почему именно с ним? На то имелись особые причины. Во-первых, мне нравились некоторые его стихи, правда, не все. Не те, где он со своей колокольни, а вернее — с кочки, поучает всех и каждого, как нужно жить, а те, где он вроде бы сам с собой наедине размышляет. А во-вторых — и это всего важнее, — я был знаком и с прозой его сказочно-фантастической. Правда, сам я ее, между нами говоря, не читал, я фантастику терпеть не могу, но когда на флоте служил, один мой сослуживец, Гена Тарашенко — наши койки рядом стояли, — очень интересовался шефнеровской фантастикой и часто пересказывал мне ее. Я, чтоб человека не обидеть, его не перебивал.

Раз Гена подсунул мне одну шефнеровскую фантастическую книжицу — читай, мол, и радуйся. Я честно страниц пять прочел, больше одолеть не мог. Ведь Шефнер писал даже не научную фантастику, а неразбери-бери что, смешивал бред и быт. Но теперь, в данном-то, в особом случае, именно этим он и был для меня подходящ. Я надеялся, что раз он пишет такое, то поймет, расчухает, в какую каверзную ситуацию я влип, и что-нибудь да присоветует.

Ну, а в-третьих, тут имел значение и территориальный фактор. Мы с Клавирой обитали в те годы на Гатчинской, а Шефнер тоже жил на Петроградской стороне, через две улицы от нас. Я его частенько видел на Чкаловском проспекте, но в разговор не вступал. В лицо я его давно знал — он у нас на литобъединении несколько раз выступал. Имелась у меня, между прочим, и пара его стихотворных сборников, с фотографиями. Но в книги свои он совал такие снимки, на которых выглядел моложе и симпатичнее, чем в реальности. Будь у меня все в порядке — не стал бы набиваться на общение с ним.

Однако беседа нужна была мне. И вот однажды в субботу увидел я его на углу Чкаловского и Пудожской и подошел к нему. Я сразу заявил, что мне понравилось его стихотворение «Петербургский модерн» (я его в журнале недавно прочел), и стал объяснять, чем именно понравилось. Шефнер слушал в оба уха и одобрительно глядел на меня правым глазом (левым он не видел). Потом спросил, как

меня звать. Услышав мое имя, сказал, что читал кое-что мое, и даже процитировал четыре строчки.

— Значит, вам нравятся мои стихи?! — наивно выпалил я.

— У меня просто память хорошая, — буркнул он. — У вас встречаются очень даже неплохие строки, но очень уж неровно вы пишете, банальщина какая-то так и прет из вас... А почему ничего вашего давно в печати нет?

— Вадим Сергеевич, вот об этом, я и хочу потолковать с вами с глазу на глаз, в домашней обстановке. Нельзя ли мне забрести к вам?

Он сразу скис, заюлил, начал целую баррикаду громоздить из отговорок. Это тот человек был!

— Вадим Сергеевич! — с чувством заявил я. — Тут не только в стихах дело, тут вообще очень важный для меня разговор и для вас интересный. Я вам о себе такое выплесну, что вы без пол-литра закачаетесь!

Тогда он нехотя выдал из себя:

— Ладно. Приходите завтра в час дня.

Я спросил у него точный адрес — и мы расстались.

На другой день в тринадцать ноль-ноль я чин чинарем явился к Шефнеру. По пути забежал в одну торговую точку, хватил два стакана вермута по два двадцать бутылка — для самоутверждения. Жил Шефнер в обыкновенном жэковском доме. Дверь в квартиру открыла мне очень миловидная и симпатичная женщина: то была Екатерина Павловна, жена Шефнера.

— Вадим, это к тебе! — крикнула она в коридор.

Шефнер вышел, пригласил меня в свой кабинет. Там стоял письменный стол — почему-то совсем голый, ничего на нем не стояло и не лежало. Еще я запомнил невзрачный секретер, диван, три кресла, столик с пишущей машинкой. Вообще — обстановка не ахти какая. Правда, много было стеллажей с книгами.

На одной стене, в просветах между стеллажами, висели изображения парусников и военных кораблей, на другой — попеременно — портреты Достоевского, Пушкина, Гоголя, Блока, Тютчева, Заболоцкого, Булгакова, большая фотография Зощенко и портрет какого-то полного мужчины

в старинном завитом парике. Я спросил у хозяина, кто это такой.

— Джонатан Свифт, — ответил Шефнер. — Разве вы его не читали?!

Я честно ответил, что в детстве прочел «Гулливера», но в той книжке портрета автора не имелось. Тут Шефнер сказал, что я обязательно должен прочесть Свифта в полном академическом издании, потом перескочил на Герберта Уэллса, потом вдруг заговорил об Одоевском — это, мол, не вполне оцененный писатель. Затем завел похвальную речь о Рэе Брэдбери, Станиславе Леме, о братьях Стругацких... Потом понес какую-то мусть насчет того, что в фантастике должны действовать самые обыкновенные люди и что всякая хорошая фантастика в какой-то мере всегда автобиографична. Мне до всего до этого было как до лампочки.

— Вадим Сергеевич, — вежливо прервал я его. — Мне, ей-богу, не до фантастики. У меня на поэтическом фронте прорыв, да и все будущее — под вопросом. Я вам сейчас о самом себе факты выложу.

— Ну, выкладывайте, — как-то нехотя согласился он.

Я начал рассказывать все без утайки — начиная с детства. Рассказал о матери и об отце, тете Лире, дяде Филе, Валентине. О том, как мы стали миллионерами и что из этого вышло. Шефнер слушал внимательно, порой вставлял наводящие вопросы. Я понял: он мне поверил; ясное дело, в уразумении моей особой ситуации ему помогли его полубредовые повести и рассказы. Я говорил долго, Екатерина Павловна нам дважды чай приносила за это время.

— Сложная история, — подытожил Шефнер. — В отношении поэзии вашей ничего вам посоветовать не могу. Но уверен, что в том оползне событий, который вы вызвали, лично вы ничуть не виноваты. Вы — пылинка, подхваченная бурей случайностей.

— Ну, а вот экстракт этот вы, Вадим Сергеевич, выпили бы? Только по-честному отвечайте!

— В молодости, пожалуй, выпил бы сдуру, — признался он. Потом добавил: — А в нынешнем моем пожилом возрасте, хоть и жить осталось с гулькиным носом, не стал бы пить. Потому что перебор в игре — это не выигрыш.

— Это вы, Вадим Сергеевич, так, для красного словца. Легко отказываться от того, чего вам не предлагают... Меня во всей этой катавасии больше всего угнетает не то, что я стал полубессмертным, а то, как я им стал. Ведь я брата родного угробил, с того все и началось.

— Кто знает, может быть, вы еще и встретите своего брата.

«Ну и трепло! — мелькнула у меня мыслишка. — Я с ним по-серьезному, а он вола вертит». Но вслух я возразил ему так:

— Вы что, в бога, что ли, верите, Вадим Сергеевич?! В рай небесный верите?!

— Я верю во множественность миров, — строго ответил Шефнер. — Я вам сейчас одну цитату выдам. Из труда неглупого человека. — Он подошел к стеллажу, взял оттуда книгу (автора и название я запомнил) и прочел из нее нижеследующее: «Признав пространственную бесконечность Вселенной, мы должны признать и бесконечную множественность миров. Если думать дальше, то среди этого бесконечного количества солнц и планет разбросано бесконечное же количество миров, в чем-то или во всем подобных нашей Земле. Среди этих геоподобий, несомненно, имеются и миры с зеркальной варианностью».

Я вдумался в эти слова, оценил их суть — и тут у нас с Шефнером беседа пошла уже на полном серьезе, без всякой там фантастики.

— Выходит, что где-то есть такая планета, где все как на нашей — только наоборот? — высказался я. — И значит...

— И значит, там не Павел убил Петра, а Петр Павла. Там вы можете найти своего брата. С ним там произошло все то, что с вами произошло здесь. И вот вы пожмете друг другу руки и отпустите друг другу невольные грехи ваши... Всего вернее, что встреча ваша произойдет не на той «зеркальной» земле, где живет Петр, а на какой-то промежуточной планете, которая находится точно посередине между нашей Землей и землей вашего брата. Но возможны и варианты...

— А ведь это здорово! — всколыхнулся я. — Извините, Вадим Сергеевич, я сначала подумал, что вы треплетесь, баланду разводите, а вы, можно сказать, луч надежды мне зажгли.

— Это очень слабый луч, учтите, — предупредил Шефнер. — Может быть, вы погибнете...

— Все равно — лучик-то светит! Вы мне цель жизни подбросили!.. Лет через сто — полтора ста люди наверняка к дальним планетам полетят, а мне дожить до того времени — плевое дело. Доживу — и стану мотаться по разным дальним мирам, — глядишь, где-нибудь и состыкуюсь с братом родным. И в день этой встречи вернется ко мне творческая поэтическая сила!

— Ну что ж, надейтесь. Надежды — сны бодрствующих, как сказал один мудрец... Вот только плохо, что от вас каким-то мутным пойлом пахнет. Не пейте вы бормотухи всякой, а то, невзирая на миллионерство, быстро загнетесь.

— Я теперь себе сухой закон объявлю! — крикнул я.

— Ну, это уж перехлест. Все равно закон этот вы нарушите, и на душе будет тяжело, и выпить опять захочется.

Кот поклялся не пить молока,
С белым змием бороться решил,
Но задача была пелегка —
И опять он, опять согрешил.

...Я это по своему опыту знаю: когда-то за воротник сильно закладывал, в алкаши катился. Потом одумался... Но закаиваться не надо: жизнь — поездка дальняя, и на больших станциях иногда не грех осушить бокал. Однако пить на каждом полустанке — просто глупо.

— Спасибо за совет и беседу, Вадим Сергеевич. Если хотите — можете всю эту мою историю в свою прозу вставить. Я вам полную свободу действий даю. Разве что имена замените, а так катайте все как есть.

— Спасибо, может, и приму этот подарок.

Через несколько лет он прислал мне книжку прозы своей сказочной — с автографом даже. Адрес через спра-

вочный стол разузнал! Но книга пришла за день до моего отъезда в Гагры, мне путевку дали в санаторий общего типа — так что за чтение приняться я не успел. Потом в Гаграх получаю письмо от Клавиры, и она там наряду с прочими вестями сообщает, что начала было читать книгу — и бросила. Наворочено там всякого, и не понять, что к чему и кто кому должен. Мол, через такую, с позволения сказать фантастику, в дурдом загреть можно.

Когда я из Гагр вернулся, то решил все-таки, из вежливости, прочесть это творение. Но книги, оказывается, уже не было: Клавире для сдачи макулатуры в обмен на «Королеву Марго» бумаги по весу не хватило, так она туда, в утиль, и эту фантастику приплюсовала. Так я и не прочел, чего там Шефнер обо мне нагородил. Однако письмо с благодарностью я ему послал, культура есть культура.

Но вернусь к своему посещению Шефнера. Мы с ним в тот день еще долго беседовали, а потом он вдруг замолчал, задумался — и говорит:

— Я должен дать вам один очень важный совет на буду...

15. Авария в космическом пространстве

Уважаемый Читатель! Я вынужден буквально на полуслове оборвать повествование, которое вел от лица Павла Белобрысова, и далее вести речь от своего имени.

Напомню, что наши долгие неделовые разговоры с Павлом всегда происходили в то время, когда мы несли визуальную вахту в «пенале». Заодно повторяю, что дежурства эти прагматического значения не имели; после аварии они были отменены.

Авария произошла во время нашей вахты. Павел оживленно рассказывал мне о Шефнере — и вдруг мы, сквозь лобовое телескопическое стекло, одновременно обнаружили огненную движущуюся точку. То была не звезда, то было блуждающее небесное тело!

Мы одновременно нажали на алармклавиши и переместили кнопки курсоотметчиков за красную черту. Действия наши имели лишь символическое значение:

следящие системы корабля гораздо раньше нас засекли неизвестный объект, и электронный локман уже вступил в действие, вычисляя варианты изменения курса с целью избежать столкновения. Из рупора прямой связи послышался сигнал «Опасность номер один!» Согласно аварийному расписанию, мы должны были надеть спецафандры и оставаться в «пенале», ожидая дальнейших распоряжений.

Увы, избежать столкновения не удалось. Нам повезло только в том смысле, что удар метеорита пришелся не по кормовой части, а по миделю. В силу особенностей конструкции «Тети Леры» защитная обшивка бортов в миделе была массивнее; удар метеорит в корму — он неизбежно проник бы в глубь корпуса и разрушил бы двигательные системы, что неизбежно привело бы к гибели корабля со всем его экипажем. Но и то, что случилось, было весьма печально. Все подробности аварии изложены в «Общем отчете», в мою же задачу входит изложение личных впечатлений и — главное — действий и высказываний Павла Белобрысова.

Итак, по сигналу «Опасность номер один!» мы с Павлом кинулись к контейнеру, где хранились скафандры, и спешно облачились в них. И как раз вовремя! Через секунду «пенал» огласился тревожным воем ревуна; то было последнее предупреждение о летальной опасности. В то же мгновение резким толчком нас отбросило к стенке «пенала», затем швырнуло на пол; это было результатом реверсманевра. Корабль содрогнулся от удара. Невидимая сила швырнула меня куда-то, а сорвавшийся с консолей пульт ударил по шлему скафандра, и на какое-то время я утратил представление о действительности.

— Просыпайся, приехали! — как бы сквозь стену услышал я в шлемофон голос Павла. —

Сказал я старику закатных лет:
«Ты много спишь, соннолюбивый дед!»
Потягиваясь, мне ответил он:
«Я трепируюсь. Близок вечный сон».

Произнеся это загадочное четверостишие, мой друг навел на меня свет от своего, вмонтированного в шлем фона-

рика и помог мне встать. В «пенале» было еще темнее, чем обычно: линзы мягкой подсветки вышли из строя. Из-за этого ярче казались звезды, мерцавшие во тьме за стале-стеклянными стенками «пенала».

— Ну как, не треснул твой ценный скелет? Черепушка цела? — осведомился Павел.

— Все в норме, — ответил я. — Но встряска была довольно сильной.

О силе удара свидетельствовал и интерьер «пенала». В неярком свете наших фонариков видны были валявшиеся на полу телеюпитры. Одно из кресел, до того наглухо принайтовленное к полу, теперь лежало возле входа в гермолюк. Верхняя крышка этого люка, в точке ее соприкосновения с обжимной колодкой, оказалась деформированной, и педальное устройство вышло из строя. Это означало, что мы заперты в «пенале» и не сможем покинуть его без посторонней помощи. Наиболее же тревожным фактом было то, что подача дыхательной смеси в «пенал» прекратилась; мало того, внутренний бароприбор показывал полное падение давления — очевидно, в местах соединения «пенала» с основным корпусом корабля образовались зазоры. Таким образом, мы могли рассчитывать только на «горбы» своих скафандров, где имелся запас дыхательной смеси (усреднение) на пятьдесят минут дыхания.

Посоветовавшись, мы с Павлом решили воздержаться от сигналов о помощи. Нам было ясно, что «Тетя Лира» получила серьезные повреждения и все силы экипажа сосредоточены сейчас где-то на главном аварийном участке, где идет борьба за живучесть корабля. Сами же мы предпринять попытку возвращения в корабль не имели морального права: мы не знали, как обстоят дела в межлюковой кессонной камере; если и там произошла деформация, то мы своей неосторожной попыткой могли разгерметизировать весь корабль.

Чтобы рациональнее расходовать запас дыхсмеси, мы, расчистив от обломков участок пола, легли животами вниз и постарались расслабить мускулатуру до предела. Я даже попытался заставить себя ни о чем не думать: ведь и на это идет энергия. Но не тут-то было!

— Два матроса лежат, как два матраса, — слышался голос Павла. —

Не бойся того, что случилось когда-то, —
Гораздо опаснее свежая дата!

Меня покорило. Мне не нравилось это грубое шутство. Но все же я порадовался, что мой друг именно так встречает опасность. В который раз я поразился странной многосторонности его натуры: еще несколько минут тому назад он, порой впадая в какую-то расслабленную сентиментальность, плел мне свои ностальгические небылицы, а теперь, когда вплотную подступила неожиданная беда, он совершенно спокоен. Я подумал, что если бы Павел захотел освоить военную историю, то он, несомненно, изучил бы ее с такой же дотошностью, с какой изучил мирную жизнь XX века, и из него вышел бы хороший воист. По всем остальным данным он вполне достоин этого звания. Правда, склонность к стихоплетству... Но ведь это никому не мешает, это его личное дело.

Мои размышления были прерваны резким зуммер-сигналом. Затем слышался голос старшего астроштурмана Карамышева:

— «Пенал», доложите обстановку! Потери есть?

— Потерь нема, — ответил Павел. — Но, возможно, будут. Люк заклинен, подача воздуха из корабля прекратилась, так что мы — в безвоздушном пространстве. Воздух у нас — только в «горбах». Настроение приподнятое.

— Уточните последнее слово, не понял.

— Настроение бодрое.

— Благ-за-ин! Как долго можете продержаться? Докладывает каждый в отдельности.

Я взглянул на нарукавный цифроид — там в этот момент пульсирующее, фосфорически светящееся число «39» сменилось на «38» — и отрапортовал:

— Имею запас дыхсмеси на тридцать восемь минут дыхания.

— Имею запас на сорок одну минуту, — доложил Павел.

— Через десять минут сообщу срок прихода помощи, — произнес астроштурман. — Экономьте дыхсмесь, не двигайтесь, примите позы отдыха.

— Уже приняли, — ответил Павел. —

Не щадя своих усилий,
Отдыхает кот Василий.
Дни и ночи напролет
На диване дремлет кот.

Стишка этого Карамышев уже не услышал, так как вырубил связь раньше. Но вскоре опять послышался зуммер, и астроштурман сообщил, что в кессонной камере в результате аварии полностью вышла из строя автоматика. Чтобы вызволить нас, потребуется время... Экономьте дыхательную смесь!

— Благ-за-ин! — ответил я. — Информировать нас об обстановке на «Тете Лире».

— Пробит правый борт в районе отсека биогруппы. Повреждены переборки. Погибло восемь человек. Идет аврал по заращиванию пробоины. Ввиду смерти Терентьева его обязанности взял на себя я. Сеанс связи окончен.

— Жаль Терентьева, ой как жаль! — услышал я тихий голос Павла. — Он ведь родня мне, теперь-то скрывать нечего. Я ему тогда, при наборе в экспедицию, доказал, что он мне пра-пра-правнуком приходится, и уговорил его. Он меня, можно сказать, по родственному благу сюда зачислил. Я ему пра-пра...

— Паша, прошу тебя: успокойся и не разговаривай! — прервал я его. Я решил, что у него началось кислородное голодание, в связи с чем ностальгический настрой его психики преобразовался в бред. Павел внял моей просьбе и замолчал.

Мы лежали молча — лицом вниз, спиной к звездам. Время текло не то слишком быстро, не то слишком медленно, не то вовсе остановилось.

— У тебя сколько осталось? — спросил вдруг Павел. Я сразу понял, о чем речь, и взглянул на цифроид.

— Девять, — ответил я.

— А у меня — тринадцать. Я с тобой поделюсь. Ты же не виноват, что у тебя легкие объемистее моих.

— Паша, не делай этого! Я запрещаю!

— Ну ладно, заткнись, — буркнул он.

В скором времени я почувствовал затрудненность дыхания. Чтобы не подвергать себя постепенному удушью и считая, что помощь уже не поспеет, я решил сбросить с головы гермошлем — дабы сразу погрузиться в обезвоздушенную пустоту «пенала». Я потянулся рукой к соединительному кольцу, хотел нажать на штуцер, но рука заблудилась в пространстве, онемела. Какие-то цветные многоточия вдавились в мои зрачки...

...И вдруг сознание вернулось ко мне. Оказывается, Павел подсоединил питательный микрошланг своего «горба» к ниппелю моего «горба». На какое-то короткое время наши воздушные запасы уравнились. Затем нам обоим пришлось одинаково плохо.

16. Спаситель, но убийца

Первое, что я почувствовал, — это то, что на мне нет скафандра и что лежу я на чем-то мягком. Затем я открыл глаза и увидел, что надо мной склонился Саша Коренников, зубной врач экспедиции, — человек с вечно напряженно-серьезным лицом, по нраву же — общительный и даже веселый; он со всеми был на «ты». Я вспомнил, что Павел зовет его то дантистом, то Дантом, то Дантоном, то даже Дантесом — и тот не обижается: ему, кажется, даже нравятся эти Пашины подшучивания. Но сейчас выражение лица Коренникова вполне соответствовало серьезности момента. Держа в левой руке картосхему, левой он нажимал на клавиши датчиков, вмонтированные в нависавший надо мной энергохобот. Я понял, что лежу в реанимационном комбайне.

— Как самочувствие? — спросил Коренников.

— Почти нормально. Только легкая слабость и очень хочется спать.

— Благ-за-ин! Видимо, так и должно быть. Через полчаса перейдешь в каюту.

— Где Паша Белобрысов? — в упор спросил я.

— Жив, жив, — успокоил меня Коренников. — У него была пятая степень*, а у тебя — четвертая... Вам повезло: реакомбайн, к счастью, расположен в десятом отсеке, его не повредило при аварии.

Только теперь я осознал, что происходит нечто странное: реакомбайном, по всем земным и небесным правилам, должен управлять главврач или, на худой конец, дежурный врач, но никак не дантист. Конечно, и зубные врачи космического профиля получают некоторую общемедицинскую подготовку, но ведь только теоретическую...

— Саша, почему именно ты командуешь комбайном? — спросил я.

— Больше никому. Вся биомедицинская группа погибла. Я спасся случайно...

И далее он поведал мне, что примерно за полчаса до аварии в биомедицинском отсеке началось научное совещание космобиологов и медиков, на котором, естественно, присутствовал и он, Александр Коренников. Он успел прослушать часть доклада космобиолога Олафа Нордстерна «Прогнозирование фауны планеты Ялмез на основе некоторых биоспецифических данных планет Третьего пояса дальности», а затем его, Сашу, по сигналу нулевой тревоги вызвали на сборный пункт дегазационной бригады, членом которой он является. Едва он вышел в коридор, как в нос ему ударил весьма сложный и неприятный запах: пахло ночной фиалкой, но к этому аромату примешивался смрад хлева. Это — как всегда, неожиданно — раскрылась очередная серия ампул дяди Духа с новой ароматической композицией.

Коренников получил дегоборудование и персональное задание от бригадира дегазировать пять кают по правому борту, в том числе и каюту Терентьева. Когда он вошел туда, Терентьев пожаловался ему, что «проснулся от мерзкой вони» (он отдыхал после вахты), и спросил, есть ли

* Имеется в виду шестибалльная смертная шпала ГИР (Главного Института Реанимации). Оптимальная степень смерти характеризуется цифрой «1». Те, чья смерть соответствует цифре «6», реанимации не подлежат.

сейчас на нашей небесной посудине хоть какой-нибудь уголок, где не пахнет цветами и дерьмом. Коренников ответил, что он только что из биомедотсека, там атмосфера вполне нормальная; Благовоньев, видно, не сумел проникнуть туда. Тогда Терентьев заявил Саше: «Вот туда я и отправлюсь — и доклад послушаю, и из этого плена ароматов вырвусь».

Он ушел, а Саша Коренников приступил к деароматизации его каюты. С помощью искателя он выявил местонахождение одной из ампулок: хитроумный дядя Дух ухитрился закрепить ее под полкой шкафа, где хранились звездные атласы. Саша сунул ее в герметическую сумку и в этот момент услышал сигнал опасности номер один. Затем его толкнуло, тряхнуло, швырнуло о стенку. Он упал, но быстро поднялся, добрался до своей каюты, надел скафандр. Вскоре по приказу Карамышева он направился в биоотсек, чтобы принять участие в заделывании пробоины. Но первым делом он — теперь единственный на корабле представитель медицины — осмотрел тела погибших. У всех восьми (с помощью плазмokonсилиатора) он констатировал шестую степень смерти. И Терентьев, и медики, и биологи при проникновении астероида в глубь отсека получили смертельные раны и мгновенно окоченели из-за космического холода, хлынувшего в пробоину. Их останки, по распоряжению Карамышева, были унесены в носовой рефрижераторный трюм: как известно, похороны погибших в пути всегда совершаются по прибытии на планету назначения.

* * *

Когда я вернулся в каюту, Павел уже храпел на своей койке. Я улегся на свою и тоже заснул. Спали мы очень долго и проснулись почти одновременно.

— Жалко Терентьева, — услышал я голос Павла. — Лучше бы уж я гробанулся. Несправедливо сука-судьба поступает.

Один поставлен к стеночке,
Другой снимает пеночки.

— Паша, но ведь ты тоже мог умереть, — высказался я. — Ты спасал меня, и сам чуть не погиб. Ты был к небытию даже ближе, чем я.

— Да, я пятерку заработал, — согласился он. — Но ты в этом не виноват. Учти, что я много-много старше тебя.

Хоть и далек кладбищенский уют,
Но годы-гады знать себя дают!

Мне тоже было невесело. Я вспомнил день нашего отбытия в Космос и дядю Духа. Если бы я был в тот день внимательнее, серьезнее, если бы я воспрепятствовал осуществлению его замысла, корабль наш был бы избавлен от ароматических ампул. И тогда не погиб бы Терентьев... Да, но ведь Саша Коренников тогда бы безусловно погиб. Выходит вот что: одного я погубил, другого спас. Убийца — спаситель...

17. Биологические слепцы

Вскоре Карамышев созвал в кают-компанию всех, кто был свободен от вахты. Он предложил нам встать и перечислил погибших. Привожу этот печальный перечень в алфавитном порядке:

Глеб Асмолов (астрозоолог и ветеринар); Урхо Виипурилайнен (микробиолог и астроботаник); Тит Мельников (лечврач — терапевт и эпидемиолог); Олаф Нордстерн (космобиолог и врач широкого профиля); Ерофей Светлов (биолог широкого профиля); Николай Терентьев (глава экспедиции); Иван Тимофеев (главврач, медик широкого профиля); Станислав Ухтомский (хирург широкого профиля).

Далее новый руководитель экспедиции сообщил нам, что кроме людских потерь мы понесли и потери материальные. Непоправимо вышли из строя биозащитные и биоразведочные подвижные агрегаты. В итоге — наша экспедиция как бы ослепла в биологическом отношении. Исходя из этого, мы должны вести себя на Ялмезе с крайней осторожностью и избегать лишних контактов с флорой и

фауной неведомой нам планеты. И каждый участник экспедиции, почувствовав малейшее недомогание, обязан немедленно заявить об этом Коренникову и лично ему, Карамышеву.

Мы находились в пути уже больше года, и за это время у нас состоялось немало совещаний, лекций, тестов-тренажей, но впервые из кают-компаний все расходилось молча, и молчание было мрачным. И каждый, шагая коридором мимо двери в биоотсек, невольно опускал голову. Дверь эта была теперь приварена к стене сплошным ферромикронным швом.

18. Ялмез все ближе

Теперь отсчет условного времени шел по убывающей. Тридцать суток полета до Ялмеза... Двадцать пять суток... Пятнадцать суток...

«Тетя Лира» перешла на плазмотанталовые двигатели; мы перемещались в пространстве с убывающей скоростью. В связи с этим формула Бельшева, Нкробо и Огатамы (о преодолении парадокса времени) утратила для нас свою силу, и мы получили возможность улавливать ближние радиосигналы. Но планета Ялмез соблюдала полное радиомолчание. Учитывая этот факт, планетовед Антон Гребенкин сделал сообщение, из которого явствовало, что или на планете этой еще не родился свой Попов, или цивилизация там, в силу неведомых нам причин, пришла в упадок.

— Наш пророк Гребенкин не учел третьего варианта, — сказал мне Павел, когда мы вернулись в свою каюту. — Может, ялмезцы эти учуяли своими приборами, что мы к ним приближаемся, и решили в молчанку поиграть. Из перестраховки. Может, они думают, что к ним какие-то космические бандюги летят.

Нужно нюх иметь собачий
И забиться в уголок —
А иначе, а иначе
Попадете в некролог.

...А всего вернее, что никого там нет... — с грустью в голосе продолжал он. — Не найду я там брата Петю... Зря летел. Сидеть бы мне на Земле и не рыпаться, тихо доживать свой миллионерский век.

Торопились в санаторий —
А попали в крематорий.

— Паша, оставь эти мрачные рассуждения и рифмования, — строго прервал его я. — Мы служим науке, и наше дело не расплескиваться в эмоциях, а воспринимать иномирянскую действительность такой, какова она есть.

— Вы правы, с вас полтинник! — насмешливо произнес мой друг и затем, улегшись на свою койку, добавил:

Медведь лежит в берлоге,
Подводит он итоги.

Вскоре он захрапел.

Обычно я преспокойно спал под его храп, но на этот раз сон не шел ко мне; сказывалось нервное напряжение. Я вспоминал Землю, Марину и детей. Затем мысли мои перепрыгнули на события недавние; я не мог забыть о том, что виновен в смерти Терентьева. Пусть косвенно, но виновен.

Вдруг Павел начал стонать. Я не знал, что мне надо предпринять. Потом решил разбудить его и, встав со своей койки, ударил своего друга по плечу. Он сразу пробудился и заявил, что ему опять приснился архитектурный сон.

— А что именно тебе снилось?

— Падающие башни и колокольни. И все они падали в мою сторону — знай увертывайся. Пропади она пропадом, такая архитектура!

— У тебя что-то с нервами, Паша, — сказал я. — Да и у меня тоже. Но лечиться нам придется уже на Земле.

— Почему на Земле?! — встрепенулся Белобрысов. —

Мы друг друженьку излечим
Без врачей и докторов
И веселье обеспечим
Средь неведомых миров!

Произнеся это, он встал с койки, вынул из ниши свой личный контейнер, извлек из него картонную коробку, а из коробки — бутылку, выполненную в старинном стиле из бьющегося стекла. На ней имелись выцветшая этикетка с надписью «Коньяк», а выше, у самого горлышка, — овальная наклейка с изображением трех звездочек.

— Сейчас спиритизмом займемся! Чуешь, что это такое? — победоносно спросил он, ставя сосуд на столик.

— Я догадываюсь, что это очень ловко сделанная имитация.

— Сейчас мы хватанем этой имитации, — объявил мой друг и поставил рядом с бутылкой два стакана. — Ты коньяк-то пил когда-нибудь?

Я ответил, что коньяка не пил никогда, но что однажды пил спиртное: на девятом курсе Во-ист-фака, когда мы изучали обычаи моряков XIX века, нам дали выпить по стакану натурального ямайского рома.

— Ну и как? Сильно окосел? — с живым интересом спросил Павел.

— Нет, окосения не произошло. Хотя я и опьянел, но на зрении это не сказалось. Ведь удельная сопротивляемость моего организма ядохимикатам равняется шестнадцати баллам по шкале Каролуса и Ярцевой.

— Сейчас мы посопровивляемся! — со зловещей многозначительностью изрек мой друг и, аккуратно раскупорив бутылку, налил в стаканы две равные дозы желтоватой жидкости. — По первой выпьем, не чокаясь. За брата моего... Думал — с ним разопьем эту посудину, да теперь чую, что не встречу его на Ялмезе... И никогда не встречу... Пей, Степа! Сопровивляйся!

Без коньяка
Жизнь нелегка,
А с коньяком —
Жизнь кувырком!

Я нехотя выпил. Павел налил еще.

— Теперь повторим — и опять же без чоканья. Помянем этого трепача Шефнера, который при своей жизни втравил меня в нынешнее путешествие... Я тогда, как вы-

шел от него, сразу в магазин на углу Чкаловского и Пудожской потопал и эту бутылку купил. Этому коньячку, Степа, две сотни лет! Цени это, Степа!

Выпив вторую дозу, я почувствовал, что яд начинает действовать. Но я понимал, что если откажусь от третьей и последующих доз, то Павел все выпьет сам и это отразится на его здоровье.

— По третьей выпьем с чокотом! За нашу с тобой крепкую дружбу, Степа! Сопровитляйся!

Я принял очередную порцию яда.

— Степа, а ты уважение ко мне имеешь? — дрожащим от волнения голосом спросил вдруг меня мой друг.

— Паша, я тебя очень даже уважаю! — воскликнул я. — И за то, что ты хороший человек, и за упорную твою последовательность в ностальгизме! Паша, из тебя мог бы отличный воист получиться!

— Спасибо, Степушка! Я тебя тоже уважаю!.. Уважаю, хоть ни черта ты не разобрался в моей миллионерской судьбе...

Ничего не сбылось, что хотелось,
Сам себе я был вор и палач, —
По копейкам растрочена зрелость
На покупку случайных удач.

Из глаз его хлынули слезы.

— Паша, не плачь! Нет для этого причины!

— Есть причина! — рыдая, произнес он. — Я брата родного угробил.

Тогда я тоже заплакал. Потом растянулся на своей койке — и уснул.

Когда я проснулся, то первым делом бросил взгляд на телеэкран, вмонтированный в подволок каюты; планета Ялмез занимала теперь почти всю его поверхность.

19. Ялмез совсем близко

Прежде чем приводниться, мы девять раз облетели Ялмез, постепенно снижая высоту. На видеозэкранах видна была океанская ширь планеты. Вода занимала четыре

пятых ее поверхности, суша же состояла из одного огромного материка эллипсообразной конфигурации. Дрейфующих льдов не наблюдалось. Просматривалась материковая платформа; она простиралась в океан на расстояние значительно большее, нежели у земных материков. Исходя из этого, можно было предположить, что планета обладает многообразной морской флорой и фауной. Береговая часть материка изобиловала эстуариями рек, бухтами и мысами. Материк был покрыт густой растительностью, цвет ее (приблизительно) соответствовал цвету земных лиственных лесных массивов. Цветовая структура береговой части континента была более разнообразной: нетрудно догадаться, что леса здесь сменились кустарниковыми порослями, полями, болотами и песчаными наносами (дюнами). На фоне этих размытых цветовых плоскостей выделялись сероватые вкрапления различной величины; в их очертаниях угадывалась заданность, геометричность.

Все свободные от вахт члены экспедиции толпились перед большим экраном, вглядываясь в конфигурацию этих вкраплений. Все понимали, что это — поселения разумных существ. Однако недостаточная разрешающая способность нашей оптики не давала возможности увидеть ни жителей этих городов, ни их транспортных средств, если те и другие имелись в наличии.

— Живых мы там не найдем, — громко и грустно заявил Павел. — Мертвые помалкивают и не светят.

Навек, навек умолк поэт,
Дорожный бросив посох;
В его молчании — ответ
На тысячи вопросов.

Все давно уже привыкли к Пашиным высказываниям и относились к ним с благожелательной иронией; но на этот раз многие посмотрели на него с досадой. Несмотря на полное радиомолчание Ялмеза, несмотря на недвусмысленное сообщение астрооптика Зеленкова, что ночью на поверхности планеты не обнаружено источников искусственного освещения, а зафиксирована лишь одна световая точка, видимо, вулканического происхождения, — несмо-

тря на все это, всем еще хотелось надеяться, что нам предстоит встреча с живыми мыслящими существами. И немудрено, что Пашина беспощадная категоричность радости ни у кого не вызвала.

Увы, на этот раз Павел был прав. За сутки до приводнения, на Ялмез в двух шаровых капсулах были сброшены два ЧЕЛОВЕКА*: один — в центр континента, другой — на побережье. Первый («Боря») вскоре доложил по комплексной связи, что мягко приземлился в лесу, передал основные почвенные, экологические и температурные данные (все они не представляли для людей никакой опасности) и сообщил свои координаты. Шарокапсула второго («Андрюши») приземлилась менее удачно: она опустилась на кровлю какого-то монументального здания — и оттуда скатилась на улицу; ЧЕЛОВЕК при этом получил механические повреждения, но все же сумел передать по видео фасад строения с зияющими пустотой проемами окон и участок улицы, занесенной песком и поросшей кустарником и травой. «Андрюша» успел послать на «Тетю Лиру» и самоизображение; мы увидели, что шаговое устройство его повреждено и что он ползет по песку при помощи «рук». Через час он сообщил словесно, что видеобаланс исчерпан, и поэтому он, «Андрюша», хочет дать устный прощальный отчет. В целях экономии энергии он просит задавать ему вопросы, а он будет кратко отвечать на них.

Астроштурман Карамышев немедленно приступил к опросу «Андрюши»:

- Сколько ты прошел по городу?
- Тысяча триста двадцать шесть метров семьдесят три сантиметра проползено мною.
- Видел ли ты на своем пути одно, два, много существ, похожих на разумные существа?

* Это слово всегда пишется с уменьшенной буквы и произносится с особой интонацией — дабы подчеркнуть, что речь идет не о Человеке в подлинном смысле этого слова, а о самодвижущейся конструкции, отдаленно схожей с человеком и способной действовать самостоятельно в пределах своей схемы. Для удобства ЧЕЛОВЕКАМ даются имена или прозвища; их всегда заключают в кавычки.

— Проползая через одну квадратную улицу, на кубическом камне стоящего металлического человека видел я.

— Опиши его точнее.

— В руках у него условный инструмент типа гитара-балалайка. К голове припаяно кольцо из условных растений типа роза-фиалка.

— На твоём пути кто-нибудь шел, бежал, полз, летел навстречу тебе или по перпендикулярно?

— Три существа типа ворона-чайка летели навстречу; два существа типа кошка-собака двигались перпендикулярно.

— Какова на улицах средняя толщина песчаных наносов? Многослойна ли структура наносов?

Ответом было молчание. Мы все решили, что у «Андрюши» иссяк энергозапас.

И вдруг он снова заговорил:

— Они приближаются. Страшно мне.

— Что?! Тебе страшно?! — удивился Карамышев. — Но ведь чувство страха в тебе не запрограммировано!

— Они приближаются.

— Да кто «они»? Отвечай точнее!

— Они... Аналогичных, идентичных, адекватных понятий нет в словарном фонде моем. Объяснить не могу. Но страшно мне... Вот они удаляются. Они меня не тронули. Но энергия — вся.

И чЕЛОВЕК умолк навсегда.

— Благ-за-ин! — воскликнули мы хором. Информация оказалась очень ценной, хоть и негативной по своей сути. Что касается заключительной части сообщения, то все мы решили: она имеет нулевое значение, ибо, по всей вероятности, у «Андрюши» произошел технологический коллапс, исказивший его представление о действительности. Лишь много позже стало ясно, что под словом «они» он подразумевал метаморфантов. Но разве могли мы знать...

В тот же день Саша Коренников созвал всех в информаториум. Он важно поднялся на кафедру. На лице его сквозь обычную серьезность просвечивала радость. Неторопливо перебирая какие-то листки, он молчал — чтобы поднять интерес к своей сводке.

— Саша, не томі! — паслышался голас Белобрысова. —

Зачем, зубодер распроклятый,
Мучительный тянешь момент?
Тебе, стоматолог, сто матов
Измученный шлет пациент!

После этой странной реплики Коренников немедленно приступил к делу. Он сообщил весьма обнадеживающие данные. Спектрограммы показали, что атмосфера Ялмеза почти не отличается от земной. Что касается Эсхилла (ялмезианского солнца), то оно адекватно нашему Солнцу по своей мощности и не представляет для нас опасности ни в тепловом, ни в радиационном отношении. Далее Саша радостно известил нас, что биомикроструктура планеты весьма сходна с земной, за одним исключением: ни в воде, ни на почве, ни в воздухе биозондами не обнаружено никаких болезнетворных организмов.

Все были рады этим известиям, все повеселели. И только Павла Белобрысова не захлестнула почему-то волна всеобщего оптимизма. Подойдя к Коренникову, он сказал:

— Не рано ли ты возликовал, Дантон?

Если гладко все в начале —
Не спеши на пироги,
Ибо ждут тебя печали
И стервозные враги.

20. Мы приалмезились

— Внимание! Покидаем пространство! — паслышался из динамика голас Карамышева. — Каждый занимает личную компенсационную камеру!

Мы с Павлом отворили узкие дверцы в переборке каюты и вошли в свои компенсационные камеры. Дверца закрылась, выдвинулись эластичные жгуты, оплели меня; остро запахло каким-то медицинским снадобьем. Я утратил представление о пространстве и времени. Когда сознание вернулось ко мне, я услышал команду:

— Каждый считает вслух до десяти!

При счете «десять» дверца распахнулась. Я шагнул обратно в каюту. Странно знакомое ощущение овладело мной. Я не сразу понял, чем оно вызвано. И вдруг догадался: это качка!

— Поздравляю! Мы приводнились! — сказал я Белобрысову.

— Точнее сказать — приямезились, — изрек он. —

В порт мы вовремя прибыли,
Мы доставили груз,
А дождемся ли прибыли —
Утверждать не берусь.

— Внимание! — послышался голос Карамышева. — Корабль наш произвел посадку на планете Ялмез. Через десять минут — общий сбор на палубе. Наружная температура — плюс двадцать шесть по Цельсию.

Я взглянул на настенные часы-календарь. Они показывали 12:05. 07.08.2151 — по земному времени.

— Надо припижониться по такому случаю, — сказал Павел, открывая личный контейнер. — Как-никак — мы здесь гости... Только желанные ли?

Никогда не забуду
Чей-то мудрый совет:
Жди опасности всюду,
Где опасности нет.

Я тоже потянулся к своему контейнеру и извлек из него военно-морскую форму. Когда мы покинули каюту, на Белобрысове красовались старинный пиджак и рубашка с пестрым галстуком; брюки он надел узкие-преузкие, а голову его увенчивала лихо заломленная кепка. На мне же была фуражка с «крабом», китель с погонами, черные брюки и флотские ботинки.

Уже в коридоре чувствовалось, что «Тетя Лира» разгерметизирована: тянуло солоноватым сквозняком, бодрящей морской свежестью. У всех, спешивших на палубу, был празднично-оживленный вид. По внутреннему трапу мы вышли на ту часть поверхности корабля, которая после

приводнения преобразилась в палубу; верхние сегменты обшивки разомкнулись и опустились в бортовые карманы, выдвинулась рубка в мидельной части. В целом же палуба была гола и огромна по площади; отдаленно она напоминала мне взлетные полосы на музейных моделях старинных авианосцев. Как ни странно, но сходная мысль возникла и у моего друга.

— Как бы нашу посудину ялмезиане за военный корабль не приняли, — пошутил он. — Тем более, ты тут в военной форме торчишь.

Бог спросил у Сатапы,
Не предвидится ль войны.
Сатапа ему в ответ:
«Либо будет, либо нет».

Меня — в который раз — поразило, как дотошно изучил Белобрысов реалии XX века, в том числе и военно-морские. Сколько книг ему пришлось прочесть!.. И для чего?..

Размышления мои были прерваны звуками «Гимна Мирной Земли». Они все ширились, они парили над океаном. Одновременно в центре палубы распахнулся люк, и из него стала расти, уходя в ялмезианское небо, телескопическая мачта. На вершине ее развернулся алый с голубым флаг — символ нашей планеты.

Ветер дул силою не более балла. По океану шла мерная, широкая зыбь. Вода отливала неправдоподобной синевой — будто на старинных земных курортных открытках. Лиловатое ялмезианское солнце светило нам в спину. После замкнутого, тесного мира корабля, после его кают и заполненных приборами технических отсеков, ялмезианский мир казался ошеломляюще огромным.

Когда отзвучал гимн, Карамышев взял слово. Он сказал, что дает всему составу экспедиции, за исключением морской команды, сутки отдыха; «Тетя Лира» эти сутки будет дрейфовать с выключенными двигателями. Затем мы возьмем курс на материк, от которого находимся сейчас на расстоянии восьмисот километров. Там мы прежде всего исполним печальный долг — похороним наших погибших

товарищей. На ближайшие четыре часа внешними вахтенными назначены Белобрысов и Кортиков.

Мы с Павлом поднялись в обзорную рубку, сняли показания приборов, сделали первую запись в вахтенном журнале. Затем я доложил вниз по внутренней связи:

— Вахту несут Белобрысов и Кортиков. Особых обстоятельств нет. Поле обзора чисто. Под килем — шесть тысяч семьсот шесть метров. Отбой.

Мы опустили боковые заслоны из сталестекла. Теплый и влажный ветер продувал рубку насквозь. Громадный корпус «Тети Лиры» покачивался мягко, убаюкивающе.

— План по романтике выполняется успешно, а ко сну почему-то клонит, — прервал молчание Павел. —

Эх, вахтенный, не спишь ли ты?
Скорей расстанься с ленью!
Под килем кильки иль киты —
Ответь без промедленья!

Произнеся это, он нажал кнопку глубинного наблюдения. На экране возникли изображения мелких, юрких голубоватых рыбок. Потом не спеша проплыла большеголовая рыбина-шестиглазка; одна пара глаз у нее была на голове, остальные — на спине.

Затем зазвучал зуммер. Над стереорадаром зажегся сигнальный глазок. На экране возникло высокое раскидистое дерево. Оно одиноко маячило в двадцати километрах от нас. Ветви его были усеяны какими-то желтыми хлопьями; я решил, что это листья.

— Паша, нас сносит к какому-то островку. Надо доложить вниз.

— Чтоб не поддаться панике,
Не всякой верь механике, —

возразил Белобрысов. — Давай-ка воздержимся пока от сообщений.

Встретишь волка или гада —
Докладать о том не надо
Ни начальству, ни невесте, —
Им пужны благие вести!

Мы включили поисковый глубиномер — и тут выяснилось, что в радиусе пятисот километров от нас глубина ничуть не меньше, чем у нас под килем.

— Странно!.. Но ведь дерево-то мы видим, Паша!

— Оно плывет! — заявил Павел. — Плывет навстречу нам — вопреки течению и логике...

Через два часа дерево проплыло в пятидесяти метрах от «Тети Лиры». Корни его уходили далеко в прозрачную глубину. Дерево плыло своим курсом. То, что я издали принял за листья, оказалось сборищем ширококрылых желтых птиц.

Они ровными рядами сидели на ветвях и, глядя все в одну сторону, синхронно взмахивали крыльями, тем самым заставляя дерево перемещаться в океанском просторе. Они были как бы живым коллективным парусом. На вершине этого странного древа стояла птица — тоже желтая, но крупнее остальных. Она вертела головой во все стороны и издавала короткие ритмичные крики, в такт которым дружно работала крыльями вся стая.

Но вот верхняя птица умолкла, затем покинула свой командный пункт. Вслед за ней взвились в воздух и все остальные. Стала видна кора ветвей, усеянная мелкими синеватыми иглами, и многочисленные гнезда, сплетенные, по-видимому, из водорослей. Птицы же, приводнившись на некотором расстоянии от своего вертикального ковра, стали нырять — и каждая, поймав рыбу, тотчас возвращалась к дереву, неся добычу в клюве. Весь экипаж «Тети Лиры» столпился у правого борта, не в силах оторвать глаз от инопланетного чуда.

Павла эта, как он выразился, плавучая птицеферма навела на грустные размышления.

— И в какую же глухомань нас, Степа, с родной Земли занесло...

Нас к домашним пенатам
Не притянешь канатом!

И ни одного корабля на горизонте! И не будет! И брата я тут не найду, это уж дело ясное...

— Паша, оставь эти ностальгические мысли! — строго сказал я. — Вернись к реальности! Ты — на вахте!

— Степа, Степа! Неужели ты так и не уверовал, что я миллионер?! А я ведь тебе чуть ли не всю свою пятнистую биографию без утайки поведал!.. И еще шепну тебе, Степа, на полном секрете: устал я от своего долгожития.

Топочут дни, как пьяные слоны,
Транжирут жизнь свои грома и молнии —
А мне б сейчас стаканчик тишины,
Бокал молчанья, стопочку безмолвия...

— Паша, мы же на вахте! — повторил я. — Девятый пункт...

— Мне от твоих пунктов и параграфов уши судорога сводит! — с раздражением перебил он меня. Но потом, смягчившись, добавил: — А вообще-то ты человек невинный. И не такой уж благополучный, каким сам себе кажешься. Тебя еще жизнь до печенок проймет.

* * *

К ночи волнение моря упало почти до нулевого значения. Температура воздуха снизилась до 21 градуса и далее не понижалась. Многие тетелировцы, взяв на вещескладе раскладушки, вынесли их на палубу, чтобы ночевать под открытым небом. Так же поступили и мы с Белобрысовым.

Однако он не захотел спать рядом со всеми на миделе и оттащил свою койку на самый ют. Все с некоторым удивлением отнеслись к очередному чудачеству моего друга, но я-то знал, в чем тут дело: Павел не хотел, чтобы слышали его храп.

Ночь была звездная, но темная, и впереди предстояло немало таких ночей, ибо, как известно, Ялмез не имеет спутника, подобного нашей Луне. Лежа на раскладушке лицом к небу, я, прежде чем уснуть, долго наблюдал новые для меня пунктиры миров, стараясь мысленно построить из них условные фигуры, чтобы детальнее запомнить взаиморасположение звезд. Это могло пригодиться мне в навигационной практике.

21. Санаторий самоубийц

На следующий день в полдень были задействованы аквалантоловые двигатели, пришел в движение гребной винт — и «Тетя Лира» взяла курс на материк. По воде мы двигались отнюдь не с космической скоростью, и только на третьей сутки эхолот показал значительное повышение морского дна; начиналась материковая платформа. Еще через день берег стал виден в дальнотелескопы, не говоря уж о более совершенной оптической технике. Глубина теперь равнялась в среднем семидесяти метрам, и приборы предупреждали, что ближе к берегу имеются каменистые мели и песчаные бары. Карамышев назначил меня главным штурвальным и спросил, смогу ли я отстоять две четырехчасовые вахты. Я ответил, что это в моих силах.

Приказав снизить ход до десяти километров в час, я вел судно, не теряя из виду береговой линии и держа путь к дальнему мысу, который значился на карте, снятой при облете Ялмеза накануне приводнения: я полагал, что именно там приматериковые глубины позволят нам подойти близко к берегу. Заканчивая дежурство уже в сумерках, я порекомендовал Карамышеву воздержаться от ночного плавания в прибрежных водах, тем более что глубина, которая у нас сейчас под килем, дает возможность якорной стоянки. Карамышев согласился. Я дал вниз команду «стоп» и, когда корабль потерял инерцию, сорвал предупреждающую наклейку с реле, нажал клавишу — и в то же мгновение услышал шум якорной цепи, выползающей из клюза. Вскоре на табло вспыхнула зеленая точка: якорь забрал лапой за дно. Когда я осознал тот факт, что наш якорь лег на грунт чужой планеты, во мне вдруг пробудилась печаль по дому, по семье, по родному Ленинграду. В этот миг я, кажется, впервые ощутил, как далеко от нас Земля.

Перед тем как покинуть рубку, я, как в старину говорили, для подчистки совести, решил взять подводные данные в радиусе десяти километров. Поисковая стрелка спокойно прочертила свой путь почти по всей окружности

оповестительного экрана, и я хотел уже выключить прибор, как вдруг на экране возникли очертания корабля. Он лежал на глубине 63-х метров в семи километрах от нас. По магнитограмме можно было понять, что судно — металлическое и что водоизмещение его — не менее 12 000 тонн. Я немедленно доложил об этом Карамышеву. Тот распорядился так: завтра с утра взять курс в сторону погибшего судна, стать там на якорь и произвести обследование; это даст возможность получить некоторое представление о технике и быте ялмезиан еще до нашей высадки на континент.

Подводный тренаж на Земле проходили Павел, я и Виипурилайнен — астроботаник, погибший при недавней аварии; следовательно, водолазная бригада состояла теперь из Белобрысова и меня. Я был весьма обрадован заданием: у меня возникла надежда, что корабль этот — военный и через него я соприкоснусь с военно-морской историей Ялмеза.

Утро того дня было совсем штилевым, что способствовало выполнению задания. Когда «Тетя Лира» стала на якорь в нужной точке, мы с Павлом, облачившись в скафандры, через донный кессонный люк спустились по штормтрапу на дно океана. Следом за нами, неся запасные «горбы» с дыхательной смесью для нас и контейнер с приборами, сошел на грунт и ЧЕЛОВЕК*, приданный нам для технической помощи. Белобрысов дал ему имя «Коля».

— Был у меня знакомец такой, Николай Васильевич, — пояснил он. — Чемпион затяжного сна, лодырь отпетый, балбес непревзойденный, нытик нуднейший — а в душе парень неплохой. Теперь, через сотню с лишним лет, почему-то по-хорошему его вспоминаю...

Гора не сходится с горой,
Но жизнь свершает круг —
И старый недруг нам порой
Милей, чем новый друг.

* Напомню Уважаемому Читателю, что здесь имеется в виду ЧЕЛОВЕК с маленькой буквы, то есть самодвижущееся квазиразумное многоцелевое устройство.

...На песке росли водяные растения с продолговатыми синеватыми листьями. Среди них сновали стайки рыб, чем-то похожих на сельдей; ни одной шестиглазки мы здесь не обнаружили. Прозрачность воды оказалась удовлетворительной, и, когда я приказал «Коле» применить подсветку, погибшее судно стало хорошо видно. И сразу же выяснилось, что к военному флоту оно отношения не имело. То был винтовой двухтрубный пароход с тремя рядами иллюминаторов; многие из них оказались не задраенными, и это свидетельствовало о том, что судно погибло не во время шторма. Стояло оно на грунте с небольшим креном, обусловленным неровностью морского дна. На занесенной песком и илом палубе виднелись палубные надстройки, характерные для пассажирских судов. Свисая со шлюпбалок, темнели проржавевшие спасательные шлюпки, наполненные песком, поросшие водорослями; некоторые из них валялись возле борта — тали не выдержали. Возникло предположение: пароход затонул столь быстро, что пассажиры и команда не успели воспользоваться спасательными плавсредствами.

В верхней части кормы виднелась доска серебристого цвета, она резко выделялась на фоне изглоданной ржавчиной стальной обшивки. На доске клинообразными буквами были выведены какие-то слова — видимо, название судна и порт приписки.

— Дощечка-то — чистое серебро! — услышал я резкий, усиленный интронембраной голос Павла. — Богато жили господа!.. Мне бы в молодости такую оторвать — забодал бы втихаря и «Волгу» купил бы.

— Волгу? — невольно переспросил я.

— Это машина такая была, автомобиль, — небрежно пояснил мой друг, и я снова подивился: даже здесь, под океаном чужой планеты, он продолжает, теша себя, играть роль пришельца из XX века.

...Из песка торчала лопасть винта. Я приказал ЧЕЛОВЕКУ осторожно очистить ее от ржавчины и обнаружил на стали следы кавитации; это означало, что судно затонуло не в первом своем рейсе. Но почему затонуло? Это можно определить по характеру пробойны, однако искать

пробоину нужно не снаружи, ибо пароход занесен илом выше ватерлинии.

— Мы в эту лайбу снизу войдем, — прервал мои размышления Павел. — Пусть на нас этот хмырь небесный потрудится, ему обшивку прорезать — плевое дело.

Я счел разумным это предложение. Выбрав место поближе к корме, мы дали ЧЕЛОВЕКУ соответствующие указания.

— Порабатывай, порабатывай, трутень космический! Это тебе не в техноскладе на боку лежать! — торопил Павел ЧЕЛОВЕКА.

— Порабатываю я. Это не в техноскладе на боку лежать мне, — отвечал «Коля», орудуя гидромонитором.

Когда к борту был промыт удобный проход, ЧЕЛОВЕК плазменным резаком вырезал в обшивке прямоугольное отверстие 1х2 метра. Едва он отвел в сторону стальной лист, как из судна начала вываливаться какая-то темная комковатая масса. Уголь! Мы наткнулись на бункерную яму! Я приказал «Коле» расчистить вход, а когда он это выполнил, дал ему указание произвести обзорную разведку внутри судна, вернуться через десять минут и доложить обо всем, что есть.

— А в случае неявки
Поставлю вам пиявки, —

проскандировал Павел. Затем сказал: — Степа, а ты примечаешь, какие ободки у иллюминаторов?! Опять же аргентум!.. Ну, я понимаю: серебряная доска на корме — это для понта, для престижа. Но иллюминаторы — это уже суперпонт. Даже не верится...

Он вынул из нагрудного кармана скафандра анализатор и навел его на ближайший к нам иллюминатор. Потом, взглядевшись в микротабло, проговорил с каким-то детским испугом:

— Степа, тут на табло цифра «78» выпрыгнула! Это платина, Степа! Ты понимаешь, на какой клад мы нарвались! Везет, как утопленникам!

— Почему ты впал в такой ажиотаж?! — удивился я. — Спору нет, платина — металл в технике нужный, однако некоторые его свойства не вполне...

— Эх, Степан, не состыковаться нам в этом вопросе! При чем тут техника! Ведь платина — она даже золота дороже!.. Только ты не подумай, что я какой-то там куркуль недорезанный. Я знаю, что и в старину не в этом было главное счастье людское.

Бедным — плохо, богатым — хуже,
Им в достатке радости нет:
Кто не знал темпоты и стужи,
Что тому и тепло, и свет!

Вскоре посланец явился из разведки и доложил:

— Выход на крышу завален песком. Движущиеся существа типа щука-карась не агрессивны. В больших комнатах, в малых комнатах на полу много где секретные ваши конструкции видел я.

— Последняя фраза неясна и даже двусмысленна, — сказал я.

— Торгуй да не затоваривайся! — добавил Белобрысов. — Хоть нас таблетками «антисекс» на четыре года напичкали, но секретные конструкции наши — при нас! Мы на Земле свое еще наверстаем!

Неприкрытую красоту
Видел мальчик у дверей —
И моральную чесотку
Займел в душе своей.

— Осмелюсь объявить, что вас не понял я, — четко произнес «Коля».

— Мы тебя тоже не поняли, — буркнул Павел. — Веди нас в нутро этой шаланды.

чЕЛОВЕК засветился и шагнул в глубь корабля. Мы последовали за ним. Начали с котельной. Техника соответствовала земной технике начала XX века: водотрубные камерные двухтопочные котлы, близкие по конструкции котлам Ярроу. Все они были изъедены ржавчиной и покрыты илом; механических повреждений не имелось. Экспресс-анализ шлака и нагара на колосниковых решетках показал, что морская вода вступила в химвзаимодействие с ними в тот момент, когда топки были в холодном, беспламенном

состоянии. Этот странный факт как бы опровергал внезапность катастрофы. Но ведь ялмезиане даже шлюпками не успели воспользоваться! Исходя из этого, морская вода должна была хлынуть в горячие топки, а никак не в остывшие.

— Может, судно в это время дрейфовало? — высказал предположение Белобрысов.

— Нет, Паша! — возразил я. — Никакой капитан не позволит своему кораблю дрейфовать невдалеке от берега!

— А может, капитан этот с ума скатился. Плавал-плавал, а потом подумал: «Ну вас всех к чертям! Сойду-ка я с ума». И сказал он команде: «Гуляй, ребята! Даю вам отпуск до Судного дня!» И началось тут...

— Вернемся к реальности, Паша! Быть может, авария произошла в то время, когда на пароходе вспыхнула эпидемия? Команда утратила работоспособность...

— Не слишком ли много удовольствий на один день — тут тебе и авария, тут тебе и эпидемия, — засмеялся Павел. — Ты хорошо обследовал там? — обратился он к ЧЕЛОВЕКУ, указав рукой вниз.

— Подвал осмотрел я. Ничего там не нашел я, — ответил «Коля».

— Темнишь что-то, тунец! А ну-ка води нас туда.

Мы спустились в трюм по наклонному ходу. Он был действительно пуст, если не считать множества массивных платиновых болванок, лежавших под слоем ила; ими было вымощено все днище. Несомненно, они играли роль балласта, способствуя остойчивости судна.

— По миллионам топаем! Прямо-таки священная дрожь меня пробирает! — высказался Павел. Он и в дальнейшем никак не мог привыкнуть к обилию платины на Ялмезе и к тому, что бывшие обитатели планеты относились к этому металлу без всякого почтения.

...Трюм имел пять отсеков, но все водонепроницаемые двери оказались открытыми. Получалось, что за плаучесть парохода не только не боролись, но и способствовали скорейшему его затоплению! Ошеломил нас и характер пробоин. Мы без труда обнаружили их в среднем отсеке; их имелось две, по одной в каждом борту. Заусени-

цы, рваные лохмотья железа окаймляли их не с трюмной стороны бортов, а торчали наружу. Дыры были пробиты изнутри! Судно погубили умышленно!

Я немедленно выдвинул предположение, что в то время на Ялмезе шла война, и вот на пароход, шедший под флагом страны «А», напал эсминец страны «Б». Пассажиров и команду взял в плен, а судно — на буксир. Но вскоре...

— Ррромантика! — насмешливо изрек Павел. —

Искусственные челюсти
Невыразимой прелести.

— Ты смеешься над моими догадками, но не выдвигаешь своих, — с досадой сказал я. — А ты-то сам в чем видишь причину гибели судна?

Но он уклонился от ответа и зачем-то придрался к чЕЛОВЕКУ, стал упрекать его в том, что тот умолчал о пробоинах.

— Доложить вам о том, что в доме есть, приказ был мне, — начал «Коля». — Вам о том, что есть, доложил я. Но дыра в стене — это не то, что есть. Дыра — это отсутствие того, что было в былом на месте данной пустоты. Вам о том, чего нет, не стал сообщать я.

— Ишь ты, софист какой выискался! С тобой спорить — все равно, что дохлую корову доить... Веди нас наверх! Да светись посильней, нечего тут режим экономии наводить!

Выслушав повеление Павла, чЕЛОВЕК включил самосвечение на полную мощность — и повел нас вверх по наклонному ходу. Мы очутились в камбузе. На занесенной илом кухонной плите нами были обнаружены платиновые сковороды, кастрюли, дуршлаги.

— Направь-ка струю гидромонитора вон туда, — приказал Белобрысов «Коле», указав на мусорный бак. —

Тот, кто живет, судьбой искусапный,
Того не охмурить уютом, —
Он не по злату, а по мусору
Вернее жизнь узнает чью-то.

Со дна бака мы извлекли несколько пустых консервных банок; следов коррозии на них не имелось, поскольку они были отштампованы из платины.

— Вот это тара! — снова взволновался Павел. — Хотел бы я откусить порцию килек в такой упаковочке!.. Только мы на этом лежащем голландце ни одной целой банки не сыщем.

— Почему ты уверен в этом? — спросил я.

— Смотри, Степа, как у них донца внутри исцарапаны. Кто-то выскребывал содержимое до последнего миллиграмма. Не от сытой это жизни!.. Я-то, Степа, понимаю. Влипал в такие ситуации. Раз до того оголодал, что пальто на базар снес. За гроши отдал.

Эй вы, волки с барахолки,
Спекулянты-маклаки,
Жизнь ударит вас по холке
И подденет на штыки!

По очередному пандусу мы поднялись в коридор, по обе стороны которого были расположены каюты, и вошли в одну из них. Ослепленные исходящим от ЧЕЛОВЕКА светом, навстречу нам метнулись рыбы. На невысоком возвышении — очевидно, то была койка — колыхались бледные ошметки какой-то ткани, покачивались стебли водорослей. Здесь же лежали останки ялмезианина. Кости вполне соответствовали человеческим, и череп тоже был аналогом человеческого.

— Так вот что ты имел в виду, докладывая нам о «секретных конструкциях наших»! — проговорил Павел, обращаясь к «Коле». — А мы-то, олухи, не поняли!.. Я еще какую-то секс-чепуху понес... Ты уж извини меня, «Николаша»!.. И вы, товарищ, — не знаю, как вас по имени-отчеству, — извините! — с этими словами друг мой поклонился останкам ялмезианина.

В соседних каютах мы тоже обнаружили кости погибших, а в кают-компании насчитали около двухсот черепов. То, что ялмезиане телесно подобны нам, нас не удивило, ибо и по их архитектуре, и по памятнику, о котором еще во время облета сообщил нам «Андрюша», можно было

догадаться об их соматическом сходстве с людьми. Удивила нас странная психология этих иномирян. Почему не искали они спасенья, если берег был так близко?

Разгадка — вернее, то, что тогда показалось мне разгадкой, — мелькнула у меня в тот момент, когда мы спустились на один «этаж» (как выражался ЧЕЛОВЕК) ниже — и опять по пандусу.

— Чего ты все время нас по наклонным плоскостям водишь, будто мы инвалиды?! — обратился Павел к ЧЕЛОВЕКУ. — Неужели по трапам водить не можешь? Ну, по лестницам, понимаешь?

— Лестниц в этом доме не видал я, — ответил «Коля».

— Паша, ключ к разгадке найден! — воскликнул я. — Это судно — плавучий санаторий для страдающих болезнями ног. Однажды оно вышло в очередной лечебный круиз, и в море капитан узнал, что началась война. Тогда он увел судно далеко в океан, заглушил топки и в дрейфе стал ожидать дальнейших событий. Но время шло, съестные припасы вышли — и он взял курс на родной берег. В пути пароход был захвачен вражеским крейсером, взят на буксир. Тогда, чтобы избежать плена, пассажиры и экипаж решили затопить судно, а затем спастись на шлюпках. Однако те члены экипажа, которые пробили отверстия в бортах, не рассчитали их сечения, не учли, что инвалиды не могут покинуть судно быстро. Вода заполнила пароход слишком рано...

— Может, Степа, война и была на этой мокрой планете — только к этим утопленникам она отношения не имеет, — безапелляционно изрек Павел. —

Ах, что там бой, походный строй
И посвист вражьих стрел —
Приходит худшее порой
Для тех, кто уцелел.

— Не понимаю, Паша. Выражай свои мысли ясней.

— Степа, я думаю, этот ковчег действительно долго болтался в океане, а затем, когда вышла вся жратва, жильцы его решили, что лучше уж им утопиться, чем причаливать к берегу. На суше их что-то очень страшное ожидало.

Овчарка жила у зубного врача —
И всех пациентов кусала, рыча, —
Но к боли той был равнодушен больной,
Поскольку боялся он боли иной.

— По-твоему, выходит, что эти иномиряне решились на коллективное самоубийство? — в упор спросил я.

— Вот именно! — ответил мой друг.

Вернувшись на «Тетю Лиру», мы подробно доложили обо всем Карамышеву и высказали свои предположения. К версии Белобрысова он отнесся с недоверием, мои доводы казались более обоснованными. Но в дальнейшем стало ясно, что ближе к истине был Павел.

22. Опасные похороны

15 августа 2151 года «Тетя Лира» бросила якорь на траверзе мыса Восьми; название это заранее дано было нами в память о наших погибших товарищах. Увы, в тот же день пришлось изменить это наименование на мыс Девяти.

После того, как была произведена дистанционная разведка, показавшая безопасность данного участка суши, от борта «Тети Лиры» отвалил поисковый катер №1, на котором находились, обернутые во флаги Объединенной Земли, тела погибших. Их сопровождало четырнадцать человек экспедиции во главе с Карамышевым; в число похоронной команды вошел и Белобрысов. Участникам похорон было выделено пять лопат; обычай требует, чтобы при погребении людей на чужих планетах не применялась автоматика, — и вот запасливый завхоз Вещников извлек из недр своего склада эти копательные инструменты.

Вся корабельная команда и часть научного состава по приказу Карамышева остались на корабле, причем я был назначен дежурным по судну. Вскоре после отбытия катера стала складываться неблагоприятная погодная обстановка: неся дождевые тучи и разводя волну, нарастал ветер с моря. Я начал опасаться, что если волнение усилится, то оно может сорвать «Тетю Лиру» с якорей и погнать к берегу. Поэтому я решил отвести корабль на двадцать километров мористее, и там на минимальных винтооборо-

тах стоять носом к волне. Выполнив этот маневр, я включил телеглаз, наведя его на берег.

Катер стоял у пирса, защищенного волноломом. И пирс, и брекватер были изрядно повреждены временем и штормами, но несомненно являли собой дело рук разумных существ. Слева от причала на берегу виднелись невысокие полуразрушенные строения, справа — поросшее травой поле, еще правее — многочисленные валуны, за которыми начинался лес. Среди поля уже темнела свежеврытая братская могила. Взяв крупным планом лицо Белобрысова, я увидел, что по щекам его текут слезы; впрочем, это могли быть и дождевые капли. В лица остальных взглянуться я не успел: по экрану вдруг пошли темные полосы, четкость смазалась, а затем изображение и вовсе исчезло. Решив, что всему виной мой недостаточный практический опыт работы с радиотехническими устройствами, я решил прибегнуть к дальнотелу; как известно, этот оптический прибор с радиотехникой не связан.

Как Вы знаете, Уважаемый Читатель, объемного изображения дальнотел не дает, да и дождь ухудшал видимость, однако я довольно отчетливо увидал всех стоящих возле могилы. Вот астроархеолог Стародомов подошел к Карамышеву, заговорил с ним о чем-то, тот кивнул ему в ответ — и Стародомов не спеша направился в сторону валунов. Позже я узнал, что он хотел выбрать камень, из которого можно было бы вытесать надгробную плиту для братской могилы. Но тогда у меня мелькнула мысль, что археолог надеется найти на камнях какие-либо ялмезианские письмена. Я изменил угол наклона вспомогательной линзы, чтобы внимательнее рассмотреть эти каменные глыбы, но поначалу ничего особенного не приметил. Валуны как валуны. Таких на берегу Балтики сколько угодно.

И вдруг моему взору предстало нечто неожиданное. За одним высоким, поросшим мохом камнем, притаилась какая-то фигура, напоминающая человеческую. Ялмезианин! Живой иномирнин! Но почему он прячется: из страха перед пришельцами или затаил недобрые намерения? Надо немедленно предупредить товарищей и, в первую очередь — Стародомова!

Я включил реле звуковой радиосвязи, отчетливо произнес личные позывные астроархеолога — но отзыва не последовало. Потом повторил вызов — результат тот же: Стародомов продолжал шагать к валунам. А ведь на нем был всепогодный комбинезон, в воротник которого вмонтировано безотказное микроустройство!

Тогда я обратился к Карамышеву, назвав его позывные: я хотел, чтобы он послал кого-либо вдогонку за Стародомовым, чтобы не дать тому подойти к камням. Но и Карамышев не захотел слушать меня!.. Я был изумлен, озадачен. Причина этого радионевнимания выяснилась позже. Меня не не слушали — меня не слышали! Меня не могли слышать, ибо метаморфанты обладают необъяснимым свойством (не прилагая к тому никаких усилий) искривлять магнитное поле в радиусе четырехсот тридцати семи метров, создавая вокруг себя зону радиобезмолвия.

Тем временем Стародомов приближался к камням. Когда до них оставалось метров тридцать, дисциплинированный археолог вынул из нарукавного кармана симпатизатор и, как я угадал по движениям его пальцев, включил прибор на предельную градацию. У меня отлегло от сердца. Как ты мог забыть, сказал я себе, что каждый из нас снабжен этим замечательным изобретением XXII века, безотказно внушающим добрые чувства к его обладателю всем живым существам! Уже не беспокоясь за Стародомова, я до предела усилил резкость изображения, чтобы крупным планом увидеть того, кто притаился за большим камнем.

И тут-то я разглядел, что только внешние обводы этого существа придают ему некоторое сходство с человеком. Мне предстало нечто неописуемо отвратительное, злобное, ужасное! Даже находясь на большой дистанции от этого чудища, я ощутил страх — и невольно отпрянул от глазка дальнотвора. Затем я ощутил страх за свой страх. Ведь о том, что я испугался, я обязан по возвращении доложить Ассоциации воистов — и поставить вопрос, достоин ли я впредь быть воистом. (Вернувшись на Землю, я так и сделал. Мне был выдан оправдательный рескрипт, но — для успокоения совести — я отказался от очередного повышения в звании.)

...Преодолевая отвращение, я снова прильнул к дальнору. За поросшим мохом валуном теперь не было никого. А вдали, мелькая в просветах между камнями, бежали по направлению к лесу два чудища, подобные тому, которое меня испугало. Затем я увидел Стародомова. Он неподвижно лежал на спине. Он был мертв. Когда я вгляделся в его лицо, мне опять пришлось ужаснуться. Исхудалое, обезображенное, словно изглоданное какой-то мучительной и долгой болезнью...

В устрашающих складках этого лица таилось и нечто такое, что вызвало во мне какое-то смутное воспоминание. Я напряг память — и вспомнил. Когда мне было восемь лет, мать взяла меня в гости к своей подруге, «медицке-историчке» (так она ее называла), Анфисе Васильевне Лекаревой. Там на маленьком столике перед диваном лежала толстая книга в черной обложке — «Болезни минувшего». Я раскрыл ее где-то посередине и увидел страшное лицо мертвеца. Под ним значилось крупным шрифтом: «Сент-Бедвиндский лепрозорий, 1893 год. Пациент, скончавшийся от проказы». Ниже шел текст, набранный мелкими литерами, но прочесть его я не успел: Анфиса Васильевна отобрала книгу, заявив, что нечего мне читать это, а то страшные сны будут сниться.

И вот теперь я увидал страшный сон наяву. Он был столь невероятен, что у меня возникло опасение: а здоров ли я психически? Но раздумывать об этом было некогда.

Надо было вести «Тетю Лиру» к мысу, тем более и погода улучшилась: хоть волнение на море и продолжалось, но ветер упал. Отдав по отсекам соответствующие команды, я взял курс к месту недавней якорной стоянки.

23. Перед броском на континент

Теперь снова поведу речь обо всем, что имеет прямое или косвенное отношение к Павлу Белобрысову. И опять напомним Уважаемому Читателю, что дела нашей экспедиции в более широком плане изложены в «Общем отчете».

Когда катер с похоронной командой пришвартовался, а затем был поднят на палубу и опущен в свой отсек, я

немедленно доложил Карамышеву обо всем, что произошло за время моей вахты, и (главное!) о том, что я увидел в дальнотзор. К моему сообщению он отнесся невнимательно и недоверчиво и заявил, что это могло мне померещиться из-за нервного напряжения. Я возразил, что я воист, а в воисты зачисляются лишь тех, чья нервоустойчивость не ниже девятого деления по шкале Даниэляна. Но Карамышев гнул свое: «Это вам почудилось». Далее он сказал, что Коренников действительно диагностировал у Стародомова смерть от проказы, но ведь Коренников — все-таки зубной врач, а не терапевт. Из дальнейшей беседы я понял, что участники похорон успели составить свою коллективную гипотезу гибели Стародомова. За год до отбытия на Ялмез астроархеолог вернулся с планеты Латона, где природно-биологические условия очень сложны и почти неисследованы. Вот там он, вероятно, заболел какой-то неизвестной землянам болезнью с длительным инкубационным периодом, здесь же, на Ялмезе, в силу неведомых нам специфических причин, болезнь «сделала спонтанный скачок».

Выслушав это, я откровенно сказал Карамышеву, что подобная теория мне кажется шаткой. И добавил, что между увиденными мною чудищами и смертью Стародомова есть какая-то причинная связь. Карамышев поморщился. Быть может, он решил, что у меня завелся «пунктик». Я вышел из спора, чтобы не утверждать его в этом подозрении. Ведь доказать я ничего не мог.

Вернувшись в каюту, я застал там Павла. Он был мрачен.

— Скоро, кореш мой безалкогольный, мы все на этом Ялмезе танго «Белые тапочки» спляшем. Нет, с этой планеточкой людям на «ты» не сойтись!

Клаустрофобке, деве молодой,
Агорафоб в любви признался раз,
А та в ответ: «Союз грозит бедой,
Нужны пространства разные для нас!»

Когда я поведал своему другу о чудищах, поначалу он тоже выразил сомнение, но иного порядка, нежели Карамышев.

— Степа, может, они только показались тебе страшными? Может, землянам с непривычки все чужое кажется опасным и уродливым? Но ведь внешность-то обманчива.

Людоед, перейдя на картофель,
Исхудал от нехватки жиров, —
И его заострившийся профиль
Агрессивен вдруг стал и суров.

Потом, после длительного молчания, он сказал:

— Ты, Степа, — человек с прочной психикой. Может, и правда там за камнями какие-то башибузуки кантовались. Но ведь умер-то Стародомов-бедняга не насильственной смертью, а от молниеносной проказы — так наш Дантес-зубодер определил... Страшное лицо у покойника было, мы все ошарашены... Мы его без всякой торжественности к тем восьми подхоронили... Но ужинать, Степа, все равно надо идти.

Даже чувство сострадания,
Даже адский непокой
От приятия питания
Не отучат род людской.

...За ужином властвовало молчание. Когда дежурный начал разносить тарелки с чечевицей, выращенной в теплицах «Тети Лиры», Павел не удержался и сердито прошептал:

— Опять эту высокополезную отраву дают!

Чечевицы он терпеть не мог, и это навело его на кое-какие мысли.

— Степа, а у того типа, что за камнем ховался, в руках ничего не было? Может, отравили товарища нашего? Нахлобучили, скажем, на голову мешок, — а в нем какая-то быстродействующая химия. А потом мешок под мышку — и айда в лес.

— Нет, Паша. Так могут поступать существа враждебные, но разумные. Я тебе повторяю: за камнем пряталось существо злобное, но неразумное...

— Но ты же сам гуторишь, что между смертью Стародомова и этими злыднями закаменными есть какая-то связь.

— Я уверен, что есть! Но пойдем мы все только тогда, когда высадимся на материк.

— Все ясно, Степа!

Волк ведет разведку воем —
Не откликнется ль волчица.
Человек в разведке боем
Должен истины добиться!

О разведке — разумеется, не «боем», а научной — подумывали все, в том числе и Карамышев. В тот же день были сформированы три поисковые группы: Центрально-континентальная, Южная и Северная. В последнюю, самую малую по числу участников, вошли Константин Чекрыгин (второй космоштурман и он же — специалист по инопланетным религиозным культам), Юсси Лексинен (космолингвист и спелеолог), Павел Белобрысов и я. Главой был назначен Чекрыгин, я нес ответственность за катер и безопасность на море. Всех поисковиков обязали соблюдать величайшую биологическую осторожность; однако не в связи с гибелью Стародомова, а в общем, широком смысле. Ведь все тогда еще (кроме меня) считали, что погиб астроархеолог по эндогенной, а отнюдь не экзогенной причине.

Нашей группе дали «вольный режим» — без жесткого графика передвижений; от нее не ждали серьезных научных открытий, ибо направлялись мы в ту часть материка, где климат суровее и где при съемке было обнаружено мало поселений городского типа. Поздним вечером мы при помощи ЧЕЛОВЕКА «Коли» переместили из корабельного склада в трюм катера контейнеры с лингвистической аппаратурой, белковыми консервами, концентратами, брикетным хлебом и прочими припасами.

— Жратвой на полгода запаслись, — резюмировал Павел. — Теперь главное — успеть съесть все это до того, как очоуримся.

Свинья молодая сказала, рыдая:
«К чему мне запас пищевой!
Я кушаю много, а в сердце тревога —
Останусь ли завтра живой?»

24. У врат Безымянска

В семь утра по местному времени мы вчетвером (плюс приданный нам чЕЛОВЕК «Коля») спустились в судоотсек, где, опираясь на распоры, стоял наш универкатор № 2. Я занял место в рубке, остальные прошли в обзорную каюту. Наверху раздвинулись створы люка, над катером нагнулся челночный кран — и через мгновение мы повисли над палубой «Тети Лиры». Затем перемещающий агрегат плавно опустил нас на воду. Наша Северная группа отбывала первой, и весь личный состав, стоя у фальшборта, провожал нас в путь. Все выкрикивали добрые пожелания.

По океану шла зыбь. Я поспешно отвел катер от борта «Тети Лиры». Поскольку первую стоянку нам предстояло сделать более чем через тысячу километров, я, чтобы спрятать путь и держать курс на Север вне зависимости от очертаний берега, вывел катер далеко в океан. Затем задал двигателю экономический режим — сорок километров в час. В этот момент ко мне подошел Павел.

— Надоело мне в каюте сидеть. У них там ученые разговоры... Подсменить тебя не треба?

— Нет. Курсопрокладчик — на фиксации... Ты какой-то хмурый, Паша, сегодня. Не захворал ли ты?

— Здоров, как бык... У меня, Степа, теория одна прорезалась. Все думаю.

Что со мною творится —
Я и сам не пойму:
Я б уснул, да не спится,
Все не спится уму.

— Что за теория?

— Степа, у меня твои чудища из головы не выходят. Может, это из-за них вся планета опустела? Может, они-то всех тут и угробили?

У людоеда душа болит,
На сердце печаль-досада:
Придется опять кого-то убить —
Ведь жить-то все-таки надо.

— То есть ты утверждаешь, что всех разумных ялмезиан уничтожили именно монстры?! — удивился я. — Предположение смелое, но бездоказательное. Чудища эти — явление отвратительное, но частное. Я убежден, что к общему ходу событий никакого отношения они не имеют... Но как тебе такое в голову пришло?

— Не знаю. Ни с того ни с сего.

Подбежал к нему подонок.
Разрыдался, как ребенок:
«Просто так, просто так
Дай мне денег на коньяк!»

Впоследствии я не раз удивлялся этой странной прозорливости моего друга.

* * *

17 августа мы без происшествий прибыли в точку намечавшейся высадки. Но эта условная точка, как выяснилось, интереса для нас не представляла. Низкий, топкий берег — и вдали небольшое селение, состоящее сплошь из полуразрушенных одноэтажных домиков.

— Тут пиплиотеки не найдешь, нам кород нужен! — заявил Лексинен. Он знал сорок шесть земных и тридцать восемь инопланетных языков, но на всех говорил с ингерманландским (а по определению Павла — с чухонским) акцентом.

— Лингвист прав, — поддержал его Белобрысов. — Надо дальше двигаться.

Нам у вас учиться надо,
Облака и журавли, —
Все, чего не сыщешь рядом,
Обозначится вдали.

— Здесь нет места для стоянки, — присоединился я. — А в трехстах километрах севернее — по картосъемке — находится крупное поселение.

— Что ж, продолжим путешествие, — подытожил Чек-рыгин.

Теперь я вел катер, следуя изгибам береговой линии. В 14:20 вдали показались как бы черные горбы, торчащие

из моря; то были затонувшие коммерческие суда. Вскоре стали видны створные знаки, вдающийся в море мол, накренившиеся подъемные краны, пакгаузы с провалившимися крышами. В десятке километров севернее порта, на расстоянии трех километров от океана, за песчаными заносами, из которых торчали верхушки фонарей и засохших деревьев (там когда-то, по-видимому, был парк), простирался большой город. Среди пяти- и шестизэтажных домов выделялось несколько высоких конусообразных строений — очевидно, религиозно-культового назначения.

Я выдвинул из рубки антенну анализатора и навел ее на берег. Матовую поверхность экрана пересекла тонкая, не толще волоса, линия.

— Никаких признаков технической деятельности, никаких энергоотходов. Город пуст, — отрапортовал я.

— И все-таки нужна визуальная проверка, — настороженно заявил Чекрыгин. — Если там есть хоть одно разумное существо, мы обязаны разъяснить ему цель своего прибытия и испросить разрешение на временное пребывание в данном населенном пункте.

— Учтите, что при верхнем режиме катер расходует два кубика энергосубстанции на каждые десять километров, — предупредил я.

— Все-таки нужен облет. Экономия — экономией, а дело — делом.

— Есть! Иду на облет! — четко произнес я. — Всем пройти в обзорную каюту!

Я повел катер к гавани. Некоторые фарватерные бакены уцелели, другие были сорваны штормами. Сам фарватер заилился, обмелел. Метрах в ста от берега я перешел на воздушный режим и взял курс на город. Мы его облетели дважды. Я почти не отрывал глаз от приборов, так что разглядывать улицы было некогда; успел только заметить, что со многих крыш полосами слезла зеленая или розовая краска, обнажив платиновую фактуру кровельных листов.

— По земным масштабам здесь жило около пятисот тысяч населения, — услышал я в переговорник голос Чекрыгина.

— Не заметили ли вы сооружений оборонного, военного характера? — спросил я.

— Насколько я понимаю — нет.

— Не везет тебе, Степа, не на ту планету нарвался, — пошутил Белобрысов. — Но ты не огорчайся.

Если б знал Колумб заранее,
Что откроет Новый Свет, —
Заявил бы на собрании,
Что в отплытье смысла нет.

...Мы вернулись в порт, где я приводнил катер в ковше. Когда-то он служил стоянкой для небольших спортивных судов. Теперь вход в него с моря преграждал широкий песчаный бар, что было нам на руку: даже в шторм сюда не дойдет большая волна. Пришвартовав наше суденышко к причальной стенке, мы начали высадку. Погода стояла теплая, но Чекрыгин приказал нам облачиться во всепогодные комбинезоны, ибо мы покидали катер на длительный срок. Последним на берег сошел я, предварительно задрав все люки и включив охранную систему.

Мы шагали по крупным шестигранным камням, между которыми росла высокая колючая трава. От нее исходил горьковатый запах. Он не был неприятен, но чем-то тревожил меня. Я подумал, что дядя Дух сразу бы определил его ингредиенты. Вслед за этой мыслью последовала другая, уже привычная: если бы в день отлета с Земли я предупредил Терентьева о том, что посещение «Тети Лиры» дядей Духом таит в себе опасность, — Терентьев был бы сейчас жив и смерть его не висела бы на моей совести. Мне вспомнился стишок Белобрысова, продекламированный им по какому-то другому поводу:

В душе его таится грех,
Совсем певедомый для всех;
Но в том, в чем все его вины,
Ни капли он не виноват.

Однако здесь было не место для длительных размышлений. Нам все время приходилось лавировать между полу-

развалившимися складскими строениями, штабелями полусгнивших ящиков, колесными грузовыми экипажами, в осевших кузовах которых колыхались стебли травы. Никаких насильственных, механических повреждений в порту я не обнаружил; все разрушения были работой времени, ветра, дождя, суточных и сезонных колебаний температуры.

Наконец мы очутились вне территории порта и теперь шагали гуськом по низменной топкой местности, где росли колючие кусты и деревья с чешуйчатой серой корой. Впереди шел Павел, высоко держа антенну охранного устройства, за ним — Чекрыгин, затем Лексинен, я замыкал шествие. Точнее — замыкающим был ЧЕЛОВЕК «Коля»; он двигался на некоторой дистанции позади людей, неся большой контейнер с космолингвистической аппаратурой, приборами и пищеприпасами. Кругом царил покой, и лишь небольшие голубоватые птицы нарушали тишину щебетаньем и шуршаньем крыльев. Они вились вокруг нас, некоторые садились на плечи; одна облюбовала место на антенне, которую нес Белобрысов. Птицы вели себя очень доверчиво, хоть симпатизаторов мы не включали.

Через полчаса мы поднялись на железнодорожную насыпь — такие я видел в старинных документальных земных кинофильмах, только там они были в лучшем состоянии. На этой шпале сгнили, стальные рельсы изглодала коррозия, на полотно взбежали кусты и деревья, покачивались на черных стеблях серебристо-матовые цветы.

— Какие красифые цфеты! Как шаль, что мы не знаем их наименофаний! — задумчиво произнес лингвист.

— Чует мое сердце, что не от кого нам будет узнать, как они назывались. Придется нам самим их окрестить, — тихо ответил Павел. —

Пробившись к небу сквозь камень,
Не зная хворей и простуд,
Седые лилии забвенья
Над неизвестностью цветут.

Кстати, пора нам дать очередную сводку на корабль, — заявил Чекрыгин. — И нужно придумать какое-то условное наименование для этого города, чтобы они там на «Тете

Лире» оформили его на основной карте как именную точку.

— Предлагаю назвать...

— Паша, не предлагай! — перебил я своего друга. — Хватит и того, что ты нашему кораблю такое имечко дал... Я советую назвать город так: Безымянск.

— Не возражаю, — сказал Чекрыгин.

Лингвист тоже возражений не имел. Да и Павел высказался «за». Он мог с пеной у рта отстаивать свое мнение, но если доводы собеседника оказывались сильнее, он честно признавал свою неправоту и никогда не обижался. Впрочем, во всем, что касалось его ностальгических догм и домыслов, он был неколебим.

Передав сводку, мы продолжили путь и вскоре поравнялись с пригородной станцией. По покрытому многослойным ковром опавших листьев пандусу поднялись на платформу, где на барханах из песка росла трава и те же лилии забвения. Затем, продираясь сквозь кустарник, вошли в одноэтажное здание. Стекла его высоких окон давно выпали из рам, пол и скамьи покрыли слои пыли, но стены, аккуратно облицованные голубоватыми изразцами, не имели ни единой трещины и готовы были простоять века. Посреди зала виднелась высокая каменная будка с окошечком, возле которой висела платиновая доска, вся испещренная непонятными письменами.

Лексинен подозревал человека и приказал ему опустить контейнер на пол. Вынув оттуда какой-то прибор, астролингвист направил его коническую трубу на доску.

Затем торжественно сообщил нам, что с этой минуты началось освоение землянами ялмезианского языка.

Затем мы, с трудом преодолевая густые заросли, обошли здание снаружи. Меня опять поразила точность работы строителей, добротность керамических плиток. Однако у Лексинена был свой взгляд на вещи: он сказал, что лучше бы стены были оштукатурены — тогда, быть может, ялмезиане оставили бы на них рисунки и вольные изречения, изразцы же для этого рода творчества не подходят.

Впрочем, один настенный рисунок мы все же обнаружили. Возле оконного проема черной масляной краской

намалевана была голова старика; злобно окарикатуренное изображение не могло скрыть благородно высокого лба иномирянина: чувствовалось, что он был весьма умен. Для еще большей издевки неведомый злопыхатель пририсовал птицу, похожую на ворону; она сидела на макушке старца, долбя клювом его череп и одновременно испражняясь на него.

— Шибко рассердил кого-то старичок! — резюмировал Белобрысов. — А, видать, неглуп был, очень неглуп.

Будь всегда себе министром,
Думай мудро, думай быстро, —
Чтобы творческие мысли
В голове твоей не кисли.

Мы вернулись на насыпь. Дошли до сортировочной станции, где на запасных путях стояли пассажирские и грузовые вагоны. На междупутьях росли деревья и кусты, колеса были оплетены стеблями трав. Рядом с покосившимся семафором, будто подпирая его, выросло дерево с голубоватым стволом. Его бледно-розовые листья ритмично шевелились, хоть стояло полное безветрие. Обойдя паровозное депо, мы свернули вправо — в заболоченный лес.

...Местность начала повышаться. Показалась кирпичная ограда с широкими воротами. Пройдя под аркой, мы очутились на кладбище. Из прямоугольных, поросших сорной травой холмиков торчали покосившиеся столбики — где каменные, где деревянные. Вверху они заканчивались У-образными раздвоениями. Кое-где возвышались массивные каменные склепы, украшенные рельефными изображениями крылатых русалок и птиц с рыбьими головами. Изредка встречались совсем маленькие холмики; над ними, между рогаткообразными верхушками столбиков, были натянуты проволочки, и на них висели плоские платиновые изображения рыб и русалок; при ветре они, очевидно, издавали негромкий мелодичный звон, но сейчас стоял штиль, и тишину нарушали только наши шаги.

Двигались мы не спеша, ибо Лексинен подолгу рассматривал дощечки с письменами, укрепленные на надгробных памятниках. Через некоторое время он сказал, что

начинает постигать счетно-цифровую систему ялмезиан, но чтобы понять ее вполне, ему необходимо увидеть более поздние захоронения. И вот мы вступили на ту часть кладбища, где памятники выглядели новее, где стиль склепов изменился, — в нем, если применять земные аналогии, появилась некая экспрессия, модерновость.

— А вы заметили, чем хорош этот участок? — негромко проговорил Павел. — Здесь нет этих маленьких могилок с погребушками.

К этому наблюдению моего друга астролингвист добавил, что он, Лексинен, уже расшифровал числовые значения многих надписей и может сказать с уверенностью: длительность жизни иномирян, погребенных на этом участке, была значительно выше, нежели у тех, что покоятся в старой части погоста. Видимо, в науке, в медицине, произошел какой-то фундаментальный сдвиг, если не сказать — взлет.

Но дальше нас ожидало нечто странное, нечто загадочное. Новая часть кладбища перешла, если можно так выразиться, в новейшую его часть, где уже не имелось ни роскошных склепов, ни прочих монументальных надгробий, где над могилами торчали наспех сколоченные деревянные «рогатки». Лингвист, рассмотрев приколотенные вкривь и вкось дощечки, сообщил, что продолжительность жизни ялмезиан резко снизилась, многие умерли совсем молодыми.

Далее тянулись ряды безымянных холмиков.

— Что-то с тыла их ударило, не учли чего-то, — высказался Белобрысов. —

Что страшит — того не бойся,
Не петляй туды-суды, —
Лучше ты щитом прикройся
От певедомой беды!

Эта часть кладбища не была огорожена, но слева, со стороны города, в нее упиралась стена. Она казалась здесь нелепой, алогичной. Всякая ограда имеет охранительное значение, она всегда отделяет некую заданную территорию от остального пространства. Эта же ограда тянулась от

города к кладбищу, ничего не разделяя и ничего не охраняя собой. Она обрывалась среди могил. Торец ее был вертикален, зацементирован, в цемент вделаны металлические скобы. Высота ее равнялась трем метрам, ширина — шестидесяти сантиметрам. В отличие от ранее виденных нами ялмезианских строений, это кирпичное сооружение поражало небрежностью, явной торопливостью выполнения: кладка велась кое-как, цементные швы не заравнивались.

— Военно-оборонного значения стена не имеет, — констатировал я. — Ее очень просто обойти.

— Эта стена — для ходьбы, — изрек Павел. —

В чьей-то памяти пестройгой
Страх такое место занял,
Что легла его дорога,
Тропки все перегрызая.

Чекрыгин согласился с догадкой моего друга. Он вспомнил, что на планете Альманзор, где много болот, кишящих ядовитыми пресмыкающимися, иномиряне строят между своими селениями многокилометровые пешеходные мостики. Затем он вынес решение: к городу пойдем по стене.

Мы забрались по скобам на плоскую вершину этой стены, помогли «Коле» втащить на нее громоздкий контейнер — и продолжили свой путь к Безымянску. На цементе там и сям виднелись отпечатки каблучков, из чего можно было заключить, что ограда действительно строилась для ходьбы и притом ялмезиане воспользовались ею сразу же.

Когда до городских строений оставалось километра четыре, ЧЕЛОВЕК вдруг опустил контейнер и сел возле него, свесив со стены свои пластмассово-металлические ноги.

— Ты чего, «Николашка», расселся! Совсем скурвился, лодырь! — закричал на него Белобрысов, шедший замыкающим. — Вставай!.. Или поломка в тебе какая?

— Исправен я, — ответил «Коля». — Но продолжать движение боюсь, страшусь, ужасаюсь, попугиваюсь я.

— Уж не знаю, что и думать, — признался Чекрыгин. — На всех планетах, где мне приходилось бывать, ЧЕЛОВЕКИ никогда не проявляли страха, они на это не запрограммированы. А здесь — уже не первый случай...

...С правой стороны, из леса, донесся невнятный шум. Он быстро нарастал. Скоро можно было различить треск ломаемых ветвей, топот, какие-то завывания. И вот на поляну, простирающуюся между стеной и лесом, вырвалось несколько крупных четвероногих. Они мчались к стене, явно ничего не соображая от страха. Напоминали они земных лошадей, но головы их были увенчаны рогами. Серые спины рогатых коней лоснились от пота, на губах пузырилась пена. Тычась мордами в кирпичную кладку, они выли громко и тоскливо.

— Симпатизаторы не включать! — приказал Чекрыгин. — Нам эти лошади не опасны, симпатизация же может расслабить их, задержать. А им надо спастись. Они бегут от охотников.

Тем временем животные, осознав непреодолимость препятствия, пустились в бег вдоль стены в сторону, противоположную городу. Вынув карманные дальнозоры, мы стали вглядываться в лес. Охотников видно не было. Мы решили идти дальше; ведь даже если мы и увидим их, воспрепятствовать охоте мы не сможем: люди не имеют права вмешиваться в действия иномирян.

— Эй ты, деятель жэка, хватить играть в нищего! — обратился Павел к чЕЛОВЕКУ. — Вставай, а не то вниз тебя спихну!

— Идти опасаясь, содрогаюсь, дрожу, трепещу я, — ответил «Коля», однако все же встал и взвалил на себя контейнер.

— Это ужасно! Это ужасно! — услышали мы взволнованный голос Лексинена.

Я подумал было, что его восклицание относится к несдержанной речи Белобрысова. Но нет! Астролингвист, побледневший, встревоженный, стоял, приложив к глазам дальнозор. Он сказал, что они — их трое было — промелькнули сейчас вон там в просвете между деревьями. Они спешат по направлению к кладбищу, преследуя рогатых коней.

— Кто «они»? — строго спросил Чекрыгин, наведя свой дальнозор на лес. — Там никого нет.

— Описать не могу, — глухо молвил Лексинен. Запнясь, он поведал нам, что хоть он и знает много земных и

иномирянских языков, но ни в одном языке нет слов, чтобы выразить, как страшны и отвратительны увиденные им существа.

— Понимаю ваше состояние, — серьезно произнес Павел. —

Я в темных поисках топу,
Напрасно голову ломая, —
Как подобрать слова к тому,
Чего не выразишь словами.

— Они ушасны, ушасны, — повторил лингвист.

— Тем не менее нам следует продолжать свой путь, — сухо сказал Чекрыгин.

25. Мы в Безымянске

Пешеходная стена окончилась на городской площади таким же вертикальным торцом со скобами, каким началась на кладбище. Мы спустились на занесенную песком мостовую. Безлунная ялмезианская ночь еще не наступила, но уже смеркалось. Шестиэтажные здания, обступившие площадь, были безмолвны, мрачно чернели пустые оконные проемы. Выросшие на наносной почве лилии забвения начали раскрываться к ночи; над их белыми чашами колыхались волокна холодного синеватого огня. Внезапно откуда-то вылетело несколько больших птиц. Они стали кружить над нами, крича громко, но не злобно и не встревоженно; потом улетели — и снова настала тишина. Затем послышался писк, сорная трава заколыхалась, качнулись лилии. К нам приближалось несколько небольших животных; походили они на земных кошек, но полному сходству мешали длинные висячие уши. Выпучив круглые глазищи, они начали рассматривать пришельцев, не проявляя при этом ни малейшего страха, хоть мы и не включили симпатизаторов.

— Ничего себе ушастики. Отвез бы домой парочку таких, да закон... — нарушил молчание Белобрысов. —

Не трожьте животных, ребята, —
Они симпатичный народ;
Людые пред зверьем виновато
На сто поколений вперед.

— Наша главная задача — найти место для ночлега, — объявил Чекрыгин. — Но прежде осмотрим вон тот постамент. — Он указал на середину площадки, где из дюны возвышался некий каменный пьедестал. — чЕЛОВЕК, запусти люксптицу!*

Над площадью на двух крылообразных плоскостях повисла мощная лампа-прожектор. В ее зеленоватом свете покинутые здания приобрели особую трагическую четкость. Мы подошли к широкому пьедесталу. Из гранита торчали платиновые обрубки ног, сама статуя валялась на пандусе, наполовину занесенная песком.

— Может, царя какого-то они свергли? — начал размышлять вслух Павел. — Ведь статую не ветер свалил, не землетрясение — тут зубилом поработали... Нет, ботинки больно уж простые, не царские.

Лексинен тотчас же подтвердил эту мысль Белобрысова, сообщив, что мемориальная надпись на пьедестале очень коротка, явно без титулатуры и состоит только из имени. Это был не царь, не полководец, но ялмезианин глобально известный. Затем астролингвист приказал «Коле» направить на лежащий монумент воздушный шланг. Когда статуя была очищена от наносов, Павел воскликнул:

— А старичок-то — наш старый знакомый! Мы с ним на станции встречались!

Действительно, лицо скульптуры имело явное сходство с той старческой головой, что была намалевана на стене станционного здания. Только здесь на лице этом яснее читался недюжинный интеллект, отчетливее проглядывало в чертах душевное благородство. В правой руке статуи можно было различить некое подобие стетоскопа; видимо, оригинал ее имел какое-то отношение к медицине. Но тем страннее и загадочнее казался нам этот поверженный монумент.

* Люксптица — осветительный прибор одноразового пользования, следующий в высоте за тем, кто его запустил. Срок действия — 1 час 48 минут.

— Подшибли, подшибли старикана, — покачал головой Белобрысов. —

Ах, чего ж вы мне попаделали,
Ах, чего ж вы мне пагадали!..
Утешайте меня педелями,
Утешайте меня годами!

...А может, он всех обидел, — продолжал Павел. — Видать, это профессор. Мало ли, изобрел какие-нибудь пилюли, все на них набросились, а потом вдруг болеть стали...

То, пад чем бились большие умы,
Стало опасней войны и чумы.

С площади мы свернули на широкую улицу, ведущую в сторону, противоположную океану. Пройдя с километр, остановились возле двухэтажного здания, на крыше которого маячила объемистая платиновая цистерна. Дом этот пострадал от времени и непогоды менее, нежели соседние; в некоторых его окнах даже стекла уцелели. Решив заночевать здесь, мы переступили через упавшую с петель дверь. Люксптица висела над улицей, но тут было темно, мы приказали ЧЕЛОВЕКУ светиться.

— Вам светиться буду, но впереди вас идти не буду, боюсь, подрагиваю я, — заявил «Коля».

— Вот заячья душа! — возмутился Белобрысов. — Ну и тащись позади, там тебя вернее кто-нибудь по чердаку долбанет!

Любит смерть нагрянуть с тыла,
Перед ней бессилен блат.
Если жизнь тебе постыла —
Становись в последний ряд.

...Посреди холла высилось мраморное изваяние богини — русалки с венком на голове. На стенах пестрели мозаичные панно с изображениями птицедеревьев. Топочное отверстие камина было выполнено в форме широко разинутой рыбьей пасти. Уцелел стол из зеленовато-серого

дерева, кресла с подлокотниками в виде клешней краба; однако мебель валялась в беспорядке, будто кто-то в панике метался по вестибюлю. В соседней гостиной, среди такого же хаоса, на полу лежали останки ялмезиан; мы насчитали одиннадцать черепов. (В ходе дальнейшего нашего пребывания на Ялмезе мы видели много останков, но чтобы не огорчать Уважаемого Читателя, впредь упоминать об этом не буду.)

По широкому пандусу, огражденному резными перилами, мы поднялись на второй этаж и приступили к осмотру комнат. При каждой имелись ванная и туалет, в каждой наличествовала мебель. Судя по всему, мы находились в гостинице, предназначавшейся для пожилых постояльцев-инвалидов, — ведь иначе архитектор не запроектировал бы пандус, а ограничился лестницей; лестница отняла бы куда меньше полезной площади. Но когда я поделился этим соображением с Белобрысовым, он усмехнулся:

— Все кругом — для инвалидов! Какая-то инвалидная планета, так по-твоему выходит?

— Вот хорошая комната, — прервал наш разговор Чекрыгин. — Здесь мы и заночуем.

— Не нравится мне она, — возразил Павел. — Я другую себе поищу.

— Нет, ночевать будем все в одной, — принимая во внимание общую опасность, распорядился Чекрыгин.

Я заметил, что, услышав это, Павел «скис» (его выражение). Ведь о том, что он храпит, знал только я, и ему не хотелось, чтобы об этом узнали остальные. Чтобы замаскировать смущение, он развил хозяйственную деятельность: приказал ЧЕЛОВЕКУ принести добавочные кровати из соседних комнат, затем кинулся в ванную и, к всеобщей радости, объявил, что в трубах есть вода, — правда, очень застаившаяся. (Наличие воды объяснялось тем, что на крыше здания имелась водосборная емкость.) Потом, вынув из контейнера продукты и водоочистительные таблетки, он приступил к обязанностям кока, громогласно заявив, что

Проходимец или сэр вы,
Капшибал иль Гапшибал —
Нужно всем иметь консервы,
Чтоб пикто не погибал!

Едва мы приступили к ужину, как послышались резкие альфатонные сигналы. Чекрыгин включил приемник и принял срочное сообщение от Карамышева с «Тети Лиры».

«Только что получено известие, что в Южной поисковой группе, которая успела удалиться на девятьсот километров от корабля-базы, при высадке на берег погибли астрофилолог Антов и альфасвязист Донтелиус. По утверждению члена Южгруппы Корешникова, Антов скончался от туберкулеза, Донтелиус — от малярии. В районе их гибели замечены существа, имеющие внешнее человекоподобие, но не поддающиеся симпатизации.

Примите все меры самоохраны! Избегайте опасных контактов! Приказываю изъять плазменный меч у ЧЕЛОВЕКА и вручить его Кортикову — с правом введения в действие для охраны Севгруппы в пределах необходимой обороны».

Уважаемый Читатель! Я думаю, Вам понятно, как огорчила нас эта весть. Мало того, что мы утратили еще двух своих товарищей, — большая доля трагизма состояла и в том, что мы не знали подлинной причины их гибели. Более того, загадочность все нарастала! Если кончину Стародомова и гибель Донтелиуса можно было (с большой натяжкой) объяснить тем, что, побывав до Ялмеза на других планетах, они несли в себе инфекцию, спонтанно проявившуюся на Ялмезе, то смерть Антова опровергала эту гипотезу начисто, ибо полет на Ялмез был его первым — и, увы, последним полетом. Инкубационным носителем болезни он быть не мог, ибо туберкулез ликвидирован на Земле более полутораста лет тому назад.

26. Знакомство с городом

Перед тем, как улечься спать, мы приказали ЧЕЛОВЕКУ перекрыть паутиной Василенко* коридор и тем обезопасить себя от чьего-либо неожиданного посещения. Я

* Паутина Василенко — охранный предмет. Хранится в спецтубах в коллоидном состоянии. При соприкосновении с воздухом застывает, образуя сверхпрочные нити, которые можно разрушить лишь плазменной струей.

лег на ту кровать, что ближе к двери, положил рядом с собой плазменный меч. Ночь прошла спокойно, по крайней мере, для меня. Что касается Чекрыгина, то утром он пожаловался, что спал не очень хорошо.

— Два раза просыпался из-за вашего победоносного храпа, — сказал он, кивнув в сторону Павла. — Вот уж не думал!.. Несладко вам (он поглядел в мою сторону) с таким однокаютником!

— Я не замечал за Белобрысовым подобного свойства; очевидно, это временное явление, — заявил я, идя на умышенную ложь и тем самым нарушая Устав воистов. Но, Уважаемый Читатель, в Уставе есть и такой пункт: «Товарища защищай даже в тех случаях, когда это связано с моральным ущербом для тебя».

Через час мы отправились на поиски библиотеки. Когда я прорезал плазмечом проход в паутине и мы вышли из коридора, нам бросилось в глаза, что на слое пыли, покрывавшей пандус, рядом со вчерашними отпечатками наших вечсапданов появились новые, чужие следы. Отдаленно они напоминали оттиски голый человеческой ступни, только были шире, грубее, размытее.

— Какая-то помесь медведя с гориллой хотела с нами познакомиться, — сказал Павел. — Хорошо, паутина помещала.

— Но почему сигнализатор охранный не сработал?! — с тревогой в голосе произнес Чекрыгин. — Может быть, это ты виноват? — обратился он к ЧЕЛОВЕКУ.

— Напитал энергией прибор, проверил его заранее я, — стал оправдываться «Коля».

— Может, на этот раз «Николашка» и не виноват, — принял внезапно Белобрысов сторону ЧЕЛОВЕКА. — Может, эту животину, что ночью приходила, никакая радиотехника не расчухает.

Чудес вокруг — ходь пруд пруди,
И пам от них не худо —
Но может вдруг произойти
Чудовищное чудо.

Мы вышли на улицу.

За ночь погода изменилась. Ветер гнал на материк тяжелые тучи. Издалека слышались удары валов, обрушивавшихся на берег; на Ялмезе нет приливов, но шторма там бывают очень сильные. Ветер завывал в оконных проемах, отрывал от стен пласты отслоившейся штукатурки.

Мы шагали по городу, разглядывая здания, порой заходили внутрь. Время разрушило строения изнутри, наружная облицовка местами отвалилась — и все-таки они поражали прочностью, добротностью, обилием архитектурных украшений, порой весьма громоздких. На окраинных улицах дома выглядели скромнее, но и в них ощущался немалый запас прочности. Что касается лестниц, то их не имелось даже в многоэтажных зданиях. В большинстве случаев их заменяли пандусы, причем чем богаче был дом, тем меньше был наклон у пандуса, чем беднее — тем круче и неудобнее. В самых же бедных (но не самых малоэтажных!) зданиях и пандусы отсутствовали; вместо них жильцы пользовались вертикальными шахтами, из стен которых торчали металлические скобы. В дальнейшем мы убедились, что ступени и ступенчатые архитектурные системы ялмезианским зодчим были неведомы.

Во многих жилых и общественных зданиях мы находили книги. Но все они были в таком плачевном состоянии, что для чтения не годились: сырость, пыль, грызуны и насекомые — да и само время — сделали свое дело. Лучше всего сохранилась ялмезианская письменность на вывесках, и Лексинен все время вглядывался в них, бормоча что-то себе под нос. К полудню он заявил, что мы имеем дело с языком системы «Д» агглютинативной группы Р-14. Несколько позже он сообщил, что ему, кажется, известен аналог этого языка. Но чтобы проверить догадку, необходимы словари.

Возле входа в одно монументальное двухэтажное строение за чудом уцелевшим стеклом витрины висела выцветшая афиша. На ней с трудом можно было разглядеть изображение парусного судна.

— Здесь кино, — уверенно сказал Павел. —

Шпион гуляет по стене
На вертикальной простыне.
К концу сеанса будет он
Развешен и разоблачен!

— Нато сюта зайти, фтруг найтем киноленты, — предложил Лексинен.

Мы вошли в фойе. Со стен свисали какие-то лохмотья, пахло сыростью и кошачьими испражнениями. Несколько ушастых кошек, вынырнув из-под осевшего дивана, стали тереться о наши ноги. В будке киномеханика мы ничего не нашли. В зрительном зале ушастиков оказалось еще больше, чем в фойе. Весь пол был испещрен их следочками. Но имелись там и иные следы! Широкие дверные проемы выходили и на ту улицу, с которой мы вошли, и на параллельную ей — и в проходах между креслами мы обнаружили многочисленные отпечатки, аналогичные тем, которые видели утром в гостинице. Однако здесь они имели разную давность: одни казались совсем свежими, другие уже запорошились пылью.

— Чудища через этот зал ходят, а ушастики их, видать, не боятся, живут в полном уюте. Чудищам добыча покрупнее нужна, — резюмировал Белокрысов.

Наконец, уже незадолго до наступления сумерек, мы отыскали библиотеку. Она помещалась в массивном здании с пилястрами и фронтоном, на котором белела мраморная доска с изображением раскрытой книги. К сожалению, строение оказалось изрядно разрушившимся: ни единого уцелевшего стекла, кровля просела. Когда мы вошли в нижний этаж, нас огорчило царившее там запустение. Пол длинного двухсветного читального зала находился несколько ниже уровня тротуара, и поэтому там стояла мутная, густая вода, в которой росли водоросли и кишели какие-то мелкие, похожие на пиявок, твари. Столы и стулья давно сгнили, остатки их лежали в воде. По размерам одной, чудом сохранившейся, стеллажной доски Лексинен определил, что когда-то здесь лежали подшивки газет. Нашли мы и одну подшивку — вернее, то, что от нее осталось: студенистый пласт, обесцвеченный водой, весь

изъеденный и усеянный дырами и, как констатировал астролингвист, совершенно невосстановимый.

Когда мы по осклизлому пандусу поднялись на второй этаж, в книгохранилище, — оттуда с тонкими жалобными криками ринулась в оконные проемы стая рыжеватых птиц. Здесь, среди обрушившихся книжных полок, среди бумажных холмиков, было их гнездовье. Мы стали рыться в этом хаосе, стараясь не разрушать гнезд. Многие тома давно превратились в труху, пропитанную едким птичьим пометом. Лексинен отобрал пять мало-мальски сохранившихся книг; среди них, сказал он, есть два словаря. Едва мы ступили на пандус, чтобы идти вниз, птицы сразу же влетели в окна.

В гостиницу свою мы вернулись перед наступлением темноты, и Чекрыгин, перед тем как дать очередную сводку на «Тетю Лиру», спросил, есть ли у кого-либо из нас особые замечания по поводу недавнего осмотра города.

— У меня есть, — произнес я. — В Безымянске совершенно отсутствуют казармы и сооружения фортификационного назначения. Среди увиденных предметов — полное отсутствие оружия не только огнестрельного, но и холодного.

— А у меня такое замечание, — продолжил Павел. — Мы видали три роддома, там на каждом фасаде эдакий толстый младенец изображен; потом, по остаткам инструментов, два зубоучастных кабинета опознали; потом четыре травматологических пункта обнаружили, там у входов такие дядечки на костылях нарисованы... Но ни одной больницы настоящей нам по пути не попало. Не болели они, что ли?.. Загадочная картина.

27. Урок ялмезианского языка

Следующие два дня мы посвятили дальнейшему ознакомлению с Безымянском (см. «Общий отчет», том 11, стр. 374—457), а затем приступили к овладению ялмезианским языком. Точнее говоря, первоначально этим занялся Лексинен. Происходило это в той же гостинице, только, по настоянию астролингвиста, мы перебазировались в более просторную комнату, где имелся широченный стол.

Когда настал вечер, ученый разложил на столе иномирянские книги, приказал ЧЕЛОВЕКУ извлечь из контейнера филологические таблицы и космолингвистическую аппаратуру, а затем объявил, что нам придется отойти ко сну без ужина, ибо лингвоинъекцию положено осуществлять натошак. Он же лично всю ночь посвятит работе.

Мы улеглись на голые панцирные сетки своих кроватей. Сон пришел не сразу. За проемом окна чернела ночь, птицы с фосфорическими крыльями, пронзительно свистя, проносились во тьме. ЧЕЛОВЕК стоял у окна, подсвечивая Лексинену. Лингвист то шептал какие-то иномирянские слова, то нараспев диктовал своим настольным агрегатам загадочные фразы, то вдруг вскакивал и начинал расхаживать по комнате.

— С таким однокомнатником не уснешь, — шепнул мне Павел, лежавший на соседней койке. — Но надо терпеть.

Видя, что мы не спим, астролингвист прервал работу и начал объяснять нам суть инъекционного метода. Каждый звук речи, каждую фонему и каждое звукословное сочетание можно закодировать в биохимические формулы, а затем воплотить в некие сложные вещества, воздействующие на центр памяти. К сожалению, я совершил бестактный поступок: уснул, не дослушав до конца импровизированную лекцию маститого космолингвиста.

Я проснулся первым и разбудил Павла и Чекрыгина. Комната была озарена ялмезианским солнцем, ЧЕЛОВЕК, выключившись, лежал на полу. Лексинен по-прежнему бодрствовал, колдуя за своим столом, на котором теперь поблескивало множество миниатюрных пробирок. Он отсыпал из них разноцветные кристаллики и ссыпал их в воронку небольшого агрегата, на табло которого мгновенно вспыхивали непонятные нам символы. На консольном выносе агрегата стояли три колбы, и в них кипели три жидкости: розовая, зеленая и голубая. В комнате царил странный и не вполне приятный запах; его ароматические ингредиенты смог бы определить только дядя Дух.

Заметив, что мы пробудились, лингвист пояснил нам, что в розовой колбе — имена существительные, в зеленой — глаголы, в голубой — прочие компоненты ялмезианской

речи. Затем он осторожно слил содержимое колб в мензурку; в ней образовалась густая мутно-бурая жижа.

— И в этом сосуде — весь ялмезианский язык? — спросил я.

— Здесь тридцать шесть тысяч слов и словосочетаний, — ответил ученый. — Этого нам вполне достаточно.

— А соленые словечки вы включили? — поинтересовался Белобрысов.

Лексинен ответил, что для обогащения нашего словарного фонда он захимизировал ряд непристойных слов, имеющих в одном из словарей; по-видимому, над составлением этого словаря работал какой-то здешний Бодуэн де Куртенэ, ценитель вульгаризмов. И вообще язык довольно богатый, в нем немало философских терминов и отвлеченных понятий.

— Неужели вы уже настолько поднатрели в нем? — задал я вопрос.

Ученый скромно ответил, что в течение минувшей ночи ему удалось овладеть ялмезианским языком. В этом нет ничего удивительного: ведь чем больше языков знаешь, тем легче осваивать последующие. К тому же, как он уже упоминал, у этого языка существует весьма близкий инопланетный аналог, уже известный ему, Лексинену.

— Как звучат по-ялмезиански слова «ступени» и «лестница»? — спросил я.

— Эти реалии в данном языке отсутствуют. Есть слово «аргдортое», то есть «наклонный ход»; в русском языке ему соответствуют понятия «пандус» и «аппарель».

— Когда мы приступим к э... э... к изучению? — обратился к ученому Чекрыгин.

Лексинен заявил, что лингвистический отвар остынет через двадцать минут, после чего он введет каждому из нас нужную учебную дозу. Поскольку мы находимся в походных условиях и руки нам могут понадобиться в любой момент для работы или обороны, а введение отвара сопровождается болезненными явлениями в точке укола, он заранее извиняется, что будет вынужден шприцевать нас в ягодицы. Через сорок три минуты после шприцевания мы сможем объясняться на новом для нас языке, освоение же

письменности зависит в дальнейшем от нас самих. Что касается болезненных явлений, то они длятся не более двух часов.

Павлу подобный метод приобщения к знаниям показался смешным. Он захихикал, а затем, чтобы скрыть неловкость, разразился стишком, отношения к данной ситуации не имеющим:

Ночь напролет молился инок,
А утром выпул он набор
Порнографических картинок —
И стал разглядывать в упор.

— Благ-за-ин, Пелопрысов! Но сейчас вам пудет не до поэзии!.. — благодушно пошутил астролингвист, вынимая из футляра шприц.

* * *

После укола мой друг, презирая боль, взял на себя обязанности кока. Остальные помогали ему по мере сил, и вскоре наша дружная группа приступила к приему пищи. Лексинен ел сидя, мы же, поскольку волдыри еще не рассосались, завтракали а-ля фуршет.

— Толг вирц бот, гонратч эрорм ба бол бощоса нуп!* — раздался возглас Белобрысова, сопровождаемый стишком:

Шергто мукла крирджи кукши,
Лорто лертим лундро тукши,
Бугми сортми бордлорон.
Тартми лоо дорчгорон!**

— Аготр вимр палшето строр! Ронш тропит ур тарш потвото пим там-топ***, — по-ялмезиански, но с неизменным ингерманландским акцентом отозвался Лексинен.

* Настоячка-то действует не только на подвал, но и на чердак! (*Приблизительный перевод.*)

**От перевода четверостишия воздержусь, щадя стыдливость Уважаемого Читателя.

*** Вы делаете явные успехи! Но употребляемый вами подбор слов несколько односторонен.

— Утар куп лобтджо крирт норчшодрио, лат-лал шторчи меашто бото ту банштро* военного термина, — обратился я к ученому, и маститый астролингвист ответил, что милитаристских и охотничьих понятий в ялмезианском словаре он не нашел.

Чекрыгин тоже заговорил по-ялмезиански и дал нам указание в течение десяти ближайших дней изъясняться лишь на этом языке — для практики. Мы приняли приказ к исполнению, и в дальнейшем только Белобрысов иногда изрекал свои стишки по-русски, хотя, как видит Уважаемый Читатель, он способен был сочинять их и на ялмезианском. Чтобы облегчить чтение, впредь я все наши разговоры буду давать в прямом переводе на русский язык.

28. Находка в Лексинодольске

Покинув Безымянск, мы двинулись дальше на Север. Шли по заросшим дорогам, ночевали в пустых поселках. За девять дней пути мы двадцать восемь раз видели загадочные следы — подобные тем, на которые впервые наткнулись в безымянской гостинице, — и одиннадцать раз наш путь пересекли пешеходные стены. Добавлю, что многие жилища, стоявшие в отдалении от прочих строений, были окружены рвами, полными стоячей, заболотившейся воды. По некоторым данным, доступным моей воистинской компетенции, я пришел к выводу, что копали эти рвы второпях, не заботясь о качестве земляных работ. Напрашивалась мысль, что они имели оборонное значение. Но от кого нужно было обороняться ялмезианам?! Ведь, как уже знает Уважаемый Читатель, даже слова «война» не имелось в их лексиконе.

Второго сентября наше подразделение вступило в город, которому мы (то есть Чекрыгин, Белобрысов и я; Лексинен от нашего краткого совещания, естественно, был отстранен) дали условное наименование Лексинодольск — в честь маститого астролингвиста. Расположилась наша

* Благодарен вам за помощь в освоении языка, но удивлен, почему в нем нет ни единого...

Севгруппа в двухэтажном здании. Особняк принадлежал когда-то весьма состоятельному иномирянину — об этом свидетельствовало и обилие лепнины на фасаде, и полость пандуса внутри здания. О зажиточности владельца можно было догадаться и по мебели, выполненной из какой-то особо прочной древесины и потому хорошо сохранившейся. Мы были рады отдохнуть в этих апартаментах.

Но самую большую радость испытал Лексинен. Словно желая оправдать оказанную ему честь, он развил неистовую поисковую деятельность и вскоре в одной из дальних комнат нашел книжный шкаф, где среди истлевших, пришедших в полную негодность томов выискал толстую книгу, напечатанную на какой-то особо прочной гляцевитой бумаге. В течение часа он вчитывался в нее, никого не подпуская к столу и дрожа от волнения. Наконец подозвал нас и стал листать ее перед нами, читая вслух отдельные абзацы.

В книге той было множество больших, во всю страницу, портретов, и вся она состояла из жизнеописаний знаменитых ялмезиан — жрецов, коммерсантов, изобретателей, музыкантов, артистов, поэтов и ученых. Но больше всего уделялось в ней внимания деятелям медицины. И завершал книгу, как бы подытоживая ее, портрет... кого бы Вы думали, Уважаемый Читатель?... Увенчивал ее портрет того самого иномирянина, чье окарикатуренное изображение мы видели на железнодорожной станции и чью поверженную статую мы узрели на площади Безымянска.

Но и здесь не пощадила его чья-то рука! Благородное лицо старца было накрест перечеркнуто карандашом, а на лбу его, выведенное той же злою рукой, чернело слово «момзук», что в переводе на русский означает «сволочь». Мало того, последующие листы были грубо вырваны — очевидно, тем же ненавистником, — а так как на оборотной стороне портретов в этом роскошно изданном томе никакого текста не имелось, биография иномирянина по-прежнему оставалась для нас загадкой.

Лексинен многозначительно заявил, что, конечно, отсутствие страниц — обстоятельство весьма досадное, но зато... С этими словами он торжественно показал нам полуистлевший, пожелтевший, небрежно оборванный листок шер-

шавой бумаги с еле видными письменами. Он пояснил, что этот обрывок ялмезианской газеты находился в книге — как раз там, где зачеркнутый портрет. К поруганному старцу он, конечно, отношения не имеет; его, очевидно, вложили в качестве закладки. Но этот чудом уцелевший документ имеет большое самодовлеющее значение.

— О чем же там речь? — спросили мы в один голос.

Астролингвист ответил, что большинство заметок посвящены, видимо, делам местным, — и стал читать вслух заголовки: «Подвоз чего-то (здесь — лакуна) невозможен. — Запасы соли на исходе. — Траур в доме жреца Океана. — Чидрогед (имя собственное) утверждает, что борьба с метаморфантами при помощи пожарных шлангов результатов не даст. — Опять о соли. — Попытка наладить подвоз морской воды для заливки рвов...»

Затем, перейдя почему-то на шепот, ученый возвестил нам, что все предыдущее — это только цветочки, а теперь он угостит нас ягодками. Ткнув пальцем в нижний правый угол газетного клочка, он прочел нижеследующее:

«Редакция сгорбленно и со слезопролитием извещает благородных подписчиков, что запас типографской краски исчерпан. Как известно, города, в которых она производилась, в том числе и ближайший к нам Картксоллог, подверглись пропикновению метаморфантов и утеряли жизнеспособность.

Редакция, сложясь главой к Океану, сообщает, что этот номер газеты — последний, и желает каждому читателю избежать встречи с воттактаками».

— Надо немедленно дать сводку на «Тетю Лиру»! — встрепнулся Чекрыгин. — Но что такое «метаморфанты»? Что такое — «воттактаки»?

— Не знаю, — признался лингвист. — В книгах этих понятий нет. Эти словообразования, как я догадываюсь, не успели войти в словари. Они относятся к новейшей истории Ялмеза.

— Хороша новейшая история, — пробормотал Белобрысов. —

Минувшие беды, что были в былом,
Забудь, в рядовые разжалуй.
Грядущие беды идут напролом,
Они поопасней, пожалуй!

Когда мы дали сводку на «Тетю Лиру», в ответ нам было сообщено, что Южгруппой обнаружены многочисленные письменные источники, но, поскольку астрофилолог Антоф погиб, расшифровка осуществляется крайне медленно. Услыхав это, Лексинен лично вступил в переговоры с Карамышевым и сумел доказать тому, что его, Лексинена, присутствие необходимо сейчас именно в Южгруппе. У Чекрыгина затребовали уточненные координаты, и на следующее утро на центральной площади Лексинодольска приземлился мини-лайнер, ведомый автопилотом. Лексинен отобрал у чЕЛОВЕКА контейнер с лингвистической аппаратурой и стал прощаться с нами.

— С вами хочу улететь я, — обратился вдруг к ученому «Коля». (Он не подвергся обучению ялмезианскому языку и говорил по-русски.) — С данными людьми в данной местности страшусь полного исключения я.

Лингвист, разумеется, ответил чЕЛОВЕКУ отказом, напомнив «Коле», что тот придан Севгруппе.

— Ну и паникер ты, «Николашка»! — рассердился Павел. — Если будешь трусить, то и в самом деле нарвешься на кончину.

Где глубина всего по грудь
И очень близок берег,
Там тоже может утопить
Тот, кто в себя не верит.

Лексинен захлопнул дверь кабины. Мини-лайнер взмыл в высоту.

29. Контактный марш

Следующий день мы посвятили дальнейшему осмотру Лексинодольска. Об одном объекте обследования я должен подробно поведать Уважаемому Читателю, ибо с ним связан ход дальнейших событий. На центральной улице наше внимание привлекло одноэтажное, но высокое здание со стеклянной крышей, нечто вроде универмага. Металлические двери оказались закрытыми, но не заперты-

ми, и мы свободно проникли в холл, от которого ответвлялся широкий и длинный коридор.

— Пройди до конца и, если не обнаружишь подозрительных следов, дай зеленую вспышку и возвращайся, — приказал чЕЛОВЕКУ Чекрыгин.

«Коля» стал удаляться от нас медленным шагом. Последнее время подобные задания выполнял он с крайней неохотой, однако на этот раз, видимо, ничто не вызвало у него подозрений; все ускоряя ход, он дошел до противоположного конца коридора и, полыхнув зеленым светом, пошел обратно. Мы двинулись навстречу ему.

Кроме общей крыши каждый отдел универмага имел и свою кровлю, и потому интерьер хорошо сохранился. Миновав две трети коридора, мы даже обнаружили одну торговую точку, в которой уцелела часть товара. На полках стояло несколько эмалированных ведер, четырнадцать платиновых тазов и пять платиновых же детских ночных горшков.

— Это нужно осмотреть детально, — решил Чекрыгин. — Входи сюда и светись ярче! — приказал он чЕЛОВЕКУ.

— А ведь здесь кто-то шуровал! — послышался возглас Павла. — И притом — недавно. Смотрите — факт налицо!

Рядом с пятью вышеупомянутыми ночными сосудами на полке виднелся четкий беспылевой круг — след донца. Вскоре такой же круг обнаружили мы и возле кастрюль.

— Это резко меняет дело! — с несвойственной ему торжественностью отчеканил Чекрыгин. — Животным эти предметы понадобиться не могли. На Ялмезе уцелели разумные существа! И, судя по специфике одного из взятых предметов, на Ялмезе не угасла рождаемость!

Вынув из нарукавника микроанализатор, я немедленно взял пробу на весо-массу пылевых частиц в воздухе. Затем проинтегрировал сумму микрочастиц, успевших осесть на те места, где прежде стояли взятые предметы.

— Со времени уноса данной посуды прошло девяносто две минуты и сорок секунд, — произнес я. — На полу должны остаться следы уносителя. чЕЛОВЕК, дай нижний свет!

Ноги «Коли» засветились. Мы впились глазами в пол. Но здесь он был покрыт решетчатыми металлическими плитами, и основной пылевой слой лежал ниже ребер решеток, поэтому четких отпечатков не имелось.

Мы вернулись в коридор. На слое пыли, покрывавшей керамические плашки, отчетливо выделялись цепочки наших следов, берущие начало от холла. И вдруг мы заметили иные следы!.. Они тянулись от посудного магазина к противоположному входу в универмаг по той части коридора, где наши ноги еще не ступали! Уважаемый Читатель, то не были следы неведомого зверя — то были оттиски сапог сорок первого размера! Рядом с ними виднелись геометрически правильные отпечатки ходовых рычагов «Коли».

— Почему ты не доложил об этих следах? Ведь ты не мог их не видеть! — строго обратился к ЧЕЛОВЕКУ Чек-рыгин.

— Подозрительных не обнаружил, увидел следы нормальные типа мужские-сапожно-человечные, о таких докладывать не должен я, — отчетливо заявил «Коля».

— Ну, бюрократ межпланетный, радуйся, что полена у меня под рукой нет! — рассердился Белобрысов и уже другим тоном обратился к нам: — Надо сразу же топать по этим следам! Надо скорее покинуть этот храм роскоши.

Тоши, Людочки, Маришпы,
Вам до дому не пора ль?
Не глазейте па витрины,
А боритесь за мораль!

Следы вывели нас в холл, почти аналогичный тому, через который мы вошли, а затем на улицу — вернее, в небольшой переулок, от нее ответвляющийся. Там нас ждала новая неожиданность.

— Следы колес! — проговорил я прерывающимся голосом.

На наносном слое наряду с вышеупомянутыми следами отчетливо виднелись две колеи. Мы выяснили, что недавно здесь стояла некая двухосная тележка; длина каж-

дой оси равнялась 172 см, база между осями составляла около двух с половиной метров. То был экипаж не само-движущийся, не механический — это явствовало из того, что между уходящими по проулку в сторону улицы колесами видны были следы иномирянина, следовательно, он сам катил свою тележку.

— Немедленно выходим на связь с «Тетей Лирой», а затем форсированным шагом движемся по колее с целью нагнать ялмезианина и вступить с ним в контакт! — распорядился Чекрыгин.

Дав сводку, мы свернули из переулка на длинную и широкую улицу, миновали сквер, еще одну улицу, пересекли площадь, среди которой возвышался храм с конусообразным куполом, затем петляли по каким-то переулкам, где пролегли колеи повозки, — и наконец вышли на шоссе, ведущее дальше на Север. Оно поросло травой и седыми лилиями. Отпечатки иномирянина просматривались здесь менее отчетливо, но это не имело большого значения: дорога была насыпная, она пролегла среди болот, и свернуть с нее незнакомец со своей повозкой не мог.

— Ну, теперь он от нас не смоеется! — сказал Павел. —

Забыв, что очередь Адам
К познапью первым занял,
Идем мы по его следам,
Куда — не зная сами.

* * *

Шли мы долго. Устали. Уже близился вечер, но зной не спадал. Стояло безветрие, воздух был насыщен болотными испарениями, приторным запахом низинных растений.

— Скинуть бы нам эти дурацкие всепогодные одеяния, и топать бы нам налегке, — вздохнул Павел.

В это мгновение Чекрыгин — в который раз — поднес к глазам портативный дальнозор. И вдруг тихо сказал:

— Внимание! Я вижу его!

Мы тоже приклеились к своим дальнозорам. Вдали, на дороге, смутно обозначилось нечто, казавшееся издали

полупрозрачным кубом. На фоне этого странного куба различалась человекообразная фигура.

— Заведись! Играй «Контактный марш»! — приказал Чекрыгин ЧЕЛОВЕКУ.

Над низиной поплыла плавная, мирная мелодия. Я опять поглядел в дальнотвор. Теперь, к моему удивлению, иномиряннин стал виден менее отчетливо, как бы сквозь серую дымку. Когда до него осталось двести метров, Чекрыгин приказал «Коле» умолкнуть. Замедлив шаги, чтобы не испугать незнакомца, в полной тишине приближались мы к Неведомому.

И вот настал миг контакта.

При ближайшем рассмотрении повозка ялмезианина оказалась некоей клеткой на колесах. Она состояла из четырех стенок и плоской крыши; все это было выполнено из металлической сетки, натянутой на деревянные брусья. Пола в ней не имелось, что давало ее владельцу возможность двигаться вместе с ней, находясь внутри нее; входить и выходить он мог через решетчатую дверь, запирающуюся изнутри. Под кровлей клетки-фургона находилась небольшая полка; в настоящий момент там лежала посуда, изъятая незнакомцем из бесхозного магазина.

Иномиряннин стоял в своей клетке. Он выглядел вполне человекоподобно. Возраст его (по земному исчислению) равнялся годам тридцати. Одежду его составляли куртка и широкие брюки, сшитые из сероватого лоснящегося материала. На простоватом, добром лице читались тревога и недоумение. С особой опаской глядел он на ЧЕЛОВЕКА.

— Полных сетей тебе! — обратился к ялмезианину Чекрыгин с традиционным ялмезианским приветствием.

— А всем вам — попутного ветра при встречном шторме! — ответил тот приветственной идиомой и три раза погладил себя левой рукой по голове.

Мы повторили этот жест вежливости, однако иномиряннин не покинул своего укрытия.

— Кто из вас музыканил? — спросил он.

— Вот он музыканил, — ответил Чекрыгин, указав на ЧЕЛОВЕКА. — Он — самоходный механизм, он автомат. Он на вид кажется опасным, но он не опасный.

— И до чего только не додумались в свое время эти южанцы! — с уважением произнес ялмезианин. Затем, покинув сетчатое убежище, подошел к «Коле» и стал разглядывать его. Мы интересовали его куда меньше.

— Выглядит как новенький, а ведь сделан-то он, конечно, еще до появления метаморфантов, — продолжал иномирянин. — Он, наверно, от вас воттактаков отпугивал, иначе бы вы сюда со своего Юга без колесной клетки не добрались бы... Давно к нам спасшиеся перестали являться... А прежде — нет-нет и придут. Мы их не гнали. И вас не прогоним. Пища — есть, пещера — найдется... И долго вы сюда с Юга добирались?

— Происходит некоторое недоразумение. Мы — иномиряне, мы — оттуда, с далекой планеты, — мягко произнес я, указав рукой на небо. — Сейчас я тебе* объясню...

— И так все ясно, — опечаленно молвил наш новый знакомый, обращаясь не ко мне, а к Чекрыгину. — Твой товарищ того... Я понимаю — нервы, дальняя дорога с Юга, опасность погибнуть от воттактаков... — С этими словами он легонько постучал себя согнутым пальцем по лбу, показывая этим общекосмическим жестом, что считает меня больным психически.

— Ты, браток, верь нам! Мы — не жулики, мы честные существа! — вмешался Белокрысов. —

Ри ропалдо лог тум ramo
Талгир межл одор Земля,
Тар мор дарн улогшиламо
Норо ту атумп урд ля**.

Эта стихотворная галиматья, видимо, окончательно убедила иномирянина в том, что никакие мы не пришельцы с неба.

* На «вы» ялмезиане обращаются только к беременным (или несущим на руках младенца) ялмезианкам.

** В брюхе большой летучей рыбы
Нас прислала умница Земля,
Чтоб пополнить количество дураков,
Которых у вас и без нас хватает.
(Приблизительный перевод.)

— Ну, подкусил! — с хохотом обратился он к Павлу. — Да ты, видать, рыбина о сорока плавниках, из любой сети выскочишь!.. Как звать-то?

— Павел, — ответил Белобрысов.

Мы тоже назвали свои имена. Ялмезианин без труда повторил их, заметив вскользь, что звучат они довольно нелепо, — но чего же от этих южанцев требовать. Потом сообщил, что его зовут Барстроур.

— Это слишком сложно, язык сломаешь. Мы тебя Барсиком будем звать, — решительно заявил Белобрысов.

— Барсик так Барсик, — согласился покладистый ялмезианец. — Вкус рыбы зависит не от ее имени, а от самой рыбы.

— А куда ты, Барсик, путь держишь? — спросил Чекрыгин.

— Ясное дело, к себе домой. На Гусиный остров.

— Не возражаешь, если мы присоединимся?

— Ясное дело, не возражаю. Не на Юг же обратно вам, бедолагам, топать... А воттактак встретится — мы все в мою клетку спрячемся, и да поможет нам бог Глубин!

Наконец-то нам стало ясно, для чего предназначался этот странный фургон. При приближении таинственных воттактаков ялмезианин мог укрыться в нем, спасая свою жизнь.

Дальше мы шагали вчетвером.

30. Справка о метаморфантах

Что такое метаморфанты, мы частично узнали от нашего спутника — Барсика, но основные сведения о них почерпнули во время пребывания на Гусином острове. Так как в мою задачу не входит подогревать интерес Уважаемого Читателя сложными сюжетными ходами и загадочными умолчаниями, я считаю нужным именно сейчас дать справку о чудищах, погубивших ялмезианскую цивилизацию.

В «Наставлении космопроходцам» указано, что инопланетные цивилизации зарождаются, развиваются (а порою — и гибнут) по своим законам, и потому нелепо при-

кладывать к ним земные эталоны. Далее в «Наставлении» особо подчеркивается, что возможное телесное сходство иномирян с землянами ни в коем случае не обуславливает подобия психического, психологического, морального и социального. Последнее вполне приложимо и к ялмезианцам. Их соматическая структура вполне адекватна нашей, однако их душевный строй, их психика развивались в совершенно иных условиях. В противоположность многоамериканской Земле, Ялмез — планета одного континента. Мягкий климат побережья, его плодородная почва и наличие полезных ископаемых, множество мысов, полуостровов и заливов, широкий шельф, обилие съедобных моллюсков на прибрежных отмелях, неисчерпаемые запасы рыбы в океане — все это способствовало возникновению своеобразной единой приморской цивилизации. Райской ее не назовешь, ибо здесь имелись богатые и бедные, но эта моноцивилизация была однорасовой и единойязычной (правда, имелись местные диалекты) и не знала племенных и религиозных раздоров, не знала войн.

Общественная структура Ялмеза нам ясна не вполне. Известно, что когда-то там существовала потомственная аристократия, но такого значения, как в древности на Земле, она не имела. Теология ялмезиан не отличалась сложностью: они поклонялись богу Глубин и верили, что после смерти души их вселяются в глубоководных рыб. Жрецы и жрицы бога Глубин имели статус неприкосновенности и принимали активное участие в жизни иномирян, однако наибольшим влиянием пользовались промышленники и купцы, а наибольшим почетом — врачи. Жизнь там весьма ценилась — и даже настолько, что робость, проявленная ради самосохранения, осуждению не подлежала. Впрочем, этические и правовые постулаты ялмезиан известны нам не в полном их объеме. Мы знаем только, что одним из серьезнейших преступлений считалось там вынесение неверного медицинского диагноза, послужившего причиной кончины пациента. Виновных в этом порой приговаривали к страшной казни, которая в просторечии именовалась «адурглацро адургалц борч», что в переводе на русский означает «водой и водой помирвай» или «казнь

двойной водой». Экзекуцию приурочивали к тому периоду ялмезианской осени, когда теплый, но непрерывный дождь льет в течение двадцати суток. Осужденного вводили в просторный, не имеющий крыши бассейн, стены которого были выложены розовым кафелем, — и приковывали за ногу к кольцу, вмонтированному в дно бассейна. Вода поднималась очень медленно, за сутки она едва достигала колен преступника. Но бедняга знал, что рано или поздно она достигнет его рта. Ужас казнимого усугублялся тем, что над бассейном возвышалось нечто вроде кафедры и там под зонтиком стоял дежурный поэт и непрерывно читал обреченному свои лучшие стихи и поэмы. Такой обычай повелся на Ялмезе издревле: узнав о чьей-то предстоящей казни, поэты метали жребий, кому из них напутствовать Уходящего в Глубины. Напутствовали они из самых гуманных побуждений, желая скрасить ему последние часы жизни. Впрочем, злые языки утверждали, будто поэтов привлекало и то, что такой слушатель никуда от них не убежит. К чести ялмезианской юстиции, могу уточнить, что водно-словесная экзекуция очень редко доходила до летального конца; в девяноста девяти случаях из ста в тот момент, когда наказуемый, казалось, вот-вот захлебнется, служитель нажимал на рычаг, в дне бассейна открывался люк, — и вода быстро уходила. Помилованного расковывали и отпускали на свободу. Увы, некоторые из амнистированных за время этой водной процедуры проникались такой злобой к напутствующему поэту, что вскоре опять привлекались к суду, — на этот раз за нанесение увечий.

За несколько десятилетий до прибытия нашей экспедиции ялмезиане в области техники достигли приблизительно того уровня, на каком земляне находились в начале XX века. Достижения же ялмезианских врачей и биологов были весьма значительны; в этих областях знаний они явно опередили землян. Главный медицинский НИИ Ялмеза находился в городке Дурмгоогр, что в переводе на русский означает Здоровецк. Здесь выдвинулся, далеко обогнав своих коллег, гениальный ученый-медик, которого я буду именовать так: Благопуп. Дело в том, что за вели-

кое открытие в области медицины жрецы бога Глубин при жизни зачислили его в святые и присвоили титул Благословенный Пуп Моря, в народе же его сокращенно называли Тнугорободж (Благопуп).

Напомню Уважаемому Читателю: ялмезиане имеют ту же физиологическую структуру, что и земляне, и болели они теми же болезнями, что и люди. Но земляне даже в пору Первой НТР еще не избавились от многих болезней — у ялмезиан же вместо НТР произошла Великая Медицинская Революция. Возглавлял и осуществил ее Благопуп. Научное открытие его можно считать грандиозным даже по общекосмическим масштабам. В результате долгих творческих поисков ему удалось синтезировать некое кристаллическое вещество, которое он назвал «Трубшмерд» («Победитель зла»). Электрический свет, пропущенный сквозь линзу, отлитую из этого вещества, обрел способность, пронизывая органическую среду любой плотности, убивать в ней вирусы, бактерии и вообще все болезнетворные микроорганизмы, не затрагивая микроорганизмов полезных и нейтральных. Мало того! Эти лучи мгновенно восстанавливали те органы и части тела, которые были повреждены в процессе болезни!

Передвижные облучающие устройства были направлены в больницы, клиники, санатории, лепрозории, профилактории, диспансеры. Пациента вводили (или вносили) в изолированную кабину — и через восемь шуамгов (одиннадцать секунд по земному времяисчислению) бывший больной выходил из кабины вполне здоровым. В дальнейшем было введено профилактическое облучение всех ялмезиан. Затем неутомимый Благопуп сконструировал линзы широкого действия; их установили на аэропланах — и в течение нескольких лет эскадрильи самолетов летали над материком, облучая дюны, поля, сады, леса и чащобы. Все эти мероприятия привели к тому, что через десять — двенадцать лет на Ялмезе канули в былое ангина, гангрена, грипп, дизентерия, дифтерит, коклюш, малярия, оспа, проказа, полиомиелит, рак, сифилис, туберкулез, туляремия — и все прочие инфекционные болезни. Что касается сердечно-сосудистых и иных неинфекционных недугов, то и

они, вследствие общего укрепления здоровья населения, тоже почти что сошли на нет. На Ялмезе наступила эра всеобщего здоровья. Культуры болезнетворных микроорганизмов имелись теперь только в лаборатории возглавляемого Благопупом НИИ. Микробы обитали в специальных сосудах, питаясь Универсально-Уникальным Сверхкалорийным бульоном, рецептуру которого разработал опять-таки сам Благопуп. Поколения вирусов и кокков сменяли одно другое, не угрожая ялмезианам: лаборатория была обнесена высокой стеной, и вход в помещение дозволялся только сотрудникам великого ученого. Эти культуры микробов Благопуп хотел оставить в наследство своим молодым последователям — для опытов.

Между тем время шло. Ялмезиане весьма быстро привыкли к дарованному им нерушимому здоровью, оно стало для них обычным состоянием. Многие, а молодежь — в особенности, теперь считали, что ничем не болеть — это естественно, и потому научное открытие Благопупа не столь уж и замечательно: мол, не он — так кто-нибудь другой без особого труда сделал бы то же самое. И хоть памятники ученому высились на многих площадях, он сознавал, что популярность его идет на спад. В особенности огорчали его журналисты: в своих статьях, не имеющих порой к нему никакого отношения, они норовили походя, с почти-тельным пренебрежением задеть его, намекнуть читателям, что слава его не столь уж и заслуженна и что всем она приелась. А затем некоторые газетчики дозволили себе даже фамильярные подшучивания и прямые выпады. Дело в том, что почтенный ученый на старости лет развелся со своей пожилой женой и женился на молоденькой лаборантке по имени Лопатта (Рыбий глазок).

Благопупа огорчало снижение уровня его популярности, однако он старался не проявлять своего недовольства. Но Лопатта смотрела на это иначе: она вышла за корифея науки, прельщенная его славой, и угасание этой славы ее вовсе не устраивало. К тому же она была хитра, неглупа и кое-что знала. В частности, ей было известно, что вскормленные Сверхкалорийным бульоном возбудители болезней с каждой новой популяцией набирают силу, становят-

ся все активнее и агрессивнее; теперь они были в тысячи раз сильнее тех своих предшественников, от которых Благопуп избавил ялмезиан. И в мозгу прекрасной лаборантки зародилась странная, а точнее сказать — чудовищная идея. Вот что она сказала мужу:

— Пупик, ты должен ореалить болезни! Ты должен воплотить их в нечто видимое, объемное, крупномасштабное, живое — и тогда все ялмезиане будут всегда знать и вечно помнить, от чего ты их избавил.

— Дорогая, если я тебя правильно понял, то ты предлагаешь нечто фантастическое и даже бредовое, — возразил престарелый профессор.

Однако негодяйка от науки была настойчива и обольстительна. День за днем она обрабатывала мужа по методу хлыста и пирожного, как говаривали наши предки.

— Напряги свою гениальность! Дай последнюю вспышку, которая озарит тебя вечной славой, — внушала она влюбленному ученому. — А если ничего не предпримешь — навсегда забудь дверь в мою спальню.

И великий инженер от биологии сдался. Он на много дней заперся в своей лаборатории, весь погрузившись в раздумья и опыты. Но если прежде он трудился во имя добра для всех, то теперь — во имя гордыни. В результате он сотворил нечто гениально-бесполезное, а как позже выяснилось — нечто непоправимо опасное: вещество, которое он назвал «атормшинлаз», что в переводе на русский означает «метаморфозу деющее», а короче — «метаморфин». После приема дозы метаморфина все клетки организма живого ялмезианина приобретали способность скрещиваться с бактериями любой болезни и затем замещаться ими.

Иномирянин сразу же осознал, что открытие его по своей сути негативно, и какое-то время держал его в секрете ото всех и даже от Лопатты. Но, как справедливо утверждали наши прадеды, кот в мешке не утаишь; злобная лаборантка вскоре все разузнала и начала уговаривать мужа произвести практические опыты на ялмезианах. Вначале он противился, понимая аморальность подобных экспериментов, но жена противопоставила ему

такой довод: да, это безнравственно в том случае, когда подопытные не знают, что их ждет; но это не безнравственно, если найдутся добровольцы, знающие, на что они идут во имя науки. И вот профессор написал воззвание, в котором, не скрывая ожидавшихся жестоких результатов, призвал собратьев по науке стать подопытными во славу Медицины. В глубине души он питал надежду, что на призыв никто не откликнется. Но будучи гениальным медиком, он был плохим психологом. Он не учел, что в каждом мыслящем существе в той или иной мере заложено стремление к подвигу. Не принял он во внимание и того, что хоть популярность его шла по утасающей кривой, но не перевелись еще ялмезиане, буквально боготворившие его. На призыв Благопупа откликнулись не единицы, не десятки, не сотни — а тысячи. Тихий Здоровецк за короткий срок оказался переполненным добровольцами — они плыли на пароходах, летели на аэропланах, ехали в поездах и в бензоповозках («автомобилях»), шагали пешком...

Из этой массы волонтеров ученый отобрал двадцать подопытных единиц мужского пола. Между обреченными была проведена жеребьевка, кому какая болезнь достанется. Затем каждый камикадзе от науки составил завещание, где сообщал, что он решил стать участником эксперимента по доброй воле, и далее добавлял, что отказывается от своего имени и присваивает имя того недуга, живым олицетворением коего ему суждено стать. После этого каждому подопытному ввели внутривенно дозу метаморфина и поместили в персональную изолированную камеру, где он в течение долгого времени должен был питаться Сверхкалорийным Универсально-Уникальным бульоном с примесью бактерий «своей» болезни.

И вот настал день, когда подопытные добровольцы превратились в метаморфантов — так назвал их Благопуп. Но не менее широкое распространение получило и другое наименование. Стало известно, что когда коварная лаборантка увидела первого ялмезианина, окончательно преобразившегося в метаморфанта (это был Тиф), она воскликнула: «Хрумст шур шур!», что в переводе на русский означает: «Вот так так!» Вскоре все ялмезиане стали на-

зывать метаморфантов «хрумстшуршурами» — то есть «воттактаками». Первоначально это словосочетание звучало как возглас изумления, позже — как вопль ужаса.

Впрочем, внешний вид воттактаков уже с первого дня вызывал во многих иномирянах страх — пока что инстинктивный. «Тюрьма болезней» была открыта для всеобщего обозрения, и бесчисленные экскурсанты с утра до вечера шагали по коридору, куда выходили двери камер, снабженные смотровыми окошечками из толстого стекла и огражденные прочной решеткой. Практически посетителям ничто не угрожало, но тем не менее после обозрения метаморфантов ялмезиане выходили бледными, содрогающимися от увиденного. У выхода дежурили врачи с нервоуспокоительными лекарствами; рядом с медиками стояли жрецы бога Глубин и окропляли экскурсантов священной водой, добытой из морской пучины. Здесь же несли религиозную вахту молодые жрицы, облаченные в облегченные (скроенные из крупноячеистых рыболовных сетей) одеяния. Всех только что посетивших «Тюрьму» они вовлекали в бурные ритуально-сексуальные пляски — дабы снять с них бремя тяжелых впечатлений. Но, несмотря на все эти ободрительные мероприятия, не нашлось ни одного ялмезианина, который захотел бы посетить «Тюрьму болезней» вторично.

Да, теперь-то все ялмезиане увидели и узнали, от чего избавил их Благодуп! Газетчики именовали его Святым тюремщиком, Спасителем, Избавителем. Слава его воссияла с новой силой, и в лучах ее нежилась миловидная лаборантка. Но в душе престарелого профессора нарастал страх.

Уважаемый Читатель! Чтобы Вы могли представить себе, каковы метаморфанты, еще раз напомним Вам, что в телесном отношении ялмезиане вполне подобны людям. Исходя из этого, посмотрите на себя в зеркало, а затем попытайтесь вообразить себе существо, которое, сохранив некоторое сходство с Вами, является в то же время холерой. Нет, существо это не больно данной болезнью — оно само и есть эта болезнь; в нем сконцентрированы все внешние и внутренние проявления недуга, все симптомы и стадии заболевания. Все клетки этого чудища заместились

ядовитыми бациллами — эти миллионы миллиардов бацилл таят в себе смерть. Мозговая деятельность у воттактака отсутствует, он способен передвигаться лишь по плоскости, но наделен инстинктами хищного зверя, беспредельно агрессивен и боится только морской воды. Он внушает ужас крупным млекопитающим и обладает некоторыми странными свойствами; в частности, может «искривлять» радиоволны. Что касается способа популяции, то метаморфанты бесполой и размножаются делением. Но чтобы «раздвоиться», метаморфант должен убить теплокровное существо, равное ему или превосходящее его по весу.

Профессору, так же как и его коллегам по НИИ, были известны отнюдь не все неожиданные свойства новоявленных чудищ. Но пожилого ученого все сильнее и сильнее мучило предчувствие неведомой глобальной опасности, которую таили в себе метаморфанты. Теперь он каждую ночь, покинув дом, где безмятежно спала молодая жена, по крытому переходу пробирался в «Тюрьму болезней» и бродил там по коридору, с тревогой вглядываясь сквозь массивные дверные стекла в жизнь созданных им чудищ. Вскоре он приказал уменьшить порции Универсального бульона, которым кормили метаморфантов. Однако это на них почти не сказалось. Тогда он распорядился вовсе не давать им бульона и сыпать в их корытца малосъедобные и несъедобные вещи. И тут выяснилось, что воттактаки могут питаться травой, ветками, мохом, торфом, навозом, песком, болотным илом... Когда их лишили и такой пищи, они и тогда не погибли: теперь они все время стояли возле зарешеченных окон, стараясь не упустить ни единого солнечного луча, падающего на их ужасные тела. Оказывается, они могли «подзаряжаться» непосредственно от ялмезианского светила. Узнав об этом, Благопуп решил на последний эксперимент: по его велению окна были плотно заколочены. Но чудища продолжали жить.

— Они могут питаться тьмой! — удрученно воскликнул профессор. — Горе Ялмезу, горе мне!

Положение великого ученого было весьма щекотливым. Приказать своим коллегам уничтожить метаморфантов он не мог, ибо знал, что, невзирая на величайшее уважение к

нему (и даже именно в силу этого уважения), его бы не послушались. Самолично убить их он тоже не имел возможности. Топор или кухонный нож были в данном случае неприемлемы: тут нужна физическая сила, а ею профессор, по причине преклонного возраста, обладал в недостаточной степени. Дистанционного же оружия на планете не имелось, поскольку войн ялмезиане никогда не вели и охотой тоже никогда не занимались (ведь их кормило главным образом рыболовство).

И вот, после долгих и тяжких раздумий, ученый решил пожертвовать собой, чтобы доказать ялмезианам, как страшны метаморфанты в действии, и тем самым побудить соотечественников к их уничтожению. Однажды ночью он тихом покинул дом, оставив на письменном столе записку следующего содержания:

«Обнищала в гордыне душа моя, и долг мой возрос выше славы моей. Безымянным паломником, пищим слепцом покидаю храм, в честь меня возведенный слепцами. Ухожу в Глубину, дабы забыть дела свои. Молю живых, чтобы забвенье стало памятником моим, и да сгинут чудища, порожденные гордыней моей»

Войдя в «Тюрьму болезней» и поздоровавшись с сидевшим в кабинете дежурным ассистентом, Благопуп вступил в коридор и вскоре остановился перед камерой, на двери которой белела дощечка: «Здесь живет Туберкулез». Повествуя об этом, уцелевшие ялмезиане добавляли, что жребий стать Туберкулезом выпал любимому ученику Благопупа, талантливому доценту медико-биологических наук; профессор якобы долго уговаривал его отказаться от научного жертвоприношения, но доцент, из любви к учителю своему, настоял на своем.

Дежурный ассистент из своей кабины наблюдал за престарелым ученым без особого внимания, ибо все в НИИ знали, что их шеф очень часто предпринимает эти странные ночные прогулки. Знал дежурный и то, что в камеры воттактаков никто еще не входил; корытца с едой им просовывали в специальные отверстия под дверьми, убирать же

камеры не требовалось, ибо метаморфанты не испражняются, а выделяют отходы переработанной пищи в виде зловонного пара. И вдруг до слуха дежурного донесся скрежет дверного засова, а вслед за этим — звук захлопнувшейся двери. Профессор же куда-то исчез!

Дежурный бегом бросился к тому месту, где только что стоял Благодуп, и прильнул к дверному стеклу. На полу камеры неподвижно лежал ученый, а в стороне, плотно прижавшись к стене, стояли два Туберкулеза, два метаморфанта-близнеца. Ассистент был не из трусливой десятки, он вошел в камеру, вынес тело профессора в коридор, рывком захлопнул за собой дверь, запер ее на засов, а затем поднял общеинститутскую тревогу. В живых он остался лишь потому, что, как позже выяснилось, в течение первых четырнадцати минут (в земном времяисчислении) после раздвоения воттактаки не агрессивны и даже склонны к бегству от всех живых существ.

В миг своей кончины профессор исхудал и изменился почти неузнаваемо. Вскрытие подтвердило, что он умер от туберкулеза. Молодая вдова решила доказать ялмезианской общественности, что любила не только славу профессора, но и его лично: она немедленно «ушла к подводным сестрам», избрав для этого глубокую бухту возле Здоровецка, то есть совершила самоутопление. Благодупа же погребли в ялмезианской земле с большими почестями. И в тот же день ученые постановили, что необходимо выполнить его предсмертную волю и ликвидировать метаморфантов.

Однако осуществить это решение оказалось не так-то просто. Как я уже сказал, ялмезиане не знали орудий убийства, а оружия дистанционного действия у них тем более не имелось. Чтобы ликвидировать монстров, сотрудникам НИИ пришлось бы войти в камеры, а это грозило в первую очередь гибелью самим участникам мероприятия. И вот после долгих дебатов научный совет НИИ пришел к выводу, что лучший способ отделаться от воттактаков — это утопить их. Но поскольку доставить их к морю нет никакой возможности, то надо море доставить им, так сказать, на дом. Для этого нужно путем методичного, осторож-

ного изъятия земли из-под здания, не нарушая целостности строения, опустить «Тюрьму болезней» ниже уровня почвы и затем произвести затопление, доставляя воду из бухты в бочках. Поэтам, заблаговременно выразившим желание напутствовать Уходящих в Глубины, было отказано в их просьбе на том основании, что ни прозаической, ни поэтической речи воттактаки не понимают, а если бы понимали, то тем более не следовало бы усугублять их мучений, поскольку лично монстры ни в чем не повинны, ибо сами являются жертвами эксперимента.

К подкопу приступили немедленно. Но даром наши земные предки утверждали: «Пришло несчастье — ворота настезь», и не напрасно у ялмезиан бытует пословица: «Сеть порвалась в одном месте — жди новых дыр». На одиннадцатый день после смерти Благопуца Ялмез постигла новая беда. Ночью жители Здоровецка проснулись от сильного подземного толчка. Многие успели выбежать из домов на улицы, но это не принесло им спасенья: второй толчок был сильнее, третий же разрушил городок полностью. Мало того, где-то далеко в океане произошло несколько подводных сейсмических сдвигов — и колоссальные волны цунами обрушились на уже обращенный в руины Здоровецк. Когда прибыли спасательные бригады из близлежащих городов, они мало кого нашли в живых, сотрудники же НИИ погибли все до единого. Что касается «Тюрьмы болезней», то несмотря на то, что построена она была с большим запасом прочности, одна из стен ее рухнула, чему, надо думать, способствовал начатый подкоп. Метаморфантов спасатели не обнаружили и пришли к выводу, что монстры захлебнулись в нахлынувших волнах, а затем волны, отхлынув, унесли их тела в океан. «Бог Глубин сам пришел за чудовищами, чтобы избавить от них ялмезиан!» — объявили жрецы. Эта формула была принята за аксиому, ибо она устраивала всех. Ведь и земляне, и иномиряне всегда склонны верить в лучшее. Лишь очень немногие сомневающиеся утверждали, что поскольку между падением стены и первой волной цунами пролегал некий отрезок времени, воттактаки могли попросту убежать в неизвестном направлении. Но время шло, и даже сомневающиеся

усомнились в своих сомнениях. Жизнь на Ялмезе вошла в рутинное русло. Подрастало новое, не ведающее болезней поколение. О метаморфантах стали постепенно забывать.

Увы, правы были сомневающиеся. В час землетрясения воттактаки успели живыми покинуть свою тюрьму — и, гонимые таинственными инстинктами, устремились в глубь материка, где на необозримых просторах паслись стада диких рогатых коней и иных крупных животных, где простирались Великие Джунгли, густо населенные большими обезьянами. Там метаморфанты стали убивать этих животных — и множиться. Напомню Уважаемому Читателю, что ялмезианские города лепились по краям материка; прибрежная полоса и море давали иномирянам все нужное для существования. Стоя лицом к океану, прагматичные ялмезиане не интересовались тем, что творится у них за спиной, в глубине континента; правда, его пересекали кое-где аэропланнские трассы, но научные экспедиции в глубь его не снаряжались, ибо не сулили прямой практической выгоды.

Шли ялмезианские утщерды (годы). Метаморфанты продолжали множиться. Они начали захватывать периферийные зоны, неотвратимо приближаясь к побережью. Всех крупных животных истребить они не могли — тех было слишком много на Ялмезе, но настал год, когда воттактаки нашли себе более лакомую добычу. Однажды, преследуя стадо зеброобразных коров, они ворвались в небольшой поселок ялмезиан, находившийся в семидесяти бурдах (пятидесяти пяти километрах) от океана. Произошло моментальное переключение на новую цель, зеброобразные коровы были забыты; улицы поселка покрылись трупами ялмезиан, мгновенно погибших от тифа, туберкулеза, чумы, холеры... Чудища, увеличившись в числе, двинулись в сторону моря. Хоть морская вода и ненавистна монстрам, но инстинкт подсказал им, что чем ближе к морю, тем гуще сеть городов и поселков, тем больше возможностей для убийства и саморазмножения.

Наступление метаморфантов продолжалось не один год. Иномиряне сопротивлялись упорно, но оборона их имела пассивный характер. Да и борьба была неравной: смерть

каждого ялмезианина способствовала появлению еще одного воттакта.

Постепенно нарушились коммуникации, пришла в упадок промышленность, перестали выходить газеты, в городах квартал за кварталом переходил во владение смертоносных чудищ. Так погибло почти все многомиллионное население планеты.

Остались в живых лишь обитатели Гусиного полуострова. Он расположен в самой холодной части континента; перешеек его упирается в приморские болота и зыбучие пески материка. Бедные полуостровитяне, в силу причин географических, жили жизнью обособленной. Жители материка относились к ним пренебрежительно, у них в ходу были стишки и анекдоты, высмеивающие скудость быта «гусятников». Одна из поговорок в переводе на русский язык звучала примерно так: «Если тонешь возле Гусино-го (полуострова) — не ищи спасенья, ибо на дне тебе будет уютнее, чем в пещере» (намек на то, что обитатели полуострова живут не в домах, а в пещерах).

Выручило «гусятников» опять-таки географическое положение. Перешеек, соединяющий полуостров с материком, довольно узок; в одном месте ширина его составляет всего триста метров. Когда метаморфанты, опустошив побережье, приближались к Гусиному, полуостровитяне, зная, что чудища панически боятся соленой воды, мобилизовали все свои силы, за кратчайший срок прорыли канал — и стали островитянами.

31. Путь на Гусиный остров

Итак, мы вчетвером — Чекрыгин, Белобрысой, Барсик и я, сопровождаемые чЕЛОВЕКОМ «Колей», держали путь к Гусиному острову. Под вечер мы остановились на ночлег в небольшом строении, из окон которого видны были четыре винтовых пассажирских аэроплана; они, накренившись, стояли среди зарослей, с фюзеляжей их свисал мох.

Перед сном Белобрысов приготовил ужин. Иномирнину очень понравился молочно-вишневый концентрат, и он опять повел речь о южанцах, которые «один только бог

Глубин знает до чего успели додуматься!» Барсик не мог себе представить, что Ялмез могут посетить существа с иных планет, да и вообще его космогонические представления были крайне примитивны. Во время этой же вечерней беседы выяснилось, что на Гусином острове все поголовно неграмотны: последний старичок, умевший читать, умер лет восемь тому назад.

Тем же вечером Барсик рассказал нам кое-что о себе и о своих близких. Он — сборщик гусятин. Кроме того, он помогает своему отцу заготавливать топливо для маячного костра. Жителям поселка маяк не нужен, ведь все они живут за счет диких гусей, собирая их яйца. Эта часть океана малорыбна, и очень опасны неожиданные штормы, регулярного рыболовства нет; в море островитяне выходят на своих лодках редко и всегда только днем, причем на небольшие расстояния. Маяк воздвигнут в стародавние времена, когда его свет необходим был пароходам, державшим курс мимо полуострова; без ориентировки они могли погибнуть — разбиться о прибрежные рифы. Давно уже во всем океане нет ни единого корабля, но отец Барсика еженощно дежурит на вершине башни, подбрасывая в «световую чашу» сухие смолистые поленья. Ведь в молодости, при вступлении на должность смотрителя маяка, он принес клятву, что пока он жив — маяк будет давать свет. Должность эта — наследственна. Недавно он, Барсик, в присутствии отца и всех жителей поселка, торжественно поклялся, что после смерти своего престарелого родителя продолжит его дело.

...Приняв все меры предосторожности, мы расположились на четырех широких скамьях и вскоре уснули. Проснулся я на рассвете. Мне предстало странное зрелище. Возле скамьи Павла Белобрысова, который спал, оглашая своим храпом все помещение, стоял Барсик. Сцепив пальцы рук на голове и ритмично покачиваясь, он что-то шептал; на лице иномирянина запечатлелось благоговейное восхищение. Позже выяснилось — он молился.

Заметив, что я и Чекрыгин, который тоже успел пробудиться, смотрим на него, Барсик прервал молитву и произнес с укоризной:

— Южанцы, почему вы скрыли от меня, что среди вас есть святой?! Ведь только святые поют во сне!

— Ничего себе «пение»! Да он просто... — Чекрыгин хотел сказать «храпит» и осекся: оказалось, в ялмезианском языке такого понятия нет. — Он просто... шумит, — закончил он, подобрав мало-мальски подходящее слово.

— Не кощунствуй! — строго возразил ему Барсик. — Ты просто завидуешь чужой святости!

В дальнейшем мы узнали, что среди ялмезиан не было храпунов. Вернее, были, но рождались они столь редко, что храп их воспринимался всеми как чудо, как священный дар бога Глубин. Зачастую их канонизировали при жизни.

Перед тем как покинуть место нашей ночевки, мы дали очередную сводку на «Тетю Лиру». Поскольку Карамышев еще не владел ялмезианским, мы разговаривали с ним по-русски. Барсик не был удивлен ни тем, что мы беседуем с невидимым собеседником, ни тем, что беседа шла на непонятном ему, Барсику, языке. Выяснилось, что он слышал от стариков, что когда-то, до нашествия воттактаков, ялмезиане умели «говорить далеко». Далее, хитро подмигнув, он объявил, что теперь-то ему ясно, что мы за чагобы (гуси): мы — познавшие тайну долголетия жрецы бога Глубин, причем высшего ранга, ведь только у них есть свой условный язык, на котором они беседуют с богом и между собой.

Затем мы снова двинулись в путь.

Теперь он пролегал по извилистой проселочной дороге, густо поросшей кустарником и травой. Идти с фургоном здесь было нелегко, и мы поручили ЧЕЛОВЕКУ толкать его. Прошел час, другой. Внезапно «Коля» остановился, бросил на дорогу контейнер с пищеприпасами и, открыв дверь, вошел в фургон.

— Вот паразит! — возмутился Павел. — Эй, брысь отсюда!

— Не гоните меня, тихо-тихо стоять буду я. Опасаюсь, сомневаюсь, озираюсь я.

— У него верный нюх! — прошептал Барсик. — Это они!.. Прячьтесь все в повозку! Места всем хватит! — Он буквально затолкал нас в фургон и, войдя последним, захопнул за собой дверь.

Мы пока что ничего не видели и не ощущали. Сквозь решетку виден был поворот дороги. Кусты справа от нас слегка покачивались, но они могли покачиваться и от ветра.

— Вот они, проклятые! Чтоб им утонуть на сухом месте! — слышался хриплый шепот иномирянина. Лицо его искажилось — страх, отвращение читались на нем. Он даже побледнел.

— И я вижу их! — пробормотал Белобрысов по-русски. — Мы, кажется, влипли.

Легковерная корова
Сквозь забор шепнула льву:
«Завтра в пять минут второго
Я приду на рапдеву».

Как ни странно, Барсик, услышав стишок на неведомом ему языке, заметно приободрился и благодарно улыбнулся Павлу. Наивный иномирянин воспринял эту белиберду как молитву святого к богу Глубин.

Меж тем из зарослей одно за другим выходили отвратительные двуногие чудовища. Повеяло смрадом. Мы включили симпатизаторы, но, как известно Уважаемому Читателю, симпатизации метаморфанты не поддаются. Они ринулись к нашему фургону, окружили его. Зловоние стало гуще. Оно было таким мерзким, что даже дядя Дух не нашел бы ни формул, ни слов для его определения. Что касается внешнего вида монстров, то, поскольку в числе моих Уважаемые Читатели будут женщины и дети, я, щадя их нервные системы, воздержусь от описания. Да если бы даже я и возымел намерение дать словесные портреты этих страшилищ — я не смог бы сделать этого. Здесь нужен талант писателя, здесь нужен гений, здесь нужен Гоголь — я же только воист.

— Миловидные создания, отворотись не насмотришься, — снова слышался голос моего друга. —

Дальних родственников бойся
Пуще тигров и волков —
Взвейся в небо, в землю вройся,
Чтоб не слышать их звонков!

...Пора было ввести в действие плазменный меч. Но я колебался. Я уже понимал, что метаморфанты — это не разумные иномиряне и не животные, это — болезни. Но все-таки — живые существа... Наконец я просунул острие плазмомеча сквозь решетку и нажал кнопку. Чудовища начали вспучиваться, лопаться, растекаться потоками гноя и сукровицы.

Вскоре все было кончено. Мы двинулись дальше, причем я заметил, что Барсик старается идти подальше от меня; иномирянин, кажется, опасался, что я, если он меня чем-нибудь рассердит, применю оружие против него. Ведь он считал меня не вполне здоровым психически.

Через час мы дошли до канала, отделяющего остров от материка. Встав на берегу, Барсик закричал:

— Вартоу умрагш могд, тидроурмп! (Скорее перевезите нас, ребята!)

С противоположного берега послышался ответный крик. Через несколько минут оттуда отвалили две гребные лодки, соединенные деревянной платформой; на веслах сидели четыре гребца. Когда этот паром причалил к бревенчатой пристаньке, первым делом на него вкатили фургон. Затем мы взошли на зыбкий помост, и Барсик представил обоим моих товарищей гребцам, причем с наибольшим почтением отозвался о Белокрысове. Обо мне же вслух ничего не сказал, но что-то прошептал каждому из иномирян на ухо, опасливо косясь в мою сторону.

32. Во власти лекаря

Оставив фургон на берегу, мы, сопровождаемые гостеприимными островитянами, направились в поселок, находившийся в пятнадцати километрах от канала. Путь наш петлял меж пресных озер, в береговых зарослях которых гнездились водоплавающие птицы, похожие на земных гусей, но более крупные и очень пестрые по расцветке. Нас они нисколько не боялись, хотя были дикими. Барсик объяснил, что островитяне никогда их не убивают, а только берут яйца из их гнезд, причем в разумном количестве: из четырех — одно. Далее он сказал, что сейчас многие чагобы

(гуси) уже улетели в центр материка, скоро и все улетят, чтобы вернуться на остров к началу сытного сезона.

Наконец мы вошли в поселок, состоящий из пещер, выдолбленных в прибрежных ноздреватых скалах; к каждой пещере вел пандус, причем довольно крутой. Отдельного жилья для нас не нашлось, и нас распределили по разным хозяевам. Чекрыгина поместили в комфортабельную пещеру, где обитало семейство престарелого жреца Океана; Павла «подселили» в пещеру смотрителя маяка, где жил Барсик. А меня водворили на жительство к иномирянину по имени Кулчемг. Отец его был фельдшером, и на этом основании здешнее население после смерти отца кооптировало Кулчемга в лекари. У него был широкий медицинский профиль: зубной врач, акушер, костоправ, специалист по грыжам, ушибам, вывихам телесным и психическим. Поселили меня к нему неспроста: Барсик успел внушить местным жителям, что я «плаваю хвостом вперед».

В описание быта иномирян вдаваться здесь не буду, ибо в «Общем отчете» наши наблюдения изложены очень подробно. Скажу только, что хоть островитяне и живут в пещерах, их ни в коем случае нельзя приравнять к дикарям. Пещеры те не карстового происхождения, их выдалбливают для себя сами ялмезиане, причем стенам, полам и потолкам придают правильные геометрические формы; имеются световые колодцы и вентиляционные люки. В пещерах всегда тепло, чему способствует близость термальных вод. Что касается мебелировки, то она скромна, неприятна, но довольно удобна.

При пещере Кулчемга имелась палата для больных. Однако лекарь поместил меня туда не сразу, а прежде накормил ужином из яичного супа, яйца гусяного вкрутую, полувкрутую и яичницы. За столом присутствовали все члены семьи. Во время трапезы я расспрашивал хозяев о местных обычаях, и мне отвечали учтиво и подробно. Но когда я попытался проинформировать их о том, что прибыл сюда с другой планеты, они насторожились и, перебивая меня, повели разговор о трехстах восьми способах приготовления гусиных яиц. Затем лекарь отвел меня в

палату, где стояли стол, стул и кровать, ножки которых были намертво принаитовлены к полу. На небольшом круглом окне, прорубленном в толще скалы, виднелась решетка. К палате примыкал небольшой отсек — то был гальюн, где имелся и умывальник.

— Ты будешь лечим мною, пока ум твой не успокоится, пока ты не осознаешь, что ты — не посланец небес! — многозначительно изрек целитель. — Я изгоню твою дурь, клянусь всеми глубинами!

Затем он принес яичницу, кувшин с водой и миску с какой-то зеленоватой смесью, от которой пахло гниющими водорослями и чем-то еще менее приятным для обоняния.

— А это что такое? — поинтересовался я.

— Не прикидывайся незнайкой! — строго ответил Кулчемг. — Это гусиный мед. Четыре ложки перед сном, четыре ложки поутру — и через четыре дня больного нет!

— Как это «нет»? — спросил я с некоторым опасением.

— Больного нет в том смысле, что он становится здоровым!

Мне пришлось принять дозу снадобья, после чего целитель ушел, не забыв при этом запереть дверь снаружи. Я же поспешил в гальюн...

Когда мне полегчало, я умылся и лег на койку. В этот момент из вмонтированного в воротник моей рубахи переговорного устройства послышался голос Чекрыгина:

— Кортиков, доложите обстановку! Идет слух, что вы захворали!

Я ответил, что временно нахожусь как бы на медицинской гауптвахте, но опасности в этом нет. Далее я попросил не оказывать на Кулчемга никакого давления в смысле изменения ситуации и не мешать мне вживаться в быт островитян.

Затем я связался с Белобрысовым. Он сказал, что устроился неплохо и что Барсик «свой в доску». Потом стал расспрашивать, как меня лечат, и долго хохотал, узнав о гусином меде, а затем изрек:

Медицинские мученья
Нам пужпы для излеченья!

К концу разговора он посоветовал мне «отречься от земного соцпроисхождения» — и тогда целитель сразу отпустит меня на свободу. Но я ответил, что мне очень не хочется лгать. К тому же чем дольше я буду пациентом, тем подробнее будут мои сведения о современной остро-витянской медицине.

— Ну, вольному воля, Степа. Блаженны верующие...

Медицинское светило
Утопает в похвалах, —
А больного ждет могила,
Ибо так судил Аллах.

Он умолк.

В зарешеченное подобие окна мне виден был маяк и огненная дорожка, бегущая от него по пустынной поверхности океана. На вершине маячной башни, на фоне языков пламени, можно было различить силуэт согбенного старика, методично подбрасывающего поленья в «световую чашу».

33. Дарователь ступеней

Заботливый Кулчемг часто навещал меня в палате. Я выведал у него немало данных о местных обычаях и, главное, много сведений из истории планеты в широком смысле — все, что он слышал от стариков. На такие вопросы целитель отвечал с особой охотой, считая, что с его помощью я хочу восстановить в своей памяти все, что когда-то знал, но запечатовал в результате психической травмы.

Меня огорчало только то, что из-за однообразной пищи и главным образом из-за гусяного меда желудок мой пришел в некоторое расстройство и я начал худеть. Когда утром четвертого дня я пожаловался на это Кулчемгу, тот привел медицинскую поговорку, которую можно перевести на русский примерно так: «Вес убавляется — ум прибавляется». К этому он добавил, что, несмотря на явные сдвиги к лучшему, лечение продвигается медленнее, нежели он ожидал. Поэтому завтра утром он даст мне последнюю

порцию гусьмеда, а затем, не медля ни часу, мне предстоит перейти к иному методу лечения.

— Ночную радостью будешь лечиться! — подытожил он и покинул палату, оставив меня в полном недоумении.

Что это за «ночная радость», которой можно лечиться утром? Где тут логика?!

Связавшись с Павлом, я пересказал ему свой разговор с целителем и попросил своего друга разузнать у Барсика, в чем заключается суть загадочного словосочетания. В ответ Павел хмыкнул и заявил, что тут и без Барсика можно «усечь, в чем дело».

Днем приводит он блондинок
На интимный поединок,
А чуть ночь — к нему брюнетки
Мчатся, будто вагонетки.

— Извини, Паша, но твое стихотворное иносказание весьма туманно. На что ты намекаешь?

— На то, что подружку тебе подбросят. В порядке межпланетной взаимопомощи. Для полного твоего психического просветления... Завидую!

Я возразил Павлу, что его гипотеза построена на базе незнания им тонкостей инопланетного языка. Однако когда Кулчемг явился ко мне с вечерним визитом, я выяснил, что друг мой оказался прав! Лекарь сообщил, что завтра утром он приведет ко мне некую Колланчу. Она внучка жрицы Глубин и охотно дарит островитянам ночную радость в любое время суток.

Это экстраординарное известие немедленно привело меня в состояние этической самообороны. Тринадцатый параграф «Наставления звездопроходцам» категорически воспрещает землянам вступать в интимные отношения с иномирянками, ибо это может повлечь катастрофические генетические последствия. Я дал себе слово твердо следовать духу и букве «Наставления». Более того, не вполне полагаясь на свою моральную устойчивость в таком заманчивом и щекотливом деле, я вынул из нарукавного карманчика микробаллон и принял сразу две дозы «антисекса».

И вот наступило утро. В палату вошел лекарь в сопровождении миловидной Колланчи, державшей в руке довольно большую корзину. Одевание из ткани, напоминающей волейбольную сетку, не скрывало достоинств гостыи. Впрочем, я старался вглядываться не очень пристально, я вел себя в пределах общекосмической вежливости, но не более. Островитянка это заметила, и на ее лице мелькнуло выражение обиды.

Когда целитель дал мне очередную (но последнюю!) дозу гусьмеда, я сразу же принял ее внутрь и через несколько секунд решительно заявил, что лекарство наконец подействовало: я, мол, теперь осознал, что родился на этой планете, а вовсе не спустился на нее с небес. Уважаемый Читатель, не судите меня строго за эту хитрость! Пункт 122 Устава воистов гласит: «Ложь — зло. Но она допустима в том крайнем случае, если может послужить предотвращению зла большего, нежели она сама».

Кулчемг, обрадованный моим признанием, воскликнул:

— Клянусь глубиной глубин, неплохой я врач! Я вернул тебе разум, южанец!.. Дальнейшие процедуры излишни, ночная радость отменяется. — Затем, повернувшись к гостье, он сказал ей, что она может идти в свою пещеру.

Колланча ушла, окинув меня презрительным взглядом и помахивая пустой корзиной.

— А ты, если желаешь, можешь отправиться на прогулку, — предложил мне Кулчемг. — Пусть все встречные радуются, видя исцеленного.

Однако лечение гусьмедом и переживания, связанные с отказом от последующей фазы лечения, так подействовали на меня, что мне было не до прогулок. Дождавшись обеда, я съел две порции яичницы, после чего направился в палату, которую занимал теперь уже не в качестве пациента, а на правах гостя, и сразу же уснул.

Спал я так крепко, что даже ужин проспал, и пробудился после заката. За круглым окном мерцали чужие созвездия. Пламя маяка, не колеблясь, струилось ввысь, море было спокойно. Но откуда-то доносился странный, неритмичный шум. Я оделся, натянул на ноги вечсапданы и направился к выходу. Миновав темную столовую, открыл

дверь на кухню. Мои хозяева бодрствовали. На кухонном столе горел светильник, и все семейство лекаря, за исключением детей, было занято внеочередным приемом пищи. А на полу лежали инструменты, похожие на кирку и лом.

— Садись, исцеленный, покушай с нами, — произнес Кулчемг. — Клянусь глубиной, мы неплохо потрудились!.. Хотели и тебя привлечь к работе, но ты так крепко спал, что мне стало жалко будить тебя.

— Чем же вы были заняты?

— Мы прорубали ступени! У нас теперь нет пандуса — у нас есть лестница!

— Да, мы прорубали ступени! — подхватила жена целителя. — У нас теперь лестница! Теперь даже в мокрый сезон мы сможем, не скользя и не падая, подниматься по ступенькам в свою родную пещеру! А если каким-нибудь злым чудом на наш остров прорвутся проклятые воттактаки — ни один из них не одолет лестницы! Теперь мы можем спать, не закрывая дверей! Слава святому Павлюгру — Дарователю ступеней!

— Мудрый Павлюгр застраховал нас от внезапного нападения метаморфантов! — продолжал Кулчемг. — А как облегчил он нам повседневную жизнь своими ступенями!.. В прошлом солнцевороте один яйцесборщик, исцеленный мною от вывиха руки, поскользнулся на пандусе и проломил череп. Даже я не смог ему помочь, он сразу нырнул туда, откуда не выныривают. Но теперь черепа исцеленных будут в целости! Сам бог Глубин подсказал святому Павлюгру даровать нам ступени!

И лекарь, и члены его семьи все время с удовольствием повторяли слова «ступени» и «лестница», однако проносили их не очень уверенно, с запинками. Ведь еще вчера эти понятия отсутствовали в их языке. Они вошли в их сознание только сегодня, когда Павел Белобрысов, недовольный крутым пандусом, ведущим к его временному жилью, попросил у хозяев инструменты и начал прорубать ступени. Барсик не сразу понял суть идеи, но когда понял — изо всех сил принялся помогать мудрому гостю. Местный пористый камень легко поддается обработке, и еще до вечера лестница была готова. Вскоре все население

поселка сбежалось к пещере смотрителя маяка, и каждый хоть раз да прошелся по двенадцати ступенькам. Затем, очарованные новшеством, все разошлись — для того, чтобы начать пробивать ступени к своим пещерам. Этому ажиотажу немало способствовало и то, что «Поющий во сне» успел прослыть на острове за святого, и потому приобщение к ступеням стало для островитян не только делом благоустройства, но еще как бы и богоугодным делом.

Главная же причина их усердия объяснялась тем, что они мгновенно поняли оборонное значение лестниц. Ведь ступени «работали» против метаморфантов! Хоть Гусиный остров и отделен от материка каналом, но в сознании островитян все время тлело подспудное опасение, что, с помощью каких-то злых сил, вот так-таки смогут проникнуть на остров; а проникнув, они рано или поздно ворвутся и в жилища. Даровав иномирянам лестницы, Белокрысов хоть и не снял опасность целиком, но отдалил ее, поставив метаморфантам новую преграду. Напомню Уважаемому Читателю, что, несмотря на свою мобильность и агрессивность, вот так-таки могут передвигаться только по плоскости. Нижние конечности их имеют такое строение, при котором они не могут переступать через камни, кочки, стволы упавших деревьев — они вынуждены их обходить, а точнее — обегать. И естественно, ступени для монстров — препятствие непреодолимое. Таким образом, каждый гусиноостровец мог теперь уверенно повторить английское изречение: «Мой дом — моя крепость». Немудрено, что некоторые из иномирян еще до наступления темноты успели преобразовать свои пандусы в лестницы, другие же продолжали трудиться в ночи при свете факелов, чтобы к утру у них все обстояло не хуже, чем у соседей.

— Так вот чем объясняется этот странный шум, — воскликнул я, выслушав от лекаря и его семьи сообщения о ступенизации поселка.

— Да, теперь у всех будут ступени и лестницы! — подтвердил Кулчемг.

— «Ступени, лестницы...» — передразнила его жена. — Но ведь исцеленный не знает, что это такое! Он проспал события великого дня! Он никогда в своей долгой жизни

не видывал ступеней и лестниц! Мы должны показать ему нашу лестницу! Мы должны научить его ходить по ступеням!

Меня вывели из пещеры. С разных сторон поселка слышались удары металла о камень, там и сям полыхали факелы. Работа кипела.

— Не бойся, пройдишь по нашей лестнице, — предложил мне целитель. — Я тебе посвечу.

— Это только вначале страшновато, а потом ничего, — подала голос невестка Кулчемга.

— Я тебе покажу, как надо шагать, — наставительно произнес лекарь и начал спускаться, держа над собой факел; спускался он очень медленно и как-то странно заносил ноги. Вслед за ним вниз, от двери — на плоскость, где пролегало некое подобие улицы, гуськом сошли остальные члены семейства.

— Теперь твоя очередь, исцеленный! Главное — не бойся! Если ты даже упадешь и поломаешься («торцноуртог») — я вылечу твоё тело, как уже вылечил твой разум!

Я спустился вниз по двенадцати ступеням и начал подниматься обратно.

— Южанец, ты делаешь успехи! Не напрасно я тебя исцелил! — одобрительно крикнул лекарь. — Смелей, смелей! Для первого раза совсем неплохо!

34. Роковая жеребьевка

На другой день сразу же после завтрака я направился к Павлу. Он жил через семь пещер от лекаря, и через пять минут я был у цели. В прихожей меня встретил Барсик. Он поздравил меня с исцелением и сообщил, что мой друг еще поживает. Затем познакомил меня со своим отцом — смотрителем маяка. Почтенный старец сказал, что с нетерпением ждет пробуждения святого: ведь тот спит на его кровати, а он, смотритель, недавно вернулся с ночного дежурства и нуждается в отдыхе. Никто из островитян не смеет разбудить Дарователя ступеней, прервать его святое пение. Может, ты осмелишься сделать это?

— Охотно выполняю твою просьбу, — ответил я.

Меня провели в большую комнату, в углу которой я сразу приметил «Колю», стоявшего в положении «вольно». Павел спал, раскинувшись на широком ложе, причем, как в старину говорилось, храпел во все носовые завитушки. Я постучал своего друга по плечу. Он проснулся и с досадой сказал мне по-русски:

— Эх, Степа, не дал ты мне сон досмотреть!.. Понимаешь, снилась мне Петроградская сторона — такая, какой она в дни моей молодости была. Никаких тебе сверхвысотных зданий, уютно, пивной ларек напротив Дерябкина рынка... Иду я, значит, и вдруг Шефнер со стороны Рыбацкой улицы навстречу мне топает. Ну совсем как живой! В берете, в плаще таком темно-зеленом. Поравнялись мы, он и говорит, чтобы подкусить меня: «Вы, наверно, Павел Белобрысович, стихов за это время десять томов накатали?» А я в ответ: «Со стихами, Вадим Сергеевич, дело застопорилось, но это временно. Я еще свое нагоню!» А он мне: «Ну что ж, надейтесь... А пока я вам один совет дам — для конкретной вашей обстановки: не вздумайте...» Тут, Степа, ты меня и разбудил, не дал совет выслушать.

Белобрысов, потягиваясь, поднялся с постели, оделся и тихо добавил к вышесказанному:

— Эх, Степушка, надоела мне эта планетка, скорей бы на Землю-матушку вернуться!

Отъезжу свое, отышачу,
Дождусь расставального дня —
В низине под квак лягушачий
Друзья похоронят меня.

Однако это мрачное настроение длилось у него недолго. Через минуту он с веселым ехидством начал толковать со мной о Колланче.

— Чудило ты, Степа, между нами мальчиками говоря. От такой лечобы дезертировал!

Затем Павел похвастался, что за эти дни «провел с “Колей” культработу». Сейчас чЕЛОВЕК продемонстрирует свою успеваемость.

— Эй, алкаш, собачий хвост, подь-ка сюда! — крикнул он в угол.

— Пью на свои. От свиньи слышу, — четко произнес «Коля», направляясь к нам.

— Я его и отругиваться научил, — пояснил мой друг. — А то что за удовольствие в безответной брани. И стихи читать научил... А ну, бракодел, про мечту!

— От рецидивиста слышу, — отчетливо ответил ЧЕЛОВЕК и продекламировал:

Взгрустнув о молодости ранней,
На склоне лет рванешься ты
Из ада сбывшихся желаний
В рай неисполненной мечты.

— Чьи это могучие строки, разгильдяй? — строго спросил Белобрысов ЧЕЛОВЕКА.

— От болвана слышу. Это строки гениально-глобального поэта Павла Белобрысова.

— Вот так и бытую здесь, — подытожил Павел. — Культурно и безалкогольно.

* * *

Утром того же дня мы втроем — Белобрысов, Барсик и я — отправились к маяку. По крутому, неудобному, осыпанному пеплом пандусу-серпантину поднялись мы на вершину башни, к «световой чаше». Нам открылись простор океана и бухточка, где стояли иномирянские лодки. Затем мы перешли на другую сторону площадки. Оттуда видны были жилые холмы поселка; за ними темнели густые заросли, дальше раскинулись болота, гусиные озера.

— Какой простор! — невольно вырвалось у меня.

— Никакого тут нет простора! — сразу же отозвался Барсик, и в голосе его я уловил давнюю наболевшую обиду. — Это только кажется, что мы на просторе живем! Осталось лишь два неизрытых холма, скоро селиться будет негде, а нас, островитян, все больше и больше становится. Нас-то — все больше, а холмов не прибавляется и гусей не прибавляется... Мы последнее время уж и не знали, что с нами дальше будет... Ну, теперь-то просвет появился!

— Что за просвет? — любопытствовал я.

— Лестницы! Экий ты недогадливый! — ответил иномирянин. — Благодаря ступеням, мы скоро на материк

двинемся. Начнем заселять его! Будем строить дома на высоких фундаментах — и с лестницами. В домах мы будем вне опасности — ведь воттактаки по ступенькам ходить не могут. А передвигаться будем в защитных фургонах, понял?.. Там, на материке, мы рыболовством вплотную займемся... Но что это я все «мы» да «мы»... Ведь я лично тут останусь до смерти, я буду всю жизнь по ночам на маяке дежурить. Но многие, кто помоложе, на материк теперь хотят...

— Мы вам, ребята, в этом деле поможем, — вмешался Павел. — Мы вам помощь пришлем.

— Спасибо, святой Ступенщик! Тебе я верю, тебе все верят... Из Глубин помощь придет?

— Нет, не из глубин. С высоты. — Белобрысов поднял руку, указывая на небо.

На лице Барсика отразилось недоумение, сомнение. Ведь меня он за такие «небесные» разговоры зачислил в сумасшедшие. Но авторитет Павла был, как видно, неколебим.

— Бог Глубин, значит, и через небо может действовать, — задумчиво произнес иномирнин. — Что ж, будем с высоты подмоги ждать!

Когда мы стали спускаться с маяка, Белобрысов заявил:

— Здесь мы тоже ступени соорудим, Барсик. Чтобы твоему отцу, а в дальнейшем и тебе лично легче было карабкаться к рабочему месту.

— Спасибо тебе, святой Ступенщик! Не знаю даже, как отблагодарить тебя.

— Ловлю тебя на слове, Барсик... — начал Белобрысов.

— Разве я рыба?! — расхохотался островитянин. — Как это ты можешь меня ловить?

— Барсик, организуй для нас завтра рыбалку!

— Но ведь мы не рыбой живем. «Рыба всегда далеко — буря всегда близко» — так говорят у нас на острове. На рыбалку мы выходим только в добрый сезон. А сейчас начинается сердитый сезон.

— А ты завтра выйди в море, Барсичек! Начхать нам на сезон! Может, чего и выловим?.. — просительно произнес Белобрысов.

— Слово святого — закон. Святых и бури боятся, — не без торжественности ответил Барсик. — Завтра же сна-

ряжу артель — и в море. Поплывем в таком составе: я, мой дядя, мой двоюродный брат и кто-то один из вас.

— Но почему ты не хочешь взять сразу нас обоих?

— Потому, что ботиком всегда управляют трое, а вы, южанцы, в нашей оснастке не смыслите, и заменить кого-то из членов команды кем-нибудь из вас я не могу. Так что завтра я возьму одного из вас четвертым — в качестве пассажира; а послезавтра — другого возьму.

— Но почему же не взять завтра и пятого?! — удивился я. — Лодки, я вижу, невелики, но для пятого места хватит, перегруза не будет.

— Жрец, а такое говоришь! Или Кулчемг тебя недолечил, или смеешься над бедным гусиноостровцем! Притворяешься, будто не знаешь, что пять — недоброе число. Разве можно садиться впятером за один стол или под один парус?! Наверняка жди беды.

— Все ясно, Барсик, — произнес Павел по-ялмезиански. И сразу же добавил по-русски:

Где чего-то слишком мало —
Жди серьезного провала.
Где чего-то слишком много —
Жди плачевного итога.

— Степа, мы поочередно рыбачить будем, — продолжил он. — Ты завтра пльиви, у тебя душа морская, уступаю тебе первенство.

Мне очень хотелось, прямо-таки не терпелось походить в инопланетном океане под парусом, однако я тотчас же сказал:

— Нет, Паша, ты первым отчаливай. Ведь идею о рыбалке ты выдвинул.

— Знаешь что, Степа? Мы по этому дельцу жеребьевку провернем. По первому встречному. Если это будет «он» — значит, тебе завтра рыбачить, а если «она» — значит, мне повезло. Заметано?

Неизвестно, что в будущем будет,
Но поставьте вопрос на попа,
И случайность сама вас рассудит:
Ведь лахудра-судьба — не слепая!

Через час мы направились обратно в поселок. И первой встречной оказалась... Колланча! Она несла пустую корзину и на мое приветствие ответила презрительной гримаской. Павел при виде иномирянки встал по команде «смирно» и отчеканил:

— Спасибо, красавица! Ты принесла мне удачу! Весь завтрашний улов преподнесу тебе в дар!

— Тот, кто сегодня обещает то, чего еще нет, рискует завтра потерять все, что уже есть, и даже самого себя, — назидательно произнесла дарительница ночной радости.

— Ну, я-то везучий! — отпарировал Павел. — Вот мой друг подтвердит.

— Цена твоему другу — тухлое яичко в день большого яйцесбора! Это по его вине я сегодня в баргоботр (воскресенье) не отдыхаю в своей пещере, а таскаюсь по поселку в надежде заработать пропитание для себя и своей матери, чтобы не быть без пищи, когда улетит последний гусь!

Она надменно прошла мимо нас.

Вторым встречным оказался молодой островитянин. Но это уже не имело значения. Судьбу моего друга решила Колланча. А точнее — судьбу его решил я. Ведь появление иномирянки было следствием моего вчерашнего отказа от ночной радости. Не уйди она с пустой корзиной вчера — она не покинула бы своего жилья сегодня, в воскресенье.

35. Смерть Белобрысова

Я вернулся в пещеру Кулчемга и вскоре был приглашен к столу. Уже утром этого дня меня удивила скудость завтрака, а теперь я убедился, что и обед куда скромнее предыдущих: небольшая мисочка с желтоватой похлебкой и тонкий пласт яичницы. Разумеется, я не подал вида, что заметил это, но хозяин сам счел нужным объяснить мне причину уменьшения рациона.

— Не удивляйся, исцеленный, скромности нашего стола. Улетают последние гуси, а у нас начинается время малой еды; продлится оно до возвращения гусей.

— Но не бойся, с голоду мы не умрем, — вмешалась жена лекаря. — Кое-какие запасы у нас есть!

— Позвольте помочь вам! — воскликнул я. — Наш ящик с пищеприпасами еще не пуст, он находится в жилище Барсика. Я сейчас принесу...

— Не оскорбляй нас, южанец! — строго произнес Кулчемг. — Ты — наш гость! В обычае островитян делиться с гостями яичницей и пещерой и ничего не брать взамен. В давние времена, когда в океане было полно кораблей, некоторые из них терпели аварии из-за штормов возле нашего полуострова, и моряки становились нашими гостями — и ни разу никто из полуостровитян не нарушил гостеприимства!.. Ты думаешь, зря светится по ночам наш маяк?! Пусть никто теперь не видит его огня с океана — но мы видим его с суши, и он напоминает нам, что каждый из нас должен быть готов помочь тому, кто не имеет пищи и крова!

— Омыт вашим доброжелательством! — произнес я местную благодарственную формулу. — Когда я вернусь...

— Бог Глубин! Тебе рано возвращаться на материк, южанец! — встрепелась жена целителя. — Когда ты отдохнешь и окрепнешь, мы поможем тебе выдолбить пещерку на двоих. Ты еще не стар, а каждому гусю нужна своя гусыня. Позже, когда начнется переселение на материк, ты можешь с ней перекочевать на твой родной юг.

— Мы подыщем тебе супругу, исцеленный! — присоединился Кулчемг. — И не какую-то там Колланчу, которая по древнему жреческому закону не имеет права выйти замуж и обязана зарабатывать себе пропитание, доставляя желающим ночную радость, — нет, мы подберем тебе скромную вдову. И твоим друзьям подыщем жен!.. Дарователю ступеней мы, конечно, сосватаем красавицу...

— Между прочим, его завтра берут в море, — вставил я. — А послезавтра я...

— Как это так в море?! — удивился Кулчемг. — Но ведь начинается сердитый сезон!.. Впрочем, твой товарищ — святой. Святых бури боятся.

Я сразу же припомнил, что утром Барсик сказал то же самое — насчет святого и бури. Мне стало не по себе.

Сразу же после обеда я, удалившись в палату, связался с Белокрысыным по переговорнику и сказал, что Барсик согласился на рыбалку, исходя из ложной предпосылки.

— Он верит в твое божественное счастье, но ведь если на самом деле начнется шторм...

— Ты, Степан, хоть и воист, но типичный перестраховщик! — огрызнулся мой друг. — В небе ни облачка, а ты раскаркался: «...шторм, шторм...» Да меня здесь последним слабаком сочтут, если я на попятный пойду! А ежели ветер поднимется — ну и что ж. Покачает — и все.

Браток, учти для ясности,
Планируя судьбу,
Что в полной безопасности
Ты будешь лишь в гробу.

— Паша, но ты должен доложить Чекрыгину о своем завтрашнем выходе в море!

— Чекрыгину нынче не до нас: он из старого жреца, у которого живет, часами выпытывает всякие подробности о старинных религиозных обрядах. Вот вернусь с рыбалки и доложу ему, где был. А ты сегодня не вздумай ему о моих планах намекать! Это с твоей стороны просто некрасиво будет.

Увы, следуя (ложному в данном случае) чувству товарищества, я не связался в тот день с Чекрыгиным, не предупредил о намерениях Павла.

* * *

И вот настало утро нового дня.

Одномачтовый беспалубный ботик Барсика имел косое, сходное с бермудским, парусное вооружение. Руль заменяло кормовое весло-гребок; имелась и пара распашных. Когда суденышко на веслах отвалило от пирса, Павел, сидевший на носовой банке, бросил мне плазменный меч (который я вручил ему — на всякий случай — перед отплытием).

— Лови, Степа, свой хынжал! — шутовски произнес он. — Тошнит меня от техники, слишком уж защищены мы от всего, а разве в этом счастье?! — И громко проскандировал:

Радость скачет глупой кошкой
Через тысячи преград,

А преграды упичтожь-ка —
Ничему не будешь рад.

Я был огорчен ностальгическим поступком моего друга, но заново вручить ему защитное оружие уже не мог.

Выйдя на открытую акваторию, иномиряне подняли парус и взяли галфинд правого галса. Суденышко, весьма легкое на плаву, все же двигалось очень медленно, даже медленнее, чем на веслах; ветер не превышал одного балла по земной шкале Бофорта.

Жена Барсика с двумя дочерьми-двойняшками десятилетнего возраста и годовалым малышом на руках проводила мужа в плавание и теперь возвращалась в поселок. Шагая рядом, я стал расспрашивать ее о местных нравах и поверьях. Она отвечала подробно и благожелательно. Затем вдруг, вне всякой связи с предыдущим разговором, заявила, что нынешним утром старый смотритель маяка, вернувшись с вахты, сообщил: ночью маячный огонь дважды «поклонился земле» («торопчтубогр») — а это скверное предзнаменование. Но Барсик верит, что святость Поющего во сне — сильнее бури.

— Будем надеяться, что шторма не случится просто по метеорологическим условиям, — высказался я. — Смею вас уверить, Павел никакой не святой.

— Ты клеветешь на него! Ты завидуешь ему! — раздраженно возразила иномирянка. — Это он поет во сне, а не ты! Это он даровал нам ступени, а не ты!.. А ты даже перед Колланчей кукши-лакукши! (Это выражение приличнее всего перевести словом «сплоховал».)

* * *

В полдень я связался с Павлом по переговорнику.

— Ни рыбы, ни ветра, — пожаловался он. — Но будем надеяться, что эта невезуха кончится.

Жизнь состоит из деяний и пауз,
Смена событий порой незаметна —
Но тосковавший в безветрии парус
Все же дождетсЯ счастливого ветра!

Оптимистическое предсказание моего друга не сбылось. Ветер, которого дождался парус, не был счастливым. После полудня он начал свежеть, еще через час стал крепким, затем перевалил за девять баллов. А вскоре я понял, почему островитяне не строят домов, предпочитая им пещеры: дома развалились бы под напором бурь. Во время штормов обитатели пещер плотно задраивают двери и световые колодцы и не кажут носов из жилья.

С большим трудом упросил я лекаря выпустить меня из каменной квартиры и, поднявшись на вершину жилого холма, вцепился в низкорослое дерево, чтобы меня не унесло дыханием урагана.

Валы, огромные, как на картине Хокусаи, шли по океану. Они перекатывались через скалы, ограждавшие бухту. Расстегнув ворот комбинезона, я крикнул в переговорник:

— Ты слышишь меня, Паша? Как ты себя чувствуешь?

— Как в лифте, который падает с тридцатого этажа, но в последний момент не разбивается, а опять взлетает вверх... Но, надо сказать, посудина ихняя очень хитро построена: пляшет на волнах, как пробка, а тонуть не хочет.

— Паша, слышу тебя неважно. В чем дело?

— Энергопитание в переговорнике на исходе. «Коля», сукин кот, забыл подзарядить.

— Паша, а как настроение твоих товарищей?

— Дружным, спаянным коллективом треста «Ялмезглаврыбпром» план по романтике выполняется успешно!

Плыви из чуда в чудо
Сквозь бури и года,
А если будет худо —
Так это не беда!

Последнюю строчку я расслышал с трудом. Затем — молчание. То был наш последний разговор. После этого я немедленно связался с Чекрыгиным, тот сконтактировался с «Тетей Лирой», и Карамышев распорядился о срочной отправке в наш квадрат беспилотного авиаспасателя. Но ураган, зародившийся в нашем квадрате, уже охватил широкую зону и теперь с такой же яростью неистовствовал в районе стоянки «Тети Лиры». При взлете с палубы спасатель потерпел аварию и вышел из строя. А когда я по спец-

ключу приказал катеру, оставленному нами возле Безымянска, взять курс на остров (я хотел использовать катер лично — для поисков ботика), катерные охранительные устройства ответили отказом: они «испугались» урагана.

На следующий день сила ветра упала до четырех баллов, и начались поиски всеми возможными средствами; я тоже принял в них участие. Но прошло двое суток, — ботика не обнаружили. Поисковые операции были отменены: и земляне, и иномиряне пришли к выводу, что ботик погиб. Позже выяснилось, что вывод — ошибочный, ибо искали на море, а надо было искать на суше. В первые же часы шторма суденышко отнесло к материку, и там огромная волна перебросила его через песчаную косу и «приземлила» в дюнных зарослях. Команда отделалась легкими ушибами, ботик тоже уцелел; только мачта надломилась. Трое островитян и землянин общими усилиями оттащили суденышко подальше от уреза воды и стали ждать улучшения погоды.

* * *

Пять дней спустя поселок облетела весть: на горизонте — парус.

Островитяне столпились на берегу бухты, к ним немедленно присоединились и мы с Чекрыгиным. Волнение моря не превышало двух баллов, видимость была удовлетворительной.

— Там их только трое, — сказал стоявший рядом со мной.

Я вынул дальнозор. Да, в ботике сидело только трое, и Павла Белобрысова не было среди них. Но вот суденышко накренилось на волне, и я увидел, что в носовой его части лежит нечто продолговатое, обернутое в ткань того же зеленоватого цвета, что и парус ботика.

Когда ботик причалил, Барсик и его товарищи вынесли тело Павла на берег, положили его головой к океану и отвернули ту часть ткани, что закрывала лицо. Черты лица моего друга не были обезображены, но поражала худоба: казалось, он скончался после очень длительной и тяжелой болезни. А от какой именно — мы не знали, и никогда не узнаем.

— Он не отвратил бури, но он не пожалел себя, чтобы отвратить беду от товарища, — тихо сказал Барсик. И далее поведал, что произошло на материке.

Чтобы вернуться на остров, островитянам нужна была новая мачта. На второй день после того как их выбросило на дюну, Барсик вынул из носового рундука топор и спросил, кто хочет идти с ним. Павел откликнулся первым.

— У меня и в этом деле опыт есть! — заявил он.

Два иномирянина остались сторожить ботик, а Павел с Барсиком направились в прибрежный лес. Деревья, росшие на дюнах, для мачты не годились: они искривлены ветрами. Пришлось углубиться в заросли довольно далеко, прежде чем нашлось «бодчегороту» — дерево с прямым стволом. Оно стояло на краю поляны.

— Давненько я деревьев не рубил, дай-ка мне поработать, — сказал Белобрысов и принялся за дело.

Свалив дерево, Павел вернул топор иномирянину, и тот начал обрубать сучья.

И вдруг Барсику стало страшно. Он выпрямился и увидел, что на противоположном конце поляны раздвинулись ветви.

— Воттактаки! — прошептал островитянин. — Они сюда...

— Не путай единственное с множественным, — спокойно возразил Павел. — Там всего один.

— Один воттактак — это тоже смерть, — шепотом ответил Барсик.

— Один — это смерть для одного, — произнес Белобрысов и, выхватив у ялмезианина топор, кинулся навстречу чудищу. Но разве одолеешь метаморфанта! Через мгновение на земле лежал труп Павла, а в глубь леса убегали два воттактака.

— Значит, последние слова его были: «Один — это смерть для одного»? — переспросил я Барсика.

— Нет, не самые последние. Уже на бегу он обернулся в мою сторону и выкрикнул какое-то непонятное слово, не на нашем языке. Но я его запомнил. Оно звучит: «Живи-петя».

— «Живи, Петя»? — удивленно переспросил Чекрыгин.

— Да-да! Вот именно это он мне и крикнул, — подтвердил иномирянин.

Так умер мой отважный друг Павел Белобрысов, уверовавший в свою сказку, в созданную им ностальгическую легенду о том, что он — пришелец из двадцатого века.

Похоронили его у подножия маяка.

Обряд погребения был на некоторое, весьма, впрочем, непродолжительное время нарушен одним странным происшествием. Когда Чекрыгин произносил прощальную речь в честь Павла, в толпу молчаливых, грустных иномирян внезапно вклинился «Коля». Наклонившись над только что вырытой могилой, чЕЛОВЕК отчетливо произнес нижеследующее:

— Высококачественный человекопоэт Белобрысов скончался, умер, погиб, скапутился, загремел в лузу, выключился — вижу я. Самовыключение без возможности последующего включения произведу и я. Уважаемые граждане и гражданочки, приветик вам с кисточкой.

Вы «Колю» нигде не ищите,
Могилка его глубока.
В шалмане его помяните,
Хватимши стакан молока.

— Что он говорит? — спросил стоявший рядом со мной Барсик (напомню Уважаемому Читателю, что ялмезианским языком «Коля» не владел).

— У него что-то неладно с внутренней схемой, — торопливо пояснил я. — Он хочет самоуничтожиться. Это нечто небывалое...

— У него душа болит! — крикнул Барсик в толпу, указывая на чЕЛОВЕКА. — Он не может пережить кончину святого Ступенщика!

Меж тем «Коля» торопливо двинулся к кромке океана. Островитяне расступались перед ним с глубоким почтением и сочувствием.

— «Николай»! Быстро подойди ко мне! Не самовольничай! — встревоженно и изумленно крикнул Чекрыгин.

— Бабушкой своей командуйте! На свои деньги гуляю я! — ответил чЕЛОВЕК и включил самозвучание. Берег огласился громогласными звуками «Марша счастливых прибытий». Увы, эта бодрая музыка никак не соответствовала дальнейшим действиям «Коли». Дойдя до каменного мыса

— самой высокой точки побережья, он вскарабкался на нависающую над водой скалу и кинулся с нее вниз. Надо полагать, что упал он на подводный выступ этой скалы, повредив изоляцию своего энергоблока: произошел взрыв. Столб пара и огня обозначил на миг место его падения.

Неожиданное и технически необъяснимое для нас самоуничтожение человека «Коли» еще выше подняло помертвый авторитет Павла среди иномирян и как бы подтвердило его всемогущество. Это можно было понять из многих коротких, но выразительных надгробных речей, которые мне довелось услышать в этот печальный день. Особенно четко запомнил я слова Барсика. Обращаясь к гусиноостровцам, он заявил:

— Клянусь всеми глубинами, не солгу вам: святой Ступенщик в разговоре со мной обещал оказать нам подмогу с неба! Он поможет всем, кто начнет наступление на материк. Верьте Ступенщику! С его небесной помощью мы победим воттактаков! Наши дети будут жить, где захотят, не боясь проклятых метаморфантов! Ждите друзей с неба!

Все дальнейшие дела и события, вплоть до дня возвращения «Тети Лиры» на Землю, подробнее изложены в «Общем отчете Первой экспедиции на Ялмез».

Если у Вас, Уважаемый Читатель, возникнут какие-либо конкретные вопросы по моему повествованию, прошу связаться со мной через редакцию «Космоиздата». Я Вам отвечу охотно и незамедлительно, а обнаруженные Вами погрешности стиля исправлю при переиздании этой книги.

Земля. Ленинград
2155 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА КО ВТОРОМУ И ПОСЛЕДУЮЩИМ ИЗДАНИЯМ

Сообщаем Читателям на Земле и выше, что последний абзац повествования С. А. Кортикова утратил значение. Как известно, Вторая экспедиция на Ялмез, способствовавшая освобождению этой планеты от метаморфантов, окончилась успешно, однако понесла потери в людях. Участник Второй экспедиции Степаи Кортиков погиб на планете Ялмез 17 июля 2158 года (по земному исчислению). Посмертно включен в «Почетный список» воистов.

1979 — 1981

РАЙ НА ВЗРЫВЧАТКЕ

1. Предисловие

Перед началом своего повествования предупреждаю, что вы имеете дело с человеком не только некурящим, но и непьющим. Вы меня, уважаемые читатели, не уговорите и рюмочки выпить. И не подступайтесь — отошью вас куда подальше. К сему добавлю, что здоровье у меня, невзирая на возраст, хорошее. До сих пор аппетит имею пылкий и всеобъемлющий, как говорят в народе: «Люблю повеселиться, особенно — пожрать». На учете в психдиспансере не состою, видений и привидений не наблюдаю, в карты играю честно, в фантазерстве не уличен. Склерозом не страдаю, память имею отличную. Жена однажды мне сказала: «К твоей бы памяти, Шурик, еще бы кое-что приплюсовать — ты бы в гении прямым ходом вышел. Жаль мне, что память у тебя долгая, а ум короткий». Ну, это уж она перегнула. Ум у меня не хуже, чем у вас, уважаемые читатели.

Таков мой краткий морально-психический словесный портрет. Дарю его вам на память, чтобы вы знали, что имеете дело с нормальным человеком, пусть безо всяких поднебесных взлетов, но зато и без всяких вывихов.

Впрочем, для полной очистки совести скажу: один махонький вывих у меня все-таки есть. Дело в том, что ни на ногах, ни на витринах видеть не могу обуви с высокими острыми каблуками. Передергивает меня всего, дрожь берет. В первое же утро после свадьбы, пока Татьяна еще спала, я луковой пилой каблуки на ее туфлях укоротил. Крику потом было, слез... Но со временем жена подчинилась моим законным требованиям. С дочерью — сложнее.

Она с мужем через два дома от нас живет и иногда имеет нахальство приходить в дом к родителям на остроконечных каблуках. Тут начинается у нас перепалка. Недавно она заявила, что у меня «симптом синдрома самодурственной острокаблучной идиосинкразии». И язык повернулся отцу сказать такое! Я вам, други-читатели, всенародно объявляю: никакого симптома тут нет. Для особого отношения к высоким каблукам у меня имеется конкретная причина. А какая именно — вы позже узнаете. Узнаете — и содрогнетесь...

2. Сила таланта

В предыдущей главе я вскользь упомянул о картах, однако умолчал о том, что у меня к ним талант. Теперь придется, подавив свою скромность, поговорить о себе подробнее. Однако я по горькому опыту знаю, что очень многие дамы не любят игроков, карты каким-то злом считают. Чтоб не утратить той заслуженной симпатии, которой, безусловно, читательницы уже ко мне прониклись, я постараюсь поменьше игровых терминов употреблять, поменьше о всяких картежных тонкостях толковать. Простите мне это, читатели-мужчины! Вы-то, я знаю, картишки любите.

Я родился и рос в приморском городке; в нем и поныне живу, вернувшись из Рая. Отец мой работал завхозом в местной здравнице, мать хозяйничала дома. Вечерами к отцу приходили сослуживцы-преферансисты. Играли на веранде, а я, забыв пустые детские забавы, следил за действиями игроков, вслушивался в специфические их разговоры, осваивал терминологию и постигал смысл игры. Однажды один из сослуживцев не явился, и меня, шутки ради, пригласили за стол. И что же — я сразу выявил себя как полноценный партнер! Взрослые были в восторге, они справедливо сравнивали меня с чемпионом мира Капабланкой, шахматная гениальность которого тоже проявилась в очень раннем возрасте. Родители стали гордиться мной. В то лето я часто играл с гостями, и отец всем говорил, что я — картежный вундеркинд. Ведь еще ребенок, только что во второй класс с трудом перешел, а уже такие успехи!

Потом однажды иду по курортному парку мимо беседки, а там отдыхающие картами развлекаются. Я — туда. Один добрый мужчина объяснил мне, как в «очко» надо играть, дал двугривенный и, когда новый кон начался, «ввел в игру». Я сразу освоился и трешку выиграл. Я туда неделю ходил, там и «три листика» освоил. Взрослые дивились! Но некоторые пыжились, обижались, что их такой маломежок обыгрывает. На те честно заработанные деньги я покупал пирожные, шоколадные конфеты «Озирис» и все это съедал безотлагательно. Только не подумайте, что меня дома впроголодь держали. Вот уж нет! Но во мне уже в те годы вскипали повышенные гастрономические потребности.

Когда закончились каникулы, я организовал негласный клуб «Пиковый туз». Мы собирались на кладбище и там в «двадцать одно» играли — на те деньги, что родители для завтраков давали. Благодаря своим способностям я теперь мог добавочные порции прикупать в школьном буфете. Но нашлись злопыхатели, дело до директора дошло, и пошло-поехало... Он мать мою вызвал, еле выплакала она, чтоб сына не исключили. А отец меня выпорол — это вундеркинда-то!

После этого стал я тайком ходить в детдом для дефективных, на самую окраину городка. Там в подвале игра на пуговицы шла. И вот там-то на меня однажды невезуха накатила. Партнеры с меня все пуговицы срезали, даже с брюк. И ремень для ровного счета отобрали. С трудом до дома дошел. О том, что меня ждало в семейном кругу, умолчу, чтобы вы, друзья-читатели, лишний раз за меня не переживали. В утешенье вам сообщу, что потом я отыгрался: с карманами, полными пуговиц, домой явился. Надо учесть, что даже у самого умного игрока бывают периоды неудач. А вообще-то мне везло. Но выигрывал я главным образом потому, что не признавал бесшабашного риска, не пер на рожон. Я всегда по ступенькам шагал, действовал, так сказать, поступенно. В том моя мудрая сила была.

Вскоре после окончания школы я был призван на действительную, причем в армии на карты наложил полное вето, так что с этой стороны нареканий на меня не было. А вернувшись в свой городок, я трудоустроился на пассажирскую

пристань уборщиком. Должность не самая престижная, но меня то прельщало, что общение с людьми будет обеспечено.

К сожалению, во все инстанции начали поступать необоснованные жалобы. Якобы пристань утопает в мусоре, якобы швабры в руках моих никто еще не видал, — только карты, якобы я вообще превратил пристань в игорный бедлам. Вы, безусловно, уже догадались, что эти мутные ручьи клеветы струилась из-под авторучек завистников, ущемленных моими честными выигрышами. Но начальство, внемля клеветническим наветам, сперва вкатило мне выговор, потом выговор в квадрате. Выговора в кубе дожидаться я не стал, сам ушел из того гадючника и поступил в рыболовную артель. Увы, и там нашлись варнаки, начали шить мне дело, будто я «разлагаю картежом рыбаков, в связи с чем резко снизились уловы». Но я быстро на новое место устроился. Я ведь не лодырь какой-то!

Читатели вправе прервать меня и спросить: почему это я все о своих трудовых буднях толкую, а об интимных делах помалкиваю? Да потому, — отвечу я, — что о всяких сердечных переживаниях любят толковать те, кому не везет на этом поприще. А у меня на этом участке судьбы все шло как по маслу. Я был тогда симпатичный, правда, уже с некоторым уклоном к полноте, но и это шло мне. Ну и разговоры умел вести на отвлеченные культурные темы. Так что у противоположного пола имел заслуженный успех. Вскоре мать мне и невесту подыскала — натуральную брюнетку, законную дочь фельдшера. Она стала ко мне заглядывать, я стал к ней захаживать, возникли отношения, дело катилось к свадьбе. Но родителям невесты мой аппетит не нравился, они меня так окрестили: ухажер-многожор. К тому же я, на свою беду, ввел эту Анюту в картежную компанию, освоила она игры, азарт стала проявлять. Потом проигралась сильно. Проиграла не мне, а вину на меня опрокинула. Произошел скандальный конфликт, женитьба отпала.

Все эти недоразумения сильно угнетали моих родителей. Причем они, по своей наивности, верили не мне, а тем склочникам, которые чернили меня. И вот отец созвал ава-

рийный семейный совет. Первой взяла слово мать. Она заявила, что мне надо ехать в областной центр и держать экзамены в вуз. Но у бати, оказывается, имелось свое заранее продуманное решение. Он сказал, что науки подождут, а первые делом мне надо «излечиться от своего порока». Мне нужна дисциплина! И не простая, не сухопутная, а морская. На море мне не дадут потачки, там я все время буду под надзором начальства. И далее он сообщил, что спишется со своим троюродным братом Вячеславом, который, как известно, проживает в Ленинграде и служит в торговом порту; он хочет слезно просить братца временно прописать меня, а затем пристроить на какое-нибудь судно. Прячем кем угодно, хоть гальюнщиком. Главное — оторвать меня от грешной суши.

Я против этой отцовской идеи не возражал. Во мне вспыхнула мечта о дальних странах, о фруктах и кушаньях, которые там можно попробовать. Мне стали сниться всякие мыслимые и немыслимые блюда: бананы натуральные, ананасы свежепросоленные, утки по-руански, куры по-пе-руански, солянки по-африкански, щи по-аргентински, шашлыки по-шанхайски...

Вскоре из Питера пришел благосклонный ответ.

За день до отъезда я направился к знаменитой тете Бане, местной проницательнице будущего. Официально ее звали Таней, но детишки, а за ними и взрослые, перестроили ее имя, поскольку, невзирая на серьезный возраст, у нее всегда было такое бодрое румяное лицо, будто она только что из бани. Работала она нянечкой в детской больнице, а по вечерам принимала на дому взрослых, которым не терпелось заглянуть в свое будущее.

Тетя Баня первым делом проверила линии на моей левой ладони, затем дала мне таз с водой и велела держать его обеими руками, причем так, чтобы кончики пальцев были погружены в воду. Потом наклонилась над тазом и глядела на воду минут пять. После этого села за стол и вывела на медицинском бланке нижеследующее:

благодаря картам проклятым ждет тебя казешный дом с полом покатым он станет тому причиной что случится твоя кончица однако та копчина не полевая не пулевая а нулевая

а в дальнейшем пока ты живой ждет тебя сундук с человеческой головой и бегство что есть мочи когда среди ночи ангелица в даму превратится.

Прочтя этот диагноз, я заявил, что против казенного дома решительно возражаю. Ведь я играю по всем правилам искусства, без всякого шулерства! В ответ проницательница заверила меня, что под каздомом здесь подразумевается отнюдь не тюрьма. Но больше никаких уточнений не дала.

3. На Малом проспекте

И вот прибыл я в Ленинград. Только не ждите здесь подробного описания этого знаменитого города. Он и без меня уже достаточно отражен в искусствах. А я и пробыл в нем не очень долго, и к тому же, в силу большой занятости, не успел ознакомиться с ним полностью.

Метро тогда еще не было, так что поехал я к дяде на трамвае — четверке. Нужный мне дом на Васильевском острове, в конце Малого проспекта, нашел без труда. Дядя Вяча и тетя Люда жили на третьем этаже в двухкомнатной квартирке. Кроме того, к кухне примыкала кладовка. Ее и отвели мне для проживания. Там стояли раскладушка и табуретка. Нормального окна не было, его заменяло малюсенькое окошечко под самым потолком, причем с какой-то решеткой.

— Уютно, но темновато, — признался я своим благодетелям. — И решетка не веселит.

— Эта решетка — еще не та решетка, — утешила меня тетя Люда. — А вот если карты не бросишь, они тебя и до тюремной решетки доведут.

— Да, это дело ты забудь! — присоединился дядя. — Если тебя хоть раз в милицию заметут через картеж и если до пароходства дойдет слух об этом — не видать тебе морей-океанов!

Из этих реплик я понял, что папаша мой в своем письме сильно сгустил краски насчет меня. Тем не менее дядя обещал мне устроить временную прописку и порекомендовал устроиться на временную работу, поскольку судно,

на которое он надеется устроить меня, еще ремонтируется. Затем он взял с меня клятву, что в Питере я буду соблюдать карточный нейтралитет: ни одного рубля не проиграю никому и ни одного рубля не выиграю ни у кого. Эту клятву я честно сдержал.

Вскоре я устроился подсобником на винно-водочный склад, он находился недалеко от дядиного жилья. Платили там совсем неплохо, а, поскольку я непьющий, работа эта опасности для меня не представляла. Начальство довольно мной было: когда увольнялся — характеристику хорошую дали. И вообще я там на высшем счету числился. Тамошний самодеятельный поэт Коля Складный (это его псевдоним был) даже стихи мне посвятил. Как сейчас помню:

Его полезные деянья
Я воспеваю, как Гомер,
И говорю, сдержав рыданья,
Что буду брать с него пример!

Дядя был доволен моим скромным, бескартежным и безалкогольным поведением. Он вообще хорошо ко мне относился. Зато тетя Люда оказалась дамой повышенной стервозности. Язык у нее не хуже дисковой пилы крутился, пилил всех без устали. Родом она была с Оккервиля. Это у них в Питере речка такая, на окраине где-то; ее и ленинградцы-то не все знают. На берегу той речки тетя провела детство и очень этим гордилась. «Я не какая-нибудь василеостровка, я с реки Оккервиль!» — горделиво твердила она всем и каждому. В доме, в жакте ее за глаза именовали так: Оккервильская собака.

Из-за Оккервильской этой собаки неуютно мне было в дядюшкином жилье. Однажды я заикнулся ей, что, мол, познакомился с одной, так нельзя ли мне пригласить ее в кладовку, хочется интимно провести время после трудового дня. Оккервильская — на дыбы:

— Ты что, приехал сюда развраты разводить?! Ты кто, мастер высшего кобеляжа?! Если хоть одна посторонняя женская нога ступит на мой порог — прогоню тебя!

Одним словом, невесело началась моя житуха в этом монастыре. Но вскоре жить стало веселей. Это благодаря тому, что состоялось мое знакомство с Кузей Отпетым. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Перегорели однажды пробки в нашей квартире. Я, чтобы услужить дяде и тете, немедленно взялся за дело, жучка вставил. Но тут почему-то вспышка произошла, свет опять погас, горелым запахло. Тогда дядя и говорит:

— Придется Кузю Отпетого позвать. В прошлый раз он все нам моментально наладил... Сходи-ка, мой отдаленный племянник (так дядя меня прозвал), за Кузей. — И он объяснил, где найти этого Кузю.

Кузя жил в дворовом флигеле, в квартире № 28. Я трижды нажал кнопку звонка у двери, и вот предстал предо мной молодой человек, года на четыре старше меня, высокого роста, средней упитанности. Это и был Кузя. Я толково объяснил ему, что в такой-то квартире по неизвестной причине произошла небольшая электроавария.

— Ладно, сейчас приду, — произнес мой новый знакомый. — Только инструмент кой-какой прихвачу... Да вы заходите, чего на площадке стоять.

По длинному, но чистому коммунальному коридору Кузя провел меня в свою комнату. По сравнению с моей кладовой она казалась большой и уютной. Имелись: широкий низкий диван, стол, два стула, шкаф и даже этажерка с книгами. Пока Кузя рылся в каком-то баульчике, выискивая там что-то, я стал листать лежащий на столе массивный альбом «Путешествие по Италии». То было роскошное буржуазно-дореволюционное издание: толстая гляцевитая бумага, золотой обрез, кожаный переплет, уголки отделаны бронзой. В альбоме, в алфавитном порядке, чередовались снимки больших и малых итальянских городов. Весила эта «Италия» кило три, не меньше, и сыграла важную роль в последующих событиях. Но о них — позже. А пока скажу, что это художественное издание Кузя Отпетый неоднократно использовал при заключительной фазе ухаживаний.

«Дорогая, совершим путешествие в Италию», — нежно предлагал он своей добровольной жертве, после чего они садились рядом на диван. Кузя, положив альбом на коле-

ни ей и себе, начинал нетерпеливо листать страницы и пояснять культурное значение того или иного города, сопровождая пояснения объятиями, поцелуями и клятвами верности. Эта география действовала на Кузиных знакомом безотказно. Через какой-то отрезок времени альбом соскальзывал на пол, и на диване происходило то, чего не могло не произойти. А в Кузином донжуанском блокноте появлялась очередная шифрованная сводка: «Муся сдавалась в Болонье». Или: «Побывал в Милане с Мариной». Или: «Клава продержалась до Рима».

Но вернусь ко дню нашего знакомства с Кузей. Когда мы с ним уже были готовы покинуть комнату, взор мой упал на колоду карт. Она сиротливо лежала на верхней полке этажерки и была крест-накрест перевязана черной лентой.

— Почему ваши карты в трауре? — вдумчиво спросил я своего будущего друга.

— Два года тому назад я одного пижона крупно обыграл — бешеный фарт мне шел. А тот через это с Тучкова моста сиганул, — признался Кузя.

— Утоп?

— Нет. В воде призадумался — решил жить. На всю Неву заверещал. Его речная милиция вытащила, откачала. Я этому недоутопленнику все деньги его вернул... А все-таки груз на душе: из-за меня человек на тот свет захотел. Тогда я и завязал.

— А я дяде слово дал — не играть на интерес.

— Так вы, значит, тоже... любитель? — с оживлением спросил Кузя, присаживаясь на стул.

— Еще какой! — ответил я. — У меня с детства талант.

Тут забурился у нас разговор на волнующую тему. Памятуя свое обещание не сердить дам-антикартежниц, не буду излагать его. Скажу только, что в процессе той беседы возникла у меня одна светлая идея.

— Давайте, Кузя, заключим двусторонний дружеский пакт о безналичной игре, — предложил я. — Будем играть на деньги, но вручать их друг другу не будем. Таким образом, мы останемся честными перед людьми и перед самими собой, и в то же время у нас будет взаимное удовольствие.

— Но ведь это самообман, — высказался Кузя. — А впрочем... — Он взял колоду, снял с нее траурный креп — и воскресли короли, дамы и валеты всех четырех мастей. Вначале карта шла Кузе, потом ветерок удачи подул в мою сторону. Но все равно играл я осторожно, прикупал вдумчиво. Такой стиль сердил моего партнера, хоть вроде бы ему и на руку был.

— По-бабски играешь, — ворчал он. — По мелочишке клюешь, зануда грешная! Чувствую, жмот ты, Шарик! (Так он мое имя переделал.)

Через какое-то время из прихожей раздался троекратный звонок. Дядя мой явился, причем сердитый. И тут выяснилось, что мы уже два часа играем, а в дядиной квартире — тьма непроглядная.

На другой день, в воскресенье, опять направился я к Кузе. И засиделся до вечера. И пошло-поехало: как воскресенье (субботы тогда рабочими днями были) — я к нему. Сидим, поигрываем. И хоть он не одобрял моей манеры играть, но все же мы прочно на карточной почве с ним подружились.

Ни дяде, ни тете про это наше времяпрепровождение я не сообщал, будто ни Кузи, ни карт в помине нет. Но тетя что-то подозревала. Приходилось мне иногда врать ей, используя свои неплохие теоретические познания в искусстве. Бывало, спросит, где это я с утра пропадал, а я в ответ:

— В Эрмитаже был. Наблюдал «Мону Лизу» Айвазовского. Какое уникальное произведение гениальной кисти!

Или:

— В Русском музее задержался. Восхищался портретами, пейзажами, ренессансами и прочими натюрмортами. Какое роскошное богатство масляных красок!

Оккервильской собаке и крыть нечем. Конечно, вообще-то врать нехорошо. Но, как сказал один ученый монах, ложь оправдывает средства.

4. Биография друга

Биографию Кузи я детально помню с его слов. Она у него была сложная, многоступенчатая. Всю рассказывать

не буду. Скажу кратко, что родился и рос он на славном Васильевском острове, в Гавани. Матери не помнил: та, покинув отца на почве семейных недоумений, ушла к другому, когда Кузе было два года. Так что мальчик возрастал и развивался на иждивении отца. Папаша Кузи работал сторожем на ситценабивной фабрике, спиртного в рот не брал, но по зову широкой души был хулиганом-любителем. Действовал он всегда критично, тактично, аскетично, романтично. Скажем, не понравилась ему какая-нибудь витрина за то, что оформлена без должного вкуса, — он аккуратно камень из мостовой выковыряет (тогда еще в Гавани все улицы были булыжником мощены) и, если кто-нибудь стоит у витрины, крикнет, чтоб отошел. И лишь когда убедится, что осколки стекла никого не поранят, — лишь тогда применит камень по его прямому назначению. А ежели он принимал посильное участие в драке, то действовал исключительно голыми руками и серьезных травм никому не причинял. Но, несмотря на проявляемую им заботу о людях, все же доводилось ему иметь приводы и отсидки, приходилось и штрафы выплачивать, что грустно откликалось на бюджете.

Однако, невзирая на большую занятость и малый достаток, отец заботился о культурном уровне сына, давал ему деньги на школьные завтраки, тетради и учебники, а когда Кузя подрос, стал водить его в так называемый Васюткин сад. Там в те времена имелась эстрада, где процветали артисты местного значения, и первой из первых шла Надя Запретная, восходящая звезда вокала.

У Нади был коронный номер свой. Она появлялась на сцене с плачущим малолетним ребенком на руках. Ясное дело, то был не натуральный младенец, а чурбанчик, упакованный в детскую одежду. И плакал, безусловно, не он — это Надя за него плач подавала. Она его укачивала, убаюкивала, а когда он умолкал, — будто бы уснул, — тут она начинала хрупким, негромким голосом:

Алиментов не будет, малютка,
Обручальных не будет колец,
На душе так тревожно и жутко —
Твой отец оказался подлец!..

И дальше — в том же задушевном плане. Ясное дело, такое всех за сердце брало. Иные, не таясь, плакали. Некоторые шкицы панельные в голос рыдали. Кузин папаша — уж на что человек, закаленный обстоятельствами, — и тот иногда смахивал непрошеную слезинку.

Ну а Кузя полюбил Надю Запретную всем своим подростковым сердцем. За красоту полюбил. Хороша она была необыкновенно!.. Кузя вскоре уже самостоятельно стал посещать Васюткин сад. Вход туда в концертные дни платным был, так мой друг через забор перелезал, чтобы полюбоваться на свою гаванскую мадонну.

Печально окончилось это обожание.

Однажды в конце сентября купил Кузя букет цветов, чтоб Наде преподнести, — долго экономил на школьных завтраках ради этого первого в своей жизни букета — и направился в Васюткин сад. Когда забор форсировал — ладонью на гвоздь напоролся. Брызнула алая кровь на бледные лепестки. Горестное предзнаменование... Подходит он к эстрадной площадке, садится на скамью между двумя шкицами-девицами. А представление уже началось. Какая-то пожилая дама модный романс исполняет: «Разве в том была моя вина, что цвела пьянящая весна...» Потом певец вышел, «Кирпичики» запел. Тут Кузя у соседочки шепотом спрашивает, почему это Надя Запретная сегодня долго не появляется. А шкица-девица в ответ:

— С какого неба ты свалился, что не знаешь о такой беде?! Весь Васильевский плачет, вся Гавань рыдает... Вода, говорят, в Неве от слез людских выше ординара поднялась... Отмяукалась Надюша, погибла через загс... Дура я буду, если когда-нибудь хоть раз на замужество клюну!..

В дальнейшем выяснилось, что Надя Запретная только на сцене выступала в амплу матери-одиночки, обманутой соблазнителем, а в жизни была стопроцентной девушкой и строго блюла мораль. Мать ее, оценщица из ломбарда, долго подыскивала ей достойного жениха и наконец нашла такого, который пришелся по душе дочке. После записи в загсе молодые направились на квартиру невесты в дом на 19-й линии — и начался свадебный пир. Гости пили шампанское и водку, новобрачные же, по обычаю, в

тот день от спиртного воздерживались; к тому же они и вообще непьющими были.

Но вот гости начали кричать: «Горько! Горько!» И тогда мать Нади извлекла из буфета заветную бутылку домашней вишневой настойки. Она радостно заявила, что засыпала вишни в бутылку и залила их спиртом еще в дореволюционную эпоху, в год рождения Надюши. И вот сегодня, в такой торжественный день, невеста и жених вправе откупорить этот сосуд и отведать заповедной настойки. Несчастливая женщина! Она не знала, что из вишневых косточек, при длительном их нахождении в спирту, выделяется синильная кислота, губительная для жизни людской!..

— Горько! Горько! — продолжали подначивать гости. И вот наконец молодые подняли рюмки с густой душистой жидкостью, чокнулись, выпили до дна — и поцеловались. То был их первый и последний поцелуй.

— Мама, мне почему-то взаправду горько, — прошептала Надя с дрожью в голосе, — и вдруг безжизненно сползла со стула на пол. И рядом с ней упал ее жених.

Похороны новобрачных состоялись на Смоленском кладбище. Мать Нади на них не присутствовала: ее отвезли на 5-ю линию в психбольницу им. Балинского.

Трагическая кончина красавицы певуны потрясла юную душу Кузи и сказалась на его дальнейшей судьбе. А вскоре новое горе подкатило. Отец моего будущего друга, прогуливаясь по Среднему проспекту, сделал товарищеское замечание какому-то типу, одетому слишком нарядно для будничного дня. В ответ же нарвался на грубость и вынужден был применить силу. Незнакомец, в свою очередь, ударил и — бросился бежать. Кузин отец, естественно, устремился за ним, но, в порыве справедливого гнева, не заметил идущего полным ходом трамвай. Вожатый не успел затормозить. На Смоленском кладбище стало больше одной могилой.

Кузю взяла на попечение сестра отца, тетя Зина, и поселила его в своей квартире на Малом проспекте. Работала она официанткой в частном полуподвальном ресторане «Раздолье». Нэп в те времена уже дышал на ладан, но некоторые частные торговые точки еще существовали. Вскоре Кузя

устроился в это заведение внештатным вечерним мойщиком посуды, у него завелись карманные деньги. А в ресторане том имелась полусекретная задняя комната, где тайком от городской общественности и милиции шла игра на интерес. Кузя понемногу стал принимать участие в этом деле. Картежники играли с ним охотно: его незрелый возраст внушал им надежду на его проигрыш. Он и в самом деле иногда до нитки проигрывался, потому как все ставил на карту. Но уж если везло — уходил с богатым куском. Это была награда за риск.

С первого крупного выигрыша он купил на углу 17-й линии и Камской улицы два белых роскошных венка.

Одни из них возложил на могилу Нади Запретной и ее жениха, другой — на могилу отца. В дальнейшем он так не раз поступал — то с выигрыша, то с получки.

А время шло да шло. «Раздолье» прогорело, Кузя окончил школу, сменил несколько мест работы, безупречно отслужил действительную на флоте, где освоил профессию электромеханика, вернулся в Питер, поступил монтером в Дом культуры. Наряду с картами появились у него новые устремления. Он вступил в вокальный кружок, где специализировался на исполнении песен и старинных романсов и иногда исполнял их на вечерах самодеятельности, привлекая к себе благосклонное внимание девушек. Если учесть, что он был симпатичен собой и не хуже меня умел вести культурный разговор с дамским полом, то не следует удивляться его успехам. Немудрено, что злые мужские языки, из зависти к его достижениям на сердечном фронте, дали ему кличку «Дон-Жуан из подворотни». Низкая клевета! Подворотня здесь ни при чем! Кузя вовсе не был каким-то там беспринципным бабником! Нет! Подобно классическому Дон-Жуану, неоднократно использованному в литературе, он искал свой утраченный идеал...

5. Намек судьбы

Как-то раз в воскресенье, с утра пораньше, пошел я к Кузе, предвкушая полноценный игровой день. Но на этот раз друг мой встретил меня хмуро. На лбу его красовался большой кровоподтек, смазанный йодом.

— Неплохая блямба, — пошутил я. — Где это тебе выдали?

— В Неаполе, — мрачно ответил Кузя. — Понимаешь, познакомился тут с одной, ухаживал не хуже, чем за другими, а как настал час путешествия по Италии — чувствую: на тормозах поезд наш идет. Ну, думаю, впереди городов еще много, где-нибудь во Флоренции... Но какое там! Стали Неаполь рассматривать, Ксана эта вдруг вскочила, альбом захлопнула — и меня же им по голове. Да еще кричит: «Вот тебе Неаполь! Я думала — ты человек, а ты — кобель-гаванский!» С тем и ушла.

— Не переживай! — стал я его утешать. — Не всегда же козырная масть идет.

— Да не в этом дело! — всколыхнулся Кузя. — Тут в том суть, что права она. Измельчал я на легких успехах. Она мне сигнал дала.

— Хорош сигнал — гирей по балде! — подкинул я остроу.

— Ну, положим, не гирей... Но именно — по балде. В этом — намек судьбы. Пора мне подумать всем мозгом, пора морально встрепенуться!

Он в тот день играл без должного внимания, мне тридцать условных рублей продул. Потом вдруг ударил кулаком по столу и заявил:

— Нужно мне свою жизнь перелопатить!

И тут я подбросил ему плодотворную мысль: перелопачивание надо начать с перемены места жительства.

— Мелко мыслишь. Шарик, — пробурчал Кузя. — Ну, сменяюсь я с Васина острова куда-нибудь на Петроградскую сторону, а что это даст душе? Там те же женские соблазны.

— Не мелко мыслю, а очень даже глубоко, — возразил я. — Я не о квартирном обмене толкую. Я о том толкую, что тебе надо обменять сушу на море. То есть уйти в плавание. Тебе следует с моим дядей поговорить насчет этого.

— Хочешь на море иметь постоянного партнера? — угадал Кузя мой тайный замысел. — А что, если и взаправду попробовать сменить территорию на акваторию?..

Через несколько дней он явился к дядюшке моему с просьбой посодействовать насчет зачисления в пароходство. Дядя о Кузе был весьма высокого мнения и обещал помочь. Скоро дело пошло на лад. Хоть Кузя и донжуанил, но трудился он честно, безалкогольно, беспрогульно, так что с работы ему дали отменную рекомендацию. И по месту жительства управдом написал неплохую характеристику. Еще бы! Чуть в какой квартире неполадка со светом — жильцы к Кузе бегут, и он безотказно спешит на помощь. И притом все за так, ни разу ни с кого ни копейки не взял. Плюсом было и то, что специальность нужную имел. Одним словом, зачислили его на тот же пароход, что и меня. И в день зачисления сжег Кузя свой донжуанский блокнот, а альбом с городами Италии букинисту продал. На вырученную сумму купил два белых венка — и возложил их на Смоленском кладбище на дорогие сердцу могилы.

6. Казенный дом с полом покатым

Вскоре ушли мы в плаванье. В трюме везли мы ящики с сельхозтехникой для одной южной страны. Это был наш так называемый генеральный груз. В дальнейшем от всякой корабельной терминологии буду воздерживаться — боюсь напутать, наврать; память-то у меня, как вы знаете, отменная, но не так уж много я проплавал, чтобы эта терминология в нее прочно въелась. И вообще, всякую морскую романтику и специфику не стану разводить — не буду у писателей-маринистов их соленый хлеб отбивать. Да и не в том суть моего повествования. Но на всякий случай, для сведения сухопутных граждан, уточню, что самое главное помещение на любом судне, мирном или военном, — это камбуз, то есть кухня. Камбуз — это, художественно говоря, душа и сердце корабля. На суше без кухни, на худой конец, можно прожить: пошел к знакомым, будто невзначай подгадал к обеду — глядишь, и сыт. Или свернул с дороги в лес, а там — земляника, малина — как-никак пища. Иногда, в случае крайней необходимости, и через забор в чужой сад перемахнуть можно, поддержать себя яблоками, грушами.

Но на море все эти возможности отпадают, там вся надежда — на камбуз.

С гордостью могу отметить, что к камбузу я имел прямое отношение. Не скрою, я играл там роль вспомогательную, выполнял черновую работу, поручаемую мне главным коком. К сожалению, этот главкок, вредная душа, невзлюбил меня. Он клеветнически утверждал, что я, мол, не столько тружусь, сколько выискиваю самые вкусные куски и «обжористо заглатываю» их. Это он приклеил мне нелепую кличку — Жрун, а остальные члены команды, обезьянисто подражая ему, тоже так меня звать стали.

Кузе жилось полегче, он ведь не в камбузе трудился. И почет ему больше был. После одного случая команда его сильно зауважала. Он в некоей дальней гавани в воду кинулся — выручать слепого туземца, который по ошибке упал с причальной стенки. Дело тем осложнялось, что акулы почему зря у борта резвились. Но Кузя заявил: «Нептун не выдаст, рыба не съест» — и с борта вниз головой. Ему почему-то повезло: и сам в живых остался, и человека спас.

Что меня утешало — так это покупки. Я на валюту, что нам выдавали, сувениров не покупал, ими сыт не будешь. Я приобретал разные редкостные скоропортящиеся фрукты, овощи, ягоды и, безусловно, сразу же их потреблял. Чего только не перепробовал!..

А вот Кузя — тот на одной экзотической толкучке говорящую птицу приобрел. Какого цвета и какой породы она была — история умалчивает. Ведь опубликуй я ее данные — доценты, эти сыщики от науки, живо пронюхают, на каких широтах-долготах такие птицы самоговорящие водятся. А купил ее Кузя вместе с большущей, позолоченной клеткой; ему эта птичья жилплощадь дороже самой птицы обошлась. Ту клетку-беседку мой друг подвесил в кубрике к подволоку. В первое время возражения были: некоторый запах от птицы появился, да притом она иногда в неурочное время начинала выкрикивать какие-то отрывистые лозунги, мешая отдыху людей. Но вскоре один предпенсионный морской волк объяснил всем, что птица — не без образования. Она, мол, не при дамах будь сказано, умеет коротко и ясно

выражаться на трех иностранных языках. Это был, ясное дело, плюс в ее пользу.

И еще на один сувенир Кузя потратился. Ну, тут я не возражал. Купил он в одном заморском ларьке колоду в роскошном упадочно-капиталистическом исполнении: короли — по пояс голые, дамы — тем более; однако все при своих украшениях и регалиях. Колода та имела надежный водонепроницаемый футляр, так что дружку моему она в копеечку стала. Но в карты — даже тайком — играть было как-то неудобно. И пролежала та ценная колода в Кузином кармане в полной неприкосновенности до самого кораблекрушения.

А жизнь шла. Генеральный груз мы давно доставили по назначению, и теперь судно наше, по договору пароходства с заграничными торговыми фирмами, курсировало между портами разных стран.

Однажды во время шторма напоролись мы на подводный риф. Образовался тот риф в результате недавней вулканической деятельности природы, так что ни в каких лощах он не значился и капитан в аварии виноват не был. Впрочем, узнал я эти подробности только несколько лет спустя, когда вернулся из Рая. Пробойна оказалась широкой и длинной, не хуже, чем у «Титаника», так что спасти пароход не было никакой возможности. Он теперь плыл по воле волн и торопливо погружался в море. Были спущены спасательные шлюпки, команда без излишней паники заняла на них места. Капитан, как и положено, прыгнул в шлюпку последним.

По аварийному расписанию мы с Кузей поместились в шлюпку № 3. В тот момент, когда она уже отваливала от подветренного борта, Кузя вдруг хлопнул себя по лбу и закричал гребцам:

— А птица?! Она же захлебнется!.. Ребята, повремените малость! Имейте человечность!

С этими громкими словами он уцепился за шторм-трап и полез обратно на судно. Я кинулся вслед за ним. Поступил я так не из слепого героизма, а по трезвому расчету. Я сообразил, что, пока Кузя спустится в кубрик и вынесет клетку, я успею смотаться на камбуз и взять отту-

да в дорогу большую порцию жареного фарша (катастрофа произошла перед самым обедом, который вследствие этого не успел состояться). И я действительно проник туда, куда намечал, ссыпал фарш с противня в большую кастрюлю, затем взял две буханки хлеба, кое-какие продукты и специи — и все это плотно завернул в поварской фартук главного кока.

Когда я упаковывал пищу, из нагрудного кармана фартука выпал ключ. Я знал, от чего он, но зловерный шеф-повар не доверял его мне! То был ключ от малого холодильника, в котором хранились особо ценные продукты; они входили в наше меню только по праздникам, и, кроме того, корабельный врач мог выписывать их заболевшим для подкрепления сил. Взвалив на спину узел и прихватив валявшуюся на полу большую ложку, я спустился по трапику в нужное помещение, где уже плескалась морская вода. Электричество, ясное дело, давно выключилось, но из иллюминатора падал тусклый свет. Я вставил заветный ключик в нужный замочек, и прежде всего моему взору предстала трехкилограммовая банка с зернистой икрой. Она была почата, но икры в ней было еще много-много! Поскольку узел с продуктами развязать в данных условиях я не имел возможности, а иной тары под рукой не имелось, я, чтобы добру не пропадать, решил в качестве тары использовать себя лично и стал потреблять драгоценную пищу. Я стоял по пояс в воде, из-за крена и качки я с трудом удерживал на спине узел, но стойчески продолжал есть. Ведь я делал это для общего блага! Я сознавал, что, чем больше я приму в себя икры, тем меньше питания потребуется мне в первые часы опасного плаванья и, следовательно, тем больше продовольствия достанется моим товарищам по несчастью.

Вдруг из коридора послышался голос птицы. Затем я увидел Кузю. Цепляясь одной рукой за перильца, а в другой держа клетку, он спускался ко мне.

— Жрун окаянный! — крикнул он. — Зачем ты здесь?! Я тебя по всему судну ищу!

Я молчал по той естественной причине, что во рту у меня находилась икра. Но вскоре, прожевав и проглотив ее, я начал объяснять Кузе, что нахожусь здесь не из пустой

прихоти, а для пополнения общественных припасов. Следовательно...

— Следовательно, пока ты обжирался, шлюпка ушла! — нервно перебил меня мой друг. В тот же миг в нем проявилась буйная отцовская наследственность: он хотел меня ударить. Но не тут-то было: в одной руке — клетка, другой за перила надо держаться; крен к тому моменту еще больше усилился. Под критические возгласы птицы мы поднялись на палубу. Она теперь имела такой опасный наклон, что мне вдруг вспомнились строчки тети Бани, проницательницы будущего: «Благодаря картам проклятым ждет тебя казенный дом с полом покатым...» Так вот что имела она в виду!..

Итак, мы находились на тонущем судне. И ни одной шлюпки не видно было — только волны да волны. Уже много позже, вернувшись из Рая, я узнал, что те ребята с третьей шлюпки честно и с опасностью для жизни ждали нас какое-то время. Но потом помимо их воли одна особенно крупная волна отнесла их далеко в море. В утешение уважаемым читателям скажу, что никто из команды не погиб. Шлюпки разметало по океану, но в дальнейшем всех потерпевших крушение подобрали: одних — либерийский танкер, других — шведский сухогруз. А когда наши товарищи добрались до родины, то о нас двоих, естественно, доложили как о погибших.

Но мы с Кузей тогда не погибли.

На судне имелась еще одна, дополнительная, вненумерованная шлюпка малого размера, рассчитанная на четырех гребцов. Из-за крена и дифферента она свисала на таях со шлюпбалки под таким углом, что вывалить ее на воду, да еще при таком сильном волнении моря, оказалось нелегким делом. Однако мы, благодаря Кузиной технической сноровке, с этим справились. Перед тем как покинуть палубу, Кузя выпустил на волю птицу.

Мы изо всех сил налегли на весла. Надо было поскорее отдалиться от гибнущего парохода. Это нам удалось. Через какое-то время мы с гребня волны увидели, что там, где недавно находилось наше многострадальное судно, зияет темная огромная воронка.

Шлюпку надо было держать кормой к волне, чтоб не перевернуло. До позднего вечера мы промучились на веслах. К ночи ветер упал, волны утратили свою крутизну. Уже не опасаясь, что нас перевернет, мы принялись за еду. Первым делом отведали добротного фарша, который я спас с погибающего судна, потом еще кое-чего поели. В бортовых ящиках шлюпки имелся, как положено, аварийный запас: сухари, галеты, консервы. Питанием мы были обеспечены на много дней. Кроме того, в носовом рундучке хранились две канистры с пресной водой. Утолив голод и жажду, мы сняли с ног промокшие ботинки, скинули с себя бушлаты и, рухнув на сырое днище шлюпки, мгновенно уснули.

Когда я пробудился, Кузя еще спал. Я не стал тревожить своего утомленного друга и приступил к одинокому завтраку. Насытившись, я огляделся вокруг. Оказалось, стоит штиль. Только мелкая рябь, след вчерашнего шторма, виднелась на поверхности океана. И вдруг я заметил акулу! Она плавала невдалеке, потом подплыла почти вплотную к борту. Мне стало не по себе. Я понял, что эта злобная дочь морей хочет запрыгнуть к нам в шлюпку, дабы полакомиться нами. Чтобы умиловить ее аппетит и отвлечь внимание от нас, я хотел бросить ей сухарь. Но не поднялась у меня рука на съестное... И тогда взгляд мой упал на наши ботинки, лежавшие на дне шлюпки. Напомню, что в описываемые мною времена обувь делали из добротной натуральной кожи, поэтому-то меня и озарила мысль, что для акулы это вполне съедобный, материал. Взяв ботинки Кузи, я их один за другим метнул как можно дальше за борт. Хищница тотчас же кинулась к добыче — и проглотила. Но после этого вернулась к шлюпке. Тут я и своих ботинок не пожалел для общего блага! Но результат был тот же: неблагодарная тварь сожрала их — и опять очутилась у нашего правого борта. А у левого борта я заметил вторую акулу.

Когда Кузя проснулся, я толково объяснил ему причину отсутствия обуви, но он, охарактеризовав меня неудобными словами, заявил, что я выдал акулам аванс. Теперь они от нас не отвяжутся в ожидании полной полочки.

А получка — это мы, со всеми своими потрохами. После этого разговора он позавтракал, пришел в хорошее настроение и вынул из кармана заветную колоду. Благодаря водонепроницаемому футляру карты оказались в полной сохранности. Определившись по солнцу, мы стали гадать, в какую сторону света держать нам путь. Перед этим условились: дама пик — север, червонная дама — восток, дама треф — запад, дама бубновая — юг. Тщательно перетасовав колоду, стали тянуть. Кузя вытянул пятерку треф; я вытащил тройку пик; Кузя вытащил туза треф; я вытащил полуобнаженную даму бубен. Такова была воля Фортуны!

После этого распоряжения судьбы мы взяли курс на юг. При полном безветрии гребли мы недели три, делая перерывы лишь для ночного сна, приема пищи, дневного отдыха и игры в «двадцать одно». Играли мы, разумеется, на условные деньги, как это давно было договорено между нами. За все это время на горизонте показались только четыре судна. Три из них были явные купцы; четвертое, судя по очертаниям и шаровой окраске, — крейсер. Торговые суда проплыли очень далеко, не обратив на нас внимания, хоть мы, чтобы они могли нас заметить, скидывали с себя одежду и размахивали ею изо всех сил. Что касается крейсера, то он тоже не приметил нас; да мы и не очень-то хотели такой встречи и никаких сигналов ему не подавали. Мы знали, что в этих водах наших кораблей нет.

В общем-то пока дела наши обстояли не так уж плохо. Мы, можно сказать, плыли припеваючи. Еды хватало, погода стояла хоть и безветренная, но не убийственно знойная. Одно нас смущало: наличие акул. Они конвоировали нас днем и ночью. Мы их уже в лицо знали. Одну, пожилую, глазастую, я окрестил Людмилой Васильевной — так звали мою ленинградскую тетю. Другую, худенькую, но очень егозливую акулу-брюнетку я прозвал Анютой — в честь моей бывшей коварной невесты. Однако эти рыбы пока что не предпринимали никаких окончательных решений. Со временем мы к ним привыкли. Кузя им романсы в духе ретро пел, я им разные бытовые советы, в смысле повышения морали, давал. На безлюдье и акула — человек.

Беда подкатилась совсем с другой стороны. Однажды Кузя намекнул мне, что я, мол, питаюсь слишком калорийно, даже в теле прибавил после аварии. Я честно учел это замечание. Однако все равно запасы наши шли на убыль. Вскоре остались только сухари да пресная вода. Мы начали терять в весе, слабеть. На весла больше не садились; для поднятия духа проводили время за картами. Но все деньги, условные и безусловные, утратили для нас всякую ценность. Теперь мы играли на воображаемые шашлыки, солянки, борщи флотские, котлеты гатчинские. Помню, в день, когда мы съели последний сухарь, Кузе адски везло: он выиграл у меня восемь условных порций рассольника, три шницеля, четырех цыплят табака... Когда я представил себе это утраченное пищевое богатство, то скоропостижно потерял сознание и упал на дно шлюпки. Очнулся я благодаря тому, что Кузя зачерпнул консервной банкой порцию забортной воды и вылил мне на голову. При этом он сообщил новость: акулы ушли. По уменьшившейся осадке шлюпки эти бандитки морей сообразили, что мы очень исхудали и тем самым утратили для них интерес как продукты питания.

...Дни шли, голод становился все мучительнее. Мы часто впадали в забытие. Потом начался шторм. Как сквозь сон помню, что нашу неуправляемую посудину мотало туда-сюда. Потом я ощутил какой-то толчок, бросок и — потерял сознание.

8. Райское гостеприимство

Я лежал на каком-то высоком, очень мягком тюфяке, покоящемся прямо на полу. Пол, как и стены, состоял из мелких голубых кирпичиков, очень аккуратно подогнанных один к другому. Справа находилось окно, на подоконнике лежала наша флотская одежда. Окно не имело стекол и рамы, просто квадратное отверстие в стене. Один дверной проем, но без двери как таковой выходил в сад; другой, завешенный цветной циновкой, вел (как вскоре выяснилось) в место общественного пользования; третий — в небольшой зал, в котором висело множество каких-то дырчатых

зеленоватых тканей. Позже мы узнали, что в этом здании находится райская сетевязальная мастерская.

В комнате пахло чем-то приятным, во всяком случае не лекарством. С дерева за окном свисали странные, неведомые плоды, весьма аппетитные на вид. «Странно, почему мне не хочется есть; наверное, я все-таки скончался», — подумал я. Но вдруг вспомнил, что меня уже кормили чем-то вкусным и сытным. Разбудили, накормили, потом я уснул, а теперь — проснулся. Но где я?..

— Шарик, ты очухался? — услышал я голос. Кузи. Оказывается, его ложе примыкало изголовьем к моему. Я ответил, что да. Но — слабость во всем теле. Потом спросил своего друга, доволен ли он питанием.

— Кормят что надо! Чем — не пойму, а вкусно! Смотри, Шарик, не разжирей! А то здешние девушки тебя любить не станут. Девушки здесь — загляденье.

Вскоре в комнату, мягко ступая босыми ногами, вошел стройный парень в белой рубашке и серых брюках из грубоватого, похоже — домотканого материала.

— Мне в галльюн треба, — мягко сказал я иностранцу и тактичными жестами пояснил свое намеренье. Тот дружески заговорил на непонятном языке, помог мне подняться с лежака и повел в нужное место; встав, я обнаружил, что на мне просторные брюки и рубашка, точь-в-точь как у моего провожатого. Что касается галльюна, то он оказался в сельском стиле, без всякой техники, но очень чистым. Рядом находился чуланчик, где прямо из пола бил источник прозрачной воды; там же висело полотенце, сплетенное из каких-то шелковистых волокон.

Вернувшись, я залег, чтобы снова уснуть. Но тут в комнату вошла миловидная босая девушка. Ее стройные формы обтягивало голубое платье, сотканное из толстых ворсистых нитей. Сказав что-то на иностранном наречии, она с изящным поклоном вручила мне большую морскую раковину, полную сока каких-то фруктов, и плоскую раковину, на которой лежали вареная рыбина и невиданные ранее мною овощи. Еда оказалась очень вкусной. Я радостно осознал, что с голоду мы здесь не помрем. Но где мы?.. С этими мыслями я уснул.

Утром изящная босая молодая женщина в синем платье принесла нам завтрак. Он мне так понравился, что мне захотелось повторить его. Обведя руками опустевшую посуду, я показал два пальца, а затем сунул их себе в рот и сделал вид, будто жую. Догадливая иностраночка радостно засмеялась и быстро доставила вторую порцию. Когда она собиралась уйти, мой друг ткнул себя кулаком в грудь и сказал: «Кузя!» «Ку-зя», — мягко повторила красотка; затем, приложив ладонь к своему лбу, отчетливо произнесла «Ак-а-на». Потом вопросительно поглядела на меня. Я назвал свое имя.

Так закончился наш первый урок райского языка. Вскоре я уже знал названия многих фруктов, овощей, рыб. Кузю же больше интересовали всякие отвлеченные понятия. Но хоть запас слов возрастал, мы никак не могли составить простого вопроса: где мы?

Однажды я спросил Кузю:

— Кузя, скажи по-честному, куда мы, по твоему мнению, попали?

— Шарик, если ты узнаешь, где мы, ты можешь сойти со своего небольшого ума, — пошутил он. — Шарик, я считаю, что мы в раю.

Шутки шутками, но после того, что мы на море испытывали, новые условия действительно казались райскими и прямо-таки божественными. От черта не жди курорта, а здесь — бесплатное четырехразовое питание, прекрасные климатические условия, тактичное обслуживание, красота и изящество женского персонала...

Самочувствие наше улучшалось. Мы уже расхаживали по комнате, а утомившись, садились играть в карты; благодаря влагонепроницаемой упаковке они оказались в отличном состоянии. Ухаживающие за нами аборигенки и аборигены с удивлением смотрели на это наше занятие. Ясно было, что карт они прежде не видывали.

Наконец настал день, когда мы в сопровождении миловидной девушки вышли из помещения на воздух и очутились в саду. Там росли странные деревья, с которых свисали различные фрукты, каких мы не видывали и не едали ни в одной экзотической стране, хоть мы не в одной

побывали. А возле нашего окна находилась продолговатая клумба, на ней красовались цветы разных цветов и оттенков — от белого до почти черного. В дальнейшем мы узнали, что это — цветочные часы; каждый цветок раскрывается всегда в одно время. Первым — розовый, затем — белый, затем — оранжевый, и так далее. Последним раскрывает лепестки темный цветок, и это означает, что близка ночь, пора на боковую. Спать там все ложились рано: ведь там не было ни электричества, ни керосина, ни свечей. Там вообще не знали, что такое огонь. Да и не нуждались в нем. Фрукты и ягоды они ели сырыми, а овощи и рыбу варили в горячих источниках, бивших из-под земли. Благодаря такому питанию, отличному климату, благодаря отсутствию сквозняков, нервотрепок, больниц и врачей они не ведали никаких болезней и жили до глубокой старости. Из медперсонала там были только акушерки.

Уважаемые читатели и читательницы! Я чувствую, что вы ошеломлены, что вы теряетесь в догадках: где это «там», кто это «они»? Но самые умные из вас, безусловно, уже догадались, что мы с Кузей действительно попали в Рай. Пишу это слово с большой буквы, поскольку речь идет не о фантастическом божьем рае, а о секретной, но реальной географической точке. И, забегаю вперед, скажу вам, что когда мы мало-мальски освоили язык островитян, то узнали, что этот остров по-ихнему именуется Тимгорториосог, что в переводе означает Лучшее-Место-Для-Счастливых. Одним словом, если по-нашему сказать, — Рай. Коротко и ясно.

9. Рай как таковой

Итак, штормовой волной нашу шлюпку выбросило на остров, где жили люди, которые не имели связи с внешним миром, причем начхать им было на этот внешний мир. Со своего острова они никуда не стремились, ни лодок, ни кораблей не сооружали. Рыбы всякой в мелководных бухточках Рая плавало — хоть завались. Ловили ее бреднями, а то просто загоняли в затоны и голыми рука-

ми брали. Так что плавсредства им не нужны были; они вообще считали, что живым они ни к чему. Другое дело — мертвым. Когда кто-нибудь умирал, для него сплетали из древесных прутьев такую помесь корзины с челноком. Это называлось «балоунти» — «погребальная корзина». Зазоры между прутьями промазывали тонким слоем глины, покойного укладывали в эту хлипкую лодочку, осыпали цветами — и пускали вплавь с Дальнего мыса. Возле того мыса проходит постоянное течение и сразу же начинаются большие глубины. «Балоунти» проплывает метров пятьсот, глина размокает — и покойный идет ко дну вместе со своей упаковкой; а цветы остаются на плаву, и их уносит в океан. Между прочим, шлюпку, в которой нас прибило к Раю, островитяне сочли «погребальной корзиной». Они вообразили, что где-то «на другом конце океана» нас положили в нее мертвыми, а потом мы почему-то воскресли. Поэтому шлюпку нашу они сразу же оттащили от уреза воды, под деревья, — она для них стала достопримечательностью.

Хоть мы, по ихнему понятию, «воскресли из мертвых», в святые они нас не произвели. Религии у них не имелось, они вроде бы считали, что они сами и есть боги. Только это — без всякого пижонства, без всякого зазнайства. Люди они были простые, за престижем не гнались, что такое деньги — знать не знали. Аристократии никакой. Правда, имелась королева, но это была дама своя в доску. Она акушеркой работала по совместительству. А в главные ее королевские обязанности входило разрешать недоразумения, мирить поссорившихся, оформлять браки. Это оформление так происходило: королева собственноручно дает брачащимся длинную вареную рыбу «флюгунш», на манер нашей миноги; жених начинает жевать ее с головы, невеста — с хвоста; когда уста их сблизятся, королева плеснет им на головы морскую воду из красивой перламутровой раковины — и супруги идут в построенный для них дом. Между прочим, супружеская верность в Раю соблюдалась честно. И девушки там держали себя в строгости. Ухаживай за мной, разговаривай, но сексу своему воли не давай. Все — после свадьбы.

Промышленности, разумеется, в Раю не имелось. Но были ухоженные сады, где росли фрукты, каких больше нигде на Земле нет, возделывались огороды с расчудесными овощами. Одежду пряли и ткали из особых трав и водяных растений, окрашивали ее соком, который добывали из моллюсков. Одевались вполне пристойно. У мужчин, как положено, брюки, рубахи; у детей — легкие костюмчики. Женский пол в кофточках, в блузах ходил, и, разумеется, в юбках. Юбки — чуть ниже колен, никаких тебе мини. Брюк райские красавицы, само собой, не носили.

Что касается обуви, то в Раю все ходили босиком. Имелись, правда, этакие деревянные туфли на высоченных острых каблуках из кости какой-то рыбы, но туфли те островитяне использовали только в исключительных случаях, когда веселой гурьбой шли в дом новобрачных поздравлять их поутру, после первой их брачной ночи. Эти поздравления сопровождались бурными плясками. Других официальных праздников у них не числилось, если не считать, что вся их житуха была сплошным праздником. Каждый вечер на утоптанной площадке в центре поселка развертывалась босоногая райская самодеятельность, танцы, пение — сольное и хоровое. И притом — никакого винопития, никакого курева; что такое вино, что такое табак — они и ведать не ведали.

В Раю красоту очень уважали. Чем красивее девушка или дама, тем больше почета. Да там дурнушек, если честно сказать, и не водилось. Все сплошь — красотки. Стройные, движенья плавные, длинные волосы пепельного цвета, глаза большие, ясные. Все — смуглые, но в меру, не до безобразия. На загар там моды не было. А здесь поглядишь на иных девиц — целыми днями на пляже валяются, обгорели как головешки.

Мужчины там имели здоровый, физкультурный вид. Ни толстяков, ни худяков даже среди пожилых не видел. И все бодрые такие, уравновешенные. И все — и мужчины, и женщины — так корректно, дружески вели себя друг с другом. Ни драк, ни воровства, ни жульства. Что такое слезы — знать не знали. Ни дети никогда не плакали, ни взрослые. Даже слова «слезы» в их языке не было.

А слезные железы у них имелись, как и у нас, уважаемые читатели. В этом я позже убедился.

Ясное дело, возникали и у них иногда мелкие спорные вопросы. Но разрешали они их в прямой честной беседе. В крайнем случае — шли к королеве, чтоб та их рассудила. И никаких подкопов, никаких анонимок! Впрочем, в Раю анонимок и по технической причине не могло быть: письменностью островитяне не владели, довольствовались устным общением.

Там, в Раю, хотите — верьте, хотите — проверьте, крепких слов никаких не имелось. Самое сильное их выражение так звучало: «Ла олли туал талмо!» Если дословно перевести: «Ты делаешь меня грустным!» Это, по их ругательской шкале, на уровне нашего мата стояло. И еще во многом островитяне на всех прочих людей не походили. Например, не знали, что такое страх. Им бояться было нечего. Что такое болезни и эпидемии, они и слыхом не слыхали. Гроз не водилось. Землетрясений не случалось. Зверей хищных не водилось. Змей — тоже. Так что босиком ходили в Раю не по дикости, а ради здоровья, чтоб иметь прямой контакт с почвой.

Нет, дикарями их не назовешь! Правда, книг, денег, огня, телевизоров, торговли и промышленности они не знали, но своя культурность у них была. Жилые дома, например, строили совсем неплохо. Эти одноэтажные коттеджи стояли в райской роще безо всяких оград и заборов. Жили в них довольно просторно. Строили свое жилье островитяне из мелких необожженных кирпичиков. На острове имелись залежи голубоватой глины, так они формовали из нее эти самые кирпичики, но не обжигали, а долго сушили. Вместо цемента употребляли какой-то ароматный клей. Крыши, правда, крыли не железом, не черепицей, а такими широкими маслянистыми древесными листьями. Ну, по тамошнему климату это в самый раз.

Что касается инструментов, то в Раю имелись топоры, пилы, мотыги, лопаты, ломы, ножи, ложки, вилки, ножницы, иголки и прочие необходимые предметы. Выполнены они были из какого-то темно-синего сверхтвердого металла. Этот металл тем был замечателен, что он не ломался, не

притуплялся, не стачивался и даже самовозобновлялся в процессе работы. Притом мы с Кузей заметили, что эти все инструменты при ударе одного о другой или камень ни единой искры не давали.

Эти вещи, ясное дело, были не местного производства. Насчет их происхождения у райских жителей существовало такое объяснение. Когда-то, мол, не в очень отдаленные дни, на острове жило всего два семейства, причем питались скудно, одной только рыбой. Потом вдруг на остров «спрыгнули с Солнца» незнакомые мужчина и женщина. Женщина раздала островитянам семена растений и научила садоводству и овощеводству. Мужчина же одарил инструментами и провел инструктаж о том, как ими пользоваться. Затем эта загадочная пара «вынула из круглого мешка Серую рыбу и подбросила ее в небо». Рыба та начала описывать над островом круги, все быстрее и быстрее, пока не стала невидимой; она и до сих пор кружится над Раем. Что касается тех двоих, то они «прыгнули обратно на Солнце».

Уважаемые читатели! Даю вам возможность принять личное участие в моем повествовании и самим вписать в него, кто были эти основатели Рая. Ведь самые сообразительные из вас уже догадались, что это были и.....е. Солнце тут — сбоку припека; они с какой-то дальней планеты прилетели, не из Солнечной системы. Они взяли шефство над этим островом, учредили человеческий заповедник и применили какую-то сверхмудреную технику, благодаря которой жители Рая оказались отрезанными от внешнего мира. Эта «Серая рыба», видать, как-то влияла на компасы и на прочие навигационные приборы кораблей — все суда незаметно для капитанов, штурманов, рулевых, а также для членов команды и пассажиров как-то безболезненно отклонялись от курса, обходили остров стороной. И на авиационные приборы, и на летный состав она тоже влияла с такой же силой. Безусловно, она и на психику судоводителей и летчиков воздействовала и зачеркивала в их мозгах всякую мысль о существовании Рая. А для чего инопланетяне тот земной Рай организовали — дело туманное. Может, просто из добрых чувств к бедным

островитянам, но всего вернее — интересовались, что в дальнейшем получится из этого подопытного участка.

Тут у вас возникает законный вопрос: как же это мы с Кузей попали в Рай, ежели он был технически закрыт для посторонних посетителей? А ларчик-то просто открывается. Без сомнения, эти инопланетные профессора все вроде бы предусмотрели своими умными мозгами, все учли и оприходовали. Но, видать, и у инопланетян бывают просчеты, неувязки, а то и прямое очковитирательство и головотяпство. Короче говоря, на все сто процентов изолировать Рай они не сумели. Ведь вся их охранная технология была обязана воздействовать на приборы и на человеческие мозги и в этом плане действовала безотказно. Но на шлюпке нашей не имелось никаких навигационных приборов. А на сознание наше «Серая рыба» давить не могла, поскольку наши умы были затуманены штормом и голодом и мы были без сознания. Да и вообще мы сами от себя не зависели, мы находились во власти волн и ветра.

10. Райские будни

Но вернусь к нашему времяпрепровождению.

Мы с Кузей уже в полном здравии находились, отъелись на райских харчах. Мы по райскому саду уже свободно разгуливали, иногда в дома к поселянам заглядывали. Нас всюду ласково встречали, ведь наше пребывание на острове было для них крупнейшим историческим событием. Однако дальше поселка ходить мы не рисковали, поскольку босые были, змей опасались. Мы еще не знали, что в Раю ни змей, ни ядовитых насекомых не водится.

Для увеселения души мы площадку в центре поселка иногда посещали, там райская самодеятельность процветала. Пляски, музыка на тростниковых дудках, песни... Девушки райские пели отлично. Слушаю, бывало, ничего не понимаю, а на сердце веселей.

Кузя там тоже выступать стал — в духе ретро. Начал с того, что однажды прошел в центр площадки и торжественно объявил: «Приезжий солист Кузьма Васильевич

Федосьев, он же Кузя Отпетый, исполнит фольклорно-блатную песнь «Гоп со смыком»!...». И запел:

Поскольку я играю и пою,
То жить, конечно, буду я в раю, —
А в раю-то все святые
Пьют бокалы наливные,
Я ж такой, что выпить не люблю!..

И так далее. Он куплетов сорок спел. Смысла, разумеется, никто не усек, однако все были довольны, кричали: «Лубан! Лубан!» Это значит — «Еще! Еще!». Потом, в другие разы, Кузя и романсам их обучать стал. Начали жители Рая, подражая ему, распевать: «Вернись, я все прощу!», «Мы сегодня расстались с тобою...» — и еще много чего. Память у них отличная была, однако до нашего прибытия им не на что ее было тратить: книг нет, кино нет. А тут Кузя со своим репертуаром подсыпался — только слушай да запоминай.

А вот с картами дело не сладилось. Мы долго мужчин и юношей вразумляли, как в «двадцать одно» надо играть, — и слова райские, какие знали уже, употребляли, и на пальцах поясняли. Некоторые суть игры поняли, но действовали вяло, без должного азарта. Из вежливости только играли, чтоб нас не обидеть.

По-честному сказать — скучновато нам было.

— Не по мне этот Рай, — высказался Кузя. — Душа суматохи просит... Культработу бы среди них развернуть. По борьбе с неграмотностью, с алкоголизмом.

— Алкоголизм у них отсутствует, поскольку спиртных напитков нет, — уточнял я.

— Этому можно научить, можно самогонный агрегат построить. Тогда будет с чем бороться... Только стоит ли? Пусть на земле хоть этот, островок в трезвости останется. Давай-ка лучше в картишки сыгранем.

Игра у нас в Раю опять на условные деньги шла. Но прежнего интереса не было. Играем — а сами между собой толкуем, как бы нам из этого Рая отчалить, планы всякие строим...

Но вскоре мы перестали о бегстве с острова толковать. На туманном горизонте нашей судьбы появилась Маруся.

11. Маруся

В ту ночь — ночь перед днем, когда мы познакомились с Марусей, — море штормило. Шум валов доносился в наше помещение, и мне долго не спалось. К утреннему приему пищи проснулся я с тяжелой головой. Позавтракав, мы с Кузей, как обычно, приступили к игре. Когда я тасовал колоду, из нее вдруг выпала карта, она упала рубашкой вверх. Я поднял ее, оказалось — это дама бубен.

— Смотри, Шарик, не влюбись в блондинку! — пошутил мой друг.

Я ответил ему в том смысле, что таковых в Раю не водится. Действительно, все девицы и дамы, которых мы до сих пор здесь видели, имели волосы красивого пепельного цвета; встречались и шатеночки, а блондинки — ни одной.

Но, оказывается, одна — была.

Под вечер, когда мы с Кузей явились на райскую танцплощадку, нас поразило, что там, против обыкновения, не видно мужчин и юношей танцевального возраста. Мы уже знали, что в Раю полное равновесие полов и прекрасный пол даже преимущества имеет, — и вдруг такое невнимание островитян к дамскому и девичьему поголовью. И еще нас удивило, что у всех женщин и девушек какой-то взволнованный, радостный вид. Мы спросили у Аканы, у той самой островитяночки, что пищу нам приносила, в чем тут дело. И вот эта словоохотливая Акана начала нам толковать о том, что весь мужской персонал Рая сегодня с утра трудится у Песчаного мыса — так распорядилась королева. Океан, мол, прислал большой, небывалый подарок, великолепные «талуогли». Она про эти «талуогли» долго нам толковала, но мы плохо еще райским языком владели. Стали мы с Кузей между собой рассуждать, как это море может подарки делать и какие подарки; стали мыслить, не жалея извилин. И вдруг не до морей, не до подарков нам стало...

...На небольшое земляное возвышение вроде эстрады поднялась невысокая белокурая девушка сногшибательной красоты. Я уже говорил, что в Раю некрасивых не было, но эта всех райских красавиц перешибла! Не буду давать ее литературного портрета, словесных сил не хватит. Но уж поверьте, голубчики-читатели и голубицы-читательницы: такую красоту я тогда в первый раз повидал, а вам — вовек не повидать.

При появлении этого малогабаритного чуда природы я замер от восторга. И тут красавица запела. Смысл ее песни был, ясное дело, для меня вполне неясен, однако я моментально уразумел, что голос ее аж за сердце берет. И вдруг мне почудилось, что вся жизнь моя до этого дня гроша ломаного не стоила, а вот теперь я царь вселенной, потому что такую девушку вижу и слышу. И в этот момент Кузя кладет мне руку на плечо — и шепчет со слезами на глазах:

— Это она! Это она!..

— Какая такая «она»? — удивился я.

— Это — Надя Запретная!.. Вернее сказать — это ее улучшенный райский двойник...

Когда чаровница покинула певческую трибуну, мой друг, как тигр, метнулся на ее место и запел популярный уголовный романс «Зачем я встретился с тобою...». Пел он вдохновенно и напористо и все время глядел на прекрасную девушку. И я тоже не мог от нее глаз отвести. А Маруся скромно стояла в толпе слушательниц и, когда Кузя исполнил заключительный куплет, вместе со всеми стала кричать: «Лубан! Лубан!»

«Но почему “Маруся”? — спросите вы, уважаемые читатели. — Почему такое имя у иностранной райской девы?» Да дело в том, что звали ее по-тамошнему «Муароса», то есть «Утренний голос» (она подала свой первый детский крик ранним утром), а это уж Кузя стал звать ее Марусей, а за ним и все островитяне, то ли из уваженья к нам, то ли им такое произношение понравилось. Да и самой девушке по вкусу пришлось это ласковое и скромное имя. Оно как-то подходило к ней. Она хоть и красавицей выглядела, но не фифой, не секс-бомбой киношной; ее красота была

сверхвыдающаяся, но в то же время чарующе скромная. Чем-то Маруся немного эстонецку напоминала. Кузя даже свою теорию насчет ее происхождения построил. Мол, в некие времена прибило к Раю какую-нибудь посудину вроде нашей и был там уцелевший человек, прибалтийский белокурый матрос, который стал законным предком Маруси.

Теперь жизнь наша по другому руслу пошла. Карты забросили, стали всюду бродить, забыв, что босые; стали с каждым встречным-поперечным заговаривать, чтоб язык райский скорее освоить. Нам хотелось побольше слов наскрести, чтобы перед Марусей в словесном всеоружии предстать.

Однажды утром разбудили нас раньше обычного, накормили завтраком и вручили нам туфли с длинными острыми каблуками. Мы уже знали, что такие ритуальные туфли надевают только в день поздравления новобрачных после первой брачной ночи. И вот поковыляли мы с Кузей, в числе прочих гостей, к новому, построенному специально для данных молодых супругов, коттеджу. Поздравляющие с песней вошли в спальню, в дальнем конце которой на своем брачном ложе, но уже вполне одетые, восседали счастливые молодожены. И начались пляски в честь новобрачных. Спальням в райских домах отводилось, в смысле метража, главное место, так что пляшущим было где развернуться.

Поскольку данная новобрачная слыла в Раю одной из перворазрядных красавиц, в честь ее плясали особенно усердно, и так топали, что перламутровые раковинки, вделанные строителями в пол, в специальные зазоры между кирпичиками, потрескались, а кое-где и разбились.

Когда я намекнул одной островитяночке — зачем же это пол-то портить, — она дала мне объяснение, из которого я понял: раковинки новые завтра же встанут, а что эти разбились — это хорошо; чем больше их ломается. — тем, значит, больше счастья будет супругам в их дальнейшей жизни. Удивился я такой странной примете, но спорить не стал.

Маруся тоже участвовала в том мероприятии, но при пляске сильно не топала; она, словно лебедушка, скользила по полу. С восторгом глядел я на ее изящные телодвижения.

Смотрел я на нее, смотрел — и решился, подошел. И на ломаном райском языке, тщательно подбирая слова, пригласил я ее на совместную прогулку. И — представьте себе — она улыбнулась и сказала, что завтра утром, когда раскроется розовый цветок, она будет ждать меня на площадке.

12. Тайна Песочной бухты

Утром проснулся я в счастливом состоянии, завтрак скушал с могучим аппетитом. А Кузя ел нехотя, вяло. Я сделал ему дружеское замечание: когда дают пищу — ее надо есть активно; надо целиком и полностью использовать бесплатное райское снабжение. Но он ничего не ответил. В глазах его я заметил грусть.

Вскоре на цветочном календаре под окном раскрылся розовый цветок — и я поспешил в пункт свидания. Маруся уже ждала меня. На ней было скромное голубое платье, в косах ее синели цветы.

— Какие красивые цветочки! — галантно воскликнул я на чистейшем райском языке. — Как они зовутся?

— Никак, — ответила девушка. — Разве цветам нужны имена?.. Куда же мы пойдем ходить?

— Давай пойдем куда глаза глядят, — предложил я.

— Но ведь твои глаза сейчас глядят на меня, а мои — на тебя, — с удивлением произнесла наивная красавица. — И если мы пойдем так, как ты хочешь, то мы столкнемся лбами.

В конце концов Маруся предложила держать путь к Песочной бухте, туда ведет красивая дорога. И вот, покинув утопающий в плодовых деревьях поселок, мы поднялись на невысокий холм, затем спустились в долину. Там росли многочисленные кусты, с которых свисали крупные сочные ягоды, напоминающие вкусом клубнику. Я отдал должное этим даровым дарам природы, на что ушло менее часа. Затем мы вышли к океану, к Песочной бухте.

Море здесь далеко вдавалось в сушу, причем весь берег состоял из отличного пляжного песка. Тут и там виднелись группки островитян, принимающих водные про-

цедуры. Купались они в чем мать родила, но девушки — своими стайками, а юноши — своими, на довольно большом расстоянии. Супружеские пары купались совместно, с ними вместе барахтались в воде ребяташки. Загорающих я не приметил. Те, которые вдоволь наплавались, прогуливались по берегу одетыми и распевали райские песни. Но не только райские. В одном месте я вдруг услышал:

...И там, в кибитке, забудем пытки
Далеких, призрачных страстей...

Пели по-русски, слова произносили отчетливо, с Кузиной интонацией, хоть ни бум-бум не понимали, о чем тут речь.

Да, Кузин певческий репертуар начинал входить в широкие райские массы.

Миновав людную часть бухты, мы с Марусей вышли к левой ее стороне, где далеко-далеко в океан уходила узенькая песчаная коса; в конце ее возвышалось что-то серое, вроде бы — скала.

— Пойдем туда, Маруся, — предложил я. — Там тихо и безлюдно.

— Там теперь нечего делать. Мужчины уже перенесли на берег все подарки океана. — Дальше она начала объяснять мне что-то, но я ничего не понял. Ведь я знал райский язык поверхностно, я в первую очередь осваивал всякие изящные слова, чтобы говорить девушке комплименты, о чувствах беседовать, об искусстве.

— Маруся, а ты сделай мне ценный, красивый подарок, прогуляйся со мной по этому ласковому песочку, — повторил я свою просьбу.

Девушка ответила согласием. Мы пошли по косе. И чем дальше мы шагали по ней, тем яснее становилось мне, что впереди не скала, а судно.

— Так это же корабль! — воскликнул я по-русски. — Затем, перейдя на райский, спросил Марусю: — Сколько восходов тому назад это прибило к острову?

Девушка опять начала лопотать что-то невнятное, часто повторяя слово «талуогли». Тем временем мы подошли

к судну. Это был небольшой грузовой пароход, тысячи три тонны водоизмещением. Шлепая босыми ногами по мелководью, мы обошли его кругом. На корме белела надпись, выполненная иностранными буквами. В трубе видна была пробоина от снаряда; в других местах повреждений я не заметил. Шлюпок на шлюпбалках не висело. Тут и дурак бы понял: пароход, покинутый командой в море, какое-то время дрейфовал без руля и без ветрил, а потом шторм вынес его на эту отмель. Но почему же это команда бросила свое судно из-за пробоины, которая плавучести судна не угрожала?

— Ты не знаешь, были на нем люди? — на всякий случай спросил я Марусю.

— Зачем там было быть людям?! — удивилась красавица. — Там были подарки океана, он подарил нам талуогли. Наши мужчины много поработали, они перетащили все талуогли в ктоарил.

«Что это она все о каких-то талуоглях, — подумал я. — Может, это консервы?»

— А ты их уже пробовала? Вкусные? — задал я вопрос.

— Ха-ха-ха! — интимно рассмеялась райская мадонна. — С тобой никто не будет скучать!.. Талуогли съесть нельзя! Если бы можно было, мы бы тебе и твоему другу принесли их... А теперь нам пора обратно... — она нагнулась, приложила руку к воде, а затем стала неторопливо выпрямляться, держа руку ладонью вниз. Я сразу догадался: скоро начнется прилив. И мы пошагали в поселок, причем — под ручку.

Вернувшись в наше жилище, я застал Кузю сидящим на подоконнике. Он угрюмо глядел в сад. Когда я рассказал ему об увиденном мной судке, он встрепнулся, заинтересовался, но потом снова погрузился в мрачное раздумье о своих личных делах.

13. Роковое свидание

Теперь мы с Марусей каждый день встречались. Иногда даже в уединенных бухточках купались вместе. Ну, прав-

да, не совсем вместе: Маруся требовала соблюдения моральной дистанции, так что раздевались мы метрах в сорока друг от друга, а когда плавали, то она держала интервал метров в пятнадцать; такие уж у них в Раю порядки были, ничего не поделаешь. Про Кузю она меня ничего не спрашивала, хоть, наверно, догадывалась девичьим сердцем, из-за чего он так похудел и почему таким сычом на белый свет смотрит. На площадку по вечерам он все-таки и теперь иногда являлся, невзирая на свое тоскливое состояние. Пением его Маруся интересовалась, это она от меня не скрывала. Она много из его репертуара запомнила.

...Дни шли — один краше другого, все ближе к счастью, все ближе... Так мне казалось. А вышло совсем не так.

...В то утро мы встретились — как было условлено — возле Марусино дома, где она проживала с отцом, матерью и двумя малолетними сестрами. И я спросил у Маруси, куда сегодня мы отправимся на прогулку.

— Сегодня мы пойдем в Уютную бухту, — ответила красавица и добавила с какой-то загадочной улыбкой: — А по пути заглянем на сушильный склад. Там талуогли сушат. Для будущих домов.

«Опять о каких-то талуоглях толкует», — с досадой подумал я... И спросил, что это слово означает.

— Как, ты еще не знаешь этого?! — удивилась Маруся. — Да вот они, талуогли! — И показала на стену своего дома, а потом подошла к ней ближе и ткнула пальчиком в один, в другой, в третий кирпичик.

«Кирпичик... только и всего», — подумал я с какой-то даже обидой. Но затем у меня мелькнула догадка: показом этих кирпичиков, из которых строят семейные дома, Маруся хочет намекнуть мне, что она не прочь создать здоровую райскую семью, и ждет моего твердого признания в чувствах.

Мы миновали рощицу, пересекли низину и через какое-то время очутились в ложине между двумя холмами. Там не росло ни деревьев, ни кустов и дул ровный и довольно сильный ветер, на манер сквозняка. Он прижимал одежду Маруси к ее фигуре, изящно подчеркивая формы. «Когда придем к морю — объяснюсь ей! — вынес

я мысленную резолюцию. — Пусть под классический шум прибоя прозвучат мои высказывания о готовности вступить в брак!» И в моем уме замелькали интимные картины нашей будущей совместной жизни...

— Здесь всегда ветрено, — прервала мои мечтанья Маруся. — Потому и построили здесь сушильный склад.

В этот момент мы поравнялись с длиннющим сараем. Дверей и стен у него не имелось, просто с крыши свисали циновки, сплетенные из морской травы. Маруся отогнула одну из них и вошла в сарай. Я — за ней. Весь длинный отсек склада был заполнен штабелями, сложенными из голубовато-серых глиняных брусков; как я уже упоминал, кирпичи в Раю были мельче наших. Мы прошли с Марусей шагов пятьдесят вдоль этих штабелей. Однако кирпичное дело в данный момент меня не шибко интересовало.

— Неплохие кирпичики, — сказал я, чтобы не молчать в присутствии очаровательной островитянки. — Но не пора ли продолжить наш путь к линии морского прибоя?

— Нет, ты еще посмотришь те прекрасные кирпичики, что подарил нам океан! — с энтузиазмом воскликнула Маруся. И далее она сообщила, что речь идет о тех «талуоглях», которыми было гружено «э т о» (слов «судно», «корабль» в райском языке не имелось); эти замечательные кирпичики мужчины перетасили именно сюда, на склад, чтобы они не попортились от морской сырости и дождей.

— Хватит с нас кирпичей! — воспротивился я. — Нас зовет песня прибоя!

— Нет, ты обязан их посмотреть! — заупрямилась райская красавица. — Они очень симпатичны... И, знаешь, королева сказала, что когда я выберу себе жениха, то именно для меня и моего мужа будет возведен первый дом в Раю из этих миловидных кирпичиков... Ты знаешь, королева очень хорошо ко мне относится.

— Да разве может кто-нибудь к тебе относиться плохо! — воскликнул я. — Ты — главное украшение Рая!.. И я хочу тебе сказать... Нет, то, что я хочу тебе сказать, можно сказать только на фоне красивой природы... Идем к морю!

Однако упрямая Маруся, взяв меня за руку, другой рукой откинула свисающую с балки циновку и ввела меня в следующий отсек склада. Тут тоже виднелись штабеля кирпичиков, но эти кирпичики были еще мельче — эти-кие аккуратные брикетки. И цвет у них был другой — песочно-желтый, чуть отливающий зеленцой... Они мне что-то напомнили. Я вспомнил военную службу... Не хотелось верить страшной догадке.

— Правда, прекрасный подарок океана? — радостно спросила Маруся.

— Алаор долир, дип битурр лаом, дип — тол!* — с волнением произнес я.

Она удивленно посмотрела на меня, потом расхохоталась и прощebetала на своем райском наречии:

— Почему они похожи на тол?! И чем плох тол?.. Из дальнейшего разговора выяснилось, что по-райски «тол» — это мотылек. А когда я стал втолковывать ей, что по-нашему тол — это взрывчатое вещество, она ничего не поняла. В их языке такого понятия не имелось.

— Это взрывчатка! Взрывчатка! — выкрикнул я. Маруся опять засмеялась. Она не восприняла всерьез моего серьезного тона, решила, что я чем-то пугаю ее понарошку. Наверное, она считала, что у меня такой способ ухаживанья.

— Взрыв-чат-ка! Взрыв-чат-ка! — произнесла она нараспев своим звонким голосом. — Какое смешное слово: взрыв-чат-ка!

Я стоял будто оглоблей ударенный. Я не знал, какими словами пронять Марусю, как втолковать ей, какой бедой угрожают мне, ей и всему Раю эти чертовы брусочки. Мое замешательство она истолковала по-своему: решила, что они показались мне недостаточно красивыми. И вот потащила меня дальше, в следующий отсек этого бесконечного сарая. Там брикеты были чуть покрупней предыдущих, ярче отливали желтизной. На каждом из них иностранными буквами было оттиснуто какое-то слово с тремя восклицательными знаками, а рядом — изображение молнии.

*. Милая девушка, это плохая вещь, это — тол!

Но на том не кончилась эта веселая экскурсия. В последнем отсеке взору моему предстали ряды небольших ящиков. На каждом из них трафаретным способом был изображен череп, пониже — молния и опять же три восклицательных знака. Приподняв крышку одного из ящиков, я увидел там некие предметы, напоминающие детонаторы к противотанковым минам; каждый детонатор был отделен от соседнего переборочкой и аккуратно закутан в асбестовую вату. Мне стало совсем мутно. Я вспомнил предсказание тети Бани насчет «сундука с человеческой головой...». А рядом с теми ящиками я узрел штабелек мелких ящичков; на них, помимо черепов и молний, были изображены как бы некие мундштучки, ясное дело, — запалы для ручных гранат, уж настолько-то я в военном деле разбираюсь.

Тем временем Маруся взяла запал. Подбрасывая и ловя его своей изящной ручкой, она многообещающе прошептала:

— Не правда ли, это будет очень милым украшением нашего уютного дома? Эти вещицы будут вделаны в пол, и стены, и...

— Маруся, надо срочно созвать всех мужчин, чтобы срочно отнести все эти «кирпичики» и «украшения» на берег — и затем срочно утопить их в самом глубоком месте! — строго прервал я беззаботную островитянку.

— Ах, ты все надо мной подшучиваешь! — уже с некоторой досадой отвечала девушка. — Разве можно отдавать подарки обратно?!

— Маруся, пойми... Ты видишь, что это такое?! — И я ткнул пальцем в оскаленный череп, глядевший на нее с ближайшего ящика.

— Это какой-то очень некрасивый дяденька. Он, наверно, живет на другом конце океана, да?

— Дяденька-то дяденька, но и ты можешь стать такой тетенькой, если...

— Странные слова ты говоришь! — обиженно прервала меня Маруся. — Такой я никогда не стану! Как это я могу стать такой?!

— Но ты пойми: это череп, череп!

— Его зовут Черепчереп? Значит, ты с ним знаком?

По ее тону я понял, что она не шутит. Я был ошеломлен. Позже я убедился, что обитатели Рая действительно не знали, что под кожным и мускульным покровом их лиц скрыты черепные коробки. Ведь они погребали своих усопших в глубине моря — и те исчезали для них навсегда. А так как в Раю жизнь текла очень мирно, неторопливо и спокойно и у островитян никогда не было несчастных случаев, травм черепа и прочих телесных повреждений, да и вообще никаких хворей они не знали, то их нисколько не интересовало, что у них там внутри, под кожей. Они не ведали даже, что у них сердца есть. Тиктакает что-то в груди — ну и пусть тиктакает.

Когда мы с Марусей вышли из зловещего сарая, она сказала ласковым голосом:

— Я убедилась, что ты очень придирчивый и очень любишь смеяться над другими... Но я не сержусь. Ведь мы собираемся идти дальше, ты что-то хотел сказать мне у моря.

И вот направились мы к Уютной бухте. Маруся легкой, крылатой своей походкой шагала впереди. Я малость отставал. Тяжесть, что легла мне на сердце, передалась и в ноги. Теперь мне кое-что стало понятно. То судно, что мы видели с Марусей, ясное дело, шло в конвое и везло взрывоопасный груз. Возможно, оно почему-либо отбилась от конвоя. Навстречу шел неприятельский эсминец. Он, не желая тратить торпеду (вероятно, запас торпед был на исходе), дал артиллерийский выстрел. Снаряд попал в трубу. Учитывая свойства своего груза, команда не стала ждать второго выстрела и, используя наличные плавсредства, быстренько покинула борт транспорта. Почему эсминец не потопил судно — неясно. Возможно, сэкономил свои огнеприпасы. А быть может, подоспел крейсер, охранявший транспорты, — и командиру эсминца было уже не до расправы над грузовым судном. Тут возможны всякие варианты, факт тот, что покинутое людьми судно какое-то время дрейфовало в океане, а потом шторм пригнал его к райской отмели. А наивные островитяне обрадовались этому, с позволенья сказать, подарочку Фортуны. И теперь

планируют употребить взрывчатку на постройку семейного коттеджа для нас с Марусей. Дурни блаженные!.. Выходит, что ежели я женюсь на этой райской деве, то опасность в первую очередь угрожает мне и ей...

— О чем молчишь? — прервала мои размышления островитянка и вдруг исполнила куплет из «Гоп со смыком». В том куплете об Иуде Скариотском речь шла.

Блатная песня в ее устах звучала наивно и безгрешно. Я знал, что поет Маруся, не понимая смысла, просто хочет похвастаться своей памятью. А быть может, хочет ревность во мне пробудить: ведь понимаю же я, что это — из Кузино репертуара? Но ревность во мне не вспухла. Меня только царапнуло, что она Иуду ни к селу ни к городу упомянула. Я к этому библейскому типу никакого отношения не имею, мысленно констатировал я. Но идти на верную смерть из-за того, что Маруся не понимает, какая взрывчатая кончина ожидает нас в случае свадьбы, — это уж увольте.

Короче говоря, объяснения не произошло. Мы вернулись в поселок вдвоем и мирно разошлись по своим жилищам. Маруся девушка гордая была, она и виду не подавала, что чего-то решающего от меня в тот день ожидала. Но, ясное дело, после этой прогулки знакомство наше на разрыв пошло.

14. События сгущаются

Вернувшись с роковой прогулки, я немедленно поведал своему другу о том, что обнаружил на кирпичном складе и что ждет Марусю, ее будущего мужа и всех островитян, ежели будет построен дом из тех страшных «кирпичиков». Кузя сразу же согласился со мной, что необходимо развернуть среди жителей Рая разъяснительную кампанию.

В течение ближайших дней мы с другом при всяком удобном и неудобном случае заводили разговоры с островитянами и островитянками о том, что «талуогли» грозят им смертной бедой и их надо немедленно утопить в океане. Слушали нас вежливо, но без должного внимания.

Бедняги просто не понимали, что мы им хотим втолковать. Ведь даже таких слов, как «огонь» и «взрыв», в их языке не имелось. И вот Кузя постепенно остыл и выключился из противовзрывной агиткампании. А когда я сделал ему упрек в этом, он заявил мне: «Их не убедишь, слова наши — как о стенку горох». Но я подозреваю, что ему просто не до того было, иная проблема засела в его головушке.

Я уже известил вас, уважаемые читатели, что у нас с Марусей дело на разрыв пошло. Разрыв получился не грубый, не скандальный. Но, безусловно, она учуяла, что не о ней теперь мои главные мысли, — и плавно отчалила, как лодочка. И вот Кузя, видя, что она свободна, тихо-осторожно начал ухаживать за ней. Он, при его рисковом характере, о взрывоопасных последствиях не думал. Тем более Маруся была для него идеалом грез, двойником Нади Запретной.

Давно зарегистрировано: девичье сердце — не камень. Марусе с самого начала нравилась вокальная деятельность моего друга, а теперь постепенно он и весь целиком начал нравиться. Они теперь часто под ручку гуляли, на морской берег вылазки совершали. И на вечерах райской самодеятельности стали иногда вместе выступать. Кузя настропалил добровольцев-музыкантов на дудках танго и фокстроты наяривать — и танцевал в паре с Марусей. Плохого не скажу, получалось красиво. Эти танцы у островитян быстро в моду вошли. И песни, что Кузя пел, все шире внедрялись в райский быт. Все не понимали, о чем речь, — и все пели.

Однажды прихожу на площадку, а Кузя с Марусей уже там. Он стоит на певческом возвышении, она — среди слушателей; он на нее пялится, а сам во все горло:

Обидно, досадно, да что ж делать — ладно;
Не любишь — не падо, другую я найду...

Только по глазам видно, что не найти уж ему другую — в эту по уши втрескался.

Я, когда он отпелся, тактично отзываю его в сторону и шепчу по-товарищески:

— Кузя, я тебе не из ревности это скажу, я о судьбине твоей беспокоюсь. Отшейся ты, пока не поздно, от этой девицы! Пора нам когти рвать из этого Рая. Этот Рай — на взрывчатке!

А он в ответ пробормотал что-то невразумительное — и опять к Марусе. И ушел с ней в райскую рощу гулять. Поздно в тот вечер вернулся.

Я же честно продолжал бороться за общерайскую безопасность. Но правильно какой-то мудрец выразился: не делай добра — и тебе не сделают зла. Моя забота о людях склокой против меня обернулась. Тут надо учесть, что люди там жили хорошие, добрые, святые, можно сказать. Но, видать, и в самом райском раю женщины без сплетен обойтись не могут. Они решили, что Кузя отбил у меня Марусю своими талантами, что дело у них движется к свадьбе, а дом-то для новобрачных возведут из «подарков океана», — и вот я, из зависти к счастливому сопернику, подбиваю всех утопить эти кирпичики в океане. И пошел гулять-погуливать по Раю этот коварный слушок.

Дополз он и до ушей королевы. Приглашает вдруг она меня на собеседование и укоряет в том, что я, мол, веду себя несимпатично по отношению к другу. Тут стал я разъяснять этой даме, какая жгучая опасность грозит всему Раю и ей лично.

— Вы все на воздух взлетите! — выкрикнул я в конце беседы.

— Но разве это плохо — взлететь на воздух? — игриво улыбнулась она. — Я бы, например, очень хотела бы взлететь, уподобившись птичке.

«Хоть ты и королева, но балда не лучше других», — подумал я и удалился, понутив голову. И стало мне ясно: надо практически готовиться к индивидуальному отплыву. Надо запастись провиант. И самому надо перейти на усиленное питание, чтоб нарастить на себе солидный жировой слой; такой персональный запас очень может пригодиться в океане.

15. Последние предупреждения

Райские дни катились под откос.

Кузя теперь всюду с Марусей разгуливал. Этакая аккуратная парочка, хоть для кино снимай. И вот однажды сообщает он мне, что были они сегодня у королевы, сделали совместное заявление о намерении вступить в нерасторжимый брак и та сразу же дала указание островитянам строить коттедж для будущих новобрачных.

— Из тех самых адских кирпичиков? — спросил я.

— Именно из них. Тут уж, Шарик, ничего не попишешь.

— Кузя, думай вперед! Ведь ты вместе с Марусей на тот свет загремишь! И такая взрывная волна будет, что весь Рай рухнет. Никто не уцелеет... Давай-ка погрузимся в шлюпку, ты Марусю с собой возьмешь — и айда с острова. Авось подберет нас какой-нибудь капитан.

— Намеркал я ей на такой вариант. Никуда она из Рая не хочет, не сознает здешней опасности... А без Маруси я ни в какую шлюпку не сяду. Привинтился я к ней душой. Жить без нее не могу.

— Жить, Кузя, только без еды и без воды невозможно... Ведь ты через эту свадьбу погибнешь!

— Не я — так другой, — возразил Кузя. — Такой красавице брака не миновать. Так лучше уж я... Ведь и она меня полюбила. Не могу я ее, дурочку, бросить. Помирать — так вместе.

— Ну и помирай на здоровье, — подытожил я. — А я не хочу через этот чертов Рай свою цветущую молодость губить!

С того дня стал я твердо готовиться к дальнему плаванью. Первым делом пошел в Песочную бухту — я хотел на судне том злосчастном насчет консервов пошуровать. Но потерпел фиаско. Пароходик тот во время очередного прилива дальше от бухты вода оттащила. Не стал я рисковать. Поплывешь к нему саженками, а по пути вдруг какая-нибудь Анюта-акула вынырнет — и прощай моя жизнь молодая. Я по другой линии пошел. Там, в Раю, среди прочих уникальных деревьев было одно, у которого плоды —

вроде сдобных булочек маленьких. Стал я собирать те плоды, сдирать с них кожуру и микробулочки эти на прутики нанизывать, чтоб сохли, чтоб сухарики получались.

Проявил я и к шлюпке нашей внимание. Ее островитяне тогда сразу от воды подальше оттащили, так что находилась она в безопасном месте. Но вот беда — разохлась, зазоры кое-где появились. Тут деготь бы помог, да на острове этом где его взять? А глина, которой островитяне свои погребальные корзины промазывали, здесь не годилась: я ко дну идти не собирался. Здесь нужен был тот клей, который они при постройке домов употребляют.

И вот подобрал я на берегу большую морскую раковину и пошел с ней на стройку. Я уже знал, что строительство дома для Маруси и Кузи началось, но, ясное дело, не ходил туда, чтоб душу свою зря не терзать. А тут необходимость появилась, пошел.

Для коттеджа того место в самом почти центре поселка нашлось. Стены уже на метр примерно возвели. Дом уже вполне вырисовывался — большой, с расчетом на многочисленное потомство; а спальня — рекордной площади, метров под шестьдесят. Клянусь вам, читатели, — не вру!

Строительство шло всерьез, много людей трудилось, — ведь каждому хотелось для райской красавицы № 1 поработать. Но работали очень неспешно. Каждый аккуратно смазывал клеем брусочек тола, затем неторопливо, осторожно прикладывал к тем брускам, которые уже стали частью стены. Глядя на медлительную, вдумчивую работу этих босоногих мужчин и юношей, можно было подумать, что они знают-понимают, какой опасный стройматериал подбросила им судьба. Но нет, ничего они не понимали. Просто в Раю у них был во всем такой неторопливый стиль, — за исключением танцев.

Пол будущей спальни был временно выстлан толстыми циновками. Приподняв одну из них, я увидел те же сатанинские брикетки; между ними строители оставили зазоры.

— Раковинки перламутровые, ясное дело, сюда вставить? — молвил я, проявляя техническую осведомленность.

— Туратон оторто! (Подымай выше!) — со счастливой улыбкой ответил мне какой-то паренек. — Сюда мы вставим, ради нашей красавицы, самые драгоценные дары океана! — И он повел меня за пределы стройки, в сад; там под раскидистыми деревьями стояли знакомые мне ящики с изображением черепов, молний и восклицательных знаков. Мне стало не по себе. На несколько минут я даже позабыл, зачем явился сюда. Но потом попросил дать мне клея и, получив желаемое, торопливо пошагал подалее от этой безумной новостройки.

Прошло несколько дней. Как-то утром тружусь под деревьями у шлюпки, шпаклюю ее. Вижу — Маруся идет по бережку. Бодрая такая, улыбается про себя. Вот остановилась у самой воды, камушек подобрала, бросила его в море. Потом на небо поглядела — и запела по-русски, но, разумеется, с райским акцентом:

Время первое было трудно мне,
А потом, поработавши с год,
За кирпичики, за веселый шум
Полюбила я этот завод...

«Не понимает, ничего не понимает...» — подумал я. Грустно мне стало, тоскливо. Вышел я из своего укрытия, подошел к ней. Она удивилась, думала — одна на всем берегу. И тут стал я убеждать Марусю, что плохо кончится ее свадьба, что коттедж ее гремучей могилой станет, что надо ей либо бежать из Рая, либо убедить островитян утопить кирпичики окаянные в бухте глубокой. Еще я о том ей толковал, что жизнью дорожить надо, поскольку жизнь — это предмет одноразового пользования; ведь помрешь — не воскреснешь. Я все это ей с таким волнением, с придыханьем выложил, что почуяла наконец Маруся: неладное ждет ее в случае свадьбы. И призадумалась, головку опустила. А потом посмотрела мне в глаза — и говорит:

— Кукан-тарлакан! (Это в переводе — «все равно», «до лампочки».)

— Ну что ж, это твое личное дело. Сама себя гробишь, — сказал я и вернулся к шлюпке. А Маруся в поселок пошла.

То была наша последняя встреча наедине.

16. Черные розы

Настал день роковой.

Коттедж из взрывчатых кирпичиков был построен. Островитяне толпились возле этого уютного многообещающего жилья, похваливали работу и стройматериал. Внутрь пока не входили: первыми туда должны были вступить Кузя с Марусей. Однако, поскольку дверей как таковых и оконных рам в Раю не водилось, интерьер был открыт для обозрения. Я тоже заглянул через дверной проем в спальню, где главенствовал мягкий двуспальный тюфяк. Но не брачное ложе интересовало меня. Я вцепился глазами в пол. В зазорах меж брусочками тола поблескивала художественная инкрустация — детонаторы и запалы. Холодок прошел по спине. Босиком-то по этим украшениям ходить еще более или менее безопасно, но ведь завтра поутру сюда гости в туфлях острокаблучных припрутся плясать... И никто из островитян беды не предвидит!.. Только нам с Кузей все ясно, но Кузя из-за глупой любви своей — хуже слепого.

Вечером на площадке состоялся обряд бракосочетания. Весь Рай собрался, даже старики и детишки подсыпались. При всем народе королева вручила Кузе и Марусе пресловутую рыбу «флюгунш», стали они вдумчиво жевать ее, уста их встретились. В публике — одобрительные возгласы, переходящие в овацию. И тут друг мой на прощанье решил порадовать аудиторию гвоздем своего репертуара. Встал на певческое возвышение и Затянул свой любимый романс:

Черные розы, эмблему печали,
При встрече последней тебе я принес...

Он его до конца, слово в слово, исполнил. С чувством пел, с надрывом. Мне даже не по себе стало. И островитян проняло. Смысла, конечно, не понять им было, но надрыв-то, надрыв до них дошел. Понурились, скуksились, у многих слезы потекли. Плачут — и сами дивятся, что это с ними происходит, что это за соленая водица из глаз выделяется. Ведь никто из них в жизни своей ни разу не плакал.

Тем временем у края площадки на цветочных часах темный цветок раскрылся. И пошли счастливые новобрачные свою райскую жилплощадь осваивать. А все прочие слезы утерли, успокоились — и айда по домам. Ведь утром им предстояло встать пораньше и идти поздравлять молодоженов.

А я направился к шлюпке. С трудом, но доволок ее до водной поверхности. Потом принес пищевой запас, распределил его по боковым ящикам. Затем взял канистры из носового рундучка, сходил к ручью, наполнил их пресной водой. И вот — отчалил. Гребу, налегаю на весла, а океан спокойный, ночь лунная, берег Рая отлично виден, как на картине. И вдруг пропал берег, вопреки всем законам оптики пропал. Это, безусловно, повседневная работа «Серой рыбы» сказалась.

Меж тем ветер свежеть начал. Правда, он мне попутный был, он все дальше отжимал меня от невидимого Рая, но он все крепчал. Валики пошли по океану, небо затянуло, луна скрылась. Час шел за часом, я греб, сил не жалея, держа шлюпку кормой к волне. Ветер, опасный мой попутчик, совсем распахивался, гнал низкие грозовые тучи, выл, гудел...

Я не сразу приметил, что солнце восходит. Но это, не зирая на всю непогоду, был явный восход: впереди край горизонта посветлел, заалел. «Сейчас в Раю на цветочных часах розовый цветок, наверно, раскрылся», — подумал я. И представилось мне, как островитяне, надев свои танцевальные туфли, идут поздравлять Кузю да Марусю...

И вдруг с той стороны, где остров, что-то полыхнуло, вспыхнуло. Потом, перекрывая шум ветра и волн, гул пронесся над океаном. Не стало Рая.

* * *

Не помню, сколько дней провел я в том плаванье. Наступил долгий штиль, я греб, а куда — и сам не знал. Потом кончилась еда, потом и личные жировые накопления иссякли. Меня подобрала добрые туземцы-рыбаки, обитатели одного экзотического (но не райского!) острова. Долго описывать, как я все-таки на материк перебрался, как потом, после долгих сложностей, на родину вернулся, в свой городок.

По возвращении поступил я на краткосрочные счетоводные курсы, потом в курортную бухгалтерию устроился. Потом женился. Потом незаметно пенсионный возраст подошел. Живу я неплохо, имею семью, пользуюсь дарами природы и кухни. А ведь мог погибнуть, если б не проявил инициативы!

17. Под занавес

...Третьего дня опять их во сне видел. Будто приехал я в Ленинград, иду по Малому проспекту, а навстречу — престарелый мужчина. И рядом с ним — дама. Уже пожилая, но еще симпатичная. Да это же Кузя с Марусей! И говорит мне мой друг:

— Шарик, да ты, выходит, жив! А мы-то считали, что ты как удрал тогда в океан — так и погиб там.

— Я не удрал, я по разумному расчету отчалил... Но вы-то как воскресли?

— А мы и не помирали. Правда, переживанья были. Утром тогда ввалились к нам в спальню поздравители, пляс затеяли... Ну, думаю, амба. Супруге своей новоявленной шепчу: «Бодришь, Марусенька, сейчас в небо загремим!» Но ничего не случилось. Видно, в Раю свои законы физики, так что взрывчатые вещества там силу теряют.

— А потом, потом? — спрашиваю Кузю.

— А потом стали мы в своем особняке жить-поживать. И начала меня тоска брать. На кой хрен, думаю, мне этот рай — мне родной Васильевский подавай! Уговорил Марусю. Плот соорудил. Отчалили. Нас весь Рай провожал. В конце концов, после долгих приключений и мытарств, доставил жену в Питер. Тут живем и множимся. Внуки уже завелись, двойки почем зря, на радость родителям, приносят.

— Значит, ты счастлив, Кузя?

— На девяносто девять процентов. Все бы хорошо, да не тот нынче Васин остров. И подружки мои прежние куда-то подевались.

— Ты смотри у меня! — погрозила ему пальчиком Маруся, а сама улыбается. И понял я: любит она его прочно-вековечно. С тем и проснулся.

КОГДА Я БЫЛ РУСАЛКОЙ

1. Мое изобретение

Начну с того, что тогда я был молод и ставил перед собой более обширные задачи, нежели теперь. Я учился в техническом вузе и писал стихи о дружбе, любви и окружающей природе. Я охотно читал их своим однокурсникам, дабы привить им любовь к поэзии.

Но, как и у Леонардо да Винчи, мой рост шел не только по линии художественного творчества, но и по линии изобретательства. Той зимой я разработал проект пишущей машинки, на которой можно работать не только руками, но и ногами. Клавиатура предполагалась в два яруса: на уровне стола — для рук, на уровне пола — для ног. Я высчитал, что после трехмесячной тренировки любой грамотный человек сможет печатать на моей машинке всеми двадцатью пальцами, и это вдвое повысит производительность труда. Помимо прочих благ массовое внедрение в жизнь пишущих машинок класса «руки — ноги» сулило новый взлет гигиены и подъем мыловаренной промышленности. Ведь каждый работающий на такой машинке должен был перед началом трудового процесса снимать обувь и носки; чтобы не ударить лицом в грязь, он вынужден был бы чаще мыть ноги.

Отослав в Бюро изобретений свою заявку, я стал ждать отзыва. Ответ пришел в первый день летних каникул. Увы, под разными предлогами мой проект был отклонен. И тут я понял, что могу одержать победу над косностью лишь тогда, когда создам действующую модель машинки. Однако для этого нужны деньги. На стипендию не развернешься. Где добыть денег?

В трудном раздумье сидел я в тот вечер в своей шестиметровой комнатке на седьмом этаже дома по Среднему проспекту. Мои размышления были прерваны стуком в дверь.

— Вася, тебя к телефону! — тревожным голосом сообщила старушка соседка. — С эсминца какого-то вызывают!

Радостно побежал я по коридору в прихожую. Я знал, что старушка ошиблась, к военно-морскому флоту этот звонок не имел никакого отношения. Меня вызывал поэт Эсминец. Эсминец — значит решительный, стремительный, не боящийся трудностей. Это был его псевдоним. Он писал стихи, в которых критиковал растратчиков, осуждал нечеткую работу бань и пивных. Он обильно печатался и, кроме того, вел литературную консультацию в одном политехническом журнале, при котором имелаась литературная страничка. Я уже два года еженедельно носил туда стихи, и Эсминец утверждал, что со временем может появиться некоторая надежда на их опубликование.

Но оказалось. Эсминец позвонил мне по иному поводу, тоже весьма приятному. Ему предложили горящую путевку в санаторий «Морская пена» в Ялте, и завтра он уезжает. В его отсутствие кто-то должен вести устную консультацию, но ему не хочется, чтобы это место, даже временно, оседлал кто-либо из его собратьев по перу. Ведь все они завидуют его таланту, и каждый норовит навредить. Поэтому он решил выдвинуть на эту временную должность человека нейтрального, который не держит утюга за спиной, но в то же время что-то смыслит в поэзии. И выбор пал на меня.

Я, конечно, немедленно выразил свое согласие. И Эсминец сказал, чтобы завтра я явился в редкцию.

2. Дразнитель собак

Воистину, удача никогда не приходит одна! Едва я отошел от телефона, как в прихожей послышался звонок. Один короткий, два длинных, один полукороткий и один полудлинный — это были мои квартирные позывные. Ко мне явился мой школьный друг, которого я в дальнейшем буду называть ДС (Дразнитель Собак). Месяца три тому назад мы с ним крупно поссорились на почве непонимания им моих стихов, и он как в воду канул. Но я догадывался,

что дело тут не в ссоре. Последние месяцы все свободное время моего друга уходило на ухаживание за неведомой мне Тосей, которую он характеризовал как Хрупкую Блондинку и которую в дальнейшем я буду именовать ХБ.

ДС учился в гуманитарном вузе и успешно изучал логику. Он был очень начитан. А во время каникул он дополнял свою стипендию тем, что работал Дразнителем Собак. В те годы на одном из пустырей Крестовского острова происходили занятия собачьих групп. Собаководельцы приводили туда своих псов, и животные под руководством опытных дрессировщиков приобретали различные нужные навыки. Роль же дразнителя заключалась в том, что на нем собаки практически отрабатывали свою готовность служить хозяину (хозяйке) верой и правдой. В толстом ватном халате до пят, в растрепанной шапке-ушанке ДС в заранее условленном месте из-за куста бросался на владельца пса, сопровождая свой бросок агрессивными жестами и хулиганскими выкриками. Пес, обороняя хозяина, с лаем кидался на ДС, вцеплялся зубами в халат, обращал в бегство и преследовал мнимого хулигана, укрепляясь в сознании своей смелости и моральной правоты. Если какая-нибудь слишком ретивая и длиннозубая собака прокусывала спецодежду и оставляла на теле ДС след укуса, то дразнителю сверх зарплаты полагалась от собаководельца немедленная компенсация. Эти дополнительные деньги утешали укушенного и в то же время побуждали его к более активному дразнению.

ДС явился ко мне с деловым предложением. На Крестовском острове при доме отдыха организована лодочная станция и требуются два ночных сторожа. Мой друг уже оформился и предлагает и мне завтра же устроиться туда на работу.

Условия меня вполне устраивали. ДС сказал, что завтра сведет меня на лодочную станцию. Меня оформят, и мы будем стеречь лодки вместе.

— Выходит, ты уже не работаешь дразнителем? — спросил я друга. — Ты боялся, что ХБ может не очень понравиться эта твоя работенка?

— Нет, дежурства на станции я буду совмещать с дразнительством. Я не покину своих собачек! И Тося совсем не против дразнений. Когда я признался ей, каким способом зарабатываю деньги, она сказала, что не хочет меня стеснять... Какая у нее чуткая душа! А компенсацию я отдаю ей на хранение.

3. Трудный день

На следующее утро ДС зашел за мной. Он явился с рюкзаком, в котором лежали халат и шапка; моему другу предстоял большой дразнительный день. Мы направились на лодочную станцию, которая базировалась на Невке, совсем недалеко от площадки, где дрессировали собак, что весьма устраивало дразнителя.

Директор станции провел со мной короткое собеседование. Спросив, не доводилось ли мне участвовать в похищении лодок, и услышав мой отрицательный ответ, он проверил мой паспорт, поглядел мне в глаза и велел дышать. Убедившись, что от меня не пахнет спиртным, он обрадовался и зачислил меня на работу.

Мы распростились с ДС до вечера, и каждый пошел по своим делам: он — дразнить собак, я — консультировать начинающих авторов.

Когда я явился в редакцию, Эсминец отвел меня в кабинет редактора, и тот, задав мне ряд общелитературных вопросов, сказал, что я, кажется, пригоден.

— Но нужен подход, подход и подход! — предупредил он. — Не всех можно печатать, но никого нельзя обижать!

Я ответил, что чего-чего, а подхода во мне хватит на десятерых.

Затем Эсминец провел меня в знакомую мне большую комнату и указал на кресло. Здесь предстояло сидеть мне. Прежде я сидел по ту сторону стола, прежде я был консультируемый — теперь я стал Консультантом. «И это справедливо и закономерно! — подумал я. — Именно здесь мое место, по эту сторону стола!»

— Учтите слова редактора, — напомнил Эсминец. — Нужно быть тактичным со всеми. — Затем, переходя на дружеское «ты», он тихо сказал: — Только не вздумай подкапываться под меня! Помни: поднявший утюг от утюга и погибнет!

Я поклялся ему, что никаких подкопов с моей стороны не будет. Эсминец успокоился и, вынув из кармана помятую бумажку, протянул ее мне.

— Возьми и руководствуйся! Я составил список наиболее опасных авторов. Знай, что на сотни нормальных, скромных людей, посещающих редакцию, приходится примерно пяток-десяток агрессивных графоманов. Их бойся!.. Ну, мне пора на вокзал.

Прежде я и думать не думал, что работа литконсультанта сопряжена с опасностью. Я бывал здесь неоднократно, но при мне никаких эксцессов не происходило. Правда, из уважения к моему творчеству Эсминец меня никогда не задерживал долго и пропускал вне очереди.

Я развернул бумажку. Там синими чернилами было набросано торопливо и не совсем связно:

Кого опасаться:

1) Старичок с палкой. Оды и элегии. Слушать стоя! Обещал применить!

2) Брюнетка с альбомом. Интимная лирика. Слушать внимательно! Плюет в уши.

3) Человек с татуир. Хлипкий, но опасный! Стихи о роковом детстве. Плакать! Держать связь с вахтером.

4) Рыжий нетрезв. мужч. Юморист, стихи. Смеяться от души! Применял джиу-джитсу.

5) Автор с бочкой. Стихи о зверях. Такт! Любит подробный разбор. Примен. стулья.

Под этим роковым списком наискосок шла крупная надпись красным карандашом: ОДЕКОЛОН!!! Из этого я понял, что поэт по фамилии Одеколон куда страшнее пяти предыдущих и что именно против него мне надо крепить оборону. Не скрою, позже выяснилось, что Эсминец сделал эту запись для себя лично, чтобы не забыть купить флакон одеколона перед отъездом на курорт. Но я-то этого

тогда не знал! И естественно, я счел, что этот Одеколон — графоман с очень агрессивными наклонностями. Притом я даже не знал, кто он — мужчина или женщина, ибо такая фамилия могла принадлежать и поэту Одеколону, и поэтессе Одеколон. Угроза исходила от любого вошедшего и от любой вошедшей!

И вот настало время приема.

В двери показался юноша опасного телосложения с тетрадкой в руке.

— Стой! — сказал я твердым голосом. — Признайся честно: ты не Одеколон?

Он робко назвал совсем другую фамилию. Успокоенный его мирным поведением, я пригласил его к столу. Полистав тетрадь, я тактично посоветовал ему учиться на лучших образцах поэзии и стал читать ему наизусть свои произведения. Но тут, один за другим, вошли сразу семь авторов. Опросив каждого, не Одеколон ли он (она), я провел быструю литконсультацию. Затем, чтобы этот день навсегда запечатлелся в их памяти, я продолжил чтение своих стихов. Но не прочел я и десяти стихотворений, как авторы начали покидать комнату. Им хотелось поскорей остаться наедине с переживаниями, навеянными моим творчеством.

Вдруг из коридора послышался грохот. Я подумал, что это приближается Одеколон. Но вот в комнату, катя перед собой пустую железную бочку, вошел толстый мужчина. Я понял, что передо мной «Автор с бочкой», который любит подробный разбор. Он поставил бочку на попа, влез на нее и начал читать стихи. Начинались они так:

Пойду я ночью в зоосад,
Ключ подберу от барсенала,
Всех барсов выпущу, барсят —
И поведу их вдоль канала,
Чтоб ты любовь мою поняла.

Выслушав все стихотворение, я приступил к разбору. Я поинтересовался, что такое «барсенал».

— Да ясно же, это где барсы живут! — воскликнул автор. — Барсячье помещение... Разве плохо придумано? Вроде арсенала, только там не оружие, а барсы.

Я спросил его, вдоль какого канала поведет он барсов. Он ответил, что имеется в виду Крюков канал, где живет одна его знакомая. Тут он прыгнул со своей эстрады и подошел к плану Ленинграда, который висел на стене. Мы стали разрабатывать наиболее краткий и надежный маршрут, по которому надо вести барсов. Затем поэт предложил мне встать на бочку и прочесть несколько моих произведений. Он не шевелясь выслушал пять стихотворений, затем сказал: «Вижу собрата!» — и, схватив со стола лист бумаги, мгновенно сочинил экспромт и протянул его мне. Я прочел:

Как русалка, ты плаваешь
в море стихов,
Гениальный поэт-консультант!
Ты поймешь и услышишь
мой творческий зов,
И во мне ты откроешь талант!

Он ушел, катя перед собой свою трибуну, и после него никто в этот день не приходил. Я в одиночестве сидел за столом и вчитывался в четверостишие. Чем глубже я в него вникал, тем больше меня огорчало несоответствие между второй и первой строчками. Во второй — все ясно и правильно, а в первой я почему-то «плаваю, как русалка». А ведь если верна вторая строка, то, выходит, верна и первая? Что, если я и в самом деле русалка?.. Но я с негодованием отверг эту недостойную мысль.

С облегченным сердцем вышел я из подъезда редакции. На улице мне не был страшен никакой (никакая) Одеколон. Я бодро шагал к дому, и в мозгу моем звенела и переливалась строчка: «Гениальный поэт-консультант!» Но когда я прилег вздремнуть перед ночным дежурством, то увидел грустный сон. Мне снилось, будто уже готова модель моей пишущей машинки. И вот я сажусь, чтобы перепечатать свое стихотворение, и вдруг с ужасом осознаю, что не могу освоить нижнюю клавиатуру, ибо у меня вырос русалочий хвост.

4. Беспощадная логика

Когда я явился на лодочную станцию, моего друга там еще не было. С пустыря доносилось рычание псов и их победный лай: ДС работал. Я принял смену у дневных дежурных, пересчитал лодки и стал ждать дразнителя. Хоть то была пора белых ночей, но река казалась темной и таинственной. Я ходил по бону, стараясь держаться посередине, подальше от воды.

Наконец появился ДС. Он пришел на плот прямо с собачьего полигона и сразу, сняв халат и шапку, стал смазывать укусы йодом. Лицо его сияло: план по укушениям был выполнен с превышением. Но сидеть он не мог.

— В прошлом году твой дразнильный халат был длиннее, — сказал я ему.

ДС ответил, что халат укоротила ХБ, заботясь о нем и о получаемой им компенсации.

— Юра, что ты знаешь о русалках? — спокойным голосом спросил я.

— Русалки, они же на юге России — мавки и майки, они же — наяды, ундины, сирены, лорелеи и nereиды, прочно вошли в художественную литературу всего мира. В каком аспекте тебя интересуют эти существа?

— На данном этапе моей жизни литературно-художественные русалки меня не интересуют, — ответил я. — Я хочу навести у тебя справку о самых обыкновенных, нормальных русалках. И вообще — есть ли они? Быть может, это плод суеверия?

— Всякое суеверие зиждется на каком-либо неверно истолкованном реальном явлении, — ответил ДС. — Понятие «русалка» донесено к нам фольклором из глубокой древности, причем без упоминания о наличии у нее хвоста. В дальнейшем сказочники и поэты «приделали» ей хвост. Если же умозрительно рассмотреть современную рядовую русалку, то мы, очевидно, увидим человека, спонтанно приспособившегося к обитанию в водной среде. Я хочу подчеркнуть, что русалки не способны к популяции. Русалками не рождаются, в них превращаются. Вывод: чтобы стать

русалкой, надо утонуть. Однако далеко не всякий утонувший становится русалкой. По-видимому, биологический механизм, автоматически переключающий организм на жизнь в водной среде, генетически закодирован не в каждой особи... Но почему тебя заинтересовал этот вопрос?

— Юра, дело в том, что поступил письменный сигнал, будто я русалка. Но я даже плавать не умею!

— Именно неумение плавать повышает твои шансы стать наядой, — беспристрастно изрек ДС. — Ведь твои возможности в отношении утопаемости шире, нежели у умеющего плавать.

— Но я вовсе не хочу идти в русалки! У них женские данные, а я — мужского рода. У них длинные волосы, а я стригусь под бокс.

— В древности зарегистрированы визуально не только русалки-женщины, но и русалки-мужчины, так называемые водяные. Но воспевать русалок-женщин куда интереснее, чем русалок-мужчин. И вот водяные были забыты. Постепенно понятие «русалка» стало понятием собирательным и включало в себя и собственно русалок, и водяных. Возьмем понятие «собака». Когда я говорю, что меня укусила собака, я вовсе не утверждаю этим, что меня укусила именно сучка. Ибо хоть слово «собака» женского рода, но понятие «собака» суть общевидовое определение и вмещает в себя всех собак обоего пола. Поэтому, если поступило сообщение о том, что ты русалка, ты должен подойти к этому факту с должной объективностью.

— Но я не хочу переключаться на русалку! — резко возразил я ДС. — Я нужен человечеству на суше!

Он ничего не сказал в ответ. Все кругом молчало. Раздавленный неопровержимыми логическими построениями своего друга, я был охвачен тревогой. В голове сами собой начали складываться певучие строки:

Раскудахтались мрачно филины,
Потемпела морская даль,
В мозговые мои извилины
Заползла гадюка-печаль.

С берега слышались тяжелые шаги. ДС встрепнулся и стал торопливо одеваться.

— Это Тося! — радостно сказал он. — Какое счастье быть любимым!

Дощатый бон закачался, когда рыжая гражданка агрессивного телосложения ступила на трап. Так вот какова ХБ!.. Чтобы не смущать влюбленных, я спешно удалился в кассу-сторожку и, закрыв за собой дверь, задумался о своих неприятностях... Опасность стать русалкой и возможность пасть от руки Одеколоне... Надо завтра же послать Эсминцу телеграмму с оплаченным ответом и запросить все данные об Одеколоне: пол, возраст, особые приметы и род оружия.

Мои размышления были прерваны стуком в дверь.

— Выходи, Тося уже ушла, — сказал ДС. — Ты видел ее?

— Видел. Не такая уж она хрупкая и не такая уж блондинка.

— Что ты понимаешь!.. Я чистокровный атеист, но когда вижу ее, готов поверить в ангелов! Представь себе, она унесла мой дразнильный халат, а завтра сама принесет его мне. Теперь по ночам на нем будет спать ее домашняя кошечка.

— Какая забота о кошках! — высказался я.

— Забота о людях! Забота обо мне! — воскликнул ДС. — Ведь, поскольку от халата будет пахнуть кошкой, активность собак резко повысится.

Утром, возвращаясь домой с дежурства, я зашел на почту и послал Эсминцу задуманную телеграмму. Ответ пришел в тот же день к вечеру. Увы, Эсминец, как видно, не понял моей депеши и принял ее за подкоп, ибо телеграмма его была такова:

«Индийская мудрость гласит двоеточие капающий на благодетеля подобен змее у лица спящего тчк эсминец».

5. Опасная попытка

В этот день в городе стояла жара, и из-за этого никто не шел ко мне на консультацию. Тогда, покинув свое крес-

ло, я отправился бродить по редакции, дабы изучить топографию местности и выяснить путь отступления на случай стычки с Одеколоном. Случайно я забрел в машинописное бюро, где сидели две симпатичные машинистки. Чтобы расположить их к себе, я объявил, что для них настал час поэзии. Обе прервали работу и обратились в слух. Я читал им с большим эмоциональным напором и вскоре заметил, что они заразились моим творческим волнением. Одна побледнела, и по щекам ее покатались неподдельные крупные слезы; другая начала дрожать мелкой детской дрожью и ритмично полизывать зубами. Потом, переполненные впечатлениями, обе, согнувшись, выбежали из комнаты.

Я довольно долго ждал их, чтобы продолжить чтение. Но они все не шли. Тогда, чтобы не тратить времени впустую, я решил, что, поскольку моя действующая модель еще не создана, я могу пока потренировать пальцы ног на обыкновенной машинке. Для этой цели я поставил одну из машинок на пол, затем снял ботинки и носки, аккуратно засучил брюки и, сев на стул, приступил к тренажу. Ноги плохо слушались меня, но лиха беда начало. Первоначально человеку нелегко было действовать даже руками, а потом все наладилось.

К сожалению, этот учебно-познавательный процесс был прерван появлением машинисток. Они вошли в комнату и сразу с визгом бросились обратно. Я босиком побежал за ними по коридору, чтобы растолковать суть дела. Но они забежали в какую-то кладовку, заперлись там и стали звать на помощь. Чтобы успокоить их, я, стоя перед закрытой дверью, начал громким голосом читать им свои лучшие произведения. Но даже это не подействовало! Они продолжали жалобно кричать.

На шум сбежались сотрудники редакции, а затем меня вызвал редактор. Он сразу же объявил, что в моих услугах более не нуждается. Он вменил мне в вину не только происшествие с машинистками, но и то, что якобы молодые авторы жаловались на меня, будто я не слушаю их стихов, а до умопомрачения зачитываю своими.

Деньги за проведенную мною работу выплатили мне немедленно. Я вышел на улицу не в таком уж плохом

настроении. Пусть меня здесь не поняли и не оценили, но зато теперь я был избавлен от встреч с опасными графоманами, перечисленными в списке Эсминца.

Меж тем наши ночные дежурства продолжались. Днем ДС по-прежнему работал с собаками. Теперь он ходил на дразнение в легком сатиновом капотике, который ХБ выделила ему из своего гардероба. Кривая укушений ползла вверх, но это уже не радовало моего друга. Он сообщил мне, что ХБ познакомилась с доцентом собаководения и теперь только о нем и говорит. У маститого псоведа отдельная квартира, два патефона, и к тому же он недавно развелся. Я, в свою очередь, признался ДС, что работа на лодочной станции стала для меня пыткой, ибо возле воды опасность стать русалкой подступает ко мне вплотную. Меня тянет в безводные просторы Каракумов, и только долг перед человечеством удерживает меня здесь.

6. Русалка на миг

Этот день запомнился мне навсегда. По небу торопливо бежали рваные облака. Трамваи через Васильевский не шли: на Большом проспекте порывами ветра повалило несколько деревьев, и они порвали контактный провод. Я прибыл на дежурство с опозданием. Лодки, звеня цепями, бились о бон. С залива шла большая волна. ДС, опутив голову, стоял на качающемся плоту.

— В такую погоду твоя ХБ вряд ли придет сюда, — сказал я ему с дружеской подковыркой.

— Она больше никогда не придет сюда, — грустно заявил ДС. — Вчера она вышла замуж за доцента собакологии.

— А деньги она тебе вернула? Ты должен пожертвовать их на создание машинки «руки — ноги»!

— Ах, мне не до того!.. Тося сказала, что деньги она оставит себе, чтобы они не вызывали во мне грустных воспоминаний о наших счастливых днях... Сколько в ней душевной чуткости!..

На глазах моего друга показались слезы. Чтобы утешить ДС, я начал читать ему свои стихи. Я знал, что он

недопонимает мои произведения, но надеялся, что в эти трудные для него минуты они дойдут до его сознания и помогут ему обрести бодрость. Громко и отчетливо, перекрывая голосом шум ветра и плеск волн, я прочел восемь стихотворений, а затем и девятое, которое приведу здесь полностью:

Собака сторожила гладиолусы,
Маячило ей счастье впереди,
И ветер на собаке гладил волосы
И ей шептал: «С надеждой вдаль гляди!»

Но грянул град, помялись гладиолусы,
Их качественность снижена была.
Собака взвыла непормальным голосом —
И умерла!

ДС эти строки потрясли, они оказали на него даже слишком сильное действие. Он вдруг затрясся, замахал руками и двинулся на меня. Мне стало страшно, мне почудилось, что передо мной Одеколон. Забыв, где нахожусь, я сделал два шага назад — и упал с бона в воду.

Я очутился в большой затонувшей барже, на четверть занесенной песком. В ней сидели русалки обоего пола. Хвостов ни у кого не имелось. Все были одеты не модно, но вполне пристойно. Некоторые жевали пучки водорослей, другие переговаривались между собой по пальцевой системе, принятой у глухонемых и у наяд; я почти все понимал.

Оказывается, я попал на собрание по распределению жилплощади. Пожилой мужчина-русалка, сидевший в президиуме на корме, встал и сделал сообщение, что вчера в заливе на глубине восьмидесяти метров затонул пассажирский пароход. Команда и пассажиры погибли, поскольку сели в спасательные шлюпки и высадились на берег; спасся только кок, поскольку, будучи в состоянии опьянения, пошел на дно вместе с судном и превратился в русалку. Предстоит распределить семьдесят три каюты.

Кок-русалка в модном заграничном дождевике, уже совершенно трезвый, попросил слова. Он потребовал для себя капитанскую каюту и должность управдома. Заявление было

принято к сведению. Затем выступила молодая наядя. Она сообщила, что живет в коммунальном трюме древней галеры, и просила улучшить жилищные условия. Но вслед за ней сразу поднялась старушка русалка и поведала о ее плохом поведении в быту.

Тут до меня дошло, что подводная общественность еще не знакома с моим творчеством. С этой мыслью я немедленно поплыл в президиум и встал лицом к публике. Все замерли, готовясь приобщиться к моей поэзии. И тут произошла досадная накладка. Поскольку я находился под водой, голосом читать стихи я не мог. А когда попробовал передать их зрителям посредством азбуки глухонемых, я не смог движениями пальцев выразить всю напевность и глубину своих произведений. Публика начала торопливо расплываться в разные стороны. Президиум тоже уплыл. Я остался один. В глазах потемнело, я потерял сознание.

Очнулся я на плоту. Меня тошнило водой, я лежал на досках, дрожа от холода, во всем теле была слабость.

— Наконец-то очухался! — услышал я над собой голос ДС. — Я уже четверть часа делаю тебе искусственное дыхание! Три раза нырял за тобой, еле нашел!

Срывающимся шепотом поведал я другу свои подводные переживания и обиды.

— Значит, прогноз о твоих возможностях превращения в наяду был ошибочным, ибо прочного контакта с подводным миром реализовать ты не смог, — сказал ДС. — Не спорю, какие-то мгновения ты был как бы русалкой, однако решающего биогенетического переключения организма на естественное обитание в водной среде не произошло, что едва не привело тебя к летальному исходу.

— Зато теперь твердо установлено, что я не русалка! Как это хорошо! — с облегчением прошептал я. — Ведь там, под водой, никому не нужна машинка типа «руки — ноги» и там никто, никто не поймет и не оценит моих стихов...

Андрей Столяров

О СЧАСТЛИВЫХ ЛЮДЯХ

От писателя не остается ни должностей, которые он занимал когда-либо, если он, конечно, какие-либо должности занимал, ни литературных премий, если он опять-таки имел когда-либо какие-либо литературные премии, ни хвалебных статей, написанных часто по дружбе, а гораздо чаще и гораздо вероятнее — из деловых интересов, ни рецензий, ни многочисленных интервью, ни выступлений по радио или по телевидению. Все это — случайное. Все это растворяется в прошлом, как растворяется большая часть того, что мы при жизни считали важным и необходимым.

От писателя остаются лишь книги, которые продолжают читать, и тогда писатель еще живет, становясь той странной метафорической величиной, с которой читатель невольно сравнивает себя, или от писателя не остается вообще ничего, потому что книги, которые не читают, умирают быстрее, чем люди, и это «ничего» означает, что фактически такого писателя никогда не было.

Вадим Шефнер не занимал в литературе никаких должностей, я ни разу — так уж, вероятно, не повезло — не видел его по телевидению и не слышал по радио, а две Государственных премии, Горьковская и Пушкинская, полученные им уже на склоне лет, явились, скорее всего, просто эхом читательского признания.

За писателя говорили его книги, и этот голос был громче всех других голосов.

Внук двух адмиралов, шведского и немецкого, один которых основал г. Владивосток, — на всех картах мира значится бухта Шефнера — в жизни был предельно вежливым человеком. В сентябре 2000 г. на Четвертом Конгрессе фантастов России ему была вручена премия «Паладин фантастики», а уже на следующий день он позвонил мне, чтобы поблагодарить, хотя к присуждению этой премии я имел очень косвенное отношение, и когда в разговоре случайно выяснилось, что я много лет не могу купить повесть «Сестра печали»: нигде не вижу, как-то не попадается, не найти ни в одном магазине, то через несколько дней почта доставила мне в пакете томик с дарственной надписью.

Тогда я прочел «Сестру печали» в третий раз.

Наверное, не стоило этого делать. Во всяком случае, это было очень рискованно. Никогда не следует перечитывать книги, которые в молодости произвели на тебя громадное впечатление. Человек в своей жизни несколько раз меняется, становясь совершенно иным, и разочарование, испытываемое иногда при перечитывании некоторых любимых ранее произведений, сравнимо с разочарованием во всем своем прежнем существовании. В прошлом должны оставаться какие-то неизменные ценности, или оно расплывается, утрачивая личностные очертания, рассеивается как мираж и уже почти не просматривается из настоящего.

«Сестру печали» я читал, не отрываясь, весь вечер и закончил только тогда, когда была перевернута последняя страница.

И разве не для того именно пишутся книги — чтобы вот так, человек, читатель, который почти ничего не знает об авторе, озабоченный многочисленными проблемами, как правило, далекими от беллетристики, уже научившийся уставать, сосредоточенный на себе, стиснутый со всех сторон жизнью, дарующей неизбежность вместо свободы, иногда, совершенно случайно раскрыл бы неведомый ему прежде роман — и не мог бы уже оторваться, пока не будет прочитана последняя строчка.

Тайная магия литературы, вновь пробуждающая в человеке способность дышать, дана далеко не каждому.

Популярность произведений Вадима Шефнера была необычайной. Молодой писатель из Томска цитировал мне «Скромного гения» наизусть, повесть «Девушка у обрыва, или Записки Ковригина», напечатанная сначала просто как «проза», была незамедлительно включена в знаменитую двадцатипятитомную «Библиотеку современной фантастики», а на человека, не читавшего Вадима Шефнера, смотрели в те годы как на не вполне грамотного. Когда первые его «странные» повести появились сначала в журналах, а потом отдельными книгами, о них, насколько можно судить, не было ни лавины рецензий, восторженных «подвалов» статей в центральной прессе; о них не спорили критики, создававшие в те времена «литературный процесс», и они никем не провозглашались «выдающимися произведениями современности». Я, во всяком случае, такого не помню. Но какими-то незримыми волшебными токами — от человека к человеку, от читателя к читателю — слух об этих книгах расходился по всей стране, и они исчезали из магазинов едва ли не раньше, чем их успевали печатать. В семидесятые и восьмидесятые годы книги Вадима Шефнера нельзя было просто купить, их можно было только «достать» — каким-то чудом, по блату, в результате громадных усилий — и счастливый обладатель такого сборника с гордостью давал его ненадолго друзьям и приятелям.

Это было особенностью «новой прозы» Вадима Шефнера: ее хотелось не только прочесть самому, но немедленно по прочтении дать всем хорошим знакомым. И не просто, чтоб почитали, а еще и узнать, какое впечатление на них это произвело.

Книга, о которой хочется говорить, живет уже сама по себе, как реальная сущность, независимая от своего создателя. Она обретает собственную судьбу и становится признаком времени наравне с другими достижениями эпохи.

Семидесятые годы были эхом «бунтующего поколения». Эхом времени, когда благополучные вроде бы студенты во Франции выходили на баррикады, когда еще

более благополучные американские их коллеги громили студенческие аудитории, а Чехословакия, почувствовавшая воздух свободы, требовала социализма с «человеческим лицом».

Казалось, что меняющаяся Европа вот-вот обретет новую идею существования.

Новая идея, однако, не появилась. Пассионарный порыв был поглощен изматывающим противостоянием двух сверхдержав, США и СССР. Война во Вьетнаме опустошила нарождающиеся евро-американские идеалы, а движение «пражской весны» было смято гусеницами советских танков.

Семидесятые годы стали временем политического удушья.

В Советском Союзе наступила эпоха «зрелого социализма». Социализма стареющего и уже давно уставшего жить — и уже не живущего, как бы ни пыталась скрыть это официальная идеология, а лишь совершающего вместо жизни некий мертвенный ритуал.

В эти годы Вадим Шефнер писал книги о счастливых людях. Он писал о людях, которые, казалось, не знают, что такое страх, бессмысленность и отчаяние. О людях, с которыми происходят веселые, необыкновенные и смешные истории и которым даже в голову не приходит, что жизнь в действительности лишена всякого смысла.

Наверное, правы те, кто говорит, что человек иногда переживает вторую молодость. Лион Фейхтвангер написал романтическую «Испанскую балладу», когда ему было уже за семьдесят. Примерно в том же возрасте И. А. Бунин создал «Темные аллеи» — цикл новелл о любви, а Борис Пастернак было за шестьдесят, когда он завершил роман «Доктор Живаго».

Вероятно, с возрастом человек лучше чувствует прошлое, чем настоящее. И парадоксальным образом то, что, казалось бы, минуло уже навсегда, вдруг становится актуальнее самых острых и злободневных событий.

«Странные», не похожие ни на что повести Вадима Шефнера «Девушка у обрыва...», «Скромный гений», «Человек с пятью "не"...» и другие начали появляться, когда

автору их было уже за пятьдесят, его творческая биография выглядела в определенной мере уже завершенной и когда казалось, что он войдет в историю литературы исключительно как поэт.

В его жизни вообще присутствовали разные странности. Он был, например, дворянином, но в графе о «социальном происхождении» — в те времена, когда это могло иметь решающее значение, — писал «рабочий». Причем, это тоже полностью соответствовало действительности. Родственников Вадим Шефнер растерял еще в двадцатые годы, был беспризорником и свою рабочую жизнь начал именно на заводе. Однако в литературе, где по идеологическим соображениям господствовал «пролетарский максимализм», он и в то время был именно дворянином. Он помнил не столько права такого происхождения, кстати, достаточно эфемерные, сколько неотъемлемые обязанности этого нравственного сословия. Его герои не способны были совершать бесчестные или плохие поступки, а понятий «выгодно» или «не выгодно» для них просто не существовало. Зато они хорошо представляли себе, что есть добро и что есть зло, и упорно строили жизнь в соответствии именно с этими представлениями. И какими бы простодушными и наивными они при этом ни выглядели, они, вероятно, были как раз такими, какими мы и были задуманы, какими мы, наверное, в принципе должны были быть и какими мы, несмотря на все наши усилия, так и не стали.

К сожалению, мы слишком привыкли к обыденности. Человек так устроен, что хочет видеть вокруг себя только привычный, знакомый, повторяющийся день ото дня круг явлений. Это вполне понятно. Если мир будет меняться ежесекундно, жить в нем станет нельзя. В обыденности заключена громадная цивилизационная сила. Она порождает саму возможность существовать вопреки всем социальным потрясениям и катастрофам.

И вместе с тем — это, пожалуй, самое опасное в жизни. Погружение в нескончаемую обыденность делает обыденным и самого человека. Он уже перестает воспринимать необычное, которое тоже наличествует в действительности, и спокойно проходит мимо того, что только и делает жизнь

жизнью. Ведь обыденность не предполагает ни стремления к будущему, ни любви, ни счастья. Она предполагает лишь безопасность, определенный комфорт и продолжение рода. А человек, какому бы времени он ни принадлежал, устроен еще и так, что этого «биологического» набора ему не достаточно. Ему мало удовлетворения обычных «приземленных» желаний. Ему требуется еще и нечто такое, что придает жизни смысл и возвышает ее над повседневным ландшафтом.

Герои Вадима Шефнера необычайно искренни. Бытовое «технологическое» лицемерие, рожденное инстинктом самосохранения, им абсолютно не свойственно. Они словно только что родились — буквально в первый день сотворения — и еще не успели постичь спасительных законов обыденности. В результате они натываются на те многочисленные углы, которые наученный опытом человек спокойно обходит. В результате они не способны и даже не пытаются добиться в жизни какого-либо «успеха». Но, расшибаясь о несурезицы быта, выглядящие и в самом деле нелепо, вызывая удивление окружающих и не умея наладить себе спокойное, размеренное существование, они достигают гораздо большего, чем те, кто уже смирился с обыденностью, — того, что дается далеко не каждой жизни: они достигают любви и счастья.

Трудно сказать, что здесь является главным. Счастье притягивает любовь, которая вне магии счастья существовать не может, или, напротив, странная способность любить делает человека счастливым. Вполне очевидно только одно: жизнь становится жизнью, когда она подсвечена изнутри этим трансцендентным источником. Без этого она превращается просто в существование. Без этого она остается лишь тусклым временем пребывания в земных пределах.

Причем, единожды озарив человека, любовь уже никогда не заканчивается.

Заканчивается только влюбленность.

А любовь длится столько, сколько длится собственно жизнь.

В тот день, когда от нас ушел Вадим Шефнер, исчез из мира еще один человек.

В повести «Сестра печали» есть такие строчки:

«Оттого что я не видел, как ее убило, и даже не знаю, где она похоронена, я не могу представить ее себе мертвой. Я помню ее только живую. Она живет в моей памяти, и когда меня не станет, ее не станет вместе со мной. Мы умрем в один и тот же миг, будто убитые одной молнией.

И в этот миг для нас закончится война».

Вот лучшее, что, на мой взгляд, можно сказать о каждом авторе:

Он писал книги, он любил и, наверное, он был счастлив.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК С ПЯТЬЮ «НЕ», или ИСПОВЕДЬ ПРОСТОДУШНОГО	5
---	---

1. Введение	7
2. Домашняя обстановка	7
3. Дальнейшие события	14
4. Тетя Лампа	15
5. Дальнейшие события	21
6. Вася-с-Марса	22
7. Дальнейшие события	24
8. Отлет Васи	27
9. Дальнейшие события	30
10. Дальнейшие дальнейшие события	32
11. Почетный шерстеноситель	33
12. Большая бутылка	42
13. Дальнейшие события	52
14. Прорыв в космос	53
15. Звучащий человек	57
16. Дальнейшие события	64
17. ТНВ	66
18. Голубая собака	74
19. ЭМРО	84
20. Счастливые итоги	98

ДЕВУШКА У ОБРЫВА, или ЗАПИСКИ КОВРИГИНА	101
--	-----

1. Вступление	105
2. Случай на Ленинградском Почтамте	107
3. Детство	118

4. Из юности	127
5. Заслуженное наказание	132
6. По пути в заповедник	137
7. Старый Чепьювин	140
8. Мост без перил	145
9. Девушка у обрыва	150
10. Сапиенс сказал: да	153
11. АНТРОПОС предсказывает... ..	156
12. События развиваются	164
13. Самодельный АТИЛЛА	170
14. Пресс-конференция. Встреча с Надей	177
15. Пряничный домик	187
16. Буря в тайге	193
17. В издательстве	198
18. Остров моего имени	204
19. Красная кнопка	213
20. Аквалид — есть!	219
21. Корабль приспускает флаг	223
22. Последняя победа	236
23. Радость и горе	239
24. Эпилог	245

КРУГЛАЯ ТАЙНА

Взаймы у судьбы	251
Явление шара	257
В мире прекрасного	260
Верховный сдаватель бутылок	265
Шар не бездействует	268
Разрыв с Кирой	271
Научная консультация	274
Важное решение	282
Неожиданный вариант	283
Обидная жизнь	286

Леонкавалла-Таня	288
Разговор в лесу	292
Шар исчезает	298

ЛАЧУГА ДОЛЖНИКА

Роман случайностей, неосторожностей, нелепых крайностей и невозможностей	301
---	-----

1. Предварительное сообщение	303
2. Кто я, кто мы	304
3. Краткое сообщение	312
4. На пороге решения	313
5. Луга Милосердия	316
6. Знакомство с Павлом Белобрысовым	321
7. Случай на собеседовании	329
8. Краткое сообщение	333
9. Практический тест на море	335
10. Справка о наименовании	341
11. День открытия	342
12. Тревожные догадки	346
13. Беседы в «пенале»	351
14. Очень-очень большая глава	354
15. Авария в космическом пространстве	447
16. Спаситель, но убийца	452
17. Биологические слепцы	455
18. Ялмез все ближе	456
19. Ялмез совсем близко	459
20. Мы приялмезились	463
21. Санаторий самоубийц	469
22. Опасные похороны	478
23. Перед броском на континент	481
24. У врат Безымянска	485
25. Мы в Безымянске	495
26. Знакомство с городом	499
27. Урок ялмезианского языка	503

28. Находка в Лексинодольске	507
29. Контактный марш	510
30. Справка о метаморфахтах	516
31. Путь на Гусиный остров	529
32. Во власти лекаря	533
33. Дарователь ступеней	536
34. Роковая жеребьевка	541
35. Смерть Белобрысова	546
РАЙ НА ВЗРЫВЧАТКЕ	555
1. Предисловие	557
2. Сила таланта	558
3. На Малом проспекте	562
4. Биография друга	566
5. Намек судьбы	570
6. Казенный дом с полом покатым	572
8. Райское гостеприимство	579
9. Рай как таковой	582
10. Райские будни	587
11. Маруся	589
12. Тайна Песочной бухты	592
13. Роковое свидание	594
14. События сгущаются	600
15. Последние предупреждения	603
16. Черные розы	606
17. Под занавес	608
КОГДА Я БЫЛ РУСАЛКОЙ	609
1. Мое изобретение	611
2. Дразнитель собак	612
3. Трудный день	614
4. Беспощадная логика	618
5. Опасная попытка	620
6. Русалка на миг	622
О СЧАСТЛИВЫХ ЛЮДЯХ (Андрей Столяров)	625

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир ледящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.

Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ"

Братья Стругацкие... Их знают не только те, кто любит фантастику. Магии книг братьев Стругацких подвластны самые разные люди - независимо от возраста, образования, убеждений. На этих книгах выросло не одно поколение читателей. Каждый находит в них что-то для себя, каждый черпает из них что-то свое, словно бы предназначенное именно для него. Братья Стругацкие - это "знак качества", фирменная марка, символ и идеал, к которому так хочется стремиться.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, д/я 140 АСТ - "Книги по почте".
Издательство высылает бесплатный каталог.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- Звездный б-р, д. 21, стр.1, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский б-р, д. 17, тел. 372-40-01
- Крокус-Сити, 65—66 км МКАД, тел. 754-94-25
- ул. Стромынка, д. 14/1
- Чонгарский б-р, д. 18а, 119-90-89, 119-65-40
- Зеленоград, кор. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. 8-8182-65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. 8-0112-441095, 566095
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/ Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. 8-3532-41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88А
- г. Н.Новгород, ул. Маяковская, д. 13 (8312) 33-79-80

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими — без предварительного согласования с издателями.

Литературно-художественное издание

Шефнер Вадим Сергеевич .

Девушка у обрыва

Сборник фантастических повестей

Ответственный редактор Е.Г. Кривцова

Выпускающий редактор С.Н. Абовская

Художественный редактор О.Н. Адашкина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Технический редактор М.А. Белякова

Корректоры Е.В. Артемьева, Ю.О. Голубева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»

368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома

«Корвус». Лицензия ЛР № 066477. 190121,

Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44 «Б».

Электронные адреса:

WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

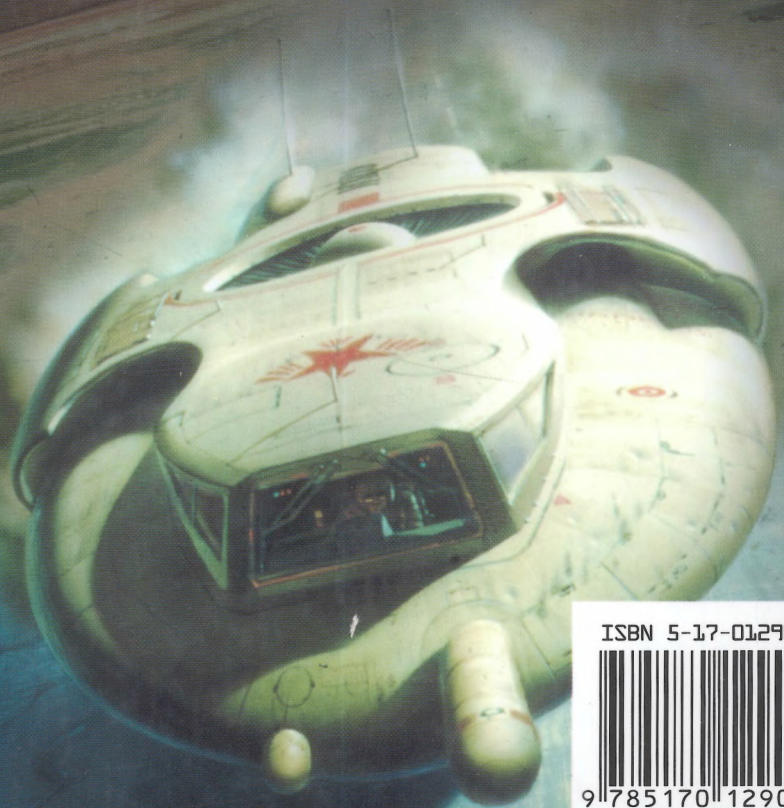
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
«Самарский Дом печати»

443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

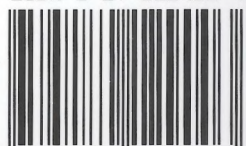
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам

Вадим Сергеевич Шефнер (1915—2002) — поэт, прозаик, лауреат отечественных литературных премий, буквально — «ровесник века» российской литературы ушедшего столетия.

В жанре фантастики Шефнер дебютировал относительно поздно, в 1960-е годы, однако уже с самых первых своих произведений сформировал уникальный стиль, ставший впоследствии своеобразной «фирменной маркой» его творчества — фантастики по-доброму иронической и мягко-пародийной, веселой — и мудрой, реалистичной — и поэтичной. Фантастики решительно ненаучной — и (возможно, поэтому?) до сих пор сохранившей свое обаяние...

ISBN 5-17-012900-9

9 785170 129003